

67.99(2)
3-42

А.Т.Звягинцев
Ю.Т.Орлов

РОССИЙСКИЕ ПРОКУРОРЫ

МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
1999

103206-2

«СЕЙ ЧИН ЯКО ОКО НАШЕ»

Павел Иванович Ягужинский родился в 1683 году. Отец его был бедным литовским органистом. Около 1686 года он вместе с малолетними сыновьями, Павлом и Иваном, в поисках лучшей доли перебрался в Москву, где устроился органистом в лютеранскую церковь, находившуюся в Немецкой слободе.

Павел с молодости отличался веселым и живым нравом, слыл сообразительным и остроумным юношей. Эти его качества, а также обаятельная внешность привлекли к нему внимание фельдмаршала графа Федора Головина, который и взял его к себе на службу.

Начало XVIII века ознаменовалось в России многими важными событиями. Молодой царь Петр энергично принялся за обширнейшие преобразования, всемерное укрепление Русского государства. Задачи были поставлены грандиозные. Для их выполнения он мог опираться только на молодых, талантливых и энергичных людей, хотя и не принадлежащих к знатным родам.

В 1701 году Ягужинский впервые встретился с Петром I. Царь был заворожен образной, красивой речью юноши, блестящим умом и остроумием, его умением быстро и толково составить любую бумагу. А красивая внешность еще больше придавала ему обаяния. Петр I зачислил Ягужинского в гвардию, в Преображенский полк. Когда его произвели в офицеры, царь «пожаловал» Ягужинского своим денщиком. Ему предстояло дежурить при царе и фактически выполнять обязанности личного адъютанта. С этого времени начинается стремительная и блестящая карьера Ягужинского, ставшего одним из любимцев Петра.

В 27 лет он уже камер-юнкер и капитан Преображенского полка, затем полковник, генерал-адъютант. Спустя непродолжительное время получает чин генерал-майора и, наконец, генерал-лейтенанта. Ягужинский хорошо знал несколько иностранных языков, был исключительно начитанным человеком и к тому же очень ловким. Поэтому Петр неоднократно доверял ему важные дипломатические миссии: в 1713 году он вел пере-

оворы с королем Дании, в 1720 — с прусским королем, участвовал в ряде конгрессов.

Ягужинский постоянно был среди тех приближенных к Петру людей, которые сопровождали царя в его заграничных путешествиях.

12 января 1722 года оказалось знаменательной датой в истории Российского государства. В тот день царь подписал указ, направленный на улучшение деятельности всех органов государства. В нем определялись обязанности сенаторов, предписывалось присутствовать президентам некоторых коллегий в Сenate, устанавливалась Ревизион-коллегия и учреждались приenate должности генерал-прокурора, рекетмейстера, экзекутора и герольдмейстера. Петр предложил представить ему кандидатов на эти должности.

В отношении прокуратуры в указе отмечалось: «Быть приenate генерал-прокурору и обер-прокурору, также во всякой коллегии по прокурору, которые должны будут рапортовать генерал-прокурору». Спустя несколько дней были установлены должности прокуроров при надворных судах.

В этом же указе Петр писал: «Ныне ни в чем так надлежит удивиться, чтобы выбрать и мне представить кандидатов на выписанные чины, а буде за краткостью времени всех нельзя, чтобы в президенты коллегий и в генерал- и обер-прокуроры выбрать; что необходимая есть нужда до наступающего карвала учинить, дабы потом исправиться в делах было можно; сии чины дается воля выбирать изо всяких чинов, а особливо прокуроры, понеже дело нужное есть».

Однако и того срока, который он установил, Петр не стал ждать — слишком большие надежды он возлагал на должность генерал-прокурора. Поэтому уже 18 января 1722 года он назначает на должность генерал-прокурора Павла Ивановича Ягужинского.

По отзывам современников, Ягужинский был видный мужчина, с лицом неправильным, но выразительным и живым, со свободным обхождением, капризный и самолюбивый. Он был очень умен и деятелен. За один день Ягужинский делал столько, сколько другой не успевал за неделю. Мысли свои выражал в лести перед самыми высокими сановниками и вельможами, говорил их смело и свободно. Талантливый и ловкий, он не робил ни перед кем. Не случайно светлейший князь Меншиков души ненавидел его».

Ближайшим помощником Ягужинского, обер-прокурором палаты, этим же указом был определен Григорий Григорьевич Орляков-Писарев, выдвинувшийся из среды гвардейских офицеров.

Положение первого генерал-прокурора Сената было очень сложным. Царь, человек исключительно энергичный, нередко сам выполнял прокурорские обязанности: он постоянно ездил в Сенат и строго следил за принимаемыми там решениями. С первых же дней образования прокуратуры Петр I дал понять всем сенаторам, какое место он намерен отвести прокурору в государственных делах. Представляя сенаторам первого генерал-прокурора, он сказал: «Вот мое око, коим я буду все видеть. Он знает мои намерения и желания; что он заблагорассудит, то вы делайте; а хотя бы вам показалось, что он поступает противно моим и государственным выгодам, вы однако ж то выполняйте и, уведомив меня о том, ожидайте моего повеления».

Эта же мысль Петра нашла отражение и в указе «О должности генерал-прокурора». В нем отмечено: «И понеже сей чин — яко око наше и стряпчий о делах государственных, того ради надлежит верно поступать, ибо перво на нем взыскано будет».

Указ был утвержден 27 апреля 1722 года. Он устанавливал основные обязанности прокурора, его полномочия по надзору за Сенатом, руководству подчиненными органами прокуратуры. Указ предписывал, что «генерал-прокурор повинен сидеть в Сенате и смотреть накрепко, дабы Сенат свою должность хранил и во всех делах, которые к сенатскому рассмотрению и решению подлежат, истинно, ревностно и порядочно, без потеряния времени, по регламентам и указам отправляя, разве какая законная причина ко отправлению ему помешает, что все записывать повинен в свой журнал». Прокурору вменялось в обязанность наблюдать также за тем, чтобы в Сенате «не на столе только дела вершились, но самым действием по указам исполнялись», а также «накрепко смотреть, дабы Сенат в своем звании праведно и нелицемерно поступал». Если генерал-прокурор обнаруживал, что Сенат нарушает законы, то он обязан был предложить Сенату исправить ошибку, а если не послушает — «протестовать и оное дело остановить».

Основное внимание в своей прокурорской деятельности Ягужинский сосредоточил на контроле за повседневной работой Сената, за правильностью и законностью разрешения дел, их своевременным прохождением, порядком в Сенате и т.п. Стремясь к возвышению над Сенатом, Ягужинский все свои предложения, даваемые им сенаторам, обычно прикрывал авторитетом Петра, к которому был очень близок.

Первое время генерал-прокурор прилагал немало усилий, чтобы навести в Сенате элементарный порядок. Коллегиальные решения были еще чужды сознанию самолюбивых сановников. Сенаторы не привыкли считаться с чужим мнением и уважать

его, поэтому в сенатском собрании зачастую возникали ссоры, крики и брань, а иногда и драки. В связи с этим 16 октября 1722 года Ягужинский написал особое «предложение» Сенату, в котором просил сенаторов воздержаться от ссор и споров, «ибо прежде всего это неприлично для такого учреждения, как Сенат».

В то время в Сенате существовал следующий порядок рассмотрения дел. По выслушивании сенаторами доклада по какому-либо вопросу им разрешалось переговорить между собой о том или ином деле, для чего давался срок от получаса до трех часов. Для определения точного времени генерал-прокурор всегда имел под рукой песочные часы. Как только доклад заканчивался, он тотчас ставил часы на стол. Когда весь песок высыпался, сенаторы обязаны были немедленно садиться на свои места и «подавать голоса», начиная с младших.

Постепенно генерал-прокурор занимает ключевое положение в государственном управлении. Русский историк В.О. Ключевский писал по этому поводу: «Генерал-прокурор, а не Сенат, становился маховым колесом всего управления; не входя в его состав, не имея сенаторского голоса, был, однако, настоящим его президентом, смотрел за порядком его заседаний, возбуждал в нем законодательные вопросы, судил, когда Сенат поступал право или неправо, посредством своих песочных часов руководил его рассуждениями и превращал его в политическое сооружение на песке».

Наблюдательные иностранцы отмечали, что генерал-прокурор Ягужинский — второе после императора лицо в государстве по своей силе и значению.

Однако давалось все это Ягужинскому с огромным трудом. Он ясно осознавал, что только поддержка Петра I обеспечивает ему возможность твердо отстаивать интересы закона. Особенно трудно ему приходилось потому, что отношения с основным помощником — обер-прокурором Скорняковым-Писаревым у него не сложились.

Наряду с руководством органами прокуратуры Ягужинский был начальником всей сенатской канцелярии: он определял порядок делопроизводства и прохождения дел, следил за дисциплиной и т.п.

Способный от природы, энергичный и честный Ягужинский пользовался полным доверием Петра I, сказавшего про него однажды: «Что осмотрит Павел, так верно, как будто я сам видел». Это доверие Ягужинский оправдывал всегда. В то время как многие крупные, даже приближенные к императору вельможи нередко погрязали в лихоимстве и других злоупотреблениях, на генерал-прокурора даже не падала тень такого подозрения.

Петр I, всегда жестоко преследовавший сановников за взяточничество и воровство, часто поручал генерал-прокурору Ягужинскому ведение «розыска», то есть следствия по такого рода делам, хотя расследование преступлений и не входило тогда в прямую обязанность прокуроров.

В 1722 году Петр I получил прошение посадского человека Сутягина, в котором тот доносил о злоупотреблениях ярославского провинциал-фискала Попцова. В доносе сообщалось, что Попцов содержит беглых крестьян, за взятки освобождает от рекрутства и разворовывает казенные деньги. Подобную жалобу Сутягин подавал еще несколько лет назад, но она затерялась где-то в чиновничьих канцеляриях. А теперь она дошла до императора. Петр приказал своему кабинет-секретарю Макарову отослать полученную челобитную Ягужинскому для того, чтобы тот все исследовал. Ягужинский быстро выяснил суть дела и установил, что Попцов, признавая свою вину, изобличает во взяточничестве и обер-фискала Нестерова. Генерал-прокурор установил также, что «ярыстным защитником» проворовавшихся фискалов был обер-прокурор Скорняков-Писарев. Ягужинский тотчас донес обо всем Петру I. Император, не оставлявший без внимания такие факты, писал ему из Астрахани 15 октября 1722 года: «Г. Ягужинский, письмо твое октября от 5 числа до нас дошло, в котором пишешь, что фискал Попцов с розыску показал во взятках и в других преступлениях на обер-фискала Нестерова и в своих преступлениях винился, и оное дело велите, по отлучении своем, следовать и разыскивать прокурору Егору Пашкову и для того придайте ему в помощь из прокуроров, кого он будет требовать, и ежели обер-фискал дойдет до розысков, также и другие, то велите розыскивать».

Вскоре обер-фискал Нестеров был изобличен во взяточничестве и казнен.

Петр I внимательно следил за тем, чтобы в государственные учреждения не проникали люди нечестные, уже однажды скомпрометировавшие себя. По этому поводу он не раз обращался к Ягужинскому. В одном из писем к генерал-прокурору он отмечал: «Бывший офицер Языков, который был в розыске и явно наказан яко вор, а слышал, что его из войсковой коллегии определили или хотяя определить к делу, чего вам накрепко смотреть надлежит, чтоб того не чинили, понеже паки честь изгядят и ворах потачку сделают».

Император не ошибся в своем выборе генерал-прокурора. Ягужинский ревностно выполнял все поручения Петра I.

Вполне доверяя Ягужинскому, император нередко оставлял решение тех или иных вопросов на усмотрение генерал-прокурора. В одном из писем он предлагал: «Г. Генерал-прокурор,

указы посланы отсель о некоторых делах, а наипаче о медных деньгах; как сам усмотришь из оных, zelo надлежит исполнить».

Когда дело касалось интересов закона, Ягужинский не боялся противостоять даже членам царской фамилии. Об этом свидетельствует такой случай.

Один из дворовых людей царицы Прасковьи Федоровны, вдовы царя Ивана Алексеевича (брата Петра I), Деревнин как-то раз поднял и припрятал у себя оброненное фаворитом царицы Юшковым письмо. Эта пропажа очень беспокоила царицу, так как письмо было написано ею. Подозрение пало на Деревнина. К тому же Юшков обвинил его еще и в краже денег. Дворового человека посадили в Тайную канцелярию, где подвергли допросам. Деревнин все начисто отрицал, и дело продвигалось медленно, что, разумеется, не устраивало царицу. И тогда она решила лично учинить ему допрос. Однажды вечером, под видом раздачи милостыни арестантам, она вместе со своими слугами проникла в Тайную канцелярию. Там она подвергла колодника Деревнина самым изощренным пыткам и истязаниям. Царица собственноручно била его, а ее слуги в это время жгли Деревнина свечами, после чего облили голову и лицо «крепкой водкой» и подожгли. Караульщик едва смог сбить с колодника пламя. Боясь ответственности за содеянное царицей, которая к тому же и не думала униматься, дежурный офицер сообщил о происшествии обер-прокурору Скорнякову-Писареву, но тот отказался вмешиваться в это дело. Тогда офицер разыскал генерал-прокурора Ягужинского, который немедленно приехал в Тайную канцелярию. Он отобрал у царицы арестованного и велел направить его под караулом к себе в дом. На требования царицы отдать ей Деревнина Ягужинский сказал: «Что хорошего, государыня, что изволишь ездить ночью по приказам. Без именного указа отдать невозможно».

Помощник Ягужинского обер-прокурор Скорняков-Писарев не только «криво толковал государевы указы», как отозвался о нем генерал-прокурор, но и был задирист и несдержан, что не могло не отразиться и на делах. Так, однажды в доме генерал-прокурора, когда праздновалась очередная победа Петра I в баталиях, Скорняков-Писарев избил прокурора Юстиц-коллегии. А однажды, во время отлучки Ягужинского, когда его обязанности в Сенате выполнял Скорняков-Писарев, в сенатском собрании произошла стычка обер-прокурора Скорнякова-Писарева с Шафировым, которая стоила одному карьеры, а другой чуть не лишился головы.

Публичная ссора в Сенате со взаимными оскорблениями между обер-прокурором Скорняковым-Писаревым и вице-

канцлером Шафировым не прошла мимо внимания Петра I, который приказал возбудить следствие. Генерал-прокурор Ягужинский вынужден был даже допрашивать своего помощника. Дело кончилось для Шафирова трагически, так как он был приговорен к смертной казни. Как всегда бывало в таких случаях, к его «дерзкому поведению» в Сенате следователи присовокупили еще растрату государственных средств и незаконную выдачу жалованья брату.

При исполнении приговора палач опустил топор рядом с головой вице-канцлера. После этого тайный кабинет-секретарь Макаров объявил, что Петр I, в уважение заслуг Шафирова, заменяет смертную казнь ссылкой в Сибирь.

Поведение в Сенате Скорнякова-Писарева Петр I нашел «незаконным и неприличным», снял его с должности обер-прокурора, отобрал у него деревни и отправил наблюдать за работами на строящемся Ладожском канале.

Обер-прокурорский стол в Сенате занял лейб-гвардии капитан И.И. Бибииков. Он, как и генерал-прокурор, службу свою начал в Преображенском полку. С образованием органов прокуратуры его назначили на очень важный пост — прокурором Ревизион-коллегии, а затем и обер-прокурором в Сенате. В 1724 году он был направлен в Стокгольм для «приискания в русскую службу чиновников». Обер-прокурором Сената Бибииков оставался до 1727 года, когда он был назначен президентом Ревизион-коллегии. Затем был президентом Камер-коллегии, губернатором в Иркутске и «главным командиром» в Малороссии.

Генерал-прокурору были подчинены все прокуроры в коллегиях и надворных судах. В соответствии с «должностью» он обязан был «смотреть над всеми прокуроры, дабы в своем звании истинно и ревностно поступали». Все нижестоящие прокуроры действовали именем генерал-прокурора, под непосредственным его наблюдением и покровительством. От него они получали наставления и указания, к нему обращались со своими «доношениями» и протестами. Генерал-прокурор должен был все «прокурорские доношения «предлагать» Сенату и инстинговать, чтоб по ним исполнено было».

Прокуроры назначались на должности Сенатом по предложению генерал-прокурора. За те или иные проступки они могли быть наказаны только Сенатом.

Сам же генерал-прокурор и обер-прокурор несли ответственность только перед императором. В указе о «Должности генерал-прокурора» на этот счет отмечалось: «Генерал и обер-прокуроры ничьему суду не подлежат, кроме нашего». Только в крайнем случае, во время отлучки императора, Сенат формаль-

но мог арестовать генерал-прокурора за «тяжкую» и «времени не терпящей вину», например за измену. Но и в этом случае запрещалось применять к нему какое-либо наказание.

Никаких особых личных требований для службы в прокуратуре в то время не определялось. Велено было избирать их «из всяких чинов», но «лучших». В Табели о рангах 1722 года генерал-прокурор был отнесен к третьему классу, обер-прокурор — к четвертому. Прокуроры в коллегиях состояли в шестом, прокуроры при надворных судах — в седьмом классе.

Прокуроры формально были независимы от тех учреждений, при которых они состояли. Правда, эта независимость иногда нарушалась. У провинившихся прокуроров иногда делалось удержание из жалованья. Однако когда это доходило до генерал-прокурора, то он всегда вмешивался и вносил «предложение» в Сенат, который рассматривал вычеты из жалованья прокуроров как уклонение от законного порядка и подтверждал привилегированную подсудность прокуроров.

Многие прокуроры со дня их назначения развернули довольно активную работу. Они строго наблюдали и контролировали деятельность учреждений и организаций, при которых состояли, обращая внимание на все недостатки и упущения: на нарушения закона, волокиту, несвоевременный приход на службу, воровство и растрату денег и т.д.

Очень интенсивно начал свою деятельность прокурор при Московском надворном суде князь Василий Гагарин. Он направил генерал-прокурору Ягужинскому несколько серьезных «доношений». В одном из них сообщал, что надворный суд не соблюдает указов о розыске преступников, отчего, по его мнению, «чинится ворам послабление». В другом сообщал о незаконных действиях председателя надворного суда Тарбеева при слушании дел. По докладу Ягужинского Сенат распорядился направить для исследования этого дела президента Юстиц-коллегии сенатора Матвеева.

Прокурор Гагарин смело вступал в противоборство с сильными и влиятельными людьми и умел добиться принятия справедливого решения по делу. В этом отношении характерен такой случай.

В Московском надворном суде слушалось дело по обвинению дворовых людей могущественного вельможи Салтыкова — неких Максимова и Герасимова. Они подозревались в убийстве двух крепостных крестьян, совершенном, по словам обвиняемых, по прямому указанию приказчика Архипова. Максимов и Герасимов были арестованы. Для их изобличения необходимо было провести очные ставки с Архиповым и другими людьми Салтыкова. Однако вельможа заупрямился и отказался отпус-

кать своих людей в суд. «Розыск» приостановился. Находясь долгое время под арестом в исключительно тяжелых условиях, обвиняемый Максимов умер. Прокурор Гагарин, выявив все эти «бесчинства», донес о них генерал-прокурору Ягужинскому. Тот в ноябре 1724 года внес свое предложение в Сенат, который и начал слушать дело. Сенаторы приказали немедленно взять приказчика Архипова и доставить его «за караулом» в Юстиц-коллегию, при этом установили Салтыкову определенный срок для выполнения своего решения, дополнив при этом, что, если «он на тот срок не поставит, тогда взят и держан будет сам в Сенате».

Генерал-прокурор Ягужинский умел настоять на том, чтобы в прокуратуру попадали нужные ему люди — энергичные и волевые. Когда однажды сенаторы заупрямились и не хотели назначать прокурорами дворян Отяева и Кутузова, Ягужинский в резкой форме заявил сенаторам, что «не признает за ними (то есть кандидатами в прокуроры. — *Авт.*) никакого явного порока и мнит в том быть некоторой страсти», а потому, подчеркнул он, и «принимет в том ответ перед Его Величеством на себя».

Большинство прокуроров на местах было назначено не только с его ведома, но и по его прямой рекомендации. При пополнении рядов прокуратуры Ягужинский испытывал определенные трудности. Должность была новая, доселе небывалая, людей приходилось отбирать тщательно и скрупулезно, чтобы не пропустить нечестных и беспринципных.

В одном из писем Петру I Ягужинский сообщал: «Воистину трудно было людей достойных сыскивать».

Будучи приближенным к императору и пользуясь его полным доверием, Ягужинский оказывал огромную поддержку подчиненным ему прокурорам, всячески выводя их из-под влияния учреждений, при которых они состояли. При случае он всегда находил возможность испрашивать чины и награды для прокуроров, выставляя их перед Петром I как особенно усердных, преданных и честных слуг.

После смерти Петра I прокуратура как государственный орган переживала не лучшие свои времена. Тем не менее генерал-прокурор Ягужинский, во многом благодаря своему уму и ловкости, сумел сохранить благосклонность преемников императора. По воцелении на престол Екатерины I Ягужинский, немало сделавший, чтобы посадить ее на трон, немедленно представил ей записку «О состоянии России», в которой проявил себя истинным государственным человеком.

Так, он предложил Екатерине I ряд мер для «внутренней и внешней целостности государства». Императрица, хотя и благоволила Ягужинскому, однако мало интересовалась делами про-

куратуры. Сама должность генерал-прокурора была фактически упразднена. Сенат также оказался в тени. На первое место в государстве выдвинулся Верховный тайный совет, образованный 8 февраля 1726 года, который и управлял всеми делами.

В августе 1726 года Ягужинский назначается полномочным министром при польском сейме в Гродно.

Обязанности генерал-прокурора при Сенате вначале выполнял обер-прокурор Бибииков, которого затем сменил М. Воейков.

При вступлении на престол в 1730 году Анны Иоанновны Ягужинский пережил несколько неприятных моментов. Дело в том, что ряд высокопоставленных сановников, так называемые «верховники», вздумали ограничить власть императрицы. Вначале Ягужинский примкнул к ним и также высказывался за ограничение самодержавной власти монарха. Но затем его политическое чутье подсказало ему иной путь, и он решил предупредить Анну Иоанновну о заговоре «верховников». С этой целью он послал 20 января 1730 года в Митаву, где находилась императрица, свое доверенное лицо — камер-юнкера П.С. Сумарокова с письмом и устными наставлениями. Он писал, что идею ограничения власти монарха предлагает лишь небольшая кучка людей, и наставлял Анну Иоанновну, как ей надобно было поступить, когда к ней придут посланцы от Верховного тайного совета. Сумароков сумел выполнить поручение Ягужинского, хотя на обратном пути он был арестован.

2 февраля 1730 года на совместном заседании Верховного тайного совета, Синода и Генералитета Ягужинский был обвинен в измене, арестован и посажен в Кремлевский каземат. У него отобрали шпагу, ордена, а все бумаги опечатали. Генерал-прокурора подвергли допросам. Арест ближайшего сподвижника Петра I наделал много шума в Москве. Поэтому жителям Москвы, с барабанным боем, было объявлено, что Ягужинский арестован за письмо к императрице, содержание которого «противно благу отечества и Ее Величеству».

В Москве со дня на день ожидали, что Ягужинский будет казнен. Однако разговор «верховников» потерпел неудачу, последовали казни и ссылки. Ягужинский вновь возвысился.

Именным указом от 2 октября 1730 года Анна Иоанновна восстановила и органы прокуратуры. «Ныне небезызвестно нам есть, — говорится в указе, — что в коллегиях и канцеляриях в государственных делах слабое чинится управление и челобитчики по делам своим справедливого и скорого решения получить не могут и бедные от сильных утесняемы, обиды и разорения претерпевают». При Петре же, отмечается далее, «для отвращения всего этого был учрежден чин генерал-прокурора и ему помощника обер-прокурора при Сенате, а в коллегиях — проку-

роров». В указе определяется: «Быть при Сенате генерал- и обер-прокурорам, а при коллегиях и других судебных местах — прокурорам и действовать по данной им Должности».

Не забыла императрица и Ягужинского. В указе отмечалось: «И для того ныне в Сенат, покамест особливый от нас генерал-прокурор определен будет, иметь в должности его надзирание из членов сенатских генералу Ягужинскому, а в его дирекции в должность обер-прокурора быть статскому советнику Маслову, а прокуроры ж в коллегии и канцелярии, в которые надлежит, определяются немедленно».

Ягужинский был «пожалован» императрицей Анной Иоанновной сенаторским званием. Несмотря на то, что положение его в Сенате стало двойственным, так как раньше, осуществляя надзор, он сам не был сенатором, генерал-прокурор сумел поддержать свой авторитет.

Однако это была уже лебединая песня Ягужинского как генерал-прокурора. Вокруг императрицы стали возвышаться другие лица, силу набирал ее любимец Бирон. После нескольких ожесточенных схваток с ними, особенно с Бироном, менее чем через год после своего вторичного назначения на должность генерал-прокурора Ягужинский, по свидетельству современников, «с радостью воспринял весть о назначении его послом в Берлин вместо ссылки в Сибирь».

В Пруссии Ягужинский находился до 1735 года, после чего возвратился в Россию. Он получил графское достоинство, и императрица назначила его своим кабинет-министром. Он продолжал носить и звание генерал-прокурора, так как никого другого на эту должность так и не назначили, хотя фактически от прокурорских дел он уже отошел.

За свою ревностную службу и преданность императору Ягужинский не раз награждался различными знаками отличия, большими имениями и крупными денежными суммами.

В самом начале своей карьеры, в июне 1706 года, он получил на Яузе у Москвы в вечное владение остров. 3 февраля 1717 года был пожалован в Дерптском округе огромным имением, которое он впоследствии продал более чем за 50 тыс. рублей. В феврале 1724 года ему был отдан в вечное владение отнятый у осужденного вице-канцлера Шафирова Мишин остров со всеми людьми и строениями. В мае того же года Петр I «пожаловал» ему орден Св. Андрея Первозванного и сделал капитаном, то есть начальником недавно учрежденной роты драбантов, или кавалергардов, что было очень почетно. На следующий год он получил орден Св. Александра Невского. Он был «пожалован» также преемниками Петра I в графское Российской империи достоинство.

Личная жизнь Ягужинского вначале не была удачной. В 1710 году он женился на Анне Федоровне Хитрово. Хотя он получил за женой огромное состояние, сразу сделавшее его одним из богатейших людей России, брак этот не был счастливым. Его жена оказалась женщиной неуравновешенной, склонной к распутству, бездумным оргиям и непредсказуемым поступкам. От этого брака у Ягужинского был сын (умерший в 1724 году) и три дочери.

21 августа 1723 года последовал указ Синода о разводе. Сама же Анна Ягужинская была сослана в Переяславль-Залесский (Федоровский) монастырь, где она умерла в 1733 году.

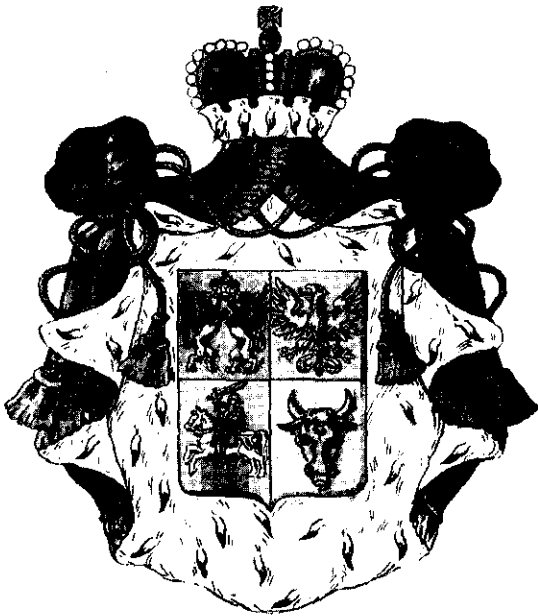
Вскоре после развода Ягужинский женился вторично — на Анне Гавриловне Головкиной, дочери канцлера. От этого брака он имел сына, который дослужился до генерал-поручика и умер в 1806 году, и троих дочерей. Вторая жена генерал-прокурора Ягужинского, по свидетельству современников, пользовалась славой лучшей танцовщицы во всем Петербурге, она была «высока ростом, имела прекрасный стан и отличалась приятностью в обхождении».

Судьба ее оказалась трагической. После смерти Ягужинского она вышла замуж за обер-гофмаршала М.П. Бестужева-Рюмина, но в 1743 году, за участие в заговоре против Елизаветы Петровны, была наказана кнутом и, «по урезании языка», сослана в Сибирь.

Умер Павел Иванович Ягужинский в 1736 году и похоронен в Невском монастыре.

Никита Юрьевич
ТРУБЕЦКОЙ
1699—1767

«НАИКРЕПЧАЙШЕЕ СМОТРЕНИЕ ИМЕТЬ»

Второй в истории государства Российского генерал-прокурор князь Никита Юрьевич Трубецкой, как и его предшественник П.И. Ягужинский, был одним из «птенцов гнезда Петрова». Он родился в 1699 году. Обучался за границей, где получил блестящее образование. Он свободно говорил по-немецки, был умен, деятелен, трудолюбив, хорошо знал литературу.

В течение пятидесяти лет своей жизни Трубецкой вел «собственный журнал», в котором с величайшей аккуратностью отмечал все памятные события своей жизни: эпизоды служебной деятельности, монаршие милости и награды, рождение детей (а их у него было от двух браков восемнадцать человек) и другие. Так, в этом журнале он пишет 3 июня 1719 года: «сговорился жениться». Трубецкой был помолвлен с графиней Анастасией Гавриловной Головкиной, дочерью российского канцлера.

5 июня того же года он был взят на службу «ко Двору волунтиром», то есть стал денщиком императора Петра I. Только через три года он становится сержантом Преображенского полка. 16 апреля 1722 года состоялась долгожданная свадьба молодого сержанта Никиты Трубецкого и девицы Анастасии Головкиной. К этому времени он был уже одним из любимцев Петра I. Не случайно на его свадьбе посаженными отцом и матерью со стороны жениха были сам император Петр I и княгиня Меншикова, а со стороны невесты — светлейший князь, генерал-фельдмаршал Александр Меншиков и императрица Екатерина.

Пользуясь расположением к себе Петра I и вступившей вслед за ним на престол Екатерины I, Трубецкой прочно утвердился при Высочайшем дворе и уверенно продвигался по службе. В 1726 году он стал камер-юнкером, а в 1730 году, уже в правление императрицы Анны Иоанновны, получил чин генерал-майора и был «пожалован» очень почетным чином — подпоручика Кавалергардского полка.

Во время войн с Польшей и Турцией Трубецкой выполнял обязанности генерал-кригскомиссара. Особых лавров военного

администратора он не стяжал. Более того, чуть было не попал под суд за нерасторопность и растрату казенных денег.

В 1740 году он получил новое назначение — губернатором в Сибирь. Эта должность, впрочем, не прельщала честолюбивого Трубецкого, и он нашел повод отказаться от нее, имея в виду занять более престижное положение при дворе.

И его надежды вполне оправдались, чему в немалой степени способствовала приближенность к высочайшим особам.

В это время в немилость к всеильному Бирону, фавориту императрицы Анны Иоанновны, попал кабинет-министр А.П. Волынский, занявший эту должность сразу же после смерти П.И. Ягужинского. Вражда между ними началась давно, и нужен был лишь повод для расправы. Такой повод вскоре отыскался. Волынский, человек горячий и резкий, как-то раз в кабинете Бирона «побил» вследствие ссоры Третьяковского. Это событие, вполне заурядное для тех времен, Бироном было необычайно раздуть, и он высказал императрице требование отдать Волынского под суд. Императрица заупрямилась. Она явно не хотела затевать разбирательство. Тогда Бирон прямо сказал ей: «Либо мне быть, либо ему». Только после этого Анна Иоанновна отдала приказание начать следствие.

Вначале Волынский формально обвинялся в том, что «побил» Третьяковского и нанес оскорбление Бирону. Потом попутно ему стали вменяться в вину и «бунтовские речи», и «поношение действий» Бирона.

Волынский вел себя храбро и уверенно, но по мере того как следствие принимало все более серьезный оборот, он пал духом и повинился во взяточничестве и «утайке» казенных денег. Привлеченные в качестве соучастников Хрущов, Еропкин, Соймонов, под пытками, указали на желание Волынского самому занять российский престол. Волынский же и под кнутом отвергал эти обвинения.

В самом разгаре следствия, 28 апреля 1740 года, Трубецкой был назначен генерал-прокурором Сената. В этом ранге он и заседал вместе с сенаторами, членами коллегий и выборными от гвардии и полиции в генеральном собрании, учрежденном 19 июня 1740 года для суда над Волынским и его сообщниками. Трубецкой проявил немало рвения в «изобличении преступлений» бывшего кабинет-министра.

Волынский был приговорен к смертной казни, а его соучастники, «по урезанию языка», — к ссылке в Сибирь.

Трубецкой встал во главе органов прокуратуры не в самое лучшее для них время. Дело в том, что фактически последние пять лет должность генерал-прокурора оставалась «праздной», то есть никем не замещенной. Временно ее занимали обер-про-

куроры. Вначале Анисим Маслов, а затем — Ф. Соймонов. Хотя это и были очень способные прокуроры, однако они не обладали той полнотой власти, которую имел генерал-прокурор, и, кроме того, не были столь приближены ко двору. Поэтому органы прокуратуры, особенно это относилось к губерниям и коллегиям, пришли в совершенный упадок и запустение.

Вступив в должность генерал-прокурора, Трубецкой, по его словам, нашел, что «в сенатской конторе и ее многих коллегиях, и прочих судебных местах, и в губерниях прокуроров почти никого нет, а в некоторых, малых, хотя и есть, токмо люди уже зело престарелые и к тому неспособные».

Трубецкой начал подбирать на должности прокуроров новых людей. С этой целью в октябре 1740 года он представил Анне Иоанновне «реестр», то есть список, в котором наметил для себя «добрых и надежных помощников». Императрица одобрила выбор, но назначение в прокуроры так и не состоялось. В декабре того же года, в регентство Анны Леопольдовны, Трубецкой вновь (и опять безуспешно) пытался поднять вопрос о кадрах органов прокуратуры.

Первое время Трубецкой сумел занять видное положение при дворе, хотя и не столь высокое, как его предшественник. Императрица часто обращалась к своему генерал-прокурору, давала ему личные поручения, в том числе и не относящиеся прямо к его прокурорской должности.

Во время регентства Анны Леопольдовны Трубецкой не только не получил новые кадры прокуроров, но и сам фактически был отстранен от генерал-прокурорской должности. В конце 1740 года его направили с поручением в Ригу. В этот период со всей остротой встал вопрос о самом существовании прокуратуры. 15 декабря 1740 года последовал указ, в котором говорилось: «О производстве в коллегии, канцелярии и губернии прокуроров по прошлому указу исполнение не чинить, понеже об оных иметь будем рассмотрение вновь».

Таким образом, подобранные Трубецким прокуроры назначены не были, а обер-прокурор Сената оставался без начальника, который отбыл в Ригу, и без подчиненных.

Только в середине 1741 года, вернувшись из Риги, Трубецкой приступил к исполнению своих генерал-прокурорских обязанностей. Вскоре на престол вступила дочь Петра I Елизавета Петровна.

Трубецкой сразу же развернул активную деятельность. Ему пришлось наблюдать за печатанием и распространением по губерниям Манифеста о восшествии на престол Елизаветы Петровны и так называемых «присяжных листов», из которых Россия узнала «о радостной перемене». К этому делу он привлек и

своего семнадцатилетнего сына, камер-юнкера Петра Никитича, который ездил к иностранным дипломатам с объявлением о воцарении Елизаветы.

Зная, что новая императрица законы своего отца Петра I «во всем своими почитает», он поспешил представить ей записку о возобновлении действия всех законов Петра Великого, которые преемники российского императора предали забвению.

Преобразовывался и Правительствующий сенат. 12 декабря 1740 года императрица издала именной указ, гласивший: «Так как произошло многое упущение в делах внутренних всякого рода, а правосудие уже и весьма в слабость пришло, а потому в отвращение бывших до сего времени беспорядков повелеваем быть Сенату в прежней бывшей силе». Этим же указом генерал-прокурор получал все свои прежние прерогативы верховной власти.

Трубецкой представил Елизавете Петровне «всеподданнейший доклад», в котором довольно пространно и образно обрисовал бедственное положение органов прокуратуры. Особое внимание он обратил на то, что, несмотря на его «реестры», поданные на Высочайшее имя в бытность правления Анны Иоанновны и Анны Леопольдовны, прокуроры во многих местах «и донныне еще не определены».

К этому времени был назначен лишь ближайший помощник Трубецкого — обер-прокурор Сената И.О. Брылкин. Спустя несколько лет его сменил Н.Г. Жеребцов, а затем А.И. Глебов.

Генерал-прокурор Трубецкой выполнял в отношении Сената те же самые контрольные и надзорные функции, что и его предшественник. Он постоянно сидел в Сенате и смотрел, чтобы Сенат «свою должность хранил и во всех делах, которые сенатскому рассмотрению и решению подлежат, истинно, ревностно и порядочно, без потеряния времени, по регламентам и указам отправлял».

Правительствующий сенат в то время требовал особого надзора. Нередко там не только волокитились разные дела, но и не сохранялись даже важные государственные и военные тайны. Это особенно беспокоило императрицу Елизавету Петровну. В связи с этим она даже направила 27 октября 1744 года специальный именной указ сенаторам, генерал- и обер-прокурорам «О хранении в тайне производящихся в Сенате дел». В нем она писала, что многие секреты «выходят наружу и вскоре дошли не токмо до наших подданных, кому ведать не надлежит, но и до чужестранных, при дворе нашем обретающихся министров». Императрица поручала провести тщательное следствие об утечке секретных данных. Кроме того, в указе говорилось: «Сенаторам же, всем и каждому, так же генералу и обер-прокурорам

объявляем, чтоб впредь с чужестранными министрами... никакого частного обхождения и партикулярных свиданий и разговоров наедине и на ухо шептаться... никто не чинил, и от того всяк себе воздерживал; о производящихся же в Сенате секретных делах не токмо с чужестранными и своими, кому о том ведать не надлежит, но и со своими домашними и самыми ближними по родству разговоров не иметь, и все секретное, всем и каждому особливо вверенное, по учиненной о том присяге, содержать в секрете».

Трубецкой со всей строгостью контролировал исполнение этого указа.

Он установил новый порядок прохождения дел в Сенате. При докладе дела генерал-прокурор (а если он отсутствовал, то обер-прокурор) спрашивал у просителя, когда тот присутствовал, не имеет ли он подозрения на кого-либо из сенаторов, генерал- или обер-прокурора, обер-рекетмейстера и секретаря, у которых в производстве было дело. Если такового подозрения не объявлялось, то заслушивалось существо дела, после чего у просителя спрашивали: «Все ли чтено». Затем проситель удалялся из присутствия, сенаторы давали присягу, и начиналось совещание по делу и голосование. В 1760 году этот порядок был официально утвержден Сенатом.

Трубецкой был довольно требовательный прокурор. Он сумел добиться того, чтобы все журналы и протоколы по рассмотренным делам непременно были бы изготовлены, подписаны секретарями и уже на следующий день положены ему на стол. Затем, все материалы просмотрев, он направлял протоколисту, они читались сенаторами и подписывались ими. Обер-секретарям вменялось в обязанность немедленно докладывать, и в первую очередь генерал-прокурору, о всех полученных Сенатом именных Высочайших указах и кабинетных резолюциях.

Генерал-прокурор вносил в Сенат «предложения» по самым разнообразным вопросам управления и хозяйства, проявляя себя человеком государственным, радеющим за дело.

В первый год своего генерал-прокурорства Трубецкой сносился с подчиненными прокурорами довольно редко. Это отчасти объяснялось состоянием личного состава прокуратуры. Но затем его связи с местными прокурорами значительно упрочились. Генерал-прокурор стал деятельно и энергично руководить прокурорами коллегий и губерний, направляя им обширные инструкции, «ордера» и наставления, поддерживая или отклоняя их протесты. Он требовал от прокуроров систематического представления докладов по судебным и прочим делам.

21 мая 1742 года он направил прокурорам циркулярное письмо, в котором предлагал, чтобы они с «наиприлежнейшим трудом крепкое и неослабное смотрение» имели за всеми делами и проявляли при этом «старание». Он подробно наставлял, как и о чем должны доносить ему прокуроры: «1. Дабы в Правительствующий сенат доношения и доклады подаваны были с крепким смотрением о таких делах, кои уже необходимо к решению Правительствующему сенату принимать, и самой той коллегии решить будет невозможно, и на что точных указов нет... А о непринадлежащим к сенатскому решению, и на что точные указы есть, отнюдь ни о чем не представлять. 2. По интересным, яко-то по указам и по присылаемым из губерний и провинций доношениям и по челобитчиковым делам рассмотрение и решение чинить по указам без всякого продолжения в указанные сроки по регламенту и указам, а особливо челобитчикам волокиты не чинить».

Циркуляр заканчивался напоминанием прокурорам, что «за неисполнение всего вышеописанного поступлено будет с вами по силе инструкции без всяких послаблений».

Служебная дисциплина среди елизаветинских чиновников была не на высоком уровне. Волокита в делах, нераспорядительность процветали повсеместно. Поэтому Трубецкой всегда старался обращать на это внимание своих подчиненных. Так, в 1743 году он пишет длинное наставление прокурору Московской сенатской конторы Щербинину. В нем он предлагает внушить подчиненным прокурорам, чтобы они строго следили за приездом вовремя чиновников на службу и чтобы те «делали возможно больше дела за присутственные часы». Кроме того, предлагал «не держать напрасно колодников, которых в Москве накопилось немалое число».

Прокуроры коллегий и губерний должны были регулярно представлять генерал-прокурору ведомости о всех решенных и нерешенных делах, а также о лицах, содержащихся «под караулом». В случае несвоевременного представления таких ведомостей генерал-прокурор строго взыскивал со своих подчиненных.

Особое внимание обращалось им на то, чтобы в тех или иных местах не скапливалось слишком большое количество арестантов. За это прокуроры несли персональную ответственность.

Когда оказалось, что в Камер-коллегии, Сыскном приказе и Московской губернской канцелярии скопилось подозрительно много «колодников», то генерал-прокурор выслал троим прокурорам этих учреждений специальное напоминание.

Местные прокуроры вносили свои протесты и направляли «доношения» генерал-прокурору по весьма разнообразным во-

просам: по делам о совершенных преступлениях, по гражданским, или, как их тогда называли, «тяжебным» делам, по вопросам исполнения указов императрицы и другим. Они вмешивались, когда неправильно выдавали жалованье чиновникам либо отказывали в выдаче паспортов, когда замечали «запущенные дела» в канцеляриях либо те или иные злоупотребления, вымогательство денег и т. п.

По уголовным делам прокуроры не только следили за сроками их расследования, но и вникали в самое существо дела, давали оценку собранным доказательствам виновности того или иного лица. Так, прокурор Юстиц-коллегии в 1752 году опротестовал приговор суда по делу об убийстве прапорщика Беклешева и крестьянина Матвеева неким Серым. В обоснование протеста он указал, что добытые следствием данные недостаточны для обвинения в убийстве, и потребовал проведения дополнительного «сыска». При этом в своем протесте прокурор отметил, как и в каком направлении это следствие должно идти. Юстиц-коллегия с протестом прокурора не согласилась, и тогда он представил все материалы генерал-прокурору, который поддержал своего подчиненного перед Сенатом.

Трубецкой особенно внимательно следил за тем, чтобы не ущемлялись права подчиненных ему прокуроров. В таких случаях он всегда был активен и принципиален.

25 мая 1745 года прокурор Военной коллегии Баклановский доносил ему, что он хотел вступить в свою должность, но президент коллегии В.В. Долгорукий его до этого не допустил. Баклановский спрашивал, как ему поступить. Василий Владимирович Долгорукий, князь, фельдмаршал и президент Военной коллегии, был человек очень авторитетный при Высочайшем дворе, и тем не менее генерал-прокурор не считал нужным потакать ему. Поскольку в тот период Трубецкой был в отъезде, то он поручил своему обер-прокурору доложить дело императрице и поддержать назначение в Военную коллегию Баклановского как человека для прокуратуры весьма нужного.

16 июня обер-прокурор Брылкин разъяснил императрице все доводы в пользу Баклановского, и она с ними согласилась. После этого Брылкин писал прокурору, что Елизавета Петровна «всемиловитейше указать соизволила Вам при исполнении должности своей быть в той коллегии по-прежнему, о чем Василию Владимировичу сие объявлено».

Трубецкому подчинен был и обер-прокурор Святейшего синода. В соответствии с данной ему инструкцией обер-прокурор Синода обязан был доносить генерал-прокурору о нарушениях

генерального регламента и вообще о всех «противных действиях членов Синода».

По поручению императрицы Трубецкой иногда выступал и в роли высшего судьи в государстве. Так, если в начале своей карьеры генерал-прокурор он был лишь членом суда над Волынским и его сообщниками, то в последующем ему поручалось председательствование в комиссиях, судивших министров Миниха и Остермана (1741 г.), канцлера Бестужева (1756 г.).

По выражению Я.П. Шаховского, Трубецкой был «первейшим членом новоучрежденной комиссии, где судили оных в несчастье впавших министров».

Для отличавшегося добродушием и мягкостью Шаховского Миних и Остерман были всего лишь «в несчастье впавшие министры», а для генерал-прокурора Трубецкого, человека жесткого и сурового, — «государственные злодеи».

Дело Миниха, Остермана и других было, конечно же, актом политическим. При других обстоятельствах развития событий, если бы на престол не взошла Елизавета Петровна, среди подсудимых мог бы оказаться и сам Трубецкой. Но теперь он был главным судьей над своими бывшими соратниками и, более того, лицами, немало способствовавшими его возвышению.

Обвинительный акт был составлен, даже по выражению самих следователей, «зело темно и конфузно», обвинения были противоречивы и бездоказательны, следствие велось пристрастно. Однако Трубецкой начисто забыл свое недавнее прошлое и заседал в комиссии, по словам очевидцев, «со смелым судейским видом».

Его беззастенчивость и безапелляционность при ведении дела возмутили фельдмаршала Миниха, который прямо сказал Трубецкому, что «удивляется бесстыдству его, так как он сам ведь был главным двигателем и исполнителем в деле назначения Бирона регентом, и что ему нечего выпытывать у других, а только следует обратиться к своей собственной совести».

Когда во время допроса Миниха Трубецкой уж очень сильно и необоснованно донимал бывшего фельдмаршала, тот в сердцах сказал: «Я в одном только внутренне себя упрекаю, зачем не повесил тебя, когда ты занимал должность генерал-кригскомиссара во время турецкой войны и был обличен в хищении казенных денег. Вот этого я себе не прощу до самой смерти».

Под наблюдением и руководством генерал-прокурора Трубецкого находились учрежденные при Сенате школы юнкеров, в которых «дворянские недоросли» получали юридическое образование. Такие школы были в Москве и Петербурге. Все при-

сутственные места, при которых юнкера обучались или же проходили практику и получали навыки чиновничьей деятельности, обязаны были регулярно рапортовать генерал-прокурору или его помощнику об успехах молодых людей, их поведении и способности к делам. Провинившихся или нерадивых учащихся Трубецкой велел доставлять к себе на «смотр». После беседы с учащимися и администрацией школы он сам определял юнкерам наказание в зависимости от тяжести проступка: сечение розгами либо содержание под караулом. При совершении юнкером каких-либо преступлений, преследуемых в уголовном порядке, генерал-прокурор докладывал Сенату, который и определял наказание.

Кроме чисто надзорных функций по своей генерал-прокурорской должности, Трубецкой выполнял, как и в предшествующие царствование, многочисленные поручения императрицы Елизаветы Петровны. Они были весьма разнообразны и, как правило, не имели отношения к его прокурорской деятельности. Чаще всего они касались разных сторон придворной жизни, финансовых вопросов, снабжения населения необходимыми товарами и т. п.

Трубецкой занимал должность генерал-прокурора в течение девятнадцати лет, уступив ее в 1760 году князю Я.П. Шаховскому.

Еще будучи генерал-прокурором, в 1756 году он был произведен в генерал-фельдмаршалы. Покинув высший прокурорский пост, он в 1760 году стал лишь президентом Военной коллегии.

9 июня 1763 года Трубецкой был отправлен в отставку «с полным пансионом»: единовременным награждением его в 50 000 рублей серебром и с «назначением ему почетного караула во время пребывания в столицах».

За время своей долгой службы Трубецкой был отмечен многими милостями монарха и наградами. Еще в 1740 году он был награжден орденом Св. Александра Невского, а 25 апреля 1742 года — орденом Св. Апостола Андрея Первозванного.

Первая жена Трубецкого, графиня Анастасия Гавриловна, умерла в 1735 году. Вторично он женился на Анне Даниловне Херасковой, урожденной княжне Друцкой.

Отзывы современников о Трубецком очень противоречивы. Поэт и дипломат А.Д. Кантемир, бывший с ним дружен, писал о нем, что «он с нравом честным, тихим соединял совесть чистую». Он посвятил своему другу седьмую сатиру. В 1740 году из Парижа, где Кантемир был послом, он направил Трубецкому особое послание в связи с назначением его генерал-прокурором, в котором описал возложенную на него обязанность.

Известно, что Трубецкой оказывал покровительство первому русскому профессиональному актеру, основателю русского театра Ф.Г. Волкову.

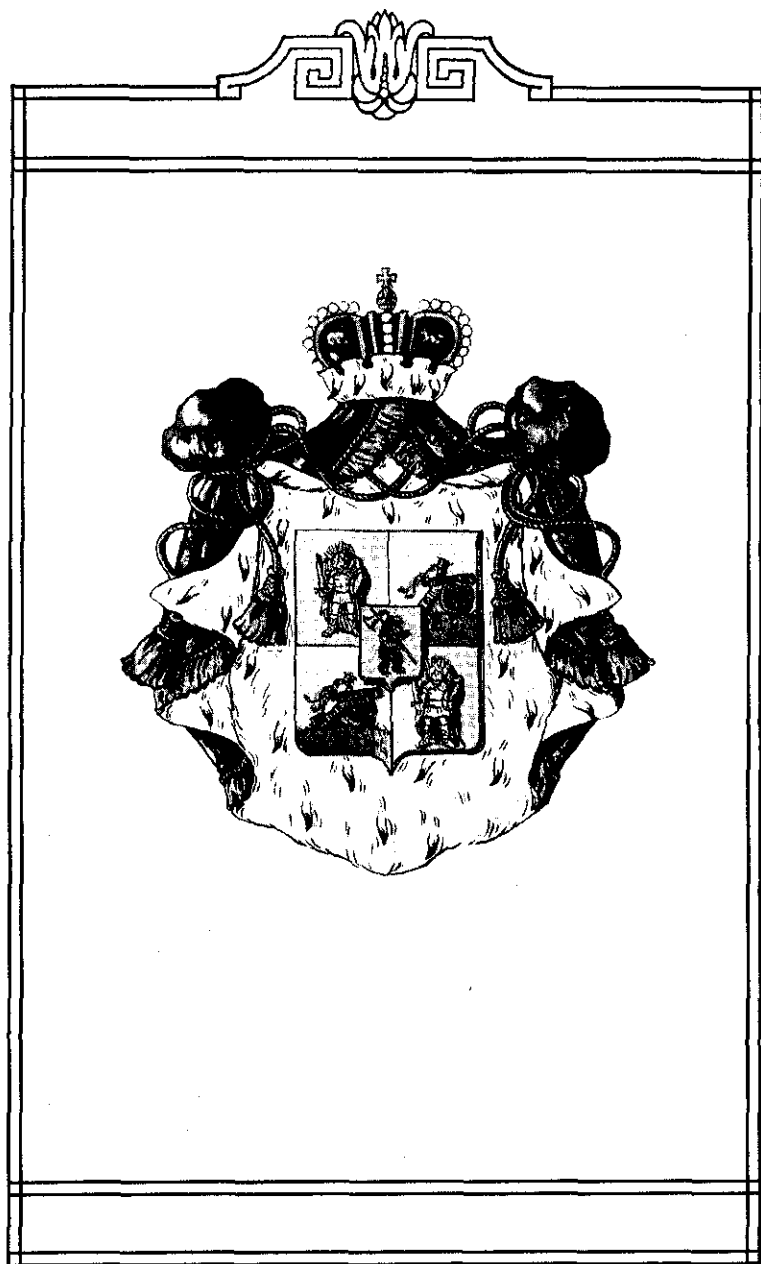
С другой стороны, князь Щербатов отмечал умение Трубецкого «необыкновенно искусно льстить государыне и лестью привлекать на свою сторону ее любимца графа А.Г. Разумовского». Щербатов считал Трубецкого «пронырливым, злым и мстительным».

Некоторые современники писали о Трубецком, что он был человеком «обширного и просвещенного ума», но вместе с тем «грубый, жестокий, с полным отсутствием нравственных принципов». По их мнению, он «видел падение многих своих милостивцев и благоприятелей, сам нередко участвовал в гибели их и, ловко соображаясь с переменной обстановки, всегда умел своевременно оставить ослабевшую и перейти на сторону усилившейся партии». Эти качества, считали они, помогали ему в течение восьми царствований удерживать за собой пост в ряду наиболее значительных государственных лиц.

Умер Н.Ю. Трубецкой в 1767 году.

Яков Петрович
ШАХОВСКОЙ
1705—1777

«СПРАВЕДЛИВОСТЬ ВСЕМУ ПРЕДПОЧИТАЮ»

Князь Яков Петрович Шаховской родился в октябре 1705 года. В детстве он был обойден родительской лаской. Мальчик рано лишился отца, а после его смерти с матерью оставался менее года. Его мать вдовела недолго — вторично вышла замуж. Однако отчим, неплохо относившийся к Якову, вскоре умер. Новое же замужество матери не принесло мальчику счастья — второй отчим был к нему «неблагодарен», и тогда Якова, которому исполнилось девять лет, взял к себе на воспитание его дядя, гвардейский офицер Алексей Иванович Шаховской.

Человек беспокойный, инициативный и честный, он сумел дать своему племяннику блестящее домашнее воспитание, приучал его к добру и справедливости. Не случайно Яков считал Алексея Ивановича своим вторым отцом. Впоследствии в своих «Записках» Я.П. Шаховской так писал о нем: «Главнейшие же и частые мне были от сего второго отца поучения, чтобы всякое дурное делать стыдиться, а справедливость и добродетель во всяких случаях всему предпочитать».

Алексей Иванович считал, что его племяннику не следует расти изнеженным барчуком и что он должен начать свою службу в армии, причем основательно потянуть лямку солдатской жизни. В 1719 году он определил четырнадцатилетнего Якова солдатом в лейб-гвардии Семеновский полк, где тот постепенно прошел по всем начальным воинским ступенькам: капрал, каптенармус, сержант. Только спустя пять лет Яков получил унтер-офицерский чин. Вскоре после этого он становится поручиком и переводится в лейб-режиментский полк, переименованный затем в конную гвардию.

В начале 1730-х годов А.И. Шаховской по поручению императрицы Анны Иоанновны был направлен в Малороссию для выполнения обязанностей члена комиссии по учреждению слободских полков, а когда умер малороссийский гетман Данила Апостол, он был поставлен начальником над Малороссией. В 1734 году он взял к себе на службу племянника, давая ему многие ответственные поручения, в том числе посылая нередко с докладами к императрице.

Я.П. Шаховской начинает быстро продвигаться по службе: в 1735 году он секунд-ротмистр, а вслед затем, по именному указу, произведен в ротмистры.

Часто находясь с докладами при Высочайшем дворе, прямой и честный, он не робел даже перед такими могущественными фаворитами императрицы, каким был герцог Бирон.

Во время турецкой войны, в 1737 году, Шаховской вступил в действующую армию и в составе лейб-гвардии конного полка участвовал во многих сражениях, проявив незаурядное мужество.

В начале 1740 года Я.П. Шаховской вернулся в Петербург. В это время он близко сошелся с кабинет-министром А.П. Волынским, который даже ходатайствовал перед Анной Иоанновной о назначении Шаховского сенатором. Однако вскоре Волынский впал в немилость, и ему было запрещено выезжать из дома. Вслед за этим последовали арест кабинет-министра и его сообщников, суд над ними и казнь Волынского. Назначение Шаховского в сенаторы тогда так и не состоялось.

По возвращении в Петербург Шаховского ждала весьма обескураживающая новость. В доме генерал-полицмейстера Василия Федоровича Салтыкова, который всегда принимал его с искренним радушием, от секретаря полиции Молчанова Шаховской узнал, что императрица Анна Иоанновна своим указом назначила его на службу в главную полицмейстерскую контору. Вместе с ним определялись в полицию также бригадир из артиллерийской канцелярии Унковский и советник адмиралтейской коллегии Зыбин.

Удивленный Шаховской воскликнул, что он о таком «неавантажном» для себя месте и не думал, полагая занять более значительное место. Спустя несколько дней после этого Шаховской был приглашен в Правительствующий сенат, где ему официально объявили, что именованным указом Ее Императорского Величества он «пожалован» советником в главную полицию. Сам Шаховской писал об этом так: «Хотя неудовольствие мое ясно было на лице моем написано, но я должен был с нижайшим поклоном благодарность мою представить».

Служба в полиции оказалась беспокойной и трудной. По выражению Шаховского, «редкий день без атак и штурмов приходился».

Оба его товарища, то есть заместителя, были гораздо старше по возрасту и, как отмечал Шаховской, «поискуснее» в том смысле, что они ловко уходили от решения всех трудных вопросов, перекладывая их на плечи еще не искушенного в делах начальника. Они старались реже бывать при дворе с докладами,

да и на службу в полицию «за приключаящимися своими болезнями не часто езжали».

Спустя некоторое время Шаховской занял должность генерал-полицмейстера и получил чин действительного статского советника. Однако в этой должности он пробыл недолго — ставшая после смерти Анны Иоанновны правительницей Анна Леопольдовна, не увольняя Шаховского, назначила генерал-полицмейстером тайного советника и сенатора Наумова. Шаховской же должен был оставаться при нем в качестве товарища, что его ни в коей мере не устраивало. Благодаря поддержке графа М.Г. Головкина он сумел в 1741 году получить должность сенатора, в которой пробыл лишь до воцарения Елизаветы Петровны.

Вступив на престол, императрица Елизавета Петровна уволила Шаховского (как, впрочем, и других, назначенных в правление Анны Леопольдовны) с должности сенатора, но почти сразу же предложила ему другую должность — обер-прокурора Святейшего синода.

Когда Шаховской прибыл в Святейший синод, то он, по его выражению, «не нашел никаких следов прежде бывшего обер-прокурора». Он доложил об этом генерал-прокурору Трубецкому. Тот предложил написать официальный рапорт, что Шаховской и исполнил. Тогда Трубецкой направил ему копию инструкции обер-прокурора Синода, составленную при Петре I, но с одним принципиальным дополнением. Отныне обер-прокурору Синода предписывалось все дела, решение которых зависело от императрицы, направлять ей через генерал-прокурора. Помимо этого, Шаховской обязан был представлять недельные рапорты о делах не только Елизавете Петровне, но и генерал-прокурору. Таким образом, зависимость обер-прокурора Синода от Трубецкого стала вполне очевидной.

Получив назначение в Синод, Шаховской по своему обыкновению начал наводить порядок и дисциплину в синодальной канцелярии и делопроизводстве, которые оказались в очень запущенном состоянии. К своему изумлению, он обнаружил, что и члены Синода в «полном собрании весьма редко бывают», что вновь назначенный, например, синодальным членом Арсений, митрополит ростовский, «совсем не присутствует», поссорясь из-за места с псковским преосвященным. Об этом обер-прокурор донес Трубецкому, и тот направил в Синод строгое «предложение».

Стремление Шаховского к справедливости, постоянное отстаивание им правды привели к тому, что у него появилось немало врагов среди членов Святейшего синода.

В своих «Записках» Шаховской писал: «Я еще с начала всту-

пленения в свет поставил в сердце моем предметом, чтоб во всех случаях, делах и поведении моих чистосердечно поступать, злоковарных же лестей и обманов употреблять гнушаться, а справедливость всему предпочитать».

Однако этот жизненный его принцип не всем пришелся по душе.

Шаховской прекрасно видел и свои собственные недостатки и слабости. Он признавал, что честолюбие и страсть нередко брали его «в свой плен» и заставляли выслушивать «похвалы от других лестно употребляемые». Он стремился остерегаться этого, но окружающие его в Синоде лица, прознав его «жаркий нрав», нарочно затевали с ним споры, стремясь вывести из себя, что им нередко удавалось.

Некоторые члены Синода настолько возненавидели обер-прокурора Шаховского, что чуть ли не на коленях упрашивали императрицу Елизавету Петровну, чтобы она «удалила» его из Синода. Однако ей такой обер-прокурор вполне подходил, и она даже предоставила ему возможность лично от нее принимать все указы и устные повеления, относящиеся к синодальным делам, а также поручила подавать, минуя генерал-прокурора, доклады о духовных делах.

В 1745 году Шаховской получил чин тайного советника и орден Св. Анны, а спустя еще несколько лет был удостоен ордена Св. Александра Невского.

В должности обер-прокурора Святейшего синода он оставался в течение одиннадцати лет. В 1753 году на его место, по рекомендации генерал-прокурора Трубецкого, был назначен А.И. Львов.

Князь Я.П. Шаховской получил новое высокое назначение — генерал-кригскомиссара, то есть стал старшим начальником по снабжению армии и флота. На этом поприще его недюжинные способности засверкали новыми гранями. В «Записках» он впоследствии писал, что, находясь в должности генерал-кригскомиссара, по поручению и личной доверенности императрицы ему приходилось «многие патриотические дела производить». Нередко в невероятно тяжелых условиях, по бездорожью он доставлял припасы в армию «без повреждения» и в «целосохранности».

Решая вопросы снабжения армии всем необходимым, Шаховской всегда исходил прежде всего из интересов государства и русской промышленности. Однажды Шаховской категорически отказался выполнять указание конференц-министров и выехать за границу для покупки провианта для армии, несмотря на то, что они действовали от имени императрицы. Он написал и лично вручил Елизавете Петровне записку, в которой доказы-

вал, какой убыток понесет от такой закупки Российское государство и сколько людей из-за этого останется в России без работы. Императрица с ним согласилась, и Шаховскому было поручено заготовить необходимое количество вещей для армии внутри России. По оценкам современников, своей принципиальной позицией Шаховской сохранил для России более четырех миллионов рублей.

Ради интересов дела Шаховской смело шел на риск, не считаясь ни с чем.

В июне 1760 года, когда Я.П. Шаховской был на балу в Петергофе, Иван Иванович Шувалов, имевший к нему особое расположение, со «знаками особой дружеской любви» сообщил о том, что на днях будет обнародован указ императрицы Елизаветы Петровны о назначении Шаховского генерал-прокурором вместо Н.Ю. Трубецкого.

По словам Шаховского, это «уведомление» его нисколько не обрадовало. С «горестным восчувствованием и имея слезы на глазах», он сказал И.И. Шувалову: «Сие назначение будет к наибольшему моему злоключению».

Когда изумленный такой реакцией И.И. Шувалов сказал ему, что это назначение — знак неограниченной доверенности к нему государыни, Шаховской, как он пишет в своих «Записках», проговорил: «В оном чину наиглавнейших злодеев иметь буду: первого, брата твоего, Петра Ивановича, который привык, каким бы то путем ни было, искать и производить в действие свои устремительные намерения; второго, оного генерал-прокурора, коего против воли и желания его от оной должности мною сменяют; паче же что по всем местам судьи сделались привыкшими, не по надлежащей строгости законов, но по случаям, могущим господам угодное производить, так что и наиразумнейший и вернорядетельнейший генерал-прокурор со всем своим кредитом премногих дел распутать и в порядок привести не сможет».

15 августа 1760 года императрица Елизавета Петровна подписала указ о назначении Я.П. Шаховского генерал-прокурором Сената. Одновременно он был определен и присутствующим на конференции министром.

На следующий день после назначения, 16 августа 1760 года, Елизавета Петровна направила указ Правительствующему сенату, в котором выразила свое беспокойство о распространившихся фактах нарушения законов и злоупотреблений во многих присутственных местах и судах. Она поручала членам Сената всегда содействовать ей в восстановлении «надлежащего порядка, правосудия, благосостояния и обильного добра».

В указе, который должен был стать фактически програм-

мой действий нового генерал-прокурора, отмечалось: «Установленные многие законы для блаженства и благосостояния государства своего исполнения не имеют от внутренних общих неприятелей, которые свою незаконную прибыль присяге, долгу и чести предпочитают, и равным образом чувствовать, что вскореняющееся такое зло пресечения не имеет». И далее: «Сенату нашему, яко первому государственному месту, по своей должности и по данной власти, давно б надлежало истребить многие по подчиненным ему местам непорядки, без всякого вмешательства умножающиеся к великому вреду государства».

В должности генерал-прокурора Я.П. Шаховской пробыл недолго — с августа 1760 года по декабрь 1761 года, то есть менее полутора лет. Но даже за столь непродолжительное время он сумел оставить заметный след в прокурорской среде, проявить себя человеком опытным и деятельным, прямым и честным, бескомпромиссным и неподкупным.

Как опытный администратор, Шаховской понимал, что эффективность работы Сената во многом зависит от четкой деятельности сенатской канцелярии, начальником которой он был по своей должности. Прежний генерал-прокурор Трубецкой много сделал для наведения порядка и ясности в делопроизводстве, но полностью расчистить все завалы и заторы в канцелярии не смог.

Шаховской сразу же потребовал от обер-секретаря отчет о рапортах, присылаемых из присутственных мест, о производящихся там делах и расходовании ими денежных сумм. Канцеляристы оказались в растерянности, поскольку донесения с мест, несмотря на «понуждения», поступали нерегулярно, а некоторые их вообще не направляли. Обер-секретарь предложил экзекутору подготовить строгие запросы о присылке ведомостей и направить их в те учреждения, которые оказались недисциплинированными.

Чаше других игнорировала указания прежнего генерал-прокурора экспедиция по переделке медных денег, которой руководил один из противников Шаховского, граф П.И. Шувалов. Получив запрос, Шувалов, почти никогда не бывавший в Сенате, на этот раз лично туда приехал и в раздражении спросил обер-секретаря и экзекутора, кто осмелился прислать к нему в экспедицию «понуждение».

Однако Шаховской не дал в обиду своих подчиненных. Он быстро охладил пыл графа, сказав, что указание об истребовании ведомостей исходило от него.

Впоследствии Шаховскому еще не раз приходилось сталкиваться с П.И. Шуваловым, который сделался яростным врагом

генерал-прокурора. Так что Шаховской был абсолютно прав, когда говорил, что приобретет много недоброжелателей.

И.И. Шувалов пытался примирить Шаховского со своим братом и даже согласился быть посредником при их встрече.

Такая встреча состоялась. П.И. Шувалов обвинял генерал-прокурора в том, что он напрасно причиняет ему неприятности. Шаховской отвечал, что он пытается пресекать только «противозаконные поступки» Шувалова, «основанные на личных выгодах», а также корысти. «Ваше сиятельство! Теперь вы уже довольно богаты и имете большие доходы, — сказал Шаховской, — а я, при всех высоких титулах своих, и не мыслил еще о каких-либо приобретениях. Дадим в присутствии его превосходительства (имеется в виду И.И. Шувалов. — *Авт.*) честное слово друг другу: отныне впредь не заниматься более увеличением нашего достояния, не следовать влечению страстей своих, отступая от обязанностей и справедливости; но идти прямым путем, куда долг, честь и общая польза сограждан будут нас призывать. Тогда только соглашусь я носить имя вернейшего друга вашего, в противном случае молчать пред вами, угождать вам и ласкать вас я не буду, чего бы мне то ни стоило».

Примирение не состоялось. П.И. Шувалов расстался с генерал-прокурором таким же врагом, каким был и прежде. Он почти перестал ездить в Сенат и на конференцию министров, стараясь не встречаться с Шаховским. Всем окружающим он говорил, что болен и что болезнь эта исходит только от непримиримой позиции, которую занял в отношении его генерал-прокурор.

Вступив в новую для себя и столь ответственную должность, Шаховской сразу же решил разобраться с состоянием надзорной работы прокуроров, для чего потребовал от них представления обстоятельных докладов.

Беспокойство императрицы Елизаветы Петровны о состоянии российского правосудия, выраженное ею в указе от 16 августа 1760 года, не было случайным. Более близкое знакомство генерал-прокурора с судебными местами убедило его в том, что они погрязли в злоупотреблениях. Добиться справедливого решения или приговора там было невозможно. По этому поводу он писал: «Несытая алчба корысти дошла до того, что некоторые места, учрежденные для правосудия, сделались торжищем лихоимства, пристрастие — предводительством судей, а потворство и упущение — ободрением беззакония».

Шаховской прилагал все свои силы и старание к восстановлению, как того требовала императрица, «желанного народного благосостояния». Елизавета Петровна хотела, чтобы «заблуждения в местах» исправлялись, «подозрительные судьбы» смеща-

лись со своих должностей и проводились бы проверки их деятельности и чтобы «паче всего изыскивались причины к достижению правды».

Этому наказу императрицы и следовал в своей генерал-прокурорской деятельности Шаховской.

Шаховской сам признавался, что он чувствовал себя путешественником, который с «надлежащей большой дороги загнан в болото, наполненное тиною и трясиную, из коего не дорогами, но наудачу, то по колено, то глубже увязая, потеряв силы и отчаясь на твердый берег выйти, близко погибель свою ощущает».

Несмотря на невероятные, чинимые приближенными к императрице вельможами трудности, которые ему приходилось преодолевать, вопреки всем их злобным наскокам на него и наветам, он, по возможности, всюду стремился отстаивать интересы государства и справедливости. Именно по этой причине императрица Елизавета Петровна ценила его, была милостиво расположена к своему генерал-прокурору, лично принимала его доклады и часто вставала на сторону Шаховского. Ему удалось провести ряд полезных для государства начинаний.

Во второй половине 1761 года императрица Елизавета Петровна, вследствие болезни, не могла заниматься государственными делами, и Шаховской был лишен возможности лично докладывать ей о текущих делах. Недоброжелатели же его, которых у него всегда было много, еще более усилили свое давление на генерал-прокурора, так что добросовестно выполнять свои служебные обязанности ему становилось все труднее и труднее. Шаховской принял решение подать в отставку. Он написал письмо Елизавете Петровне, в котором дипломатично обосновывал свое решение состоянием здоровья. Он писал, что уже более сорока лет состоит в воинской и статской службе, а напоследок «в тяжелых для него должностях»: обер-прокурора Синода, генерал-кригскомиссара и генерал-прокурора. В последнее время он страдает «головными болезнями, которые, время от времени умножаясь, приводят его в крайнее изнеможение». По его словам, болезнь «читать и писать не допускает», и оттого все «надлежащие предприятия без исполнения остаются», и он «только в смятении тогда еще и духом болезнует», чувствуя, «сколь сие для государства неполезно». Шаховской просил императрицу «избавить» его от чина генерал-прокурора, который он «исполнять не в состоянии», и повелеть ему быть в числе сенаторов.

Вскоре Елизавета Петровна умерла, и вступивший на престол Петр III 25 декабря 1761 года уволил Шаховского в отставку, назначив на его место А.И. Глебова.

Шаховской недолго оставался не у дел. Короткое царствование Петра III закончилось дворцовым переворотом, и на Российском престоле оказалась Екатерина II. В первые годы своего правления новая монархиня, стремясь прослыть «просвещенной», была заинтересована в привлечении на службу честных и справедливых людей. Ей очень нужен был такой человек, как князь Я.П. Шаховской, и она пригласила его вновь на службу, повелев присутствовать в Сенате. Императрица поручала ему рассматривать вопросы, которые требовали именно такого обостренного чувства справедливости, каким обладал бывший генерал-прокурор.

Яков Петрович находился при Екатерине II в то время, когда она прибыла в Москву на коронацию. В тот же день она «пожаловала» сенатора Шаховского орденом Св. Андрея Первозванного.

Он часто сопровождал молодую императрицу в ее поездках по России, причем нередко сидя с ней в одном экипаже. Во время таких поездок он много говорил о деяниях Петра Великого, о принятых им законах и указах.

Так, однажды Шаховской сказал, что Петр I возлагал большие надежды на сенаторов, полагая, что они должны были бы осуществлять надзор и контроль за производством дел в губерниях и провинциях. Петр I, как сказал Шаховской, считал, что один из сенаторов должен каждый год объезжать губернии Российской империи и строго ревизовать производящиеся там дела, предупреждать злоупотребления и лихоимство, наводить порядок. Эта мысль понравилась Екатерине II. Тогда Шаховской сразу же предложил ей провести такую проверку и вызвался сделать это сам, обратив особое внимание на города, через которые они проезжали.

И он действительно осуществил свое намерение в Ярославле, Ростове и Переяславле-Залесском, чем привел в трепет местные власти.

Екатерина II ценила советы Шаховского и относилась к нему милостиво. Она не раз одаривала его, а также жену князя ценными подарками и крупными суммами денег.

Однако состояние здоровья Шаховского становилось все хуже, и он уже не мог работать в полную силу, всего себя отдавая делу. А служить кое-как не желал.

В 1766 году Шаховской решил вовсе отойти от всех дел и, ссылаясь на слабость здоровья, подал Екатерине II прошение об отставке. Императрица приняла его отставку, о чем последовал ее указ Правительствующему сенату от 1 апреля 1766 года.

Выйдя в отставку, Шаховской поселился в Москве, а летнее

время проводил в своей подмосковной деревне, где отдыхал и наслаждался природой. Он вставал по обыкновению в шесть часов утра и выходил в сад и огород, за которыми сам ухаживал. Он выращивал цветы, высаживал новые деревья, бродил по близлежащим полям. Изредка встречался со своими друзьями и приятелями.

Привыкший к напряженной работе, он и на отдыхе не мог сидеть без дела. Вскоре он принялся за написание воспоминаний о своей бурной, насыщенной жизни, которые озаглавил так: «Записки князя Я.П. Шаховского, полицмейстера при Бироне, обер-прокурора Св. Синода, генерал-прокурора и конференц-министра в царствование Елизаветы и сенатора при Екатерине II». Они впервые были опубликованы в Москве в 1810 году, затем повторно вышли в Санкт-Петербурге в 1872 году.

Умер Я.П. Шаховской в 1777 году и погребен в Москве в Донском монастыре.

Александр Иванович
ГЛЕБОВ
1722—1790

«ЛИШИЛ СЕБЯ ДОВЕРЕННОСТИ»

Александр Иванович Глебов родился в 1722 году. О его происхождении известно мало. Одни авторы считали, что его отец — генерал-аншеф Иван Федорович Глебов, другие полагали, что он происходил из духовного звания. Сам Глебов утверждал, что его родственные корни берут свое начало от касожского князя Редеди, затем они прорастали на Новгородской земле, где и возник старинный дворянский род Глебовых.

Как и многие юноши из дворянских семей, Александр начал службу рано, в пятнадцать лет. В феврале 1737 года он был определен в Бутырский пехотный полк сержантом. В это время Россия готовилась к войне с Турцией. В конце апреля русские войска под командованием фельдмаршала Миниха выступили в поход против турок, и уже 30 июня они приблизились к Очакову. После недолгой осады крепость была взята штурмом. В числе воинов, шедших на приступ, был и молодой Александр Глебов.

Турецкая кампания шла с переменным успехом. Участвуя в походах, Глебов постепенно повышался в чинах: прапорщик, подпоручик. Когда русская армия подошла к турецкой крепости Хортин, он был уже поручиком. 17 августа 1739 года произошло ожесточенное сражение с турецкими войсками у деревни Славучаны, что находилась на большой хортинской дороге, в полумилях от крепости. Натиск русских был столь внезапен и стремителен, что турки не выдержали нападения и бросили лагерь. В этом сражении Глебов командовал небольшим отрядом, самостоятельно провел поиск, проявив изрядную смекалку и храбрость.

В девятнадцать лет он уже был произведен в капитаны.

В мае 1749 года Глебов оставил военную службу и перешел на «статскую» в чине коллежского асессора. Он, бесспорно, обладал выдающимися способностями и был исключительно трудолюбив. В начале 1750-х годов, благодаря этим своим качествам, сумел завоевать доверие важного елизаветинского сановника графа Петра Ивановича Шувалова, который взял его под свое покровительство.

Сам Глебов в 1764 году об этом периоде своей жизни писал так: «Десять лет назад по желанию графа Петра Ивановича Шувалова был определен в Сенат обер-секретарем. Он поручал мне делать по своим мыслям разные сочинения и определил меня в места разные сверх должности моей, яко то: членом в главную межевую канцелярию и в комиссию уложенную; потом, увидев мою к себе совершенную преданность и повиновение, с благодарностью делал мне многие поверенности».

Приблизив к себе молодого чиновника, Шувалов имел в виду использовать не только его способности по службе, но и обаятельную внешность. К тому времени Глебов был уже вдовец. Первая его жена, Екатерина Алексеевна, урожденная Зыбина, была старше его на двенадцать лет. Она умерла в 1746 году. Детей у них от этого брака не было.

Граф Шувалов, стремясь поправить свои дела при Высочайшем дворе (императрица Елизавета Петровна к нему заметно охладела), решил «сведать все намерения и действия» двора. Свое внимание он обратил на графиню Марию Симоновну, урожденную Гендрикову, вдову обер-гофмейстера Николая Наумовича Чоглокова, которая была двоюродной сестрой Елизаветы Петровны.

Шувалов не только посоветовал Глебову обратить внимание на «изрядную вдовушку», но и через И.И. Юшкова сумел познакомить их. Глебов добился любви Марии Симоновны, и они были помолвлены. Императрица Елизавета Петровна, узнав об этом, воскликнула: «Сестра моя сошла с ума, влюбилась в Глебова, как отдать ее за подьячего?» Глебов в то время был всего лишь обер-секретарем Сената.

Незадолго до свадьбы, 10 декабря 1755 года, Глебов был «пожалован» в обер-прокуроры Сената. Это была уже довольно высокая должность в чиновничьей иерархии, и тот мог быть ею доволен. Венчание состоялось в январе 1756 года в Зимнем дворце, в присутствии императрицы Елизаветы Петровны.

Брак Глебова был очень кратковременным. Мария Симоновна была уже «на последнем градусе чахотки» и скончалась через полтора месяца после свадьбы.

Граф П.И. Шувалов так и не смог использовать это супружество в своих целях, однако оно дало возможность Глебову стать приближенным к императорскому двору. И это, конечно, сказало на его набиравшей стремительности карьере.

У Глебова сложились очень хорошие отношения с наследником престола, великим князем Петром Федоровичем, которого он часто ссужал деньгами (в основном шуваловскими). Неплохо к нему относилась и великая княгиня Екатерина Алексеевна.

В ноябре 1758 года Глебов получает орден Св. Анны, а менее чем через два года, 16 августа 1760 года, определяется исполняющим должность генерал-кригскомиссара и получает генерал-майорский чин.

В отличие от князя Я.П. Шаховского Глебов исполнял должность генерал-кригскомиссара не очень старательно. При снабжении армии во время войны с Пруссией он склонен был больше полагаться на иностранных купцов, нежели на российских.

25 декабря 1761 года императрица Елизавета Петровна скончалась. Шаховской в своих «Записках» пишет о том, что уже за несколько часов до ее смерти Глебов и князь Н.Ю. Трубецкой обратились к великому князю Петру Федоровичу «наподобие как с докладами или для наставления».

По свидетельству Д.В. Волкова, именно Глебов заранее составил Манифест о кончине Елизаветы Петровны и вступлении на престол Петра III.

Такое усердие не осталось без вознаграждения. В день кончины императрицы Глебов был назначен генерал-прокурором Правительствующего сената, с возведением в чин генерал-поручика и с оставлением в должности генерал-кригскомиссара.

В недолгое царствование Петра III Глебов, будучи очень дружен с императором, сумел занять довольно прочное место среди немногих приближенных к монарху вельмож. О доверии, которое питал к нему Петр III, свидетельствует хотя бы то, что он вместе с Д.В. Волковым был автором целого ряда важных узаконений, в частности Манифеста от 18 февраля 1762 года «О даровании вольности и свободы всему российскому дворянству». Он принимал также непосредственное участие в подготовке Манифеста от 21 февраля 1762 года об уничтожении Тайной канцелярии, указов об отобрании крестьян от духовенства (16 февраля 1762 года), о прекращении гонений на раскольников, о введении в России бумажных денег и др.

На Глебова «посыпались» монаршие милости. В начале февраля 1762 года он награждается орденом Св. Александра Невского, став, таким образом, первым александровским кавалером в царствование Петра III. 6 марта того же года Глебов, в дополнение ко всем своим обязанностям, назначается членом военной комиссии, учрежденной с целью приведения войск в лучшее состояние.

В этот период генерал-прокурор работает много и неустанно. Каждый день в 8 часов утра он одним из первых является во дворец с докладом к императору. Он занял почти такое же положение, как и первый генерал-прокурор Ягужинский, став как бы посредником между государем и Сенатом. Почти все по-

ручения Сенату были написаны рукой Глебова и только подписаны Петром III.

Вот какую характеристику дает генерал-прокурору саксонский посланник граф Брюль: «Генерал-прокурор Глебов, человек с головой, следуя общему стремлению уметь нравиться, пользуется большим значением вследствие должности, занимаемой им при Сенате, дающей ему почти всемогущество в делах внутреннего управления. Он больше держит сторону Нарышкина, чем Мельгунова и Волкова. Недавно государь потребовал 4 млн рублей от Сената, который, при теперешнем истощении сил государственных, не нашел средств собрать столь значительные деньги, но Глебов взялся достать эту сумму через купщиков таможен и через посредство нескольких английских купцов. Он сочинитель вновь изданных законов, служащих доказательством его блестящих способностей».

О корыстолюбии Глебова говорили и другие современники. Княгиня Дашкова писала о том, что однажды Глебов, а также А.П. Мельгунов и Л.А. Нарышкин получили от Хорвата по 2 тысячи дукатов за то, чтобы способствовали решению его вопроса в Сенате. Первые двое сообщили об этом подношении императору Петру III. Тот не только не возмутился лихоимством своих вельмож, но даже похвалил за то, что они не скрыли от него подарков, и потребовал себе половину. После этого император лично отправился в Сенат, и дело, разумеется, было решено в пользу Хорвата.

Князь М.М. Щербатов в своей книге «О повреждении нравов в России» писал о нем: «Глебов — угодник графу Шувалову, умный по наружности человек, соединяющий в себе все пороки, которые сам он, Петр Иванович, имел».

По свидетельству М.М. Щербатова, еще в царствование Елизаветы Петровны Глебов и Шувалов, «присоединив» к себе людей, которые ни в коей мере не могли претендовать на роль «законодателей и благодетелей своего Отечества», сочинили уложение, наполненное «неслыханными жестокостями пыток и наказаний», и поднесли его императрице. Та, прочитав главу о пытках, «ужаснулась тиранству» и не стала подписывать этот закон. «Тако чудесным образом, — отмечал Щербатов, — избавилась Россия от сего бесчеловечного законодательства».

Время генерал-прокурорства Глебова, весьма недолгое — немногим более двух лет, оказалось довольно бесцветным. Оно характеризуется почти полным отсутствием «доношений» от представителей центральных и губернских прокуратур. А те немногие, которые поступали к генерал-прокурору, такие, например, как о непорядках и злоупотреблениях в Корчемской канцелярии, он направлял в Сенат, не делая никаких предложений.

Сношения Глебова с прокуратурами на местах по тем или иным делам почти отсутствовали. Каких-либо распоряжений общего характера им практически не делалось. Были, правда, редкие исключения.

Будучи опытным царедворцем, хитрым и изворотливым, Глебов очень тонко оценил ситуацию, связанную с дворцовым переворотом 1762 года и, несмотря на привязанность к Петру III, сразу же поддержал Екатерину II.

Молодая императрица, хотя и знала о дурных наклонностях генерал-прокурора, тем не менее терпела его еще полтора года, в основном благодаря его исключительным способностям и трудолюбию.

Мало занимаясь организацией работы местной прокуратуры, Глебов сосредоточил основное внимание на деятельности Сената, хозяйственных и финансовых вопросах, подготовке различных узаконений. Именно по этим предметам к нему поступали многочисленные поручения императрицы, которые он исполнял всегда очень оперативно, в считанные дни давая ответ Екатерине II.

Екатерину II возмущали беспорядки и взяточничество в присутственных местах и судах, на что она неоднократно указывала своему генерал-прокурору. По ее предложению Глебов подготовил специальное узаконение, которое было утверждено императрицей 18 июля 1762 года и называлось «Об удержании судей и чиновников от лихоимства».

Императрица часто интересовалась у Глебова прохождением в судах конкретных гражданских и уголовных дел. Так, в ноябре 1762 года она предложила ему рассмотреть доклад о тянущемся семнадцать лет споре о деревнях между капитанами Алексеевым и Лаптевым. В июле 1763 года направила ему записку, в которой просила продумать вопрос об облегчении участи должников, долгое время содержащихся в тюрьмах за долги. Ее волновало, что за это время сумма долга возрастала втрое и даже вчетверо. Она писала: «Не полезно б им было естли б сделать генеральный закон, что естли проценты выросли ровно с капиталами, чтоб тогда должник уже более не имел заплатить как данный капитал».

Ряд записок Екатерина направила Глебову в связи с делом Смоленского губернатора Аршеневского, избличенного в лихоимстве. По этому делу был предан суду и прокурор Вольнский.

Екатерина II поручила Глебову вместе с графом Паниным осуществлять непосредственное руководство Тайной экспедицией. Ранее генерал-прокурор не вмешивался напрямую в дела Тайной канцелярии, и ее начальники докладывали по ним непосредственно императрице.

Тайная канцелярия, наводившая ужас на всех людей, была «уничтожена» Манифестом Петра III от 21 февраля 1762 года. В нем отмечалось: «Тайная розыскных дел канцелярия всегда оставалась в своей силе: то злым, подлым и бездельным людям подавался способ или ложными затеями протягивать вдаль заслуженные ими казни и наказания, или же зlostнейшими клеветами обносить своих начальников и неприятелей». И далее: «Ненавистное выражение, а именно «слово и дело» не должно ствует отныне значить ничего».

Однако еще до издания Манифеста Петр III, присутствуя в Сенате, указал на то, чтобы после «уничтожения» Тайной канцелярии учредить при Сенате особую экспедицию.

Такая экспедиция, получившая название Тайной, была создана уже после дворцового переворота Екатериной II. Императрица Манифестом от 19 октября 1762 года подтвердила уничтожение Тайной канцелярии. Далее в нем было отмечено, что делами по «первому» и «второму» пунктам должен ведать Сенат. Для этого и учреждалась Тайная экспедиция. Значение «первого» и «второго» пунктов было разъяснено еще указом от 14 апреля 1730 года. Под «первым» пунктом подразумевался «умысел противу императорского здравия, персоны и чести», под «вторым» — «измена государю и государству».

Еще до подписания этого Манифеста, 2 октября 1762 года, Екатерина II дала следующий рескрипт на имя Глебова: «По делам важным, кои касаются до первых двух пунктов и кои принадлежали до Тайной канцелярии, а вступают из разных мест в Сенат, оные распечатывать и определение чинить по оным с ведома нашего вам обще с тайным советником Никитой Ивановичем Паниным, и дела, кои между тем явятся маловажные, оные жечь, не делая на все то сенатских определений».

Таким образом, Глебову поручалось не только вершить суд и следствие по всем политическим делам, но и самому определять важность дела и уничтожать те, которые он сочтет недостойными внимания Тайной экспедиции.

Одновременно с Тайной экспедицией в Петербурге был создан и ее Московский филиал при сенатской конторе. Летом 1763 года в частном письме Екатерина II выразила желание, чтобы московская Тайная экспедиция подчинялась главнокомандующему в Москве П.С. Салтыкову, что и было исполнено генерал-прокурором. Затем в письме самому Салтыкову Екатерина подтвердила, чтобы по всем делам следствие производить, «не делая от сенатской конторы определений».

Следствие по делам в Тайной экспедиции мало чем отличалось от того, что производилось в Тайной канцелярии. Оно проводилось секретно, с применением угроз, запугиваний, а

иногда и пыток. У свидетелей брались подписки, что они никогда, никому и ни при каких обстоятельствах не будут рассказывать о том, что они слышали и о чем говорили. По окончании следствия обвиняемым объявлялся приговор, вынесенный генерал-прокурором совместно с Паниным и некоторыми другими сановниками. Приговор утверждался императрицей. Никакие права обвиняемых не гарантировались, защитников у них не было.

В Тайной экспедиции расследовались все дела политической направленности: об оскорблении императрицы; распространении сочинений, направленных против религии, нравственности, самой государыни; об измене, самозванцах и т.п.

Все, что касалось дел в Тайной экспедиции, Екатерина направляла Глебову. Так, 5 февраля 1763 года она писала ему: «Александр Иванович! Приложенную челобитную принес ко мне Федор Иванович Вадковский по просьбе челобитчика, и он мне советовал о сем деле послать нарочного офицера для исследования, а можно, что до Тайной касается, и здесь спрашивать, а о прочем приказать тамо исследовать, а по расспросе мы можем завтра лучше увидеть важность дела: однако ж естли рассудишь, что туда послать, то я и на то соглашусь».

Особую борьбу Екатерина вела с распространением неблагонадежных и «вредных» сочинений. Такие дела всегда попадали в Тайную экспедицию. 6 сентября 1763 года она сообщала Глебову: «Слышно, что в академии наук продают такие книги, которые против закона, доброго нрава, нас самих и российской нации, которые во всем свете запрещены, как, например, Эмиль Руссо, Мемории Петра III, письма жидовские по французскому и много подобных. А у вольных здешнего и московского городов книгопродавцов думать надобно, что еще более есть такие книги, которые служат к развращению нравов, по той причине, что оные лавки ни под чьим ведомством не состоят».

Она предложила, чтобы Академия наук «накрепчайшим образом» имела смотрение, «дабы в ее книжной лавке такие непорядки не происходили». Что касается других мест продажи книг, то она предлагала, чтобы книгопродавцы присылали реестры, какие книги они намерены выписывать. «Если сыщутся преступные, — писала она, — конфисковать всю лавку».

Генерал-прокурор Глебов занимался вопросами подбора кадров не только для прокуратуры, но и для других ведомств. В частности, Екатерина II предлагала ему «выбрать кандидата» на должность Оренбургского губернатора вместо Давыдова, переведенного на другую должность. Нередко она просила его пристроить того или иного чиновника «к месту».

Часто предупреждала генерал-прокурора о более тщательном определении на должности лиц, о том, чтобы справляться о их прежних занятиях. 18 марта 1763 года она писала Глебову: «Слышно, что некоторого Баранова посылают прокурором в Тобольск, и также слышно, что весьма нажился в бытность его прежде у дел; того ради надлежит не забыть при всяком определении вспоминать указ мой, чтоб в справках взять о поведении персон».

В другой раз она выговаривала Глебову за то, что он направил для проведения следствия о злоупотреблениях архимандрита одного из монастырей подполковника Рожнова, который не получал полгода жалованье. В связи с этим к ней обратилась жена Рожнова, прося выдать ему ссуду «на бедность». Екатерина писала Глебову: «Сенат выбрал мужа челобитницы, который уже полгода жалованье не получает, и тогда вы хотите, чтоб люди, в таких делах употребленные, не крали. Осмотритесь, кого вы посылаете в таких важных следствиях, а у меня денег нет, и вы как хотите с ним».

Глебов, по примеру многих вельмож, стоявших близко к Высочайшему двору и наживших огромные состояния, исполняя свои обязанности, активно занимался коммерческой и торгово-промышленной деятельностью. Неумная страсть к накоплению богатств стоила ему, в конце концов, карьеры генерал-прокурора. Екатерина II как-то раз сказала о нем, что она «никогда не могла его насытить».

В 1757 году Глебов вместе с графом М.И. Воронцовым получил разрешение вывезти из Эстляндии и Лифляндии в Швецию четыре тысячи пудов хлеба. После этого вместе с тем же Воронцовым и сенатором Сумароковым занимался отпуском за границу льняного семени, осуществляя это через Московского купца Евреинова.

Глебов устроил в Финляндии свинцовые заводы, взял на откуп кабацкие и конские сборы в Архангельске и, наконец, занялся винным откупом в Иркутской провинции. Это последнее предприятие, рассчитанное на то, что там, вследствие отдаленности, могут пройти безнаказанно злоупотребления, окончилось для Глебова отдачей под суд.

Глебов был «переименован» из генерал-прокурора и генерал-кригскомиссара в генерал-поручика и впредь ни на какие должности не должен был определяться.

Несмотря на это, Глебов все же сумел остаться на вершине власти, сохранив за собой должность генерал-кригскомиссара, дававшую ему неограниченные возможности. Это можно объяснить только тем, что Глебов был очень умный и деятельный чиновник, и такой человек нужен был императрице. В своих «За-

писках» Екатерина II писала: «У Глебова очень большие способности, соединенные с равным прилежанием; это олицетворенная находчивость, но он плут и мошенник, способный, однако, на большую привязанность. Жаль, что он молодым попал в руки Петра Шувалова, по образцу которого он сформировался».

В 1767 году дворяне Лихвинского уезда Московской губернии избрали Глебова своим депутатом в Комиссию для составления нового Уложения, вручив ему соответствующий наказ.

Тем не менее на самые высокие должности Екатерина II его все же не допускала. Когда встал вопрос о замене Н.И. Панина, занимавшегося вопросами внешней политики, Глебовым, императрица категорически отказалась это делать.

В 1773 году он был «пожалован» в генерал-аншефы. Спустя два года Глебов принимал участие в следствии и суде над Емельяном Пугачевым. Тогда же он был назначен Смоленским и Белгородским генерал-губернатором. Глебов сразу же начал деятельные преобразования в губерниях: приводил в порядок города, учреждал уездные суды и другие присутственные места. Он немало сделал для улучшения положения жителей, чем заслужил их благодарность. В обхождении с посетителями он был доступен, славился хлебосольством.

Однако над его головой снова ступили тучи. Теперь ему пришлось расплачиваться за прошлые упущения.

В 1774 году указом Правительствующего сената всем присутственным местам было предписано провести ревизии денежной казны. Когда такая ревизия была проведена в Московской конторе артиллерии и фортификации, то там обнаружили недостачу денег на сумму более 140 тысяч рублей. Для расследования этого дела была учреждена Следственная комиссия под руководством сенатора Д.В. Волкова.

Спустя год обнаружили серьезные злоупотребления и хищения и в Главном крисккомиссариате, которым руководил Глебов.

В июле 1776 года Глебов был вызван из наместничества и тогда же отстранен от всех своих должностей «доколе по делам, до него касающимся, решение последует». Екатерина II писала ему по этому поводу: «Советую остаться в Москве и отдалиться от губернии».

В 1777 году Глебов был официально допрошен в Следственной комиссии по всем фактам выявленных хищений и злоупотреблений в Главном крисккомиссариате.

19 сентября 1784 года последовал указ Екатерины II с приговором по делу о хищении денег в Артиллерийской конторе и Главном крисккомиссариате. Приговор был довольно мягким, если учитывать сумму хищения.

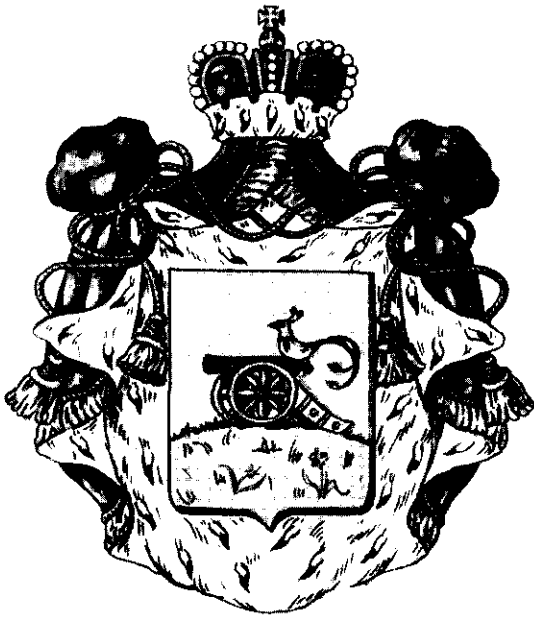
Глебов по приговору суда был признан виновным «в небрежении должности, по коей он, как главный, обязан был прилежным наблюдением за подчиненными и за целостью всего, что к департаменту его ведомства принадлежит, но вместо того он даже в 1774 году, когда казна уже была расхищена, подписывал рапорты несправедливые о целости ее, и слабостию своего начальства не только дал повод подчиненным к таковым хищениям и непорядкам, но еще и сам подвергнул подозрению в знании о таковом казны расхищении». Однако, отмечалось далее в приговоре, принимая во внимание «милостивый Манифест от 7 августа 1782 года», определено: «Генерала Глебова исключить из службы и впредь ни к каким делам и должностям не определять, дело о сборе для него денег по недовольным с обеих сторон доводам оставить суду Божию, покуда временем и обстоятельствами открыться может; запретить ему въезжать в обе столицы и во все места, где присутствие Наше случится».

Удаленный от дел Глебов проживал то в своем подмосковном имении Виноградово, то на Ходынке. Незадолго до отставки он в третий раз женился. В супруги он взял свою экономку Дарью Николаевну Франц, бывшую в свое время в услужении у жены Глебова, Марии Симоновны. Екатерина II, узнав о жеманстве Глебова на столь простой женщине, запретила ей появляться при Высочайшем дворе.

Умер Глебов в июне 1790 года и погребен в Виноградове. На его могиле была начертана такая эпитафия: «В память великому мужу... благоразумием, мудростию, знаниями и бессмертной славой отличавшемуся, преждевременную смертью у отечества... похищенному».

Александр Алексеевич
ВЯЗЕМСКИЙ
1727—1793

«ВАС ПОЧИТАЮТ ЗА ЧЕСТНОГО ЧЕЛОВЕКА»

Александр Алексеевич Вяземский принадлежал к старинному русскому княжескому роду, начало которому положил внук Владимира Мономаха — князь Ростислав-Михаил Мстиславович Смоленский. Родоначальником же рода Вяземских считается его правнук, князь Андрей Владимирович, прозванный «Долгая рука», который получил в удел Вязьму. Он был убит в битве на реке Калке. От его сына Василия и пошла ветвь рода Вяземских, к которой принадлежал Александр Алексеевич, родившийся в 1727 году в семье флотского лейтенанта.

Образование Вяземский получил в сухопутном кадетском корпусе. В 1747 году двадцатилетним юношей он окончил корпус, получив довольно прочные знания в области математики, фортификации, географии и истории, и в чине прапорщика был причислен к армии.

В 1756 году началась война с Пруссией, получившая название «семилетней войны». Вместе с русскими войсками, которыми командовал на первых порах Апраксин, Вяземский вступил на прусскую землю. Одержав несколько важных побед над прусскими войсками при Гросс-Эгерсдорфе (1757 г.), Цорндорфе (1758 г.), Кунерсдорфе (1759 г.), русские войска в 1760 году вступили в Берлин.

В этой войне Вяземский не только участвовал в сражениях, но и выполнял специальные, тайные, поручения командования, едва не стоившие ему жизни.

К концу войны он занимал уже довольно высокий чин генерал-квартирмейстера и был хорошо известен Екатерине II, которая ценила его работоспособность и честность.

Когда в 1762 году начались серьезные волнения горнозаводских крестьян на Урале, без меры притесняемых владельцами заводов, Екатерина II именно князю Вяземскому поручила труднейшую миссию по их усмирению и улаживанию взаимоотношений с хозяевами. Он возглавил специально созданную для этих целей Следственную комиссию, получив от императрицы практически неограниченные полномочия, ко-

торами он, как надеялась Екатерина II, сумеет распорядиться разумно и осмотрительно, не усугубит положение и не прольет крови. И эти надежды Екатерины II Вяземский полностью оправдал.

3 февраля 1764 года Екатерина II издала указ: «В рассуждении некоторых обстоятельств, касающихся до генерал-прокурора Глебова, повелеваем впредь до указа отправлять генерал-прокурорскую должность генералу и квартирмейстеру князю Александру Вяземскому».

Вяземскому было в то время 37 лет. Это назначение вызвало искреннее удивление у многих приближенных к Высочайшему двору сановников — ведь Вяземский не считался фаворитом императрицы и, по их мнению, не мог рассчитывать на столь высокую должность в государственной иерархии. Генерал-прокурор времен Екатерины II пользовался большим авторитетом и властью.

Граф Н.А. Румянцев с большой долей иронии говаривал Екатерине II по этому случаю: «Ваше Величество делаете чудеса, из обыкновенного квартирмейстера у Вас вышел государственный человек».

Мемуарист Порошин в своем дневнике за 17 ноября 1765 года сделал такую запись: «Никита Иванович Панин изволил долго разговаривать со мною о нынешнем генерал-прокуроре Вяземском и удивляется, как фортуна его в это место поставила; упоминаемо тут было о разных случаях, которые могут оправдать сие удивление».

Но Екатерина II обращала мало внимания на эти разговоры. При выборе генерал-прокурора для нее важнее всего были интересы государства.

Екатерина II придавала должности генерал-прокурора исключительно важное значение. Выбрав для этого князя Вяземского, она уже не меняла его, всячески поддерживала и только направляла в нужное ей русло деятельность главы прокурорского надзора. В то же время она присматривалась к нему довольно долго и не торопилась утверждать в должности (первые три года Вяземский лишь «исправлял должность» генерал-прокурора). Императрицу не устраивали прежние генерал-прокуроры — ни Трубецкой, ни тем более Глебов. На преданность таких людей она надеяться не могла. Ей нужен был генерал-прокурор, которому она могла полностью доверять.

При вступлении в должность генерал-прокурора Вяземский получил от Екатерины II собственноручно написанное ею «секретнейшее наставление». Это примечательный документ той эпохи. Ни до этого, ни после генерал-прокуроры Российской империи не получали от монархов таких подробных наставле-

ний по всем основным вопросам их деятельности. Причем в нем не очерчивались какие-либо границы его служебных обязанностей, а давались принципиальные установки его взаимоотношений с Сенатом и сенаторами, обращалось внимание на те вопросы, которым он должен был уделить внимание в первую очередь.

Екатерина II со всей откровенностью писала, почему ее не устраивал предшественник Вяземского на посту генерал-прокурора. «Прежнее худое поведение, корыстолюбие, лихоимство и худая вследствие сих свойств репутация, не довольно чистосердечия и искренности против Меня нынешнего генерал-прокурора, — все сие принуждает Меня его сменить, и совершенно помрачает и уничтожает его способность и прилежание к делам; но и то прибавить должно, что немало к тому его нещастию послужило знаемость и короткое обхождение в его еще молодости с покойным гр. Петром Шуваловым, в которого руках совершенно он находился и напоился принципиями, хотя и не весьма для общества полезными, но достаточно прибыльными для самих их. Все сие производит, что он более к тионным, нежели к ясным делам имеет склонность, и часто от Меня в его поведениях много было сокровенного, чрез что по мере и Моя доверенность к нему умаялась; а вредней для общества ничего быть не может, как генерал-прокурор такой, которой к своему Государю совершенного чистосердечия и откровенности не имеет, так как и для него хуже всево не иметь от Государя совершенной доверенности, понеже он по должности своей обязывается сопротивляться наисильнейшим людям, и следовательно власть Государская одна его подпора».

Императрица далее писала, с кем придется иметь дело генерал-прокурору. Она обещала ему свое полное доверие и поддержку, а от него требовала «верности, прилежания и откровенного чистосердечия». «Я весьма люблю правду, — писала она, — и вы можете ее говорить, не боясь ничего и спорить против Меня без всякого опасения, лишь бы только то благо произвело в деле. Я слышу, что вас все почитают за честного человека».

Екатерина II подчеркивала, что она не требует от него «ласкательства», то есть лести и подхалимства, но «единственно чистосердечного обхождения и твердости в делах».

Особое значение императрица придавала взаимоотношению генерал-прокурора и Правительствующего сената. Поэтому она предостерегала Вяземского от опрометчивых решений, от выявлявания интриги двух противоборствующих в Сенате партий, из которыми она, по ее признанию, «смотрела недреманным

оком». «Обе партии стараться будут ныне вас уловить в свою сторону, — наставляла Екатерина II. — Вам не должно уважать ни ту, ни другую сторону, обходиться должно учтиво и безпристрастно, выслушать всякого, имея только единственно пользу отечества и справедливость в виду, и твердыми шагами итти кратчайшим путем к истине. В чем вы будите сумнителен, спроситесь со Мною, и совершенно надеетесь на Бога и на Меня, а Я, видя такое ваше угодное Мне поведение, вас не выдам, вы же чрез выше писанные принципии заслужите почтение у тех и у других, бездельникам будете в страх, а честным людям в покровительство».

В «секретнейшем наставлении» императрица предложила Вяземскому тщательно следить за «циркуляцией денег» в государстве, досконально вникнуть в дело о «выписывании серебра», продумать вопрос об ограничении корчемства, в котором, по ее словам, столько виноватых, что пришлось бы наказывать целые провинции. Она обращает его внимание на трудности, с которыми ему придется столкнуться при управлении Сенатской канцелярией, чтобы «не быть подчиненными обмануту».

Императрицу очень беспокоили недостатки и несовершенство российских законов. По этому поводу она писала Вяземскому: «Законы наши требуют поправления, первое, чтоб все ввести в одну систему, которой и держатся; другое, чтоб отрешить те, которые оной прекословят; третье, чтоб разделить временныя и на персон данныя от вечных и непременных, о чем уже было помышляемо, но короткость времени Меня к произведению сего в действо еще не допустило».

Этого наставления Вяземский строго придерживался во все время своего генерал-прокурорства, чем и заслужил благосклонность императрицы.

14 декабря 1766 года был обнародован Манифест Екатерины II об учреждении Комиссии о сочинении проекта нового Уложения и о созыве для этого со всей империи депутатов от Сената, Синода, всех коллегий и канцелярий, уездов, городов, жителей разных званий и состояний и даже от «кочующих народов». В Манифесте Екатерина II отмечала, что, вникая со всевозможным прилежанием в каждое доходившее до нее дело, она в первые три года своего царствования усмотрела, что существует во многих случаях недостаток узаконений, в других — большое их число, а также «несовершенное различие между непременными и временными» законами и, наконец, несходство старых узаконений с новыми обычаями, что служило постоянным препятствием к правильному течению правосудия. Для отвращения такого состояния она начала гото-

вить Наказ, который должен был служить основанием для проекта нового Уложения. Основная идея нового Уложения должна заключаться в «постановке доброго учреждения внутренних распорядков» и создании новой, лучшей, системы управления.

Придавая важное значение этому делу, Екатерина II лично приехала в Сенат, чтобы объявить Манифест об учреждении Комиссии.

Все подготовительные работы по устройству Комиссии и само ее открытие были возложены на исправлявшего должность генерал-прокурора Вяземского, который был сам выбран депутатом от Москвы. Всех депутатов было выбрано 652 человека.

24 июля 1767 года состоялся именной указ Правительствующему сенату об открытии Комиссии. В тот же день А.А. Вяземский был утвержден в должности генерал-прокурора.

К открытию Комиссии, которое состоялось 30 июля, в Москву съехалось до 460 депутатов. У многих из них в петлицах на золотых цепочках были золотые овальные медали с изображением на одной стороне вензелевого имени Екатерины II, а на другой — пирамиды, увенчанной короной с надписью: «Блаженство каждого и всех», а внизу «1766 года декабря 14-го».

Комиссия по составлению проекта нового Уложения работала по 12 января 1769 года. Начиная с декабря 1767 года ее заседания проходили в Петербурге. Всего было проведено 203 заседания. Была проведена значительная подготовительная работа по выработке нового Уложения, подготовлены многие законопроекты. Однако свою работу она не завершила. Екатерина II прервала работу Комиссии, ссылаясь на военное время.

Вступление Вяземского в должность генерал-прокурора совпало со многими важными реформами, проводимыми Екатериной II. Они коснулись как высших государственных органов, так и местных. В своей преобразовательской деятельности императрица рассчитывала опираться на своего генерал-прокурора. Она понимала, что не все, даже самые приближенные к трону сановники полностью одобряют ее политику и стоят за проведение реформ. Поэтому не случайно она писала Вяземскому в «секретнейшем наставлении», что генерал-прокурор должен пользоваться ее «совершенной доверенностью». С его помощью она хотела действовать против «наисильнейших» людей в государстве и Сенате, если бы им вздумалось выйти из дозволенных границ.

В царствование Екатерины II происходит резкое возвыше-

ние генерал-прокурора над другими должностными лицами и учреждениями. Он становится гораздо ближе к императрице, чем его предшественники, пускает все более глубокие корни практически во всех сферах деятельности.

Генерал-прокурор получает возможность существенно влиять на законодательную практику и весь ход управления. Екатерина II фактически сделала генерал-прокуратуру самостоятельным органом, действующим не только вместе с Сенатом, как это было ранее, но и помимо Сената.

Разделение Сената на департаменты в 1763 году еще более усилило власть генерал-прокурора. Теперь он стал руководителем целой коллегии обер-прокуроров, находившихся по одному при каждом департаменте (кроме Первого).

Помимо решения сложных государственных вопросов генерал-прокурор был обременен большой текущей канцелярской работой: просмотром бумаг и писем, составлением различных предложений и «ордеров» обер-прокурорам и т. п. Когда вал канцелярщины захлестывал его, он обращался к Екатерине II, и она специальным указом освобождала его от этой работы и разрешала поручить кому-либо из обер-прокуроров ту часть канцелярских дел, которую он найдет возможным передать. Так, когда Вяземский был занят целыми днями в Комиссии по составлению проекта нового Уложения, Екатерина II издала указ, в котором отметила: «дозволить те дела, кои он не столь важными найдет, по рассмотрению своему, препоручить обер-прокурорам Сената, кому он рассудит, а они имеют по тем делам смотрение иметь и исполнение чинить на основании должности своей, его же, генерал-прокурора, о произшествии оных уведомлять».

Указом от 19 сентября 1774 года Екатерина II учредила должность обер-прокурора и при Первом департаменте Сената. С этого времени генерал-прокурор освобождался от текущей канцелярской работы по департаменту. На него было возложено «главное смотрение» в департаментах Сената за делами государственными и «интересными», то есть наиболее важными, а также ведение дел секретных и всех дел по Общему собранию Сената.

Тем не менее влияние генерал-прокурора на дела, рассматриваемые в департаментах, не ослабло. На любой департамент распространялась его власть, которая «в инструкции его предписана». Он имел возможность, «когда заблагорассудит, для дел важных и его объяснений требующих, приезжать в департаменты и в оных присутствовать».

Вяземский мог опротестовать любое решение сенаторов и «остановить» его, передав все дело с сенатским мнением и сво-

им рассуждением на усмотрение императрицы. Однако ему предлагалось в своих донесениях «поступать осторожно и рассматривательно, дабы кому бесчестия не учинить». В случае неясного или сомнительного дела он обязан был доносить, только посоветовавшись «с кем заблагорассудится». При этом указывалось, чтобы «более недели в том не мешкать». Если же дело было ясное, то генерал-прокурор должен был немедленно доносить.

Вяземский занимался не только делами, относящимися к его должности генерал-прокурора. Постепенно, начиная с середины 60-х годов XVIII века, Екатерина II поручает ему ведение самых разнообразных дел. В 1765 году он был назначен начальником Межевой экспедиции; в 1767 году работает в Комиссии по составлению проекта нового Уложения; с 1769 года, на время войны с Турцией, при Высочайшем дворе стал действовать особый Совет, и Вяземский стал его членом. Начиная с 1771 года в руках Вяземского сосредоточилась вся финансовая отчетность по Синоду и губернскому управлению. До 1781 года он исполнял обязанности Государственного казначея и был директором ассигнационного банка со всеми его конторами.

С 1780 года Вяземский стал заведовать всеми денежными делами за границей.

Таким образом, Вяземский в царствование Екатерины II руководил финансами, государственным хозяйством и всем внутренним управлением, сохраняя при этом свою роль главного блюстителя законов.

Все прокуроры работали под контролем и наблюдением генерал-прокурора Вяземского. Это относилось в равной мере как к обер-прокурорам Сената, так и к прокурорам коллегий, контор, губерний.

Генерал-прокурор Вяземский, будучи достаточно дальновидным политиком, старался окружить себя талантливыми и инициативными чиновниками, способными самостоятельно принимать решения, умевшими грамотно и быстро составить нужные бумаги, подготовить доклады и т. п. Некоторые из них достигли высоких государственных постов. При его канцелярии, в частности, служил Г.Р. Державин, впоследствии ставший сенатором и генерал-прокурором. Первое время молодой поэт пользовался большим доверием Вяземского, часто бывал у него дома, читал ему свои стихи, играл с ним в карты. Охлаждение Вяземского к Державину наступило после того, как поэт написал оду «Фелица». Генерал-прокурор усмотрел в ней сатиру на себя и обиделся. Со своей стороны и Державин весьма нелицеприятно отзывался о Вяземском.

Одновременно с назначением Вяземского «исправляющим должность» генерал-прокурора Екатерина II передала ему в феврале 1764 года и полномочия по руководству Тайной экспедицией Сената. В указе по этому поводу отмечалось: «Именным Нашим декабря 10-го прошлого года указом поручены были тайные дела действительному тайному советнику Панину и генерал-прокурору Глебову, а ныне, вместо его, генерал-прокурора Глебова, повелеваем при таких делах быть сим Нашему генерал-квартирмейстеру».

Никаких дополнительных письменных указаний, касающихся обязанностей по Тайной экспедиции, Вяземский не получил. Не упоминалось это и в «секретнейшем наставлении». Таким образом, он формально разделял свою власть по всем политическим делам, которыми занимался этот инквизиционный орган Российской империи, с графом Паниным. По всей видимости, по какой-то причине Екатерина II не хотела, чтобы руководство Тайной экспедицией сосредоточивалось в одних руках, особенно у Панина, бывшего воспитателем ее сына, наследника Павла Петровича. Она недолго любила и побаивалась Панина. Однако человек он был авторитетный, и это обстоятельство имело немаловажное значение при решении вопроса о включении его в число руководителей Тайной экспедиции, которая вызывала страх и неприязнь не только у простых людей, но и у вельмож. Фактически же Панин не имел руководящей роли в проведении политических процессов, за исключением дела Мировича, рассмотренного в самом начале царствования Екатерины II.

Всеми делами в Тайной экспедиции заправлял генерал-прокурор Вяземский и выдвинувшийся при нем главный «кнутобоец», или, как называл его А.С. Пушкин, «домашний палач кроткой Екатерины», Степан Иванович Шешковский. Он по существу стал начальником Тайной экспедиции, хотя и значился обер-секретарем Сената. Именно на Шешковском лежала обязанность проведения розыска по всем политическим делам и подготовка так называемых процессов. Единственное, чего он не делал, — не подписывал приговоры.

Шешковский был ближайшим помощником генерал-прокурора, и практически ни одно громкое дело не обходилось без его участия. Он был ровесником Вяземского, они и умерли почти одновременно.

В последней четверти XVIII века во всей России не было человека страшнее, чем Шешковский. Его знали, боялись и ненавидели. Шешковский называл себя «верным псом» императрицы. Свою службу он начал еще в Тайной канцелярии и впитал в себя все инквизиционные традиции, существовавшие

там еще со времен бироновщины. Его хорошо знала и ценила та «особливый дар производить следственные дела» сама императрица. О его методах сыска, изощренных пытках ходили легенды. Известно, например, что он лично сек розгами даже знатных дам.

Тайная экспедиция хотя и состояла при Сенате, однако, находясь в руках генерал-прокурора, была полностью независима как от Сената, так и от других учреждений. Это позволяло ей сохранять полную секретность. Многие дела, даже после вынесения по ним приговора, хранились не в архиве экспедиции, а дома у ее руководителей: Панина, Вяземского, Шешковского.

Деятельность Тайной экспедиции находилась под бдительным наблюдением императрицы, которой генерал-прокурор Вяземский систематически докладывал о расследовании всех важных дел. Многие приговоры она также утверждала лично. За время царствования Екатерины II через Тайную экспедицию прошли тысячи дел. Среди осужденных были дворяне и купцы, священнослужители и мещане, солдаты и крестьяне. Любой недовольный политикой Екатерины II мог попасть под следствие этого репрессивного органа. Тайная экспедиция расследовала и рассматривала дела участников народных волнений и самозванцев, авторов «пасквильных сочинений» и лиц, высказывавших неслестные отзывы об императрице. Поток дел заметно увеличился после разгрома восстания под руководством Емельяна Пугачева, а также после Французской буржуазной революции, когда правительство особенно активно стало расправляться со всеми недовольными.

Через Тайную экспедицию, во время генерал-прокурорства Вяземского, прошли дела автора знаменитого «Путешествия из Петербурга в Москву» А.Н. Радищева, просветителя и издателя Н.И. Новикова, чиновника Г. Попова, рассылавшего письма в Сенат, Синод и высшим сановникам с требованием освободить крестьян от крепостной зависимости, надворного советника, секретаря государственной коллегии иностранных дел Вальца, обвинявшегося в сношениях с иностранными министрами, иркутского наместника Якобия и многие другие. По одним из них окончательное решение выносил генерал-прокурор, по другим — Сенат.

Тайная экспедиция времен Екатерины II имела весьма небольшую штат чиновников и поэтому справиться с потоком всех политических дел не могла. По наиболее крупным и обширным делам Екатерина II создавала так называемые секретные следственные комиссии. Окончательные приговоры по таким делам выносил, как правило, Сенат либо специально

созданная коллегия судей. Особенно много таких следственных комиссий было создано в связи с Крестьянской войной 1773—1774 годов.

Весьма важная, а иногда и решающая роль в деятельности этих следственных комиссий принадлежала генерал-прокурору. Особенно наглядно это проявилось в ходе суда и следствия по делу Пугачева.

Своим Манифестом от 19 декабря 1774 года Екатерина II определила состав суда по делу Пугачева. Судьями были названы 14 сенаторов, 11 «персон» первых трех классов, 4 члена Синода, 6 президентов коллегий. В судебную коллегию вошли (вопреки даже практике суда екатерининского времени) и два члена следственной комиссии — Волконский и Потемкин, причем в числе одних из главных распорядителей.

25 декабря Вяземский и Потемкин прибыли в Москву, а уже 29 декабря, в 10 часов утра, в здании Сената собрались сенаторы, чтобы обсудить вопрос о порядке суда над Пугачевым. Заседание открыл Вяземский. Он зачитал Манифест Екатерины II о назначении судей на процессе. На следующий день в Тронном зале Кремлевского дворца собрались судьи по делу Пугачева. Они также прослушали Манифест, а затем было оглашено обвинительное заключение. После этого Вяземский распорядился доставить в суд Пугачева.

31 декабря привезли Пугачева. Ему было задано несколько вопросов: он ли беглый донской казак Емелька Пугачев, он ли назвал себя государем Петром Федоровичем и другие. Пугачев отвечал односложно. Наконец генерал-прокурор обратился к нему с двумя последними вопросами: «Не имеешь ли сверх показанного тобою еще что объявить?» и «Имеешь ли чистосердечное раскаяние во всех содеянных тобою преступлениях?»

Пугачев ничего более добавлять не стал, а на второй вопрос ответил: «Каюсь Богу, всемилостивейшей государыне и всему роду христианскому».

Когда Пугачева вывели из зала, Потемкин огласил записку о распределении подсудимых, по степени их вины, на несколько групп. Большинство судей стояло за вынесение самых тяжелых наказаний, а для Пугачева требовали изощренной казни (колесования).

Вяземский постоянно информировал императрицу о ходе суда над Пугачевым. Желая угодить ей, в одном из докладов он изобразил Пугачева малодушным и трусливым. «Как Пугачев примечен весьма робкого характера, почему при вводе его перед собранием сделано оному было возможное ободрение, дабы по робости души его не сделалось ему самой смерти».

Суд вынес такой приговор: «Емельку Пугачева четвертовать, голову воткнуть на кол; части тела разнести по четырем частям города и положить на колеса, а после на тех местах сжечь».

«Сентенция» была составлена 2 января 1775 года. В тот же день Вяземский направил ее Екатерине II. 5 января императрица, ознакомившись с приговором, одобрила его и возвратила Вяземскому. 9 января судьи собрались для подписания приговора. Подписи поставили все члены суда, за исключением представителей Синода, отказавшихся подписывать приговор «из христианского милосердия».

10 января 1775 года состоялась казнь Е.И. Пугачева.

Значительное внимание генерал-прокурор Вяземский уделял организации работы нижестоящих прокуроров: коллегий, приказов, контор, губерний и провинций. Он вел с ними весьма обширную переписку, направлял их деятельность в нужном русле посредством «предложений» и «ордеров», следил за тем, чтобы они надлежаще выполняли свои обязанности.

Губернскими прокурорами работали в то время многие довольно активные и инициативные чиновники. В начале 1780-х годов губернскую прокуратуру в Полоцком наместничестве возглавил Менделеев — человек волевой и думающий. Он не только активно отстаивал закон, но и вносил интересные предложения.

Поэт и прозаик Владимир Трофимович Золотницкий, получивший образование в Московском университете, в течение четырнадцати лет служил прокурором в Кременчуге и Екатеринославе.

Длительное время работал прокурором известный поэт конца XVIII — начала XIX века Иван Иванович Бахтин. В молодости он служил в армии, участвовал в русско-турецкой войне. Затем перешел на штатскую службу и занял должность стряпчего в Тобольском верхнем земском суде; после этого работал в Перми — вначале губернским стряпчим, а потом прокурором Пермского верхнего земского суда. С марта 1788 года по май 1794 года являлся губернским прокурором в Тобольске. Именно в этот период своей жизни Бахтин плодотворно занимался литературной деятельностью. Он был одним из основных сотрудников журнала П.П. Сумарокова «Иртыш». В его творчестве преобладали сатирические темы и жанры. Писал Бахтин в основном сатиры и эпиграммы, пронося в своих произведениях истинное сочувствие к людям труда.

В начале 1790-х годов А.А. Вяземский стал все чаще и чаще болеть. Он уже не мог в полную силу выполнять генерал-прокурорские обязанности и просился в отставку, но Екатерина II

все тянула с этим вопросом. В сентябре 1792 года, когда он был уже прикован к постели, она приняла его отставку; генерал-прокурорскую должность «на короткое время» поручила А.Н. Самойлову.

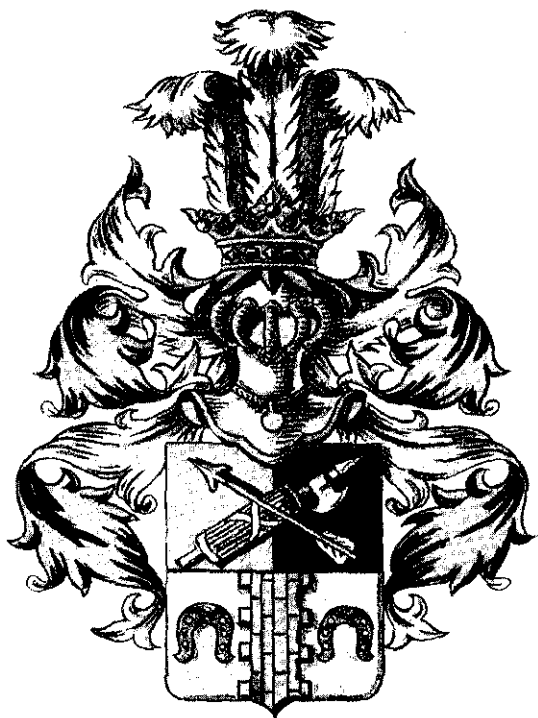
Генерал-прокурор Вяземский постоянно пользовался милостями Екатерины II. Вскоре после вступления в должность он получил чин генерал-поручика и был пожалован орденами Белого орла и Св. Анны. В последующем он награждался орденами Св. Александра Невского, Св. Андрея Первозванного и многими другими. В качестве награды за свои труды он получал также от императрицы крупные денежные суммы и крепостных крестьян.

Вяземский был женат на дочери бывшего генерал-прокурора Н.Ю. Трубецкого — Елене Никитичне.

Умер А.А. Вяземский 8 января 1793 года.

Александр Николаевич
САМОЙЛОВ
1744—1814

«ПРИЛОЖИТЬ ВСЕМЕРНОЕ СТАРАНИЕ»

Заступивший на место князя Вяземского «на короткое время» генерал-прокурор Александр Николаевич Самойлов занимал эту должность в течение четырех лет. В делах гражданских он, конечно, не был столь подготовлен, как его предшественник, поэтому больших успехов органы прокуратуры под его руководством не добились. Человек он был в основном военный, с юношества приученный к порядку и дисциплине; храбрый, энергичный, решительный.

Граф Александр Николаевич Самойлов родился в 1744 году. Его отец, сенатор Николай Борисович, был женат на родной сестре князя Григория Александровича Потемкина-Таврического. Родственные связи с всемогущим фаворитом Екатерины II во многом способствовали Самойлову в быстром продвижении в чинах.

В шестнадцатилетнем возрасте Самойлов был зачислен рядовым в лейб-гвардии Семеновский полк. Выслужив чин поручика, он подал прошение о направлении его в действующую армию. В то время шла война с Турцией. Весной 1769 года Оттоманская Порта начала против России военные действия. Русско-турецкая война затянулась на шесть лет. Уже в первые годы русские войска под предводительством фельдмаршала П.А. Румянцева овладели обширной территорией на Черном море и левом берегу Дуная. В июле 1770 года в Чесменской бухте был фактически истреблен турецкий флот. Турки заговорили о мире, но переговоры были сорваны. Вскоре Румянцев получил приказ императрицы перенести военные действия за Дунай.

В 1772 году Самойлов находился в составе резервного корпуса, которым командовал Потемкин. Здесь он получает первое боевое крещение. При осаде крепости Силистрии молодой поручик проявляет незаурядную храбрость и получает первую награду — орден Св. Георгия 4-го класса. В именном указе от 26 ноября 1773 года отмечено, что Самойлов награждается «за произведенное им минувшего июня 18 сего 773 года храброе и мужественное дело при Силистрии, во время атаки неприятель-

ского ретраншемента, когда он, подавая пример гренадерам, способствовал к занятию оною».

Военная карьера оказалась очень удачной для Самойлова. Стремительность ее нельзя объяснить лишь близостью к все-сильному Потемкину. Здесь, несомненно, сказались и незаурядные способности молодого офицера, его военный талант.

В конце 1774 года Самойлов был включен в комиссию, судившую Е.И. Пугачева и его сторонников. 10 июля 1775 года, в тот день, когда Москва торжественно отмечала Кючук-Кайнарджийский мирный договор, Самойлов был «пожалован» в камер-юнкеры, а вскоре после этого становится правителем дел Императорского Совета, учрежденного Екатериной II в 1768 году. Совет состоял из «шести персон», именовавшихся советниками. В этой должности он находился двенадцать лет, до 1787 года, когда сам стал членом Совета. Одновременно он продолжал оставаться в армии, получив в 1779 году один за другим чины бригадира и генерал-майора. В этом последнем чине он служит в Крыму, где в то время обстановка была очень сложной. Проявляя твердость и решительность, он наводит порядок, подавляет волнения, начальствует в Херсонесе. Перед началом новой войны с Турцией Самойлов получает чин генерал-поручика.

Самойлов принимал участие в штурме турецких крепостей Очаков, Каушан, Килии, Бендеры, где отличился, за что получил ордена Св. Александра Невского и Св. Георгия, а за участие в штурме Измаила (1790 год) — орден Св. Владимира.

29 декабря в Яссах был заключен мирный договор с Турцией, весьма выгодный для России.

Известие о заключении мира Александр Николаевич Самойлов привез в Петербург в конце января 1792 года. В это время у Екатерины II было совещание, но, как только Самойлов вошел в зал, она всех распустила и осталась с ним наедине.

На следующий день Екатерина II лично «возложила» на Самойлова орден Св. Андрея Первозванного и пожаловала ему 30 тысяч рублей.

Должность генерал-прокурора Самойлов занял не без влияния светлейшего князя Г.А. Потемкина. Зная, что Вяземский серьезно болен, он в один из своих приездов в Петербург порекомендовал Екатерине II назначить на генерал-прокурорскую должность Самойлова, охарактеризовав его с самой лучшей стороны — как честного и очень надежного человека. Екатерина II все надеялась, что князь Вяземский поправится, и поэтому не торопилась отправлять его в отставку. Даже когда убедилась, что Вяземский едва ли встанет с постели, она назначила на его место Самойлова 17 сентября 1792 года, сделав оговорку в ука-

же, что ему надлежит исправлять должность генерал-прокурора «короткое время».

Только 20 декабря 1792 года императрица решила окончательно оставить за Самойловым генерал-прокурорскую должность и обязанности Государственного казначея. Все же до 1796 года он считался лишь исправляющим должность генерал-прокурора.

Новый генерал-прокурор все более и более нравился Екатерине II своей исполнительностью и трудолюбием, честностью и открытым характером. 11 марта, в день рождения Самойлова, императрица «пожаловала» ему изумрудный перстень стоимостью 3700 рублей. Спустя два месяца, когда статс-секретарь Храповицкий зашел в кабинет императрицы, после того как Самойлов закончил какой-то доклад, она сказала ему, что генерал-прокурор «час от часу становится больше по душе, с прежним (то есть с Вяземским. — *Авт.*) у него равное усердие».

Генерал-прокурорская должность давалась Самойлову нелегко. К гражданским делам он привыкал трудно. Ему легче было командовать войсками, вести солдат на штурм, чем заниматься тягостными сенатскими делами. Многие высшие сановники недолго любили Самойлова и поговаривали, что он вследствие некомпетентности «наделает много хлопот императрице». И они были недалеки от истины. Дела в Сенате обстояли не блестяще, хотя Самойлов и прилагал все усилия к их исправлению. К концу его генерал-прокурорства в Сенате оказались целые «завалы» нерешенных дел, которые расчищали потом другие генерал-прокуроры в течение нескольких лет. Некоторые дела оставались нерешенными до 1800 года.

В начале своей деятельности на генерал-прокурорском поприще он направил одно любопытное предложение Сенату, касавшееся только что вышедшей трагедии «Вадим Новгородский», принадлежавшей перу поэта Княжнина. Написал он ее в 1789 году. В печати же трагедия появилась после смерти автора, в 1793 году, с разрешения президента Академии наук Е.Р. Дашковой. Действие трагедии происходило во времена Юрика, и в ней показывалась борьба русских государей с Новгородом. События эти нашли отражение в летописях, где упоминалось, что новгородцы, не желавшие примириться с властью Юрика, подняли восстание, которое было подавлено. Необходимо сказать, что еще в 1786 году Екатерина II сама написала пьесу на эту же тему, но в ней мятеж Вадима Новгородского объясняется желанием самому занять престол Юрика.

Почему же трагедия Я.Б. Княжнина, написанная на ту же тему, так напугала императрицу? Во-первых, потому, что Княжнин совсем по-другому взглянул на те события. В трагедии вос-

стание новгородцев показано как желание защитить вольность Новгорода, отстоять демократию от притязаний самодержавия. Во-вторых, необходимо иметь в виду, что трагедия была напечатана вскоре после Великой Французской революции, когда в России стали широко распространяться ее идеи, во все слои общества проник дух вольнодумства. Вот это-то и напугало правительство.

В ноябре 1793 года генерал-прокурор Самойлов направил письмо главнокомандующему в Москве князю Прозоровскому с просьбой отобрать от книгопродавцов, «без огласки» и «не вмешивая Высочайшее повеление», отосланные в Москву экземпляры «Вадима Новгородского», а также допросить издателя книги Ивана Глазунова о том, каким образом и от кого он приобрел оригинал этой книги и нет ли у него подобных книг. Прозоровский быстро исполнил это поручение.

В Санкт-Петербурге такую же операцию проделал обер-полицимейстер Рылеев.

7 декабря 1793 года Самойлов направил по поводу трагедии Княжнина «Вадим Новгородский» свое «предложение» Сенату. В нем он писал:

«В публику вышла книга, напечатанная в 1793 году, под названием «трагедия Вадим Новгородский», сочинения покойного надворного советника Якова Княжнина. В сей трагедии помещены некоторые слова, не токмо соблазн подающие к нарушению благосостояния общества, но даже есть выражения противу целости законной власти царей, что усмотрит сам Правительствующий Сенат из той трагедии, при сем сообщаемой. Таковы дерзкие изречения противны вначале божественным, а потом гражданским законам... Посему, в основание принятому истинному правилу, не благоугодно ли будет Правительствующему Сенату сию вышедшую столь с дерзкими словами трагедию рассмотреть и сделать об ней надлежащее решение».

Сенат вынес решение: «Поелику книга сия наполнена дерзкими и зловредными противу законной власти выражениями, а потому в обществе не может быть терпима и достойна сожжена быть публично».

Императрица Екатерина II распорядилась: «Сжечь в здешнем столичном городе публично».

На основании этого изъяты из книжных лавок экземпляры «Вадима Новгородского» были сожжены в Петербурге на площади возле Александро-Невской лавры.

Е.Р. Дашковой, позволившей напечатать трагедию, Екатерина II сделала лично строгое внушение.

Занимая пост генерал-прокурора, Самойлов продолжал оставаться членом Императорского Совета, который рассматри-

вал тогда многие важные вопросы и был главным советчиком императрицы Екатерины II. В частности, в 1794 году Екатерина II хотела провести через Совет один очень волновавший ее вопрос: кто должен стать наследником престола. Ей бы очень хотелось, чтобы им стал ее внук, Александр Павлович. Но для этого надо было найти основание для лишения прав наследника Павла Петровича, которого она в свое время необоснованно лишила трона. Екатерина II обратилась к Совету с намерением «устранить сына своего Павла от престола, ссылаясь на его нрав и неспособность». Члены Совета, в том числе и Самойлов, готовы были покориться этому решению, но против решительно выступил лишь граф В.П. Мусин-Пушкин, который сказал, что нрав и инстинкты наследника, когда он сделается императором, могут перемениться. После этого Екатерина II не решилась настаивать на своем предложении.

Деятельность Самойлова как генерал-прокурора по осуществлению надзора за сенатскими определениями протекала довольно бесцветно. В основном она заключалась в объявлении именных указов, решении конкретных дел, переписке с обер-прокурорами, руководстве сенатской канцелярией.

Более энергично и решительно он руководил местными прокурорскими органами, направляя прокурорам коллегий и губернским прокурорам свои «ордера» и предложения, требуя от них отчета по самым разнообразным вопросам.

Местный прокурорский надзор был обременен многими делами: надзором и контролем за расследованием уголовных преступлений, за взиманием казенных сборов; дачей различных заключений в судах и т.п.

Генерал-прокурор внимательно следил за тем, чтобы подчиненные ему прокуроры беспрекословно выполняли свои обязанности и постоянно информировали его о всех нарушениях законов. Особенное внимание всегда уделялось соблюдению казенных интересов.

Генерал-прокурор Самойлов требовал от губернских прокуроров отчета по расследуемым на местах делам, особенно тогда, когда они контролировались императрицей и он должен был ей постоянно докладывать о движении следствия по таким делам. А Екатерина II держала в поле своего зрения очень много дела.

Генерал-прокурор постоянно докладывал Екатерине II о количестве и характере дел, которые расследовались полицией и рассматривались судами. Для этого он истребовал соответствующие ведомости от нижестоящих прокуроров, которые обязаны были представлять их генерал-прокурору к 15 декабря каждого года. Однако те не всегда вовремя направляли ведомости,

иногда делали их плохо либо вообще забывали представлять. Тогда Самойлов писал грозные напоминания.

Через генерал-прокурора, а следовательно, и губернских прокуроров проходило значительное количество дел по финансовым и хозяйственным вопросам. Одна из основных обязанностей прокуроров состояла в наблюдении за хлебными делами в России. Это было тем более важно, что Екатерина II всегда лично просматривала ведомости, присылаемые из губерний, о посеве пшеницы и урожайности.

Значительное внимание генерал-прокурор Самойлов уделял работе с прокурорскими кадрами. Все назначения, перемещения, увольнения прокуроров и стряпчих производились через него. Он предоставлял им отпуска, или, как тогда писали, «увольнения», обычно на 29 дней, а если требовалось лечение — то и на более длительный срок; представлял к награждению орденами и чинами, объявлял взыскания за нерадение и т.п.

Должности губернских прокуроров, прокуроров коллегий, как правило, занимали лица, прошедшие хорошую прокурорскую и стряпческую закалку. На места стряпчих часто брали из числа офицеров, нередко закаленных в боях и сражениях.

Посмотрим на примере столичных губерний, кто же занимал должности губернских прокуроров в конце XVIII века.

17 января 1794 года по предложению Самойлова Правительствующий сенат назначил прокурором Санкт-Петербургской губернии Сергея Алексеевича Татищева. Свою службу он начал в 1771 году сержантом. Постепенно повышался в чинах: капрал, подпоручик, поручик, капитан. Участвовал во многих сражениях и походах. Через пятнадцать лет переходит на гражданскую службу, и в чине коллежского асессора состоит судьей в третьем департаменте Петербургского нижнего надворного суда. В 1787 году получил чин надворного советника и должность губернского стряпчего. В этом качестве он прослужил семь лет, после чего и был назначен губернским прокурором.

Почти аналогично продвигался по службе и Андрей Александрович Петров-Соловово, назначенный 12 ноября 1795 года Московским губернским прокурором. Он также начал с военной службы. В 1767 году поступил в армию кадетом, в 1782 году произведен в поручики, а затем в капитаны. Через три года перешел на гражданскую службу, заняв должность заседателя во втором департаменте Московского нижнего надворного суда. Затем стал работать советником в надворном суде, но по болезни вынужден был оставить эту должность. Несколько лет находился не у дел. В 1795 году занял пост Московского губернского прокурора.

В формулярном списке Петрова-Соловове ему дается такая характеристика: «Должность губернского прокурора в Москве, судя по весьма великому числу дел, есть сверх меры многотрудна, неусыпными однакож своими трудами, рождаемыми от единственного усердия к пользе службы Ея Императорского Величества и отличными его способностями и искусством, не только удерживает в точности везде, где его должность касаться может, узаконенный порядок, но настояниями своими и чрез посредство подчиненных своих возстановил наиуспешнейшее в делах течение, стараясь дабы и колодки долговременно под стражею не содержались и тяжущиеся напрасно влачimy не были. Благонамеренное его расположение к Высочайшей Ея Императорского Величества службе, неусыпные и отличные труды и личные достоинства заслуживают по справедливости удостоение мое об нем к получению награждения орденом Святого равноапостольного князя Владимира».

К генерал-прокурору Самойлову перешло общее руководство карательным органом Российской империи — Тайной экспедицией Сената. Делами этой Экспедиции Самойлову приходилось заниматься вплотную и более интенсивно, чем кому-либо из его предшественников. После Великой Французской революции в России резко обострилась ситуация. Вольнолюбивые мечты проникли во все слои населения, создаются различные общества, публикуются «крамольные» книги, все чаще и чаще звучит открытая критика самодержавного правления, все громче раздаются призывы к уничтожению крепостной зависимости крестьян. В этих условиях усиливается карательная политика Екатерины II, проводником которой стал генерал-прокурор.

После проведения процесса над А.Н. Радищевым, создавшим знаменитую книгу «Путешествие из Петербурга в Москву», которого Екатерина II назвала «бунтовщиком хуже Пугачева», после заточения в крепость без всякого суда выдающегося русского просветителя и издателя Н.И. Новикова в Тайной экспедиции политические дела возникают одно за другим. Заниматься ими приходилось генерал-прокурору Самойлову, который глубоко вникал в их сущность, лично допрашивал арестованных вольнодумцев, один или с кем-либо из вельмож, чаще всего сенаторами, выносил им приговоры, докладывал о ходе расследования дел императрице, добивался у нее утверждения приговоров.

Деятельность Самойлова как генерал-прокурора в этих процессах наглядно свидетельствовала о том, что это был верный и преданный Екатерине II служака, выполнявший все ее указания. Однако в угоду вельможам он мог добиться и смягчения

участи того или иного арестанта, убедить императрицу вынести нужный ему приговор.

В начале 1790-х годов в Екатеринославском наместничестве служил молодой офицер В.В. Пассек. Он воспитывался Петром Богдановичем Пассеком, приближенным к Екатерине II вельможей, который приходился ему дядей. Петр Богданович сумел прибрать к рукам наследственное имение своего племянника и даже самого его записал в армию под фамилией Пасков, чтобы тот не мог претендовать на наследство. Пассек участвовал в русско-турецкой войне и даже отличился при штурме Измаила. Потом некоторое время он путешествовал за границей. Вернувшись, он усиливает притязания на отцовское наследство, в связи с чем у него возникают трения с дядей. П.Б. Пассек обратился с просьбой к екатеринославскому губернатору Каховскому присматривать за племянником. В начале 1794 года Каховский написал Петру Богдановичу о том, что Василий Пассек сблизился с подозрительными людьми. Спohватившись, что частное письмо может навлечь на него неприятность, Каховский вслед за тем направил и специальное донесение в Петербург. Не дожидаясь ответа из столицы, губернатор решил задержать Пассека и других попавших под подозрение лиц. Пассек бежал в Яссы, но там был арестован. Его заковали в цепи и отправили в Тайную экспедицию. При аресте у него отобрали антиправительственные стихи и переписанную от руки книгу А.Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву». Именно они и придали политическую направленность делу Пассека. Особенное внимание привлекали ода «Вольность» и стихотворение, направленное против императрицы, написанное в форме акростиха. В нем выделялись первые буквы каждой строфы, которые и составляли слово «Екатерина».

В акростихах Пассек называл ее «извергом природных прав», «сумасбродом», «варваром, насытившимся кровью ближних», и т.п.

Делом Пассека вначале занимался В.С. Попов. Следствие он повел неумело и грубо, пытался запугивать его, чем вызвал резкую реакцию арестованного вольнодумца. Попов не смог добиться нужных показаний, поэтому делом занялся лично генерал-прокурор Самойлов. Он не был столь прямолинеен и сумел «войти в доверие» Пассека. Однако и ему Пассек говорил, что не является автором стихов.

Самойлова же интересовали прежде всего переписанная книга Радищева и акростихи.

На вопрос Самойлова, как он осмелился держать у себя столь «вредную» книгу, Пассек ответил, что он «видел... в Яссах на диване лежащую у покойного светлейшего князя (то есть

Потемкина. — *Авт.*) печатную радищевскую книгу одного с этою содержания и для того не почитал ее вредною. Сверх того, никто ее не имел в руках. Впрочем, когда я бы и признавал таковою, то любителю странностей и редкостей дозволяется, но с тем только, чтобы сие было без вреда государственного и ближнего. Смелость сродственна россиянам».

Пассек категорически отрицал авторство стихов. Держался он стойко и на все расспросы отвечал: «Не знаю! Вовсе без упорства по совершенной истине; а ежели за незнание законы осуждают, то готов идти на плаху, ибо всегда повиновался оным».

Генерал-прокурор пытался провести некий эксперимент, предложив Пассеку написать какие-нибудь стихи. Тот сделал вид, что стихи писать не умеет. После этого Самойлов отослал изъятые у Пассека стихи в Екатеринослав «для отыскания писавшего». И здесь неожиданно властям сопутствовала удача. Нашли человека, чьей рукой стихи были переписаны. Им оказался Павел Симонович — губернский регистратор. Он был немедленно арестован и препровожден в Петербург. На допросе Симонович сказал, что по указанию П.Б. Пассека он находился при секунд-майоре Паскове (Симонович знал Пассека под этой фамилией) и что по «просьбе Паскова переписывал разные сочинения, и между оными ту записку в стихах, кою он теперь видит точно собственною его рукою переписанную.., но, чьего сочинения и чьей речи она была, не знает».

Вопрос об авторстве вольнолюбивых стихов остался открытым. Самойлов закончил следствие довольно быстро. Для Пассека оно кончилось более или менее благополучно. Определенное влияние на это оказало родство его с П.Б. Пассеком. По видимому, Самойлов в угоду ему не настаивал на строгом наказании вольнодумца. По докладу генерал-прокурора Екатерина II сказала: «Я предоставляю времени уничтожить сии акростихи. От него зависит, остаться в военной службе или перейти в иную». Выйдя на свободу, Пассек направился в войска для прохождения дальнейшей службы. Однако ему воспрещалось приезжать в Москву и Петербург без разрешения генерал-прокурора.

Более трагична оказалась судьба Павла Симоновича.

2 октября 1794 года Самойлов направил письмо правителю Кавказского наместничества Гудовичу, в котором сообщал о направлении к нему Симоновича и предлагал определить его в «статскую службу». Это было единственное послабление, сделанное Симоновичу.

Симонович первое время служил в георгиевском уездном суде, потом Гудович, увидя в нем честного и исполнительного

чиновника, взял его в свою канцелярию и даже ходатайствовал о предоставлении ему полной свободы. Но Симонович до самой своей смерти в 1797 году так и оставался в пожизненной ссылке.

В ноябре 1796 года, когда императрица Екатерина II находилась уже при смерти, наследник престола Павел Петрович именно Самойлову доверил запечатать вместе с графом Ростопчиным ее кабинет. Затем генерал-прокурор Самойлов объявил о смерти императрицы всем собравшимся в Зимнем дворце вельможам. Он сказал: «Милостивые государи! Императрица Екатерина скончалась, а государь Павел Петрович соизволил взойти на всероссийский престол».

После смерти Екатерины II Самойлов пробыл на посту генерал-прокурора менее месяца. Павел I начал возвращать из крепостей и ссылок многих осужденных по указанию императрицы людей. 23 ноября 1796 года на имя генерал-прокурора он дал следующий «рескрипт»: «Граф Александр Николаевич! Всемилостивейше повелеваем находящегося в Илимске на житье Александра Радищева оттуда освободить, а жить ему в своих деревнях, предписав начальнику губернии, где он пребывание иметь будет, чтобы наблюдаемо было за его поведением и перепискою».

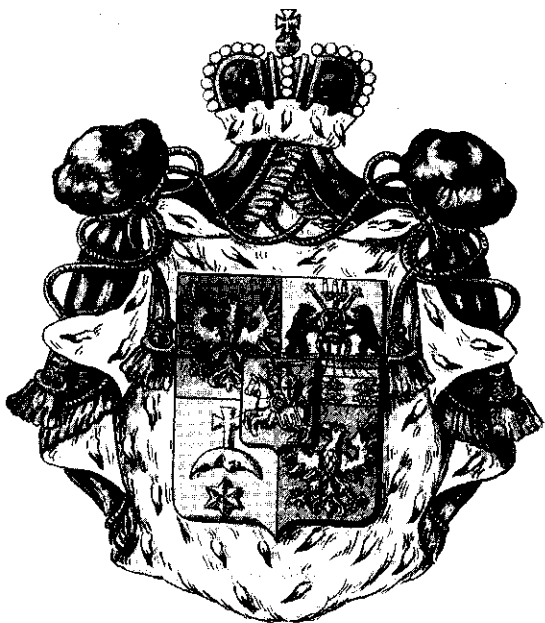
Самойлов продолжал оставаться членом Императорского Совета.

За свою службу он был удостоен многих российских орденов, «пожалован» в графское достоинство.

Умер А.Н. Самойлов в 1814 году.

Алексей Борисович
КУРАКИН
1759—1829

«ТРЕБОВАНИЯ ПРОКУРОРОВ С НАДЛЕЖАЩИМ УВАЖЕНИЕМ ПРИНИМАТЬ»

Князь Алексей Борисович Куракин родился в 1759 году. Службу начал в гвардии, однако военная карьера его не прельщала, и он вскоре перешел на гражданское поприще. Сначала он становится камер-юнкером, а в двадцать один год избирается заседателем Верхнего земского суда. Эти суды учреждались в каждом наместничестве или губернии в составе двух председателей и десяти заседателей, избираемых дворянами уезда сроком на два года. Верхний земский суд состоял из двух департаментов. Первый, куда и был определен Куракин, рассматривал уголовные дела, второй — гражданские. Суду были подчинены уездные суды, дворянские опеки и нижние земские суды. Суд заслушивал дела по апелляции на решения подведомственных ему судов и дворянской опеки, а также по жалобам и тяжбам дворян и на дворян.

Из Верхнего земского суда Куракин попадает в сенатскую канцелярию, находящуюся в ведении генерал-прокурора Вячеславского. Здесь он служит под непосредственным начальством А.И. Васильева, человека умного, образованного, делового, ставшего впоследствии первым министром финансов Российской империи. Куракин, наделенный от природы острым умом, сообразительностью, прошел хорошую прокурорскую школу. Нельзя сказать, что он любил много трудиться, но, когда было необходимо и выгодно для него, он действовал быстро и энергично. Эти его качества, а также связи при дворе позволяли ему довольно быстро продвигаться в чинах. К тридцати пяти годам он имел уже довольно высокий чин тайного советника. Не обходило его начальство и наградами. Один за другим он получает ордена Св. Анны и Св. Владимира 2-й степени.

К концу царствования Екатерины II Куракин управлял уже третьей экспедицией для свидетельствования государственных счетов.

На короткое время возшла и ярко засветилась звезда князей братьев Куракиных. Старший, Александр Борисович, 12 ноября 1796 года назначается вице-канцлером, а младший, Алексей Бо-

рисович, становится генерал-прокурором, директором ассигнационного банка и присутствующим в Императорском Совете.

Царские милости, должности и награды посыпались на молодого генерал-прокурора, как из рога изобилия. Через четыре месяца после своего назначения он уже действительный тайный советник, затем император пожаловал ему несколько деревень и хорошие рыбные промыслы на Волге. К этому времени Куракин к своим должностям добавил еще несколько: министра департамента удельных имений и канцлера российских орденов. Вскоре по его инициативе учреждается государственный вспомогательный банк для дворян, и он становится его главным попечителем. В декабре 1797 года ему торжественно преподносится самый престижный российский орден — Св. Андрея Первозванного и вручается Андреевская лента.

В царствование Павла I генерал-прокуратура переживает необычайный подъем, какого она еще не видывала. Без генерал-прокурора не решается, по существу, ни один вопрос внутреннего управления. Он занимается финансовыми, военными, административными, полицейскими, судебными делами, а также делами об определении в должности, увольнении, награждении и пожаловании разного рода.

Почему это происходит? Дело было в личности самого императора, его взглядах. Павел I считал, что все должно зависеть от воли монарха, любое начинание должно исходить только от него. Учреждения, даже такие, как Сенат, по его мнению, не могут выходить за границы, установленные для них. Неограничена ничем только власть самого монарха, и именно в его руках сосредоточиваются все нити управления страной. Даже Императорский Совет, как отмечал Павел I, «место не законодательное, а единственно для в помощь и сношение как Государя, так и министрам». «Совету, — говорил он, — себе дел не присвоить, а рассматривать представленные министром того департамента, какого рода дело, но с повеления Государя».

Императору проще и удобнее было управлять государством через одного преданного и доверенного человека. Такого человека Павел I увидел в генерал-прокуроре. Известна его фраза, сказанная генерал-прокурору А.А. Беклешову: «Ты да я, я да ты: мы одни будем дела делать». В таких условиях возвышение генерал-прокурора не выглядело неожиданным.

Павел I был «проникнут идеей законности», с самого момента вступления на престол пытался держаться закона и требовал от всех его исполнения. Другое дело, что это хорошее начинание вследствие личных качеств императора превращалось зачастую не только в свою противоположность, но и просто в абсурд. К тому же любое проявление своей воли Павел I считал

законом. В указе, данном Белорусскому губернатору Жегулину, Павел I пишет: «Я иной выслути ни от кого не требую, как только непременно исполнения повелений моих».

Следить же за исполнением законов и любой воли императора должен был генерал-прокурор. В указе от 16 декабря 1796 года, изданном на имя Куракина, отмечалось, что «должность генерал-прокурора заключает в себе повсеместную бдительность о благоуспешном течении разного рода дел, в приказах производимых, и о точном сохранении законов, на все части государственного правления изданных».

Именно отсюда происходят широта и разнообразность деятельности генерал-прокурора при императоре Павле I.

Одна из основных обязанностей Куракина, как и у его предшественников, заключалась в наблюдении за сенатскими решениями. Разбираясь с делами в Сенате, генерал-прокурор не мог не заметить значительного количества накопившихся нерешенных дел как в департаментах, так и в общем собрании. Например, в департаментах Сената оставались нерешенными свыше 11 тысяч уголовных и гражданских дел, а в общем собрании — 360. Для того времени это была внушительная цифра. Кроме того, как обратил внимание Куракин, нагрузка на департаменты оказалась настолько различной, что одни страдали от непомерного количества дел, которые у них не было даже физической возможности рассмотреть, а другие жили вольготно. Куракин, изучив положение дел, представил Павлу I проект преобразования Сената. Основная идея реорганизации заключалась в новом разделении дел по департаментам и в учреждении трех временных департаментов для рассмотрения неотложных дел. Павел I с этими предложениями согласился.

Генерал-прокурор занимался также приведением в порядок и в определенную систему законодательства. Из всех существующих узаконений он собирался подготовить три книги законов: уголовных, гражданских и казенных дел.

По инициативе ведомства генерал-прокурора был принят целый ряд очень важных законов.

Генерал-прокурор Куракин рассматривал многие финансовые вопросы, в частности, касающиеся распределения денежных сумм, выделяемых на содержание учреждений, непосредственно ему подведомственных. Ему же предоставлялись месячные и годовые ведомости о приходе и расходе по Сенату и всем подчиненным этому органу учреждениям.

Генерал-прокурор занимался и многими вопросами, связанными с управлением заводами, фабриками, промыслами. Куракин собирал, например, сведения о всех фабриках, особенно суконных, и винокуренных заводах; принимал меры к развитию

фабрично-заводской промышленности; следил за управлением Уральским, Нерчинским, Пермским, Вятским металлургическими, чугунолитейными, медеплавильными, оружейными заводами; руководил отдачей винной торговли на откуп и т.д.

Генерал-прокурор отслеживал и так называемые военные темы. Он следил за комплектованием армии и флота рекрутами, заботился о том, чтобы они непременно освидетельствовались врачами на пунктах сбора, и принимал меры к отправке их к месту службы. Куракин участвовал в снабжении армии провиантом и фуражом.

Значительное количество вопросов решалось в ведомстве генерал-прокурора и в области административного управления. Он объявлял Высочайшие указы и повеления, рассылал по указанию императора или по сенатскому решению предписания учреждениям и должностным лицам. Местные органы, как правило, только от него получали указания как общего характера, так и частного, относящиеся к решению отдельных вопросов.

Генерал-прокурору князю Куракину приходилось выполнять все сумасбродные указы и распоряжения императора Павла I. Особо бурное негодование императора вызывали все случаи нарушения установленных правил ношения форменной одежды военными и чиновниками. По этому поводу генерал-прокурор даже был вынужден разослать губернаторам предписание о том, чтобы они наблюдали за ношением чиновниками штатной команды «новоустановленной формы». Затем дал указание руководителям судебных мест о наблюдении за тем, чтобы чиновники носили мундиры и причесывались с буклями, а ливрейные служители не имели на своих шляпах ни бантов, ни плюмажа.

Однако нарушения правил ношения формы были тогда весьма распространены. Когда это доходило до Павла I, то он разражался яростными и нелепыми распоряжениями, приводить в «действие» которые вынужден был Куракин.

28 июля 1798 года на имя генерал-прокурора был дан указ, в котором отмечалось: «Из доклада, поднесенного нам от генерал-аудитора князя Шаховского по делу Апшеронского мушкетерского полка полковника Жукова, усмотрели мы развратные поступки Литовской губернии городничего Пирха, который, забыв все обязанности служения, противу узаконений наших публично ходил в круглой шляпе, во фраке и сею неблагопристойною одеждою ясно изображал развратное свое поведение, употребляя также казенных людей в свои домашние услуги, а потому, выкинув из службы онаго городничего Пирха, велели мы просить прощение при разводе на коленах у полковника Жукова. Вы же имеете сие наше повеление соделать гласным со всеми обстоятельствами развратности городничего Пирха, дабы

и все прочие такового буйства, наглости и пренебрежения должности своей позволять себе не дерзали».

В другой раз произошел противоположный случай. До Павла I дошло, что некий отставной поручик Быков незаконно носит военный мундир, за что и был посажен под арест. Император распорядился: «Держать под арестом еще неделю, носимый им мундир сжечь в его присутствии, и, сделав на его счет статский мундир, освободить его».

В связи с этим казусом генерал-прокурор вынужден был дать губернаторам циркулярное предписание о наблюдении за тем, чтобы вышедшие в отставку офицеры не носили военный мундир, не имея на то права.

Павлу I были ненавистны все дела его матери, императрицы Екатерины II, и он, когда мог, отменял ее указы и распоряжения. Особенно нетерпимы ему были екатерининские фавориты, даже умершие. Память о них он пытался всячески истребить. Так, 27 марта 1798 года, по указанию императора, генерал-прокурор Куракин направил Новороссийскому гражданскому губернатору Селецкому следующее секретное предписание: «Известно государю, что тело покойного князя Потемкина доньше еще не предано земле, а держится на поверхности в особо сделанном под церковью погребу и от людей бывает посещаемо, а потому, находя сие непристойным, высочайше соизволяет, дабы тело, без дальнейшей огласки, в самом же погребу погребено было в особо вырытую яму, а погреб засыпан землею и изглажен так, как бы его никогда не бывало».

Необходимо отметить, что князь Потемкин был похоронен в церкви Св. великомученицы Екатерины в Херсонской крепости. Через месяц, 28 апреля, ночью, предписание Куракина было исполнено. Все работы производились в строжайшем секрете. В связи с этим по России потом долго ходили слухи о том, будто тело Потемкина было вынуто из гроба и выброшено.

Вскоре через генерал-прокурора последовало новое распоряжение Павла I — об уничтожении памятника Потемкину в Херсоне. «По разстройке, в которой оставлены дела кн. Потемкиным, в управлении его бывшия, — отмечалось в нем, — неприлично быть монументу, в память его воздвигнутому, и для того сооруженный от казны в г. Херсоне повелеваем уничтожить».

По этому указу поручено было генерал-прокурору «учинять надлежащее распоряжение», что он и сделал.

Новороссийский губернатор на эти предписания ответил, что «мраморный памятник» еще воздвигнут не был, а тело покойного, «содержащееся на поверхности в склепе под церковью», уже по «инициативе самих местных властей погребено тайно в особо вырытой яме».

На Куракине как генерал-прокуроре лежали обязанности по руководству охраной внутренней безопасности и поддержанию порядка в государстве, розыску беглых крестьян, прекращению и усмирению народных волнений и выступлений. Он занимался также вопросами обеспечения мер к охране населения от различных бедствий: эпидемий, пожаров, неурожаев и т.п. Он руководил направлением врачей в места, где распространились заразные заболевания; к нему поступали сведения о пожарах, стихийных бедствиях. Куракин постоянно держал в поле своего зрения вопросы, связанные с хлебом: количество засеянной пшеницы, сбор урожая, цены на хлеб в различных губерниях. Сведения об этом поступали к нему, обрабатывались, анализировались и докладывались императору.

Другая его обязанность — наблюдение за устройством дорог, каналов, речных путей, мостов, почтовых станций; заботы по их устройству, починке, постройке и прочее. Переписка по всем этим вопросам с губернаторами шла через генерал-прокурора.

Еще одна забота генерал-прокурора: охрана казенного имущества и лесов. Он давал поручения и указания по вопросам предупреждения хищений, незаконной порубки леса. Куракин разрешал или запрещал порубку леса, следил за сплавкой леса по рекам и отпуском его за границу.

На полную мощность работала и находившаяся в ведении генерал-прокурора Тайная экспедиция Сената. Некоторые ее узники, попавшие в крепость или ссылку еще во времена Екатерины II, освобождались, но их места почти тотчас занимались новыми вольнодумцами, не угодившими самолюбивому императору. За многими опальными продолжалось интенсивное полицейское наблюдение. Все эти вопросы генерал-прокурор Куракин держал под неослабным контролем.

Среди его поднадзорных оказался и русский полководец, фельдмаршал А.В. Суворов, попавший в немилость к Павлу I. «Отставленный» от службы, он в мае 1797 года в сопровождении коллежского асессора Ю.А. Николаева, приставленного к нему генерал-прокурором по указанию императора, был препровожден в свое Кончанское имение и отдан под надзор боровицкого городского премьер-майора А.Л. Вындомского. По всем вопросам пребывания Суворова в Кончанском Вындомский, а затем вновь приехавший туда Николаев еженедельно доносили Куракину, а тот докладывал Павлу I.

20 сентября 1797 года Суворов обратился с письмом к императору, в котором сообщал, что к нему приехал Николаев. Здесь же он просил монарха простить его, «ежели в чем согрешил». Павел I оставил письмо без ответа, однако поручил генерал-

прокурору «растолковать Николаеву, что он определяется к графу Суворову для надзора за ним неприметным образом, следовательно, сии намерения им смотреть г. Николаева оставить».

Прощение Суворов получил только 12 февраля 1798 года. Генерал-прокурору Куракину был дан именной указ: «Генерал-фельдмаршалу графу Суворову-Рымникскому всемилостивейше дозволяется приехать в Петербург, находим пребывание коллежского ассессора Николаева в Боровицких деревнях ненужным».

На следующий день Николаев «за ревностное исполнение порученного ему дела» был награжден чином статского советника.

Генерал-прокурор Куракин пытался навести надлежащий порядок в делах Тайной экспедиции. Через нее проходило множество дел. Осужденные этим страшным органом лица приговаривались к разным наказаниям: заключению в крепость, отправке на каторжные работы и в ссылку, отдаче в солдаты и т.п. Они направлялись в различные губернии России. В то же время каких-либо достоверных сведений об их судьбе у генерал-прокурора не было, хотя император Павел I иногда интересовался этим вопросом.

В этих целях Куракин в июле 1797 года направил начальнику губерний секретное письмо о доставлении к нему сведений о лицах, осужденных Тайной экспедицией, и о предоставлении в дальнейшем таких сведений регулярно.

Поскольку при дворе Павла I постоянно завязывались различные интриги, в их водоворот вскоре попал и князь Куракин. На этот раз разыгрывались Лопухинская и Паленская партии, а ее проводником стал обер-штальмейстер граф И.П. Кутайсов. В таких условиях Куракин не мог, конечно, долговременно занимать столь престижную генерал-прокурорскую должность.

Барон Гейкинг писал по этому поводу в своих «Записках»: «Закулисные интриганы чувствовали, что их коалиция может держаться и привести к желанной цели лишь в том случае, если должности генерал-прокурора и петербургского военного генерал-губернатора будут в их руках. Прежде всего поэтому они стали подкапываться под князя Алексея Борисовича Куракина и генерала Буксгевдена. Кутайсов теперь только и знал, что расхваливал Палена; а так как ему известны были тайные соглашения Павла, то он сумел воспользоваться ими, чтобы доводить, по-видимому, самым естественным образом до ушей государя многочисленные восхваления человека, которому желали дать место».

Интриги сработали как нельзя лучше. 28 июля 1798 года барон П.А. Пален сменил петербургского генерал-губернатора

графа Буксгевдена, а 8 августа генерал-прокурор Куракин уступил свое место П.В. Лопухину.

28 октября 1798 года был освобожден от своей должности и брат Куракина — Александр Борисович. Вице-канцлером стал граф В.П. Кочубей.

После освобождения от должности генерал-прокурора князь Куракин некоторое время присутствовал в Правительствующем сенате. В течение почти двух лет он занимался составлением общего гербовника дворянских родов, а затем и вовсе вышел в отставку. Взошедший на престол Александр I в 1801 году повелел ему вновь присутствовать в первом департаменте Сената, а 4 февраля 1802 года назначил его генерал-губернатором Малороссии. Этот пост Алексей Борисович Куракин занимал почти шесть лет, оставив по себе благодарную память.

Куракин задумал широкое обустройство городов Малороссии. Он вышел с ходатайством об ассигновании ему средств для строительства многих важных сооружений. Александр I передал его просьбу в Министерство финансов. Первоначально было выделено по 400 тысяч рублей для каждой губернии. Для осуществления строительства Куракин добился учреждения при губернском правлении специальной строительной экспедиции. Время пребывания Куракина в должности генерал-губернатора Малороссии современники называли «эпохой строительства». По свидетельству писателя князя Долгорукова, Куракин хотел захолустную Полтаву сделать «в маленьком виде Петербургом».

За период его начальствования в Малороссии были сооружены многие общественные здания, открыты гимназии, приходские и ремесленные училища, школы, больницы, госпиталь, богадельни. Он заботился о разведении шелководства, о приведении в порядок минерального источника в Константиноградском уезде, занимался устройством каналов, почты, пожарной части, сбором различных статистических сведений о крае, организацией народных гуляний. Большую заботу проявлял о здоровье жителей Малороссии.

По его предложению были начаты работы по сооружению грандиозного памятника в Полтаве в честь 100-летнего юбилея Полтавской битвы. Памятник был торжественно открыт уже после отъезда Куракина 27 июля 1811 года.

Для первого дворянского собрания, состоявшегося после проведения выборов 27 июля 1802 года, он лично составил особый «Обряд выборов малороссийской Полтавской губернии благородного дворянства г. Полтавы». В нем подробно регламентированы все деяния местного дворянства.

В дальнейшем Куракин строго следил за тем, чтобы дворя-

не, избранные в дворянское собрание, выполняли свои обязанности.

В ноябре 1807 года князь А.Б. Куракин был назначен министром внутренних дел. В министерстве он проработал до марта 1810 года. Когда он занял этот пост, молодое министерство (а все министерства были образованы в 1802 году) только набирало силу. Многого надо было создавать вновь. Ознакомившись с работой министерства, Куракин сразу же обратил внимание на то, что существующие экспедиции не справляются с потоком дел. В то время число только входящих и исходящих дел превышало 40 тысяч. С целью улучшения управления он прежде всего занялся пересмотром штатов министерства, усилив многие структурные подразделения.

Министерство внутренних дел тогда выполняло самые разнообразные функции. На него были возложены вопросы снабжения населения продовольствием, устройства фабрик и заводов, почты, забота о медицинском обеспечении, борьбе с эпидемиями и т.п.

За свою деятельность на посту министра внутренних дел Куракин был удостоен ордена Св. Владимира 1-й степени. В Высочайшем рескрипте по этому поводу было сказано, что он награждается «за благовременные распоряжения разных мер, к обеспечению продовольствия относящихся, расширение нужнейших отечественных мануфактур и удобнейший распорядок медицинской части».

В 1810 году князь Куракин был направлен императором в Париж для приветствия Наполеона по случаю бракосочетания его с Марией-Луизой. После возвращения ему было поручено присутствовать в Государственном совете. Эти обязанности он выполнял в течение длительного времени, иногда даже «исправляя должность» председателя этого Совета.

11 ноября 1825 года Куракин был назначен председателем «комитета для пособия разоренным от наводнения жителям Петербурга». На этом поприще он многое сделал для обездоленных людей.

В том же году он выполнял обязанности верховного маршала во время печальной церемонии перевозки тела императора Александра I, умершего в Таганроге.

Во время восстания декабристов Куракин находился в Зимнем дворце. В 1826 году он был назначен членом Верховного уголовного суда, учрежденного по делу декабристов, а во время болезни Лопухина исполнял обязанности председателя этого суда. В том же году он был назначен канцлером российских орденов.

В 1828 году Куракин председательствовал в комиссии, созданной по вопросам борьбы с чумой.

Князь А.Б. Куракин умело подбирал себе талантливых сотрудников. Так, в 1796 году именно он оказал покровительство М.М. Сперанскому, будущему «светилу русской бюрократии». Он взял его к себе в домашние секретари, а когда стал генерал-прокурором, то назначил в сенатскую канцелярию. Благодаря Куракину талантливый чиновник быстро продвигался в чинах, за полтора года достигнув чина коллежского советника. Впоследствии, когда Сперанский занял высокие посты, стал графом, он не очень лестно отзывался о Куракине.

Не жаловали Куракина доброжелательными отзывами и некоторые другие его современники, в частности писатель князь И.М. Долгоруков, называвший его надменным.

Сам же Куракин так писал о своей деятельности: «Около 50 лет провел я в гражданской службе: из оных более 13 занимался при генерал-прокуроре, заведывавшем в то время все по государству дела — гражданские, полицейские и финансовые. Начав тут службу в низших должностях, я обязан был сам обрабатывать и приводить к концу все дела, через что входил во всю подробность оных и приобрел практические познания о их ходе. Потом удостоен был отправлением должности генерал-прокурора, служением в звании генерал-губернатора и возведен к занятию места министра внутренних дел, тем самым имея новый случай заниматься всеми почти частями внутреннего управления государства. Наконец, комиссия о прекращении заразы, высочайше на меня возложенная, подавала мне особенный случай видеть самому все непорядки и злоупотребления по губерниям ныне существующия».

Князь Куракин был женат на Наталье Ивановне Головиной и имел от брака сына Бориса.

Умер А.Б. Куракин в 1829 году.

Александр Андреевич
БЕКЛЕШОВ
1743—1808

«СЕЙ ДОСТОЙНЫЙ ЧЕЛОВЕК»

Из всех генерал-прокуроров павловского времени современники считали наиболее способным и достойным занимать столь высокий пост Александра Андреевича Беклешова. Однако ни ум, ни талант администратора, ни природное благородство не могли спасти его от переменчивого нрава императора. Поэтому генерал-прокурорство Беклешова при Павле I оказалось непродолжительным — чуть более полугода. Правда, при восшествии на престол Александра I Беклешов вновь стал генерал-прокурором и занимал этот пост еще полтора года — до образования министерств, когда он добровольно отказался от предложенной ему должности министра юстиции.

А.А. Беклешов родился в 1743 году. Он принадлежал к старинному дворянскому роду, ведущему свое начало от Степана Семеновича Беклешова, который в 1619 году внесен в список дворян и детей боярских с поместным окладом. Александр был одним из четырех сыновей капитан-лейтенанта флота Андрея Богдановича и его жены Анны Юрьевны, урожденной Голенищевой-Кутузовой.

В тринадцатилетнем возрасте Александр поступил в сухопутный кадетский корпус, где получил блестящее образование. Он учился вместе с С.А. Порошиным, будущим воспитателем Павла I. В своем «Дневнике» Порошин писал, что Беклешов прекрасно знал несколько иностранных языков, питал склонность к наукам, литературе, истории. В восемнадцать лет он становится сержантом, а еще через два года — подпоручиком. Состоя в должности адъютанта, он занимался воспитанием кадетов младших классов. Большое влияние на судьбу Беклешова оказал граф А.Г. Орлов, который заметил в корпусе молодого офицера и добился перевода его в 1769 году в лейб-гвардии Преображенский полк. Там он стал служить в чине поручика.

Беклешов принимал непосредственное участие в Русско-турецкой войне 1768—1774 гг., в частности в морских сражениях графа А.Г. Орлова — десанте на островах Негропонте и Митилене, в жаркой битве при штурме Форштата. Он участвовал так-

же в знаменитой морской битве в Чесменской бухте, произошедшей в ночь на 26 июля 1770 года.

В последующем он находился также в ряде других зарубежных походов, выслужив в 1773 году чин полковника. После окончания войны вместе с пехотным полком, которым он в то время командовал, Беклешов возвратился в Россию. Он стремительно продвигался в чинах. В тридцать шесть лет он уже бригадир, а вскоре и генерал-майор. В 1779 году он становится командиром шлиссельбургского полка, а 13 мая 1783 года назначается членом военной коллегии. На этом его военная карьера заканчивается и начинается еще более блестящая гражданская служба. В конце 1783 года, по личной инициативе Екатерины II, Беклешов назначается губернатором в Риге. Наместником Прибалтийского края в то время был граф Ю.Ю. Броун. В лице Беклешова он нашел себе верного и надежного помощника. Тогда шла активная работа по внедрению на практике нового закона о губерниях — Учреждения для управления губерний (1775 год). Особенно сложно закон приживался в Прибалтике, где были предоставлены подтвержденные привилегии. Все исходящее от центральной власти там встречалось настроенно. Екатерина II еще в «секретнейшем наставлении» князю Вяземскому писала, что эти провинции смотрят, «как волки к лесу». Она считала, что правление там может быть «легким», только если «разумные люди избраны будут». Именно такого человека она видела в Беклешове и не ошиблась в нем. В должности губернатора Риги он находился шесть лет, в течение которых активно занимался самыми разнообразными вопросами. Беклешову пришлось участвовать в заседании Правительствующего сената, на котором был выработан обширный акт о порядке применения новых законов в Прибалтийском крае.

В царствование Екатерины II был издан ряд распоряжений об изучении русского языка юношами и чиновниками Остзейского края. Когда в 1784 году туда были направлены для ревизии граф Воронцов и князь Долгоруков, им был дан наказ, чтобы «в тамошних училищах преподавался бы русский язык, как необходимо нужный» и без которого «употребление в должности весьма неудобно». Ревизоры нашли, что у Беклешова этот вопрос поставлен хорошо. Он активно занимался устройством школ с обязательным преподаванием русского языка. Беклешов сумел завоевать любовь местного населения. В 1784 году он удостоился за свою службу ордена Св. Владимира 2-й степени, а в 1789 году получил чин генерал-поручика.

24 ноября 1789 года Беклешов получает новое назначение — генерал-губернатора Орловского и Курского наместничества.

По мысли Екатерины II, выраженной ею в Учреждении для управления губерний, генерал-губернатор считался государственным наместником. В соответствии с законом он был обязан «строгое и точное взыскание чинить со всех ему подчиненных мест и людей и исполнение законов и определенного их звания и должности: но без суда да не накажет никого; преступников законов и должностей да отошлет, куда по узаконениям следует для суда».

Наместник выступал как «оберегатель императорского величества изданного узаконения, ходатай за пользу общую и государеву, заступник утесненных и побудитель безгласных дел». «Словом сказать, неся имя государева наместника, — отмечалось в законе, — должен он показать в поступках своих добротство, любовь и соболезнование к народу». Беклешов, по мнению современников, в полной мере обладал теми качествами, которые предъявлялись к генерал-губернаторам императрицей.

Генерал-губернатором Орловского и Курского наместничеств Беклешов служил шесть лет и был удостоен за это ордена Св. Александра Невского.

Вступивший на престол Павел I в течение трех лет беспрестанно перебрасывал Беклешова с одной должности на другую. 2 декабря 1796 года он назначает его малороссийским генерал-губернатором, но уже на следующий день Беклешов был зачислен в «воинский список генерал-лейтенантов» и назначен шефом мушкетерского полка, а еще через день — Каменец-Подольским генерал-губернатором, с поручением управлять губерниями Волынской и Подольской. В январе 1797 года Беклешову была вверена екатерининская дивизия, а в день коронации Павла I, 5 апреля того же года, он становится генералом от инфантерии, и ему была «пожалована» тысяча душ крепостных крестьян.

Придворный врач Рожерсон писал в то время графу Воронцову: «Мы счастливы по причине назначения Беклешова на место Тутолмина, который был ненавидим до такой степени, что некоторые опасались какого-нибудь взрыва против него, так как был надменный и допуская взятничество свыше всякой меры».

Управляя юго-западными губерниями, Беклешов ввел в делопроизводство местных властей русский язык и осуществил целый ряд других полезных мероприятий. Вот что писал о Беклешове того периода князь А. Чарторыский: «Это был человек широко-русской партии, с виду грубый, но который под весьма грубою внешностью хранил правдивое сердце, твердое и сострадательное к бедствиям других. Его репутация, как благород-

ного человека, была прочно установившаяся. Он сумел сохранить это качество даже во время управления южными губерниями. Там он показал себя справедливым в отношении к управляемым и строгим в отношении к подчиненным. Он противодействовал, насколько мог, воровству, злоупотреблениям, обманам. Он не мог терпеть, чтобы его поверенные злоупотребляли правосудием ради своего прибытка. Он вышел чистым и незапятнанным из этого испытания, окруженный признательностью местных жителей. Подобных примеров весьма мало среди высших сановников».

Однако занимать должность генерал-губернатора ему пришлось недолго. В феврале 1798 года произошли серьезные беспорядки в корпусе принца Конде. Этот корпус состоял из трех пехотных и трех кавалерийских полков французских солдат, принятых на русскую службу в 1797 году, расквартированных в Подольской губернии. Разгневанный Павел I направил Беклешову строгий указ о «произведении суда сообразно с уставами», а затем освободил его от должности и в чине действительного тайного советника «повелел» присутствовать в четвертом департаменте Правительствующего сената. По этому поводу один из важных сановников — князь А.А. Безбородко писал С.Р. Воронцову: «Сей достойный человек пользовался кредитом не малое время. Большим усердием потерял его. Причили ему в вину, будто бы он хочет учить и вразумлять... Жаль, что его потеряли. Он кроме военной службы был бы лучший генерал-прокурор и на многое годился бы».

Спустя три месяца император назначил Беклешова малороссийским генерал-губернатором, а впоследствии и киевским военным губернатором, поручив ему также исполнять обязанности шефа киевского гренадерского полка и инспектора украинской дивизии.

7 июня 1799 года Павел I зачислил Беклешова в свою свиту, через несколько дней назначил его присутствующим в Императорском Совете, а спустя еще месяц (как бы в подтверждение слов Безбородко) — генерал-прокурором. Тогда же он наградил его орденом Иоанна Иерусалимского.

Пребывание Беклешова на посту генерал-прокурора в царствование Павла I, как уже отмечалось, было кратковременным, хотя при назначении император выдал ему очень солидный *вексель*, признав его фактически вторым лицом в государстве. П. Иванов приводит такие слова Павла I, сказанные им при первом свидании с Беклешовым, выступавшим в качестве генерал-прокурора: «Знаешь ли ты прежних генерал-прокуроров? Какой был генерал-прокурор Куракин! Какой Лопухин! Ты да я, я да ты, вперед мы одни будем дела делать».

При Павле I происходит сокращение численности органов прокуратуры. Вначале, с закрытием верхних земских судов и верхних расправ, а с 1800 года — губернских магистратов, были упразднены состоявшие при них прокуроры, а в период с 1797 по 1799 год были ликвидированы и губернские стряпчие.

Генерал-прокурор Беклешов в царствование Павла I выполнял все те же самые разнообразные функции, что и его предшественники. Дела административные, судебные, военные, финансовые, хозяйственные и прочие — все это было в поле его зрения.

Хотя назначение Беклешова генерал-прокурором многие желможи приветствовали, все же врагов у него было более чем достаточно.

По свидетельству современников, Беклешов был человек светлого ума, весьма сведущий в государственном управлении. Он отличался безукоризненной честностью и правдивостью, но был очень «несдержан в словах и отзывах своих». Не умея укрощать пылкого своего нрава, он был тяжел и не всегда приятен в служебных отношениях, хотя гнев его не был продолжительным. Он любил науки и беседы с учеными людьми.

В своих «Записках» русский поэт, баснописец и государственный деятель И.И. Дмитриев писал, что Беклешов, не имея опыта своих предшественников, был очень трудолюбив. Он охотно и терпеливо выслушивал доклады и объяснения обер-прокуроров и почти всегда утверждал их заключения.

Другой видный сановник, М.М. Сперанский, работавший с четырьмя генерал-прокурорами павловского времени, писал: «Беклешов был их всех умнее, но и всех несчастнее — ему ничего не удавалось; всех их менее имел способностей Оболянинов, и ему все с рук сходило».

2 февраля 1800 года Павел I неожиданно уволил Беклешова не только с должности генерал-прокурора, но и вовсе со службы. На место генерал-прокурора был назначен П.Х. Оболянинов. По мнению Сперанского, причина увольнения Беклешова заключалась в том, что он «мало уважал требования случайных людей при дворе и потому часто бывал с ними в размолвке».

А вот что писал по этому поводу барон Гейкинг: «Должность генерал-прокурора есть одна из тех, влияние которой распространяется на все государство и внушает такой же страх в Камчатке, как в Курляндии или в Петербурге... Выбор нового генерал-прокурора повсюду был встречен с удовольствием. Находясь в Петербурге, я познакомился с ним, но только поверхностно, однако был очень рад его назначению, будучи убежден, что он пойдет прямою дорогою. Вдруг о Беклешове стали, как бы случайно, поговаривать в неблагоприятном смысле; а так

как он показывал, что не обращает на это внимания, то опала его была решена. Стали делать ему тысячи неприятностей, и так как он, кроме того, осмелился противоречить государю по поводу судебных решений, то его стали попрекать в учительском тоне, в тяжеловесном и неприятном ведении дел».

Вступивший на престол Александр I торжественно провозгласил в своем Манифесте от 12 марта 1801 года, что будет управлять Россией «по закону и по сердцу Екатерины». К началу его царствования высшие органы государственного управления, вследствие произведенных в конце XVIII века целого ряда разрозненных реорганизаций, были приведены в беспорядочное состояние. Необходимость переустройства центральных учреждений становилась все более очевидной. При Александре I началось осуществление обширных административных преобразований.

16 марта 1801 года Александр I вернул Беклешова на должность генерал-прокурора, и таким образом Александр Андреевич вторично занял этот высокий пост. Александр I поручил ему ежедневно лично подносить доклады и мемории от Сената. По мнению Г.Р. Державина, в первый год царствования Александра I именно Беклешов вместе с Д.П. Трошинским, бывшим в то время первым статс-секретарем, и А.Р. Воронцовым имели наибольшее влияние на молодого императора и «ворочали государством».

В первые же дни царствования Александра I последовал указ об уничтожении Тайной экспедиции: «О прощении людей, содержащихся по делам, производившимся в Тайной экспедиции, с присовокуплением 4-х списков оных». В указе отмечалось: «Обращая бдительное внимание на все состояние врученного нам от Бога народа и желая наипаче облегчить тягостный жребий людей, содержащихся по делам, в Тайной экспедиции производившимся, препровождая при сем четыре списка... Всемилоостивейше прощая всех поименованных в тех списках без изъятия, возводя лишенных чинов и дворянства в первобытное их достоинство и повелевая Сенату нашему освободить их немедленно из настоящих мест их пребывания и дозволить возвратиться, кто куда желает, уничтожа над последними и порученный присмотр».

Заниматься выполнением этого указа предстояло генерал-прокурору Беклешову. Через него шла вся переписка об освобождении ранее осужденных лиц.

При Александре I функции генерал-прокурора были значительно сокращены. Одновременно с указом о правах и обязанностях Сената негласно готовился и указ об учреждении министерств, который был подписан 8 сентября 1802 года. По этому

указу генерал-прокурор становился одновременно и министром юстиции. Считая, что функции его как генерал-прокурора существенно ограничены, Беклешов отказался от предложенного ему императором поста министра юстиции и вышел в отставку.

Беклешов вернулся на службу в апреле 1804 года, когда был назначен наместником Москвы. При этом он совмещал две должности: генерал-губернатора, то есть наместника, имеющую функции надзора и контроля, а также начальника местных воинских соединений, и губернатора — начальника местного управления, председателя губернского правления.

В одном из своих наставлений московским властям Беклешов писал: «Слабости снисходи, проступки исправляй, злонамеренность преследуй, преступления предотвращай, а раскаяние прощай». Сам же он именно так и поступил. Проявляя строгость к преступникам, взяточникам, он в то же время довольно гуманно относился к «дерзостным проступкам» молодых людей. Так, например, однажды произошла драка в общественном месте между дворянами Лихаревым и Похвисневым. Обоих доставили к обер-полицмейстеру А.Д. Балашову, который представил об этом рапорт генерал-губернатору. На докладной записке обер-полицмейстера Беклешов написал: «Лихарева с Похвисневым содержать как озорников под арестом, покуда искренне не помирятся; а помирятся, так тотчас выпустить, сделав нотацию, что благородным людям, к соблазну публики, приходить в азарт и драться стыдно».

В другой раз он простил и более тяжкий проступок. В первых числах декабря 1805 года молодые офицеры Черемисов, Зотин и Крюков, находясь в трактире, при большом стечении народа открыто и довольно резко высказывались в отношении правительства Александра I. Молодых людей тотчас доставили к Беклешову. Все думали, что он их примерно накажет, а то и отдаст под суд. Однако генерал-губернатор приказал их ввести к себе в приемную, где было много публики, и при всех стал им выговаривать: «Ах вы, негодные мальчишки! Служили без году неделя, да туда же суетесь судить и рядить о политике и критиковать поступки таких особ. Знаете ли, что вас, как школьничков, следовало бы выпороть хорошенько розгами! И вы еще щвынаетесь дворянами и благородными людьми — бессовестные! Какие вы, к черту, благородные люди! Так, щавель, сушая пришь!» После этого он приказал отпустить их.

Он всегда относился сострадательно к людям, чем мог помочь им. Об этом свидетельствует такой факт. Как-то раз к нему уже в который раз явилась с просьбой о детях вдова надворного советника Федорова, судимого за растрату казенных денег и умершего в заключении. «Ну, ты опять пришла, — говорит ей

Беклешов, — ведь я сказал уже тебе, что муж твой был плут, и я за тебя, хоть ты расплачься, государя беспокоить не стану. А вот тебе на бедность от меня еще сто рублей; как проешь их, так добрые люди еще помогут. О старших же ребятишках попрошу губернского предводителя или кого-нибудь из ученых, чтоб поместили в какое-нибудь училище. Ну, теперь пошла».

Известный литератор С. П. Жихарев, впоследствии занимавший пост Московского губернского прокурора и обер-прокурора Сената, в своих интересных «Записках современника» писал о Беклешове: «Почтенный начальник Москвы, Александр Андреевич Беклешов, столь известный своим здравым русским умом, неколебимостью и праводушием своего характера, есть вместе человек самого доброго и нежного сердца. Кто бы мог это сказать, смотря на угрюмую его физиономию и некоторую жесткость в обхождении?»

В августе 1806 года Беклешов по состоянию здоровья вышел в отставку. На его место были назначены сразу два человека: генерал-губернатор Тутолмин и губернатор Ланский. По этому поводу Жихарев писал, что все «сожалеют об Александре Андреевиче, которому болезнь воспрепятствовала продолжать быть пестуном древней столицы».

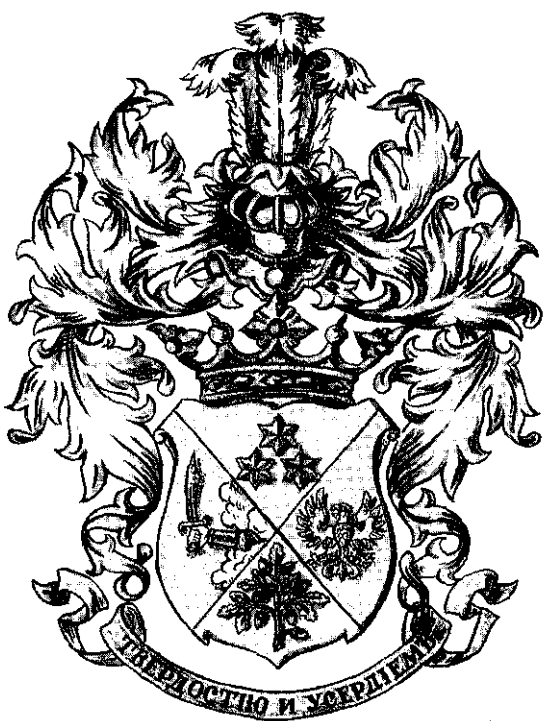
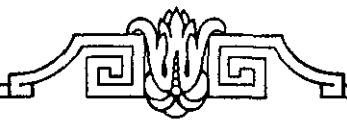
Александр I «пожаловал» ему за службу алмазный знак ордена Св. Андрея Первозванного и в особом «рескрипте» на его имя выразил надежду снова видеть его, по выздоровлении, на службе.

В 1807 году Беклешов был избран главнокомандующим второго областного земского войска, которое сам и образовал. За это он был награжден орденом Св. Владимира I-й степени. Умер он в Риге в 1808 году.

Беклешов не был женат. Однако он имел воспитанника, которого усыновил. В указе Павла I от 1791 года отмечается, что воспитанник Беклешова, Алексей Александрович, признается рожденным дворянином, ему дается фамилия Беклешова, и за ним утверждаются все права как сына. Алексей Беклешов в составе лейб-гвардии Литовского полка принимал участие в Отечественной войне с французами и погиб в двадцать два года в сражении под Кульмом.

Петр Хрисанфович
ОБОЛЪЯНИНОВ
1752—1841

«БЕСПРЕКОСЛОВНЫЙ ИСПОЛНИТЕЛЬ ПРИКАЗАНИЙ»

Последним генерал-прокурором павловского времени был Петр Хрисанфович Оболянинов, занимавший эту должность немногим более года. П.Х. Оболянинов родился в 1752 году в небогатой, но старинной дворянской семье. Родители его, не обладая достаточными средствами, а самое главное, не имея прочных связей среди важных сановников, не смогли, как это часто практиковалось в то время в дворянской среде, записать сына с детских лет в гвардейский полк. Не получил Петр сколько-нибудь систематического образования и дома — обучался только чтению и письму. До шестнадцатилетнего возраста он жил со своими родителями. Лишь в 1768 году он был записан кадетом в армию и в том же году начал военную службу. Не обладая разносторонними и прочными знаниями, Оболянинов, однако, резко выделялся среди своих сверстников «усердным исполнением своих обязанностей и беспрекословным и пунктуальным следованием приказаний высшего начальства». Этих качеств оказалось достаточно для того, чтобы довольно быстро продвигаться в чинах. Уже на другой год он получает одно за другим два чина — прапорщика и подпоручика, а в 1770 году становится поручиком. Еще через три года Оболянинова произвели в капитаны, а затем в секунд-майоры. В этом чине он служил в Новгородском батальоне. Выслужив чин премьер-майора, не вполне удовлетворенный службой, Оболянинов в двадцативосьмилетнем возрасте выходит в отставку.

В течение последующих трех лет Оболянинов нигде не служил. Однако ограниченность средств вынуждает его вновь хлопотать о службе. В 1783 году указом Правительствующего сената он был назначен губернским стряпчим в Псковское наместническое правление. Губернские стряпчие, в соответствии с Учреждениями для управления губерний, определялись для того, чтобы «губернскому прокурору служить советом в случающихся делах его должности и чтоб вместо губернского прокурора именем его представлять заключения в палатах».

Выполняя обязанности губернского стряпчего, Оболянинов

давал заключения в палатах, выступал истцом, когда были нарушены законы или совершено преступление, получал из присутственных мест необходимые сведения, рассматривал дела, касающиеся казенного интереса, незаконных сборов с народа, о взяточничестве и другие.

Через несколько лет Оболянинов был переведен на более высокую должность — советником в палату гражданского суда, а в 1792 году — в казенную палату, с присвоением чина надворного советника.

Служба на гражданском поприще мало привлекала Оболянинова, и он усиленно ходатайствовал о переводе его на какую-нибудь должность в армию. Наконец удача пришла к нему. В 1793 году его производят в подполковники и предоставляют должность в адмиралтействе. Оболянинов попадает в гатчинские войска, и с этого времени начинается стремительный взлет его карьеры. Дисциплинированный, пунктуальный, энергичный офицер обратил на себя внимание великого князя Павла Петровича, который выше всех качеств ценил в человеке толковость и исполнительность.

В течение трех лет Оболянинов получил последовательно чины полковника и генерал-майора, а в 1796 году назначается генерал-провиантмейстером. Почти одновременно с этим он награждается орденами Св. Анны 1-й степени и Св. Александра Невского.

Возглавляя провиантскую экспедицию, Оболянинов всеми силами стремился предупредить любое желание императора. И это ему вполне удавалось во многом благодаря толковым сотрудникам, а также проницательности самого генерал-провиантмейстера. Зная, как император любит свою Гатчину, Оболянинов старался обустроить ее так, чтобы сделать приятное Павлу I.

Дочь известного деятеля русской культуры, поэта, переводчика и архитектора Николая Александровича Львова — В.Н. Львова описала в своих «Записках» такой факт. Однажды ее отец гулял с Оболяниновым по Гатчине. Он заметил ключ, из которого вытекал прекрасный ручеек. «Из этого, — сказал он Оболянинову, — можно сделать прелесть, так природа тут хороша». «А что, — отвечал Оболянинов, — берешься, Николай Александрович, сделать что-нибудь прекрасное?» «Берусь», — ответил Львов. «Итак, — продолжал Оболянинов, — сделаем сюрприз императору Павлу Петровичу. Я буду его в прогулках отвлекать от этого места, пока ты работать станешь».

Уже на другой день Львов нарисовал план и приступил к работе. Он представил, что быстрый ручей разрушил древний храм, останки которого, колонны и капители, разметаны были

по местам, а иные, вполовину разрушенные, еще существовали. Львов показал свою работу Оболяянинову, и тот пришел в восторг. «Еду сейчас за государем, — сказал Оболяянинов, — привезу его сюда, а ты, Николай Александрович, спрячься за эти кусты, я тебя вызову».

Через некоторое время Павел I приезжает на это место со своей свитой. Он в восхищении. Оболяянинов подходит к нему и что-то говорит на ухо. Государь его обнимает, благодарит. Потом все садятся на лошадей и уезжают, а Львов так и остался за кустом. Впоследствии он так и не решился обличить Оболяянинова перед государем.

Сотрудников провиантской экспедиции Оболяянинов держал в постоянном страхе. Они считали, что он «не печется о их счастии», постоянно бранится и устраивает им разносы. Бранные слова он употреблял даже в официальных бумагах. По словам бывшего сотрудника Оболяянинова Д.Б. Мертваго, оставившего интересные «Записки», многие бумаги, подписанные генерал-провиантмейстером, были написаны так грубо, что даже «неприлично хранить подобные документы в архиве». Дела в экспедиции совсем были «недвижимы», журналы решений не подписывались по нескольку месяцев, секретари постоянно между собой ругались и более ничего не делали.

Из-за недостаточной компетенции происходили досадные срывы. Так, в 1797 году был учрежден так называемый военный комитет под председательством великого князя Александра Павловича. Членом его, наряду с некоторыми высшими сановниками военного ведомства, был назначен и Оболяянинов. Случилось так, что не оповещенный вовремя о дне работы комитета Оболяянинов опоздал на первое заседание, за что получил выговор, опубликованный в печати. Это сильно расстроило всегда дисциплинированного Оболяянинова. А тут еще комитет стал требовать от него разнообразных сведений, необходимых для решения вопроса о том, как лучше и удобнее содержать армию. Сведений этих получить было неоткуда, так как ведомство Оболяянинова не было подготовлено к таким запросам. Только благодаря изворотливости чиновников Оболяянинову удалось выкрутиться из щекотливого положения.

Вскоре о нем стали распространять «дурные слухи», появились доносы, по которым даже началось следствие. По одному делу на всю провиантскую экспедицию было наложено взыскание. Над Оболяяниновым нависла угроза оставки. Однако он сумел как-то оправдаться, и император, в компенсацию морального ущерба, подарил ему богатую табакерку со своим портретом, а затем наградил его бриллиантовым знаком ордена Св. Александра Невского.

В 1799 году Оболянинов стал сенатором первого департамента Правительствующего сената. А вскоре его ожидал и еще более высокий взлет.

8 февраля 1800 года Павел I назначил Петра Хрисанфовича Оболянинова генерал-прокурором с оставлением за ним должности генерал-провиантмейстера. И сразу же на него посыпались царские милости и награды. В течение года он получил чин генерала от инфантерии, большой крест ордена Св. Иоанна Иерусалимского, орден Св. Андрея Первозванного, дом в Петербурге, расположенный на углу Большой Морской и Почтамтской улиц, на 120 тыс. рублей различных фарфоровых и серебряных сервизов и других редких вещей. Жена его была «пожалована» орденом Св. Екатерины.

По мнению современников, эта должность была явно не по Оболянинову. Они считали, что при «недостатке ума» и ничтожном образовании, благодаря честности и строгому отношению к своим обязанностям, он мог быть «хорошим батальонным или полковым комиссаром», но этих качеств оказалось недостаточно для занятия генерал-прокурорской должности. Поэтому с появлением Оболянинова, как отмечали современники, «дела пошли еще хуже прежнего; произвол водворился окончательно и над людьми, и в деловых решениях. Генерал-прокурор слепо исполнял все полученные повеления и никогда не возражал».

Вспыльчивый, грубый, невоздержанный, Оболянинов постоянно ругал не только своих подчиненных, но и сенаторов. С первых же дней генерал-прокурор своим «бешеным нравом» привел в трепет всю сенатскую канцелярию, подчиненную ему.

Видный государственный деятель России М.М. Сперанский, служивший при нескольких генерал-прокурорах, в том числе и при Оболянинове, говорил: «При всех четырех генерал-прокурорах, различных в характерах, нравах, способностях, был я, если не по имени, то по самой вещи, правителем их канцелярии. Одному надобно было угождать так, другому иначе; для одного достаточно было исправности в делах, для другого более того требовалось: быть в пудре, в мундире, при шпаге, и я был всяческая во всем».

И Сперанский сумел завоевать не только благорасположение к себе грозного начальника, но и его заступничество и покровительство, что было очень кстати.

Сперанский много был наслышан о «грубом и запальчивом нраве» своего нового начальника. О его «площадных» ругательствах в городе ходили анекдоты. Пользовавшийся доверием прежних генерал-прокуроров, он решил, что все будет зависеть от первой встречи с начальником. И к ней подготовился самым

неожиданным образом. В назначенный день и час Сперанский явился в приемную Оболянинова. О нем доложили, и генерал-прокурор тотчас принял его. Оболянинов сидел за письменным столом, спиной к двери. Когда он обернулся, то остолбенел от неожиданности: вместо раболепно согнувшегося чиновника генерал-прокурор увидел молодого человека очень приятной наружности, стоявшего в почтительной, но достаточно независимой позе. Еще более поразила Оболянинова одежда молодого чиновника — свободный французский кафтан, чулки и башмаки, жабо и манжеты. Генерал-прокурор тотчас предложил Сперанскому сесть и вообще обошелся с ним так вежливо, как только умел.

Несмотря на свой грубый нрав, Оболянинов ценил и всячески выделял талантливых сотрудников. Когда он увидел в Сперанском не только изысканно одетого чиновника приятной наружности, но и очень способного к делам, он поддерживал и защищал его.

По указанию императора все чиновники сенатской канцелярии, служившие при Беклешове, должны были быть уволены. Однако генерал-прокурор сумел отстоять Сперанского.

Оболянинов пользовался полным доверием императора Павла I. Своей близостью к императору он вызывал трепет у самых высоких сановников. У его дома постоянно находились экипажи: к нему приезжали с докладами и предложениями, от него ждали милостей. В доме генерал-прокурора можно было встретить даже великих князей Александра и Константина.

Некоторые лица пытались «подкупить» Оболянинова. Так, некая Угриновичева вместе с прошением по делу прислала генерал-прокурору карманную книжку, расшитую шелком. Оболянинов направил ее прошение и «подарок» генерал-губернатору Эртелю и просил его вернуть их под расписку заявительнице и предупредить ее, чтобы она впредь воздержалась «от неприличной переписки и дерзкой посылки подарка».

Время императора Павла I было тяжелое. В обществе усилилась подозрительность, начались репрессии, принявшие особо мовещий размах во время генерал-прокуратуры Оболянинова.

В руках генерал-прокурора находилась ненавистная всем Тайная экспедиция.

В царствование Павла I в среднем через Тайную экспедицию проходило по 180 дел в год; основную массу обвиняемых составляли дворяне.

«Время было самое ужасное, — писал об этом периоде Д.Б. Мертваго, — государь был на многих в подозрении. Тайная канцелярия (Д.Б. Мертваго называет так Тайную экспедицию. — Авт.) была занята делами более вотчинной; знатных

сановников почти ежедневно отставляли от службы и ссылали на житье в деревни. Государь занялся делами церковными, преследовал раскольников, разбираал основание их секты, многих брали в Тайную канцелярию, брили им бороды, били и отправляли на поселение. Словом, ежедневный ужас. Сердце болело, слушая шепоты, и рад бы не знать того, что рассказывают».

А вот как описывает обстановку в столице известный поэт и государственный деятель И.И. Дмитриев: «Несколько раз по воскресным дням бывал во дворце и, несмотря на всепрощение исключенных, находил все комнаты почти пустыми. Вход для чиновников был уже ограничен; представление приезжих, откланивающихся и благодарящих, за исключением некоторых, было отставлено. Государь уже редко проходил в церковь чрез наружные комнаты. Строгость полиции была удвоена».

По заданию генерал-прокурора Оболянинова за многими важными сановниками, подозреваемыми в чем-либо, организовывались слежки, в частности за сыном знаменитого фельдмаршала Николаем Румянцевым. Император санкционировал «наблюдение за поведением» князя Долгорукова, князей Алексея и Александра Куракиных, графов Кирилла и Андрея Разумовских, князя Голицына и других.

Прокурорам специальными инструкциями было предписано «доносить по службе о самых главных чиновниках в губерниях», надзирать за иностранцами и тщательно «сверять их подорожные с маршрутом», обращаться «к переписке и сочинениям из чужих краев» и т. п. Обо всем этом прокуроры обязаны были докладывать лично генерал-прокурору.

Усилились цензурные репрессии. В соответствии с указом от 17 мая 1798 года предписано было устроить цензуры во всех портах и строго наблюдать в столичных почтамтах за газетами и книгами, получаемыми из-за границы.

Павел I всецело доверял Оболянинову. Более того, даже к его близким он относился без подозрения. Сам генерал-прокурор также не страдал излишней подозрительностью. Именно этим и воспользовались участники заговора против Павла I, избрав дом Оболянинова местом своего сбора.

Против императора Павла I зрел заговор, во главе которого стояли граф Пален, братья Зубовы и другие. Генерал-прокурор Оболянинов, человек, действительно преданный государю не за страх, а за совесть, что-то неладное заподозрил. Правда, предполагал, что в заговоре может быть замешана императрица, то есть шел по ложному пути. Тем не менее 9 марта, за два дня до убийства Павла I, он предупреждает императора о нависшей над ним опасности.

Последним проявлением глубокого уважения Павла I к Оболяянинову было данное ему 11 марта 1801 года поручение привести к присяге на верность государю великих князей Александра и Константина. Процедура эта состоялась утром в церкви Михайловского замка.

Примерно в девять часов вечера Оболяянинов уехал из дворца, а уже в час ночи был арестован. Приказ об аресте генерал-прокурора отдал Александр Павлович.

Вот как рассказывает об этом событии Д.Б. Мертваго в своих «Записках»:

«Не доезжая до дома, увидел я кругом войска, и потому, выйдя из саней, пошел пешком. Через двор и по маленькой лестнице я вошел в дом и застал в столовой офицера, который, к счастью, знал меня. Он спросил меня, зачем я пришел, и позволил мне идти к вчерашнему начальнику. Я нашел его в постели с совершенно спокойным лицом. Жена и сестра и другие женщины, живущие в доме, сидели возле. Он очень мне обрадовался и рассказал о происшествиях, с ним случившихся.

В час пополудни, когда он еще не заснул, пришел к нему плац-майор с командою, объявил, что он арестован, но не сказал, по чьему повелению, позволил ему одеваться в столовой, окружив его солдатами с ружьями и с примкнутыми штыками. Зная переменчивый нрав государя, Оболяянинов думал, что это все происходит по его повелению, несмотря на то, что только вечером в девять часов от него уехал и государь был очень к нему милостив. Думая о том, чем он мог провиниться, и вспоминая все то, что он говорил и делал, он не понимал причины такой сильной строгости. Когда он оделся и плац-майор приказал ему идти за ним, Оболяянинов отдал ему свою штагу, объявив, что, занимаясь государственными делами, у него есть бумаги, заключающие в себе тайну, запер при нем свой кабинет и ключи взял с собою. Его привели в ордонанс-гауз, где он лег и уснул... Когда рассвело, ему объявили о кончине государя и дозволили возвратиться домой, где оставлен был один офицер для надзора».

Писатель А. Коцебу добавляет к этому рассказу еще один штрих. По его словам, когда Оболяянинова повели в ордонанс-гауз, «дорогою он испытал несколько вполне заслуженных оскорблений».

16 марта 1801 года последовал указ Александра I Сенату об увольнении Оболяянинова по собственному прошению, «за болезнью».

Выйдя в отставку, Петр Хрисанфович Оболяянинов поселился в Москве. В течение последующих 17 лет он не занимал никаких должностей: ни государственных, ни общественных.

Потом московские дворяне избрали его своим предводителем. В последующем он еще дважды удостоивался этой чести. Когда же в 1828 году дворяне в четвертый раз вздумали избрать Обольянинова своим предводителем, он категорически отказался.

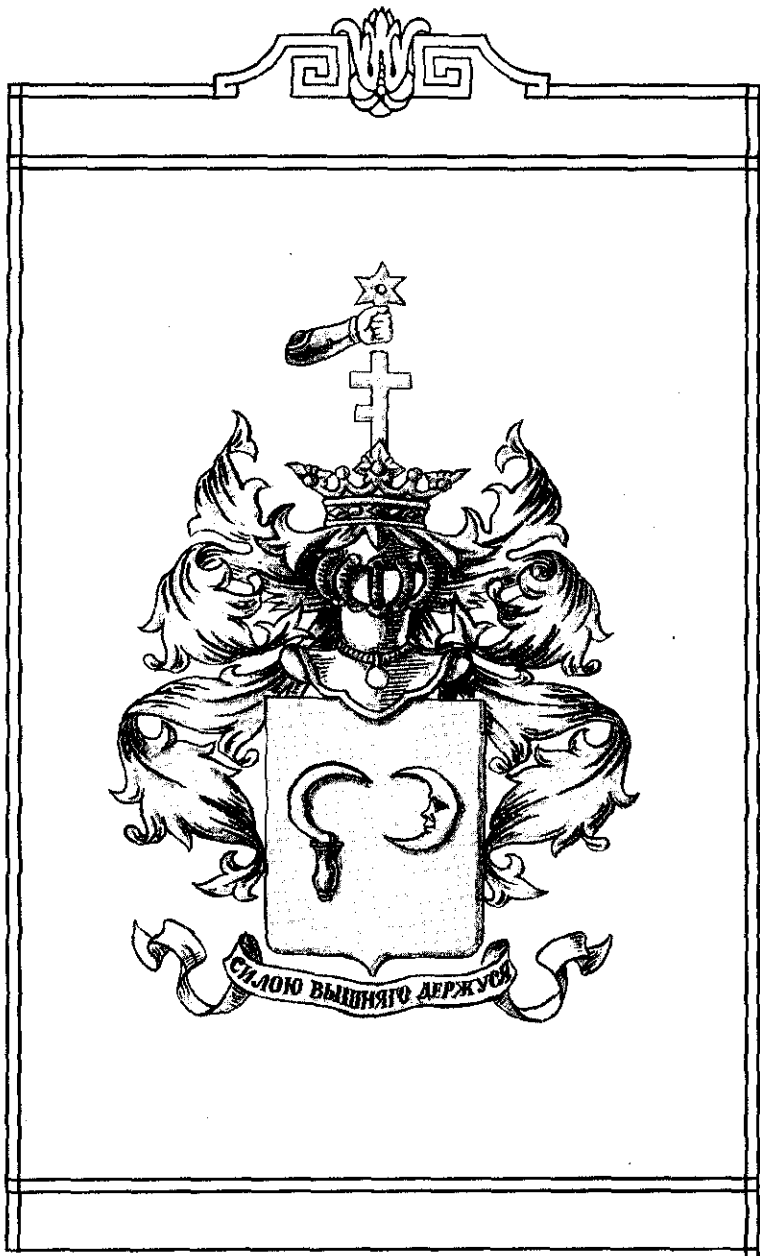
На общественном поприще он работал так же старательно и ответственно, как и на государственной службе. За особое усердие и ревность в 1823 году он был награжден орденом Св. Владимира 1-й степени, а в 1826 году ему была «изъявлена» Высочайшая признательность.

После 14 декабря 1825 года Обольянинов проявил известное мужество, на что тогда не все могли решиться. Так, он смело ходатайствовал о помиловании или смягчении наказания князю Е.П. Оболенскому, сыну своего хорошего знакомого и уважаемого всей Москвой князя П.А. Оболенского.

Последние годы своей жизни Обольянинов провел в селе Толожне Новоторожского уезда Тверской губернии, где и скончался в 1841 году, на 90-м году от рождения.

Гаврила Романович
ДЕРЖАВИН
1743—1816

«ПО СТЕЗЕ ПРАВДЫ И ЗАКОНОВ»

Начало каждого нового столетия обычно связано в России с ожиданием реформ. XIX век не был исключением. Вступивший на российский престол император Александр I, окруженный честолюбивыми, жаждущими деятельности молодыми людьми, провел целый ряд преобразований, которые вселяли надежду на дальнейшее укрепление могущества обширной империи, расцвет культуры, науки и искусства. Среди них одно из важнейших — учреждение в России министерств.

«Мы заблагорассудили, — сообщалось в Манифесте от 8 сентября 1802 года, — разделить государственные дела на разные части, сообразно естественной связи между собою, и для благоуспешнейшего течения поручить оные ведению избранным министрам...»

В ведение министра юстиции было передано управление судебной частью и обязанности генерал-прокурора. В тот же день последовал Высочайший указ Правительствующему сенату: «Министром Юстиции или Генерал-Прокурором повелеваем быть Действительному Тайному Советнику Державину, предоставляя впредь назначить ему Товарища». Спустя несколько дней Державин был приведен к присяге в Сенате.

Так первым министром юстиции России и одновременно генерал-прокурором стал знаменитый русский поэт Гаврила Романович Державин.

Г.Р. Державин родился 3 июля 1743 года в одной из деревень своего отца близ Казани. Он принадлежал к мелкопоместному, но старинному дворянскому роду, ведшему свое начало от служивого человека при князе Василии Темном мурзы Багрима. Один из его потомков, Нарбеков, служивший в Казани, получил прозвище «Держава». От него и пошел род Державиных.

Отец Державина, секунд-майор Роман Николаевич, когда родился Гаврила, служил в казанском гарнизоне. Потом — в Ставрополе и Оренбурге. В 1754 году он вышел по болезни в отставку и в ноябре того же года умер. Гавриле шел в это время двенадцатый год. Мать Державина, Фекла Андреевна, урож-

денная Козлова, осталась почти без всяких средств к существованию. Именья практически не давали никакого дохода, к тому же часть земли захватили соседи-помещики и с ними начались бесконечные судебные тяжбы.

Вспоминая впоследствии о многочисленных хождениях матери с малолетними сыновьями в поисках правды и справедливости по судебным учреждениям, Державин писал в своих «Записках»: «Таковое страдание матери от несправедливости вечно оставалось запечатленным на его сердце, и он, будучи потом в высоких достоинствах, не мог сносить равнодушно неправды и притеснения вдов и сирот». *Идея правды и справедливости сделалась с тех пор господствующей его чертой.*

Первое образование мальчик получил в семье — мать старалась приохотить его к чтению церковных книг: когда семья жила в Оренбурге, Гаврила начал посещать школу немца Иосифа Розе, человека грубого и малообразованного. Когда ему исполнилось пятнадцать лет, он поступил в только что открывшуюся в Казани гимназию. Здесь обучали латинскому, немецкому и французскому языкам, арифметике, геометрии, музыке, танцам, фехтованию. За особое отличие в геометрии Державину было объявлено, что он подлежит зачислению на службу в инженерный корпус. Однако в документах оказалась какая-то путаница и вместо инженерного корпуса он был записан рядовым в лейб-гвардии Преображенский полк, и на службу ему предстояло явиться 1 января 1762 года.

Дворяне, приписанные к этому полку, обычно жили в квартирах, но у Державина не оказалось достаточных средств для того, чтобы снять самую жалкую комнату. Пришлось довольствоваться казармой. Началась тяжелая муштра: фрунтовая служба, смотры, ружейные приемы, караулы... А в промежутках между строевыми учениями ему приходилось убирать улицу от снега, доставлять провиант, чистить каналы, выполнять поручения офицеров.

Первые свои стихи Державин стал сочинять еще в Казани. Теперь же почти все свободное время он посвящал поэзии. Умение писать стихи по всяким поводам, письма за своих товарищей сделало его вскоре любимцем всей роты.

В 1762 году волею судьбы девятнадцатилетнему мушкетеру Державину вместе со всем полком пришлось участвовать в дворцовом перевороте, который возвел на престол жену императора Петра III — Екатерину II.

15 мая 1763 года, получив чин капрала, Державин выхлопотал себе отпуск и отправился на родину, в Казань.

В январе 1767 года Державин был произведен в капитанармусы, а в 1768 году — в сержанты. Тяжелая казарменная жизнь,

невежественное и грубое окружение часто нравственно ломали и калечили молодых людей, оторванных от своих семей: они пьянствовали, вели разгульную жизнь, играли в азартные игры. Пристрастился к картам и Державин, играя сначала «по маленькой», а потом и «в большую». Страсть захватила его настолько, что однажды он проиграл даже деньги, присланные ему матерью на покупку имения. Правда, когда не было денег, в долг не играл, займы не брал, не жульничал. По его словам, он «всегда содержал свое слово свято, соблюдая при всяком случае верность, справедливость и приязнь».

В 1772 году Державин был произведен в прапорщики, а 1 января 1773 года — в подпоручики. В том же году состоялся его литературный дебют. В части 2 «Старины и новизны» издателя Рубана появился его перевод с немецкого «Ироида, или Письмо Вавлиды к Кавну», опубликованный без подписи, а 31 октября 1773 года тиражом в 50 экземпляров была напечатана ода Державина, посвященная свадьбе великого князя Павла Петровича с великой княжной Натальей Алексеевной «На всерадостное бракосочетание их императорских высочеств».

В конце ноября 1773 года Державин, проявив немалую настойчивость, был откомандирован в секретную следственную комиссию при А.И. Бибикове, командующим войсками, действовавшими против Е.И. Пугачева. Державин сумел проявить недюжинную инициативу и даже лично разработал план по поимке Пугачева, который и пытался осуществить, но безуспешно.

В 1774 году Державин производится в гвардейские поручики. В том же году он написал несколько великолепных стихотворений: «На великость», «На знатность», «На смерть генерал-аншефа Бибикова» и другие. В феврале 1776 года вышла из печати первая поэтическая книга Державина — «Оды, переведенные и сочиненные при горе Читалагае. 1774 г.».

В январе 1777 года он получил очередной чин капитан-поручика, а 15 февраля его переводят в «статскую» службу с чином коллежского советника.

За время службы в Преображенском полку Державин сблизился с «довольно знатными господами, ведущими жизнь веселую и даже роскошную». При их содействии он и рассчитывал получить приличное место на гражданской службе. И вскоре такой случай представился. Один из его приятелей, А. Окунев, выдавал дочь замуж за князя Урусова, двоюродного брата жены генерал-прокурора А.А. Вяземского — Елены Никитичны. На балу поэт был представлен всесильному вельможе, сумел завоевать его благосклонность и стал часто посещать его дом на Малой Садовой. Вскоре он стал любимцем всей семьи генерал-прокурора. С самим князем Державин «по вечерам для забавы»

иногда играл в карты, читал ему книги, чаще всего романы, за которыми слушатель нередко засыпал. Для княгини Елены Никитичны писал стихи. Благодаря Вяземскому Державин вскоре получил вполне приличное место — экзекутора 1-го департамента Правительствующего сената.

Близко сошелся он также с сенатским обер-секретарем Александром Васильевичем Храповицким, впоследствии ставшим статс-секретарем Екатерины II, и экзекутором 2-го департамента Осипом Петровичем Козодавлевым, будущим министром внутренних дел правительства Александра I.

Находясь в доме Козодавлева, Державин впервые увидел и страстно влюбился в семнадцатилетнюю смуглую красавицу — Екатерину Яковлевну Бастидон, дочь кормилицы великого князя Павла Петровича — Матрены Дмитриевны. 18 апреля 1778 года состоялась их свадьба. В поэзию Державина Екатерина Яковлевна вошла под именем «Плениры».

Это было время, когда Державин с благоговением взирал на императрицу Екатерину II, искренне считая, что именно она может стать «народной монархиней», именно ей суждено облегчить страдания народа, стать защитницей слабых и угнетенных. На него большое впечатление произвел екатерининский Наказ — этот своеобразный свод наиболее передовых и гуманных идей, подготовленный ею для Комиссии по составлению проекта нового Уложения.

Несмотря на то, что вскоре Наказ был положен под сукно, а Комиссия распущена, само слово «закон» стало для Державина глубоко символичным. Он мечтал быть всегда верным сподвижником Екатерины II и блюстителем законов. За работу в Сенате Державин принялся с присущим ему рвением.

В 1779 году в Петербурге перестраивалось здание Правительствующего сената. На экзекутора Державина было возложено наблюдение за строительными работами. Здание Сената располагалось на углу набережной Невы и Сенатской площади. Рядом строился великолепный Исаакиевский собор. На самой площади шла установка величественного памятника Петру I работы скульптора Фальконе.

Особое внимание придавалось устройству зала для общих собраний Сената. По стенам зала шли лепные барельефы, сюжет которых предложил приятель Державина, архитектор и поэт Н.А. Львов. Словесное описание составил сам Державин, а исполнены барельефы были художником Г.И. Козловым и скульптором Ж.-Д. Рашеттом. В центре барельефа изображались Истина, Человеколюбие и Совесть, которых Миневра (под ней подразумевалась, естественно, Екатерина II) вводит в храм Правосудия. По словам Державина, генерал-прокурор Вязем-

ский осматривал зал и, увидев обнаженную Истину, сказал: «Вели ее, брат, несколько прикрыть». «И подлинно, — писал в своих «Записках» Державин, — с тех пор стали отчасу более прикрывать правду в правительстве...»

7 декабря 1780 года Державин был переведен экзекутором в только что учрежденную Экспедицию о государственных доходах, которая находилась в ведении генерал-прокурора.

В июне 1782 года Державин получил чин статского советника. Тогда же он написал свою знаменитую оду «Фелица», которую, по совету его друзей Н.А. Львова и В.В. Капниста, не стал отдавать в печать, опасаясь гнева осмеянных им вельмож. Однако О.П. Козодавлев, без разрешения автора, снял с нее копию. Ода стала известна в Петербурге, а 19 мая 1783 года княгиня Е.Р. Дашкова, президент Российской Академии, опубликовала ее в части первой «Собеседника любителей русского слова».

Ода настолько понравилась Екатерине II, что она направила поэту золотую табакерку с 500 червонных с надписью: «Из Оренбурга от Киргизской Царевны мурзе Державину».

Публикация оды сразу же сделала Державина знаменитым. Он, по общему признанию, выдвинулся в число первых поэтов России. Вскоре он стал членом Российской Академии.

Однако ода вызвала гнев непосредственного начальника Державина генерал-прокурора Вяземского, который то ли усмотрел в ней сатиру на себя, то ли не мог смотреть равнодушно на славу своего подчиненного. Отношения стали натянутыми.

Служить с Вяземским стало невозможно — придирка следовала за придижкой. Державин вынужден был подать прошение об отставке. 15 февраля 1784 года он был уволен, получив в награду чин действительного статского советника.

Некоторое время после отставки Державин отдыхал в Нарве, писал стихи, переводил. Здесь он завершил свою знаменитую оду «Бог», которая была напечатана в «Собеседнике» (1784 г., ч. 13). По возвращении в столицу он узнал, что Екатерина II назначила его Олонецким губернатором. Указ об этом состоялся 22 мая 1784 года.

Отношения с генерал-губернатором Тутолминым складывались у Державина непросто. Вначале вроде бы все шло хорошо, но потом положение изменилось. Открытый, правдолюбивый поэт пришлось явно не по душе заносчивому и честолюбивому генерал-губернатору, не любившему пререканий. В своих «Записках» Державин писал: «С первых дней наместник и губернатор дружны были, всякий день друг друга посещали, а особливо последний первого; хотя он во всех случаях оказывал почти несносную гордость и превозношение, но как это было не в

должности, то и подлаживал его правитель губернии, сколько возмог и сколько личное уважение требовало».

Державин пробыл в Олонецкой губернии менее года. За это время он открыл больницу, установил таможду на границе со шведской Лапландией, разработал устав о раздаче лапландцам хлеба, сумел пресечь крестьянские беспорядки, издал распоряжение, направленное против самосжигания раскольников, и осуществил ряд других мероприятий.

15 декабря 1785 года Державин был назначен Тамбовским губернатором. Губерния входила в состав Рязанского и Тамбовского наместничеств, во главе которых стоял генерал-губернатор Иван Васильевич Гудович.

В Тамбовской губернии Державин прослужил почти три года. Первое время отношения с генерал-губернатором складывались благополучно. Гудович полностью доверил дела деятельному и активному Державину. Державин принялся за серьезные преобразования. Он навел порядок в делопроизводстве присутственных мест, добился открытия типографии; выписал из Петербурга множество указов и законов, о которых местные власти не имели и понятия; добился исправности в сборе податей и недоимок, искореняя попутно беспорядочность в хранении казны. За его губернаторство в Тамбовской губернии были проложены новые дороги, сооружены мосты, развито судоходство по реке Цне; отремонтированы старые постройки и возведено немало новых. Проявляя заботу о населении, Державин деятельно занимался устройством больниц, богаделен, сиротского дома.

Многое им было сделано также в области культуры и образования: открыто народное училище, театр, учреждена губернская газета и другое.

Большое внимание Державин уделял работе судебных учреждений, предупреждению преступлений, содержанию колодников, обращению с ними. В конце 1786 года он лично осмотрел тамбовскую тюрьму. Вот как он описывает свое впечатление об этом: «При обозрении моем губернских тюрем в ужас меня привело гибельное состояние сих несчастных (то есть колодников). Не только в кроткое и человеколюбивое нынешнее, но и в самое жестокое правление, кажется, могла ли когда приуготовляться казнь, равная их содержанию, за их преступления, выведенная из законов наших. Более 150 человек, а бывает, как сказывают, нередко и по 200, повержены и заперты, без различия вин, пола и состояния, в смердящие и опустившиеся в землю, без света, без печей, избы или, лучше сказать, хлевы. Нары, подмашенные от потолка не более 3/4 расстоянием, помещают сие число узников. Следовательно, согревает их одна только теснота, а освещает между собой одно осязание. Из сей

норы едва видны их полумертвые лица и высунутые головы, произносящие жалобный стон, сопровождаемый звуками оков и цепей».

Державин добился значительного улучшения состояния тюрьмы, где устроены были кухня и лазарет, наведены возможная чистота и порядок. По его словам, после этого посещения он «разобрал по точной силе законов вины преступников, содержащихся без всякого прежде различия в тюрьмах». Он сделал распоряжение, которым некоторых колодников отпустил «по распискам и поручительствам»; одних предписал содержать строже, других — слабее, «рассадя их всех по особым номерам, по мере их вин и преступлений».

Державин сам внимательно выискал в расследование преступлений. Так, он помог «открыть убийство» княгини Девлет-кольдской, совершенное ее племянником Богдановым, которое скрывал местный городничий.

Но вскоре у Державина произошла серьезная стычка с Гудовичем по делу тамбовского купца Бородина. Этот купец при поставке кирпича обманул казну, а потом еще добился винного откупа на таких условиях, что казна неминуемо теряла полмиллиона рублей. До Державина дошло также, что Бородин собирается учинить еще одно мошенничество — ложно объявить о банкротстве. Державин мириться с этим не мог. Он наложил арест на имущество купца Бородина. Генерал-губернатор Гудович встал на защиту купца и направил в Сенат рапорт о самоуправстве Державина. Там генерал-прокурор Вяземский, казалось, только этого и ждал. Он дал делу ход, и на Державина был наложен штраф в 17 тысяч рублей.

Петербургские друзья Державина, зная все перипетии его борьбы с Гудовичем, предлагали ему остерегаться и не горячиться. На это поэт в одном из писем ответил им: «Иногда не безнужно иметь и врагов, чтобы лучше не сбиваться с пути законов».

Императрице Екатерине II был представлен доклад с обоснованием вины Державина. В нем отмечалось, что он «дерзновенно отвергает должное повиновение» власти начальства и «развращает дело службы». Предлагалось отдать его под суд Сената. Императрица этот доклад не утвердила. Тогда Гудович обратился к Безбородко с сообщением о новых оскорблениях, якобы нанесенных ему Державиным. Он просил «удалить» Державина из губернии. Только после этого Екатерина II утвердила сенатский указ об увольнении Державина с должности губернатора и об отдаче его под суд.

Начались судебные разбирательства. Вынесение решения затянулось на полгода. В июне 1789 года был оглашен приговор.

В нем говорилось:

«1) Из всех присланных генерал-губернатором на Державина жалоб и из ответов сего последнего, не меньше как и из обстоятельств самого дела, ничего другого не установлено, кроме личных их одного против другого неудовольствий, чрез что Державин лишился своего места, а тем самым и все личные неудовольствия между тем и другим кончились;

2) что кроме личного неудовольствия генерал-губернатора, из всего вышеизъясненного, никакого впрочем злоупотребления и как казенному интересу упущения, так и частным лицам со стороны Державина притеснения не последовало и ни от кого никаких на то жалоб не вышло, далее же все то предает Сенат всемилостивейшему Вашего Императорского Величества благоволению».

Таким образом, Державин был фактически Сенатом оправдан. Однако никакой новой должности ему предоставлено не было. Оставаясь не у дел, Державин всецело посвятил себя поэзии. В этот период он создает такие произведения, как оду «На шведский мир», «Песнь лирическая Россу по взятии Измаила», начал знаменитую оду «Водопад» и другие. Он активно сотрудничал в журналах. Его квартира в Петербурге, в двухэтажном флигеле на Фонтанке, становится местом притяжения талантливой творческой молодежи.

Творческие дела складывались хорошо, но Державину с его неутомимым, зажигательным характером этого было мало. Его кипучей натуре нужна была государственная деятельность — он рвался на службу. Но три года ему не предлагали никакого места, даже пустячного, хотя он и пытался повлиять на Екатерину II через ее фаворитов, в частности молодого Платона Зубова.

Наконец Зубов объявил Державину, что императрица назначает его своим статс-секретарем. 12 декабря 1791 года последовал указ: «Всемилоостивейше повелеваем действительному статскому советнику Гавриле Державину быть при нас у принятия прошений».

Державин готовил для Екатерины II еженедельные доклады по сенатским приговорам. Дела изучал всегда скрупулезно и основательно, так что никакого отступления от закона, частенько тогда практиковавшегося, не пропускал. Его замечания часто шли вразрез с мнением генерал-прокурора, да и самой императрицы. Своей правдивостью он наскучил Екатерине II, и она предложила ему сообщать свои замечания непосредственно обер-прокурорам Сената. Однако заключения по серьезным делам ей приходилось выслушивать лично.

В сентябре 1792 года Державин был награжден орденом Св. Владимира 2-й степени, чином тайного советника и назначен

сенатором, с повелением присутствовать как в общем собрании, так и в только что открытой Межевой экспедиции. И почти сразу же начались его столкновения с высокопоставленными чиновниками, а также с генерал-прокурором.

В январе 1794 года Державин был назначен президентом Коммерц-коллегии, некогда могучей организации. Теперь же, после передачи многих торговых и таможенных дел губернским казенным палатам, функции ее были существенно ограничены. Державин и на этом посту принялся рьяно искоренять злоупотребления и контрабанду. Это не понравилось Екатерине II, которая через генерал-прокурора Самойлова передала ему устный приказ никакими делами впредь не заниматься, а считаться президентом коллегии, «ни во что не вмешиваясь». Увидев подвох, Державин просил дать письменный указ об этом. Поскольку такого указа не последовало, он подал прошение об отставке, но она принята не была.

15 июля 1794 года Державина постигло тяжелое горе — умерла его жена Екатерина Яковлевна. Поэт горько оплакивал свою незабвенную «Плениру». Он долго был «погружен в совершенную горесть и отчаяние». Державин писал тогда И.И. Дмитриеву: «...теперь для меня сей свет совершенная пустыня».

В 1795 году Державин вступил в новый брак — с девицей Дарьей Алексеевной Дьяковой, «Миленой», как любил называть ее поэт. С ней он прожил до конца своих дней.

Когда на престол вступил император Павел I, Державин был назначен правителем канцелярии Императорского Совета, однако не прошло и месяца, как 22 ноября 1796 года поступил новый указ: «Тайный советник Гаврило Державин, определенный правителем канцелярии Совета нашего, за непристойный ответ, им пред нами учиненный, отсылается к прежнему месту». «Непристойный ответ» заключался в том, что Державин посмел спросить Павла I, кем он должен быть в Совете — присутствующим или только начальником канцелярии.

Несколько лет он пробыл сенатором, а с 1800 года должности, которые занимал Державин, стали чередоваться как в калейдоскопе. 2 апреля 1800 года, продолжая оставаться в Сенате, он был назначен присутствующим в Комиссии законов. В июне послан уполномоченным по борьбе с голодом в Белоруссию, получив после возвращения чин действительного тайного советника и почетный командорский крест Мальтийского ордена. 30 августа он был назначен президентом Коммерц-коллегии, 22 ноября — государственным казначеем, на другой день — членом Императорского Совета. В конце ноября он был переведен из Межевого в 1-й департамент Сената.

Державин всегда пользовался репутацией честного, справед-

ливого и неподкупного человека. Поэтому не случайно к нему часто обращались с просьбами участвовать в третейском суде. На этом поприще он разобрал сотни дел. Среди них были сложные и запутанные, в которых речь шла о миллионных состояниях.

12 марта 1801 года вступивший на престол император Александр I отстранил Державина от всех должностей, оставив только в Сенате. По поручению императора он расследовал злоупотребления, допущенные Калужским губернатором Д.А. Лопухиным, который вел распутную жизнь, пьянствовал, брал взятки. Державин сумел доказать полторы сотни преступлений, совершенных Лопухиным. Собранные материалы представил императору. Однако обладавшему обширными связями Лопухину удалось выпутаться и, по выражению Державина, «правда оказалась в затмении». Лопухин был отстранен только от должности губернатора.

8 сентября 1802 года Державин занял пост министра юстиции и генерал-прокурора.

Вместе с ним министрами были назначены: иностранных дел — А.Р. Воронцов; военных дел — С.К. Вязмитинов; морских дел — Н.С. Мордвинов; финансов — А.И. Васильев; просвещения — П.В. Завадовский; коммерции — Н.И. Румянцев; внутренних дел — В.П. Кочубей.

С первых дней службы в должности министра Державин повел борьбу с беззаконием, произволом, превышением власти, взяточничеством. В «Записках» он писал, что отправлял службу «со всем усердием, честностию, всевозможным прилежанием и бескорыстием» и всегда шел «по стезе правды и законов, несмотря ни на какие сильные лица и противные против него партии». На этой почве начались столкновения с вельможами, в том числе и с коллегами-министрами.

Державин понимал, что наживает себе только врагов. Поэтому, докладывая дела императору, он не раз напоминал ему о том, что, защищая законность, он много себе «наделал новых злодеев» и что они «не преминут его всячески очернить и приводить к нему в немилость». На это Александр I, мягко улыбаясь, обычно говорил, чтобы он исправлял свою должность, не боясь никого, по законам, а он его «не выдаст».

Однако на деле все происходило иначе. Беспрестанные столкновения с сановниками приводили к тому, что, как писал Державин, он стал скоро «приходить у императора в остуду, а у министров во вражду».

Державин отстаивал свои взгляды даже тогда, когда признавал, что идет вразрез с волей императора. Он не стеснялся открыто выражать свое несочувствие многим преобразованиям, открыто порицал молодых советников Александра I. Сам он

писал: «Держась сильно справедливости, не отступал от нее ни на черту, даже в угодность самого императора».

На посту министра юстиции и генерал-прокурора Державин пробыл только один год. Ежедневно с утра до вечера он посвящал все свое время исключительно исполнению разнообразных служебных обязанностей: поездкам во дворец с всеподданнейшими докладами, участием в заседаниях Сената и Комитета министров, «объяснениям» с обер-прокурорами, приему посетителей и т. п. Усердие и служебное рвение его были необычайны. Он ездил, например, в Сенат даже в воскресные и праздничные дни, чтобы посмотреть целые кипы бумаг и написать по ним заключения.

Генерал-прокурор пытался противодействовать приему на службу в высшие государственные органы лиц по «проискам, взяткам и рекомендациям». С этой целью он добился принятия указа о том, чтобы на высокие должности отбирались лучшие чиновники из губерний. Однако практически этот закон не исполнялся.

Гаврила Романович лично разработал проект закона о третейском совестном суде, над которым трудился очень долго и упорно. Он обобщил богатый опыт зарубежного третейского судопроизводства. Свой проект Державин посылал «на отзыв» и для «примечания» известным юристам. Александру I проект этого закона понравился, но он так и не был тогда принят.

Исполняя должность министра юстиции и генерал-прокурора, Державин, по его словам, старался не допускать «утеснения сильной стороне людей бессильных». Вот как отзывался о своем начальнике обер-прокурор Сената князь А.Н. Голицын: «В минуту желчи гений блестел в его глазах; тогда с необыкновенной проницательностью он охватывал предмет; ум его был вообще положителен, но тяжел; память и изучение законов редкая; но он облекал их в формальности до педантизма, которым он всем надоедал. Олицетворенную честность и правдивость его мало оценивали, потому что о житейском такте он и не догадывался, хотя всю службу почти был близок ко Двору».

Многим же сановным лицам Державин, с его честностью, был попросту непонятен. Княгиня Дашкова, например, писала: «Здесь очень смеются над нападками, с которыми Державин выступил против министров и сенаторов своим лживым докладом». По ее мнению, доклады Державина «неприятно поразили всех московских сенаторов».

Державин подбирал себе толковых, талантливых сотрудников. Например, 19 июля 1803 года обер-прокурором 3-го департамента Сената был назначен тридцатилетний Дмитрий Осипович Баранов, окончивший Московский благородный пансион,

а потом служивший в Семеновском полку. Он активно занимался литературной деятельностью, писал стихи, элегии, сатиры, басни, эпиграммы, сотрудничал в ряде журналов. В 1830-е годы был хорошо знаком с Пушкиным. За время работы в Сенате он совершил несколько успешных инспекционных поездок. Репутация его как честного человека и чиновника была очень высока.

Чиновником по особым поручениям при Державине служил двадцатитрехлетний Константин Васильевич Злобин, отличавшийся «большой образованностью». Он поддерживал связи с кругом быстро восходившего по службе М.М. Сперанского, активно занимался литературой. Злобин восхищался поэзией Державина, и после отставки в 1805 году продолжал поддерживать с ним связь, посылал на отзыв свои стихи. Обосновавшись в Поволжье, Злобин занимается своим большим хозяйством, делает ряд щедрых пожертвований и даже открыл на свои средства пансион для 20 учеников.

В начале октября 1803 года Александр I неожиданно не принял с докладом Державина, приказав сказать, что ему недосуг. На следующий день император прислал министру юстиции письмо, в котором, «оказывая ему удовольствие свое за отправление его должности», просил освободить место министра юстиции и остаться только в Сенате и Совете присутствующим.

Державин написал Александру I письмо, в котором напомнил о своей сорокалетней службе, отметив, что он «при бабке его и при родителе всегда был недоброхотами за правду и истинную к ним приверженность притесняем». В заключение он писал, что «ежели такой юстиц-министр, который следует законам и справедливости не угоден, то чтоб отпустил его с честью, ...ибо он не признает себя виновным или прослужившимся». Александр I принял Державина, и на прямой вопрос генерал-прокурора, за что он его увольняет, ответил: «Ты очень ревностно служишь». «А как так, государь, — ответил Державин, — то я иначе служить не могу. Простите».

8 октября 1803 года император подписал указ, которым Державин был уволен со службы с пожалованием ему 10 тысяч рублей ежегодного пансиона. Сорокалетняя служба Державина на военном и государственном поприще завершилась.

Его недруги ликовали. Появились пасквили и эпиграммы, прежде следующей: «Ну-ка, брат, певец Фелицы, на свободе от трудов и в отставке от юстицы наполняй бюро стихов. Для поэмы ты способен, мастер в ней играть умом, но за то стал негоден ты министерским пером...» Завадовский писал в то время Воронцову: «Общее возрадование, что князь Лопухин пере-

менил Державина! Не дай Бог, чтоб когда-нибудь в министерстве очутился подобный поэт».

Выйдя в отставку, Державин всецело занялся литературным трудом, изданием своих сочинений. Зимнее время он проводил в Петербурге, а на все лето отправлялся в «Званку» — свое имение на берегу Волхова, верстах в пятидесяти пяти от Новгорода.

Державин писал лирические стихотворения, драматические произведения: «Добрыня», «Пожарский, или Освобождение Москвы»; трагедии: «Ирод и Мариамна», «Евпраксия», «Темный»; комические оперы: «Дурочка умнее умных», «Рудокопы»; работал над сборником афоризмов «Мысли мои», философско-политическими статьями, переводами.

Новые произведения не оказывали уже на современников такого сильного воздействия, как его оды. Мерзляков, например, называл их «развалинами Державина».

В 1804 году Державин писал Капнисту: «Скажу вам о себе: я очень доволен, что сложил с себя иго должности, которое меня так угнетало, что я был три раза очень болен».

Казалось, что государственные дела, которыми он с таким рвением и такой горячностью занимался долгое время, его уже не интересуют. Но это было не совсем так. Державин называл себя «оставным служивым» и считал обязанным изредка напоминать о себе. В 1807 году он написал две записки императору Александру I, в которых прозорливо усмотрел опасность для России со стороны Наполеона и предлагал меры по «укрошению наглости французов», вступивших в Пруссию, и как «оборонить Россию от нападения Бонапарта». Об этом же он говорил с Александром I и при их личной встрече. Император выслушал его благосклонно, но вскоре заметно охладел и к самому поэту, и к его идеям.

Державин был все такой же неуправляемый борец за справедливость, что и ранее. Встречавшийся с ним в первые годы после отставки литератор С.П. Жихарев (впоследствии Московский губернский прокурор и обер-прокурор Сената) писал: «С именем Державина соединено было все в моем понятии, все, что составляет достоинство человека: вера в Бога, честь, правда, любовь к ближнему, преданность к государю и Отечеству, высокий талант и труд бескорыстный...» «Это не человек, а воплощенная доброта, — вспоминал Жихарев, — но чуть только коснется до его слуха какая несправедливость и оказанное кому притеснение или, напротив, какой-нибудь подвиг человеколюбия и доброе дело — тотчас оживится, глаза засверкают и поэт превращается в оратора, поборника правды...»

Считая себя обязанным заступаться за невинно осужденных, обиженных, угнетенных людей, Державин одаривал нищих и

дворовых деньгами, покупал для неимущих крестьян коров и лошадей, давал им хлеб, строил им новые избы. У себя на «Званке» он построил больницу для крестьян и даже выслушивал отчеты врача, являвшегося к нему ежедневно.

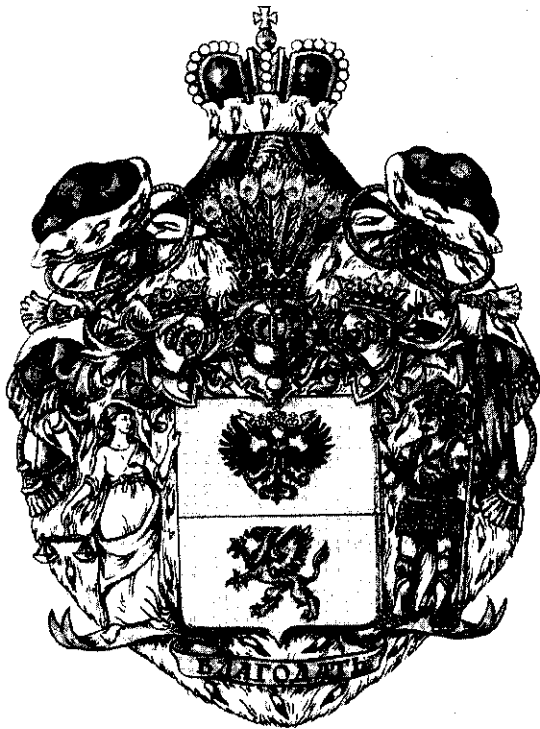
В 1808 году вышли первые четыре тома сочинений Державина. В 1809—1810 годах он диктовал свои «Объяснения на сочинения Державина», представляющие по существу его автобиографию. В 1812—1813 годах, в разгар Отечественной войны, он работал над «Записками», в которых подробно рассказал о своей служебной деятельности.

Гаврила Романович Державин скончался 8 июля 1816 года в своем имении «Званка». Похоронен в Хутынском монастыре, недалеко от Новгорода. Спустя двадцать шесть лет там же была погребена его жена, Дарья Алексеевна.

После Великой Отечественной войны, в связи с разрушением Хутынского монастыря, прах Державина и его жены перенесли и предали земле около Софийского собора в Новгородском кремле.

Петр Васильевич
ЛОПУХИН
1753—1827

«СЛУЖИЛ СО ВСЕМ УСЕРДИЕМ»

Светлейший князь Петр Васильевич Лопухин, один из немногих генерал-прокуроров, дважды занимавший эту ответственнейшую и высокую должность, родился в 1753 году в старинной дворянской семье. Ему с детства, по традиции, была уготована военная служба. Родители приписали семилетнего мальчика в один из лучших российских полков — лейб-гвардии Преображенский. В отличие от Г.Р. Державина ему не пришлось тянуть солдатскую лямку. В 1769 году, когда для шестнадцатилетнего Петра началась действительная служба, он был уже прапорщиком. Через шесть лет Лопухина произвели в капитан-поручики. В двадцатипятилетнем возрасте он получил чин полковника и вскоре был переведен на «статскую службу».

Некоторое время Лопухин служил в должности Санкт-Петербургского обер-полицмейстера.

В те годы в штате Санкт-Петербургской полиции насчитывалось 647 постоянных чинов. Весь город делился на 10 частей и 42 квартала. В каждой части была воинская команда, состоящая из 34 человек. Кроме того, обер-полицмейстеру подчинялись «огнегасительные» работники, то есть пожарные (их тогда было около 1400 человек) и извозчики (226 человек).

Молодой Лопухин служил расторопно и ревностно, так как вскоре после назначения его обер-полицмейстером он получил чин бригадира и стал кавалером только что учрежденного ордена Св. Владимира 3-й степени.

В 1783 году его переводят в Тверь, где он занимает должность правителя канцелярии наместника. Здесь он выслуживает чин генерал-майора. На другой год Лопухин перемещается в Москву и в течение последующих девяти лет «исправляет должность» Московского гражданского губернатора.

В Москве он достиг чина генерал-поручика (с 1796 года пересименован в генерал-лейтенанты) и заслужил орден Св. Владимира 2-й степени Большого креста.

В 1793 году Лопухин назначается Ярославским и Вологодским генерал-губернатором, где и остается до конца царствования

ния Екатерины II. Вступивший на престол император Павел I 17 декабря 1796 года издал следующий указ: «Всемилоостивейше повелеваем генерал-лейтенанту Петру Лопухину присутствовать Сената Нашего в Московских департаментах». Ему было определено жалованье в размере 2250 рублей в год. При назначении он получил чин тайного советника и Александровскую ленту, то есть стал кавалером ордена Св. Александра Невского.

Хотя перевод из генерал-губернаторов в сенаторы в определенном смысле и нельзя было считать повышением по службе, однако для Лопухина он стал предвестником стремительного взлета и необычайно щедрых милостей, оказанных ему новым императором.

Сын Лопухина, Павел Петрович, рассказывал мемуаристу А.Б. Лобанову-Ростовскому, что его отец был человек «даровитый и в особенности отличался необыкновенною легкостью и быстротою работы». Благодаря этим своим качествам он и заслужил благосклонность императора Павла I, когда в марте-апреле 1797 года тот находился на коронации в Москве.

Лопухин был представлен императору вместе со всеми московскими сенаторами. Расспрашивая их о делах и узнав, что Лопухин недавно служил Ярославским наместником, Павел I предложил ему задержаться во дворце. Оказалось, что у него находилось какое-то прошение по делу, рассматривавшемуся в Ярославле, по которому он ни от кого не мог получить толкового ответа. Передав прошение Лопухину, император предложил срочно изучить его и дать свое заключение. Петр Васильевич в тот же день собрал все нужные бумаги по этому делу, находившиеся в московском департаменте Сената, и, просидев над ними всю ночь, наутро, в 6 часов, уже находился в приемной Павла I. Император сразу же принял его и остался очень доволен и содержанием доклада, толковым и обстоятельным, и быстротой его подготовки.

После этого случая Павел I еще несколько раз давал ответственные поручения Петру Васильевичу, которые тот неизменно выполнял быстро и, главное, толково. Личные качества Лопухина, его оперативность, основательность в делах, без сомнения, способствовали его возвышению. Но в те времена этого было все же недостаточно для успешной карьеры. На успех нельзя было рассчитывать без поддержки вельможи, имевшего вес при дворе. И такой покровитель у Лопухина был. Им стал А.А. Безбородко.

Однако была еще одна причина, объясняющая стремительную карьеру сенатора Лопухина — император Павел I обратил пристальное внимание на девятнадцатилетнюю красавицу с большими черными глазами и черными, как смоль, отливающими синевою, волосами, Анну Лопухину, дочь сенатора.

В конце июля 1798 года Лопухин неожиданно был срочно вызван в Петербург. Здесь он впервые получил приглашение на обед в Петергоф. Павел I обошелся с ним особенно милостиво, расспрашивал его о службе, о семье.

8 августа того же года Петр Васильевич Лопухин был назначен генерал-прокурором, сменив на этом посту А.Б. Куракина.

Вскоре после назначения на должность Павел I подарил Лопухину обширный дом на Дворцовой набережной. Об этом император послал специальный указ Петербургскому генерал-губернатору барону фон-дер-Пален: «Всемиловитейше пожаловал в вечное и потомственное владение нашему тайному советнику и генерал-прокурору Лопухину дом, купленный в казну нашу до вице-адмирала Рибаса, состоящий в С.-Петербурге в первой Адмиралтейской части, одним фасом в Миллионную, а другим на набережную, повелеваем предписать куда следует об отдаче ему оного».

В новый дом Лопухин перевез из Москвы свою семью. Первая жена Петра Васильевича, Прасковья Ивановна, урожденная Левшина, умерла еще за несколько лет до этого. Вторично он был женат на дочери тайного советника Н.Д. Шетнева, Екатерине Николаевне.

23 августа Лопухину, одновременно с отправлением должности генерал-прокурора было предложено присутствовать в Императорском Совете. С этого времени на него самого и на членов его семьи «со сказочной быстротой» посыпались царские награды и милости. Впечатляет простое их перечисление.

6 сентября 1798 года Лопухин получает чин действительно тайного советника. Одновременно с этим его жена, Екатерина Николаевна, «пожалована» в статс-дамы, а дочь, Анна Петровна, — в камер-фрейлины. Одну за другой Лопухин получает самые высокие награды: ордена Св. Андрея Первозванного, Св. Анны, Св. Иоанна Иерусалимского, украшенного алмазами; император подарил ему свой портрет, что считалось в то время признаком особой доверенности. В потомственное владение ему передается поместье Корсунь в Богуславском уезде Киевской губернии.

Но и на этом щедрость Павла I не иссякла. 19 января 1799 года был дан следующий указ Правительствующему сенату: «В несомненный знак Нашего монаршего благоволения и в воздаяние верности и усердия к службе Нашей действительного тайного советника и генерал-прокурора Лопухина, всемиловитейше пожаловали Мы князем империи Нашей, распространяя достоинство и титул сей на все потомство, от него, Лопухина, происходящее, мужеска и женска пола».

Вслед за этим ему был дан бриллиантовый знак ордена

Св. Андрея Первозванного и дарован титул светлости. Лопухину позволено было употреблять для ливреи цвета, считавшиеся придворными.

Петр Васильевич находился на вершине своего могущества.

На Лопухине как генерал-прокуроре лежало руководство по «охранению внутренней безопасности и поддержанию порядка в государстве». Он принимал меры к искоренению разбойников, поимке беглых крестьян, прекращению волнений и т.п. Следует заметить, что в царствование Павла I усилились крестьянские бунты. В связи с этим 29 января 1797 года последовал указ о том, чтобы расследовать все такие факты и «приводить» крестьян в повиновение вначале «увещанием», а если это не поможет — военной силой.

Лопухин занимался также устройством полиции, как губернской, так и столичной, в соответствии с утвержденными 14 мая 1799 года новыми штатами. По этому вопросу он вел обширную переписку с губернаторами и прокурорами, предлагая им принять все зависящие от них меры к улучшению работы полицейской службы.

Было множество и других текущих неотложных дел. Так, при нем возник вопрос о «неблагопристойном» поведении некоторых молодых купцов и приказчиков за границей, в частности в Англии. Русский посол в Лондоне Воронцов в августе 1798 года написал Павлу I о том, что русские купцы «живут беспутно, водятся с дурными людьми и обманывают английских мануфактурщиков, забирая в долг товары; платя сперва по срокам весьма порядочно и потом, приобретя кредит, забрав более товаров, уезжают и не платят совсем долгов своих». Кроме того, многие купцы, закупив товары, пересылали их в Любек, Гданьск, Кёнигсберг и другие города, где через своих «корреспондентов» контрабандой, без всякой пошлины, переправляли в Россию.

Воронцов сообщал также, что русские купцы «почти все водятся с французскими и итальянскими извергами», «заражаются погаными правилами, кои могут потом рассеять в отечестве». Он находил дальнейшее пребывание купцов в Англии «весьма вредным».

По поручению Павла I этим вопросом занялся генерал-прокурор. 13 сентября 1798 года он уже давал предписание всем губернаторам: «Его Императорское Величество по причине производимых некоторыми из находящихся в Англии из российских торгующих и другого рода людьми неприличных деяний Высочайше мне повелеть соизволил сообщить господам правителей губерний, чтобы молодые купцы и их приказчики, а равномерно и прочих состояний россияне туда вперед не ездили; если же бы кому из подданных Его Величества встретились об-

стоятельства, необходимо того требующие, то о таковом надлежит быть представляемо на Высочайшее разрешение».

В связи с разнообразием обязанностей по должности генерал-прокурора Лопухину приходилось много и интенсивно работать. И.И. Дмитриев, бывший в то время обер-прокурором Сената, вспоминал, что Лопухин был более опытен и сведущ в делах и законах, нежели его предшественник Куракин. По его мнению, он «скоро понимал всякое дело, но никаким с участием не занимался». Он не любил встречаться с прокурорами, а в трудных случаях склонен был поддерживать не своих подчиненных, а сенаторов, частенько вставая на их сторону. «Не предполагаю, — писал Дмитриев, чтобы он хотел сделать кого несчастным, но равно и того, чтоб он решился стоять за правду».

Писатель И.М. Долгоруков, сталкивавшийся с Лопухиным во времена своего губернаторства, в книге «Капище моего сердца» охарактеризовал его как «эгоиста по характеру и чувству», равнодушного к «родине, престолу и ближнему», жившего для «одной только плоти» и делавшего добро и зло «без умысла и намерения». Конечно, эта характеристика сугубо личностная. Известно, что Долгоруков не жаловал своими оценками и других вельмож, которые чем-то не угодили ему.

А вот еще одно свидетельство о Лопухине — Д.Н. Бантыш-Каменского. По его отзыву, Лопухин был «высокого роста, с красивою и до глубокой старости наружностью, был вспыльчивого характера, но с добрым сердцем, имел быстрое соображение и навык в делах, искусный в общественной жизни дипломат и ловкий царедворец».

Возвышение Лопухина, столь стремительное и головокружительное, оказалось слишком кратковременным. Другие вельможи, в частности П.И. Кутайсов, и партии при дворе вскоре оттеснили его на второй план. По свидетельству Дмитриева, Кутайсов, хотя его сын и был женат на дочери Лопухина, Прасковье Петровне, «успел низложить своего свата». Дмитриев, правда, уточняет, что Кутайсов «только был орудием других недоброжелательствующих князю».

7 июля 1799 года Лопухин вынужден был подать рапорт об «отставке от всех дел». Император незамедлительно удовлетворил его просьбу.

Несмотря на отставку Лопухина, знаки внимания, которые император Павел I оказывал его дочери, Анне Петровне, становились все более откровенными, а «ухаживание» слишком требовательным. Как вспоминал ее единокровный брат, Павел Петрович, Анне Петровне пришлось даже напомнить императору, что «ее сердце не свободно и принадлежит майору князю П.Г. Гагарину», который в то время находился в Италии, в ар-

мии А.В. Суворова. Павел I тотчас направил депешу Суворову о том, чтобы тот прислал князя Гагарина курьером с «известием о первом счастливом событии». Поскольку победы Суворова следовали одна за другой, долго ждать курьера не пришлось.

Прибывший вскоре в Петербург двадцатитрехлетний Павел Гаврилович Гагарин был радушно принят императором, обласкан, произведен в генералы. 8 февраля 1800 года во дворце с необычайной пышностью была отпразднована свадьба Анны Лопухиной и Павла Гагарина. В честь своей фаворитки Павел I приказал построить 130-пушечный корабль «Благодать» (в переводе Анна. — *Авт.*).

Анна Петровна была удостоена шарфа фрейлины, кокарды статс-дамы, награждена Большим крестом Св. Екатерины и знаком Мальтийского ордена (орденом Св. Иоанна Иерусалимского), то есть наградами, которых редко удостоивались женщины. После замужества Анны Петр Васильевич уехал в Москву, отдав дочери в приданое свой дом на Дворцовой набережной. Когда ему напоминали о положении дочери при дворе, он неизменно отвечал: «Пока она была в девицах, я по отцовской обязанности ее защищал; теперь она замужем; у нее есть защитник; мне до них дела никакого нет». Анна Петровна скончалась в 1805 году.

До вступления на престол императора Александра I Лопухин никаких должностей не занимал.

Новый виток служебной карьеры П.В. Лопухина начался с царствование Александра I. Молодой император предложил Лопухину стать членом Государственного совета. В день своей коронации он подарил князю богатую табакерку, украшенную собственным портретом.

В октябре 1803 года Лопухин был назначен министром юстиции и генерал-прокурором.

Высочайшим указом на Лопухина было возложено управление Комиссией составления законов. Это свидетельствовало об особом доверии к нему императора, стремившегося к широким преобразованиям. Со времени Петра I подобные комиссии создавались всеми императорами, но трудились они почти бесплодно. Вступив на престол, Александр I первоначально оставил Комиссию в своем ведении, возложив управление ею на графа Завадовского, но потом поручил ее министру юстиции Лопухину. В министерстве Комиссия работала под непосредственным руководством товарища министра Новосильцева.

16 декабря 1808 года на место Новосильцева в Министерстве юстиции был назначен М.М. Сперанский. Это было сделано лишь с одной целью — оживить работу Комиссии.

Выбор товарища министра юстиции оказался как нельзя более удачным. Комиссия преобразилась. Неистощимая энергия и

фантазия били в Сперанском ключом, а предоставленное ему право лично докладывать государю о работе Комиссии сняло тяжкий груз ответственности с Лопухина.

Сперанский энергично принялся за работу. Стали появляться проекты законов, для рассмотрения которых был учрежден особый комитет, в который вошли министр юстиции Лопухин, граф Завадовский, князь Чарторыйский, граф Северин-Потоцкий, сенаторы Алексеев и Карнеев.

Комиссией составления законов Министерства юстиции были выработаны основные законодательные акты по преобразованию центральных учреждений Российской империи. В частности, в 1809 году Сперанский закончил составление проекта указа о Государственном совете, который и был вскоре принят. Новый Государственный совет открылся 1 января 1810 года. Сам автор закона стал государственным секретарем Совета.

Отношения Лопухина как генерал-прокурора с сенаторами складывались непросто. С некоторыми из них у него происходили острые стычки. Особенно донимал его один сенатор — дальний родственник Иван Владимирович Лопухин, который чаще других выступал с особыми мнениями по решаемым делам.

По своей должности министра юстиции Лопухин часто принимал посетителей, для которых он был очень доступен. С.П. Жихарев в своих «Записках современника» вспоминал, как он, еще совсем молодым, с рекомендательным письмом Г.Р. Державина впервые пришел на прием к Лопухину: «Меня пропустили без доклада, потому что, кажется, и всех без докладов принимали. Какой-то молодой человек подошел ко мне с вопросом: «Что вам угодно?» — «Ничего, — отвечал я, — хочу только вручить его светлости вот это письмо от Г.Р. Державина...» Вскоре меня пригласили в кабинет министра. Князь сидел на диване, опершись обеими руками на стол и поддерживая ими голову — прекрасную голову мужчины лет пятидесяти пяти с чем-нибудь, и читал книгу, кажется французскую энциклопедию. Я подал ему письмо, которое прочитав и положив на стол, сказал: «Садись, братец; что делает Гаврила Романович и давно ли ты знаком с ним?...» Я никого не встречал в его лета с такими прекрасными, правильными чертами лица, — писал далее Жихарев, — и что он снисходительно принимает даже и тех людей, которые, не имея к нему никаких определенных отношений, ни надобности, попали в кабинет его, может быть, не совсем вовремя».

По свидетельству же самого Г.Р. Державина, Лопухин был «человек старинного покроя и не тяготился принять и областить молодого человека, у которого нет связей».

Во второй половине XVIII века генерал-прокуроры, как известно, руководили таким карательным органом, как Тайная экспедиция. Теперь ее больше не существовало. Уничтожив ее при восшествии на престол, Александр I тем не менее ощущал необходимость в подобном органе. Когда в 1805 году Россия совместно с Австрией вступила в войну с Наполеоном, император, отправляясь в армию, сказал помощнику главнокомандующего в Санкт-Петербурге Е.Ф. Комаровскому: «Я желаю, чтобы учреждена была секретная полиция, которой мы еще не имеем и которая необходима в теперешних обстоятельствах».

5 сентября 1805 года такой орган — Комитет высшей полиции — был создан. В него вошли министр внутренних дел Кочубей, министр юстиции Лопухин и главнокомандующий в Петербурге Вязмитинов. Комитет создавался с целью «сохранения всеобщего спокойствия и тишины граждан и облегчения народного продовольствия».

Однако названный Комитет так и не приступил к своей деятельности. Неудачи в войне с Наполеоном, усиление оппозиционных настроений в России требовали принятия более решительных мер. Необходимо было обезопасить границы страны, подготовиться к возможному вторжению неприятеля.

В этих сложных внутригосударственных условиях, взамен так и не приступившего к работе Комитета высшей полиции был создан Комитет сохранения общественной безопасности, получивший официальное наименование «Комитет 13-го января 1807 г.». Он призван был «предупредить пагубные замыслы внешних врагов государства». Во главе созданного Комитета был поставлен П.В. Лопухин. Членами Комитета стали Н.Н. Новосильцев и сенатор А.С. Макаров, бывший в 90-х годах XVIII столетия вначале помощником, а затем и преемником начальника Тайной экспедиции С.И. Шешковского. К работе Комитета привлекались также С.К. Вязмитинов, В.П. Кочубей, генерал-фельдмаршал Н.И. Салтыков, министр полиции А.Д. Балашов, военный министр А.А. Аракчеев. Комитет действовал вплоть до 1829 года.

Комитет фактически возглавлял организацию политического сыска в стране и стал как бы промежуточным звеном между уничтоженной Тайной экспедицией и созданным позднее, в 1826 году, Третьим отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярией.

Комитет должен был «предписывать порядок следствий и наблюдать за производством оных». На него возлагалось рассмотрение дел: о лицах, подозреваемых в переписке с неприятелем и в зловредных разглашениях; о возбуждении народа слуша-

ми о вольности крестьян; о подозрениях и изветах заговора против государя императора; об оскорблении особы императора и членов императорского дома дерзкими и неприличными словами; о государственной измене; о распространениях в народе ложных и вредных слухов по поводу военных событий; о составлении и распространении возмутительных воззваний, вредных сочинений; о тайных обществах и запрещенных сходбищах и тому подобных.

Дознание по всем таким делам проводили местные полицейские власти, которые затем передавали материалы в Комитет для дальнейшего расследования и принятия решения. Приговор, вынесенный Комитетом, утверждал император. При Комитете была создана специальная канцелярия, названная Особеной, со штатом 23 человека.

Наиболее интенсивно Комитет работал в период между 1807 и 1810 годами, когда было проведено 179 заседаний. За эти годы в Комитет поступили 94 дела, из них 57 были рассмотрены. В последующие годы активность работы Комитета заметно снизилась.

Лопухин старался по мере своих возможностей поддерживать местный прокурорский надзор, заступаясь за губернских прокуроров, когда губернаторы стремились совсем уж откровенно прибрать их к рукам. Так, по его предложению в 1805 году Сенат направил на места разъяснение о том, что губернаторы не имеют права давать предписания прокурорам, как непосредственно подчиняющимся только генерал-прокурору.

Среди губернских прокуроров во время генерал-прокурорства Лопухина было назначено немало талантливых и способных чиновников, оставивших заметный след не только на прокурорском поприще, но и в литературе. Например, в марте 1807 года псковским губернским прокурором был назначен Дмитрий Петрович Горчаков. Он родился в 1758 году в небогатой дворянской семье. С детских лет был записан в Вятский карабинерный полк и уже с одиннадцатилетнего возраста участвовал в военных походах. Будучи волонтером в войсках А.В. Суворова, штурмовал Измаил и был отмечен за храбрость лично главнокомандующим, который представил его к награде. С 1793 года он служил в Тульской верхней расправе, но вскоре после этого вышел в отставку. При Лопухине Горчаков занимал вначале должность губернского прокурора в Пскове, а в 1808—1810 годах — в Таврической губернии. Впоследствии он служил в Министерстве просвещения, в канцелярии М.И. Кутузова, исполнял обязанности губернатора в Костроме.

Д.П. Горчаков был незаурядным поэтом и драматургом, писал сатиры и эпиграммы. В своих стихах высмеивал литератур-

ные распри, осуждал фаворитизм, полицейский произвол. Под его сатирическим прицелом оказались даже такие всеисильные вельможи, как Г.А. Потемкин, А.А. Безбородко, начальник Тайной экспедиции С.И. Шешковский и другие. В царствование Александра I он занимал позиции довольно консервативные, поэтизировал «славное Екатерининское время» и предрекал конец «непрочному зданию реформ» молодого царя.

Петр Васильевич Лопухин занимал пост министра юстиции и генерал-прокурора в течение шести лет.

С 1 января того же года начал работу обновленный Государственный совет. Его основные функции заключались в обсуждении всех законопроектов и других важных государственных дел с точки зрения соответствия их ранее изданным законам. Совет не обладал самостоятельной властью, а выступал лишь как совещательный орган при императоре. Совет обсуждал также судебные решения и приговоры перед утверждением их Александром I.

Государственный совет делился на четыре департамента: законов, дел военных, дел гражданских и духовных и государственной экономии. При нем находились две комиссии: Комиссия прошений и Комиссия составления законов, переданная туда из Министерства юстиции, а также Государственная канцелярия, во главе которой был поставлен М.М. Сперанский. Председателем Государственного совета считался сам император, а в его отсутствие обязанности председателя исполнял один из членов Совета, назначаемый ежегодно Александром I. Законопроекты вначале обсуждались в департаментах, затем — на общем собрании Государственного совета, а после утверждения императором получали силу закона.

Первыми председателями департаментов были назначены: законов — граф П.В. Завадовский, военных дел — граф А.А. Аракчеев, гражданских и духовных дел — князь П.В. Лопухин и государственной экономики — Н.С. Мордвинов.

В обязанности департамента гражданских и духовных дел, который возглавлял Лопухин, входило рассмотрение дел по ведомству Министерства юстиции и полиции и духовному управлению.

30 марта 1812 года Лопухину было «повелено» председательствовать в департаменте законов и других департаментах, а в 1816 году он стал председателем Совета и Комитета министров. В этом звании он оставался до конца своей жизни.

Лопухину приходилось заниматься весьма разнообразными делами. Остановимся на самом кульминационном моменте — восшествии на престол Николая I и восстании декабристов. Какова была роль Лопухина в этих событиях?

Если начало царствования Александра I было связано с реформами, заметным оживлением общественной жизни, ожиданием больших надежд, то после 1812 года положение постепенно стало меняться. В обществе все ошутимее зрело недовольство и политикой Александра I, и сохранением крепостной зависимости. Известный публицист начала XIX века А.И. Кошелев писал о том времени: «Смутно вспоминаю я о либеральных толках, бывших в 1818—1822 годах, особенно между военными, возвратившимися из Франции после 1812—1815 годов; но очень положительно и ясно сохранились в моей памяти жалобы на слабость Александра I в его отношениях к Меттерниху и Аракчееву. И старики и люди зрелого возраста, и в особенности молодежь, словом, чуть-чуть не все, беспрестанно и без умолка осуждали действия правительства, и одни опасались революции, а другие пламенно ее желали и на нее полагали все надежды. Неудовольствие было сильное и всеобщее».

По мнению современников, особенно тяжелыми оказались последние два года царствования Александра I. Правительство было подозрительно ко всем, кругом насаждались шпионы и доносители. Полиция следила не только за рядовыми людьми, но даже за всемогущим Аракчеевым.

В ряде мест России возникли тайные общества. Об этом доносили императору. В 1824 году Александр I записал: «Есть слухи, что пагубный дух вольномыслия или либерализма разлит или, по крайней мере, сильно уже разливается и между войсками; что в обеих армиях, равно как и в отдельных корпусах, есть по разным местам тайные общества или клубы, которые имеют притом секретных миссионеров для распространения своей партии».

В начале сентября 1825 года Александр I выехал в Таганрог. В столичной жизни «водворилось полнейшее затишье». 25 ноября того же года председатель Государственного совета Лопухин получил от начальника штаба генерал-адъютанта барона Дибича письмо, в котором тот писал о серьезной болезни императора. В письме сообщалось, что «хотя медики еще не теряют надежды, но они находят положение государя весьма опасным».

Вскоре после этого пришло сообщение о смерти императора. Российский престол должен был занять великий князь Константин Павлович. Однако еще при жизни Александра I был составлен акт об отречении Константина от престола в пользу его брата Николая Павловича. О существовании акта знали трое: граф Аракчеев, князь Голицын и Московский архиепископ Филарет.

27 ноября, в два часа дня, Лопухин назначил чрезвычайное собрание Государственного совета. На нем он и князь Голицын предложили, что до присяги на верность Константину Павло-

вичу необходимо вскрыть запечатанный пакет с волей Александра I о наследнике престола. Со своей стороны министр юстиции Д.И. Лобанов-Ростовский высказал мнение, что делать этого не следует, что Совет — только канцелярия государя и не вправе решать такие вопросы.

Лопухин все же приказал принести пакет, что и исполнил государственный секретарь А.Н. Оленин. В это время явился граф Милорадович. Он сказал, что великий князь Николай Павлович уже присягнул своему старшему брату и что он лично и войска также присягнули. Возникли споры. Лопухин все же предложил Оленину распечатать пакет и приступить к чтению. Несмотря на прочитанный акт, в котором недвусмысленно излагалась воля Александра I, Государственный совет присягнул Константину Павловичу. После этого в Варшаву был направлен фельдъегерь с решением Совета. Такое же «всеподданнейшее» письмо направили Константину Павловичу военный министр Татищев и министр юстиции Лобанов-Ростовский.

В субботу, 28 ноября 1825 года в «Северной пчеле», в траурной рамке, в отделе внутренних известий было напечатано следующее сообщение: «Неисповедимый в судьбах своих Промысел Всевышнего посетил Российскую империю горестию, коей никакими словами выразить невозможно.

Прибывший 27-го сего ноября из Таганрога курьер привез плачевную весть о кончине его величества государя императора Александра Павловича.

При первом известии о сем неожиданном несчастье августейшие члены императорского дома, Государственный совет и министры собрались во дворце, где его высочество великий князь Николай Павлович сначала, а за ним и все собравшиеся чиновники учинили присягу в верности его императорскому величеству государю императору Константину Первому».

Однако присяга оказалась преждевременной. Константин Павлович подтвердил свой отказ взойти на российский престол.

Теперь требовалось написать манифест, чтобы обосновать необходимость вступления на престол Николая Павловича. Напечатать ответы Константина Павловича посчитали неудобным из-за их резкости. К составлению манифеста были привлечены Карамзин и Сперанский. Он был подписан 13 декабря, но на нем стояла дата «12 декабря». Это был день, когда вопрос о воцарении Николая Первого решился окончательно.

В день подписания манифеста Николай I написал Лопухину: «Имея поручение от государя императора сообщить высочайшую волю Государственному совету, прошу вас покорнейше приказать собраться оному секретным собранием в восемь часов пополудни».

Лопухин, получив эту записку, лично привез ее государственному секретарю Оленину. Тот удивился и спросил: «Что это, ваша светлость, давно ли вы записались в курьеры?» «Ну, ты говори, — ответил Лопухин, — ведь, братец, у страха глаза велики — ты видишь, какие времена. Я не отдыхаю и не сплю».

Оленин немедленно разослал повестки членам Государственного совета. Сам пришел в Зимний дворец на час раньше.

Члены Государственного совета собрались вовремя. Однако Михаил Павлович, отсутствовавший в Петербурге, задерживался, и чтение манифеста откладывалось. Наконец, поздно ночью, так и не дождавшись своего брата, Николай Павлович огласил манифест о своем восшествии на престол и письмо Константина Павловича на имя князя Лопухина. После этого он покинул Государственный совет.

События последних дней были известны только высшим сановникам. Народ, войска, многие придворные были в полном неведении относительно отказа от престола Константина Павловича. Поэтому Николай I готовился к худшему.

Наступило 14 декабря 1825 года... В 7 часов утра были созваны для присяги Правительствующий сенат, Государственный совет, Святейший синод, разосланы повестки всем, имеющим доступ во дворец.

Николай I в мундире Измайловского полка вышел в зал, где собрались генералы и командиры гвардейского корпуса. Новый император прочитал им манифест и спросил, имеет ли кто из собравшихся сомнение. Сомневающихся не оказалось. Тогда Николай I сказал: «После этого вы отвечаете мне головой за спокойствие в столице». Предупреждение было не праздное. Довольно скоро выяснилось, что некоторые полки отказались присягать Николаю I... Так началось знаменитое восстание декабристов, которое было подавлено.

1 июня 1826 года последовал указ о назначении над участниками восстания Верховного уголовного суда. Он был составлен из членов Государственного совета, Сената и Синода с присоединением нескольких высших военных чинов и гражданских лиц. В манифесте лицемерно отмечалось, чтобы суд был «справедливости нелицеприятной, ничем не колеблемой, на законе и силе доказательств утвержденной».

Председателем Верховного уголовного суда назначен был Н.В. Лопухин.

Суд приговорил к четвертованию пять человек, поставленных вне разрядов: П. Пестеля, К. Рыльева, С. Муравьева-Апостола, М. Бестужева-Рюмина и П. Каховского. К смертной казни, через отсечение головы, приговаривался 31 человек, остальные — к вечной каторге.

Когда князь Лопухин представил приговор Николаю I, тот утвердил смертную казнь через повешение для пяти человек, хотя и заметил при этом, что «офицеров не вешают, а расстреливают».

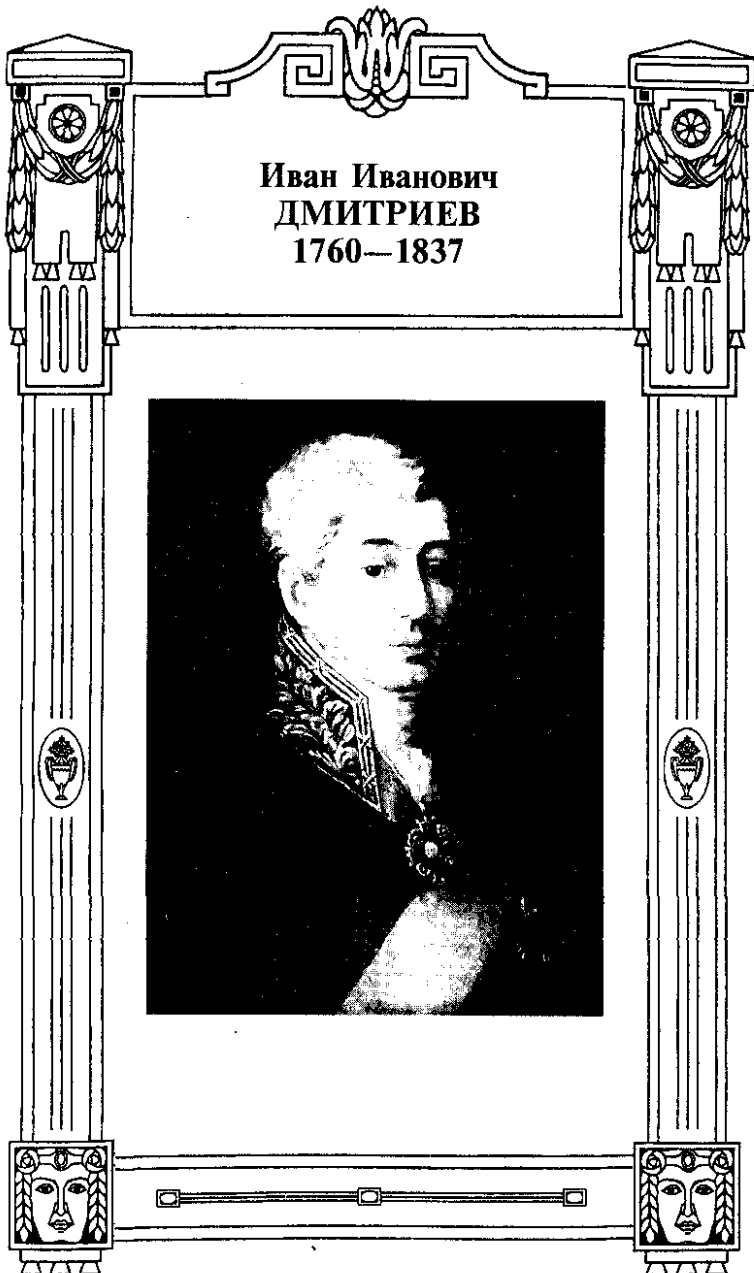
Казнь состоялась 13 июля 1826 года. Она произвела в русском обществе потрясающее впечатление. Никто не ожидал такого исхода. «Описать или словами передать ужас и уныние, которые овладели всеми, нет возможности», — писал А.И. Кошелев.

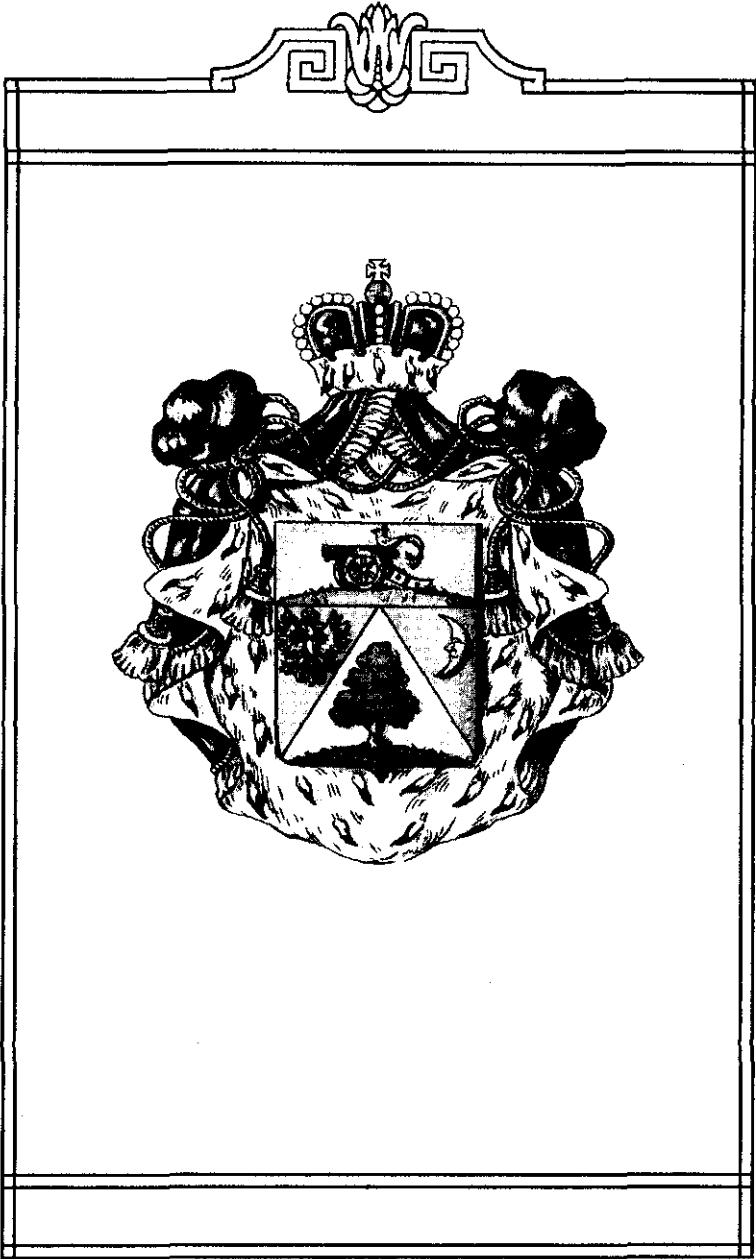
Незадолго до казни, 3 июля 1826 года, по указанию Николая I было образовано Третье отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии под начальством А.Х. Бенкендорфа. Оно вместе с приданным ему корпусом жандармов на многие годы стало основным карательным органом царизма в борьбе со свободомыслием. Генерал-прокурор уже не имел той роли по политическим делам, которая была у него во второй половине XVIII века.

2 ноября 1826 года князь П.В. Лопухин обратился к Николаю I с просьбой об отставке. «В службу вступил я в царствование блаженные памяти государыни Елизаветы Петровны 1760 г., марта 5-го дня, и прослужил оную как в военном, так и в гражданском звании со всем усердием верноподданного, — писал он. — Усилившаяся глухота, слабость зрения, преклонность лет моих и расстроенное здоровье делают меня ныне совершенно неспособным к службе и лишают возможности продолжать оную с желаемым усердием. Почему, припадая к священным стопам Вашего Императорского Величества, осмеливаюсь всеподданнейше просить о всемилостивейшем увольнении меня от всех дел, дабы я мог остаток дней моих провести в тиши и спокойствии, моля Всевышнего о ниспослании вам, всемилостивейший государь, и всей императорской фамилии, долголетнего здравия и благоденствия».

Однако император Николай I не принял отставки. Петр Васильевич Лопухин скончался 6 апреля 1827 года, на 75-м году жизни.

**Иван Иванович
ДМИТРИЕВ
1760—1837**

«НЕ УБОЮСЬ ОХРАНЯТЬ ЗАКОНЫ»

Иван Иванович Дмитриев родился 10 сентября 1760 года в селе Богородском Симбирской губернии в старинной дворянской семье, культурной и богатой. В родовом поместье он получил свое начальное образование. В семилетнем возрасте родители отправили его в Казань, к деду (по матери), отставному полковнику Афанасию Алексеевичу Бекетову. Здесь началось его обучение в частном пансионе француза Манжена, где уже находился и старший брат, Александр, будущий офицер и литератор. Учение сводилось к постижению азов французского языка, арифметики и рисования.

Через год дед переехал жить в Симбирск. Там мальчики стали учиться в частном пансионе.

В 1770 году отец забрал братьев из пансиона, и они стали обучаться дома. У отца Дмитриева была хорошая библиотека, содержащая редкие книги и издания, такие, как указы Петра I и Екатерины II. С интересом вслушивался Иван и в вечерние разговоры в гостиной, которые протекали тогда во время любимой старинной карточной игры — ломбера или же ужина. Говорили обычно об искусстве и поэзии, политике и военных подвигах. «Таким образом, еще на двенадцатом году моей жизни, — писал Дмитриев, — я набирался сведениями для меня бесполезными».

В 1772 году Иван Иванович и его брат были записаны солдатами в гвардейский Семеновский полк и «уволены в отпуск до совершенного возраста». Во время Крестьянской войны под предводительством Емельяна Пугачева Дмитриевы покинули Симбирск и временно переехали в Москву. Когда опасность миновала, мать с младшими детьми возвратилась в Симбирск, а Иван и Александр в мае 1774 году отправились в Петербург, в Семеновский полк. Их определили в полковую школу, и они стали проживать в низеньком солдатском домике.

В январе 1775 года молодой солдат Иван Дмитриев оказался очевидцем казни Емельяна Пугачева. Об этом Дмитриев позднее подробно написал в своих воспоминаниях «Взгляд на мою жизнь».

Вскоре после этих событий родственники выхлопотали ему чин фурьера и годовой отпуск. В 1776 году он был произведен в унтер-офицеры. Началась скучная, очень тяготившая Дмитриева служба: строй, плац-парады, караулы... Первые стихотворные опыты Дмитриева относятся к 1777 году. Тогда же Н.И. Новиков в издаваемых им «Санкт-Петербургских ученых ведомостях» (№ 15) поместил его стихотворение «Надпись к портрету князя А.Д. Кантемира». Большое влияние на творческое созревание Дмитриева оказал подпоручик Семеновского полка Федор Ильич Козлятев. По выражению Дмитриева, беседы молодых офицеров были для него «училищем изящного и вкуса».

В последующие годы Дмитриев публикует свои произведения в периодических изданиях: журнале «Утро», газете «Утренние часы» и других. Однако успех долго не приходил к нему.

В 1783 году Дмитриев познакомился и близко сошелся с Н.М. Карамзиным (своим дальним родственником). Благодаря ему молодой поэт принялся, по собственному признанию, за «усовершенствование в себе человека».

Особую роль в становлении поэтического таланта Дмитриева оказало знакомство с Гаврилой Романовичем Державиным, состоявшееся в 1790 году. В доме маститого поэта он встретился и познакомился со всеми знаменитыми писателями и поэтами того времени: Д.И. Фонвизиным, И.Ф. Богдановичем, Н.А. Львовым, В.В. Капнистом и другими.

В 1790-х годах поэтическая звезда Дмитриева заблестала во всем своем великолепии. Один за другим появляются в печати его стихи, оды, сатиры, басни, стихотворные сказки. Чрезвычайно популярными стали его сказки в стихах: «Модная жена», «Причудница» и другие. Пользовались большим успехом его басни, эпиграммы, пародии, мадригалы и прочие поэтические «мелочи». Многие лирические стихи Дмитриева были положены на музыку и стали модными романсами. Особенно нравились публике песни на его слова: «Стонет сизый голубочек» (часто исполняется и в наше время), «Видел славный я дворец...», «Ах, когда б я прежде знала...», «Пой, скачи, кружись, Параша».

В 1795 году Дмитриев издал свой первый поэтический сборник, получивший название «И мои безделки», а в 1796 году — «Карманный песенник, или Собрание лучших светских и простонародных песен», куда кроме фольклорных песен он включил свои произведения, а также песни Г.Р. Державина, А.П. Сумарокова, Ю.А. Нелединского, Н.П. Николаева, П.М. Каранова и других поэтов.

Середина 1790-х годов наиболее благоприятна для Дмитриева. Его произведения завоевали большую популярность; на службе он уверенно продвигается в чинах. В январе 1796 года Дмит-

риев, получив чин капитана гвардии и взяв годовой отпуск, намеревался выйти в отставку, чтобы полностью отдаться творчеству. Но вскоре произошло событие, круто изменившее его жизнь.

В ноябре 1796 года умерла императрица Екатерина II. Дмитриев, прервав отпуск, вернулся в полк. Ему удалось получить долгожданную отставку. В приказе от 17 декабря 1796 года отмечалось: «Семеновскому полку капитан Дмитриев I-й уволен в отставку с награждением чина полковника и со всемилостивейшим позволением носить мундир». Теперь можно было спокойно устраивать свои поэтические дела. Однако обстоятельства распорядились иначе.

25 декабря 1796 года, в день Рождества Христова, утром, Дмитриев лежал на кровати и читал книгу. Его двоюродный брат, офицер Иван Петрович Бекетов, собирался на парад войск, который должен был состояться перед дворцом. Он с завистью проговорил: «Вот, право, счастливец! Лежит спокойно, а мы будем мерзнуть на вахт-параде!»

Дмитриев отшутился, и Бекетов вышел из комнаты. У наружных дверей он неожиданно увидел часового. Это его удивило, и он хотел вернуться назад. Его не пропустили. Почти тотчас у дома остановилась карета. Из нее вышел полицмейстер Чулков. Войдя в комнату, он спросил Ивана Ивановича: «Вы ли отставной полковник Дмитриев?» Получив подтверждение, Чулков сказал, что его срочно требуют к императору Павлу I. Дмитриев хотел одеться по всей форме: сделать букли, косу, нанудриться, но Чулков сказал, что этого делать не следует. Тогда Дмитриев, наскоро накинув мундир, прошел вместе с полицмейстером к карете, успев только шепнуть слуге: «Скажи братьям». Через некоторое время полицмейстерская карета остановилась напротив дворцового подъезда. Чулков вышел. Дмитриев остался в карете и осмотрелся. На дворцовой площади в самом разгаре был вахт-парад.

Отставному полковнику недолго пришлось ломать голову над вопросом: «Что же означает это происшествие?» Вскоре вернулся Чулков, и они прошли во дворец. Здесь Дмитриев увидел своего сослуживца Лихачева, тоже привезенного в сопровождении полиции. Молодые люди бросились друг к другу с одним и тем же вопросом: «Не знаешь ли, за что?» И оба в недоумении пожимали плечами.

Во дворце было множество народа: военные, статские, духовные, придворные... Император сидел в своем кабинете в окружении великих князей, членов императорской семьи и самых близких сановников. Павел I сам разъяснил дело. Он сказал, что неизвестный человек оставил у будочника письмо на его имя, в котором сообщается, что полковник Дмитриев и штабс-

капитан Лихачев «умышляют» на его жизнь. После этого Павел I зачитал донос.

Дмитриев и Лихачев молча переглянулись. Затем император сказал: «Имя не подписано, но я поручил военному губернатору Архарову отыскать доносителя. Между тем я отдаю вас ему в руки. Хотя мне и приятно думать, что это клевета, но со всем тем я не могу оставить такого случая без уважения. Впрочем, — прибавил он, — я сам знаю, что государь такой же человек, как и все; что он может иметь и слабость, и пороки; но я так еще мало царствую, что едва ли мог успеть сделать кому-либо какое зло, хотя бы и хотел того». Помолчав немного, император заключил: «Если же хотите, чтоб меня только не было, но надобно же кому-нибудь быть на моем месте, и дети мои еще так молоды».

В своих воспоминаниях Дмитриев писал: «При сем слове великие князья бросились целовать его руки. Все заколебалось и зашумело: генералы и офицеры напирали и отступали, как прилив и отлив, и целовали императора, кто в руку, кто в плечо, кто ловил поцеловать полу».

Арестованных Дмитриева и Лихачева доставили в дом военного генерал-губернатора Петербурга Николая Петровича Архарова. Он обошелся с ними весьма любезно и даже пригласил их обедать за свой стол. Несмотря на такой прием, Дмитриев и Лихачев провели три дня в томительном ожидании. Участь их была неизвестна.

Архаров ранее служил московским обер-полицмейстером и по праву считался лучшим сыщиком, мастером раскрытия самых запутанных преступлений. Его порой сравнивали со знаменитым парижским полицмейстером Габриэлем де Сартина. Человек сметливый и опытный, он сразу же заподозрил, что это дело рук кого-нибудь из прислуги. Поэтому Архаров приказал забрать и пересмотреть все бумаги слуг не только Дмитриева и Лихачева, но и их родственников, тщательно обыскать их самих и принадлежащую им одежду. В сюртуке кармана одного из слуг двоюродного брата Лихачева (с ним Дмитриев не был даже знаком) найдено было письмо, заготовленное к родителям. В нем он писал, что в столице распространился слух, будто вскоре всем крепостным крестьянам предоставят свободу. После этого добавил, что если слухи не подтвердятся, то он «надеется получить вольность и другою дорогою». Почерк этого письма был схож с почерком полученного императором доноса.

Архаров немедленно арестовал и допросил слугу. Тот ни в чем не признался. Однако допрошенный ранее младший брат доносителя рассказал генерал-губернатору, что недавно застал своего брата за составлением какого-то письма, где был «прописан» императорский титул. Когда же он из любопытства стал

заглядывать через плечо, то старший брат ударил и оттолкнул его. Это же подтвердила и их хозяйка.

О результатах следствия Архаров доложил императору и тот приказал, несмотря на заpiresательство слуги, отдать его под суд уголовной палаты.

Дмитриева и Лихачева опять привезли к Павлу I. Император и на этот раз принял их в присутствии всего своего генералитета. Он сказал: «С удовольствием объявляю вам, что г. полковник Дмитриев и штабс-капитан Лихачев нашлись, как я ожидал, совершенно невиновными; клевета обнаружена, и виновный предан суду. Подойдите, и поцелуемся». Дмитриев и Лихачев подошли к руке; Павел I поцеловал каждого в щеку и пригласил к обеденному столу.

В 1797 году Дмитриев был приглашен в Москву на коронацию Павла I. Император «осыпал» его милостями и приказал своему сыну, великому князю Александру Павловичу (который, кстати, во время ареста Дмитриева поручился за него), спросить, чего он хочет. Дмитриев ответил: «Ничего, кроме спокойной жизни в отставке». Когда же Александр Павлович в третий раз настойчиво сказал ему: «Скажи что-нибудь, батюшка решительно требует», только тогда Дмитриев ответил, что желает поступить на статскую службу.

Вскоре после этого, 22 мая 1797 года, он был назначен на «хорошее место», одним из четырех товарищей министра департамента уделов, которым считался в то время генерал-прокурор А.Б. Куракин. Спустя три месяца Дмитриева с чином статского советника переводят на новое место — обер-прокурором 3-го департамента Правительствующего сената.

В своих воспоминаниях Дмитриев, касаясь того времени, когда он служил обер-прокурором, писал: «Отсюда начинается ученичество мое в науке законоведения и знакомство с происками, произомом, надменностью и раболепством двум господствующим в наше время страстям: любостыжанию и честолюбию».

Дмитриев отмечал, что он «не без смущения» занял предложенный ему пост, думая прежде всего о важности своего нового звания — «блюстителя законов». По его мнению, это звание обязывало охранять законы от «умышленно кривых истолкований», «сносить равнодушно пристрастные толки и поклеп тягущихся или подсудимых», противостоять иногда «особам, украшенным сединами, знаками отличий».

Службу на прокурорском поприще Дмитриев начал с того, что основательно изучил законы, которыми следовало руководствоваться в своей деятельности, познакомился с «внутренним положением» поднадзорного департамента, порядком ведения дел. Департамент, где служил он, был, по его выражению, «эн-

циклопедическим». Именно сюда стекалось множество уголовных и гражданских дел из Малороссии, Царства Польского, Лифляндии, Курляндии, Эстляндии и Финляндии. Департаменту были подведомственны Юстиц-коллегия, полиция, почта. Сенаторы обязаны были следить за устройством дорог и водных сообщений, заниматься организацией работы школ и училищ. Работы было много, а для Дмитриева она была к тому же совершенно незнакома.

С первых же дней пребывания за обер-прокурорским столом Дмитриев стал активно отстаивать интересы законности. Это не всегда нравилось властолюбивым сенаторам. В то время в Сенате заседали такие важные вельможи, как граф А.С. Строганов, граф П.В. Завадовский, Г.Р. Державин, А.В. Храповицкий и другие, которые не привыкли, чтобы им противоречили. Дмитриев вспоминал: «Едва проходила неделя без жаркого спора с кем-нибудь из сенаторов, без невольного раздражения их самолюбия».

Стычки по службе случались у него даже с поэтическим наставником Г.Р. Державиным, которого Дмитриев «любил и уважал от всего сердца». «Благородная душа его, — писал Дмитриев, — конечно, была чужда корысти и эгоизма, но пылкость ума увлекала его иногда к решениям, требовавшим для большей осторожности других мер, некоторых изъятий или дополнений. Та же пылкость его оскорблялась противоречием, однако же, не на долгое время: чистая совесть его скоро брала верх, и он соглашался с замечанием прокурора».

К гражданской службе Дмитриев привыкал с трудом. По его словам, он «будто вступил в другой мир», для него новый и незнакомый и во многом чуждый. Здесь большей частью все старались строить свое благополучие «на расчетах своекорыстия», здесь господствовали эгоизм, заискивание перед начальством, обхождение зависело от наличия чинов и званий. Среди чиновничества не было той искренности, которую он встречал в офицерской среде; они, как писал Дмитриев, «ловили, помнили и передавали» любое неосторожное слово. Ко всему этому надо было привыкнуть.

Служба Дмитриева первое время продвигалась успешно. В 1798 году «за отличие» он был произведен в действительные статские советники. Однако времени для творчества практически не оставалось. По этому поводу он писал: «Во все это время, находясь в гражданской службе, я уже не имел досуга предаваться поэзии. Притом же и сам хотел на время забыть ее, чтобы сноснее для меня был запутанный, варварский слог наших толстых экстрактов и апелляционных челобитен».

Время царствования Павла I, на которое пришлось обер-прокурорство Дмитриева, сопровождалось «крутыми переворо-

тами во всех частях государственного управления». Наместничества дробились на губернии; законы Екатерины II, изданные для управления губерний, изменялись; уездные города превращались в посады; в войсках вводились новые уставы, новые чины и мундиры. Дмитриев писал, что это было время, когда «господствовавший в умах страх не мешал коварным царедворцам строить ковы (то есть козни. — *Авт.*) друг против друга, выслуживаться тайными доносами и возбуждать недоверчивость в государе, по природе добром, щедром, но вспыльчивом. От того происходили скоропостижные падения чиновных особ, внезапные высылки из столицы даже и отставных из знатного и среднего круга, уже несколько лет наслаждавшихся спокойствием скромной, независимой жизни».

Он занимал должность обер-прокурора немногим более двух лет. За это время ему пришлось работать с тремя генерал-прокурорами: А.Б. Куракиным, П.В. Лопухиным и А.А. Беклешовым. В своей книге «Взгляд на мою жизнь» он дал яркую характеристику этим государственным деятелям.

В декабре 1799 года неожиданно для генерал-прокурора А.А. Беклешова Дмитриев подал в отставку. Начальник стал отговаривать его, намекнув между прочим, что вследствие холодности к нему, то есть Беклешову, императора он не сможет хлопотать для Дмитриева «пенсион». Но это не смутило Ивана Ивановича, и он твердо настаивал на увольнении со службы. 30 декабря 1799 года Дмитриев получил отставку, причем не только с «пенсионом», но и с чином тайного советника.

Дмитриев поселился в Москве. Он купил у профессора Московского университета К.Г. Лангера за пять тысяч восемьсот рублей деревянный домик с маленьким садом в приходе Харитония, в Огородниках, недалеко от Красных Ворот. Переделав дом по своему вкусу и украсив комнаты эстампами, соорудив хорошую библиотеку, он «возобновил авторскую жизнь».

Отставной обер-прокурор наслаждался отдыхом: с весны до глубокой осени обхаживал свой сад, читал «под густою тенью двух старых лип», часто выезжал на дрожках за город «любоваться живописными окрестностями», «хаживал по разным частям города».

В 1803—1805 годах, как бы подводя итоги литературной деятельности, он издал три тома своих стихов и басен.

Молодой император Александр I, хорошо знавший и уважавший поэта, вновь призывает его на службу, назначив в августе 1806 года сенатором 7-го департамента Правительствующего сената.

В качестве сенатора Дмитриев с успехом выполнил ряд личных и ответственных поручений государя.

В начале ноября 1808 года Александр I, через министра юс-

тиции Лопухина и министра внутренних дел Куракина, поручил Дмитриеву ответственное задание — «исследовать втайне» поступки костромского губернатора Пасынкова, на которого поступил анонимный донос. Для прикрытия этого следствия в Сенате был объявлен указ об отправлении Дмитриева для «обревизования» Костромской губернии.

Иван Иванович не мешкая выехал в Кострому и приступил к «обозрению» губернии. Начал он с правления и судебных мест, где оказалось много нарушений. Затем побывал в городах Чухломе и Галиче, проверив там работу судов. Это следствие заняло около месяца. Вернувшись в Москву, Дмитриев направил отчет императору и обоим министрам. По мнению Дмитриева, многие факты, указанные в анонимном письме, оказались «справедливыми», надзор губернского начальства за делами был крайне слабым. Во время следствия некоторые лица, в частности капитан-исправник, секретарь и заседатель Галицкого земского суда, секретарь Чухломского уездного суда, пытались обмануть Дмитриева, дав ему ложные объяснения и учинив в документах подлоги. За это он отдал их под суд.

За проведенное расследование Дмитриев был награжден орденом Св. Анны 1-й степени.

В декабре 1809 года Иван Иванович Дмитриев вновь был вызван в Петербург к императору, чтобы «изъясниться», как отмечалось в письме, о предметах, в которых опыт его может быть полезен государству. Когда он прибыл в столицу, ему был предложен пост министра юстиции и генерал-прокурора вместо вышедшего в отставку П.В. Лопухина. Дмитриев согласился.

Именно в этот период времени происходит дальнейшее преобразование системы министерства. Образованные вначале по Высочайшему манифесту от 8 октября 1802 года министерства имели ряд существенных недостатков, а их деятельность не вполне увязывалась с другими высшими государственными органами, в частности Правительствующим сенатом.

В 1810 году М.М. Сперанский представил Александру I обширный доклад, в котором он, глубоко проанализировав все недостатки деятельности министерств, предлагал целый ряд мер, направленных на их устранение и совершенствование работы. Вследствие этого манифестом от 25 июля 1810 года «О разделении государственных дел на особые управления, с назначением предметов, каждому управлению подлежащих» было определено пять сфер министерского управления: внешние сношения, устройство внешней безопасности, государственная экономия, устройство суда гражданского и уголовного и устройство внутренней безопасности.

Эти сферы управления были разделены между восемью ми-

нистерствами: иностранных дел, военным, морским, финансов, внутренних дел, народного просвещения, полиции и юстиции.

Разделение сфер высшего управления между министерствами было закреплено манифестом 25 июня 1811 года об «Общем управлении министерств». Этот закон состоял из двух частей: «Образование министерств» и «Общий наказ министерствам».

Манифестом 25 июня на Министерство юстиции была возложена задача по управлению всей системой суда и прокуратуры. «Все, что принадлежит к устройству судебного порядка, составляет предмет Министерства юстиции», — отмечалось в нем.

Дмитриев довольно скоро понял необходимость кардинальных усовершенствований в руководимом им министерстве. Правосудие и прокурорский надзор находились тогда не в самом лучшем состоянии. В своих воспоминаниях «Взгляд на мою жизнь» он писал: «При первом обзоре всех частей моего министерства я уже видел, что многого недостает к успешному ходу этой машины: излишние инстанции, служащие только проволочке дел и в пользу ябеднических изворотов; недостаточность в назначении сумм на содержание судебных мест, особенно ж палат гражданской и уголовной; определение чиновников к должности большею частью наудачу, по протекции или чрез покровительство; неравенство в жалованье и производстве в чины».

Особую тревогу вызывал у Дмитриева личный состав многих судебных и прокурорских мест, причем не только в губерниях. По его мнению, с «беспечностью» определялись в Сенат даже прокурорские чины, не говоря уже о секретарях. Обер-прокурорами назначались преимущественно молодые люди из придворной или военной службы, по виду благовоспитанные, но совершенно неискусные и некомпетентные в делах. К тому же они часто стремились лишь к «снисканию выгодных связей и покровительства для получения знаков отличия» и мало думали об интересах службы.

В обер-секретарский состав нередко попадали лица совершенно невежественные, не умевшие «порядком составить даже и неважного определения». «Какая разница между старыми и нынешними секретарями! — восклицал Дмитриев. — В 60-х и 70-х годах XVIII столетия обер-секретарь Крамаренков переводил Монтескье «О духе законов», а Богаевский — Юстия «О благосостоянии царств». Последнего из них, бывшего уже в глубокой старости, Дмитриев еще застал в Сенате.

Дмитриев энергично принялся за преобразования. Он первым делом устранил из министерства и из канцелярии генерал-прокурора чиновников, которые только числились на службе, получали чины и награды, но не были обременены обязанностями. Особое внимание он обратил на правильную организацию дел в департаментах Правительствующего сената.

С самого начала своей деятельности на этом посту он дал понять сенаторам, что будет постоянно стоять на страже закона и ни при каких условиях не отступит от лежащих на нем обязанностей. «Я остерегался преждевременно вмешиваться в дела сенатских департаментов, — признавался Дмитриев, — но старался только уверять сенаторов и обер-прокуроров, что я угодник одним законам и ни в каком случае не убоюсь охранять их».

Первые два года Александр I был довольно благосклонен к своему министру, хотя и не осыпал Дмитриева своими милостями, как других вельмож. В отличие от остальных сановников, находившихся при дворе, Дмитриеву приходилось самому напоминать о своих заслугах. Его племянник, М.А. Дмитриев, в записках «Мелочи из запаса моей памяти» приводит интересный разговор, состоявшийся между Александром I и Дмитриевым. Дело в том, что, будучи министром юстиции, он имел всего лишь одну Аннинскую ленту. Как-то раз, после очередного доклада дела, Дмитриев сказал императору: «Простите, Ваше Величество, мою смелость и не удивитесь странности моей просьбы». «Что такое?» — спросил Александр I. «Я хочу просить у Вас себе Александровской ленты», — сказал Дмитриев. «Что тебе вздумалось?» — с улыбкой спросил император. «Для министра юстиции нужно, Государь, иметь явный знак Вашего благоволения: лучше будут приниматься его предложения».

Дмитриева, конечно, волновала не сама награда, хотя он и видел, как их раздавали направо и налево лицам, не имевшим и малой толики заслуг. Орден был нужен ему, чтобы чувствовать себя увереннее и тверже.

Вскоре после этого разговора, 30 августа 1810 года, он был награжден орденом Св. Александра Невского.

Встретив однажды Дмитриева, Александр I спросил: «Что? Ниже ли кланяются?» «Гораздо ниже, Ваше Величество», — ответил Дмитриев.

Доклады министра юстиции по конкретным делам заставляли иногда содрогаться императора. Так, однажды Дмитриев принес на утверждение приговор по делу о жестоком обращении одной помещицы с крепостной девушкой, которая, не выдержав изощренных истязаний, умерла. Слушая министра, Александр I воскликнул: «Боже мой! Можем ли мы знать все, что у нас делается! Сколько от нас закрытого, мы и вообразить этого не можем!» И император утвердил приговор, даже не смягчив его по своему обыкновению.

У Дмитриева как у министра юстиции и генерал-прокурора было много хороших идей о наилучшем устройстве судебной и прокурорской частей. Но не по его вине до их осуществления дело, как правило, не доходило. Многие прогрессивные идеи не

нашли поддержки у императора. Время оказалось очень тревожным — надвигалась война с Наполеоном. Правительству было не до преобразований.

Дмитриев, например, признавал весьма полезным учреждение в России училищ законоведения, куда можно было бы принимать не только дворянских, но и купеческих, и мещанских детей. По его мнению, уже через десять лет после этого можно было бы установить правило, чтобы «никого из стряпчих не допускать к хождению по делам без одобрительного свидетельства от одного из сих училищ. Таким образом, — писал Дмитриев, — невежество и ученичество мало по малу истребилось бы между судьями и приказными служителями, да и самые стряпчие были бы поставлены в необходимость усовершенствовать себя в законоведении и учиться грамматическим правилам отечественного языка».

Училище правоведения для подготовки чиновников судебного ведомства было образовано только в 1835 году. Через него прошло много юристов, впоследствии блиставших на судебном и прокурорском поприщах.

По инициативе Дмитриева было принято несколько важных узаконений, в частности, в 1811 году было запрещено совершать крепости и письменные сделки на имения лиц, не имеющих права владения недвижимым имуществом, а в 1814 году — составлять крепостные акты на покупку личными дворянами крестьян и дворовых людей.

Дмитриев всегда поддерживал добросовестных работников, не уставая «испрашивать» для них награды и чины. Вот что рассказывал племяннику Дмитриева, поэту и публицисту М.А. Дмитриеву, сенатор Штер. Будучи губернатором, при очередной ревизии присутственных мест, он в одном из уездных судов нашел только три дела. Это его изумило, так как обычно суды бывали завалены делами, часто «заволокиченными». На вопрос Штера, что все это значит, судья, покрасневшись, отвечал: «Я, ваше превосходительство, стараюсь все дела оканчивать миром. Здешние господа дворяне и другие жители имеют ко мне доверенность, и потому почти все дела кончаются подачею мирового прощения». Штер просмотрел «настольные» книги, в которых отмечалось движение дел, расспросил дворян и убедился, что все это правда. Он официально доложил об этом судье Дмитриеву как министру юстиции. Тот представил доклад императору, и вскоре судья получил орден Св. Владимира 4-й степени.

Как министр юстиции Дмитриев был очень доступен. Поэт и драматург Михаил Николаевич Макаров писал, что когда он узнал о назначении Ивана Ивановича министром, то захотел непременно поступить к нему на службу. С этой целью он и приехал к Дмитриеву, хотя лично его почти не знал. «Ни один

вельможа так приветливо не принимал, как принял меня Дмитриев, — вспоминал он позднее. — Вход к Дмитриеву был легок, швейцар, добрый немец, никого не останавливал, лакеи никого не держали за полу и не просили на чай»...

Особенно трудно пришлось работать Дмитриеву во время Отечественной войны 1812 года. Война принесла ему множество новых забот и неотложных дел как по Сенату, так и по Министерству юстиции. Работать приходилось очень напряженно. В числе забот министра юстиции и генерал-прокурора Дмитриева были такие вопросы: немедленное обнародование манифестов и указов чрезвычайной важности; подготовка распоряжений по перемещению, временному устройству и восстановлению подведомственных учреждений в областях, подвергшихся нашествию; установление режима военного положения; восстановление порядка и оказание содействия жителям местностей, пострадавших от неприятеля; обеспечение рекрутских наборов и формирование, при содействии гражданских властей, воинских частей и ополчения; надзор за соблюдением интересов казны, борьба со злоупотреблениями при поставке продовольствия и имущества для военного ведомства; обнародование указов о награждении военных и гражданских лиц за отличия в сражениях и т.п.

К генерал-прокурору регулярно поступали донесения губернских прокуроров по всем возникавшим судебным и административным делам и о чрезвычайных происшествиях, о которых он представлял доклад императору. Немало забот доставил и переезд московских департаментов Сената в Казань. Не хватало людей, так как многие чиновники Правительствующего сената и Министерства юстиции, проявляя патриотические чувства, вступали в действующую армию или в народное ополчение.

Исполняя генерал-прокурорские обязанности, Дмитриев очень часто обращал внимание Комитета министров на допускаемые этим высшим органом управления отступления от закона и установленного порядка при решении дел. Особенно часто это касалось вопросов подряда, которые иногда не вызывались необходимостью военного времени. Своей принципиальной позицией Дмитриев восстановил против себя многих членов Комитета и в особенности статс-секретаря Молчанова, который стал откровенно противодействовать генерал-прокурору.

Довольно часто повторялись случаи, когда члены Комитета, вследствие личной нерасположенности к Дмитриеву, жертвовали интересами правосудия и допускали явное нарушение закона. В этих условиях Иван Иванович, постоянно натываясь на глухую стену непонимания, не нашел другого выхода, как подать прошение об отставке. Однако император на этот раз отставку не принял, а лишь предоставил ему отпуск на четыре ме-

сяца. Дмитриев передал исполнение своих обязанностей сенатору А. У. Болотникову.

Кратковременный отпуск ничего не изменил. Вернувшись на службу, Дмитриев встретил все то же враждебное отношение со стороны высокопоставленных государственных чинов и к себе лично, и к закону. Особенно обострились его отношения с приближенными к императору вельможами после того, как при обсуждении в Правительствующем сенате вопроса о новых условиях откупа Дмитриев вместе с министром финансов стал активно отстаивать интересы государства и казны от алчных и своекорыстных откупщиков, среди которых выделялся некий Перетц.

На министра юстиции посыпались жалобы и доносы. В конце концов, окружение Александра I сделало свое дело, император стал открыто выражать Дмитриеву свое «неблаговоление».

Дмитриев снова подал прошение об отставке. 30 августа 1814 года отставка была принята. Управление Министерством юстиции, по рекомендации Дмитриева, было временно поручено сенатору Алексею Ульяновичу Болотникову. Ему Дмитриев оставил письмо, в котором, объясняя причины своей отставки, писал: «Таким образом я Вас делаю душеприказчиком моей чести».

Отставка Дмитриева продолжалась недолго. Уже в августе 1816 года он был назначен на новую ответственную должность — председателя Комиссии для рассмотрения просьб, подаваемых на Высочайшее имя от жителей, разоренных неприятелем.

Согласно рескрипту Александра I, данному московскому военному губернатору, Комиссия должна была помогать только тем лицам, которые не получали жалованья и не имели пропитания. Дмитриев исполнял это указание чрезвычайно строго. Когда к нему в октябре 1816 года обратился его знакомый В. В. Измайлов с просьбой помочь в получении пособия одной женщине, Дмитриев написал ему: «Могу вас уверить, что я всею душою рад быть орудием монарших благотворений, а потому и покровительствуемая вами может надеяться получить в них участие, если по состоянию своему будет подходить под правила, которые даны в руководстве Комиссии. В противном же случае мне остается только сожалеть, что и дружба и сострадание подчинены законам».

В 1818 году Дмитриеву наконец-то был пожалован чин действительного тайного советника, а спустя год он получил орден Св. Владимира 1-й степени. Вскоре после этого он совершенно отошел от государственных дел и стал заниматься исключительно литературным трудом.

Еще до своей отставки с поста министра юстиции Дмитриев подумывал о «приготовлении приюта для своей старости». С этой целью он купил в Москве так называемое «погорелое место», недалеко от Тверского бульвара и Патриаршего пруда, на Спири-

доньевской улице, где, как писал Дмитриев, «тишина и нет суетливой торговли». Там он построил большой дом, проект которого сделал архитектор А.Л. Витберг. Здесь же был разбит великолепный сад, за которым поэт лично ухаживал. В этом доме Дмитриев прожил последние двадцать три года своей жизни. Вот как описывает М.А. Дмитриев жизнь своего дяди в Москве: «Привыкнувши с молодости к природе, простоте жизни и деятельности, Иван Иванович Дмитриев вставал очень рано, сам варил себе кофей, потом немедленно одевался. Редко, очень редко мне случалось заставать его в шлафроке, и то разве тогда, когда он был нездоров. Всякий день он ходил пешком, и ходил много. Этой ранней привычки он не оставлял даже и тогда, когда он был министром: у него на все доставало времени. В Москве, в своих прогулках, нередко вслушивался он в разговоры людей простого народа и сам вступал в речь с ними. Иногда он приносил из этих прогулок очень верные замечания и черты народного характера, которые он умел рассказывать с неподражаемым искусством! Его шутка, сопровождаемая всегда важным видом, была необыкновенно метка и забавна. — Читал он очень много; следил постоянно за происшествиями своего времени и за литературою. Садоводство, или лучше сказать зелень деревьев и луга английского сада, — это было его страстию! Другая его страсть были эстампы лучших мастеров».

Семьи у Ивана Ивановича не было. В доме постоянно проживали родственники. Слуг было мало. Один из них, Николаев, ведал обширной библиотекой поэта.

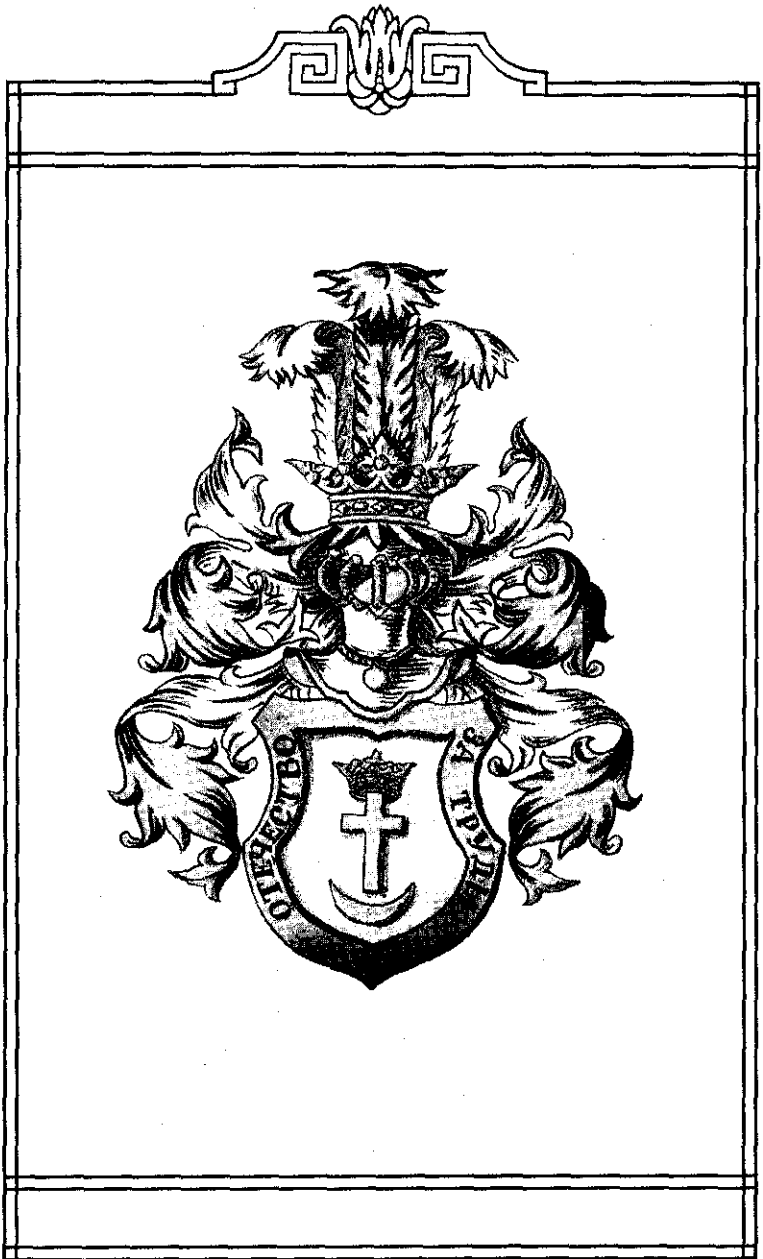
Дом Дмитриева стал своего рода достопримечательностью Москвы. Сюда приходили писатели и поэты, артисты и художники, профессора и политики. Здесь часто бывали П.А. Вяземский, написавший обстоятельную биографию Дмитриева, опубликованную в 1823 году в собрании сочинений Ивана Ивановича, Н.В. Гоголь, В.А. Жуковский, А.С. Пушкин, М.П. Погодин и многие другие. Дмитриев вел обширную переписку с друзьями, проживавшими в Петербурге.

В последние годы жизни Дмитриев писал свои записки «Взгляд на мою жизнь», впервые опубликованные в 1866 году. Участник литературного общества «Арзамас», знакомый Дмитриева Филипп Филиппович Вигель вспоминал: «Любил он немногих, зато любил их горячо; прочим всегда желал он добра; — чего еще требовать от человеческого сердца?»

Умер Иван Иванович Дмитриев 3 октября 1837 года. По свидетельству Погодина, накануне, после обеда, Дмитриев вышел в сад и хотел посадить акацию около кухни, чтобы «заслонить ее с проезду». Тут он почувствовал себя плохо и его привели в комнату. Спустя два дня Дмитриева не стало. Похоронен И.И. Дмитриев в Донском монастыре.

Дмитрий Прокофьевич
ТРОШИНСКИЙ
1754—1829

OMNIBUS BO
SA VITI

•ЖЕЛАЮ, ЧТОБЫ ВЫ ЗАНЯЛИ ПРЕЖНЕЕ МЕСТО»

Занявший после И.И. Дмитриева место министра юстиции и генерал-прокурора Дмитрий Прокофьевич Трошинский родился в 1749 году в Малороссии, в мелкопоместной шляхетской семье. Родители не смогли дать ему сколько-нибудь приличного образования. По его собственному признанию, «русской грамоте» он обучался у приходского батюшки. Однако тяга к знаниям была у мальчика настолько велика, что он пешком дошел до Киева, где и сумел поступить в духовную академию. Первое время ему приходилось перебиваться случайными заработками, составляя разным лицам письма и сумки, чтобы иметь возможность заплатить за обучение.

В шестнадцатилетнем возрасте он поступает на военную службу и вскоре получает должность полкового писаря. Дмитрий Прокофьевич от природы был человек умный, сообразительный и инициативный. Он много читал, занимался самообразованием, пробовал писать. По службе проявлял большое старание и рвение, что не осталось незамеченным начальством. Именно благодаря своим личным качествам он приглянулся тогдашнему генерал-аншефу князю Н.В. Репнину, под командованием которого служил. Во время Русско-турецкой войны в 1769-70 годах Трошинский участвовал в походах русской армии, но получил звание флигель-адъютанта капитанского чина и был назначен вначале секретарем при штабе, а затем и правителем канцелярии князя Репнина. При нем Трошинский служил почти десять лет, не раз сопровождая князя во время выполнения различными дипломатическими миссиями. Службой он был доволен, хотя и не все честолюбивые замыслы его исполнились.

В 1781 году Трошинский серьезно заболел и вынужден был прекратить военную службу. На гражданском поприще его ждала весьма успешная карьера. Он попадает в канцелярию к своему другу и набравшему силу вельможе А.А. Безбородко и вскоре становится в число лучших его сотрудников.

Этот влиятельный вельможа и стал покровителем Трошинского. И надо отметить, что, разузнав выдающиеся способности

своего помощника, Безбородко стал нещадно эксплуатировать его, заставляя писать всевозможные бумаги. По его поручению Дмитрий Прокофьевич готовил проекты указов почти по всем сенатским тяжёлым и уголовным делам, которые находились на контроле у Екатерины II. Когда Безбородко случалось бывать в отъезде, он обычно оставлял Трошинского вместо себя и поручал ему подносить на подпись императрице, через П.А. Зубова, различные бумаги. А вскоре ему представился случай и лично докладывать дела Екатерине II. Вот как описывает этот случай Н.И. Греч в своих «Записках о моей жизни»: «Безбородко... каждую субботу после обеда надевал синий сюртук, круглую шляпу, брал трость с золотым набалдашником и клал сто рублей в карман. Вооруженный таким образом, посещал он самые неблагопристойные дома. Зимой по воскресеньям бывал он всегда в маскарадах... и проводил время среди прелестниц часов до пяти утра. В восемь часов его будили, окачивали холодной водою, одевали, причесывали, и полусонный он ездил во дворец с докладом, но, перед входом в кабинет государыни, стряхивал с себя ветхого человека и становился умным, серьезным, дельным министром. Однажды государыня прислала за ним из Царского Села. Гонец застал его среди пламенной оргии. Безбородко приказал пустить себе кровь из обеих рук, протрезвился и отправился... Наконец государыне надоела эта гениальная распушенность, и она очень деликатно дала графу Безбородко почувствовать, что он стареет, что ему трудно рано вставать, и просила его присылать к ней, вместо себя, кого-нибудь из своих секретарей. Граф выбрал коллежского советника Дмитрия Прокофьевича Трошинского. Он ездил с докладами к государыне и вскоре заслужил ее благоволение. Она пожаловала ему (в этом чине) второго Владимира под предлогом, что не привыкла работать с секретарем без звезды».

Благосклонность императрицы сказалась и на материальном его положении. Он получил богатые поместья с тремя тысячами душ в Киевской и Подольской губерниях. С этого времени начинается его быстрое восхождение по служебной лестнице. В 1793 году он становится одним из многочисленных статс-секретарей императрицы и одновременно членом главного почтового управления. В его обязанности входило принятие докладов генерал-рекетмейстера, внутренней почты и частных прошений, подаваемых на Высочайшее имя, подготовка по ним ежедневных докладов Екатерине II.

В этих вопросах он оказался очень искусным. Трошинский любил повторять одну поговорку: «Дело не в докладе, а в докладчике», подчеркивая этим самым, что умный и ловкий чиновник всегда сумеет доложить дело в нужном ему ракурсе и

провести выгодное решение. Сам он действительно умел убеждать императрицу.

Наряду с большими способностями Трошинский обладал и другими качествами, способствовавшими его быстрой карьере, — он умел угождать. Андрей Моисеевич Грибовский, бывший в одно время с Трошинским статс-секретарем Екатерины II, в своих «Записках» писал о нем: «Трошинскому хотя и было около 50-ти лет, но казался он старше, роста был среднего, имел вид несколько угрюмый. Друзьям он был друг, а врагам враг. Он никогда не изменял прежнему своему начальнику и имел вместе с ним в комнатах государыни сильную партию. Дни рождения и именины графа Безбородко и других нужных ему лиц твердо помнил и никогда без хороших подарков в эти дни их не оставлял».

Вступление на престол Павла I, которое сопровождалось изгнанием с высоких постов всех екатерининских фаворитов и любимчиков, практически ничего не изменило в служебном положении Трошинского. Это объяснялось не столько личными качествами Трошинского, сколько тем, что его основной покровитель, Безбородко, сумел оказать Павлу I немалую услугу.

После смерти Екатерины II ему было поручено разобрать бумаги, находившиеся в кабинете императрицы. Именно он передал Павлу I документы, относившиеся к намерению Екатерины II устранить своего сына от престола. После этого случая Безбородко приобрел полное «доверие и благоволение» императора, выдвинувшись в число главных его фаворитов. Павел I назначил Безбородко государственным канцлером, возвел в княжеское достоинство, подарил богатые имения. Эта благосклонность императора к Безбородко отразилась и на судьбе Трошинского. Он становится сенатором, председателем главного почтового управления, присутствующим в советах, учреждениях при Воспитательном обществе благородных девиц и училище Св. Екатерины, оставаясь к тому же и статс-секретарем Павел I проявил к нему тогда и необыкновенную щедрость, наградив за службу: он вначале пожаловал ему 1200 душ крепостных крестьян, а затем орден Св. Анны. В 1799 году Трошинский был награжден орденом Св. Александра Невского и кавалерским крестом Св. Иоанна Иерусалимского.

Однако вскоре после смерти Безбородко Трошинский попал в опалу и 14 октября 1800 года «по болезни» был уволен от всех дел.

Новый виток служебной карьеры Трошинского приходится на начало царствования Александра I. Но вначале была ночь с 11 на 12 марта 1801 года. Некоторые исследователи считают, что Трошинский был в курсе всех дел заговора против Павла I,

присутствовал на тайном совещании у графа Зубова и даже подготовил черновой проект манифеста об отстранении Павла I от престола в пользу своего сына Александра. Однако это можно считать лишь одной из гипотез. Достоверно известно, что Трошинский в ночь с 11 на 12 марта 1801 года был действительно внезапно вызван в Зимний дворец. Вот как это происходило, судя по дневниковой записи А.С. Пушкина за 9 августа 1834 года: «Трошинский в конце царствования Павла был в опале. Исключенный из службы, просился он в деревню. Государь, ему назло, не велел ему выезжать из города. Трошинский остался в Петербурге, никуда не являясь, сидя дома, вставая рано, ложась рано. Однажды, в 2 часа ночи, является к его воротам фельдъегерь. Ворота заперты. Весь дом спит. Он стучится, никто не идет. Фельдъегерь в протаявшем снегу отыскал камень и пустил его в окошко. В доме проснулись, пошли отворять ворота — и поспешно побежали к спящему Трошинскому, объявляя ему, что государь его требует и что фельдъегерь за ним приехал. Трошинский встает, одевается, садится в сани и едет. Фельдъегерь привозит его прямо к Зимнему дворцу. Трошинский не может понять, что с ним делается. Наконец, видит он, что ведут его на половину великого князя Александра. Тут только догадался он о перемене, происшедшей в государстве. У дверей кабинета встретил его Панин, обнял и поздравил с новым императором. Трошинский нашел государя в мундире, облокотившимся на стол и всего в слезах. Александр кинулся к нему на шею и сказал: «Будь моим руководителем». Тут был тотчас же написан манифест и подписан государем, не имевшим силы ничем заняться».

А.С. Пушкин, без сомнения, записал чей-то рассказ. Этим рассказчиком мог быть кто-либо из «общих знакомых» Пушкина и Трошинского. Б.Л. Модзалевский относит к их числу или же Н.В. Гоголя, или М.М. Сперанского. Он же в записи А.С. Пушкина нашел лишь одну неточность. Встретил Трошинского во дворце не Панин, а глава заговора против Павла I — Петербургский военный губернатор граф П.А. Пален.

В манифесте, написанном Трошинским, Александр I отрекался от политики Павла I и провозглашал, что отныне будет «управлять Богом нам вверенный народ по законам и по сердцу в бозе почившей августейшей бабки нашей государыни императрицы Екатерины Великой».

Сразу же по восшествии на престол, 13 марта 1801 года, император «повелел» Трошинскому «состоять при Особе Его Императорского Величества у исправления возложенных на него, по особой доверенности, дел». С этого времени он становится, правда ненадолго, довереннейшим и наиболее влиятельным советником молодого царя. Он снова сенатор и главный директор почт.

26 марта 1801 года был упразднен старый Императорский Совет, а взамен его утвержден новый Совет «важнейших государственных дел», получивший чуть позднее название «Государственный». Трошинский, не освобождаясь от прежних должностей, назначается членом этого Совета и главным начальником его канцелярии. Управляющим канцелярией был назначен действительный статский советник Вейдемейер, а начальником 3-й экспедиции — М.М. Сперанский. Последнему Трошинский поручил составление всех манифестов и указов, которые выходили в первые годы царствования Александра I или за другим. 15 сентября он получает чин действительного тайного советника.

В то время через Трошинского проходило много судебных дел, которые надо было докладывать императору. Он всегда поддерживал справедливые решения. Сенатор И.В. Лопухин в своих «Записках» рассказывает о таком случае. В конце 1801 года он вместе с Ю.А. Нелединским-Мелецким был направлен «на матрику» Слободско-Украинскую губернию. В тюрьме одного города Богучара Лопухин увидел колодника, с оковами на руках и ногах. Когда он подошел к нему, тот, зарыдав, повалился в ноги и просил избавить от погибели его и детей, которых у него было одиннадцать. Дело же оказалось в следующем. Некий однодворец Саласин в питейном доме за чаркой вина в ссоре с односельчанами, отвечая на придирки одного из них, сказал «простолюдинскую поговорку». Обиженный, по злобе, переиначив слова, донес начальству о том, что якобы Саласин оскорбил императора. Десять свидетелей подтвердили донос клеветника. Саласина осудили и бросили в тюрьму.

Лопухин и Нелединский-Мелецкий, изучив дело, пришли к заключению, что все свидетели имели причины лжесвидетельствовать против Саласина. После этого они направили Трошинскому выписку из дела, а также свою подробную записку, обоснованную выводами о невинности Саласина. Одновременно они высказали и мнение, какие могут быть злоупотребления, если подобные дела не направлять на ревизию Сената.

Трошинский при докладе императору поддержал сенаторов, и тот принял решение освободить Саласина, а Сенату дать указ, чтобы все дела об оскорблении государя или его семьи обязательно вносились в Правительствующий сенат, который со своим мнением подносил бы их государю и ожидал его утверждения.

Хотя Трошинский был умный и опытный царедворец, однако вскоре его потеснили молодые сторонники Александра I. На роль первых советников императора выдвинулись его друзья граф В.П. Кочубей, Н.Н. Новосильцев, князь А.Е. Чарторыйский

и граф П.А. Строганов, составившие так называемый Негласный комитет. Это объяснялось еще и тем, что императору нужны были перемены, а Трощинский, воспитанный в старых традициях, был приверженцем и убежденным сторонником устоявшихся форм правления. По мнению современников, его «отсталые понятия худо соглашались с направлением нового царствования». Только этим можно объяснить тот парадоксальный факт, что Трощинский даже не знал о подготовке манифеста об образовании министерств, хотя занимался этим его подчиненный Сперанский. С манифестом он познакомился только перед самым его обнародованием.

Прочитав манифест от 8 сентября 1802 года, Трощинский составил на имя Александра I пространную записку, в которой подробно указывал все «неудобства», возникающие вследствие образования министерств.

После образования министерств Трощинский занимает скромный пост министра уделов, продолжает заведовать почтой и руководить канцелярией утратившего теперь значение Совета. Все личные доклады императору вместе с управлением делами учрежденного Комитета министров перешли к Новосильцеву.

Вскоре после образования министерств Дмитрий Прокофьевич, не являвшийся активным сторонником проводимых молодым императором реформ, тяготившийся служебными обязанностями, которые теперь надо было постоянно увязывать с новыми веяниями, а также вследствие расстроившегося здоровья, подает прошение об отставке. Император ее принял. Незадолго до этого в особом рескрипте Александр I объявил Трощинскому Высочайшую благодарность за «попечительное управление» департаментами удельным и почтовым.

Выйдя в отставку, Трощинский поселился в своем Полтавском имении Кибинцах. Там у него был деревянный дом, в два этажа, снаружи простой, но внутри богато обставленный, со множеством картин, фарфора, бронзы и мрамора. По праздникам в доме своем он любил принимать гостей, устраивать театр, так называемые «живые картины», маскарад. Многие малороссийские пьесы, до которых Трощинский был большой охотник, сочинял для театра его дальний родственник В.А. Гоголь-Яновский, отец Николая Васильевича Гоголя.

В 1812 году дворяне избрали Трощинского своим предводителем, а в июне 1814 года по их поручению он отправился в Петербург, чтобы участвовать в торжественной встрече возвращавшегося из-за границы императора Александра I и для принесения ему поздравлений с благополучным окончанием войны.

Пребывание в столице оказалось для Трощинского благотворным. Император Александр I вновь обратил свой взор на

старшего вельможу и 30 августа 1814 года назначил его министром юстиции и генерал-прокурором. На этом посту он пробыл три года, с присущей ему энергией занимаясь многочисленными делами судебного ведомства и Правительствующего сената. В одном из своих писем от 5 сентября 1814 года Трошинский сообщал: «Без отдыха сижу за делами по своему департаменту, о коем можно сказать с Давидом: сие море великое и пространное, в нем же гадов несть числа».

Вначале Трошинский предпринял попытку провести некоторые преобразования в Сенате и министерстве, но скольких бы ни заметных успехов не добился.

Один из первых биографов генерал-прокурора П. Иванов писал о нем: «Трошинский хотя не получил классического образования, но, имея светлый ум, наблюдательность, сам себя образовал в школе практических деловых упражнений, так что его проекты, мнения, министерские бумаги носят на себе отпечаток ясного понимания предмета, строгой отчетливости в изложении и, наконец, в них всегда преобладает практическая сторона относительного приведения в исполнение предполагаемого, которая приобретает только должным образом упражняемым в делах. Он, как известно, много писал проектов по разным предметам, подавал замечательные мнения».

Трошинский умел безукоризненно докладывать дела. Он и от своих подчиненных требовал простоты и ясности при изложении обстоятельств дела, без всяких собственных заумных рассуждений. Когда же обер-прокуроры, особенно из молодых, по свойственной их возрасту запальчивости, позволяли себе неуместные замечания, он неизменно останавливал их словами: «Да уж, пожалуйста, не забегайте вперед воображением вашим».

Однако и на посту министра юстиции Трошинский продолжал оставаться таким же непримиримым противником кардинальных реформ государственного устройства и законодательства, считая, что устоявшееся годами гораздо лучше нового и неизведанного.

Исполнение Трошинским текущих дел по Министерству юстиции и Правительствующему сенату становилось для него все труднее и труднее. Император теперь фактически не принимал министров с личными докладами. Все их представления направлялись к государю только через графа Аракчеева. Поэтому министры вынуждены были с четырех часов утра топтаться в приемной этого всемогущего временщика, ожидая, когда он удостоит их своим вниманием. В таких условиях провести какое-либо решение было крайне затруднительно.

К служебным затруднениям у Трошинского прибавились и личные. Он все чаще и сильнее прихварывал. В апреле 1816 го-

да он занемог так сильно, что вынужден был уйти в продолжительный отпуск. Управление Министерством юстиции временно было поручено министру внутренних дел Козодавлеву.

К концу лета Трошинский несколько оправился от болезни. 5 августа 1816 года Александр I направил на его имя следующий рескрипт: «Дмитрий Прокофьевич! По настоящем выздоровлении вашем от болезни, Я желаю, чтобы вы скорее заняли прежнее свое место и продолжали с прежнему деятельностью отправлять должность вашу. Я в полной к вам доверенности поручаю вам усугубить надзор, дабы дела как в Правительствующем сенате, так и во всех подчиненных ему местах, имели успешнейшее течение, чтобы законы и указы повсюду исполнялись неизменно, чтобы бедные и угнетаемые находили в судах защиту и покровительство, чтобы правосудие не было помрачено ни пристрастием к лицам, ни мерзким лихоимством, Богу противным и Мне ненавистным, и чтобы обличаемые в сем гнусном пороке нетерпимы были по службе и преследуемы со всею строгостию законов. В чем вы, по долгу звания вашего, неослабно наблюдать и о последствиях Меня в откровенности извещать не оставьте, донося равномерно и о тех отличных чиновниках, которых за усердную и беспорочную службу найдете достойными особенного Моего воздаяния».

Трошинскому все труднее становилось держать «бразды правления», работать в полную силу он уже не мог. К тому же гордость не позволяла ему ездить с «поклонами» к Аракчееву, которого он недолюбливал. Он вновь заговорил об отставке.

25 августа 1817 года Трошинский получил от Александра I письмо: «Удовлетворяя полученной Мною от вас просьбе, Я увольняю вас от службы, а в воздаяние долговременного продолжения оной назначаю вам пенсион в десять тысяч рублей в год».

Первые годы после отставки Дмитрий Прокофьевич провел в Петербурге, наслаждаясь отдыхом и покоем, принимая в своем гостеприимном доме многочисленных гостей. В 1822 году он уехал в Полтавское имение Кибинцы, близ Миргорода, где и провел остаток своей жизни.

Трошинский зажил на широкую ногу: балы, маскарады, театральные представления... В его доме была собрана богатая коллекция картин и оружия, великолепная библиотека со множеством книг, которая постоянно пополнялась выписываемыми из столицы новыми изданиями, журналами, газетами. Этой библиотекой, бывая в гостях у Трошинского, часто пользовался в детстве Николай Васильевич Гоголь.

Умер Дмитрий Прокофьевич Трошинский 26 февраля 1829 года.

Дмитрий Иванович
ЛОБАНОВ-РОСТОВСКИЙ
1758—1838

«ЗАБЫВАТЬ СВОЙ ПОКОЙ ДЛЯ ПОЛЬЗЫ ДРУГИХ»

Князь Дмитрий Иванович Лобанов-Ростовский родился 20 сентября 1758 года в богатой и родовитой дворянской семье. Он приходился праправнуком боирину и дворецкому царя Алексея Михайловича князю Ивану Ивановичу Лобанову. Его отец, ротмистр конной гвардии Иван Иванович Лобанов-Ростовский, и мать, Екатерина Александровна, урожденная Куракина, имели пятерых сыновей (двое из них умерли во младенчестве) и двух дочерей. Своим детям они дали прекрасное домашнее образование. С четырнадцатилетнего возраста Дмитрий был записан сержантом в лейб-гвардии Семёновский полк. Однако действительная служба началась для него только в 1779 году; тогда же он получил и чин прапорщика. После этого молодой князь быстро стал продвигаться в чинах, чему способствовала не только знатность его происхождения, но и природный ум, сметливость, сочетавшиеся с исполнительностью и прилежным поведением.

Получив в 1783 году чин подполковника, двадцатичетырехлетний офицер Лобанов-Ростовский вступил в действующую армию. Находясь в войсках Потемкина, он участвовал в покорении Крыма. Когда началась война с Турцией, Лобанов-Ростовский командовал батальоном Лифляндского егерского полка. Вскоре он был переведен в Ахтырский легкоконный полк, в составе которого участвовал в осаде Очакова. Зимой 1788 года, во время одного из отчаянных штурмов крепости, Лобанов-Ростовский был тяжело ранен в голову. За проявленную храбрость в этом бою он получил чин полковника. Залечив рану, князь снова прибыл в войска. По поручению Потемкина он «осматривал» Екатерининский гусарский полк, внося предложение о его расформировании. Затем служил дежурным офицером при генерал-аншефе князе Ю.В. Долгоруком. В составе его армии Лобанов-Ростовский принимал участие в боевых действиях против турок под Кишиневом.

В 1790 году он назначается командиром Апшеронского мушкетерского полка и поступает под командование А.В. Суворова, подходившего в это время к турецкой крепости Измаил. 11 де-

кабря 1790 года полковник Лобанов-Ростовский шел на штурм крепости во главе первой колонны мушкетеров Апшеронского полка. По выражению солдат, служивших под его командованием, «мужество свое в бою он простирал до бешенства». В жестоком сражении за овладение береговыми укреплениями Дмитрий Иванович получил тяжелую рану правого бедра. Турецкую пулю князь носил в своем теле всю жизнь. За мужество, проявленное при овладении Измаилом, Лобанов-Ростовский был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени. Едва оправившись от ран, он вновь в походах и сражениях. В июне 1791 года он участвовал в знаменитой битве при Мичине, когда Репнин разбил 80-тысячную турецкую армию. В этом бою, как писал в донесении Репнин, Лобанов-Ростовский отбил «с отменным искусством и храбростью нападение неприятеля на наш резерв». Донесение об этой победе главнокомандующий поручил доставить в Петербург тридцатидвухлетнему полковнику Лобанову-Ростовскому. В столице он был радушно принят императрицей Екатериной II и «пожалован» Георгиевским крестом 3-й степени.

Возвращаясь в армию, Лобанов-Ростовский заехал в Москву, чтобы навестить свою мать, которую давно не видел. Отец его умер в 1791 году.

Во время польской кампании Лобанов-Ростовский участвовал в сражениях при Любаре, Городище и особенно отличился при штурме Праги. За это сражение А.В. Суворов представил князя к ордену Св. Владимира 3-й степени, чину бригадира и вручил ему золотую шпагу с надписью «За храбрость».

Успешная военная карьера Лобанова-Ростовского продолжалась и в царствование императора Павла I. Государь благоволил к нему, произведя в генерал-майоры, а позднее — в генерал-лейтенанты, наградив орденом Св. Анны и имением в Московской губернии, с 403 душами крепостных. При Павле I он служил вначале командиром Псковского мушкетерского полка, а затем непродолжительное время был военным генерал-губернатором в Архангельске. 27 декабря 1797 года Лобанов-Ростовский был уволен в отставку.

Почти десять лет боевой генерал не вступал ни на какую службу. Он проживал в своем имении, залечивал раны, занимался сельским хозяйством...

В начале царствования Александра I Россия вступила в войну с Наполеоном. Военные удачи перемежались с серьезными поражениями. Наиболее ощутимым из них было поражение объединенной австро-русской армии в 1805 году под Аустерлицем. Вследствие этого Австрия заключила унизительный для себя Пресбургский мир, а русские войска откатились к границе. Правительство России приняло решение о срочном формировании

нии ополчения. Было собрано свыше шестисот тысяч ратников, как правило, из крепостных крестьян, не обученных, вооруженных только пиками.

Продолжались военные неудачи. Престарелый фельдмаршал Каменский чуть не погубил всю армию в Польше. Заменивший его генерал Беннигсен первое время сдерживал французов под Прейсиш-Эйлау, за что был награжден орденом Св. Андрея Первозванного, но вслед за этим был разбит у Фридланда. России нужен был мир.

В конце 1806 года князь Д.И. Лобанов-Ростовский — вновь на военной службе. Александр I, «уважая опытность князя, отличную службу и преданность отечеству», предложил ему принять командование над формируемой в Твери 17-й дивизией. Генерал должен был в кратчайшие сроки привести ее в боеспособное состояние. Император писал князю 6 февраля 1807 года: «Я уверен, что в исполнении сего не предстанет рвению вашему о благе общем никаких непреодолимых трудностей и что представляющееся невозможным обратите вы в возможное способами, какие откроют вам опытность, предусмотрительность и усердие к службе».

Дмитрий Иванович с присущей ему энергией занялся приведением в порядок дивизии, заслужив в скором времени Высочайшую благодарность, объявленную ему 1 марта «за попечение и заботливость к успешному образованию» вверенной ему дивизии.

Готовая к сражениям дивизия, руководимая Лобановым-Ростовским, присоединилась к армии Беннигсена, стоявшей около Тильзита. Здесь Александр I решил использовать боевого генерала для начала переговоров о мире и не ошибся в своем выборе. Князь с честью выполнил ответственное поручение. 7 июня 1807 года он встретился в Тильзите с маршалом Бертье. Переговоры оказались успешными. Дмитрий Иванович держался с подобающим достоинством.

Лобанов-Ростовский удостоился от императора похвалы за его «отзывы и поведение с Бертье», а также получил наставление к предстоящей встрече с Наполеоном. Она состоялась 10 июня. Император Франции выразил благодарность Александру I за выбор такого «полномочного, о котором он слышал много хорошего», затем, подойдя к разложенной на столе карте, сказал: «Вот граница обеих империй: с одной стороны должен владычествовать ваш государь, с другой я». Князь ответил на это: «Государь мой твердо намерен защищать владения союзника своего короля Прусского». Наполеон продолжал давление, но Лобанов-Ростовский хладнокровно и твердо отстаивал интересы России. Затем был подписан акт о перемирии.

Ознакомившись с актом о перемирии, Александр I уполномочил Лобанова-Ростовского вместе с его двоюродным братом, вице-канцлером Александром Борисовичем Куракиным, приступить к соглашению о мире.

15 июня в Тильзите состоялась историческая встреча императоров Александра I и Наполеона на плоту, посредине Немана. Русский император писал из Тильзита: «Бог нас спас! Вместо жертв мы выходим из борьбы даже с некоторым блеском... Я провожу целые дни с Бонапартом, часами остаюсь с ним наедине...»

27 июня 1807 года был заключен Тильзитский мирный договор.

Отмечая заслуги Лобанова-Ростовского при заключении мира в Тильзите, император «пожаловал» его чином генерала от инфантерии, наградив орденом Св. Александра Невского «за отличное усердие к службе и труды, подъятые им на пользу отечества при заключении с французами благополучного для России мира». Помимо этого князю было выдано 25 тысяч рублей.

Наполеон со своей стороны, с согласия Александра I, награждал Лобанова-Ростовского орденом Почетного легиона Большого креста, богатой табакеркой с собственным портретом и великолепным фарфоровым сервизом.

1 января 1808 года Лобанов-Ростовский возвратился в Россию. Здесь он был назначен военным генерал-губернатором Петербурга. На этом поприще он заслужил алмазный знак ордена Св. Александра Невского «за отличное усердие и ревность, коими служба его была всегда знаменуета».

2 февраля 1809 года по состоянию здоровья он вынужден был оставить службу. Прошло три месяца. Не привыкший к бездеятельности Лобанов-Ростовский, «при тогдашних военных обстоятельствах», вернулся в войска. Он был направлен к князю Голицыну, стоявшему со своей армией в Галиции.

В декабре 1810 года Лобанов-Ростовский получил новое назначение. Он был направлен военным губернатором Риги и генерал-губернатором Лифляндии, Эстляндии и Курляндии. На этом посту он оставался до начала Отечественной войны 1812 года.

Вторжение Наполеона в Россию 11 июня 1812 года заставило Лобанова-Ростовского вернуться в армию. Боевой генерал не мог в это тяжелое для империи время находиться вдали от военных действий. Правда, на этот раз ему не пришлось участвовать в баталиях. В обязанности генерала от инфантерии теперь входили не менее ответственные дела — формирование резервов для действующей армии.

Формирование резервного войска происходило в трудных условиях. Лобанову-Ростовскому было предоставлено право наби-

рать людей из гарнизонных батальонов, стоящих в Вятке, Казани, Нижнем Новгороде, Костроме, Ярославле, Владимире, Тамбове и Воронеже, а также из числа взрослых и способных воспитанников военно-сиротских отделений. В августе 1812 года некоторые сформированные им части уже выступили в поход.

В течение сентября 1812 года во Владимире, Костроме, Рязни и Тамбове срочно были сформированы восемь пехотных полков (по два полка в каждом городе), а в Ярославле и Воронеже — четыре егерских. Эти резервы составили затем две дивизии и поступили в распоряжение Кутузова, стоявшего в Тарутинском лагере.

Александр I изъявил Лобанову-Ростовскому «совершенную признательность» за его труды и за то усердие и рвение к службе, которые он проявляет.

Вскоре после этого, по указанию Кутузова, формирование для армии резервов сосредоточилось в трех главных пунктах: в Арзамасе — для пехоты, в Муроме — для кавалерии и в Нижнем Новгороде — для артиллерии. Основная масса резервов поступала в Арзамас. Здесь сосредоточилось свыше 70 тысяч войск. И именно сюда был направлен князь Лобанов-Ростовский. Кутузов поручил ему сформировать в Арзамасе 77 пехотных и егерских батальонов, то есть для каждого полка действующей армии по одному батальону.

Готовя в Тарутинском лагере контрнаступление, Кутузов большое значение придавал обучению войск. По этому поводу он писал Лобанову-Ростовскому, чтобы сформированные части он направлял в Тулу, Рязань и Владимир, где и оставлял их для обучения «оборотам, движениям и цельной стрельбе».

В начале 1813 года, в целях быстрейшего комплектования войск, действовавших вне пределов России, Лобанову-Ростовскому было поручено сформировать на границе резервную армию и принять над ней командование. Уже в феврале он начал отправлять к Варшаве подготовленные батальоны.

Энергичные действия Дмитрия Ивановича по подготовке русских войск для армии получили благосклонную оценку императора, не раз выражавшего ему Высочайшую признательность. 26 марта «за труды, подъятые в продолжение кампании при формировании войск и, особливо, за оказанное тогда усердие на пользу отечества скорым приготовлением и отправлением за границу составленных из рекрут батальонов», Лобанов-Ростовский был награжден орденом Св. Владимира 1-й степени.

25 мая император соединил резервную армию Лобанова-Ростовского с корпусом Д.С. Дохтурова и составленной из ополченцев армией П.А. Толстого, передав объединенное войско под командование Беннигсена. Лобанов-Ростовский не захотел

служить под его началом и подал прошение об отставке. Александр I ее не принял.

Вместе со своим резервным войском Лобанов-Ростовский оказался в Варшавском герцогстве, где находился до декабря 1813 года. Здесь он сумел заслужить любовь жителей Варшавы тем, что добился прощения нескольких поляков, осужденных военным судом.

16 декабря 1813 года Лобанову-Ростовскому было «повелено» присутствовать в Государственном совете, оставаясь при этом командующим резервной армией.

27 апреля 1814 года Лобанов-Ростовский «в награду его подвигов» был удостоен ордена Св. Андрея Первозванного. В рескрипте о награждении император отмечал: «Успехи оружия нашего непосредственно связаны с успехом формирования резервов, где так много оказали вы рвения и попечительности».

К обязанностям члена Государственного совета Лобанов-Ростовский приступил только в 1815 году, когда он вернулся в Петербург. В 1817 году ему было поручено возглавить комиссию «для исследования всех действий провиантского департамента».

Именным указом от 25 августа 1817 года Дмитрий Иванович Лобанов-Ростовский был назначен министром юстиции и генерал-прокурором. В специальном письме по этому поводу Александр I писал ему: «Удостоверен в полной мере, что вы оправдываете в строгом смысле название, присвоенное инструкцією генерал-прокурору: око императорское».

Князю в это время было почти шестьдесят лет, и он уже не мог с прежней энергией заниматься делами. Давали о себе знать и старые раны, полученные во время походной жизни, — здоровье было основательно расшатано, мучили головокружения.

Хотя ему и было довольно трудно осуществлять постоянный надзор за Сенатом, контролировать обер-прокуроров, руководить местным прокурорским надзором, заниматься судебными делами, однако он исключительно трудолюбиво выполнял свои обязанности и работал даже во время болезни.

Все же сказывались и привычки, выработанные за многие годы военной службы. Гражданское поприще требовало иных подходов, других методов руководства. Поэтому Лобанов-Ростовский не вступал в столь жаркие схватки с сенаторами, как это делали такие генерал-прокуроры, как Г.Р. Державин или И.И. Дмитриев. Не мог он добиться и беспрекословного исполнения своих заключений, как это было при генерал-прокуроре П.В. Лопухине. Почувствовав некоторое послабление со стороны прокурорской власти, сенаторы стали все чаще и чаще «оговаривать» не только обер-прокуроров, но и самого генерал-про-

курора. Для того чтобы поставить на место сенаторов, потребовалось даже вмешательство императора.

Когда же требовалось защитить человека, особенно, по его мнению, невиновного, Лобанов-Ростовский не считался ни с какими трудностями, без всякой боязни говорил правду любому. По свидетельству Д.Н. Бантыш-Каменского, однажды министр юстиции смело заступился перед Александром I за одного чиновника, очерненного в мнении императора. Он сказал по тому поводу, что «совесть повелевает ему так поступать в этом случае, потому что неутодное заключение Государя сделает и саму жизнь этому человеку несносною».

В одном из донесений на имя Александра I, доказывая невиновность осужденных людей, Лобанов-Ростовский писал: «Всемилостивейший Государь! Где же правда в нынешнем веке и найдет себе защиты, как не в освященной Особе Вашей? Потому я и не скрыл никаких подробностей от Вашего Императорского Величества».

Наступил ноябрь 1825 года. Когда в Петербург пришло известие о смерти Александра I, то на заседании Государственного совета встал вопрос — вскрывать или нет запечатанный и опечатанный в Совете секретный пакет, в котором содержалась воля покойного императора относительно наследника престола. Такие же пакеты находились в Сенате и Святейшем синоде.

Генерал-прокурор Лобанов-Ростовский, проявив завидную твердость, заявил, что до принятия присяги на верность императору Константину Павловичу он в Сенате пакет вскрывать не будет. В Государственном совете, по свидетельству А.Н. Оленина, министр юстиции сказал: «Все это вздор делают, великий князь Николай Павлович изволил присягнуть государю императору Константину Павловичу. Ведь покойный государь на мое имя такой же пакет прислал для хранения в Сенате, но я его не распечатаю и им не покажу. Если вы здесь хотите пакет ваш вскрыть, то пора бы это кончить и сходку нашу распустить тем скорее, что мне нужно идти к присяге, и что я затем только и занятся».

По предложению Лобанова-Ростовского сенаторы присягнули на верность Константину Павловичу. После этого министр направил в Варшаву обер-прокурора Никитина с решением Сената.

Константин Павлович, как известно, от престола отказался. В декабре 1825 года он отправил из Варшавы на имя министра юстиции письмо, возвратив с ним и рапорт Сената о присяге.

Новый император Николай I, хотя и не подал вида, но принципиальную позицию, занятую Лобановым-Ростовским в сложный период междуцарствия, забыть и простить не мог.

Первое время в их взаимоотношениях все оставалось благополучно. Более того, Николай I поручил Лобанову-Ростовскому исполнять должность генерал-прокурора в Верховном уголовном суде над декабристами.

Вот как излагает в своих «Записках» момент объявления приговора один из декабристов Александр Викторович Поджио, отнесенный к первому разряду «злоумышленников» и приговоренный вначале к смертной казни, замененной впоследствии двадцатью годами каторжных работ: «По количеству столпившихся здесь лиц и по малому размеру комнаты, судьи, подсудимые, стража — все стеснены и «взяты в тиски». Все выходы заняты: двери на замок, окна на крючки, гренадеры охраняли то и другое. Стало жарко, невыносимо душно, солнце 10-го июля!..

Министр юстиции Лобанов-Ростовский первый перед нами; он волнуется на стуле и беспрестанно то вскакивает, то садится. Впрочем, он был известен по всегдашней своей суетливой горячности, он же, как видно, и хозяин дома и дела; — он один распоряжается, начальствует и дает всему направление и движение. Боевой генерал второстепенного разряда, он отличался в особенности бескорыстием и честностью, но в деле правосудия не знаю, насколько он мог быть ему полезен!.. Облекшись в свой полный генеральский мундир... держал в руках большой сверток бумаг, который, разбирая по частям, вручал стоящему около обер-прокурору Журавлеву (будущему сенатору), в свою очередь, тут же передававшему его какому-то юноше-чиновнику... Затем нас свели, поставили лицом к лицу к этим судьям-истуканам, не подавшим ни одного не только голоса человеческого, но и малейшего признака хотя бы животного зверства... Итак, суд не состоялся в виде даже русского законовещения: мы не были допрошены, выслушаны, не требованы к оправданию, к защите, дозволенной, указанной законом. Верховный уголовный суд счел такой способ действия обременительным для людей, столь озабоченных государственными делами, и нашел гораздо удобнее положиться на указания Следственной комиссии и принять их в неизменное руководство. Вполне освященные указаниями Комиссии, чересчур убежденные ее доводами и выводами, вперед направленными к непремennomу обвинению всех нас, судьи эти не могли и не должны были требовать от нас ни дополнений, ни объяснений, ни оправдания. Для них в этих тысячных показаниях, вызванных под гнетом стольких вероломных и понудительных влияний, в этих показаниях, говоря, было столько ясности, столько юридической, строго разобранной и представленной истины, что следовало только подвести итоги приговоров и казней!»

Приговор по делу декабристов состоялся. В него внес свою лепту и князь Лобанов-Ростовский. По свидетельству литератора А.И. Кошелева, «слухи о предстоящем приговоре Верховного суда» не переставали волновать общество. Никто не ожидал смертной казни лиц, «признанных главными виновниками возмущения». «Во все время царствования Александра I, — писал Кошелев, — не было ни одной смертной казни, и ее считали вполне отмененной».

Вскоре после казни декабристов, 22 августа 1826 года, в Москве состоялась коронация Николая I.

В день коронации император Николай I по традиции «одаривал» наградами сановников, наиболее «отличившихся» в только что закончившемся процессе. Не был обойден вниманием и Лобанов-Ростовский — император наградил генерал-прокурора алмазным знаком ордена Св. Андрея Первозванного «в доказательство особенного благоволения к усердной службе».

При Николае I князь Лобанов-Ростовский оставался министром юстиции менее двух лет.

Министру юстиции было предписано ежемесячно представлять императору донесения губернских прокуроров о всех замеченных ими упущениях и халатности при производстве дел. Ему предоставлялась возможность вносить на Высочайшее рассмотрение приговоры по делам в отношении невменяемых и малолетних, если с ними были несогласны начальники губерний. Он следил также за тем, чтобы Правительствующий сенат «под видом изъяснения образа исполнения по решениям, уже состоявшимся, не допускал суждений, клонящихся к изменению самих решений».

18 октября 1827 года Лобанов-Ростовский был освобожден от должности министра юстиции. При отставке император Николай I оставил ему министерское содержание и в Высочайшем рескрипте выразил уверенность, что здоровье его «позволит ему и впредь быть полезным Отечеству».

Князь Лобанов-Ростовский, которому шел уже семидесятый год, продолжал оставаться членом Государственного совета, хотя выезжал в заседания от случая к случаю, когда позволяло здоровье.

Современники отмечали, что Дмитрий Иванович Лобанов-Ростовский отличался вспыльчивым, горячим характером, отвагой. В то же время был добрым, правдивым и сострадательным человеком. Он мог, например, отказаться в пользу малоимущих военнослужащих от значительной ренты, пожалованной ему императором. Он содержал на своем иждивении некоторых детей своих боевых товарищей: капитана Ланга, генерал-майоров Дингема, Ставицкого, Русанова, устроил их в воспитательные

учреждения. На свое попечение он принял все семейство капитана Бордукова, который в одном из сражений спас ему жизнь, а капитану Сухотину, некогда служившему под его командованием, он выплачивал от себя пенсию.

В битвах Лобанов-Ростовский себя не щадил, да и на гражданской службе не знал отдыха. По свидетельству Д.Н. Бантыш-Каменского Лобанов-Ростовский «в малом теле вмещал душу великую». Главным его правилом было «забывать свой покой для пользы других».

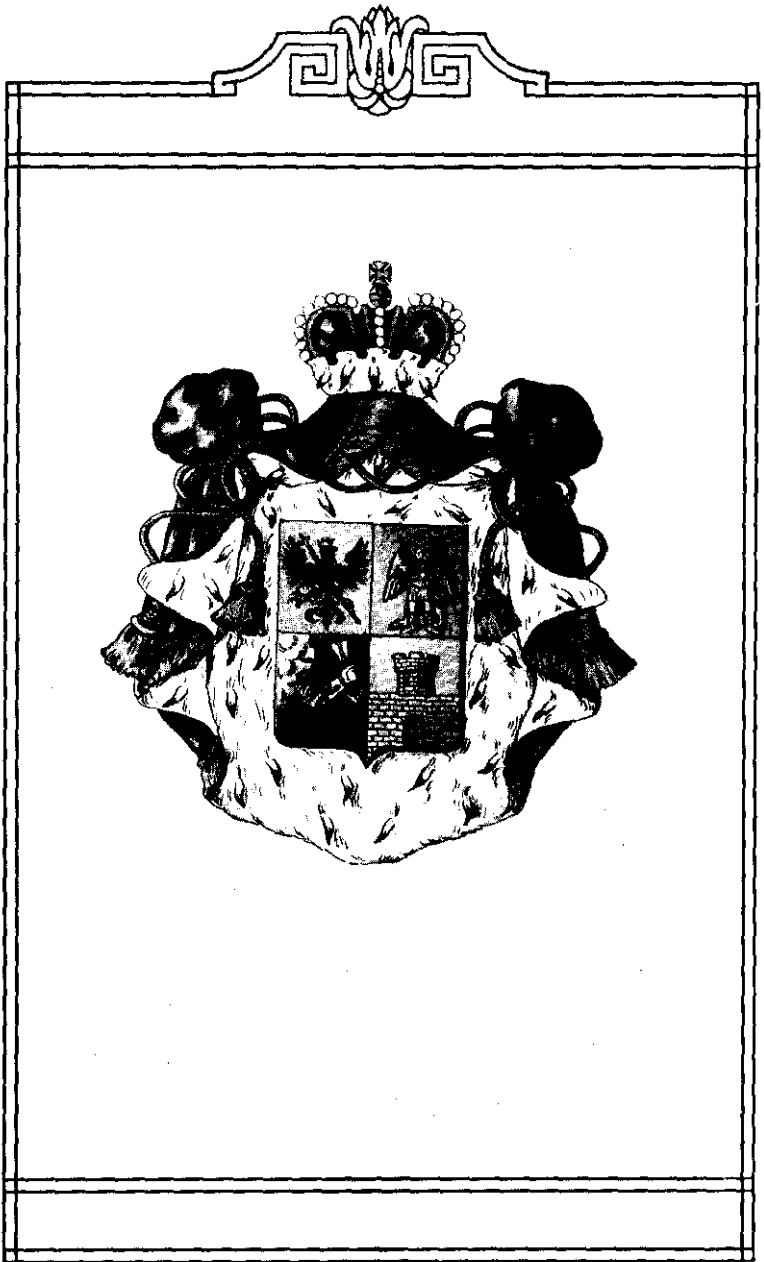
Скончался Дмитрий Иванович Лобанов-Ростовский в 1838 году на 80-м году жизни и похоронен на берегу реки Невы недалеко от Санкт-Петербурга.

Д.И. Лобанов-Ростовский детей не имел. Его родные братья — старший Александр Иванович и младший Яков Иванович — также достигли высокого положения в обществе. Александр Иванович дослужился до чина генерал-майора. Яков Иванович служил одно время обер-прокурором 5-го департамента Правительствующего сената, затем генерал-губернатором Малороссии, был членом Государственного совета, а в конце жизни занимал должность обер-камергера, то есть руководителя свиты Его Императорского Величества.

Алексей Алексеевич
ДОЛГОРУКОВ
1767—1834

«ИМЕТЬ ОСОБЕННОЕ НАБЛЮДЕНИЕ»

Алексей Алексеевич Долгоруков происходил из знатного дворянского рода. В девятилетнем возрасте он был записан на службу в артиллерию, а затем переведен в гвардию. Только через пятнадцать лет он получает чин прапорщика. Когда же Долгорукову исполнилось двадцать восемь лет, его перевели в армейский полк, где он получил чин премьер-майора. Служил молодой князь довольно прилежно, оказался исполнительным и аккуратным офицером и вскоре был произведен в подполковники. Вслед за этим ему «пожаловали» орден Св. Анны 3-й степени и почти сразу же — Командорский орден Св. Иоанна Иерусалимского. В 1796 году Долгоруков получает чин полковника.

Прослужив еще несколько лет, Долгоруков в 1803 году оставляет военное поприще, не принеся ему особых лавров, и переходит на гражданское. При отставке он стал действительным статским советником. Первые его шаги на новом пути нельзя назвать блестящими. Вначале он занимал довольно скромную должность при департаменте герольдии, а затем стал прокурором в капитуле ордена Св. Иоанна Иерусалимского.

Постепенное возвышение Долгорукова началось только в 1808 году, когда он стал Симбирским гражданским губернатором. Дел у губернатора оказалось очень много, приходилось работать довольно напряженно, проявлять энергию и находчивость. Симбирская губерния всегда славилась своими торговыми делами, и новый губернатор весьма в них преуспел. Неудачная борьба России с Наполеоном, закончившаяся заключением неустойчивого мира, война за овладение Финляндией создали очень напряженное положение в империи с продовольствием, особенно с хлебом, и промышленными товарами. В этих условиях от губернаторов требовалась особая сметливость. Долгоруков проявил дальновидность, сумел очень выгодно для казны закупить хлеб и доставить его по воде в обе столицы — Петербург и Москву.

Для того чтобы полнее удовлетворить потребности армии в сукне, губернатор наладил у себя работу нескольких суконных

фабрик, которые давали хорошую прибыль. Император Александр I по достоинству оценил хозяйственную инициативу князя Долгорукова, наградив его в 1810 году орденом Св. Анны 1-й степени. На следующий год, 17 сентября, в Высочайшем рескрипте он «изъявил» ему монаршью признательность.

В Отечественную войну 1812 года Долгоруков сформировал в Симбирской губернии народное ополчение, которым и командовал до выступления его в поход. После этого он не менее успешно занимался закупкой лошадей для кавалерии и артиллерии.

В мае 1817 года князь Долгоруков переводится в Москву и заступает на должность гражданского губернатора. Однако здесь он оставался недолго. Уже в следующем году, получив чин тайного советника, он становится сенатором. В этом звании Долгоруков выполняет целый ряд важных поручений императора Александра I, за что и удостоивается новых наград. В частности, за «успешную службу по Высочайше учрежденному комитету для рассмотрения и уравниения доходов московской градской думы» он награждается орденом Св. Владимира 2-й степени.

В 1824 году вместе с сенатором Дурасовым он ревизует Вятскую губернию. В 1826 году занимается «изысканием причин побегов помещичьих крестьян» в Воронежской, Пензенской и Симбирской губерниях, а заодно проверяет здесь и эффективность управления губерниями.

Вслед за этим он ревизует Курскую губернию. Усердие, с которым Долгоруков выполнял порученную ему работу, было вознаграждено императором алмазным знаком ордена Св. Анны 1-й степени и орденом Св. Александра Невского.

27 апреля 1827 года князь Долгоруков был назначен товарищем министра юстиции. Необходимо заметить, что после разгрома восстания декабристов многие министры и их товарищи в демократически настроенных кругах особой популярностью не пользовались. Об этом свидетельствует хотя бы такой случай.

Управляющий Третьим отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии М.Я. фон Фок в июле 1827 года в секретной записке на имя Бенкендорфа писал: «По городу ходят стихи, которые приписывают Пушкину и которые все твердят наизусть. Вот они в том виде, в каком их мне повторяли:

Россия, в оба ты гляди!
Министрам товарищи даны.
Но от Дашки, от Блуда
И от Рюрикова уда
Чего ты можешь ожидать!»

На этой записке к слову «Рюрикова», подчеркнутому карандашом, Бенкендорф сделал пояснение: «Долгоруков», имея в виду недавно назначенного товарищем министра юстиции князя А.А. Долгорукова. Под «Дашкой» и «Блудом» автор стиха подразумевал Д.В. Дашкова и Д.Н. Блудова, бывших тогда первым — товарищем министра внутренних дел, а второй — товарищем министра народного просвещения (впоследствии оба стали министрами юстиции). Эти стихи, по мнению Б.Л. Модилевского, Пушкину не принадлежали, а были написаны неизвестным автором.

18 октября 1827 года Долгоруков стал министром юстиции и генерал-прокурором. Эту должность он занимал почти два года. Это было время, когда по указанию Николая I М.М. Сперанский, проявляя необыкновенную энергию и распорядительность, заканчивал свою грандиозную работу по составлению Полного собрания законов Российской империи и систематического свода законов. Печатание многотомного издания Российских законов началось в 1828 году. Полное собрание законов открывалось Уложением царя Алексея Михайловича и было доведено до времени вступления на престол Николая I, то есть охватило 200 лет. Систематический Свод законов состоял из 15 томов и заключал в себе 42 тысячи статей.

На министра юстиции была возложена обязанность тщательного просмотра всего свода с целью удостоверения в полноте и точности приведенных в нем законодательных актов. Для этой трудоемкой работы был создан специальный комитет под председательством князя Долгорукова. В него вошли также один сенатор, обер-прокурор, директор департамента, юрисконсульт и обер-секретарь. Эта кропотливая и требующая особенной тщательности работа была выполнена менее чем за год.

Вследствие кратковременности пребывания Долгорукова министром юстиции сколько-нибудь значительных изменений в деятельности министерства и канцелярии Правительствующего сената, которой он руководил как генерал-прокурор, не произошло.

Князю Долгорукову постоянно приходилось отстаивать независимость местных прокуроров и стряпчих от произвола губернского начальства. Для этого иногда ему случалось опираться на авторитет Правительствующего сената. В 1828 году произошел такой случай. Олонецкий губернатор, ссылаясь на указ сената от 12 июля 1813 года, которым предписывалось представлять в Герольдию послужные списки на чиновников, посчитал себя вправе составить аттестацию на губернского прокурора. Прокурор сообщил об этом Долгорукову. Тот стал категорически протестовать, считая это вмешательством в дела прокуратуры.

ры, и даже вынес рассмотрение вопроса на очередное заседание Правительствующего сената. В обоснование своего возражения он ссылаясь на Высочайше утвержденное 1 февраля 1819 года положение Комитета министров. В нем, между прочим, отмечалось: «Полезность службы требует, дабы прокурор, как блюститель за точным исполнением законов, и как чиновник, ни в чем губернатору неподчиненный, никогда с ним в тесной дружественной связи не был, ибо в сем последнем случае Верховное Правительство ни чрез кого уже по обязанности ни в каких беспорядках в губернии и узнавать не будет иметь способа».

28 сентября 1828 года Правительствующий сенат рассмотрел этот вопрос и полностью поддержал генерал-прокурора Долгорукова. В сенатском указе, направленном всем министрам, начальникам губерний, в Святейший синод и департаменты самого Сената, отмечалось, что «губернские прокуроры, на основании узаконений, везде смотрят и бдение имеют, дабы в губерниях ничего противного закону и общей пользе не происходило, а в случае их упущений или преступления должности, они подвергаются ответственности пред министром юстиции, или суждению Правительствующего сената».

Сенат полагал, что губернские прокурор и стряпчий не могут находиться в зависимости от губернского начальства, так как «в случае каких-либо по делам службы несогласий его с начальниками губерний, или в случае представления начальству о неправильном действии губернатора, может навлечь к себе со стороны его нерасположение, а следовательно, если бы аттестация таковых чиновников зависела от губернатора, они могли бы, при всей похвальной своей службе, лишиться справедливо по оной удостояния».

20 сентября 1829 года князь А.А. Долгоруков был освобожден от должности министра юстиции и генерал-прокурора. Вскоре после этого он был назначен членом Государственного совета. При увольнении он получил чин действительного тайного советника.

Князь А.А. Долгоруков женат был дважды. От первого брака с Марьей Ивановной, урожденной Апайшиковой, он имел четырех сыновей: Ростислава, Юрия, достигшего чина тайного советника, бывшего сенатором, а затем Олонецким и Воронежским губернатором, Сергея, ставшего статс-секретарем императора, и Григория. От второй жены, Варвары Николаевны, урожденной Текутьевой, у него родились три сына: Алексей, Николай, бывший гофмейстером Двора Его Императорского Величества, и Дмитрий.

Дмитрий Васильевич
ДАШКОВ
1784—1839

«ИСТИННО ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК»

Дмитрий Васильевич Дашков принадлежал к старинному дворянскому роду, ведущему свое начало от «мужа честна» Дашка, выехавшего в начале XVI века из Большой Орды в Москву и получившего при крещении имя Даниила. Родители будущего генерал-прокурора имели два небольших родовых имения в Рязанской губернии, приносящие незначительный доход. Крепостных людей у них было немного — чуть более двухсот. Д.В. Дашков родился в 1788 году. Хотя отец его был небогат и имел весьма ограниченные средства, он сумел дать сыну приличное домашнее образование, а затем устроил в самый известный и пользовавшийся хорошей репутацией Московский университетский благородный пансион. Это была привилегированная аристократическая школа, которая во многом благодаря стараниям ее директора, профессора Московского университета Антона Антоновича Прокоповича-Антонского превратилась в образцовое учебное заведение, готовившее пансионеров не только в студенты, но и для военной и статской службы. Директор значительно расширил пансион за счет присоединения к нему нескольких строений, собрал великолепную библиотеку. К преподаванию в пансионе привлекались профессора и лучшие студенты Московского университета; они же составляли для пансионеров учебные пособия.

При поступлении в пансион требовалось выдержать экзамен. Дашков, обладавший с детства блестящими способностями, без особого труда прошел это испытание. В пансионе насчитывалось шесть классов — по два низших, средних и старших. Ученик зачислялся в определенный класс в зависимости от полученной дома подготовки. Одиннадцатилетний Дмитрий попал в первый средний класс. Он учился вместе с В.А. Жуковским и братьями А.И. и Н.И. Тургеневыми. За годы обучения он дважды награждался серебряными медалями, а его имя, как одного из лучших учеников, было написано на доске золотыми буквами. В сентябре 1801 года юноша был пропущен в «действительные студенты», что давало ему право

наряду с занятиями в пансионе слушать лекции в Московском университете.

В октябре 1801 года Дашков покинул стены Благородного пансиона и поступил на службу юнкером в Московский архив Коллегии иностранных дел. Здесь он прослужил девять лет.

В 1810 году Дашков, получив чин коллежского асессора, отнесшийся к восьмому классу Табели о рангах, вышел в отставку.

Когда И.И. Дмитриев был назначен министром юстиции, он, любивший всегда окружать себя талантливыми людьми, пригласил на службу в министерство нескольких молодых начинающих поэтов и литераторов, окончивших Благородный пансион. В их числе был и Дашков.

Дашков полностью оправдал надежды Дмитриева. В министерстве он получил чин надворного советника и сразу занял ведущее положение. Министру юстиции Дмитриеву, человеку с тонкой поэтической натурой, был чужд тяжелый канцелярский слог, которым тогда составлялись все официальные бумаги, и он решительно повел борьбу с «окаменелыми от времени формами речи», требуя от своих подчиненных ясности и простоты при подготовке того или иного документа. В этом смысле Дашков был для него настоящей находкой. В министерстве Дмитриев поручал ему все бумаги, «требовавшие особенно обдуманного составления, строгой точности и ясности, хорошего слога». Министр высоко ценил прямоту характера и большие способности своего сотрудника. По свидетельству племянника министра, Михаила Александровича Дмитриева, Дашков был «человек большого ума, обширных сведений и великих достоинств».

Успешно шла и литературная карьера. В начале 1810-х годов Дашков постепенно выдвигается в число лучших петербургских литераторов. Он активно сотрудничает в «Цветнике», «Петербургском вестнике», «Вестнике Европы».

Вот как отзывался о Дашкове этого периода М.А. Дмитриев в своих записках «Мелочи из запаса моей памяти»: «В самой молодости между товарищами Дашков пользовался уже преимущественным уважением и к своему лицу, и к своим мнениям. Он и тогда имел над ними какую-то моральную власть, которой они покорялись, признавая его превосходство перед собою. Его приговор литературным их произведениям почитался важным и окончательным; его насмешка была метка и неотразима, хотя никогда не была оскорбительна. Милонов, а особенно Грамматин часто бывали предметом его верных замечаний и приятельских шуток; но плохие авторы испытывали всю силу его иронии».

За служебные успехи в июне 1815 года Дашков был награжден орденом Св. Владимира 4-й степени. Вскоре после этого его перевели в канцелярию Молчанова — статс-секретаря императора. Правда, прослужил он здесь недолго.

В середине 1810-х годов Дмитрий Васильевич принимал активное участие в литературной жизни Петербурга. В апреле 1815 года он вместе с В.А. Жуковским и Д.Н. Блудовым становится основателем общества «Арзамасских безвестнописателей», или просто «Арзамас».

В эти годы он выступает в печати с рядом острых произведений. Пишет едкий памфлет, направленный против Шаховского. «Письмо к новейшему Аристофану». Много переводит, серьезно изучает немецкую литературу и философию. Его частые собеседники — Н.М. Карамзин, В.А. Жуковский, А.А. Батюшков, П.А. Вяземский, Н.И. Гнедич и другие известные писатели и поэты.

Постепенно налаживается и служебная карьера. На него обращает внимание граф И.А. Каподистрия, возглавлявший в то время Министерство иностранных дел России. 27 сентября 1816 года он вновь переходит на службу в Коллегию иностранных дел. При поступлении в Коллегию граф Каподистрия попросил от Дашкова представления какого-нибудь сочинения на французском языке. Так он хотел «видеть и образ его мыслительного искусства в их изложении». По совету И.И. Дмитриева Дашков написал критический разбор книги Шатобриана «Борьба и Бурбоны». Граф остался очень доволен этой работой. Вскоре Дашков приобрел «его полное уважение и доверенность».

В 1817 году в чине статского советника он был прикреплен к русской миссии в Константинополе, а на следующий год уже становится вторым советником при русском посольстве в Турцию. В Константинополе Дашкову пришлось находиться в самые критические дни жестоких греко-турецких столкновений. В этот период русский советник проявил не только большие дипломатические способности, но и личное мужество. Несмотря на то что русское правительство осудило греческое движение как «проявление революционного духа» и грекам было официально отказано в помощи, а граф Каподистрия, грек по национальности, был отправлен в отставку и заменен К.В. Нессельроде, Дашков сумел спасти от смерти многие греческие семейства. В этот период русский посланник Строганов использовал сметливость и догадливость Дашкова в самые критические минуты столкнове-

Находясь в Константинополе, Дашков занимался не только дипломатией. Он увлеченно изучает греческую историю, язык,

читает в подлиннике Гомера и Платона. В 1820 году он совершил большую поездку по Греции, побывал в Иерусалиме. Сам Дашков об этом писал так: «Находясь несколько лет сряду в Константинополе при российском посольстве и потом путешествуя по Греции, я везде навевался усердно о древних рукописях, в надежде, что какой-нибудь счастливый случай поможет мне отыскать всего Тита Ливия и Диодора, или утраченные Анфологии Мелеагра, Филиппа Фессалоникского, Агафия. Особенно желал я иметь понятие о серальной библиотеке, для христиан недоступной».

С большим религиозным чувством он посетил в Иерусалиме храм Воскресения. В этом городе он провел несколько дней; там все окружающее возбуждало в его душе «неизгладимые чувства». Часто в глубокую полночь, когда монахи спокойно спали в своих кельях, Дашков стоял, облокотившись на подножие столба, среди большой церкви. В его воображении воскресали давно минувшие времена: страдания праведного, источник жизни, откуда излившийся, «когда скрижали Моисеевы уступили место новому закону».

Впечатления о своем путешествии он описал в путевых очерках «Афонская гора. Отрывок из путешествия по Греции в 1820 году» и «Русские поклонники в Иерусалиме. Отрывок из путешествия по Греции и Палестине в 1820 году», которые были опубликованы в «Северных цветах» в 1825 и 1826 годах. В этих очерках Дашков выступал уже как зрелый прозаик с собственным неповторимым стилем, унаследовавший от карамзинской школы ее лучшие черты, ясность и изящество.

В 1820 и начале 1821 года Дашков занимается «обозрением и приведением в устройство» русского консульства в Леванте, за что был удостоен ордена Св. Владимира 3-й степени. В 1822 году он по Высочайшему повелению управлял делами Константинопольской миссии.

В первой половине 1820-х годов Дашков еще активно занимался литературным творчеством. В «Северных цветах», «Полярной звезде», «Московском телеграфе» он публикует свои путевые очерки, переводы из Палатинской антологии, этого свода древнегреческих и византийских эпиграмм. Позднее он уходит от активной литературной работы, полностью отдаваясь многообразным служебным обязанностям, которые с каждым годом становились все ответственнее.

Вернувшись в Россию, Дашков, оставаясь в Коллегии иностранных дел, назначается членом Комиссии составления законов. Ему дается чин действительного статского советника и «пожалован» орден Св. Владимира 2-й степени. В декабре 1824 года, уже при императоре Николае I, Дашков становится статс-

секретарем императора и одновременно товарищем министра внутренних дел. Почти одновременно с этим он удостоивается ордена Св. Анны 1-й степени.

В 1828 году Николай I, решившись на войну с Турцией, пожелал лично участвовать в предстоящих военных действиях.

В начале мая император прибыл в русский лагерь, расположенный под Браиловом. В местах военных действий Николай I пробыл до конца июля 1828 года, а затем морским путем вернулся в Одессу. После этого он направился в Варну. В Петербург же возвратился только в середине октября.

Во время пребывания Дашкова в свите императора, ему пришлось заниматься одним довольно щекотливым делом. Оно заключалось в следующем. Управляющий Третьим отделением, правая рука А.Х. Бенкендорфа Максим Яковлевич фон Фок, направил своему шефу, который был вместе с императором в русской армии, воевавшей против Турции, записку о якобы готовящемся издании антиправительственной политической газеты «Утренний Листок». В записке он писал: «В Москве опять появилась партия для издания газеты политической, ежедневной под названием Утренний Листок... Все эти издатели по своим отношениям весьма подозрительны, ибо явно проповедают либерализм. Ныне известно, что партию составляют князь Вяземский, Пушкин, Титов, Шевырев, князь Одоевский, два князя Трубецкие и еще несколько отчаянных юношей. Поныне таковы между ними условие: поручить издателю «Московского Вестника» Погодину испрашивать позволение... Сия партия надеется теперь через немецких ученых Круга и Аделунга снискать позволения князя Ливена, чрез князя Вяземского и Пушкина, а также у князя Титова, племянника статс-секретаря Дашкова, снизить доступ к государю чрез графа Нессельроде или самого Бенкендорфа».

Издание частной газеты в Москве будет весьма вредно для общественного духа и мнения, ибо, как известно из переписки сей партии, вся их цель состоит в том, чтоб действовать на дух народа посредством либеральных правил... Уже эта московская партия показала свой образ мыслей насчет газет не только в секретной переписке (то есть перлюстрированной. — Авт.), но и в печатном. В № 8 «Московского вестника» на сей 1828 год критикуют наши газеты и дают чувствовать, как они сами хотят издавать газету...».

В записке фон Фок приложил этот номер газеты со своими замечаниями на полях. Бенкендорф, прежде чем доложить о записке Николаю I, передал ее «на изучение» Дашкову. Тот внимательно ознакомился с ней и представил свои замечания и

возражения, дав достойную отповедь автору записки (о том, что им был фон Фок, Дашков не знал). Почти все замечания фон Фока, сделанные им на полях газетной статьи, пестрят такими выражениями Дашкова: «Это умышленная натяжка», «натяжка», «неправда», «умышленно кривое толкование» и тому подобными.

В своем же собственноручном заключении Дашков писал: «Цель сей статьи есть то, чтобы побудить Правительство к запрещению издания в Москве предполагаемой политической газеты. Я и сам не позволил бы оной, но потому только, что там оные издатели скорее могли бы поместить нескромные статьи — не с умысла, а по неосторожности или по умничанью. Я твердо уверен, что неразумное умничанье и необузданная болтовня играют большую роль в так называемом русском либерализме.

Сочинитель записки видит в московских литераторах общество заговорщиков; но истинное побуждение их так явно, что даже открывает мне имена их...».

Далее Дашков дает очень интересные отзывы о Вяземском, Пушкине, Титове, Одоевском. Он пишет, что считает долгом сказать о них свое мнение «по чести и совести». «Князь Вяземский, — пишет Дашков, — известен Правительству с самой дурной стороны и справедливо терпит за невоздержанность языка и пера своего. Переписка его была вредна и ему и другим. Но сердце Вяземского совсем не злое и неспособно к измене; тому может служить доказательством и невинность его по делу о злоумышленных тайных обществах, хотя он верно был знаком с 3/4 составляющих оное негодяев... Я знаю Вяземского с самых молодых его лет за человека с умом, с душою, с честью... Вся его вина — в эпиграммах и письмах, наполненных вредным для него умничаньем и острословием... Но он не заговорщик, и не враг правительству: в этом поручатся все его знающие... О Пушкине говорить нечего: его хорошие и дурные качества известны, кажется, правительству в прямом смысле...».

Далее Дашков дает благожелательные отзывы о князе Одоевском и о своем племяннике Титове. Заканчивает же он свою записку так: «Едва ли можно верить, что сочинитель сих нелепостей ошибся от доброго сердца».

В 1829 году война с Турцией завершилась. Когда в Андрианополе шли мирные переговоры, Николай I учредил особый секретный комитет под предводительством Кочубея, в который вошли также А.Н. Голицын, П.А. Толстой, К.В. Нессельроде, А.И. Чернышев и Д.В. Дашков. Комитету поручалось «выяснить положение» Турции и обсудить вопрос о том, «какое по-

ложение должна занять Россия, в случае падения Оттоманской Порты». На первом же заседании комитет заслушал записку Нессельроде, в которой высказывалось мнение о пользе для России сохранения существования Турции как самостоятельного государства.

Данков, хорошо разбиравшийся в восточных делах, также безудержно доказывал, что «политика, поставившая себе целью падение Турецкой империи, не соответствовала бы истинным интересам России. Теперь, — утверждал он, — когда границы империи простираются от Белого моря до Дуная и Аракса, от Камчатки до Вислы, осталось мало приобретений, которые могли бы быть ей полезными».

Соответственно этим мнениям комитет единогласно решил, что «выгоды, представляемые сохранением Оттоманской империи в Европе, превосходят сопряженные с ее существованием неудобства» и что «падение Оттоманской империи не соответствует истинным интересам России».

В этот же период Дашков активно работал также и в секретном Комитете 6 декабря 1826 года, в так называемом Преобразовательном комитете, который был создан для разбора бумаг Александра I. Этот комитет возглавлял опять же Кочубей. В его состав были М.М. Сперанский, И.В. Васильчиков, И.И. Дибича также Голицын и Толстой. Комитет просуществовал четыре года, однако практическая деятельность его оказалась неэффективной, хотя на нем и рассматривались такие животрепещущие вопросы, как преобразование Государственного совета, губернских учреждений, крестьянский вопрос. Несмотря на то, Россия еще была не готова к радикальным переменам. Практически при Николае I был реализован лишь один затронутый на комитете вопрос — о составлении Свода законов Российской империи и то, в основном, благодаря личным стараниям и энтузиазму Сперанского.

В марте 1829 года Дашков был назначен товарищем министра юстиции и вскоре после этого награжден чином тайного советника. В апреле того же года, когда статс-секретарь Блудов, бывший главноуправляющим духовными делами иностранных исповеданий, выехал в длительную служебную командировку за границу, Дашкову было поручено исполнять его обязанности.

20 сентября 1829 года Дмитрий Васильевич Дашков «вступил в управление» Министерством юстиции, оставаясь при этом по-прежнему статс-секретарем императора. Какие-то общественные мнения первое время удерживали Николая I от утверждения его в этой должности. Возможно, он искал более подходя-

щую кандидатуру; может быть, его сдерживало то обстоятельство, что Дашков был близок тем литературным кругам, из которых вышло немало декабристов. По-видимому, Дашков был не совсем удобной для государя кандидатурой на пост министра юстиции и генерал-прокурора, так как мог при случае проявлять твердую волю в отстаивании своего мнения. И император это знал.

М.А. Дмитриев так характеризовал Дашкова: «Имея важную наружность от природы, он никогда не важничал, был разговорчив и охотно сообщал замечания светлого ума своего о предметах и важных и легких, но был тверд в своих мнениях: ибо мнения его были плодом зрелого убеждения. Он следил за всеми отраслями наук и литературы; он читал беспрестанно и проникал глубоко в историю народов и в политические происшествия своего времени. Русскую литературу знал во всех подробностях и ни одного произведения ее не оставлял без внимания, даже и тогда, когда впоследствии занимал важные должности».

В январе 1832 года Дашков был награжден орденом Белого Орла, а вслед за этим, 2 февраля, утвержден в должности министра юстиции. В этом звании он прослужил семь лет, принимая энергичные меры как по улучшению деятельности судебной и прокурорской систем, так и совершенствованию законодательства. При нем были проведены различные преобразования в министерстве, приняты дополнения и изменения в законах, регламентирующих деятельность судебных и прокурорских органов.

Когда Дашков находился на посту министра юстиции, была завершена «монументальная», по выражению Николая I, работа по составлению Свода законов Российской империи. По этому поводу 19 января 1833 года было созвано чрезвычайное собрание Государственного совета. Посреди зала Совета на особом столике лежали 56 томов «Полного собрания законов Российской империи» и 15 томов «Свода законов Российской империи, повелением императора Николая Первого составленного». Председательствовал на нем В.П. Кочубей. На заседании Государственного совета с большой речью выступил император Николай I. Он сказал: «Свод теперь закончен и всякому члену предоставляется выразить свое мнение о его достоинстве и о той эпохе, с которой, по рассмотрению его во всех частях, он должен будет воспринять в явную силу».

По окончании заседания Николай I обнял М.М. Сперанского и надел на него снятую с себя самого Андреевскую ленту. Триумф Сперанского был полным.

При министре юстиции Дашкове было открыто Училище

правоождения. В октябре 1834 года сын Екатерины Павловны, дочери императора Павла I, принц Петр Георгиевич Ольденбургский направил Николаю I записку об учреждении в Петербурге «специального учебного заведения для юридического образования юношества». Все расходы по его организации он брал на себя. Император направил записку Сперанскому с такой припиской: «Благородные чувства Принца достойны уважения. Прошу, прочитав, переговорить с ним и Мне сообщить как ваши замечания, так и то, что вами с Принцем условлено будет».

Сперанский полностью одобрил идею. Вскоре он вместе с принцем Ольденбургским выработал Устав училища правоождения, который после рассмотрения его в Государственном совете был утвержден Николаем I. Училище было торжественно открыто 5 декабря 1835 года. Прошение о зачислении на первый курс подали 292 человека, однако отобрано и принято было только 54 воспитанника. В последующем число их увеличилось до 150 человек. Оставаясь под высоким попечением принца Ольденбургского, училище поступило в ведение министра юстиции. Первым его директором стал обер-прокурор 2-го департамента Правительствующего сената Семен Антонович Пошман. Эту должность он занимал 12 лет. Ежегодные расходы по содержанию училища составляли 150 тысяч рублей, которые выдавались правительством из средств государственного казначейства.

В соответствии с Уставом, воспитанники, выпускаемые с чинами 9, 10 и 12-х классов, определялись на службу преимущественно в Сенатскую канцелярию, находившуюся в ведении министра юстиции. Окончившие училище правоведа занимали прокурорские и судебные должности. Многие из них оставили заметный след не только на государственной службе, но и в науке, литературе, искусстве.

Училище в разное время закончили публицисты, братья Григорий Сергеевич и Иван Сергеевич Аксаковы, поэт-лирик, один из создателей знаменитого Козьмы Пруtkова Алексей Михайлович Жемчужников, поэт Алексей Николаевич Апухтин, драматург Модест Ильич Чайковский, литератор, автор «Русских уголовных процессов» Александр Дмитриевич Любавский, композиторы Петр Ильич Чайковский и Александр Иванович Серов, почетные академики Владимир Васильевич Стасов и Константин Константинович Арсеньев, министры юстиции Николай Авксентьевич Манассеин, Иван Григорьевич Щегловитов, Дмитрий Николаевич Набоков, обер-прокурор Святейшего синода Константин Петрович Победоносцев, обер-

прокуроры Правительствующего сената Дмитрий Александрович Ровинский и Владимир Константинович Случевский и многие другие.

Училище правоведения прибавило немало забот министру юстиции. Много времени уходило на дачу различных заключенных — в Правительствующем сенате, Государственном совете, Комитете министров. Дашков не был таким министром, который всегда и во всем выполнял бы волю императора. О твердых его убеждениях свидетельствует такой факт, приводимый мемуаристом А.И. Кошелевым в своих «Записках».

В середине 1830-х годов Правительствующий сенат, в качестве *Верховного суда*, рассматривал дело в отношении группы поляков, обвиненных в заговоре против императора. Николай I лично контролировал это дело. Однако Сенат не оправдал надежд самодержца и по «недостаточности улик» оправдал подсудимых. Разгневанный император перенес дело в Государственный совет. На заседании Совета Дашков, в качестве генерал-прокурора давал свое заключение. В нем он настолько убедительно разобрал приговор Сената, так обосновал свои выводы о невиновности подсудимых, что большинство членов Государственного совета высказалось за утверждение оправдательного приговора Сената. Такое мнение Совета не могло удовлетворить Николая I. Он возвратил дело в Совет с замечанием о том, что Сенат, придерживаясь буквы закона, мог оправдать обвиняемых, но Государственный совет должен руководствоваться государственными соображениями. Император поручил Совету вторично рассмотреть это дело «с государственной точки зрения».

Дашков и на этот раз в своем блестящем выступлении доказал законность и обоснованность приговора Правительствующего сената. И Государственный совет большинством голосов опять оставил в силе приговор Сената и свое собственное решение. Журнал заседания Совета, как всегда, был направлен на Высочайшее утверждение. Николай I долго держал его у себя, и только спустя две недели вернул, утвердив все же мнение Совета.

Случилось так, что Дмитрию Васильевичу необходимо было доложить в это время государю ряд дел. Он направился во дворец, не надеясь уже вернуться оттуда министром юстиции. Но неожиданно для него император принял Дашкова приветливо и только заметил: «Ну, Дашков, мы с тобою поспорили, но я надеюсь, что это нашей дружбе не повредит».

В присутственных местах дореформенной России почти повсеместно процветали злоупотребления и взяточничество, ужасающая медлительность в производстве дел. Даже самый добро-

совестный министр юстиции, а Дашков именно таким и был, ничего не мог противопоставить этим порокам. Наименее всего были поражены лихоимством прокурорские кадры, но и они были не без греха. Хуже всего обстояло дело с рассмотрением материалов о злоупотреблениях. Например, только в 1831 году в Петербургской губернии скопилось почти 120 тысяч нерешенных дел, из которых свыше 5 тысяч относились к должностным преступлениям.

Порой беззаконие и бесчинство творили губернаторы, которые не хотели считаться с прокурорской властью. В 1839 году после вмешательства Дашкова, министр внутренних дел вынужден был поставить на вид Симбирскому губернатору за то, что тот отдал распоряжение полицмейстеру о недопущении прокурора в тюрьму к содержащемуся там арестанту.

Хотя Дашков и принимал меры по поддержанию губернских прокуроров, многие из них находились под влиянием губернаторов и с этим ничего нельзя было поделать. Не случайно русская литература XIX века, изображая современные ей типы российских чиновников, в числе других гневно обличала также прокуроров и стряпчих.

На посту министра юстиции Дашков уделял определенное внимание совершенствованию законодательства и улучшению деятельности судебных и прокурорских органов. По этим вопросам его ведомством было подготовлено несколько важных проектов, впоследствии утвержденных императором. Один из таких законов — устав торгового судопроизводства и учреждение торговых судов.

За заслуги на посту министра юстиции Д. В. Дашков был награжден орденом Св. Александра Невского и чином действительного тайного советника.

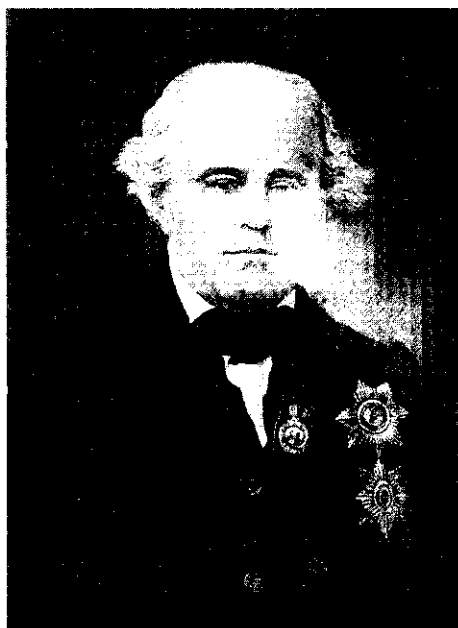
Хорошо знавший его Ф. Ф. Вигель писал: «Он был в лучших годах жизни, высок ростом, имел черты правильные и красивые, вид мужественный и скромный вместе. В обществе казался он даже несколько угрюм, смотрел задумчиво и рассеянно и редко кому улыбался; зато улыбка его была приятна, как от скупого дорогой подарок; только в приятельском кругу скупой делался расточителен. Незнакомые почитали Дашкова холодным и мрачным; он весь был любовь и чувство; был чрезвычайно впечатлив и нетерпелив, но необычайная сила рассудка, коим овладела его природа, останавливала его в пределах умеренности. Эта вечная борьба с самим собою, в которой почти всегда являлся он победителем, проявлялась и в речах его, затрудняя его выговор: он заикался. Когда же касался важного предмета, то говорил плавно, чисто, безостановочно; та же чистота была в душе его, в слого и даже в почерке пера».

В феврале 1839 года Дашков был назначен членом Государственного совета и председателем департамента законов. Однако в этой должности он прослужил недолго. В ноябре 1839 года Дмитрий Васильевич Дашков скончался. Похоронен он в Александро-Невской лавре.

Один из сыновей Дашкова, Дмитрий Дмитриевич, родившийся в 1836 году, был известным земским деятелем и писателем. Много лет он служил гласным Рязанского земства, а затем председателем Уфимской губернской земской управы. Он активно работал по развитию народного образования в России, написал по этому вопросу несколько книг. Умер в 1901 году.

Брат Д.В. Дашкова, Андрей Васильевич, достиг сенаторского звания, а племянник, Василий Андреевич (1819—1896 гг.), был выдающимся русским этнографом. По его инициативе в Москве в прошлом веке основали музей русской этнографии.

Дмитрий Николаевич
БЛУДОВ
1785—1864

«МЕЧТАЛ О БЛАГЕ РОССИИ»

Дмитрий Николаевич Блудов родился 5 апреля 1785 года в селе Романове Суздальского уезда Владимирской губернии, в родовитой дворянской семье. По преданию, основателем рода был киевский боярин и воевода Иисей, живший в конце X — начале XI века и принявший после крещения имя Ионы Блуда. Он будто бы запятнал себя убийством великого князя киевского Ярополка Святославича, но затем, раскаявшись, верно служил князю Ярославу Владимировичу и «кровью омыл преступление», сложив голову в битве с польским королем Болеславом, произошедшей в 1018 году на Буге. Среди других предков Блудова, отмеченных исторической генеалогией, были и послы великого князя, и стряпчие, и повводы. Одному из них, сподвижнику Минина и Пожарского, повводе и члену Земского Собора Никите Васильевичу, по прозвищу «Беркут», за содействие в избавлении России от поляков царь Михаил Федорович дал в Суздальском уезде вотчину, названную в «память царской милости» Романово.

Отец Блудова, богатый и хлебосольный дворянин, жил широко и открыто, увлекался псовой охотой и карточной игрой, чем окончательно расстроил свое состояние. Он умер, когда Дмитрий был еще ребенком.

Мать Блудова, Екатерина Ермолаевна, урожденная Тишина, была женщина высоких нравственных качеств, умная, красивая и энергичная. Она вторично вышла замуж за костромского дворянина Писемского. Мать и отчим сумели дать Дмитрию прекрасное домашнее образование. С мальчиком постоянно занимались лучшие профессора Московского университета. Уже в юности он хорошо знал французский, немецкий и итальянский языки, несколько слабее — древние, а позднее, когда был пограничником в Лондоне, выучил и английский.

Д.Н. Блудов приходился двоюродным племянником русскому поэту и государственному деятелю Г.Р. Державину.

В 15-летнем возрасте Дмитрий начал службу в Московском архиве Коллегии иностранных дел под руководством известного архивиста Н.Н. Бантыш-Каменского. Способный «архивный

юноша», как называли в то время подростков, попавших в Московский архив и тем самым уклонившихся от обязательной для дворян военной службы, быстро обратил на себя внимание начальства.

С юности Дмитрий Николаевич был очень дружен с В.А. Жуковским, Д.В. Дашковым, К.Н. Батюшковым, Н.М. Карамзиным и другими восходящими светилами русской словесности.

Когда на престол вступил император Александр I, Блудов перевелся на службу в Петербург, в Коллегию иностранных дел. В 1807 году Карамзин порекомендовал двадцатидвухлетнего друга только что вступившему в управление Министерством иностранных дел большому знатоку отечественной истории, искреннему покровителю науки, литературы и искусства графу Николаю Петровичу Румянцеву, и тот взял его на дипломатическую работу. Первое время Блудов был секретарем русского посольства в Голландии, а в 1810 году стал правителем дипломатической канцелярии главнокомандующего Дунайской армией графа Н.М. Каменского.

В армии Каменского Блудов сумел заслужить полное доверие главнокомандующего, выполняя все поручения быстро и качественно. Однако служил он там недолго. В мае 1811 года Каменский после тяжелой болезни скончался. Блудов вернулся в Петербург.

Вскоре он получил новое дипломатическое назначение — советника российского посольства в Стокгольме. Послом был тогда граф Григорий Александрович Строганов, человек «замечательного ума», один из самых «любезных и почтенных», как отзывались о нем современники. У Блудова сразу же установились с ним хорошие отношения.

В 1812 году Дмитрий Николаевич женился на близкой родственнице Н.М. Каменского, княжне Анне Андреевне Щербатовой, дочери видного екатерининского сановника. Ф.Ф. Вигель, хорошо знавший семью Блудова, писал о ней: «Природа одарила ее чувствами самыми нежными и кроткими; я не знал женщины более способной любить ближних, любить не пылко, но искренно и постоянно. Около нее была атмосфера добра и благосклонности; разумеется, что те, кои были ближе к ней, муж, дети и родственники, более других испытывали усладительное действие оной; но и друзья и знакомые их, вступая в этот благорастворенный круг, подчинялись его приятному влиянию».

В 1814 году Блудов стал поверенным в делах при Шведском дворе, а вслед за этим в течение трех лет служил при статс-секретаре (впоследствии министре иностранных дел) графе И.А. Каподистрия. В 1817 году он назначается советником по-

сольства в Лондоне. Хотя послом там был князь Х.А. Ливен, человек, по отзывам знавших его, бездарный и заносчивый, не умевший даже написать простой дипломатической депеши, Блудов сумел завоевать и его симпатии. Помимо выполнения обычных дипломатических обязанностей, граф Каподистрия поручал молодому дипломату знакомить Запад через английские газеты с положением дел в России, а также защищать «русские национальные интересы от нападков заграничной прессы».

Однако долго задерживаться в Лондоне Блудов не мог. К началу 1820 года у него было уже четверо детей, а жизнь в Англии, хотя и представлялась роскошной, но обходилась слишком дорого. Чиновничье жалованья не хватало, а имущества его почти не приносили дохода. Пришлось вернуться в Россию. Его преемником на этом посту стал князь А.М. Горчаков, будущий министр иностранных дел, лицейский товарищ А.С. Пушкина.

Каподистрия покровительствовал Блудову и намеревался дать ему приличную должность. Он называл его «перлом русских дипломатов». Однако вскоре Каподистрия вынужден был уйти в отставку. Новый управляющий Министерством иностранных дел К.В. Нессельроде, прозванный современниками «австрийским министром русских иностранных дел», к Блудову с самого начала относился с подозрением и не жаловал его. Дальнейшая дипломатическая работа оказалась бесперспективной. Получив в 1822 году чин действительного статского советника, Блудов стал подумывать об отставке.

Расцвет служебной карьеры Блудова приходится на царствование Николая I. Его возвышение было непосредственно связано с участием в Следственной комиссии по делу декабристов, что потом принесло ему немало горьких минут. Ведь многих декабристов он хорошо знал лично.

В начале 1826 года Блудова назначили делопроизводителем Следственной комиссии и поручили ему подготовить по материалам расследования доклад государю. Блудов написал большой доклад «О злоумышленных обществах», который после подписания его всеми членами комиссии 30 мая 1826 года был представлен Николаю I. По высочайшему повелению доклад был напечатан в приложении к российским газетам. Он фактически послужил материалом для приговора Верховного суда.

Документ этот вызвал неоднозначную оценку передовых людей России: от сдержанных до резко негативных. Бывший статс-секретарь Екатерины II А.М. Грибовский назвал труд Блудова «романтическим». Декабрист князь Е.П. Оболенский писал: «Из многочисленных спутников моей сибирской жизни ни один не сообщил мне не только о намеренном искажении истины их показаний, но даже о натянутом и недобросовестном

толковании оных». Но многие декабристы придерживались иного мнения. Резко отрицательную оценку дал этому документу декабрист-эмигрант Н.И. Тургенев, а с его братом А.И. Тургеневым у Блудова произошел даже разрыв дружественных отношений.

По отзыву декабриста Д.И. Завалишина, донесение Следственной комиссии запутало и затемнило дело, желая главным образом представить декабристов и все их действия не только в «ужасном», но и «смешном» виде. По его словам, доклад «останавливался преимущественно на сплетнях пустых людей, которых в тайных обществах не занимали серьезные работы, а потому с ними совершенно незнакомых». Декабрист барон В.И. Штейнгель был еще более резок, отмечая, что доклад вышел «точно таким, каким непременно должен выйти обвинительный акт, когда обвиняемые заперты и безгласны и когда обвинители в видах обеспечения будущности заинтересованы представить дело сколь возможно подозрительно ужасным и с тем вместе хотят облечь свои действия искусною тканью лжи, с отливом яркого беспристрастия».

Декабрист барон А.Е. Розен замечает: «Кто внимательно вникнет в донесение Следственной комиссии, тот легко поймет, что большая часть обреченных жертв была осуждена не за действия, а за разговоры и наговоры на них». Декабрист М.А. Фонвизин назвал документ, подготовленный Блудовым, «сплетением искаженной истины с небылицами и ложью не только для обвинения подсудимых, но и для того, чтобы всячески очернить нравственный характер тайного союза и самую чистоту его намерений... За несколько лет назад вырвавшееся в горячем разговоре нескромное слово — мысль, назавтра отвергнутую и позабытую сказавшим ее, называли царевбийственным заговором. Тут разговорам в коротких дружеских беседах, иногда за бокалами шампанского и не имевших никаких последствий, придана важность государственного преступления».

А вот что писал декабрист Н.Р. Цебриков: «Блудов, верный значению своей фамилии, блудил, заблудился и смастерил одиннадцать категорий приговора, отличающихся особенно кровожадностью, если подвергнуть строго юридическому анализу».

Русский мыслитель Петр Яковлевич Чаадаев, тяжело переживавший жестокую расправу над декабристами, однажды прямо спросил Блудова: «Для чего подсудимых во время процесса старались представить в смешном для них виде?» Дмитрий Николаевич ответил, что, по его мнению, это было «единственное средство если не спасти их, то, по крайней мере, облегчить их участь».

По словам П.В. Долгорукова, эмигрировавшего в 1859 году во Францию и выпустившего там едкий памфлет о царствовании Николая I, Блудов «омрачил себя угодничеством», написав доклад, в котором была попытка «осмеять и оскорбить людей, из отчизнолюбия принесших себя в жертву». «Эта слабость, — писал далее Долгоруков, — легла мрачным пятном на поприще графа Блудова, поприще, кроме этого единственного несчастного эпизода, чистое и благодородное».

Вспоминая о своей работе в Следственной комиссии, Блудов однажды сказал: «Да! Всякий человек имеет минуты слабости, в коих после горько раскаивается. Да! Бывают минуты, что сделаешь то, что после хотел бы искупить своей кровью!» Как бы развивая эту мысль, он записал в своем дневнике: «Мы все знаем и говорим, что человек бывает часто не похож на себя; что мысли, ум, характер и все способности души нашей чувствуют влияние обстоятельств, которые от нас не зависят: а как мы судим о людях? По одному делу, по одному слову, по одному дню!»

Император Николай I как-то раз, обращаясь к своему приверженному историографу Карамзину, сказал: «Представьте себе, что вокруг меня никто не умеет написать двух страниц по-русски, кроме одного Сперанского».

Карамзин порекомендовал императору внимательнее присмотреться к двум хорошо зарекомендовавшим себя на дипломатическом поприще людям — Дмитрию Николаевичу Блудову и Дмитрию Васильевичу Дашкову. Этот совет оказался как нельзя более кстати. Оба друга были «пожалованы» в статс-секретери. Указ в отношении Блудова подписан 11 июля 1826 года, и спустя несколько месяцев, 25 ноября того же года, он стал одновременно и товарищем министра народного просвещения и духовных дел.

6 декабря 1828 года Блудов был «награжден» чином тайного советника и назначен главноуправляющим делами иностранных исповеданий. Это управление находилось тогда в ведении министра народного просвещения. Дмитрий Николаевич редко выполнял обязанности лишь по одной должности. Так случилось и на этот раз. Одновременно он стал делопроизводителем так называемом Преобразовательном комитете.

Яркую характеристику Блудова этого периода оставил известный мемуарист А.И. Кошелев. В 1828 году он был откомандирован к статс-секретарю Блудову. В своих «Записках» Кошелев пишет: «Мой новый начальник был очень умен, образован и крайне добр; но характером он был слаб и труслив. В те дни, когда он отправлялся к императору, он был весь не свой: не слушал, не понимал того, что ему говорили, вскакивал беспре-

станно, смотрел ежеминутно на часы и непременно посылал поутру сверять свои часы с дворцовыми. Зато когда возвращался от императора, не получивши нагоняя, он был детски весел, не ходил, а летал по комнатам и готов был целовать всякого встречного. Добра делал он очень много, был доступен для всякого и готов выслушивать каждого, кому он мог чем-либо быть полезным».

Дмитрий Николаевич обладал исключительной работоспособностью и какой-то неудержимой страстью довести до совершенства любой документ. Получив от императора указание подготовить проект какого-либо манифеста, рескрипта или указа, он обычно приглашал одного из сотрудников и четко объяснял, что нужно высказать на бумаге. Когда чиновник в меру своих способностей составлял документ и приносил его Блудову, тот всегда хвалил подчиненного и оставлял проект у себя. Ночью он принимался за исправление написанного и к утру в сочиненном документе не оставалось ни одного прежнего слова. Чиновник вновь переписывал проект и отдавал его Блудову. Тот опять принимался черкать и исправлять его. Так продолжалось до тех пор, пока документ не нужно было везти императору.

В 1830 году Дмитрий Николаевич получил очередную награду — орден Св. Анны, украшенный императорской короной, а вслед за тем был назначен товарищем министра внутренних дел. Министр Арсений Андреевич Закревский хорошо знал Блудова. Впервые они познакомились, когда оба служили в Дунайской армии Н.М. Каменского: Блудов — по дипломатической части, а Закревский — адъютантом главнокомандующего. С тех пор он возвысился и одно время был даже ближайшим адъютантом императора Александра I, затем служил генерал-губернатором Финляндии. Закревский был человеком довольно своеобразным. Он происходил из бедной дворянской семьи, по службе продвигался не столько благодаря своим способностям, сколько льстивости и хитрости. Он был малообразован и самовластен, не гнушался ничем, даже злоупотреблением своим положением. С Блудовым он держался осторожно — видел, что тот пользуется благосклонностью императора.

В начале 1832 года Закревский был отправлен в отставку, а Дмитрий Николаевич назначен на его место. В том же году Блудова ввели в состав Государственного совета. Он получает престижные ордена — Белого орла и Св. Александра Невского.

Его служебное время теперь до предела заполнено разнообразными делами, к которым Дмитрий Николаевич относился всегда добросовестно, с полной мерой ответственности. На посту министра внутренних дел он оставался семь лет. За эти годы немало усовершенствовал деятельность аппарата министер-

ства и подведомственных ему учреждений. В частности, Блудов участвовал в разработке Наказа гражданским губернаторам Российской империи, который был утвержден 3 июля 1837 года. Этот законодательный акт дополнял, развивал и более подробно регламентировал все стороны деятельности местной власти, установленные еще екатерининским Учреждением для управления губерний 1775 года.

Блудов хорошо видел недостатки руководимого им ведомства, старался глубоко их анализировать, вырабатывать меры по устранению способствующих им причин. Он довольно трезво оценивал обстановку в империи, а она была тогда беспокойной. Свои мысли, наблюдения, конкретные факты, статистические сведения он подробно докладывал императору. В 1836 году Блудов писал И.И. Дмитриеву: «Я решился представить вам мою работу (отчет Министерства внутренних дел за 1833, 1834 и 1835 годы). Утешаю себя мыслию, что в глазах ваших она будет иметь по крайней мере цену истины. Любовь к ней водила пером моим, и я сказал Государю без прикрас, без лести все, что делал и видел в течение 4-х лет моего управления».

А увидел он довольно много, в частности, то, что люди ценят и принимают только силу, что злоба, невежество, подлость, злоупотребления, лихоимство почти беспрепятственно властвуют всюду и везде, что произвол проник во все сферы общества. Может быть, именно служба в Министерстве внутренних дел стала питательной средой для горьких мыслей, появившихся на страницах его дневника. Он записывает: «Мы все более любим в себе и уважаем в других одно: силу... Увы! Все нас обманывает в жизни; по крайней мере все земное, даже совесть... С большою осторожностью можно предохранить себя от злости людей; но как спастись от их глупости... Иные люди наделали много зла и не могут быть названы злодеями: это имя для них слишком благородно. Они не злодействуют, а только пакостят в предом для ближнего».

В феврале 1839 года Блудов назначается министром юстиции и генерал-прокурором, сменив на этом посту своего друга Д.В. Дашкова, который, в свою очередь, заступил на место умершего М.М. Сперанского.

Служба его на этом поприще оказалась слишком кратковременной, поэтому ни талант государственного деятеля, ни большие способности Дмитрия Николаевича не смогли существенно повлиять на деятельность министерства, а также судебных и прокурорских органов. В Министерстве юстиции Блудов остался десять месяцев. В ноябре 1839 года скончался Дашков, и император Николай I посчитал, что только Блудов сможет полноценно заменить того на посту председателя департамента за-

конов Государственного совета и главноуправляющего Вторым отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Однако Блудову все же удалось провести кое-какие реорганизации и изменения в деятельности Сената и прокурорских органов.

В то время губернские прокуроры обязаны были представлять Всеподданнейшие доклады императору о всех арестантах, содержащихся под стражей более года. В сентябре 1839 года киевский губернский прокурор запросил Блудова о том, каким образом показывать в этих докладах время содержания арестантов в случае их побегов и последующей поимки. Министр разъяснил, что в этих случаях требуется подробно указывать время первичного содержания арестантов под стражей, время побега и время вторичного заключения после поимки.

5 декабря 1839 года Блудов направил следующее циркулярное предписание: «Замечено, что в тюрьмы помещаются иногда арестанты без должного внимания к их возрасту и степени преступления. В отвращение зла, от сего произойти могущего, строжайше предписываю всем губернским, областным и прочим прокурорам всемерно наблюдать, в губернских городах лично, а в уезде чрез уездных стряпчих, чтобы предписанные... правила размещения арестантов были исполнены в точности, под опасением за отступление от оных взыскания с виновных по всей строгости законов».

15 декабря того же года Блудов «для ближайшего наблюдения за ходом дел об арестантах» предписал губернским, областным и уездным прокурорам и стряпчим «сверх подносимых ими ежемесячно Государю императору ведомостей об арестантах, содержащихся более года, составляя из всех таковых ведомостей одну общую, представлять одну каждый месяц при рапорте министру юстиции».

31 декабря 1839 года Блудов занял должность председателя департамента законов Государственного совета, а также главноуправляющего Вторым отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии. На этих ответственных постах в полной мере проявилось огромное дарование Дмитрия Николаевича как государственного деятеля.

На Второе отделение была возложена обязанность подготовки законопроектов. С изданием Полного собрания законов и Свода законов Российской империи началась работа по пересмотру всего российского законодательства. Конечно, в условиях николаевской России кардинальные реформы были невозможны. Однако во многом благодаря Блудову была проведена громадная работа по подготовке Судебной реформы, завершённой уже другими людьми.

Свод законов постоянно дополнялся, что требовало от Блудова и его сотрудников особой ответственности и внимания при переработке огромного количества законодательных актов. В 1842 и 1857 годах под редакцией Блудова вышли два новых издания свода законов Российской империи. Кроме того, Второе отделение изучало и давало историко-юридическую оценку, и потом и дальнейшее направление многочисленным так называемым «преобразовательным проектам», поступавшим от государственных органов и министерств.

В начале 1840-х годов отделение, руководимое Блудовым, приступило к разработке Уложения о наказаниях уголовных и исправительных.

При подготовке Уложения было тщательно изучено уголовное законодательство почти всех европейских стран. Уложение вышло в свет в 1845 году. Оно заключало в себе 2224 статьи и хотя не устраняло всех крупных недостатков, присущих тогдашнему уголовному законодательству, но все же объединяло в одном кодексе все действовавшие тогда карательные постановления и, самое главное, устанавливало конкретную меру наказания за то или иное преступное деяние. Уложение значительно облегчило использование уголовного закона судьям и прокурорам в их практической деятельности.

Блудов много размышлял над принципами совершенствованного русского судостроения и судопроизводства. Эти вопросы не оставляли его ни днем, ни ночью. Можно сказать, что подготовка Судебной реформы началась в недрах Второго отделения еще в 40-х годах XIX века. Конечно, взгляды Блудова на Судебную реформу были отличны от взглядов тех юристов, которым пришлось завершать ее. Но работа Блудовым была проведена громадная.

Блудов принимал самое непосредственное участие в подготовке документов по Крестьянской реформе 1861 года. 19 февраля именно он скрепил своей подписью акты об освобождении крестьян от крепостной зависимости. В это время он занимал должность председателя Государственного совета и Комитета министров. Спустя три года император подписал указ «Об устройстве быта крестьян в царстве Польском», над которым так же трудился Дмитрий Николаевич.

Блудов много сделал для приведения в порядок и опубликования памятников отечественной истории. Состояние их тогда было не самым лучшим. Изучив этот вопрос, он направил доклад императору Николаю I, и в 1849 году последовало Высочайшее повеление следующего содержания: «Все дошедшие до нас как официальные, так и принадлежавшие частным лицам, но впоследствии дошедшие до правительства рукописи разрядов

привести в точную известность, сличить их, проверить один с другим и издать при II отделении Собственной Его Величества канцелярии».

В соответствии с этим указом в 1850—1854 годах было издано пять обширных томов дворцовых и официальных разрядов и несколько томов «посольских дел, статейных списков и посольских книг», имеющих огромную ценность для изучения истории России.

Одновременно с выполнением своих обширных государственных обязанностей Дмитрий Николаевич много внимания уделял научной и общественной деятельности. Он был помощником председателя русского археологического общества, почетным членом общества истории и древностей Российских и некоторых других ученых обществ. В 1855 году он стал президентом Императорской Академии наук.

В силу своих возможностей Блудов употреблял свое влияние «на ограждение прав и достоинств науки от вредных случайностей и препятствий, мешающих ее процветанию». Как президент Академии наук Блудов предпринял попытку несколько изменить ее устройство и организацию применительно к требованиям времени, укрепить материально. Комиссия, составленная из членов Академии наук, разработала проект нового Устава и штатов. Но довести это дело до конца Блудов не успел. Новый устав был утвержден только в 1869 году, а новые штаты — в 1893 году.

По его инициативе академия, помимо периодического издания трудов по текущим вопросам науки, начала издавать на русском языке ежегодно по несколько книг общих трудов ее отделений.

Работая исключительно много и упорно, Дмитрий Николаевич постоянно был неудовлетворен сделанным. Он стремился к совершенствованию во всем. Блудов записывает в дневнике: «Совершенство в точном, строгом смысле сего слова невозможно для человека, по крайней мере, в здешнем свете. Но мы должны к нему стремиться, и провидение положило нам цель недостижимую для того именно, чтобы мы всю жизнь беспрестанно шли вперед. На которой точке сего пути заста-нет нас конец земного испытания? Это тайна, и без нее не было бы той надежды, которую религия назвала добродетелью, которая, одна из всех, никогда нас без нашей вины не оставляет».

С середины 1850-х годов Блудову часто приходилось председательствовать в общем собрании Государственного совета, а в начале 1861 года он возглавил Совет и Комитет министров. В этом звании он находился до своей смерти.

Напряженная деятельность Блудова на ответственных постах щедро вознаграждалась Государем. Он пользовался большим уважением при Дворе, к его словам прислушивались.

Сам Блудов к наградам и чинам относился довольно равнодушно — они не очень волновали его. Для него важнее были другие ценности: служение Отчизне, Государю, общение с друзьями, книги... Вот что он писал по этому поводу: «Расточительность на чины и ордена можно сравнить с умножением ассигнаций. Их принимают еще за деньги, но уже не в прежней цене».

Тем не менее Блудов был удостоен самых высоких наград. В 1839 году он стал действительным тайным советником, в 1841 году получил орден Св. Владимира 1-й степени, а на следующий год — «пожалован» графским достоинством. В 1845 году он награждается орденом Св. Андрея Первозванного, а через два года получает и алмазные знаки этого ордена. Позднее ему было вручен перстень с алмазами и портретом Его Императорского Величества (1851 г.), портрет Николая I с бриллиантом для ношения в петлице (1852 г.), портрет императора Александра II с алмазами для ношения на Андреевской ленте (1856 г.), а также знаки отличия за 50-летнюю безупречную службу (1855 г.) и за проведение Крестьянской реформы (1863 г.). Блудов имел также несколько иностранных орденов.

С юношеских лет Блудов серьезно увлекался литературой, проявлял большие способности к ней, писал критические разборы, эпиграммы. Он входил в окружение поэта, баснописца и государственного деятеля Ивана Ивановича Дмитриева и находился в курсе всех литературных дел и событий. Постепенно он приобретает авторитет тонкого ценителя литературы, обладающего хорошим вкусом. Его остроумия побаивались многие. Биограф Блудова Е.П. Ковалевский так характеризовал его в молодости: «Его быстрый, острый ум нередко увлекал его к возмущениям метким и колким, навлекавшим ему вражду людей, с которыми он случайно сходилась».

Друзья же всегда прислушивались к его советам. Посвящая Блудову поэму «Вадим», В.А. Жуковский писал: «Твой вкус был мне учитель...»

Поэт, переводчик и издатель Александр Федорович Воейков в пародийном «Парнасском Адрес-календаре», своеобразной «таблице о рангах арзамасцев», назвал Блудова «государственным секретарем Бога Вкуса при отделении хороших сочинений от бессмысленных и клеймления последних печатью отвержения».

Более молодое поколение поэтов и литераторов относилось к Блудову все же критически. Достаточно вспомнить фразу А.С. Пушкина в письме к Жуковскому: «Зачем слушаешь ты

маркиза Блудова? Пора бы тебе удостовериться в односторонности его вкуса. К тому же не вижу в нем и бескорыстной любви к твоей особе».

В середине 1810-х годов Блудов стал одним из основателей известного литературного общества «Арзамас».

Все наиболее значительные художественные произведения 1810—1820-х годов — стихи, поэмы, повести — читались обычно в доме Блудова еще в рукописи. Вяземский в своем послании к Блудову писал: «Ты друг и брат певца Людмилы, ты другом был Карамзина».

В дальнейшем Дмитрий Николаевич, занятый ответственными служебными делами и не имея возможности заниматься литературой, писал все меньше и меньше. Он так и не стал профессиональным литератором. В одном из своих писем И.И. Дмитриеву он отмечает: «С литературою разрушились последние мои связи: я не имею времени читать даже журналы. С тех пор я люблю ее как потерянного, мертвого друга, без надежды свидеться с ним и снова насладиться милой беседой».

В середине 1820-х годов, когда встал вопрос об отставке, Блудов задумал написать историю дома Романовых, которая должна была бы служить своеобразным продолжением «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина. Но этот замысел так и не осуществился. После смерти Карамзина Блудов взял на себя издание 12-го тома «Истории». Впоследствии (в 1857 г.) он издал также посмертные произведения и своего друга — В.А. Жуковского.

Одно время Блудов по указанию императора Николая I разбирал некоторые секретные архивные документы. На их основе он написал несколько исторических очерков и статей. В частности, «О самозванцах, являющихся при Екатерине II», «Суд над графом Давиером и его соучастниками», «Записка об известной самозванке Таракановой», «Бунт Бениовского в Большерецком остроге», «Дневные записки князя Меншикова», «Записки об Артемии Волынском», «Заговор и казнь Мировича». Некоторые из них были опубликованы Е.П. Ковалевским в его книге «Граф Блудов и его время».

Блудов написал и издал также небольшую книжку «Последние часы жизни императора Николая I» (1856 г.).

«Записками об Артемии Волынском» заинтересовался А.С. Пушкин. В конце декабря 1836 года поэт, готовя документальные материалы для V тома «Современника», который должен был выйти в марте 1837 года, просил Жуковского достать ему «Записки». Жуковскому удалось заполучить их у Блудова. Он пишет Пушкину: «Посылаю тебе манускрипт Блудова. Мой писарь ничего разобрать не может; ты разберешь. Я отметил

крестиками то, что можно печатать». Пушкин поручил переписчику сделать для него копию с «Записок», а подлинник вернул Блудову.

Дмитрий Николаевич постоянно вел свой дневник, который был издан в 1866 году под названием «Мысли и замечания». В нем он периодически записывал свои мысли о литературе, философии, политике, религии, нравственности. С сожалением Блудов пишет о том, что ему не удалось в полную силу заняться литературным трудом: «Область творческого ума, ясных понятий, свежих, поражающих своею истиною и новостью мыслей, сильных, горячих чувств и выражений, ими вдохновенных, ты была для меня землей обетованной, и так же, как Моисей, обнимая тебя взором, я не вступлю в твои пределы».

А вот еще одна запись: «Благодарность и раскаяние — вот два чувства, которые наполняют мою душу, когда с грустным отращением от настоящего и будущего, я вспоминаю прошедшую жизнь мою. Сколько благодеяний Неба и какое злоупотребление сих благ!»

Д.Н. Блудов несомненно был неординарной личностью. Как государственный деятель он получил неоднозначную оценку современников — от восторженных до резко негативных. Не любили Блудова П.А. Вяземский, в молодости друживший с ним, А.И. Герцен, некоторые другие демократически настроенные интеллигенты.

С другой стороны, князь Петр Владимирович Долгоруков, который в 1859 году эмигрировал из России по политическим соображениям, отзывался о Блудове с большой симпатией. Он писал: «Граф Блудов человек весьма умный, обладает обширными сведениями и отличным даром слова; среди своих многочисленных и часто утомительных служебных занятий он всегда находил время читать журналы, книги и следить за ходом мыслей человеческой. В течение своей долголетней жизни он чрезвычайно много перечитал; много видел и знал людей замечательных, и при его необыкновенно счастливой памяти беседа с графом Блудовым представляет истинное наслаждение: он бесспорно один из самых приятнейших собеседников в Европе». Долгоруков называл Блудова «самой светлой личностью нашего времени», а также «добрейшим и честнейшим человеком, которого нельзя было не любить».

Известно, например, что Блудов выступал против усиления цензурных репрессий, был противником «стеснения умственного развития страны». В 1861 году, во время волнений студентов Московского университета, он упрашивал великого князя Михаила Николаевича не устраивать жестокой расправы над ними.

Каково бы ни было отношение к Блудову как к политическому деятелю, многие мемуаристы отмечали высокие личностные достоинства графа, его скромность, обаяние, доброжелательность, отзывчивость, трудолюбие.

Один из биографов Блудова П.И. Иванов, хорошо знавший графа и одно время работавший под его началом, писал о нем: «Граф готов был оказать самое теплое, самое радушное покровительство и поддержку каждому. Едва ли найдется хоть один трудолюбивый ученый или один даровитый писатель, который, имея нужду в покровительстве графа, мог бы сказать, что обратился к нему напрасно, не нашел в нем участия или готовности ходатайствовать, помочь в чем только возможно. Стоило только указать графу на какие-либо неизданные или любопытные, или важные документы, и можно быть уверена, что со стороны его будет оказано деятельное пособие к обнаружению или напечатанию неизданного... Будучи весьма небогат, граф Блудов, сделавшись важным государственным сановником, не изменил ни образа жизни, ни характера в приемах, жил очень просто, был враг роскоши и блеска, не делал различия между посещавшими его по чинам, богатству и другим подобным соображениям, а смотрел только на ум и достоинства душевные, был ко всем неизменно любезен и доброжелателен; а потому в его скромные комнаты охотно собиралась и блестящая знать, и образованные люди всех состояний... Граф Блудов обладал самой счастливой памятью, был неистощим в рассказах... Слушая его рассказы или поучительную беседу, никто и не вспоминал, что находится в присутствии первого сановника в государстве».

П.И. Иванов приводит еще такой факт. В начале 1860-х годов от московских властей последовало указание о сносе Красных ворот. Иванов, узнав об этом из газет, обратился к Блудову с просьбой добиться отмены принятого решения и сохранения великолепного памятника старины. К своему письму он приложил историческую записку о строительстве Красных ворот и рисунки. С помощью Блудова памятник истории был сохранен и даже реставрирован. В другой раз Иванов в разговоре с Блудовым посетовал на то, что некоторые старинные сооружения, представляющие историческую ценность и требующие лишь незначительного поддержания, бездушно сносятся. В пример он привел разрушение Каменного моста. Блудов на это с укоризной заметил: «А зачем же вы мне о том не написали, я бы его отстоял».

Ординарный академик А.В. Никитенко, вспоминая о Блудове, писал: «Он сохранил, почти до последнего дня своего, свою обычную ясность, энергию и гибкость мысли, живость воображения, неистощимое богатство своей памяти и то изящество и

убедительность слова, с тою при том разборчивостью и утонченностью вкуса, которые столько же свидетельствовали о его высоком даровании, как и образованности, и которые составляли отличительные свойства и всегдашнюю прелесть его беседы. Мы могли удивляться только, как с подобными преимуществами положения и даров природы он умел соединять еще такую доступность, такую простоту нравов и обращений, готовясь низойти ко всякой чужой мысли, из какой бы сферы она ни происходила, ко всякому чужому чувству, положению, нуждам».

Друг Блудова К.Н. Батюшков находил в нем «ослепительный фейерверк ума». Другой его современник, Ф.Ф. Вигель, писал: «Он часто удивлял меня своим умом, а впоследствии начал меня им ужасать».

Дмитрий Николаевич жил скромно, был противником всяческого стяжательства и накопительства. Во время приемов в его доме вечерний чай всегда подавали в медном самоваре, который, по словам П.В. Долгорукова, служил «гербом бескорыстия графа».

Как бы объясняя свой аскетизм, Блудов записал в дневнике: «Презирать все житейское не значит еще презирать жизнь! Значит, напротив, знать истинное определение и следовательно истинно высокую цену ее».

Современники вспоминали, что однажды, в 1859 году, когда здоровье Блудова ухудшилось и врачи настоятельно рекомендовали поехать на лечение за границу, он оказался в очень трудном положении. У человека, занимавшего высокие государственные посты, не было денег на такую поездку. Блудов уже подумывал о перезаложении своего небольшого родового имения. Об этом случайно узнал министр иностранных дел Александр Михайлович Горчаков. Он сообщил о затруднительном положении Блудова Александру II, и тот распорядился выдать графу денег на дорогу.

О себе Блудов писал: «В одном только я не знаю за собою упрёка, это в отношении денежном; я всегда был чужд стяжательству, и никогда рука моя не касалась чужих денег. Свое небольшое родовое состояние я не только не увеличил, но еще расширил; и живу только одними моими окладами, которые получаю от милости государя».

Мы уже отмечали, что Блудов был дружен со многими писателями и поэтами первой половины XIX века. До самой смерти дружеское отношение к нему питал А.С. Пушкин, который не раз бывал у графа. Дочь Блудова, общественная деятельница и публицистка, Антонина Дмитриевна, писала об одной такой встрече поэта с ее отцом: «А вот и Пушкин, со сво-

им веселым, заливающимся, ребяческим смехом, с беспрестанным фейерверком остроумных, блистательных слов и добродушных шуток».

А.С. Пушкин не раз через друзей и лично обращался к Дмитрию Николаевичу по различным вопросам. Так, он просил Н.А. Погодина переговорить с Блудовым, чтобы тот посодействовал изданию Указателя к «Истории государства Российского», составленного П.М. Строевым. Указатель вышел в свет в 1836 году. Когда Пушкин работал над «Историей Петра I», то Блудов, бывший в то время министром внутренних дел и ведавший государственными архивами, оказывал содействие поэту в получении архивных материалов.

В начале 1860-х годов Блудов начал серьезно побаливать. Работать ему становилось все труднее. Осмысливая пройденный им путь, он понимал, что сделал не все, на что был способен. В своем дневнике Блудов записал: «Я развалина, сказал где-то про себя лорд Байрон. Мне хотелось бы прибавить, думая о себе самом: и развалина недостроенного здания».

Дмитрий Николаевич Блудов скончался 19 февраля 1864 года, на 79-м году жизни. Похоронен на кладбище Александро-Невской лавры, недалеко от могил своих друзей Карамзина и Жуковского. Погребение состоялось в присутствии императора Александра II, членов императорской фамилии, высших чинов министерств и ведомств, представителей Академии наук, при большом стечении народа.

Виктор Никитич
ПАНИН
1801—1874

«НЕУКЛОННО ОСУЩЕСТВЛЯЛ ВОЛЮ ИМПЕРАТОРА»

Виктор Никитич Панин родился в 1801 году, в богатой и родовитой семье. Его дедом по отцовской линии был знаменитый екатерининский вельможа граф Петр Иванович Панин, отличившийся в Семилетней и Русско-турецкой войнах, прославившийся взятием Бендер и пленением Емельяна Пугачева. Отец министра — не менее знаменитый граф Никита Петрович Панин, познавший при двух императорах, Павле I и Александре I, как блестящие взлеты, так и тягостную опалу. Один из любимцев Павла I, в молодости не раз выполнявший важные дипломатические миссии и в 29 лет ставший вице-канцлером, в конце царствования неуравновешенного императора попал в немилость и был сослан в деревню. Александр I, вступив на престол, сразу же вызвал Н.П. Панина в Петербург, где поручил важную должность в Коллегии иностранных дел. В 1805 году он вновь познал императорский гнев, его выслали из столицы, запретив появляться в городах, в которых пребывает император. На этот раз опала продолжалась до конца жизни. Свой досуг граф проводил то в деревне, то в путешествиях за границей.

Он был женат на дочери графа В.Г. Орлова, Софье Владимировне. От этого брака родился будущий министр Виктор Никитич Панин.

Домашним воспитанием мальчика занимался сам отец, бывший одним из образованнейших людей своего времени. Детские годы он провел большей частью в усадьбе родителей Дугине, находившейся в Смоленской губернии. Непосредственно науками и языками с ним занимался учитель-гувернер немец Бютгер. Свое образование юноша завершил за границей, великолепно усвоив древние и важнейшие иностранные языки. В 1819 году он выдержал экзамены в Московском университете и в декабре того же года поступил на службу актуариусом (то есть регистратором) в Коллегию иностранных дел. Спустя два года Панин занял должность переводчика. В двадцать три года он получил чин титулярного советника и был назначен вторым секретарем русской миссии в Мадриде. Направляясь к месту

службы, он посетил в 1824 году Веймар, где встречался с великим немецким поэтом Гёте. Затем побывал в Париже, блеснув там своей светскостью и образованностью. Служба в Мадриде оказалась необременительной и довольно короткой — уже в феврале 1826 года Панина отозвали в Россию. На следующий год он получил звание камер-юнкера Двора Его Величества и был произведен в надворные советники. В апреле 1828 года Панин попадает в походную канцелярию Министерства иностранных дел, которая находилась при императоре Николае I, отправившемся в действующую армию. Николай I обратил внимание на талантливого юношу и оценил его блестящую образованность, познание в языках и трудолюбие. В июне 1828 года Панин по Высочайшему повелению был направлен в Грецию в распоряжение поверенного в делах графа Булгари. На следующий год он сам стал исправлять должность поверенного в делах и был повышен в чине, а в 1830 году получил почетное звание камергера Двора Его Величества. За успешное выполнение дипломатической миссии Панина произвели в статские советники, и в ноябре 1831 года он был назначен помощником статс-секретаря Государственного совета по департаменту законов.

В апреле 1832 года Виктор Никитич стал товарищем (заместителем) министра юстиции, которым в то время был Д. В. Дашков. К этому назначению он отнесся очень ответственно. Еще до вступления в должность Панин выхлопотал продолжительный отпуск, уехал в подмосковное имение Марфино, где основательно проштудировал весь многотомный Свод законов Российской империи. Нормы уголовного и гражданского законодательства он освоил великолепно, а многие статьи выучил наизусть.

В том же году Панин без освобождения от основной должности был назначен статс-секретарем императора. Вскоре он получил чин действительного статского советника и орден Св. Анны 1-й степени.

В 1835 году Панин вступил в брак с дочерью графа Тизенгаузена, Натальей Павловной. В марте 1837 года скончался его отец, Никита Петрович, и Панин получил значительное состояние, заключавшееся, в основном, в недвижимости и богатых имениях. Современники отмечали, что у него было свыше 20 тысяч душ крепостных крестьян, а ежегодные доходы достигали 136 тысяч рублей. В мае того же года Виктор Никитич по семейным обстоятельствам (вследствие слабости здоровья супруги и для того, чтобы уладить наследственные дела) получил длительный отпуск и выехал за границу.

В декабре 1839 года Панин был отозван из отпуска и назначен управляющим Министерства юстиции на место Д. Н. Блу-

дова, который занял, в свою очередь, должность умершего Д. В. Дашкова. В 1841 году император Николай I утвердил Панина в должности министра юстиции и генерал-прокурора.

По свидетельству многих современников, состояние правосудия в России в середине XIX века находилось в удручающем состоянии. Панину сразу же пришлось столкнуться с целым рядом проблем, главными из которых являлись косность судопроизводства, медлительность в рассмотрении дел, почти поголовное взяточничество и поборы в присутственных местах.

Так, например, в 1846 году в Правительствующем сенате, в палатах уголовных и гражданских судов, совестных, коммерческих, окружных, городских, уездных судах, магистратах и ратушах, а также в межевых канцеляриях находилось на рассмотрении почти 1,2 млн дел, из которых решены были немногим более 930 тысяч, а 212 тысяч оставались нерешенными. Некоторые дела тянулись десятки лет. Чтобы скрыть истинное число числящихся за судами дел, судьи часто прибегали к такой уловке. В конце года они рассылали в различные места дела для дополнения их совершенно ненужными сведениями и справками. Все это еще более затягивало производство.

Судебная волокита объяснялась многими причинами. Это и обилие судебных инстанций, и отсутствие квалифицированных кадров юристов, и неограниченное право переноса дел из одной инстанции в другую в ревизионном и апелляционном порядке, и откровенное нежелание судей быстро рассматривать дела и т. д. Для борьбы с волокитой власти нередко отряжали многочисленные сенатские ревизии, которые проносились грозной, причиняли массу беспокойства чиновникам, но мало что делали по существу.

Министр юстиции Панин с первых же дней управления министерством рассылал строгие предписания, требуя от председателей палат и прокуроров скорейшего решения дел, но и это приносило мало пользы.

Некоторые наиболее ловкие председатели палат находили своеобразные способы выхода из создавшегося положения. Так, П. М. Колмаков в очерке «Старый суд» приводит такой анекдотичный случай: «В одной уголовной палате замечена была страшная медлительность в ходе арестантских дел. Предписание за предписанием следовало одно за другим из министерства в палату о скорейшем решении дел. Спустя несколько времени после сего председатель этой палаты приезжает в Петербург и с ликующим лицом является к министру юстиции, докладывая, что все дела в его палате решены. «Как же вы это сделали?» — спросил министр. — «Я, ваше сиятельство, — ответил председатель, — воспользовался особым случаем. В нашем

губернском остроге содержится несколько весьма опытных чиновников: вот я и роздал им дела, — они мне живо написали все, что нужно». Министр юстиции Панин услышал это, всплеснул руками и удалился из приемной комнаты, не найдя ничего сказать».

В эти дела вмешивалось даже Третье отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Дело доходило до абсурда. Например, шеф жандармов Л.В. Дубельт в начале 1840-х годов в целях «понуждения и неотлагательного решения» волокиченных судебных дел командировал в судебные палаты жандармских офицеров, которым «вменил в обязанность не выезжать из города до тех пор, пока не будут решены все дела». Вот как описывает один из таких случаев Н.М. Колмаков: «Явился жандарм в палату и настойчиво требовал исполнения объявленного ему поручения. Председатель задумался как быть и что делать? Засим велел принести из канцелярии все дела. Потом взял одно дело и, поднеся его к своим глазам или, лучше сказать, к носу, объявил: решение суда утвердить, и положил его на правую сторону. Потом взял другое дело и, делая те же движения, заявил: решение суда отменить. Затем при тех же приемах начал быстро откладывать дела то направо, то налево, вскрикивая: утвердить, отменить и так далее. По окончании сего жандарм уехал с донесением, что все дела в палате решены».

О том, в каком положении находилось тогда правосудие, красноречиво свидетельствует и такой факт. В 1837 году, вследствие беспросветной волокиты, в обоих департаментах петербургского надворного суда был заменен весь личный состав. Из тех же судей и секретарей, по чьей вине накопилось большое число дел, образовали два новых департамента и им предложили окончить все дела в течение двух лет. Поскольку к этому сроку большинство дел так и не было решено, чиновникам прекратили выплачивать жалованье. Но и это не помогло. В 1841 году эти департаменты были обревизованы С.-Петербургским гражданским губернатором В.А. Шереметевым (в 1843 году он стал товарищем министра юстиции). Была раскрыта потрясающая картина беспорядков и злоупотреблений. В департаментах оставалась почти тысяча нерешенных дел, тянувшихся многие годы. Панин доложил о результатах ревизии Государственному совету и внес некоторые предложения по улучшению делопроизводства. Совет одобрил их, но вместе с тем вменил в обязанность министру удостовериться, «были ли со стороны губернского правления и губернского прокурора употреблены должные настояния к прекращению беспорядков и в случае безупешности таких настояний ограждали ли они себя от ответственности надлежащими донесениями по начальству».

Когда императору Николаю I стали известны результаты реформы, он собственноручно написал: «Неслыханный срам; беспечность ближнего начальства неимоверна и ничем не извинительна; Мне стыдно и прискорбно, что подобный беспорядок существовать мог почти под Моими глазами и Мне оставался неизвестным».

После этого Министерство юстиции приняло решение «оборвать» все подведомственные судебные места. Проверку в петербургских судах граф Панин проводил лично, а в девяти центральных губерниях — его заместитель Василий Александрович Шереметев. Общая ревизия других присутственных мест проводилась силами юридической консультации министерства и обер-прокурорами. Согласно поступившим от них отчетам, «произвол и небрежение правосудия достигли в некоторых судебных местах неимоверной степени».

Волюкита — это далеко не единственный бич царского правосудия. Произвол, неправый суд властвовали почти повсеместно.

В своей записке «Состояние государства в 1841 году», представленной Николаю I, генерал-адъютант П. Кутузов писал: «Неправда и угнетение везде и во всем: сильный делай, что хочешь, а слабый не смей на него жаловаться».

По мнению профессора М.П. Чубинского, в судах дореформенной России скрывалась вопиющая неправда, «обрушившаяся всей своей тяжестью на невинного и выгодная для тех виновных, которые, несмотря на массу косвенных улик, были нагл и тверды в записательстве».

До чего доходила вседозволенность властей свидетельствует такой факт. Однажды С.-Петербургский генерал-губернатор князь Суворов за незначительный проступок приказал арестовать всех членов коммерческого суда. После вмешательства министра юстиции Панина это абсурдное решение было отменено. Сам генерал-губернатор оправдывался перед министром тем, что «бумагу об арестовании членов суда подписал не читая».

В то время члены многих судебных мест служили по выбору. Министр юстиции Панин назначал чиновников лишь на некоторые должности по судебному ведомству. Оклады у судей и прокуроров были скудные. Весь бюджет Министерства юстиции составлял 3,5 млн рублей, причем на содержание всех судебных мест в империи и чинов прокурорского надзора отпускалось всего около 2 млн рублей. Председатели судебных палат и оберские прокуроры, например, получали в три раза меньше, чем председатели казенных палат. Не случайно поэтому в провинциях, и особенно в уездах, на должности судей, прокуроров и стряпчих попадали невежественные, безнравственные лица, иногда даже безграмотные.

Суды, как и все русское общество, глубоко погрязли во взяточничестве. Еще в начале 1820-х годов поэт К.Ф. Рылеев писал Ф.В. Булгарину: «В столицах берут только с того, кто имеет дело, здесь со всех: предводители, судьи, заседатели, секретари и даже копиисты имеют постоянные доходы от своего грабежа».

Не лучше было положение и в середине XIX века. И.С. Аксаков, например, писал своему отцу: «Вы не знаете, что такое провинция, когда в ином уездном городе от первого до последнего буквально все взяточники, да и в губернском городе, по совести, никому нельзя и руки подать». Аксаков признавал, что искоренение взяточничества «исправлением невозможно».

Да и высшее чиновничество считало, что без взяток жить невозможно. Сам министр юстиции граф Панин, составляя рядовую запись в пользу своей дочери в петербургском уездном суде, вынужден был, «в силу обычая», дать взятку (конечно, не лично, а через директора департамента Министерства юстиции М.И. Топильского) в размере ста рублей надсмотрщику, в руках которого находилось это дело.

А киевский генерал-губернатор Безак приказал сунуть за шиворот деньги чиновнику судебной палаты, отказавшемуся взять взятку за засвидетельствование доверенности.

Прокурорские органы в силу своего положения выгодно отличались от иных присутственных мест. Здесь было гораздо меньше злоупотреблений, больше дисциплины, порядка и ответственности. Однако надзор со стороны прокуратуры мало что мог изменить в лучшую сторону в российском судопроизводстве. Губернские прокуроры, не говоря уже о стряпчих, находились под жестким прессом местных властей, в первую очередь генерал-губернаторов, которые вершили все дела и утверждали приговоры судов.

Права и обязанности прокуроров и стряпчих дореформенной России регулировались отдельными указами и Высочайшими повелениями, а также инструкциями и распоряжениями генерал-прокурора. Тем не менее круг деятельности лиц прокурорского надзора в то время постоянно расширялся «подчинением их наблюдению новых установлений и увеличением их обязанностей по надзору за различными делами».

Прокурорский надзор разделялся на три так называемые «степени» или «ранга». Это, во-первых, генерал-прокурорский надзор, который осуществлялся в лице министра юстиции и его товарища; во-вторых, обер-прокурорский надзор при общих собраниях и департаментах Правительствующего сената. В середине XIX века при Сенате было 12 департаментов и три общих собрания. Первые пять департаментов, а также межевой и героль-

дии находились в Петербурге, три — в Москве, два — в Варшаве. Два департамента в Петербурге и один в Москве делились на отделения, в каждом из которых был свой прокурор. Всего же при Сенате было 16 обер-прокуроров. В-третьих, местный прокурорский надзор, состоявший из губернского прокурора, двух губернских стряпчих и уездного стряпчего (прокурора).

Исследователь истории царской прокуратуры (впоследствии министр юстиции) Н.В. Муравьев писал: «Всякая из этих степеней существует и действует отдельно; помимо общего подчинения прокурорских чинов генерал-прокурору, ни в постановке их должностей, ни в предметах и формах деятельности нет никакого единства и единообразия. Обер-прокурорский надзор, заключенный в пределах сенатской коллегии, преимущественно судебный; напротив того, губернский и уездный надзор имеет местное, провинциальное значение и содержит в себе много чисто административных элементов».

В местном прокурорском надзоре ключевой фигурой оставался губернский прокурор. В работе ему помогали губернские стряпчие для казенных и уголовных дел. В Петербурге и Москве вводились также должности стряпчих следственных дел (для расследования преступлений по должности). В Петербурге была установлена дополнительно и должность товарища губернского прокурора при городском полицейском управлении.

Прокуроры еженедельно посещали места заключения, наблюдали за правильностью содержания арестантов, присутствовали при продаже недвижимого имущества с публичного торга, при производстве «всяких от казны торгов и подрядов», участвовали в «свидетельстве казенного имущества», наблюдали, чтобы с «народа не были взимаемы сборы, законом не предусмотренные», рассматривали жалобы и доносы и вообще являлись, как отмечалось в законах, «взыскателями наказания и защитниками невинности».

Давая оценку деятельности дореформенной прокуратуры, замечательный русский юрист А.Ф. Кони писал о том, что «губернский прокурор и стряпчие в уездах были живым напоминанием закона и, во многих случаях, его обязательными истолкователями... История Министерства юстиции с тридцатых до шестидесятых годов представляет немало примеров энергичной борьбы губернских прокуроров с местными злоупотреблениями. Борьба эта не всегда была успешна, но уже самое возникновение ее, основанное на предписании закона, определявшего обязанности губернского прокурора, действовало благотворно, не говоря уже о тех случаях, когда последствием ее явились сенаторские ревизии, несшиеся, как грозовые тучи, на местность, пораженную правовую засухою».

Министр юстиции граф Панин умело подбирал чиновников в свой аппарат, а также прокурорских работников на местах. В то время назначение на эти должности не обставлялось никакими обязательными условиями. Важно было, чтобы чиновник, претендующий на место обер-прокурора Сената, губернского прокурора или стряпчего соответствовал общепринятым правилам о гражданской службе. По этой причине прокуроры фактически ничем не выделялись из общей массы российского чиновничества. Хотя и в меньшей степени, но все же они были носителями тех отрицательных качеств, которые имели чиновники середины XIX века. Достаточно вспомнить типы, выведенные Н.В. Гоголем или М.Е. Салтыковым-Щедриным. С конца 1840-х годов ситуация начала понемногу изменяться в лучшую сторону. На должности обер-прокуроров Сената или губернских прокуроров теперь стали чаще попадать люди высокообразованные, окончившие университетский курс, другие высшие учебные заведения. В систему Министерства юстиции направлялись, в частности, юноши, окончившие Императорское училище правоведения. Это привилегированное дворянское учебное заведение, открытое в 1835 году, стало подлинной кузницей квалифицированных кадров прокурорских и судебных работников. Многие лица, окончившие училище, впоследствии стали украшением российской прокуратуры и особенно громко заявили о себе после Судебной реформы 1864 года.

По мнению одного из воспитанников училища поэта А.М. Жемчужникова, в этом учебном заведении был «превосходный дух». Ученики получали великолепные знания, им прививалось чувство справедливости, законности, уважения к себе и другим лицам. Многие воспитанники познали здесь смысл великого назначения юриста в обществе. Они тянулись к литературе и искусству, сами начинали писать, что поощрялось наставниками. Не случайно среди окончивших училище было много не только великолепных юристов, но и выдающихся деятелей литературы и искусства.

Граф Панин, по свидетельству современников, был очень требовательным руководителем. Его биограф П.М. Майков писал: «Привыкнув смолоду сам все исполнять в точности и буквально, граф требовал и от служащих скорого и буквального исполнения всех приказаний и притом единственно во имя служебного долга, совершенно бескорыстно. Он умел сразу подмечать людей способных и талантливых, но зато и спрашивал с них больше и положительно заваливал их работою». При этом он не требовал соблюдения бюрократических формальностей, например, тщательной переписки бумаг, а довольствовался лишь тем, чтобы работа была четко написана.

Служба в Министерстве юстиции и Правительствующем сенате при графе Панине была исключительно тяжелой, а для людей мыслящих и к тому же независимых взглядов — и вовсе невыносимой. Аристократ по происхождению, он считался только с теми, кто принадлежал к так называемому высшему свету, на остальных же смотрел свысока, относя их к простолюдинам, а людей низших сословий вообще не воспринимал. Первые десять лет руководства министерством он еще как-то общался с подчиненными, в основном, вице-директорами департамента, начальниками отделений и правителями канцелярий, принимая от них доклады, давая поручения и тому подобное. Однако впоследствии все личные контакты его с подчиненными происходили почти исключительно через директора департамента М. И. Топильского. Даже из числа сенаторов он принимал у себя только равных по происхождению или положению.

Пожалуй, единственное исключение он делал для одаренной молодежи, особенно тех, кто окончил университеты, лицеи или Императорское училище правоведения. С ними он любил беседовать на отвлеченные темы, иногда даже приближал к себе, назначая на хорошие должности. Чаще всего молодые люди начинали служить дежурными во время приемов министра. В аппарате своего министерства Панин знал немногих. Некоторые чиновники, даже проработавшие в министерстве несколько лет, ни разу не видели его в глаза. Не был он лично знаком и с большинством губернских прокуроров, а уездных чиновников своего ведомства не знал вовсе. Назначение, в основном, шло по документам.

Панин любил переводить губернских прокуроров и других назначенных ему лиц с места на место, причем мог назначить кого-либо из них в самую отдаленную местность, не только не считаясь с их мнением, но даже не ставя предварительно в известность. Как он сам выражался, для того, чтобы они «не зажились и не засиживались в одной местности». Чиновник, назначенный от такого перевода, почти всегда немедленно являлся.

Панин сотрудников не ценил, мало заботился об устройстве жилища и быта. Лишь немногие в аппарате министерства и Правительствующем сенате удостоивались при нем установлением правительством почетных и денежных наград от правительства. Не менее таких лиц было в губерниях, и почти никого — в уездах. Высшей наградой для чиновника он считал изъявление какой-нибудь собственной письменной «признательности» за выполненную работу. Не случайно Н. П. Семенов в своих воспоминаниях о Панине отметил, что «в служебных отношениях с подчиненными он являлся совершенным деспотом».

П.В. Долгоруков в своих памфлетах «Петербургские очерки» так описывает события, связанные с освобождением Панина от должности министра: «Утром 20 октября (1862 г. — *Авт.*), в день, счастливый для всей России, граф Панин был вызван по телеграфу в Царское Село и после 15-минутного разговора с Его Величеством сложил свой портфель. Невозможно описать радость, которая при этом известии охватила Россию, избавившуюся наконец от подобного министра юстиции; в особенности ликовали чиновники Министерства юстиции и члены судебной магистратуры, освободившиеся наконец от ненавистного начальника. Все поздравляли друг друга, как по поводу всенародного праздника; некоторые чиновники и судейские в знак радости задали обеды друзьям, а мелкие писари побежали пить в кабаки на радостях, что отделались от начальника, длительное, суровое и нелепое управление которого уже получило в России название «панинщина». Думается, что П.В. Долгоруков был недалек от истины.

При графе Панине начал службу в системе Министерства юстиции выдающийся русский юрист, судебный деятель, историк искусства, почетный член двух российских академий — наук и художеств — Дмитрий Александрович Ровинский. Он родился в 1824 году в дворянской семье. По окончании в 1844 году курса наук в Императорском училище правоведения в звании титулярного советника был определен младшим помощником секретаря в канцелярии 7-го (Московского) департамента Сената. На следующий год — он уже старший помощник секретаря в канцелярии общего собрания Сената, а в 1848 году — исправляющий должность московского губернского казенных дел стряпчего. С этого времени Ровинский быстро повышается в чинах и должностях. В августе 1852 года он стал Московским губернским прокурором, получил чин коллежского советника, а вскоре и орден Св. Станислава 2-й степени. С 1862 года он был прикомандирован к государственной канцелярии, а вслед затем Высочайшим повелением назначен членом комиссии для составления Уставов гражданского и уголовного судопроизводства. Ровинский также был приверженцем введения в России суда присяжных. С сентября 1865 года — он вновь Московский губернский прокурор, а с открытием Московской судебной палаты стал прокурором палаты. В этой должности он оставался до 1868 года, когда был назначен председателем уголовного департамента палаты. Вскоре он стал сенатором уголовного кассационного департамента Сената, занимая эту должность четверть века. Страстный коллекционер и выдающийся искусствовед, он опубликовал много бесценных работ. Умер Ровинский в 1895 году.

В дореформенной России следствие по уголовным делам находилось почти повсеместно в руках полиции. Оно производилось нижними земскими судами, управами благочиния, другими присутствиями. Именно там состояли на службе чиновники, вершившие следственные дела: полицмейстеры, частные и следственные приставы и другие. По наиболее опасным преступлениям следствие поручалось особым чиновникам, командированным на места губернаторами или Министерством внутренних дел, и даже целым комитетам. Чаще всего следователями становились лица, прошедшие военную выучку.

Порядок производства следствия регулировался различными законодательными актами. Один из первых, наиболее полных сборников таких законов с необходимыми комментариями был подготовлен и выпущен в С.-Петербурге П.И. Ивановым в 1834 году. Он назывался «Следопроизводитель, или обозрение постановлений, руководствующих к познанию порядка производства исследования». Эпиграфом к своей работе Иванов взял мнение Государственного совета от 23 июля 1823 года: «Сколь ни было бы сильно подозрение против подсудимого, сколь ни убедительны доводы, его обвиняющие, но все сие не может основать справедливого приговора, если формы и обряды, для судопроизводства предписанные, были нарушены».

Дореформенное следствие многие современники оценили оппозиционно отрицательно. По мнению А.Ф. Кони, «следствие было в грубых и нечистых руках, а между тем составляло не только фундамент, но в сущности единственный материал для решения о деле». А вот еще одно мнение — Д.А. Ровинского, 10 лет проработавшего Московским губернским прокурором. Он отмечал, что особенностями полицейского следствия были «безотчетный произвол, легкомысленное лишение свободы, напрасное производство обысков, отсутствие всякой системы в действиях и раздувание дела».

Все недостатки полицейского следствия были настолько очевидны, что вопрос о реорганизации следствия возник давно. Еще Дашковым был составлен проект «Закона для следователей», который за подписью министра юстиции и его товарища В.Н. Панина был внесен на рассмотрение Государственного совета. Органом производства расследования по проекту оставалась полиция. Были в нем более ясные гарантии прав обвиняемых. Проект не прошел и был отложен до общего пересмотра уголовного законодательства. Когда Панин стал управляющим Министерством юстиции, он вновь решил дать ход этому проекту, предложив губернаторам и прокурорам представить на него свои замечания. Для более полного уяснения недостатков следствия он ввел в 1842 году ежегодную отчетность «О

производстве следствий». Отчеты выявили чудовищную волокиту. Например, в 1843 году остались неоконченными по Черниговской губернии с 1835 года 10 следствий, а одно тянулось вообще 28 лет. В Виленской губернии с 1832 по 1840 год расследовались 453 дела, в Орловской губернии — два дела были начаты еще в 1829 году, в Таврической губернии три дела тянулись 20 лет.

Вопрос о преобразовании следствия в России вначале рассматривался в комплексе мер по реорганизации всего уголовного судопроизводства. В 1858 году Панин представил императору доклад, в котором обосновывал выделение вопроса о следствии из общих работ и ускорении преобразования всей следственной части. На этот раз он согласился с мнением специалистов, считавших, что следствие необходимо отделить от полиции. Александр II согласился с предложениями министра. При Министерстве юстиции и Министерстве внутренних дел была образована комиссия для выработки соответствующих законодательных актов о следствии. Вскоре такие документы были подготовлены и представлены в Государственный совет, который одобрил их и высказал мнение об утверждении.

8 июня 1860 года Правительствующему сенату был дан Именной Высочайший Его Императорского Величества указ об учреждении в России судебных следователей. Впервые в Российской империи был принят четкий и ясный закон о предварительном следствии. В указе отмечалось: «Желая дать полиции более средств к успешному исполнению ее обязанностей, столь важных для порядка и спокойствия жителей всех состояний, и определить точнее свойство и круг ее действий, Мы признали за благо отделить от полиции вообще производство следствий по преступлениям и проступкам, принадлежащим рассмотрению судебных мест». В этом указе император повелел: отделить следственную часть от полиции во всех сорока четырех губерниях и назначить там особых, подведомственных Министерству юстиции чиновников для производства следствий, наименовав их судебными следователями. В обязанности полиции входили только исследования «маловажных» преступлений и проступков, которые предоставлены «разбору и суждению» самих полицейских властей, а также первоначальное дознание о происшествиях.

Император утвердил три документа: Учреждение судебных следователей, Наказ судебным следователям и Наказ полиции о производстве предоставляемых ей дознаний по происшествиям. На содержание судебных следователей назначалось каждому ежегодно по восемьсот рублей и сверх того по двести рублей на канцелярские и другие расходы. Распределение судебных следо-

инителей по губерниям было поручено Министерству юстиции по соглашению с Министерством внутренних дел.

Введение в действие новых законов о предварительном следствии потребовало от Министерства юстиции значительных трудов и усилий. Вскоре министерство столкнулось с тем, что местные власти явно недопонимали всей важности этого закона. С опубликованием указа Министерство юстиции немедленно составило «ропись», то есть штатное расписание, по шем 44 губерниям, причем за основу бралось количество уголовных дел, подлежащих судебному рассмотрению по каждому уезду. Поскольку трудно было точно установить нужное количество следователей для каждой губернии и уезда, начальникам губерний было предоставлено право увеличивать число следователей в том или ином уезде, не выходя из общей численности выделенных по губернии штатных должностей следователей. «Росписание» следователей было направлено на места при циркуляре от 26 июля 1860 года. Всего было распределено по губерниям 900 должностей следователей, а 93 — оставлены в резерве.

Циркуляром от 28 сентября 1860 года было предоставлено право начальникам губерний не ранее чем через шесть месяцев входить с представлением об увеличении в некоторых губерниях числа следователей. Тогда же была установлена для судебных следователей временная отчетность.

Наиболее сложным оказался вопрос о назначении конкретных лиц на должности судебных следователей. В Министерство юстиции вскоре стали поступать «формулярные списки» кандидатов на должности следователей. Рассмотрев эти документы, министерство пришло к убеждению, что «на дело о выборе судебных следователей губернское начальство смотрит слишком снисходительно». В отчете Министерства юстиции за 1860 год Панин писал по этому поводу: «Из рассмотренных формуляров оказалось, что начальники губерний, ссылаясь на недостаток молодых людей, юридически образованных, представили кандидатами на должности следователей людей, по большей части не получивших даже образования в средних учебных заведениях, а равно не представляющих собою ручательства в добросовестном исполнении столь важных и многосложных обязанностей, которые будут на них лежать по званию следователей. Лишь немногие по преимуществу были прежние становые пристава и квартальные надзиратели, и даже некоторые из них, бывшие под судом и следствием».

Об объеме деятельности судебных следователей свидетельствуют данные, опубликованные в отчетах Министерства юсти-

ции. В отчете за 1862 год отмечено, что по 44 губерниям России (444 уезда) работало 873 следователя. Наибольшее их число было в Киевской губернии — 33, Курской — 32, Пермской, Тамбовской и Черниговской — по 31. Меньше всего — в Астраханской — 7, Онежской — 9 и Архангельской — 1.

Следователями и следственными комиссиями было окончено в течение года более 85 тысяч следствий. По делам судебных следователей в качестве обвиняемых проходили 125 тысяч человек, из них почти 29 тысяч находились под стражей. В среднем на одного следователя в год приходилось 132 дела. Больше всего следствий было окончено в Киевской губернии — 4194, Черниговской — 3515, Нижегородской — 3480 и Тверской — 3366.

Панин был одним из первых министров юстиции, кто обратил пристальное внимание на устройство государственных архивов. В Москве в начале XIX века находились два архива при Правительствующем сенате: Разрядный и Старых дел, а также Вотчинного департамента. Во время Отечественной войны 1812 года, когда в Москву вступили полчища Наполеона, помещения архивов были превращены в казарму, а хранившиеся там документы выброшены во рвы, окружавшие Кремль. Впоследствии их собрали, но в большинстве своем бесценные документы оставались неразобранными и несистематизированными. В 1835 году министр юстиции Д.В. Дашков образовал особый комитет, которому вменил в обязанность «обозреть архивы, составить подробные описи, отделить документы, заслуживающие внимание, от прочих». Комитет работал до 1843 года. После его роспуска министр юстиции Панин назначил для организации работы с архивом особого чиновника, состоящего за обер-прокурорским столом П.И. Иванова. Под его наблюдением в течение нескольких лет архивы приводились в порядок. 7 июля 1852 года, по представлению Панина, император Николай I утвердил решение Государственного совета о создании Московского архива Министерства юстиции, в который влились также архивы Разрядный, Старых дел и Вотчинного департамента.

Первым директором архива стал действительный статский советник Петр Иванович Иванов. Он родился в 1794 году. Образование получил в Костромской гимназии. С 1818 года преподавал в Московском Алексеевском училище и одновременно посещал лекции на юридическом и словесном факультетах Московского университета. В 1824 году он стал помощником управляющего Московской удельной конторы, где служил почти девять лет. С 1833 года Иванов — член Вотчинного департамента, а с 1839 года — председатель Московской комиссии состав-

ления свода запрещений и разрешений на имена. Одновременно он вошел в состав комитета по обозрению архивов. Он сумел глубоко вникнуть в «порядок хранения дел в архивах». Наряду с практической работой занимался научной деятельностью, опубликовав несколько ценных работ, обративших на себя внимание министра юстиции Дашкова.

После того как комитет прекратил свое существование, Иванов получил должность инспектора сенатских архивов и одновременно чиновника, сидящего за обер-прокурорским столом. В 1852 году возглавил Московский архив Министерства юстиции.

П.И. Иванов является автором большого и интересного труда «Опыт биографий генерал-прокуроров и министров юстиции», опубликованного в 1863 году. Умер П.И. Иванов в 1864 году.

В январе 1857 года был образован Секретный комитет по крестьянскому делу под председательством императора Александра II, основной задачей которого являлась подготовка освобождения крестьян от крепостной зависимости. Спустя год он был преобразован в Главный комитет по крестьянскому делу. Его возглавил вначале князь А.Ф. Орлов, а затем великий князь Константин Николаевич. Соответствующие комитеты были созданы и в губерниях. Проекты, разрабатываемые на местах, рассматривались вначале двумя Редакционными комиссиями (искоре они фактически слились в одну, но название их во множественном числе осталось). На Главный комитет было возможно рассмотрение трудов и предложений Редакционных комиссий, занимавшихся выработкой непосредственно законов об освобождении крестьян. При Комитете существовала также Особая комиссия для предварительного обсуждения поступавших от губернских комитетов предложений и проектов. В эту Комиссию входили четыре человека: Я.И. Ростовцев, бывший одновременно и председателем Редакционных комиссий, М.И. Муравьев, С.С. Ланской и В.Н. Панин.

В феврале 1860 года скончался Ростовцев и граф Панин был назначен председателем Редакционных комиссий. С этого времени он фактически отошел от руководства Министерством юстиции (эти функции временно исполнял товарищ министра Д.Н. Замятнин).

После опубликования Манифеста от 19 февраля 1861 года, Высочайшим рескриптом на имя Панина было выражено «Высочайшее благоволение» всем членам Редакционных комиссий. Сам Панин был удостоен ордена Св. Андрея Первозванного.

Оценка «трудов» панинской комиссии крестьянами была не-

сколько иной — от глухой сдержанности и ропота до открытых выступлений, которые подавлялись вооруженной силой.

После обнародования Манифеста активизировалась работа по подготовке Судебной реформы. Осенью 1861 года, вернувшись из поездки в Крым, Александр II поинтересовался ходом работ о судебном преобразовании. Доклад не удовлетворил его, и в октябре того же года на Государственную канцелярию и «прикомандированных к ней юристов» была возложена задача подготовить на основе имеющихся проектов «основные начала», на которых должна строиться Судебная реформа. Общее руководство работами было возложено на Государственного секретаря В.П. Буткова. Значительный вклад в подготовку основополагающих документов внесли выдающиеся русские юристы С.И. Зарудный, К.П. Победоносцев, Н.И. Стояновский, Н.А. Буцковский, Д.А. Ровинский, И.Н. Даневский, А.М. Плавский, С.П. Шубин, А.Н. Вилинбахов.

Подготовленный ими документ вначале рассматривался в соединенных департаментах, а затем в общем собрании Государственного совета. Министр юстиции Панин, всегда выступавший против кардинальных преобразований законодательства о судеустройстве и судопроизводстве, убедился в бессмысленности отстаивания своих позиций и уже не возражал против предложенных новшеств и даже согласился с введением в России суда присяжных.

В сентябре 1862 года «основные положения» были утверждены Александром II и вскоре опубликованы. Для составления окончательных проектов Уставов о судеустройстве и судопроизводстве были образованы специальные комиссии, в которые вошли лучшие юридические силы Российской империи.

Вскоре после этого, 21 октября 1862 года В.Н. Панин «по расстроенному здоровью» был освобожден от должности министра юстиции с оставлением членом Государственного совета, непременным членом Главного комитета об устройстве сельских состояний и статс-секретарем императора. 27 февраля 1864 года он стал Главнoуправляющим Вторым отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Однако делами он почти не занимался, проводя большую часть времени за границей. 16 апреля 1867 года Панин был освобожден от должности Главнoуправляющего с вручением ему бриллиантовых знаков ордена Св. Андрея Первозванного. В декабре 1869 года, в связи с пятидесятилетним юбилеем служебной деятельности Панина, Александр II «пожаловал» ему украшенный алмазами свой портрет для ношения в петлице Андреевской ленты. 14 мая 1872 года В.Н. Панин был уволен

(по болезни в бессрочный отпуск) и с должности члена Государственного совета. Скончался в апреле 1874 года в Нише; похоронен в Троицко-Сергиевой пустыни недалеко от Петербурга.

Граф Виктор Никитич Панин вызывал неоднозначную, иногда прямо противоположную, оценку современников. Резко отрицательно отзывались о нем демократически настроенные деятели России. Часто острые стрелы отпускали в его адрес А.И. Герцен, другие революционные демократы. О его рассеянности, педантизме, высокомерии ходили в Петербурге легенды.

Приведем несколько высказываний человека, далекого от революционных кругов, князя П.В. Долгорукова, эмигрировавшего из России в 1859 году и одно время даже претендовавшего на пост министра внутренних дел. Он писал: «Всем известно, что Панин с подчиненными и с низшими — горд, недоступен, тяжел, крут и резок; с равными — тяжел, неприятен и лукав, а перед временщиками — невзирая на свой трехаршинный рост — вертляв, как собачонка... Это человек широкого образования, большой энергии и ума замечательного, но с ним часто бывают затмения, и ему то и дело изменяет здравый смысл. Он настоящий глава партии самодуров в России... Это ожесточенный враг всякого прогресса, энергичный защитник всех старых злоупотреблений, скрытый и влиятельный, пользующийся доверием советник, к которому прислушивается камарилья».

Современники почти всегда отмечали его образованность, профессионализм, широкий кругозор, работоспособность, твердость в отстаивании своего мнения, верность престолу и императору. Он иногда щедро жертвовал деньги на благотворительные цели, выдавал из своих средств пособия бедным чиновникам. Свою богатую библиотеку он пожертвовал Московскому Публичному и Румянцевскому музеям.

Хорошо знавший его Н.П. Семенов писал о нем: «Граф В.Н. Панин был человеком выдающимся во всех отношениях из ряда обыкновенных людей. Он был огромного роста, который как будто увеличивался еще от нестройности его фигуры (он был сутуловат); голос у него был внушительный бас, речь была плавная. Он обладал изумительным и чарующим красноречием, именно сжатостью выражения, красотой слова, удачным подбором эпитетов, сосредоточенностью мысли и ясностью того, о чем хотел говорить, так что, если бы стенограф записывал его речь, то конечно для печати почти не пришлось бы переставлять ни одного слова, тогда как его письменный слог не имел приблизительно и тех достоинств, которыми отличалась его устная речь... Память у него была необыкновенная. Об-

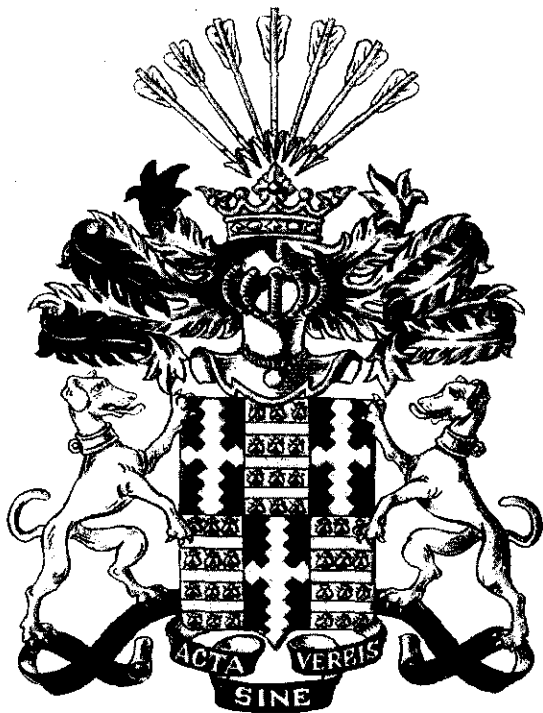
разование было классическое. Он обладал знанием обоих древних языков и легко усвоил себе первоклассные европейские языки. Его начитанность была обширная, преимущественно в области истории и изящной литературы. Всю жизнь он особенно интересовался внешней политикой».

Панин был человеком высокоэрудированным, он не замыкался в узких служебных рамках. Он был членом нескольких императорских обществ: Вольного экономического, Географического, Археологического, Истории и древностей. Интересовался литературой и даже сам опубликовал в 1867 году интересные материалы о княжне Таракановой, называющиеся «О самозванке, выдававшей себя за дочь императрицы Елизаветы Петровны».

Некоторые современники обоснованно считали, что граф В.Н. Панин принадлежал к числу тех государственных деятелей России, которые не проходят незамеченными среди современников и заслуживают памяти потомства.

Дмитрий Николаевич
ЗАМЯТНИН
1805—1881

«БОЕЦ ЗА СУДЕБНУЮ РЕФОРМУ»

Дмитрий Николаевич Замятнин родился 31 января 1805 года в родовом имении Пашигорове Горбатовского уезда Нижегородской губернии. Его отец, надворный советник Николай Сергеевич Замятнин, был женат на дочери капитана, Варваре Ивановне Граве. В семье Замятниных было пятеро детей: две дочери — Наталья и Любовь, и трое сыновей — Дмитрий, Павел и Сергей. Мать семейства умерла, когда Дмитрию шел пятый год.

Состояние Николая Сергеевича Замятнина было невелико, однако он все же сумел дать детям хорошее образование. В январе 1816 года Дмитрий и его младший брат Павел были приняты в пансион при Царскосельском лицее.

Пансион, где обучался Дмитрий, служил подготовительным отделением при лицее. Воспитанники изучали здесь французский, немецкий, английский, латинский и русский языки, закон Божий, историю; познавали основы чистописания и рисования; занимались танцами.

В 1817 году состоялся первый выпуск лицеистов, названный впоследствии «пушкинским», так как в числе окончивших лицей был великий русский поэт Александр Сергеевич Пушкин. На открывшиеся в лицее 25 вакансий, по решению конференции от 13 июня 1817 года, перевели наиболее способных воспитанников пансиона, в их числе и двенадцатилетнего Дмитрия Замятнина, «по оказанным им отличиям в науках и поведении».

С лицейских лет близкими друзьями Дмитрия Замятнина стали Федор Федорович Матюшкин, впоследствии знаменитый путешественник и исследователь северных берегов Восточной Сибири, контр-адмирал и сенатор, и Михаил Лукьянович Яковлев, поэт, композитор (сочинил много романсов, в том числе на стихи А.С. Пушкина и А.А. Дельвига) и усердный чиновник, начавший службу со скромной должности в Министерстве юстиции и достигший к концу жизни чина тайного советника и чина сенатора.

Дмитрий Николаевич окончил Царскосельский лицей с серебряной медалью. По рекомендации Е.А. Энгельгардта он в

августе 1823 года был зачислен на службу в Комиссию по составлению законов, которую в то время фактически возглавлял М.М. Сперанский. С образованием в 1826 году Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, занявшегося кодификацией законодательства, Замятнин был переведен туда на службу.

В Комиссии он первое время помогал бывшему профессору Царскосельского лицея Александру Петровичу Куницыну подбирать материалы, связанные с имущественным законодательством. Затем самостоятельно подготовил некоторые части гражданских законов, относящиеся к дарению и взысканиям. Во втором отделении ему поручили собирать многочисленные материалы по истории судебных мест начиная с 1649 года. Потом стали давать все более ответственные поручения. Замятнин подготовил для Свода законов разделы о ревизиях, о паспортах, о беглых, о колониях, о карательных постановлениях по выборной службе и другие.

За участие в составлении Свода законов Д.Н. Замятнин был награжден крупной суммой денег.

11 июля 1838 года Дмитрий Николаевич вступил в брак с двадцатипятилетней «премиленькой» фрейлиной Двора Ее Императорского Величества Екатериной Сергеевной Неклюдовой. От брака он имел пятерых детей: сына Сергея и дочерей Варвару, Екатерину, Ольгу и Анну.

1 января 1841 года Д.Н. Замятнин был переведен на службу в Министерство юстиции и назначен герольдмейстером. К этому времени он приобрел большой опыт в делах и уже обладал довольно обширными познаниями в самых различных отраслях права. Его записки по многим законодательным вопросам получали благоприятную оценку в Государственном совете и Правительствующем сенате.

В 1848 году Замятнина назначили членом Консультации, учрежденной при Министерстве юстиции. Это был очень высокий пост. Члену Консультации обычно поручались наиболее важные дела, требовавшие глубокого анализа ситуации и всесторонних знаний, ответственные ревизии и т.п.

Вскоре после этого Дмитрий Николаевич был переведен на должность обер-прокурора вначале 3-го, а затем 2-го департамента Правительствующего сената. В 1852 году он стал сенатором.

Новый виток служебной карьеры Д.Н. Замятнина начался с назначения его в мае 1858 года товарищем министра юстиции. Эту должность он занимал в течение четырех лет, причем почти два года из них фактически управлял Министерством юстиции во время частых и длительных отлучек В.Н. Панина.

Замятнин внес живительную струю в тяжелую и затхлую атмосферу министерских коридоров панинского времени. Он был полной противоположностью своему чванливому, высокомерному начальнику и сумел быстро завоевать расположение подчиненных простотой обращения, доброжелательностью, доступностью, спокойным и рассудительным тоном.

Один из чиновников министерства позднее рассказывал Г. А. Джаншиеву о своем впечатлении от первой встречи с Замятниным: «Вдруг видим симпатичного старика, в гороховом сюртуке, с сигарой во рту, расхаживающего между столами и запросто шакомашающегося с подчиненными, — это новый Товарищ».

В октябре 1862 года после отставки графа В. Н. Панина Д. Н. Замятнин был назначен управляющим Министерством юстиции, а 1 января 1864 года утвержден в должности министра юстиции и генерал-прокурора. Таким образом в судьбоносные для России годы, в период подготовки и проведения Судебной реформы, во главе министерства встал человек прогрессивных взглядов, обладавший большой эрудицией и высокими нравственными качествами. Перемены в министерстве не заставили себя ждать. Замятнин хорошо знал все тонкости и особенности ведомства, все его сильные и слабые стороны, и это очень помогало в работе.

Г. А. Джаншиев писал, что «с назначением Замятнина в Министерстве юстиции стал носиться иной дух, выработались иные порядки. После такого черствого, безжизненного бюрократизма, чиновника до мозга костей, каким был граф Панин, служивший истинным олицетворением бездушного формализма, вдруг занимает министерский пост человек мягкий, ласковый, приятный в обращении, доступный для всех».

Замятнин сразу же упростил обращение с подчиненными и приемными. Он ввел приемные часы «для личных объяснений», а правитель его канцелярии вообще принимал просителей в любое время, докладывая наиболее важные просьбы министру уже на следующий день. Дмитрий Николаевич любил напоминать сотрудникам, что «просителю, как бы больному, нужна помощь немедленная или объяснение, что ему помощь невозможна». Лично сам он никому и никогда не давал пустых широковещательных обещаний. Но если же решение вопроса зависело от него, то он делал все возможное, чтобы помочь человеку.

Служивший под началом Замятнина правитель канцелярии министерства, впоследствии сенатор, Дмитрий Борисович Беринский о нем: «Всегда спокойный, хладнокровный, чуждый мещанского самолюбия, он требовал серьезного отношения к делу. Он обладал особым умением выслушивать своих подчиненных.

Исполнитель, которому была поручена какая-либо работа, был уверен, что он всегда придет вовремя к своему начальнику и будет выслушан им без малейшей тени недовольства и досады, хотя бы он представлял свои соображения о невозможности исполнить данное приказание. Каждое малейшее сомнение обсуждалось, подвергалось строгой критике, весьма часто коллегиально, и дело от таких приемов выигрывало, притом же начальник этим приемом узнавал своих подчиненных. Это не было нерешительностью, а было, напротив, желанием отыскать правду, наилучшим образом осуществить ее и поставить дело на законную твердую почву».

Дмитрий Николаевич умело подбирал в свой аппарат толковых и инициативных работников. При этом он не принимал во внимание ни возраст, ни занимаемое тем или иным заинтересовавшим его человеком положение в судебной иерархии. Главные качества, которые он ценил в людях, — это отношение к делу, профессионализм и искреннее желание служить Отечеству. Он сумел сгруппировать вокруг себя способных людей, прозванных в министерстве «могучей кучкой».

С первых же дней управления министерством Замятнин стал наводить порядок. Особенно его волновало огромное количество нерассмотренных судами уголовных и гражданских дел. Продвигались они в судебных местах очень медленно. Из 598 тысяч дел, находившихся в судах, к концу 1862 года числились неразрешенными 182 тысячи, то есть почти треть. Не лучше было положение и в Правительствующем сенате, где из 40 тысяч дел не получили разрешения почти 9 тысяч. Отдельные дела тянулись по 10, 15 и даже 20 лет.

В ноябре 1862 года Замятнин направил для обревизования делопроизводства Правительствующего сената членов Консультации министерства М.Л. Яковлева, которого знал с лицейских лет, Д.Н. Карамзина (сына историка), Калачева и Меркуса. После ревизии дела в Сенате пошли гораздо быстрее.

По мнению Замятнина, серьезным препятствием к подбору толковых людей на судебные должности являлась практика замещения их по выборам. По этому вопросу он представил записку Александру II, которая слушалась в Комитете министров 5 сентября 1863 года. Министр сумел добиться Высочайшего соизволения на то, чтобы открывающиеся вакансии в судебных местах замещались только по его назначению.

Дмитрий Николаевич добился отмены принятого в 1858 году по инициативе министра внутренних дел закона о том, чтобы губернские и уездные стряпчие назначались на свои должности губернаторами. Это право вновь перешло к министру юстиции.

Д.Н. Замятнин вступил в управление Министерством юстиции в то время, когда после обнародования Манифеста 19 февраля 1861 года об освобождении крестьян от крепостной зависимости в Российской империи резко обострилась политическая ситуация. Волнения, начавшиеся в низах еще накануне издания Манифеста, не только не прекратились, но еще более нарастали. Они широко поддерживались революционными демократами, которые рассчитывали приблизить «аграрную революцию». В эти же годы разрасталось национально-освободительное движение в Польше, Литве, Белоруссии. Seriously беспокоили правительство становившиеся все более массовыми студенческие выступления. В Россию проникали из-за границы запрещенные издания, широко распространялись листовки, прокламации и воззвания.

В борьбе с революционно-освободительным движением правительство Александра II не могло опираться только на Третью отделение. В отличие от царствования Николая I в орбиту борьбы с политическими преступниками все более вовлекалось Министерство юстиции и органы прокуратуры. В мае 1862 года с Высочайшего соизволения была учреждена Следственная комиссия по делам о распространении революционных воззваний. Ее возглавил А.Ф. Голицын, которого А.И. Герцен за жестокость к политическим противникам назвал «отборнейшим инквизитором». В Комиссию входили представители Министерства внутренних дел, военного министерства, Третьего отделения, С.-Петербургского военного губернатора, столичный обер-полицеймейстер. От Министерства юстиции Замятнин направил туда обер-прокурора 4-го департамента Правительствующего сената М.Ф. Гедда. Комиссия начала свою работу довольно интенсивно. Только за первые четыре месяца своего существования она рассмотрела материалы в отношении 112 человек. Дела, законченные Комиссией, подлежали рассмотрению в судах в первую очередь, «дабы виновные получили следующее им по закону наказание сколь возможно скорее». С 1864 года Комиссию возглавил П.П. Ланской. Всего за девять лет существования она рассмотрела материалы в отношении трех тысяч человек, в том числе расследовала дела Н.Г. Чернышевского, Н.В. Щелгунова, Д.И. Писарева и многих других революционных демократов. В бытность свою министром юстиции Замятнин постоянно контактировал с этой Комиссией, высказывал свои мнения по различным делам.

Первым политическим процессом царствования Александра II стал процесс над известным поэтом и публицистом Михаилом Ларионовичем Михайловым.

Одновременно с делом Михайлова Д.Н. Замятнину пришлось заниматься организацией другого политического процес-

са — над двадцатилетним отставным гвардии поручиком Владимиром Александровичем Обручевым. Он был схвачен жандармами при распространении прокламации «Великорусс». Обручев вел себя на следствии и во время суда стойко и не назвал никого из лиц, причастных к напечатанию острой противоправительственной прокламации. Вопрос об авторстве «Великорусса» так и остался открытым. Даже позднее, в Сибири, куда был направлен Обручев, он отказался назвать автора прокламации в обмен на свободу. Более того, верный данному им слову, даже спустя сорок лет, публикуя свои воспоминания о процессе, так и не открыл имени человека, передавшего ему прокламацию.

Обвинять Обручева в этом деле Д.Н. Замятнин поручил обер-прокурору Я.Я. Чемадунову. Обручев был осужден к пяти годам каторжных работ, а студентов приговорили к незначительным наказаниям за участие в студенческих волнениях.

Политические процессы после этих дел организовывались один за другим. У Министерства юстиции и непосредственно у Замятнина это отнимало уйму времени. Высочайше учрежденная Следственная комиссия тоже работала напряженно. В июне 1862 года был арестован революционный демократ и писатель Н.Г. Чернышевский. Вследствие отсутствия прямых улик против него дело тянулось очень долго. Только в мае 1863 года дело поступило в 1-е отделение 5-го департамента Правительствующего сената. Сенатскую комиссию возглавил Корниолин-Пинский. Приговор до его подписания был направлен на согласование в Министерство юстиции. Там предложили внести небольшие коррективы, не меняя его сути. 5 февраля 1864 года Сенат огласил приговор в окончательном виде.

Н.Г. Чернышевский направлялся на каторжные работы сроком на 14 лет. Александр II, уже традиционно, сократил их наполовину.

Заботы по наведению порядка в деятельности судебных и прокурорских органов, организация политических процессов все же не могли заслонить собой главного дела в жизни Д.Н. Замятнина, которому он отдавал всю свою энергию и весь пыл своего сердца, — участия в подготовке и проведении Судебной реформы.

Работа проводилась Государственной канцелярией с участием лучших юристов страны: В.П. Буткова, С.И. Зарудного, Н.И. Стояновского, Д.А. Ровинского, Н.А. Буцковского, К.П. Победоносцева и других.

Основные положения Судебной реформы были опубликованы и впервые широко обсуждались в обществе. Затем комиссия

под руководством Буткова приступила и к разработке Судебных уставов.

В декабре 1863 года Бутков официально направил министру юстиции Д.Н. Замятнину проекты Судебных уставов. В соответствии с Высочайшим повелением министерство должно было представить свои замечания по этим проектам в Государственный совет. Со своей стороны Замятнин получил согласие императора на то, чтобы представлять в Государственный совет как письменные, так и устные замечания, чтобы все материалы поступили также на заключение обер-прокуроров и сенаторов как «лиц, обладающих обширными юридическими познаниями и практической в судебных делах опытностью» и, наконец, чтобы его товарищ Стояновский присутствовал на всех заседаниях Государственного совета и имел право «представлять свои объяснения по проектам».

Д.Н. Замятнин близко к сердцу принял дело великой реформы. Вот что писал по этому поводу А.Ф. Кони: «Когда повеяло новым духом и вокруг Замятнина заговорили о необходимости реформы, он чуткой совестью почувствовал и здравым умом ясно представил себе, в чем должна состоять его задача, и, несмотря на влиятельные предостережения из среды «умеренности и аккуратности», решительно склонился в сторону смелого проведения в наш суд широких и новых начал... По трудным и новым вопросам реформы он прямодушно пользовался советами и указаниями счастливо сгруппированных им около себя честных и знающих подчиненных и сотрудников. Далекий от ложного самолюбия и не боясь уронить свое официальное достоинство, он, действуя таким образом, давал своим противникам повод злобно заявлять, что он «дает себя начинать департаментским либералам». В этом умалении своего министерского «я», в готовности участия, как надо служить делу, благому значению которого веришь, состоит высокая заслуга Замятнина пред выработкою основоположений русского правосудия».

Проекты Судебных уставов и замечания на них рассматривались в Государственном совете до 2 октября 1864 года. В начале ноября они были одобрены Общим собранием Совета. 20 ноября 1864 года последовал Высочайший указ, в котором отмечалось: «Рассмотрев сии проекты, Мы находим, что они вполне соответствуют желанию Нашему водворить в России суд скорый, правый, милостивый, равный для всех подданных Нашних, возвысить судебную власть, дать ей надлежащую самостоятельность и вообще утвердить в народе то уважение к закону, без коего невозможно общественное благосостояние и которое можно быть постоянным руководителем действий всех и каждого, от высшего до низшего». Указ заканчивался так: «Призы-

вая благословение Всевышнего на успех этого великого дела, Мы радостно выражаем надежду, что намерения Наши осуществятся при ревностном содействии наших верноподданных, как каждого отдельно в кругу личной его деятельности, так и в совокупном составе обществ, сословий и земства, ныне, по воле нашей, на новых началах образуемого».

Судебные уставы включили в себя четыре основных закона: Учреждение судебных установлений, определяющее порядок судоустройства, Устав гражданского судопроизводства, Устав уголовного судопроизводства и Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, своеобразный кодекс о незначительных уголовных и административных правонарушениях.

19 октября 1865 года император подписал указ Правительствующему сенату о введении уставов в округах С.-Петербургской и Московской судебных палат в течение 1866 года. Наряду с этим он утвердил Положение о введении в действие Судебных уставов, а также временные штаты кассационных департаментов Правительствующего сената и судебных установлений в округах С.-Петербургской и Московской судебных палат.

Судебная реформа коренным образом изменила судоустройство, процессуальное и, в определенной части, материальное право Российской империи. Составной частью реформы стало и преобразование прокурорского надзора.

В Учреждении судебных установлений прокурорскому надзору посвящен третий раздел, озаглавленный «О лицах прокурорского надзора». Статья 124 устанавливала: «Прокурорский надзор вверяется обер-прокурорам, прокурорам и их товарищам под высшим наблюдением министра юстиции как генерал-прокурора». Прокуроры учреждались при всех судебных палатах и окружных судах. Обер-прокуроры состояли при кассационных (уголовном и гражданском) департаментах Правительствующего сената и Общем собрании Сената. Закон устанавливал, что «при заявлении судебным местам своих по делам заключений лица прокурорского надзора действуют единственно на основании своего убеждения и существующих законов».

Закон от 7 марта 1866 года устанавливал, что по мере упразднения должности губернских и уездных прокуроров и стряпчих, существующий надзор со стороны должностных лиц ведомства Министерства юстиции за губернскими, городскими и уездными установлениями прекращается.

Не все прогрессивные юристы были согласны с ликвидацией губернской прокуратуры. Вот что писал по этому поводу А.Ф. Кони: «Должность эта (губернского прокурора. — Авт.), составляя наследие петровских времен и одно из лучших украшений екатерининских учреждений, имела огромное значение

в нашем дореформенном строе. Упразднение связанных с нею прав и обязанностей по надзору за ходом не судебных дел следует признать большою ошибкою составителей Судебных уставов. Совершенное изменение в характере деятельности прокурора, придавая ему «обвинительную обособленность», может быть, и выходило красивым с теоретической точки зрения, но противоречило условиям нашей административной жизни и шло вразрез с внутренними потребностями нашего губернского строя. В торопливом осуществлении страстного желания поскорее расчистить для новых насаждений место, поросшее бурьяном и полусгнившими деревьями, был срублен дуб, стоявший на страже леса...»

После утверждения императором Александром II Судебных уставов перед Министерством юстиции встала важная и ответственная задача — подготовка к открытию С.-Петербургской и Московской судебных палат и окружных судов. Время было крайне ограничено, работы же предстояли большие: подбор лиц на судебные и прокурорские должности, наблюдение за формированием списков лиц, подлежащих избранию в мировые судьи, и списков присяжных заседателей, открытие комитетов для принятия прошений о поступлении в присяжные поверенные и рассмотрение этих ходатайств, подыскание удобных помещений для новых судебных установлений, составление правил о денежной отчетности судов, снабжение судебных мест экземплярами свода законов и другими законодательными актами и т. д.

Д.Н. Замятнин сумел подобрать на новые должности, особенно председателей судов и прокуроров, значительное число квалифицированных юристов, и что самое главное, — людей с высокими нравственными качествами, беззаветно преданных делу Судебной реформы. Многие из них стали украшением российской юстиции.

Бер, например, вспоминал, как незадолго до открытия С. Петербургской судебной палаты Замятнин был весьма озабочен «приисканием» достойной кандидатуры на должность председателя окружного суда. Однажды он зашел в Петербургскую палату гражданского суда и был буквально «очарован» председателем департамента Георгием Николаевичем Мотовиловым. Он сразу же остановил на нем свой выбор. Г.Н. Мотовилов родился в семье потомственных дворян Симбирской губернии. После окончания в 1853 году курса наук в Императорском училище правоведения был определен на службу в канцелярию 4-го департамента Сената. В 1858 году он стал чиновником по особым поручениям Министерства юстиции, а через год назначен товарищем председателя 1-го департамента Петербургской палаты гражданского суда; затем стал председателем

2-го департамента этого суда. 4 февраля 1866 года, по представлению Замятнина, был назначен председателем С.-Петербургского окружного суда.

Одними из первых обер-прокурорами кассационных департаментов Правительствующего сената были назначены: уголовного — М.Е. Ковалевский, гражданского — Фон-Дервиз.

Михаил Евграфович Ковалевский родился в 1829 году. Двадцатилетним юношей после окончания Императорского училища правоведения он начал служить на канцелярских должностях в Сенате, затем занимал в Петербурге ряд судебных должностей, а в 1857 году стал председателем палаты уголовного суда. С 1862 года он — в комиссии по выработке основ судебной реформы, а с образованием кассационных департаментов в Сенате стал обер-прокурором. В 1870—1881 годах он был сенатором, а с 1881 года — членом Государственного совета. Умер М.Е. Ковалевский в 1884 году.

Первым прокурором С.-Петербургской судебной палаты стал Я.Я. Чемадуров, а Московской судебной палаты — Д.А. Ровинский.

Дмитрий Александрович Ровинский принадлежал к числу наиболее выдающихся деятелей русского прокурорского надзора. Он принимал самое деятельное участие в разработке судебных уставов. Ровинский родился в 1824 году в семье смоленского дворянина. После окончания Императорского училища правоведения служил в Сенате. Однако вскоре он выдвигается на довольно высокую должность московского губернского казенных дел стряпчего, затем становится товарищем председателя Московской уголовной палаты. В 1852 году был назначен Московским губернским прокурором. 4 февраля 1866 года Д.А. Ровинский получил новое назначение — прокурора только что образованной Московской судебной палаты. «Трудно было сделать лучший и более подходящий выбор, — писал А.Ф. Кони. — Вся его прежняя служба, вся его недавняя судебно-законодательная деятельность, наконец, самая личность бывшего губернского прокурора — энергичная, близкая Москве, исполненная понимания народной жизни и общественных потребностей — все говорило за это назначение, подсказывало, предписывало его».

Но Дмитрий Александрович был не только виднейшим юристом своего времени, много сделавшим вместе с Д.Н. Замятниным для развития судебной реформы. Это был одареннейший человек, проявивший себя во многих сферах жизни. У него на все хватало времени. И при этом он все делал профессионально и на совесть. Но более всего, наверное, Фемида могла его ревновать к Аполлону и музе истории Клио. Ведь Ро-

инский был автором многих капитальных трудов по истории искусств.

Из жизни Дмитрий Александрович ушел 11 июня 1895 года. Память о себе оставил большую и светлую. Его высоко ценили современники. Он был избран почетным членом Российской Академии наук и почетным членом Российской Академии художеств. Но ценили и любили его еще и за высокие человеческие качества и нравственные идеалы, которым он был верен всегда.

...К весне 1866 года все подготовительные работы по устройству новых судов были завершены. 14 апреля император Александр II лично посетил здание С.-Петербургской судебной палаты. Д.Н. Замятнин представил ему недавно назначенных судебных деятелей. После осмотра здания, на встрече с судьями и прокурорами, император сказал: «Я надеюсь, господа, что вы оправдаете оказанное вам доверие и будете исполнять новые ваши обязанности добросовестно, по долгу чести и верноподданнической присяги, что, впрочем, одно и то же. Итак, в добрый час, начинайте благое дело».

Через два дня здание С.-Петербургских судебных установлений было освящено. 17 апреля 1866 года в столице состоялось торжественное открытие новых судов.

Впоследствии Дмитрий Николаевич не раз повторял, что это был лучший день в его жизни. Современники отмечали, что в тот день погода в столице была ужасная. С утра зарядил снег с дождем, налетал порывистый холодный ветер. Нева снова покрылась тонким слоем льда. Однако даже непогода не могла испортить общего приподнятого и радостного настроения собравшихся. Товарищ министра юстиции Н.И. Стояновский зачитал Высочайшее повеление об открытии новых судов. Затем был оглашен список вновь назначенных судебных деятелей. После этого Д.Н. Замятнин произнес небольшую речь.

А.Ф. Кони, присутствовавший на этих торжествах, отмечал: «Около часу дня с горельефа над воротами старого арсенала была снята завеса, и слова «правда и милость да царствуют в судах» впервые заблистали своими золотыми буквами над входом в новый суд».

С такой же торжественностью были открыты 23 апреля 1866 года и Московские судебные установления. На открытие прибыли все высокопоставленные чиновники старой столицы. В числе дня появился министр юстиции Д.Н. Замятнин. Он огласил Высочайшее повеление об открытии новых судов, поздравил собравшихся с вновь назначенными судебными и прокурорскими работниками и обратился к ним с приветственной речью. Затем епископ Леонид отслужил благодарственный мо-

лебен, и публика отправилась осматривать помещения. В этот же день открылось и первое распорядительное заседание судебной палаты.

В ноябре и декабре того же года были открыты все 14 окружных судов округов С.-Петербургской и Московской судебных палат. Новые суды почти сразу же завоевали глубокое и искреннее доверие и уважение самой широкой общественности. Многие газеты с восторгом писали об их деятельности, освещали первые гласные судебные процессы. Публика забивала залы судебных заседаний до отказа.

4 апреля 1866 года в Петербурге произошло событие, всколыхнувшее всю Россию. В самом центре столицы, у решетки Летнего сада, неизвестный молодой человек, стоявший в толпе, стрелял в императора Александра II. Террориста доставили в Третье отделение, где подвергли интенсивному допросу. Вскоре выяснилось, что покушался на императора двадцатипятилетний студент Московского университета Дмитрий Владимирович Каракозов, происходивший из мелкопоместных дворян Саратовской губернии.

Д.Н. Замятин с особой болью воспринял известие об этом покушении. С такими трудностями проходила подготовка к открытию новых судебных установлений, столько пришлось преодолеть препятствий, такую колоссальную работу выполнить — и все это теперь находилось под угрозой срыва. Однако с присущим ему оптимизмом министр юстиции в узком кругу часто повторял: «А все-таки новые суды будут в назначенное время открыты». И он не ошибся в своих предположениях.

После допроса Каракозова дело о нем передали в Следственную комиссию П.П. Ланского. Комиссия приступила к расследованию, однако уже через несколько дней Александр II, обеспокоенный ее пассивностью, сместил Ланского с поста председателя, заменив его М.Н. Муравьевым, имевшим прозвище «вешатель» за жестокое подавление национально-освободительного движения в Литве.

28 июня был дан указ Правительствующему сенату об учреждении на основании статьи 1062 Устава уголовного судопроизводства Верховного Уголовного Суда под председательством князя П.П. Гагарина. Членами суда стали принц П.Г. Ольденбургский, действительные тайные советники В.Н. Панин, А.Д. Бушницкий, М.М. Корниолин-Пинский и адмирал Н.Ф. Метлин. Обязанности прокурора исполнял генерал-прокурор Д.Н. Замятин. Секретарем был назначен Я.Г. Есипович.

Дмитрий Каракозов был предан Верховному Уголовному Суду. Подсудимые первой группы И.А. Худяков, Н.А. Ишутин, П.Д. Ермолов, Н.П. Странден и Д.А. Юрасов обвинялись в том,

что они знали о намерении Каракозова совершить цареубийство и принадлежали к революционной организации, А.А. Кобылин — в том, что знал о намерении Каракозова.

Подсудимым было предложено избрать себе адвокатов. Хуляков, Ишутин, Юрасов, Загибалов воспользовались этим правом. Остальные заявили, что доверяют сделать это суду. Д.В. Каракозову был назначен адвокат А.П. Остряков.

На этот процесс впервые в истории судопроизводства Российской империи был приглашен стенограф В.А. Соболевский.

18 августа 1866 года началось слушание дела в отношении 11 подсудимых. Процедура была такова. В зал заседания вводили подсудимого, зачитывали обвинительный акт, затем допрашивались подсудимый и свидетели.

Первым ввели Каракозова. После оглашения обвинительного акта председатель князь Гагарин сказал: «Каракозов обвиняется в преступлении — покушении на жизнь государя императора». Обращаясь к подсудимому, спросил: «Сознаетесь ли вы в этом преступлении?»

Каракозов ответил: «Я вашему сиятельству могу объяснить то же самое, что я объяснял уже членам комиссии, то есть, что если судить по самому факту совершившегося преступления, то, конечно, если есть факт, то есть и преступление, но если разобрать причину, откуда вытекает факт, тогда объяснится, что в самом факте несколько нет преступления, тогда объяснится, что преступление есть следствие причин органических. Но как Верховный Уголовный Суд отказался истребовать свидетелей для удостоверения моего ненормального положения, то, конечно, ничего больше не остается, как признать факт преступления».

После этого ответа, по предложению князя Гагарина, было прочитано заключение из истории болезни Каракозова. Затем председатель объяснил Каракозову, что поскольку имеется заключение о «нормальности» состояния его здоровья, а «нервное, раздражительное состояние не входит в число причин невинности», то суд и «не обратил внимания» на его ходатайство. Каракозов продолжал настаивать на том, что «нервное состояние его было расстроено».

Заметив, что насчет нервного состояния подсудимому уже даны разъяснения, Гагарин спросил Каракозова, сознает ли он себя виновным. Каракозов сказал: «Факт преступления я сознаю, но сознаю также, что болезненное мое состояние было важной причиной, побудившей меня совершить преступление»...

31 августа на очередном заседании Замятнин произнес обвинительную речь в отношении Каракозова.

Замятнин предложил Верховному Уголовному Суду приговорить Каракозова к лишению всех прав и смертной казни. Защитник Каракозова Остряков в своей речи просил суд сохранить жизнь своему подзащитному.

Затем Замятнин произнес речь в отношении одного из основных соучастников Каракозова, двадцатипятилетнего ординатора 2-го военно-сухопутного госпиталя Александра Александровича Кобылина.

Согласно обвинительному акту Кобылин знал о преступном намерении Каракозова «покуситься на жизнь государя императора» и способствовал его замыслу тем, что дал Каракозову яд, который тот должен был принять после покушения. Об этом Каракозов заявлял как во время следствия, так и на суде.

Кобылин категорически отвергал эти обвинения.

Все это побудило генерал-прокурора Замятнина сказать в своей речи: «Неопределенность объяснений Каракозова, с одной стороны, а с другой, положительное возражение Кобылина приводит меня к убеждению, что Каракозов в отношении Кобылина не говорил на суде правды. По всем сим основаниям, признавая, что сделанный Каракозовым на Кобылина оговор не подтвердился, я, со своей стороны, не нахожу возможным поддерживать то обвинение, которое высказано относительно Кобылина в обвинительном акте, о чем, на основании 740 статьи Устава уголовного судопроизводства, имею честь, по совести, заявить Верховному Уголовному Суду».

В тот же день Верховный Уголовный Суд вынес Д.В. Каракозову смертный приговор.

А.А. Кобылин судом был оправдан.

3 сентября 1866 года приговор в отношении Каракозова был приведен в исполнение. Об этом составлен следующий протокол: «1866 года сентября 3 дня, в 7 часов утра, в исполнение приговора Верховного Уголовного Суда о государственном преступнике Каракозове, преступник этот был доставлен на Семеновское поле. Министр юстиции, распорядившись исполнением приговора, поручил сопровождавшему его на основании 3-го п. 963 ст. Устава уголовного судопроизводства секретарю Верховного Уголовного Суда прочесть приговор во всеулышание. После прочтения приговора преступник был возведен на эшафот палачами, которые совершили над ним смертную казнь повешением».

Министр юстиции Дмитрий Замятнин.

Секретарь Верховного Уголовного Суда Есипович».

После казни Каракозова Верховный Уголовный Суд продолжил свои заседания. Судебное разбирательство для второй группы подсудимых продолжалось с 7 по 12 сентября 1866 года.

Прения сторон — с 21 по 23 сентября. 24 сентября суд вынес приговор, который 1 октября был объявлен подсудимым.

После открытия новых судов в Петербурге и Москве Д. П. Замятнин не смог долго удерживать за собой пост министра юстиции и генерал-прокурора. Самостоятельный и независимый суд устраивал далеко не всех в правительстве Александра II. Переход от старых порядков к новым оказался слишком резким и крутым. Исполдволь начались нападки не только на недавно зародившиеся судебные установления, но и на одного из активнейших проводников Судебной реформы — Д. П. Замятнина. По мнению Г. А. Джаншиева, проведение Судебной реформы делало деятельность Замятнина «неприятной и даже ненавистой» для партий, враждебных реформам. Особенно наглядно это проявилось при рассмотрении новыми судами дел о печати.

Власти, недовольные многими резкими выступлениями газет и журналов, возбуждали через полицию и прокурорский надзор дела против прогрессивных редакторов и журналистов. Замятнин же зачастую отвергал обвинения. От Замятнина требовали принятия мер против судей, которые исполняли свои обязанности честно и бескомпромиссно. Шло прямое наступление на независимость судей.

16 апреля 1867 года Замятнин был отправлен в отставку. Первые годы он был членом Государственного совета, входил в особую комиссию для рассмотрения отчетов по Министерству юстиции и кассационным департаментам Сената.

Всю свою жизнь Замятнин оставался приверженцем Судебной реформы.

Г. А. Джаншиев писал о нем: «Однажды поняв великое значение гуманных и либеральных основ Судебной реформы, он начал ей так, как умеют отдаваться подобные натуры, то есть всю жизнь и навсегда;... он сделался их горячим сторонником, пространителем, а впоследствии бойцом за Судебную реформу... Как бы то ни было, благодаря частью личным своим усилиям, а главным образом благотворному влиянию либеральных течений начала прошлого царствования, Замятнин стался как бы знаменем для Судебной реформы и оставался им до конца своей жизни».

Д. П. Замятнин держал в Государственном совете «упрямую оппозицию» консервативным проектам графа Палена, которые он вносил под благовидным предлогом «улучшения Судебных уставов по указаниям опыта». Во многом именно благодаря ему в первые годы после утверждения Судебных уставов не произошло «шлольное обезображены стараниями необузданной реакционной». Так, в 1878 году Замятнин резко выступил против проек-

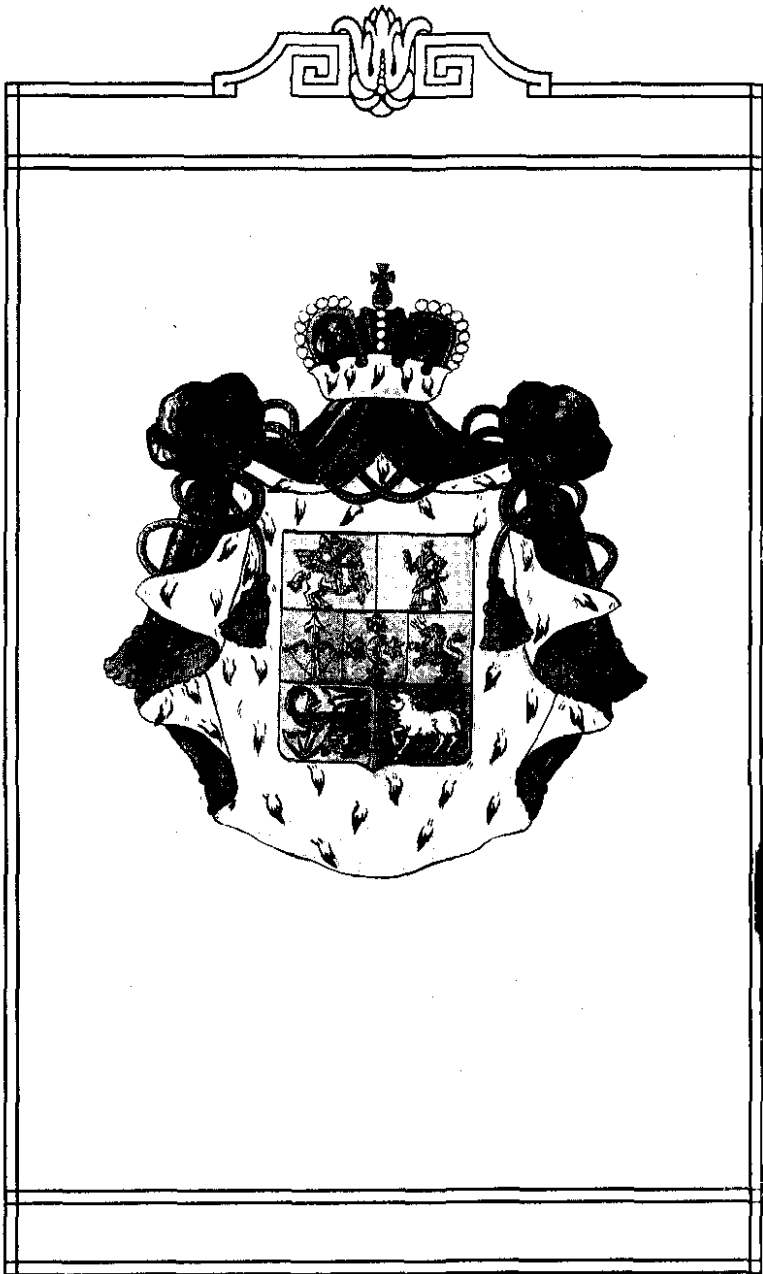
та Палена, в котором фактически предлагалось упразднить суд присяжных и уничтожить независимость адвокатуры.

В 1877 году Замятнин был награжден орденом Св. Владимира 1-й степени, а в 1881 году назначен председателем департамента гражданских и духовных дел Государственного совета.

Д.Н. Замятнин скончался 19 октября 1881 года. Г.А. Джаншиев писал позднее: «Славные деятели Судебной реформы один за другим сходят со сцены. Нет уже в живых ни князя Гагарина, ни Буткова, ни Буцковского, ни многих других их доблестных товарищей. Самая свежая потеря была в прошлом году. Не стало 19-го октября и первого генерал-прокурора новых судебных учреждений Д.Н. Замятнина; ему в значительной степени обязана своим существованием Судебная реформа, великими благами которой, почти бессознательно, мы теперь пользуемся».

Сергей Николаевич
УРУСОВ
1816—1883

«ОБЛАДАЛ БОЛЬШИМ ОПЫТОМ»

Сергей Николаевич Урусов (1815—1883 гг.) принадлежал к старинному княжескому роду, своему свое начало от одного из основателей Ногайской орды — Енисея Мангита. Непосредственным же основоположником же считался ногайский князь Урус Магмет Айдарович (по различным книгам значился как Уруслан), который переселился в Россию и в 1600 году получил от царя Бориса Годунова во владение город Касимов. Отец С.Н. Урусова, Николай Юрьевич достиг генерал-майорского чина. Он умер, когда Сергею было всего пять лет. Мальчик воспитывался матерью, Ириной Григорьевной, урожденной Хитровой.

Получив превосходное домашнее образование, семнадцатилетний С.Н. Урусов в 1832 году начал свою службу в канцелярии Московского губернатора. Вскоре он выдержал испытания в Московском университете «в науках, составляющих курс юридического факультета» и получил право на производство в высший чин по гражданскому ведомству. После этого он продолжил службу в канцелярии губернатора, причем молодого и бойкого чиновника нередко использовали для производства следствий по уголовным делам. В 1838 году, получив чин губернского секретаря, он переводится во Второе отделение Собственной Императорского Величества канцелярии, где прослужил на этих чиновничьих должностях пять лет. После этого он был переведен к департаменту Министерства юстиции, занимаясь исключительно делами Московского сенатского архива.

В 1845 году тридцатилетний князь С.Н. Урусов получил наконец более или менее солидное назначение — исправляющего должность обер-секретаря 8-го департамента Правительствующего сената. В феврале 1852 года его утвердили в этой должности, а также и пожаловали в камер-юнкеры Двора Его Величества.

Своими чиновничьими навыками Урусов овладел в совершенстве. По словам А.Ф. Кони, «умел с одинаковой ловкостью изложить по одному и тому же делу мнение большинства и меньшинства сенаторов и согласительное предложение обер-проку-

С этого времени Урусов довольно быстро продвигается в чинах и должностях. Через несколько лет сметливого чиновника определили за обер-прокурорский стол, и он даже некоторое время исполнял обязанности обер-прокурора в 7-м департаменте Сената.

В 1858 году, когда начались подготовительные работы по освобождению крестьян от крепостной зависимости, князь С.Н. Урусов, с разрешения Министерства юстиции, был включен («по выбору от дворянства») в члены Комитета по улучшению быта помещичьих крестьян по Московской губернии.

Вскоре после этого император Александр II назначил князя Урусова директором духовно-учебного управления при Святейшем синоде. Свои директорские обязанности он совмещал с членством в главном управлении цензуры духовного ведомства. Вместе с новыми назначениями ему был «пожалован» чин действительного статского советника, а спустя несколько месяцев — и звание камергера Двора Его Величества.

В 1861 и 1862 годах князь Урусов временно исполнял должность товарища обер-прокурора Святейшего синода; тогда же он стал и статс-секретарем императора, а в 1864 году произведен в тайные советники и утвержден в должности товарища обер-прокурора Святейшего синода. Наряду с этим он продолжал руководить духовно-учебным управлением. В том же году С.Н. Урусов уже сенатор, а в 1865 году — государственный секретарь. Кроме того, он еще и временно исполнял должность главноуправляющего Вторым отделением.

Несмотря на чрезвычайную занятость и постоянное совмещение ответственных постов, князь Урусов успевает много и плодотворно трудиться в целом ряде обществ и комитетов. Трудоспособность его была поразительной. В частности, он являлся членом совета так называемого Императорского человеколюбивого общества, которое занималось обширными благотворительными делами. Общество содержало большое количество школ, богаделен, приютов, больниц, институтов слепых, домов дешевых квартир, столовых, мастерских и тому подобных учреждений в Петербурге, Москве и других городах империи.

Кроме того, Урусов состоял также членом Комитета призрения заслуженных гражданских чиновников, ведавшего назначением пенсий и пособий отставным чиновникам, «впавшим на службе в неизлечимую или тяжкую болезнь», а также их вдовам и детям.

В 1867 году князь С.Н. Урусов был назначен главноуправляющим Вторым отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии, с освобождением его от должности государственного секретаря.

В апреле 1867 года министр юстиции и генерал-прокурор Д.Н. Замятнин был освобожден от занимаемой должности, а на его место император временно поставил князя С.Н. Урусова, продолжавшего одновременно руководить и Вторым отделением.

Имения министра произошла в то самое время, когда Судебная реформа только-только начинала набирать обороты, и были открыты лишь два новых судебных округа — Петербургский и Киевский. Это, конечно, не могло не отразиться на темпах проводимых преобразований в России. Князь Урусов, хотя и слыл в обществе высокоэрудированным и умным, прекрасно разбиравшимся в уголовном и гражданском материальном и процессуальном законодательстве, все же не обладал той широтой кругозора, которая была присуща Д.Н. Замятнину. Главное же — он обладал человеческим консервативным взглядом. А.Ф. Кони писал, что князь Урусов «один из вреднейших людей царствования Александра II, тормозивший всю законодательную деятельность». Он считал его «хитрым и умным российским Полонием».

В начале своей деятельности в Министерстве юстиции С.Н. Урусов занялся разработкой плана и порядка введения Судебных уставов в Царском округе и других местностях России. Приходило решать и другие вопросы. В тех губерниях, где уже была проведена реформа, наряду с новыми судебными установлениями продолжали действовать и прежние суды, рассматривавшие старые дела. Одновременное существование таких судов создавало много неудобств, так как в одной и той же местности дела в зависимости от времени их возникновения решались по совершенно различным процессуальным правилам. Кроме того, было очень обременительно и для казны и создавало дополнительные трудности при укомплектовании кадрами судебных учреждений. Поэтому еще Д.Н. Замятнин предпринял попытку несколько сократить число уездных судов, а также стал объединять палаты уголовного и гражданского судов. С.Н. Урусов продолжал работу в этом направлении, однако серьезных успехов не было достигнуто. Суды оказались заваленными старыми делами. Было очевидно, что необходимо провести коренные изменения порядка разрешения старых дел в местностях, где действовали новые суды. Для этих целей князь Урусов образовал в Министерстве юстиции специальную комиссию. Она пришла к мнению, что для разбора завала старых дел нужно командировать до открытия новых судов «ревизирующего сенатора», возложив в его распоряжение тех лиц, которые подлежали назначению в новые суды. Поскольку на повестке дня стояло отправление Харьковской судебной палаты, то князь Урусов направил туда тайного советника барона Торнау. В его распоряжение был передан весь личный состав будущего судебного округа.

Хотя ревизия Горнау и не решила всех проблем (старых дел оставалось еще очень много), она все же в значительной мере подготовила почву для развязки этого вопроса в будущем. За те полгода, что князь С.Н. Урусов управлял Министерством юстиции, он сумел провести через Государственный совет ряд важных законодательных актов. Так, были приняты законоположения «О порядке предложения прокурорского надзора мировым съездам об ответственности мировых судей», «О распоряжениях прокурорского надзора по сообщениям мировых судей о действиях полицейских управлений», «О порядке наложения взысканий на виновных в укрывательстве оружия», «Об уменьшении числа палачей при острогах» и некоторые другие. В то время серьезное беспокойство властей вызывали участвовавшие случаи фальшивомонетничества.

С.-Петербургский обер-полицмейстер внес даже предложение об учреждении специальной следственной комиссии для производства следствий по делам о подделке и сбыте фальшивых государственных бумаг. Император Александр II в связи с этим предложил министрам юстиции, внутренних дел и финансов совместно с шефом жандармов обсудить предложение обер-полицмейстера. Собранный комитет из руководителей указанных ведомств пришел к убеждению, что учреждать межведомственную следственную комиссию нецелесообразно, так как все ее члены будут «зависеть от разных администраций», что только внесет путаницу в ее деятельность. Наиболее правильный выход — это учредить при столичных окружных судах по одной должности судебного следователя для производства особо важных дел. Это мнение было поддержано Государственным советом и в октябре 1867 года утверждено императором.

Князь С.Н. Урусов в качестве генерал-прокурора направил подчиненным ему прокурорам несколько циркулярных распоряжений по наиболее актуальным проблемам надзора.

23 мая 1867 года он направил прокурорам губерний, областей и «других мест» циркуляр, в котором обращал внимание на необходимость усиления надзора за сроками вынесения приговоров. Он писал, что имеются случаи, когда установленные законом сроки «изготовления приговоров по уголовным делам не всегда соблюдаются, а решения судебных мест, вопреки требованию закона, иногда не обращаются к исполнению в течение нескольких месяцев со времени постановления их». Это, отмечал далее Урусов, «отягощает сверх меры излишним сроком не только участь преступников, приговоренных к наказанию, но даже и лиц, оправданных судебными решениями и освобожденных из-под стражи».

Князь С.Н. Урусов произвел некоторые назначения высших чинов прокурорского и судебного ведомства. Так, обер-секре-

гари 1 го департамента Правительствующего сената Орлов был переведен в Консультацию при Министерстве юстиции. На аналогичную должность был назначен и бывший редактор уголовного отделения Лобковский. Товарищ прокурора Московской судебной палаты Шахматов был назначен прокурором открывающейся Харьковской судебной палаты.

Всего в течение 1867 года были назначены три члена Консультации, три обер-прокурора Правительствующего сената, один прокурор судебной палаты (Харьковской), пять товарищей прокурора судебных палат и 50 товарищей прокуроров окружных судов, 136 судебных следователей новых судов и 113 — по старым судебным установлениям.

В трех новых судебных округах (Петербургском, Московском и Харьковском) в 1867 году значилось 150 прокурорских работников.

В том же году Министерство юстиции пополнилось 24 выпускниками Императорского училища правоведения. Всего там обучались 247 воспитанников в основных и 71 — в подготовительном классах.

15 октября 1867 года последовал Высочайший указ Правительствующему сенату: «Главнуправляющего II отделением Собственной Нашей Канцелярии, Статс-секретаря, Тайного советника Князя Урусова Всемилостивейше увольняем от временного возложенного на него управления Министерством юстиции, с лишением его во всех прежних должностях и званиях».

Другим указом государь объявил С.Н. Урусову «душевную признательность за временное отличное управление означенным министерством».

Князь С.Н. Урусов продолжал руководить Вторым отделением, совмещая свою деятельность с участием в разного рода комиссиях и комитетах. В частности, он работал в особой комиссии по пересмотру действующих постановлений о цензуре и печати, в комиссии для рассмотрения внесенного министром внутренних дел в Государственный совет проекта положения о горющем общественном управлении и хозяйстве и других. В 1873 году он был назначен председателем комиссии для обеспечения и устройства управления заведений скончавшейся великой княгини Елены Павловны.

В 1872 году князь С.Н. Урусов был произведен в действительные тайные советники и одновременно назначен (без освобождения его от обязанностей главнуправляющего Вторым отделением) председателем департамента законов Государственного совета. Это была очень высокая и ответственная должность. В этом звании он оставался до конца своей жизни.

В 1879 году на князя Урусова было возложено председательст-

зование в Верховном Уголовном Суде, учрежденном для рассмотрения дела А.К. Соловьева, покушавшегося на жизнь государя.

А.Ф. Кони, особенно не жаловавший «лукавого председателя департамента законов», вспоминал, что С.Н. Урусов тогда обратился к нему с просьбой назначить к слушанию ряд дел с присяжными заседателями под своим председательством, так как ему никогда не приходилось ранее участвовать в судебных заседаниях. А.Ф. Кони выполнил эту просьбу, и С.Н. Урусов внимательно прослушал одно из дел. Это во многом помогло ему, когда он сам сел в председательское кресло в Верховном Уголовном Суде. Вел он процесс довольно уверенно и твердо, хотя на нем и присутствовали два генерал-прокурора (один бывший, Д.Н. Замятнин, как член Верховного Уголовного Суда, другой — Д.Н. Набоков как государственный обвинитель).

24 июля 1879 года князь С.Н. Урусов писал А.Ф. Кони: «По окончании Верховного уголовного суда я вменяю себе в обязанность благодарить Вас за практическое назидание, которое я вынес из судебного заседания, бывшего под Вашим председательством. Я старался идти по Вашим следам по трудной тропе беспристрастного и нелицемерного правосудия. Не знаю, достиг ли я своей цели».

В ответном письме А.Ф. Кони не мог не выразить своего «особого удовольствия» по поводу того, что Урусову пришлось на собственном опыте убедиться, насколько трудна «тропа беспристрастного и нелицемерного правосудия» и как необходимо самому пройти по ней, чтобы правильно судить о «других, избравших тот же путь».

В 1881 году по состоянию здоровья князь С.Н. Урусов был освобожден от должности главноуправляющего Вторым отделением, продолжая, однако, сохранять за собой пост председателя департамента законов Государственного совета.

В своих воспоминаниях А.Ф. Кони так писал о нем: «Тщедушный с виду, очень любезный в личных отношениях, обладавший большим опытом в кодификации, «хитроумный» и уклончивый, он был выдающимся представителем тех влиятельных «государственных людей», которые умели тормозить движение нашего законодательства по самым назревшим и жизненным нуждам страны под предлогом «преждевременности». Признавая по большей части тот или другой проект в существе правильным, он усматривал, однако, в нем лишь звено к целой цепи преобразований и нововведений, отлагаемых «до неопределенного времени», и так называемым «деловым языком» доказывал его неприемлемость «в настоящее время». Этим языком, вытравливающим своими бесцветными оборотами живое чувство и яркое убеждение, он обладал в совершенстве».

Константин Иванович
ПАЛЕН
1833—1912

«ТИПИЧНЫЙ РУССКИЙ МИНИСТР»

Граф Константин Иванович Пален родился в 1830 году (по другим данным — в 1833 году) и принадлежал к старинному дворянскому роду, ведущему свое начало от каноника Госвен фон Палена, жившего в Ливонии в середине XV века. Потомки каноника при шведском короле Карле XI были пожалованы в бароны. Один из них, Густав-Кристиан, служил ландратом, то есть членом исполнительной власти в дворянском собрании, в Лифляндии, находившейся все под властью России. Продолжателем рода считался барон Петр Людвиг, больше известный под именем Петра Алексеевича. Он прожил долгую и бурную жизнь (умер на 82-м году), был и взлеты и падения, был обласкан императорами и пребывал в опале.

Петр Алексеевич Пален имел пятерых сыновей: Павла, Петра, Федора, Николая и Ивана. У последнего от брака с графиней Мелем родился сын, Константин, будущий министр юстиции и генерал-прокурор.

Константин Иванович Пален в 1854 году окончил С.-Петербургский университет со степенью кандидата прав. Впоследствии он всегда особенно ценил то, что учился в этом университете и входил в члены «немецкой корпорации»; до самой смерти он сохранял, по словам Н.С. Таганцева, «нежные отношения» к своей альма-матер. К.И. Пален неизменно присутствовал на сборах, которые ежегодно, 8 февраля, устраивали выпускники, а иногда даже посещал и общие обеды бывших студентов.

Служебная деятельность графа Палена началась в департаменте Министерства народного просвещения, но уже в следующем году молодой чиновник перевелся в Государственную канцелярию. В июне 1855 года его откомандировали в Севастополь по распоряжению графа Виельгорского-Матюшкина. Затем он находился в Симферополь, где состоял в комиссии «О сборе приношений в пользу раненых при защите Севастополя и семейств воинов». К.И. Пален занимался порученным ему делом с исключительным усердием, что и было вознаграждено изъяслени-

ем монаршей признательности и орденом Св. Владимира 4-й степени. В 1860 году граф Пален возвратился в Петербург и занял пост экспедитора в Государственной канцелярии. В конце следующего года он становится исправляющим должность вице-директора полиции исполнительной, а в 1864 году — Псковским губернатором.

В начале 1867 года граф Пален сменил Н.И. Стояновского на посту товарища министра юстиции. Назначение это состоялось вопреки желанию министра Д.Н. Замятнина, причем последнему даже было недвусмысленно предложено готовить Палена на свое место.

В октябре 1867 года Константин Иванович Пален стал статс-секретарем Его Императорского Величества и одновременно вступил в управление Министерством юстиции. 31 марта следующего года император Александр II утвердил его в должности министра юстиции и генерал-прокурора. С этого времени в течение десяти лет он бессменно руководил судебными и прокурорскими органами Российской империи.

Конечно, отношение графа Палена к Судебной реформе, к проблемам судоустройства и судопроизводства было совершенно иное, нежели у его предшественника Д.Н. Замятнина. Отсюда проистекало и то «коверканье» Уставов, которое при нем началось. Однако нельзя все сводить только к личным качествам министра. Как правильно подметил А.Ф. Кони, чтобы оценить деятельность лиц ушедшей эпохи, надо «установить в себе угол зрения того времени, понять взгляды той эпохи».

Время вступления графа К.И. Палена в управление Министерством юстиции падает на труднейший период русской истории. С большим размахом начавшиеся в стране преобразования после выстрела Д. Каракозова и наметившегося крена к реакции стали если не тормозиться, то явно пробуксовывать. Сфера действий Судебных уставов, не успевших распространиться даже на большей части империи, стала постепенно суживаться. В таких условиях Министерству юстиции приходилось организовывать работу судебных и прокурорских органов. Первое время министр еще придерживался либерального направления, взятого Д.Н. Замятниним. Но чем глубже он вникал в суть дела, тем все явственнее и откровеннее принимал сторону наиболее реакционных и консервативных сил из окружения императора.

По мнению Г. Джаншиева, граф Пален, «чуждый кружку славных деятелей Судебной реформы», призванный к власти для того, чтобы «подчинить деятельность новых судов административно-полицейским целям», старался оправдать возложенные на него надежды. Суд общественной совести, несменяе

мость магистратуры, мировой институт, независимость адвокатуры — все это было взято под подозрение и «держалось в черном теле». «Один только непосредственно подчиненный министру юстиции прокурорский надзор, содержимый в духе спасительной дисциплины, пользовался благоволением нового министра и представлял единственно благонадежные кадры для пополнения судебного персонала».

Главной заботой К.И. Палена оставалось введение Судебных уставов на той территории России, где все еще существовали старые порядки. Однако остро вставали многие вопросы: как дальше проводить реформу? что делать со старыми уголовными и гражданскими делами в тех местностях, где уже действуют новые судебные порядки? и т.п.

Для разрешения всех этих проблем, по инициативе К.И. Палена, была образована специальная комиссия из авторитетных юристов. Она пришла к твердому убеждению, что повсеместное введение в короткие сроки Судебных уставов невозможно — государственная казна просто не выдержала бы колоссальных расходов. С другой стороны, для многих было совершенно очевидно, что радикальные изменения в судах нужны и, в первую очередь, для рассмотрения мелких, обыденных уголовных и гражданских дел. По Судебным уставам такие дела относились к компетенции мировой юстиции. Комиссия считала, что для образования мировых судов не потребовались бы значительные ассигнования, поэтому ввести их на большой территории России можно было бы без промедления.

Комиссия выработала также принципиальные положения о порядке окончания дел в связи с ликвидацией старых и открытием новых судебных установлений. Предлагалось прекратить все гражданские дела, по которым решения еще не приняты, а также уголовные — если закон допускал примирение сторон. Все остальные дела передавались в новые суды.

Поскольку судопроизводство по Уставам 1864 года было значительно демократичнее прежнего, комиссия рекомендовала внести изменения в процессуальные порядки, существовавшие в дореформенных судах. В частности, по уголовным делам допускались публичное обвинение и защита, было отменено пресловутое правило старого судопроизводства — оставление в подозрении лица, привлеченного к уголовной ответственности и не осужденного вследствие недостаточности улик. Для поддержания обвинения и наблюдения за производством следствия учреждались специальные должности товарищей губернских прокуроров.

Предложения, выработанные комиссией, министр юстиции граф Пален направил в Государственный совет, который их

одобрил, а затем, в начале 1869 года, утвердил и император Александр II.

Одновременно с этим в министерстве шла усиленная работа по подготовке к введению Судебных уставов в полном объеме в ряде губерний России. В 1869 году новые суды были учреждены в Херсонской, Таврической, Екатеринославской и Бессарабской губерниях, вошедших в округ Одесской судебной палаты, а также в Полтавской и Нижегородской губерниях. В одиннадцати губерниях России, в которых имелись земские учреждения, были избраны мировые судьи, образованы съезды мировых судей и одновременно упразднены старые уездные суды. В мае 1870 года мировые суды были образованы и в обширной области Войска Донского.

В течение последующих двух лет были открыты еще два новых судебных округа — Казанской и Саратовской судебных палат, включавших в себя шесть губерний: Казанскую, Симбирскую, Самарскую, Саратовскую, Пензенскую и Тамбовскую. Судебные уставы были распространены также на Смоленскую и Костромскую губернии.

В дальнейшем Судебные уставы в полном объеме были введены в Пермской, Вологодской (за исключением пяти северовосточных уездов), Черниговской и Вятской губерниях. С 1 июля 1876 года новые суды открылись в так называемых Привислинских губерниях, составивших округ Варшавской судебной палаты.

К середине 1878 года мировые судебные установления были дополнительно образованы в девяти западных губерниях, а также в Уфимской, Оренбургской и Астраханской губерниях.

Таким образом, при графе Палене судебные преобразования (полностью или частично) охватили значительную часть Российской империи.

Граф Пален не любил отсиживаться в кабинете генерал-прокурорского дома. Он постоянно посещал судебные палаты и окружные суды, лично ревизовал их, мог заглянуть даже в провинциальные присутственные места, побеседовать с начинающим товарищем прокурора или судебным следователем. При этом всегда довольно объективно оценивал их деловые качества, поощрял и поддерживал способных и талантливых чиновников своего ведомства.

Летом 1868 года граф Пален во время ревизионной поездки посетил Харьков. Служивший там А.Ф. Кони, тогда молодой, только начинающий набираться опыта товарищ прокурора окружного суда, вспоминал, как он по требованию министра представил ему подробную характеристику на всех судебных следователей своего участка. Среди прочих он назвал одного

следователя, работавшего в маленьком провинциальном городке, как наиболее заслуженного чиновника. Это, по словам Кони, был «человек немолодой, с длинной бородой, тихим голосом и медлительной речью». Когда позднее граф Пален проезжал уездный городок, в котором работал следователь, то счел необходимым лично познакомиться с ним и признал, что оценка, данная ему товарищем прокурора, справедлива. Несмотря на занятость и загруженность делами, граф Пален не забыл своего провинциального чиновника, и вскоре тот неожиданно был награжден орденом Св. Станислава, а также повышен в чине — назначен членом окружного суда.

В июне 1871 года граф Пален лично ревизовал судебные учреждения в Казани. Он внимательно ознакомился с их работой, побывал в окружном суде во время проведения процесса над Иваном Нечаевым, обвинявшимся в убийстве из корыстных побуждений. Обвинителем выступал прокурор окружного суда Александр Кони.

По Судебным уставам производство предварительного следствия возлагалось на судебных следователей, которые, так же как и судьи, пользовались правом несменяемости. Проведя обзорное посещение московских судебных учреждений, граф Пален обратил внимание на то, что не все следователи были достаточно подготовлены к исполнению своих сложных и многотрудных обязанностей не только профессионально, но и нравственно. Он отметил, что эта оценка была справедлива. Среди следователей встречались лица, недостойные этого высокого звания, пристраившиеся к спиртному, азартные игроки и т.д. Замечать же следователя без приговора суда было нельзя. Поэтому граф Пален внес предложение временно приостановить назначение судебных следователей, а к предварительному следствию привлекать особых чиновников, направляемых министерством юстиции. Александр II с этим согласился, и в период своего управления министерством граф Пален всегда придерживался этого правила.

С отделением судебной власти от административной возросло значение уголовного преследования, наблюдение за расследованием преступлений и за точным соблюдением закона при производстве дел возлагались на лиц прокурорского надзора.

В то же время, когда граф Пален вступил в управление министерством юстиции, по округам С.-Петербургской, Московской и Харьковской судебных палат насчитывалось всего 10 прокуроров и их товарищей. Они составили за год свыше 100 обвинительных актов. По гражданским делам прокуроры выносили около 7 тысяч заключений. Спустя десять лет, в 1877 году, в новых судебных установлениях шести судебных округов

(не считая Варшавской судебной палаты) было рассмотрено уже 155 тысяч дел. В среднем на каждого прокурора приходилось по 235 дел в год.

Граф Пален строго требовал, чтобы прокуроры направляли ему донесения о всех совершенных преступных деяниях, «выходящих из ряда обыкновенных». Поэтому Министерство юстиции всегда располагало обширной информацией о наиболее опасных преступлениях, произошедших в империи, и могло руководить деятельностью прокуроров с момента возбуждения уголовного преследования до окончательного разрешения дела.

Довольно часто Пален лично наблюдал за расследованием дел, представлявших повышенный общественный интерес. А.Ф. Кони вспоминал, например, насколько глубоко Пален вникал в дело о подделке ценных бумаг, которое расследовалось в 1869 году в Харькове. При графе Палене, по мнению Кони, «исполнение служебного долга, «невзирая на лица», одинаково понималось всеми судебными деятелями от министра юстиции до судебного следователя».

По инициативе Палена было возбуждено уголовное преследование в отношении известного миллионера, купца 1-й гильдии С.Т. Овсянникова. Однажды Пален, проезжая по Петербургу, обратил внимание на пожар — горела паровая мельница, расположенная на Измайловском проспекте. Он был поражен грандиозностью картины пожара. Вызвав к себе прокурора А.Ф. Кони, министр потребовал разобраться в этом происшествии. В тот же день прокурор получил донесение полиции, в котором сообщалось, что признаков поджога «не оказалось». Кони столь лаконичное сообщение не удовлетворило, и он поручил своему помощнику А.А. Маркову выехать на место и лично провести дознание. Тот уже к вечеру привез убедительные факты, подтверждающие умышленный характер поджога. Вскоре следствие установило, что его организатором был сам хозяин мельницы С.Т. Овсянников. Виновных осудили. Это дело явилось, по словам А.Ф. Кони, «настоящим торжеством нового суда».

Граф Пален, по мнению А.Ф. Кони, был «лучшим администратором» из всех министров юстиции. Поэтому не случайно знаменитый юрист, расходясь с ним в некоторых существенных вопросах судостроительства и судопроизводства, всегда уважительно относился к «личным свойствам» министра. Огромное значение К.И. Пален придавал подбору кадров для органов прокуратуры и суда. Он очень чутко прислушивался и «причитывался» ко всем слухам и судебным отчетам о талантливых представителях обвинения и судьях в провинции, пере-

поля их при первой же возможности на более высокие должности, в том числе в Москву или Петербург. Именно при графе Палене заблистали на судебной трибуне многие молодые прокуроры, только недавно окончившие университет или училище правоведения. Выдвигая того или иного чиновника, он руководствовался исключительно личными качествами человека. А.Ф. Кони подметил, что при нем «протекции были немислимы». Министр не требовал от назначаемого лица обязательного получения юридического образования; больше внимания он обращал на предшествующую деятельность кандидата. Если чиновник был недостаточно опытным, то его, как правило, назначали на должность в старые судебные установления, а испытанного, хорошо себя зарекомендовавшего — в новые суды.

Если графу Палену доводилось слышать лестные отзывы о ком-либо из судебных деятелей, то он не считал зазорным лично приехать и познакомиться с ним. В Москве в начале 70-х годов крупнейшим специалистом гражданского права считался товарищ председателя окружного суда Э.Н. Сумбул. К нему шли за «разрешением всяких недоразумений» и судьи, и прокуроры, и адвокаты. Прослышал о нем и граф Пален. Однако Сумбул не любил без дела появляться в министерских коридорах и наносить «визиты вежливости». Подобная скромность, не бывшая тогда в чести, еще более заинтриговала министра. Во время своего очередного приезда в Москву он сам зашел в кабинет Сумбула, чтобы лично с ним познакомиться.

При министре юстиции графе Палене ярко взошла звезда наиболее выдающегося русского юриста, почетного академика, литератора и общественного деятеля Анатолия Федоровича Кони. Он родился в 1844 году в семье известного литературного и театрального деятеля Ф.А. Кони, автора многих блестящих пьес-моделей. В течение десяти лет А.Ф. Кони воспитывался дома, затем учился в немецкой школе при церкви Св. Анны в Петербурге. В семнадцатилетнем возрасте он окончил 2-ю Петербургскую гимназию и поступил на математический факультет С.-Петербургского университета. Однако заниматься ему пришлось недолго, вскоре из-за студенческих беспорядков университет был закрыт. На следующий год А.Ф. Кони поступил уже на юридический факультет Московского университета, который окончил в июне 1865 года со степенью кандидата прав.

Первое время Кони служил мелким чиновником в Государственном контроле, а затем — в Главном штабе. Несколько месяцев он подвизался помощником секретаря С.-Петербургской палаты секретарем Московской судебных палат. Началом восхожде-

ния его по служебной лестнице можно считать скромные должности товарища прокурора Сумского, а затем Харьковского окружных судов. На мировоззрении молодого юриста не могло не отразиться общее приподнятое настроение в обществе в связи с проведением Судебной реформы. Анатолий Федорович стал одним из самых горячих и искренних сторонников Судебных уставов и впоследствии всегда тяжело переживал любое их «коверканье» и изменение.

Начинающий прокурорский деятель громко заявил о себе уже в первые годы. К нему благосклонно относился только что назначенный тогда министром юстиции граф Пален.

Граф Пален постепенно переводил А.Ф. Кони на все более высокие должности. Он был последовательно товарищем прокурора С.-Петербургского окружного суда, Самарским губернским прокурором, прокурором Казанского и, наконец, С.-Петербургского окружных судов. К этому времени Кони был награжден орденами Св. Станислава 2-й степени и Св. Владимира 1-й степени.

В 1875 году А.Ф. Кони становится вице-директором, а в 1877 году — директором департамента Министерства юстиции. В июне того же года он был избран почетным мировым судьей по С.-Петербургу, а в декабре — назначен председателем С.-Петербургского окружного суда. Вследствие обстоятельств, связанных с рассмотрением дела Засулич, Кони вынужден был через несколько лет оставить этот пост. Некоторое время он служил директором гражданского департамента судебной палаты, а затем стал обер-прокурором уголовного кассационного департамента Правительствующего сената. В дальнейшем он служил сенатором, был членом Государственного совета. А.Ф. Кони достиг чина действительного тайного советника. При советской власти он состоял профессором кафедры уголовного судопроизводства Первого Петроградского университета. А.Ф. Кони дожил до создания новой, уже советской прокуратуры и считал ее более правильно организованной, нежели царская. Скончался А.Ф. Кони в 1927 году.

При графе Палене заблистали имена многих других выдающихся представителей прокуратуры, например Михаила Федоровича Громницкого. Он родился в 1833 году. До Судебной реформы служил губернским стряпчим в Воронеже. В 1866 году Громницкий был назначен товарищем прокурора окружного суда.

Вскоре М.Ф. Громницкий становится прокурором Московского окружного суда. Он выступал по многим известным процессам, являясь, по выражению А.Ф. Кони, «не только достойным, но и опасным противником талантливых защитни-

ков». В судебных заседаниях он всегда был спокоен, беспристрастен и использовал самые простые приемы, что особенно привлекало в нем и оказывало исключительное влияние на присяжных.

Прокурорскую систему этого времени украшал еще один талантливый человек — Петр Акимович Александров. Его выступления в качестве прокурора в суде имели колоссальный успех. В процессах, в которых участвовал Александров, зал судебного заседания всегда был полон. Железная логика, аргументированный и беспристрастный анализ доказательств захватывали слушателей, убеждали судей и присяжных заседателей. Поэтому и неудивительно, что за советом к нему тянулись люди из самых отдаленных мест. Его хорошо знала юридическая общественность всей России. Знали его и как человека честного и принципиального, ставившего принципы морали выше всяких карьеристских соображений, способного на решительные поступки.

Петр Акимович проработал в органах прокуратуры более 15 лет — с 1860 по 1876 год. Он прошел многие ступеньки прокурорской иерархии. Последняя его должность — товарищ обер-прокурора уголовного кассационного департамента Сената. Репутация у него оставалась высокая, к его заключениям всегда прислушивались. Он по-прежнему старался бороться с несправедливостью, критически оценивая всяческие «особые мнения» начальства. Имел достаточно много последователей.

Прокурорская деятельность Александра оборвалась весьма неожиданно. По его воле. Некоторые коллеги осуждали его поступок, считали, что такой квалифицированный, перспективный прокурор, как он, не должен был из-за столь незначительного повода покидать службу. Иначе думал сам Александров...

Давая заключение по делу Суворина и Ватсона, обвинявшихся в клевете в печати, Александров, невзирая на мнение начальства, в конце 1875 года решительно выступил в защиту независимости прессы. Будучи недовольным его заключением, руководство Министерства юстиции вычеркнуло его из названного списка, куда он был ранее занесен. Петр Акимович, узнав об этом, тут же подал рапорт на имя императора об отставке. Всегда безразличный к наградам и чинам, на этот раз он расценил действия начальства как оскорбление и посягательство на его нравственную независимость. Однако в рапорте он не указывал причину отставки он не стал называть, считая это ниже своего достоинства, указав, что «оставить службу Вашему Императорскому Величеству» желает «по домашним обстоятельствам».

16 января 1876 года рапорт Александра был удовлетворен. Судя по тому, что увольнение было произведено очень быстро, а причину у него никто выяснять не стал, складывается впечатление, что от строптивного прокурора стремились побыстрее избавиться.

Выйдя в отставку, Александров поступил в адвокатуру. Опыт, приобретенный в прокуратуре, здесь ему очень пригодился. Он стал блистать в роли защитника во многих процессах. В частности, по делу «193-х», в защиту О. Нотовича, обвинявшегося в «оклеветании» в печати членов правления тульского независимого банка, по делу Веры Засулич и других.

Выступая в процессе В. Засулич вторым после Александрова, известный русский адвокат Н. Карабчевский, когда ему суд дал слово, встал и сказал, что вспомнил французскую поговорку: «Я должен говорить, но я еще слушаю!». Так высоко он оценил двухчасовую речь Петра Акимовича.

Очень метко охарактеризовал речь Александра и другой мэтр правозащиты В.Д. Спасович: «Он был остер, как бритва, холоден, как лед, бесстрашен, как герой».

Умер Петр Акимович 11 марта 1893 года, на 57-м году жизни...

Одним из наиболее достойных государственных обвинителей нового направления во время генерал-прокурорства графа Палена считался и Сергей Аркадьевич Андреевский. Это был человек необыкновенных дарований и способностей: поэт, писатель, критик, прекрасный лектор, замечательный оратор, честнейший человек. Его вполне обоснованно можно назвать одним из основателей судебного ораторского искусства.

В 1878 году граф Пален, готовя процесс по делу В. Засулич, особое внимание уделил подбору государственных обвинителей. Выбор пал и на Андреевского. Самостоятельный в своих суждениях, Сергей Аркадьевич в предварительных консультациях поставил условие — предоставить ему право в своей речи дать оценку личности Трепова и его действий. Ему в этом было отказано. Тогда он отказался участвовать в процессе в качестве государственного обвинителя. После рассмотрения дела в 1878 году Андреевский был освобожден от занимаемой должности и уволен.

В связи с увольнением Андреевского из прокуратуры А.Ф. Кони писал ему: «Я твердо убежден, что Ваше положение скоро определится и будет блистательно. Оно Вам даст свободу и обеспечение — даст Вам отсутствие сознания обидной подчиненности всяким ничтожным личностям...»

Пророчество Анатолия Федоровича сбылось — изгнанный из прокуратуры С.А. Андреевский стал выдающимся русским адвокатом. Его речи в защиту Мироновича по делу об убийстве

Сэрры Беккер и другие принесли ему репутацию блестящего оратора по уголовным делам.

Его называли мастером психологической защиты, ибо обра- ны, им раскрытые, всегда оставляли глубокий след. Строгое юридическое мышление и неопровержимая логика, которые всегда отличали его на прокурорской работе, наряду с высокой порядочностью, были присущи ему и на адвокатской стезе.

Андреевский заявлял, что для него всегда самым важным было добиться правды. «Я не способен к лживым изворотам: мой голос, помимо моей воли, выдаст меня, если я возьмусь ризивать то, во что не верю... Я ни разу не сказал перед судом ни одного слова, в котором бы я не был убежден...»

Сергей Аркадьевич был душой общества. Он имел много друзей. В тихие вечера они собирались в его гостеприимном доме на Лиговке, и он необыкновенно искусно читал вслух любимые произведения Пушкина, Тургенева, Достоевского. В течение многих лет пользовалась завидной популярностью его книга «Литературное чтение», в которой были опубликованы литературно-прозаические и публицистические произведения Андреевского, ряд критических статей о творчестве Баратынского, Некрасова, Гаршина. В 1886 году был опубликован сборник его статей.

Умер С.А. Андреевский 9 ноября 1919 года от тяжелого воспаления легких, на 72-м году жизни.

Начало министерской деятельности графа Палена совпало с подъемом новой волны революционного движения в России.

По Судебным уставам дела о государственных преступлениях должны были производиться «общим порядком уголовного судопроизводства» с соблюдением некоторых особенных правил. В частности, судебное преследование возлагалось на прокуроров, а предварительное следствие — на членов судебных палат. Дела рассматривались, как правило, уголовными департаментами этих палат. Однако уже первые политические процессы, проведенные по этим нормам, не удовлетворили власти. Поэтому срочно готовились изменения в законах. Активную роль здесь играл граф Пален. Именно по его инициативе чувствительные удары были нанесены вначале по дознанию, которое отобразил у полиции, затем по предварительному следствию, которое становилось необязательным, а затем и по суду.

19 мая 1871 года вступили в силу Высочайше утвержденные «Правила о порядке действий чинов корпуса жандармов по исследованию преступлений», подготовленные в недрах Министерства юстиции и согласованные с шефом жандармов. В соответствии с ними дознание по политическим делам стало проводиться жандармскими офицерами под наблюдением

прокуроров. Полиция и местные власти обязывались «оказывать жандармам всяческое содействие». Оконченные дела поступали к прокурору судебной палаты, а от него — к министру юстиции, который либо давал распоряжение о начале предварительного следствия, либо испрашивал Высочайшее повеление о разрешении дела в административном порядке. Следовательно, политические могли попасть в Сибирь, минуя судебные преграды, что чаще всего практиковалось при отсутствии в отрошении них достаточных улик.

...Слусть несколько месяцев после обнародования закона 19 мая 1871 года в Петербургской судебной палате слушалось дело по обвинению членов революционной организации «Народная расправа» (так называемый «Процесс нечаевцев»). Это было первое политическое дело, рассмотренное при открытых дверях с участием сословных представителей и с соблюдением всех процессуальных норм. К следствию по делу было привлечено свыше 150 человек, однако на скамье подсудимых оказались лишь 79 человек (С.Г. Нечаева судили позднее — в январе 1873 года Московский окружной суд приговорил его к вечной каторге).

Процесс привлек к себе всеобщее внимание. На нем присутствовали бывший министр юстиции Д.Н. Замятин, поэт Ф.И. Тютчев, писатели Н.С. Лесков и Ф.М. Достоевский, сенаторы, генералы, другие сановные лица.

Председательствовал на нем А.С. Любимов. Обвинителем выступил прокурор С.-Петербургской судебной палаты В.А. Половцев; ему помогал его заместитель П.А. Александров. Представители прокуратуры вели себя очень достойно и обвиняли «сообразно с фактами», без «пристрастия и озлобления». По мнению А.Ф. Кони, Половцев был «настоящий прокурор судебной палаты», который не искал случая «отличиться в глазах властей предержавших». Не случайно агент 3-го Отделения в секретном рапорте шефу жандармов П.А. Шувалову доносил о том, что «обвинительная речь Половцева допускает поэтическую обрисовку характеров преступников с целью возбудить к ним сочувствие публики».

Результаты рассмотрения этого дела ошеломили власти — 42 человека были оправданы, 25 — приговорены к тюремному заключению от 1,5 лет до семи дней и лишь четверо — к каторге.

Император Александр II откровенно сказал Эссену: «Просто срам, как решено дело». Конечно, такая оценка была тут же доложена графу Палену, который пришел в полное отчаяние. Для него и всего министерства наступило трудное время. Не случайно А.В. Никитенко писал тогда: «Юстиция наша в опале».

Император строго выговорил и самому графу Палену за столь мягкий приговор. Государь предложил ему срочно представить свои соображения о том, какие меры следует принять для «предупреждения подобных неудовлетворительных приговоров».

Министру юстиции пришлось в спешном порядке разрабатывать упрощенную процедуру судопроизводства по политическим делам. В марте 1872 года он внес в Государственный совет предложение о некотором изменении статей Судебных уставов. Проект предусматривал передачу политических дел на рассмотрение Особого Присутствия Правительствующего сената с участием сословных представителей. Это предложение прошло легко, и 7 июня 1872 года Александр II утвердил соответствующий закон.

День 6 декабря 1876 года был, по выражению А.Ф. Кони, «роковым» для многих судебных деятелей, в том числе и для министра юстиции графа Палена. Вначале в генерал-прокурорском доме случился пожар, энергично ликвидированный быстро прибывшей командой. Расчувствовавшийся граф велел выдать пожарным одну тысячу рублей серебром из скудных финансов министерства.

Но еще более мощный «пожар», на этот раз политический, вспыхнул в тот же день на площади Казанского собора. Здесь студенты и молодежь впервые открыто провели антиправительственную демонстрацию. Полиция с помощью извозчиков и приказчиков из ближайших магазинов быстро разогнала небольшую толпу «господ и девок в платках», осмелившихся даже поднять красный флаг. Были арестованы 32 человека.

Отголоски этого неординарного события прокатились не только по всей столице, но и далеко за ее пределами. Граф Пален срочно собрал совещание, пригласив своего товарища В. Фриша, вице-директора департамента А.Ф. Кони, прокурора С.-Петербургской судебной палаты Э.Я. Фукса, его заместителя К.И. Поскочина и столичного градоначальника Ф.Ф. Трепова. Палена волновали вопросы: что предпринять? и как доложить о происшествии императору?

Когда граф Пален спросил: «Что делать?», его товарищ Фриш сделал многозначительный жест рукой, означавший — пошлеть. И добавил: «Это единственное средство». Кони возмущено такое заявление. Он стал говорить о том, что революционная пропаганда впервые выходит на улицу и сохранить по отношению к ней хладнокровие и спокойную законность — значит проявить не слабость, а силу и дать камертон всем делам подобного рода. Однако Фукс и Поскочин заявили, что жанварны уже начали дознание. К.И. Пален «поахал и поахал», на-

звал участников демонстрации «мошенниками» и, ни на что не решившись, распустил участников совещания. Вскоре стало ясно, что к мнению вице-директора своего департамента он не прислушался. Дознание было проведено быстро, и уже в конце декабря 1876 года 21 участник демонстрации был предан суду Особого Присутствия Сената. При этом граф Пален добился Высочайшего повеления о направлении дела в суд без проведения предварительного следствия, что противоречило закону. А.Ф. Кони протестовал против такого нарушения, но министр настоял на своем, говоря, что «нечего этим негодяям давать гарантии двух инстанций». Тогда Кони подал ему официальный рапорт по этому вопросу. Через два дня Пален, встретив Кони, сказал ему: «Я очень вам благодарен за ваше письмо, хотя я с ним все-таки не согласился и уже вошел в сношение с шефом жандармов, но оно заставило меня еще раз обдумать вопрос — быть может, я и неправ, но я вынужден на такую меру; все эти Крахты и Гераковы (члены палат, производившие следствие по политическим делам) надоели мне ужасно, но я не хочу больше иметь с ними дел, а ваше письмо я прикажу приложить к производству: пусть оно останется как след вашего протеста».

В январе следующего года пятеро подсудимых, в их числе и А.С. Боголюбов, были осуждены на каторгу, трое оправданы, а остальные отправлены в ссылку в Сибирь.

13 июля 1877 года дом предварительного заключения, где содержались осужденные по делу о демонстрации, а также арестованные по «жихаревскому делу», посетил градоначальник Ф.Ф. Трепов, человек малообразованный, грубый и деспотичный. Ему что-то не понравилось, и он стал распекать тюремное начальство, а затем накинулся на Боголюбова, вздумавшего пререкаться с ним. Кончилось же все тем, что Трепов приказал посадить Боголюбова в карцер, а спустя несколько часов, получив предварительное разрешение графа Палена, дал указание высечь арестанта.

Эта незаконная, унижительная экзекуция вызвала возмущение не только в Петербурге, но и во всей империи.

В доме же предварительного заключения начался настоящий бунт. Чтобы прекратить беспорядки, администрация приняла самые жестокие меры. Арестованных хватали без всякого разбора, избивали и бросали в карцеры, где содержали в невыносимых условиях.

Последствия событий, происшедших в доме предварительного заключения, не заставили себя ждать. 24 января 1878 года в приемной Петербургского градоначальника раздался выстрел. Двадцативосьмилетняя дворянка Вера Ивановна Засулич стре-

ляла в Ф.Ф. Трепова, причинив ему тяжелое ранение. Случилось так, что именно в этот день А.Ф. Кони вступил в исполнение новой должности — председателя С.-Петербургского окружного суда.

Несмотря на явно политическую подоплеку этого преступления, новый прокурор судебной палаты А.А. Лопухин сумел убедить графа Палена вести дело, как обычное уголовное, передав по окончании на рассмотрение суда присяжных.

Незадолго до суда граф Пален вдруг забеспокоился. Он пригласил к себе Кони и прямо спросил его, может ли он ручаться за вынесение обвинительного приговора. Тот откровенно сказал, что не может. Ответ возмутил Палена: «Не можете? Ну, тик я доложу государю, что председатель не может ручаться за обвинительный приговор».

Накануне процесса министр юстиции еще раз встретился с А.Ф. Кони. «Ну, Анатолий Федорович, — начал он, — теперь все зависит от вас, от вашего умения и красноречия». На это Кони резонно заметил, что «умение председателя состоит в беспристрастном соблюдении законов, а красноречивым он быть не должен, ибо существенные признаки резюме — бесстрашие и спокойствие».

Граф Пален намекнул, что Кони мог бы повлиять на присяжных, которые «сделают все, что он скажет». Анатолий Федорович опять возразил, заметив, что «влиять на присяжных должны стороны», это их «законная роль». Тогда министр, хитро подмигнув, сказал: «Знаете что? Дайте мне кассационный повод на случай оправдания». На такое предложение Кони с присущим ему достоинством ответил: «Ошибки возможны и, вероятно, будут, но делать их сознательно я не стану, считаю это совершенно несогласным с достоинством судьбы».

Сам граф Пален на суд не пошел, но его ежечасно информировали о том, как проходит процесс. Складывался же он явно не в пользу обвинения. После непродолжительного совещания присяжные заседатели полностью оправдали В.И. Засулич.

Власти были шокированы приговором. По выражению князя В.П. Мещерского, оправдание Засулич происходило как будто в каком-то «ужасном, кошмарном сне», когда «никто не мог понять, как могло состояться в зале суда самодержавной империи такое страшное глумление над государственными высшими органами и столь наглое торжество крамолы».

Встретив А.Ф. Кони после суда, граф Пален смог только шепнуть: «Ну вот, видите, каковы они, ваши присяжные! Ну уж пусть теперь не взыщут, пусть не взыщут!» В тот же день министр юстиции дал распоряжение на имя прокурора С.-Петербургской судебной палаты Лопухина: «Государь император

31 сего марта Высочайше повелеть соизволил дочь отставного капитана девицу Веру Ивановну Засулич взять под стражу и содержать ее в доме предварительного заключения впредь до особого распоряжения. Прошу ваше превосходительство сделать распоряжение о немедленном приведении такой Высочайшей воли в исполнение». Арестовать Засулич властям не удалось.

Вскоре после окончания процесса началась самая настоящая травля А.Ф. Кони. Через несколько дней после суда Пален пригласил его к себе, говорил с ним раздраженно, упрекал в «вопиющем нарушении обязанностей», в «оправдательном резюме» и т.п. В заключение сказал: «Уполномочьте меня доложить государю, что вы считаете себя виновным в оправдании Засулич и, сознавая свою вину, просите об увольнении от должности председателя». Кони ответил, что он «не согласен ни на какие компромиссы».

Товарищи прокурора Жуковский и Андреевский, отказавшиеся поддерживать обвинение по делу Засулич, были немедленно уволены со службы.

Обстановка, сложившаяся после оправдания Засулич, обсуждалась в Совете министров, проходившем под председательством Александра II. На нем граф Пален по существу отдал Кони «на растерзание без малейшей попытки сказать хоть слово в разъяснение роли председателя на суде присяжных». Он лишь заявил, что «не отвечает за своих судей». Затем он внес даже предложение «взвалить дела подобного рода» на военные суды, но Совет министров отказался от такого шага.

Уволить А.Ф. Кони, пользовавшегося правом несменяемости, не решились. Однако судьба графа Палена была фактически предрешена. Государственный секретарь Е.А. Перетц утверждал, что Александр II сказал великому князю Константину Николаевичу, что Пален «увольняется за небрежное ведение дела В. Засулич». А.Ф. Кони описывает отставку графа Палена несколько иначе: «Конец министерства Палена наступил вскоре. Государственный совет согласился с его проектом об ограничении компетенции присяжных, но отверг проект о подчинении адвокатуры, причем ему пришлось выслушать немало неприятных вещей. Тогда в нем проснулось чувство собственного достоинства, временно заглушенное желанием удержать портфель, и он совершил то, что для русского министра было равносильно подвигу: подал в отставку».

30 мая 1878 года граф Пален был освобожден от должности министра юстиции и генерал-прокурора с оставлением его членом Государственного совета и статс-секретарем. Одновременно с этим он был произведен в действительные тайные совет-

мики. В последующие годы он часто присутствовал в Совете и Сенате, выступал по различным вопросам. Иногда ему давались ответственные поручения, и он вновь приближался ко Двору, но бывшего влияния на дела уже не имел. В 1883 году он исполнил обязанности Верховного церемониймейстера при коронации императора Александра III. В 1885 году он даже временно председательствовал в Комитете министров.

Бывший министр юстиции в конце века подолгу жил в своем Митавском имении в Курляндской губернии, где был даже почетным мировым судьей Тукумо-Тальсенского округа. Спокойная, размеренная жизнь изменила его в лучшую сторону. Он стал мягче, либеральнее.

В 1896 году во время коронации Николая II граф Пален исполнил обязанности Верховного маршала. После Ходынской катастрофы император, недовольный результатами следствия, проведенного министром юстиции Н.В. Муравьевым, поручил графу Палену провести дополнительное расследование. Однако и выводы бывшего министра юстиции Николая II не устроили. К тому же граф отпустил несколько нелестных выражений по адресу великого князя Сергея Александровича, бывшего тогда Московским военным губернатором. Он сказал, что там, «где великие князья занимают ответственные должности, всегда происходит или какая-нибудь беда, или крайний беспорядок». Эти слова заметно охладили к нему Двор.

В начале нового столетия К.И. Пален появлялся в Государственном совете еще довольно часто, а в 1902 году даже председательствовал в Особом Присутствии, созданном для обсуждения проекта Уголовного уложения. А.Ф. Кони писал, что граф Пален стал «самою симпатичною фигурою» в Государственном совете. Он «со своеобразным и внушавшим к себе уважение кристпоречием» отстаивал и защищал Судебные уставы, которые все более и сильнее коверкались новыми узаконениями.

Теперь Пален радовался почти каждому оправданию осужденных. Так, 22 марта 1900 года он писал Н.С. Таганцеву по поводу оправдания Сенатом одного из прибалтийских пасторов: «Я позволю себе поздравить Ваше превосходительство и то учреждение, в котором Вы председательствуете. Каждый честный человек радуется, когда он убеждается, что Сенат охранял великий принцип справедливости. Но Вы легко поймете, с каким теплым чувством я отношусь ко всякому проявлению начал истинного правосудия в наших судебных учреждениях».

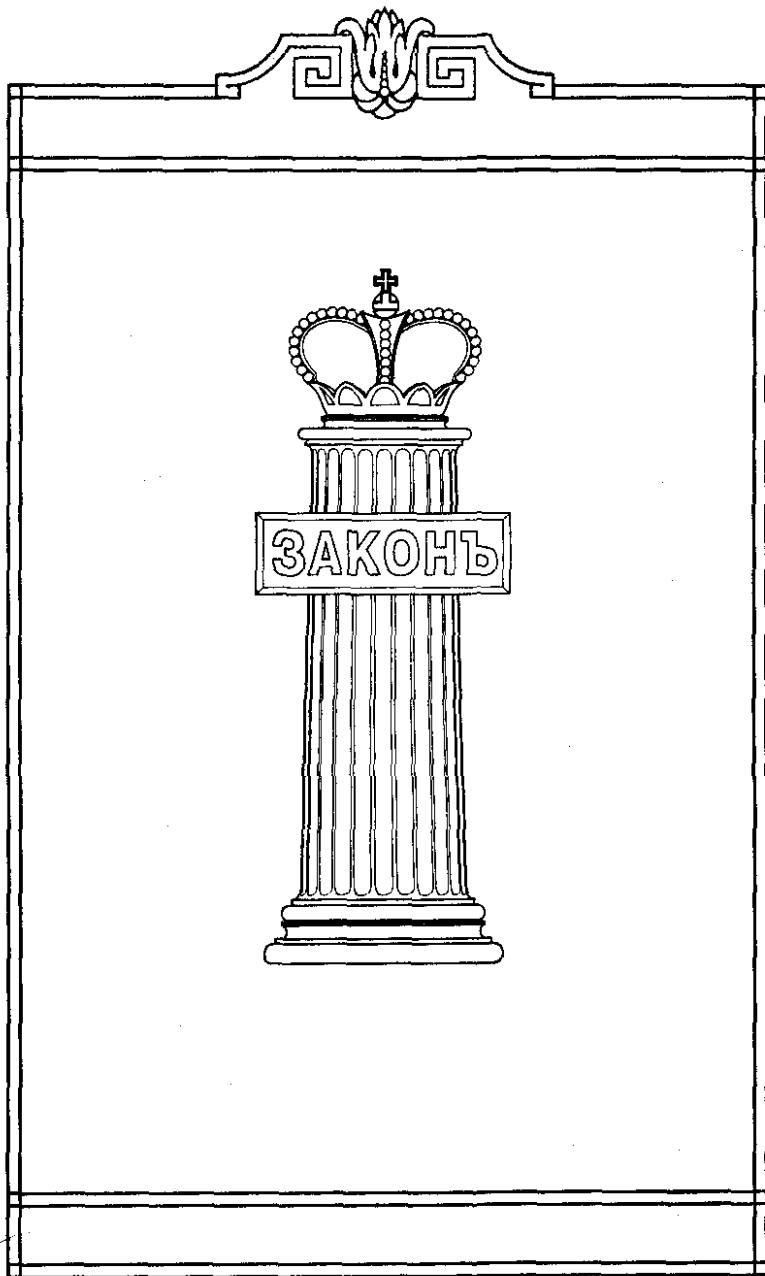
17 апреля 1904 года исполнилось пятидесятилетие государственной службы Константина Ивановича Палена, а спустя несколько месяцев он был пожалован в обер-камергеры Высочайшего двора.

В 1912 году А.Ф. Кони последний раз встретился с бывшим министром юстиции. Граф Пален рассказал ему много интересного о закулисной стороне событий, свидетелями и участниками которых они были. Потом неожиданно спросил: «Вы меня простили?» На недоумение, выраженное собеседником, продолжал: «Нет, вы отлично меня понимаете: я столько причинил вам неприятностей, даже горя, я отравил столько лет вашей жизни... но простите меня, старика, я не понимал вас тогда, я многого тогда не понимал: теперь я понял, я теперь другой человек, но поздно».

Заканчивая разговор, граф Пален сказал: «Ну, как я рад, как рад, у меня камнем на сердце лежало сознание, что я был несправедлив по отношению к вам и причинил вам столько незаслуженных огорчений...» На прощанье он крепко пожал А.Ф. Кони руку. А через несколько дней граф Пален умер.

Дмитрий Николаевич
НАБОКОВ
1827—1904

«ЗАКОННИК В ПОЛНОМ СМЫСЛЕ СЛОВА»

Дмитрий Николаевич Набоков родился в 1827 году в старинной дворянской семье. По преданию, его род вел свое начало от обрусевшего татарского мирзы по имени Набок. Среди предков Дмитрия Николаевича были и «служилые люди», и «усыпанные бриллиантовыми знаками участники славных войн». Его дядя, Иван Александрович, генерал от инфантерии, был одним из героев Отечественной войны 1812 года, участвовавший в Бородинском, Лейпцигском и многих других сражениях. Впоследствии он занимал пост коменданта крепости в Петербурге.

В юношеском возрасте Д.Н. Набоков поступил в Императорское училище правоведения, которое окончил в 1845 году. Тогда же был определен на службу, на довольно незавидную чиновничью должность в 6-м департаменте Правительствующего сената. В следующем году сметливый и расторопный юноша попал в Министерство юстиции.

Новое назначение открывало для него более широкие перспективы. Вскоре он получает довольно приличную, а самое главное, самостоятельную должность — Симбирского казенных дел стряпчего. В 1848 году Д.Н. Набоков становится товарищем председателя Симбирской палаты гражданского суда. За несколько лет службы Дмитрий Николаевич из застенчивого юноши превратился в высокоэрудированного юриста, великолепно знающего российское законодательство и особенно сведущего в гражданском праве. Благодаря этому, а также вследствие хороших связей в Петербурге, он сумел заслужить благосклонность министра юстиции графа Панина, который взял его в центральный аппарат. Первое время он служил чиновником для особых поручений при директоре департамента, а затем короткое время исполнял должность товарища председателя С.-Петербургской палаты гражданского суда. В 1851 году Д.Н. Набоков был назначен редактором 3-го (гражданского) отделения департамента Министерства юстиции, а вскоре после этого — начальником законодательного отделения.

В середине 50-х годов многие квалифицированные юристы, не желавшие мириться с установленными графом Паниным жесткими административными порядками, стали один за другим покидать Министерство юстиции. Некоторые из них, по выражению А.Ф. Кони, «приютились под крылом великого князя Константина Николаевича, в Морском министерстве», где раньше, чем в других ведомствах, «пробудилась жизнь, вызванная разгромом, сопровождавшим крымскую войну». Среди таких «беглецов» оказался и двадцатипятилетний Д.Н. Набоков.

В 1853 году он оставил службу в Министерстве юстиции и перешел в комиссариатский департамент Морского министерства, где стал исполнять должность вице-директора. Хотя его занятия были довольно далеки от юриспруденции, он продолжал внимательно следить за законодательством и был в курсе всех дел судебного ведомства.

В 1854 году Д.Н. Набоков командировается в крепость Свеаборг «для изыскания местных средств к довольствию судов 3-й флотской дивизии провиантом». Потом по делам службы его направили за границу, где он пробыл два года.

Вернувшись в 1860 году в Морское министерство, Д.Н. Набоков управляет комиссариатским департаментом. Одновременно он стал заведовать эмеритальной кассой, то есть кассой, капитал которой, образуемый путем обязательных вычетов из жалованья сотрудников, шел на выдачу им дополнительных пенсий и пособий.

В тридцатилетнем возрасте Дмитрий Николаевич женился на дочери барона Ф. Корфа, Марии Фердинандовне, которая была значительно моложе его. У них родилось девять детей — четверо сыновей и пять дочерей.

Подлинный и стремительный взлет карьеры Д.Н. Набокова начался в 1862 году. Великий князь Константин Николаевич, назначенный наместником Царства Польского, взял его с собой в Варшаву. Одновременно с этим он был пожалован в гофмейстеры Двора Его Величества.

В 1864 году Набокову было «повелено» присутствовать в Правительствующем сенате. Он стал сенатором только что образованного в соответствии с Судебными уставами гражданского кассационного департамента. Через два года он был «пожалован» в статс-секретари императора, а в 1867 году занял высокий пост Главноуправляющего Собственной Его Императорского Величества канцелярии по делам Царства Польского. В этой должности он пребывал девять лет, много и деятельно занимаясь вопросами гражданского преобразования в Польше.

В 1876 году Дмитрий Николаевич назначается членом Государственного совета и производится в действительные тайные советники. Он всегда был истинным приверженцем судебных преобразований в России и одним из лучших знатоков Судебных уставов. По свидетельству журналиста С.Ф. Либровича, про Д.Н. Набокова говорили, что «это не человек, а ходячий свод иконов». Однако он не столько признавал букву закона, сколько его дух и внутренний смысл.

Дмитрий Николаевич постоянно следил за всеми новинками юридической литературы, как отечественной, так и зарубежной. Он являлся завсегдатаем книжного магазина Вольфа в Петербурге, особенно охотно приобретал книги по французскому законодательству. Сотрудники магазина относились к нему с большим уважением. С.Ф. Либрович писал о нем: «Сухой на вид, неразговорчивый, недоступный, он представлял собой тип строгого администратора и, в отличие от многих своих коллег по положению, не любил пускаться в рассуждения с посторонними лицами».

30 мая 1878 года Д.Н. Набоков занял пост министра юстиции и генерал-прокурора. Некоторые его недоброжелатели злопостижили по этому поводу, говоря, что он получил портфель министра «по протекции Веры Засулич», намекая на причины освобождения графа Палена.

От Набокова ждали многого. В высших правительственных сферах надеялись, что он сумеет «подтолкнуть» суд присяжных, сделает в нем крупные изменения и вообще придаст ему дружную, более «желательную окраску». Прогрессивные юристы, наоборот, зная профессионализм нового министра, ожидали от него защиты основных начал Судебных уставов.

Характеризуя этот период времени, А.Ф. Кони писал: «Нельзя было отрицать, что по прошествии первых 15-ти лет судебные учреждения наши стали не совсем тем, что ожидалось от них при введении Уставов. Кое-что в них слишком скоро обветшало, а иное приняло совсем нежелательные формы. Личный состав их был уже не тот, исполненный энергии и горделивой веры в свое дело, состав шестидесятых годов. Кое-где в новые формы просочилось старое вино, — многие устали, утратили свежесть взглядов, органическая связь между отдельными учреждениями ослабла, рутинная понемногу стала усаживаться на месте живого дела и образ судебного деятеля начал мало-помалу замещаться образом судейского чиновника». С этим, конечно, приходилось считаться и новому министру юстиции.

Третий министр «по Судебным уставам», по мнению современников, был «законником в полном смысле слова». Принимая высокий пост, он заявил, что «если для всех граждан, то для

министра юстиции в особенности, закон, пока он существует и не отменен, должен быть свят». Эти слова он потом повторял много раз, и они стали его своеобразным девизом. Поэтому к Набокову не часто решались обращаться «за протекцией» или ходатайствовать о каком-либо «исключительном» порядке решения уголовного или гражданского дела.

Начавшиеся с большим размахом судебные преобразования в Российской империи теперь несколько застопорились из-за серьезных финансовых затруднений. Работы по введению Судебных уставов были фактически приостановлены. В 1879 году мировые суды получили право гражданства дополнительно лишь в трех губерниях: Уфимской, Оренбургской и Астраханской. Тогда же были преобразованы суды и на присоединенной к России территории Бессарабии, а также в областях Батумской и Карской.

После этого министр юстиции по соглашению с министром финансов внес в Государственный совет «представление», в котором ставился вопрос об открытии в 1880 году новых судов в Киевской, Подольской и Волынской губерниях. Это предложение Советом было одобрено и утверждено императором 11 декабря 1879 года. Указанные губернии составили округ Киевской судебной палаты.

Вскоре после этого министерство приступило к проведению судебных преобразований в Западном крае.

Представление министра юстиции по этому вопросу в Государственном совете было поддержано, и 9 ноября 1882 года Высочайше утверждено уже новым императором Александром III. В следующем году был открыт округ Виленской судебной палаты.

26 апреля 1883 года именным Высочайшим указом о преобразовании управления Кавказского края на Министерство юстиции было возложено руководство там судебной частью. Ранее суды, как и другие учреждения, подчинялись непосредственно наместнику Кавказа. Тифлисская судебная палата была открыта еще в 1867 году, однако все работы по введению Судебных уставов осуществляло не Министерство юстиции, а Главное управление наместника Кавказа.

Д.Н. Набоков считал, что проводить судебную реформу в Сибири, Степных областях и Туркестанском крае преждевременно, так как там «слишком разноплеменное и редкое население», находящееся к тому же на «весьма низкой степени культуры». Он писал, что «большинство коренных жителей этих местностей, по степени своего развития, представляются совершенно неподготовленными к исполнению обязанностей присяжных заседателей и выборному порядку замещения должно-

стей в мировых судебных установлениях. Самая устность процесса, обуславливающая обязательность личной явки к судебному разбирательству как сторон, так и свидетелей, оказалась в подобных областях недостижимой без крайнего отягощения лиц, призываемых в суд, находящийся на огромном от них расстоянии».

Однако и оставлять все по-старому было нельзя. Поэтому Министерство юстиции приступило к последовательному изменению судоустройства и судопроизводства первоначально в Тобольской и Томской губерниях и Приамурском крае. По проекту министра предполагалось учредить для Сибири 40 должностей судебных следователей, которые должны были производить следствие по наиболее важным преступлениям. Большое внимание уделялось организации прокурорского надзора, который призван был обеспечить соблюдение законов всеми судебными установлениями и полицией. Усиливалось наблюдение со стороны прокуроров за следствием. Дела о наиболее тяжких преступлениях предлагалось направлять в суд только по письменному заключению прокурора или его товарища. На процессах допускались государственное обвинение и защита.

В феврале 1885 года император утвердил предложения министра юстиции Д.Н. Набокова.

Несмотря на такую «полуреформу» прокурорский надзор в Сибири пустил «прочные корни» и быстро приобрел доверие населения. Этому способствовало и то, что многие представители прокуратуры работали самоотверженно, энергично, дружно и на деле стремились «служить закону, добиваться правды и справедливого возмездия».

Вдали от столичного начальства всегда особенно пышно развиваются злоупотребления и произвол. Все это тяжелым бременем ложилось на население, которое иногда единственным спасением видело в обращении за содействием к прокурору, обладавшему обширными полномочиями по раскрытию злоупотреблений по службе и способному довести дело до конца. Борьба эта, как писал тогда юрист Н. Громов, «тяжелая и трудная, твердо поддерживала в Сибирском крае принцип законности».

Важнейшими заботами министра юстиции Д.Н. Набокова оказались, наряду с распространением судебных преобразований, меры по «усилению штатов действующих судебных установлений», и по улучшению их деятельности. Число уголовных и гражданских дел в новых судах стремительно возрастало, и личный состав судебных и прокурорских органов уже не справлялся с огромным объемом работы. Однако и увеличивать штаты за счет Государственного казначейства министр не

мог — его в этом вопросе никто бы не поддержал. Необходимо было предпринять такие меры, которые сократили бы прилив дел в общие суды. Набоков обратил внимание на то, что особенно много дел возбуждалось о кражах со взломом и все они шли в окружные суды. Изучив этот вопрос, Министерство юстиции вошло в Государственный совет с представлением о снижении меры наказания за некоторые виды кражи со взломом и передаче их в ведение мировых судей. Предложение было одобрено и утверждено императором. В результате значительно сократилось число таких дел у судебных следователей, в окружных судах и у прокуроров. К тому же дела о кражах стали разбираться гораздо оперативнее, так как процедура их рассмотрения упростилась.

Д.Н. Набоков внимательно относился к лицам судебного ведомства и их нуждам. Он «трогательно гордился», когда встречался с талантливыми судьями и прокурорами, охотно прислушивался к их мнению по самым сложным вопросам юриспруденции. При необходимости он не останавливался перед «опасением неизбежных личных неприятностей», если считал, что это принесет пользу судебному делу. Он мог безбоязненно заступиться и защитить оклеветанного судебного работника. Со своими подчиненными он был неизменно доброжелателен, хотя и любил, что называется, «напускную суровость».

Эхо оправдательного приговора по делу Засулич еще долго будоражило как высшие круги общества, так и интеллигенцию. Когда вскоре после своего назначения министр юстиции Набоков зашел в книжный магазин Вольфа, хозяин, поздравив его с высокой должностью, намекнул, что в обществе, в том числе и среди клиентов магазина, ходят упорные слухи о ликвидации суда присяжных. Дмитрий Николаевич на это резко возразил, сказав: «Не верьте вздорным слухам. Государь, назначая меня министром, твердо заявил, что основы введенного им суда не должны быть изменены ни на йоту. Об отмене суда присяжных и речи быть не может. Если бы это имелось в виду, назначили бы другого, а не меня».

В 1884 году министр юстиции предпринял поездку по России с целью личной ревизии судебных установлений. Эта поездка «сплотила вокруг него провинциальных судебных труженников, подняв их энергию и укрепив в них веру в значение своего звания».

Впечатлениями от поездки министр поделился со своими подчиненными, выступив в зале судебных установлений в Москве. Он сказал, что деятельность судов теперь происходит на виду у всех, как бы в «стеклянном улье». Набоков с «достоин-

ством твердого убеждения» опровергал нападки и нарекания на судебное ведомство, сыпавшиеся тогда со всех сторон, чем вызвал взрыв негодования против себя самого.

Как министр юстиции и генерал-прокурор Д.Н. Набоков, конечно, не оставался в стороне от борьбы с разраставшимся и принимавшим все более жесткие формы революционным движением, хотя первые роли здесь играли уже другие лица. Было очевидно, что Судебные уставы в этой борьбе явно не годились. Поэтому 19 июня 1878 года Александр II распорядился создать при Министерстве юстиции Комиссию «для тщательного обсуждения обнаруженных в законах 19 мая 1871 года и 7 июня 1872 года неудобств». Не успела Комиссия как следует развернуть свою работу, как властям пришлось срочно принимать более решительные меры по борьбе с революционной стихией.

9 августа 1878 года в связи с убийством шефа жандармов П.В. Мезенцева по докладу министра внутренних дел Л.С. Макова и исправлявшего должность шефа жандармов Н.Д. Селиверстова был принят закон «О временном подчинении дел о государственных преступлениях и о некоторых преступлениях против должностных лиц ведению военного суда, установленному для военного времени». В своем докладе императору они писали: «Зло растет ежечасно. Суд уже не властен остановить разгнанные страсти... Нужны меры чрезвычайные».

Так, в мирное время началась активная военизация судебнократельной системы. По закону 9 августа 1878 года в ведение военных и военно-полевых судов передавались дела о государственных преступлениях, сопряженных «с вооруженным сопротивлением власти», а также «преступления, связанные с нападением на чинов войска и полиции, коль скоро нападения эти сопровождалась убийством, нанесением ран, увечий и тяжких побоев».

5 апреля 1879 года, через три дня после покушения А.К. Соловьева на императора, подсудность военным судам была еще более расширена. Высочайшим указом вся империя была разделена на шесть так называемых генерал-губернаторств, во главе которых были поставлены императором сапошники с неограниченными полномочиями. Им было предоставлено право предавать военному суду всех лиц, обвиняемых в любом государственном преступлении, когда они «пришлют это необходимым для ограждения общественного порядка и спокойствия».

Военный прокурор, получив материалы жандармского дознания, обязан был представить дело генерал-губернатору с заключением о передаче дела в суд в течение одного дня. На со-

ставление обвинительного акта ему также отводились сутки. Столько же — на рассмотрение дела судом. Приговор полагалось вынести в течение 24 часов от начала суда.

Конечно, ни о каком соблюдении законности по таким делам никто не заботился. Все происходило строго секретно, за закрытыми дверями. Какого-либо влияния на эти процессы министр юстиции оказать не мог.

По сведениям Н.А. Троицкого, за период, когда министром юстиции был Д.Н. Набоков, из 133 политических процессов 86 были рассмотрены военными, военно-окружными и военно-полевыми судами. Роль Особого Присутствия Правительствующего сената по такого рода делам стала весьма незначительной — при Набокове там было рассмотрено всего пять дел. Верховный Уголовный Суд после процесса Д.В. Каракозова вообще был образован всего один раз, для рассмотрения дела А.К. Соловьева.

Приговоры, вынесенные военными судами, были, как правило, суровы. Н.А. Троицкий отмечает, что в 1879—1882 годах из 470 человек, осужденных военными судами, 67 приговорены к смертной казни (из них 37 лицам казнь заменена каторгой). 30 революционеров были казнены.

Остановимся подробнее на деле А.К. Соловьева, которое разбиралось при участии генерал-прокурора, в Верховном Уголовном Суде.

...2 апреля 1879 года, в начале десятого утра, император Александр II совершал свою обычную прогулку. Он не спеша обошел здание гвардейского штаба и повернул на Дворцовую площадь. Жандармские и полицейские чины, охранявшие государя, следовали за ним на «почтительном расстоянии». Штаб-ротмистр Кох стоял на противоположной стороне площади, у подъезда Министерства финансов, и пристально следил за движением императора. На Певческом мосту расположились пристав Зиновьев и несколько полицейских. Издали за Александром II с интересом наблюдали обыватели. Ничто не вызывало подозрений у стражей порядка. Они не отреагировали даже тогда, когда от угла гвардейского штаба, через площадь, прямо навстречу императору быстрым, твердым и спокойным шагом пошел какой-то высокий господин в форменной чиновничьей фуражке. Примерно шагах в 12 от императора неизвестный резко вскинул руку и выстрелил. Пуля пролетела мимо. После первого выстрела Александр II зигзагами побежал к Певческому мосту. Мужчина бежал за ним, сделав на ходу еще четыре выстрела. Первым опомнился жандарм Кох. В несколько прыжков он настиг террориста и свалил его с ног сильным ударом шашки плашмя.

Ни один выстрел не причинил императору никакого вреда. Был лишь легко ранен в щеку оказавшийся неподалеку вахмистр Милашкевич.

Когда стрелявшего подняли с земли, он первым делом воскликнул: «Неужели я не убил государя?»

Задержанным оказался тридцатитрехлетний отставной коллежский секретарь Александр Константинович Соловьев. Покупение, первое после выстрела Каракозова, произвело переполох в правительственных кругах. Срочно была образована следственная комиссия, которую возглавил сенатор С.И. Леонидов. 5 апреля он в присутствии министра юстиции Д.Н. Набокова подробно допросил А.К. Соловьева. Арестованный держался уверенно и спокойно. Он знал, на что шел. На допросе Соловьев показал: «Я признаю себя виновным в том, что 2 апреля 1879 года стрелял в государя императора с целью его убить. Мысль покушения на жизнь Его Величества зародилась у меня под влиянием социально-революционных учений; я принадлежу к русской социально-революционной партии, которая признает крайнюю несправедливостью то, что большинство народа трудится, а меньшинство пользуется результатами народного труда и всеми благами цивилизации, недоступными для большинства... Мы социалисты-революционеры объявляем войну правительству, которое только силою миллиона штыков поддерживает этот рабский строй...»

Следствие было закончено быстро. Для рассмотрения дела по Высочайшему указу был образован Верховный Уголовный Суд. Заседание суда открылось 25 мая 1879 года в 11 часов 10 минут. Председательствовал на нем князь С.Н. Урусов, бывший тогда руководителем департамента законов Государственного совета. В состав суда входили члены Государственного совета действительные тайные советники А.А. Абаза, Д.Н. Замятнин, И.Д. Делянов, первоприсутствующие Правительствующего сената В.Г. Черноглазов и М.Е. Ковалевский. Обязанности секретаря выполнял статс-секретарь Государственного совета И.И. Шамшин. Обвинение поддерживал министр юстиции и генерал-прокурор Д.Н. Набоков. Защиту А.К. Соловьева осуществлял выделенный судом адвокат А.Н. Турчанинов.

После судебного следствия был объявлен двухчасовой перерыв, а затем Д.Н. Набоков произнес большую обвинительную речь. Он начал ее так: «Дозвольте мне миновать обычные вступительные приемы обвинительной речи и не воспроизводить перед вами картины потрясающего события 2-го апреля, только что восстановленные в представлении вашем подробными показаниями явившихся свидетелей-очевидцев и объяснением самого подсудимого. Эти ужасающие подробности настолько

возмущают душу, что я не могу пренебречь возможностью воздержаться от их повторительного изложения и от углубления вызываемой одним лишь воспоминанием о них подавляющей нравственной тяготы...»

«*Вся обстановка факта преступления, освещенная показанием самого Соловьева, — продолжал генерал-прокурор, — не оставляет сомнения в том, что суду вашему подлежит преступник, совершивший злодеяние с заранее обдуманном намерением и притом сделавший все то, что от него зависело для достижения своей преступной цели. Пять выстрелов, из которых по крайней мере четыре были направлены в Священную особу Государя Императора, самый большой калибр револьвера, выбор времени и места для наиболее верного осуществления задуманного злодеяния, даже фуражка с кокардой, долженствовавшая отвлечь всякое подозрение, — все это факты, говорящие сами за себя...»*

В своей речи Набоков подробно говорил о том, что же толкнуло Соловьева на путь преступной деятельности. По мнению обвинителя, настоящим соучастником террориста была русская социально-революционная партия. Он сказал по этому поводу: «*Покушение на жизнь нашего возлюбленного Государя совершено не по личным и частным побуждениям, а под влиянием дикого стремления, руководящего всею деятельностью русских социал-революционеров — разрушения всего экономического и государственного строя современного общества. Лишь несколько лет тому назад развернул свое преступное знамя самый нелепый и воинствующий социализм из всех существующих в мире — социализм русский. Казалось бы, русская земля менее всего представляла материала для развития этих диких, противогосударственных учений... Дикие задачи его не ограничиваются одним русским народом, русского социалиста не удовлетворяет ни одна из существующих форм государственного устройства, а потому ему мерещится всемирная революция, всемирное разрушение, всемирная анархия...*

Во имя такого безумного бреда, стремящегося подорвать все основы государственной и общественной жизни, все положения науки и здравого смысла, совершаются возмутительные преступления, имеющие целью посеять смуту в обществе, потрясти вековые основы государства... Правосудие призвано в лице вашем выразить решающее слово закона.

Во имя этого закона я обвиняю подсудимого Александра Соловьева в предумышленном посягательстве на жизнь Священной особы Государя Императора, совершенном в соучастии с преступным сообществом, именуемым себя русская социально-революционная партия, к которому он принадлежал. Посе-

му и руководствуясь 241 и 249 статьями Уложения о наказаниях, я имею честь предложить Верховному Уголовному Суду приговорить Соловьева к лишению всех прав состояния и смертной казни».

Адвокат Соловьева А.Н. Турчанинов в своей речи лишь выразил надежду на то, что по «монаршему милосердию» его подзащитному будет сохранена жизнь. А.К. Соловьев в последнем слове ничего не сказал в свое оправдание.

Верховный Уголовный Суд лишил А.К. Соловьева всех прав состояния и приговорил его к смертной казни через повешение. В окончательном виде приговор был оглашен 26 мая 1879 года.

Через день, 28 мая 1879 года, в 10 часов утра, на Семеновском плацу, приговор был приведен в исполнение.

12 февраля 1880 года, спустя несколько дней после очередного покушения на императора — взрыва в Зимнем дворце, правительство образовало Верховную распорядительную комиссию по охране государственного порядка и общественного спокойствия. В нее вошли десять высших сановников империи. Главным начальником Комиссии был поставлен граф М.Т. Лорис-Меликов, фактически наделенный полномочиями диктатора. Император предоставил ему право «делать все распоряжения и принимать вообще все меры, которые он признает необходимыми для охранения государственного порядка и общественного спокойствия как в С.-Петербурге, так и в других местностях империи». Через полгода, когда Комиссия закрылась, а все дела были переданы в Министерство внутренних дел, он стал министром.

Стремясь сбить революционную волну, власти пошли даже на такой необычный шаг, как обращение к населению с призывом противостоять беспорядкам. На это было направлено, в частности, воззвание Лорис-Меликова «К жителям столицы», опубликованное в «Правительственном вестнике» 15 февраля 1880 года.

Обстановка в стране с каждым днем все более накалялась. В таких условиях даже приближенные к императору лица стали поговаривать о конституции как единственном средстве против революционной стихии.

Как истинный монархист, хотя и придерживавшийся либеральных взглядов, Набоков относился к революционерам, как к преступникам». Как-то раз, когда Вольф сказал, что «ожидаемое введение конституции положит конец революционным сражениям», Д.Н. Набоков резко возразил: «Те, которые так думают, заблуждаются; революционерам даже конституции было

бы мало: они стремятся к анархии». Набоков видел конституцию как результат некоего великого и добровольного жеста монарха, нечто вроде того, что император сделал при введении Судебных уставов. По его мнению, это должен быть дарованный монархом «государственный акт», а не какая-то уступка, сделанная под давлением «горсти преступников».

Для смягчения обстановки граф Лорис-Меликов 28 февраля 1881 года представил императору Александру II свой проект реформ. По нему при Государственном совете предполагалось образовать в качестве совещательного органа комиссию из чиновников и выборных «от общества». 1 марта, за несколько часов до своей гибели, Александр II одобрил эти предложения и назначил заседание Совета министров для их рассмотрения на 4 марта.

События, происшедшие в империи после убийства императора Александра II, начавшаяся реакция сразу же положили конец всем рассуждениям о конституции. В Манифесте, составленном Победоносцевым, подчеркивалась незыблемость самодержавия. Наступила пора какого-то всеобщего уныния, молчания, страха. Даже высокопоставленные лица опасались сказать лишнее слово или произнести публично что-нибудь такое, что могло быть ложно истолковано и доложено «куда следует». Всюду и везде вращались доносчики — профессиональные и добровольные.

Д.Н. Набоков, вопреки ожиданиям некоторых близких к императору лиц, сохранил за собой портфель министра юстиции. Он активно занимался подготовкой и проведением процесса над участниками царубийства А.И. Желябовым, С.Л. Перовской, Т.М. Михайловым, Н.И. Кибальчичем, Н.И. Рысаковым и Г.М. Гельфман. При этом правительство находилось в такой растерянности, что даже дело «О злодеянии 1 марта 1881 года» некоторые считали нужным рассмотреть военным судом.

При слушании дела Д.Н. Набоков под влиянием Двора оказывал давление на председателя Особого Присутствия Э.Я. Фукса: вызывал его к себе, давал указания и т.п. Он сумел подобрать для поддержания обвинения молодого талантливого прокурора Н.В. Муравьева, который впоследствии стал министром юстиции.

В условиях усиления террора из судебных процессов стала постепенно искореняться гласность. Секретным циркуляром министра внутренних дел было запрещено печатать стенографические отчеты о политических делах.

Начавшееся при графе Палене «корезение» Судебных уставов, во многом благодаря Д.Н. Набокову и его либеральным

взглядам, которых он не скрывал, его «направлению и душевным свойствам», не получило угрожающих размеров. Несмотря на наскоки таких влиятельных лиц с ярко выраженными консервативными взглядами, как Победоносцев и Толстой, несмотря на усиливавшуюся агрессивность революционно настроенных слоев населения, в особенности молодежи, завершившуюся целым рядом политических убийств, в том числе и императора Александра II, Д.Н. Набоков сумел отстоять свой принципиальный взгляд на значение Судебных уставов и их основное детище — суда присяжных.

Однако обстановка диктовала свои условия, и министр юстиции вынужден был с ними считаться, сделав некоторые уступки консервативным силам. А.Ф. Кони писал, что при Набокове «итог изменений и поправок в великом памятнике законодательства Александра II свелся лишь к несомненному и в высшей степени необходимому улучшению в порядке составления и в самом составе списков присяжных заседателей, к весьма разумному ограничению права отвода их сторонами и к учреждению, в составе Сената, высшего дисциплинарного суда, призванного, в определенном порядке, ограждать судебные учреждения от судей явно нерадивых или, по внушаемому их поступками неуважению, недостойных своего высокого звания».

С именем Д.Н. Набокова связано начало пересмотра уголовного и гражданского законодательства Российской империи, которое не подвергалось изменению во время Судебной реформы. А.Ф. Кони отмечал, что к обновлению законодательства Набоков относился «с живым интересом, следя, между прочим, и за тем, как принимаются и толкуются практически юристами главнейшие из намеченных первоначальными проектами положения».

В 70-е годы был создан ряд комиссий при Министерстве внутренних дел, Министерстве юстиции и Государственном совете для пересмотра системы наказаний, однако широко развернулась эта работа только при Набокове.

Первоначально выработывались «сообразно указанию опыта и науки уголовного права» основные начала новой системы наказаний и основополагающие положения для преобразования нормативной части. В декабре 1879 года основные начала утвердил император. В составе Министерства внутренних дел было создано Главное тюремное управление. После этого Второе отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии, которым руководил С.Н. Урусов, и Министерство юстиции приступили к подготовке плана работ по пересмотру Уложения о наказаниях. В апреле 1881 года такой план был состав-

влен и представлен Д.Н. Набоковым и С.Н. Урусовым новому императору Александру III. Во Всеподданнейшем докладе они предложили учредить особый Комитет из лиц, «близко знакомых с теорией уголовного права и судебной практикой». 30 апреля 1881 года Александр III утвердил состав Комитета. В него вошли 14 человек, в том числе Э.В. Фриш, Н.С. Таганцев, Н.А. Неклюдов, И.Я. Фойницкий и другие. Министр юстиции предлагал включить в него и А.Ф. Кони, но его имя было вычеркнуто из списков. В редакционную комиссию, которую возглавил Э.В. Фриш, были включены пять человек.

Министерством юстиции под руководством Д.Н. Набокова были подготовлены некоторые предложения по усовершенствованию уголовного законодательства, принятие которого не терпело отлагательства. В частности, это касалось изменения наказания для несовершеннолетних преступников — ссылка в Сибирь заменялась для них тюремным заключением, усиления наказания за растрату и должностные преступления, изменения порядка приведения в исполнение приговоров о смертной казни (отменялась публичность).

В 1882 году по докладу министра юстиции был учрежден и особый Комитет для «коренного пересмотра действующих гражданских законов и составления проекта нового Гражданского уложения». В него вошли 12 человек, в основном ведущие ученые-цивилисты, «близко знакомые с судебной практикой и теорией гражданского права». Среди них были М.Н. Любошинский, Е.П. Старицкий, А.А. Книрим, С.В. Пахман, И.И. Карницкий и другие. Редакционную комиссию из семи человек возглавил Е.П. Старицкий.

Комитеты и редакционные комиссии активно принялись за работу, и к середине 80-х годов были подготовлены основные проекты. Однако после смены министра юстиции, по свидетельству самого Д.Н. Набокова, «ледяное дыхание второй половины 80-х годов затормозило все начинания, в которых можно было почуять хоть тень прогрессивной мысли. Целые 10 лет тянулись затем работы редакционной комиссии среди всеобщего охлаждения». Работы были завершены только в середине 90-х годов при министре юстиции Н.В. Муравьеве.

Деятельность Д.Н. Набокова по руководству судебными и прокурорскими органами не вполне удовлетворяла власти, и 6 ноября 1885 года он был освобожден от должности министра юстиции и генерал-прокурора. Публицист и редактор «Русского Вестника» М.Н. Катков, известный своими реакционными взглядами, имея в виду отставку Набокова, сказал как-то Александру III: «Хорошие министры не даются Вашему Величеству». На это император ответил: «Вот это верно».

Совсем по иному оценивали деятельность Дмитрия Николаевича на посту министра юстиции прогрессивные юристы. А.Ф. Кони писал: «Что же, однако, сделал Набоков?» — спросят нас, быть может... «Где следы его созидательной работы, где его победы и завоевания в области судебного устройства?» — На это можно ответить указанием, что не только в военном деле, но и в гражданской, мирной с виду, деятельности бывают времена, когда нечего думать о завоеваниях и покорениях. Если ожесточенный неприятель силен числом, разнородным оружием и средствами разрушения, то приходится иногда переживать долгую и трудную осаду, замыкаясь в тесные окопы, сплотившись около цитадели и не растрачивая сил на бесполезные и даже пагубные для осажденных вылазки. Такую осаду пришлось выдержать Набокову за время его министерства, и, уходя с своего поста, он имел право сказать, что отсиживался стойко и с терпеливым достоинством, не пожертвовав ничем существенным, оберегая честь и спокойствие воинства, во главе которого он был поставлен».

После отставки Д.Н. Набоков оставался статс-секретарем императора. Он участвовал в заседаниях Государственного совета и Правительствующего сената, в различных церемониях, устраиваемых при Высочайшем дворе, в частности в коронации императора Николая II и т.п. Часто присутствовал на заседаниях С.-Петербургского юридического общества, выступал в печати по различным вопросам права и политики.

Дмитрий Николаевич имел многие высокие награды Российской империи и среди них — орден Св. Андрея Первозванного. Д.Н. Набоков скончался 15 марта 1904 года.

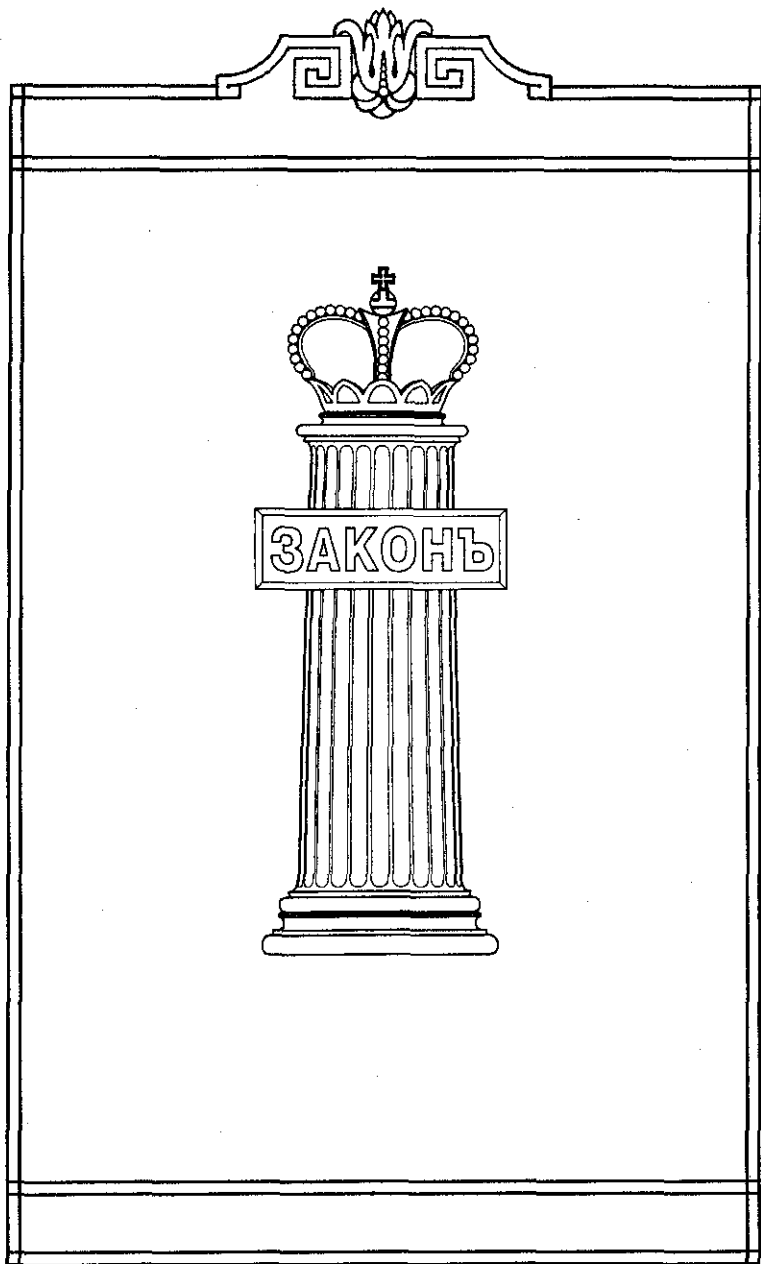
Нам остается только добавить, что один из сыновей Д.Н. Набокова, Владимир Дмитриевич, был известным юристом, публицистом и политическим деятелем. Он родился в 1870 году. После окончания с золотой медалью 3-й Петербургской гимназии учился на юридическом факультете университета. С 1896 года в качестве профессора читал лекции в Императорском училище правоведения. Он участвовал в земских и городских съездах, проводившихся в 1904—1905 годах, и являлся одним из учредителей конституционно-демократической партии (партии кадетов). В 1906 году был избран в первую Государственную Думу. За участие в составлении «Выборгского воззвания», призывавшего граждан России, в знак протеста против роспуска Думы, к отказу от уплаты налогов и прохождения воинской службы, был осужден в числе других депутатов к трем месяцам заключения в крепость. После Февральской революции 1917 года В.Д. Набоков некоторое время исполнял обязанности управляющего делами Временного правительства, затем

стал сенатором. Он много трудился в так называемом Юридическом совещании по составлению законов о выборах в Учредительное собрание, в состав которого и был избран уже после Октябрьской революции. Когда Учредительное собрание было «разогнано», В.Д. Набоков оказался в Крыму. Там он вошел в «Крымское краевое правительство», заняв в нем пост министра юстиции. После установления в Крыму советской власти он эмигрировал. В.Д. Набоков погиб в Берлине в марте 1922 года от руки террориста.

По отзывам современников, В.Д. Набоков был человеком «глубокой умственной культуры и светского воспитания». Он являлся членом редакции газеты «Право» и редактором «Еженедельника конституционно-демократической партии». Им было написано много книг и статей по вопросам русского права и политике.

Николай Авксентьевич
МАНАССЕЙН
1835—1895

«БЫЛ ДОСТУПЕН ДЛЯ ВСЕХ»

Род Манассеиных уходил своими корнями в XVI век. Родоначальником его считался Федор Иванович Манассеин, имевший поместье в Костромской губернии. Дед будущего министра юстиции, Петр Андреевич Манассеин, служил в Казанском губернском магистрате, затем в казенной палате и верхнем земском суде. Отец, Авксентий Петрович, в молодые годы был офицером Стародубского кирасирского полка. От брака с Марией Александровной, урожденной Дроновой, он имел двух дочерей и восьмерых сыновей (пятеро из них умерли в раннем возрасте). Сын Николай родился в 1835 году. Отец, выйдя в отставку в чине майора, поселился в Казанской губернии, в имении, принадлежащем жене его старшего брата. Мать семейства умерла, когда Николаю едва исполнилось девять лет.

Первое время он учился в частном пансионе, а затем в Казанской гимназии, по окончании которой поступил в Императорское училище правоведения. В 1853 году, когда Николай заканчивал последний класс, в это же училище был принят его младший брат, Вячеслав. Однако последнему юридические науки не приглянулись и, пройдя подготовительные классы, он оставил училище и поступил на медицинский факультет Московского университета. Впоследствии Вячеслав Авксентьевич Манассеин стал знаменитым врачом, профессором и начальником Военно-медицинской академии.

Первая должность Николая Авксентьевича после окончания училища правоведения была столь неприметной, что, казалось, не сулила ему в дальнейшем никаких перспектив — он сумел занять лишь место младшего помощника секретаря 6-го департамента Правительствующего сената. В то время многие молодые и способные люди надолго застревали за канцелярскими столами. Надо было иметь очень знатных покровителей или же обладать недюжинными способностями, чтобы достичь верхов служебной иерархии. Благодаря своей энергии, способностям, трудолюбию, строгой личной организованности, Н.А. Манассеин не затерялся в канцелярской среде, а стал медленно продви-

гаться в чинах и должностях. Через несколько лет он назначается секретарем Общего собрания московских департаментов Сената. Однако канцелярская рутина не прельщала энергичного чиновника, и в 1860 году он вышел в отставку.

Только через три года Манассеин возвратился на службу, став исправляющим должность мирового посредника в Мещовском уезде Калужской губернии. Вскоре его заметил прокурор Московской судебной палаты Д.А. Ровинский, который 7 июля 1866 года назначил его товарищем прокурора окружного суда. В то время, по словам А.Ф. Кони, Манассеин был «блестящий, страстный и одаренный громадной энергией» чиновник. Эти качества нравились Ровинскому, и спустя три месяца он направил Николая Авксентьевича в Калугу, прокурором окружного суда. В 1869 году преемник Ровинского — Г.Н. Мотовилов взял Манассеина своим заместителем.

2 июня 1870 года тридцатипятилетнему Манассеину был доверен ответственный пост прокурора Московской судебной палаты. На этой многотрудной и беспокойной должности в полной мере раскрылся организационный талант Николая Авксентьевича. По отзывам современников, он был «безупречно чистым» человеком, умел ценить свое достоинство, отличался «идеальной ревностью к службе» и «гуманным отношением к людям». Он знал все тонкости прокурорской работы, умело находил себе способных помощников, блестяще организовывал судебные процессы. А.Ф. Кони отмечал, что Манассеин во главе московской прокуратуры проявил «огромное трудолюбие и энергию, направленные на служение Судебным уставам верой и правдой». По его мнению, это был «настоящий человек на настоящем месте».

Н.А. Манассеин не был «кабинетным» прокурором. Его часто можно было встретить на заседаниях суда или же просто прохаживающимся по коридорам и заглядывающим в кабинеты судей и прокуроров. При этом он зорко следил за всеми делами — никакая мелочь не ускользала от его пристального взгляда. Прокуроры знали, что ни одно допущенное ими нарушение не пройдет незамеченным строгим начальником.

Старейший судебный репортер и журналист Е.И. Козлинина, хорошо знавшая Манассеина, писала, что он был «в высшей степени доступен для всех, у кого встречалась к нему надобность. Простота обращения Н.А. Манассеина была отличительной его чертой».

В те годы в московской прокуратуре подобралась блестящая плеяда молодых талантливых юристов. Среди них особенно выделялся Петр Наркизович Обнинский, великолепный судебный оратор и публицист. Его речи всегда были проникнуты «спо-

койствием тона, человечностью и убедительностью доводов без преувеличенного толкования улик и доказательств».

Не имел себе равных на судебной трибуне и другой товарищ прокурора Николай Валерианович Муравьев. О нем говорили, что в прокуратуре он занимает такое же место, как Плевако в адвокатуре.

Н.А. Манассеин занимал должность прокурора Московской судебной палаты более семи лет. На этом посту его сменил граф Капнист, а последнего — С.С. Гончаров. Но ни один из преемников не смог подняться до его «административного уровня».

В декабре 1877 года Н.А. Манассеин был назначен директором департамента Министерства юстиции, сменив на этом посту А.Ф. Кони.

8 сентября 1880 года Николаю Авксентьевичу было «повеле-но» присутствовать в Правительствующем сенате. Наиболее впечатляющий след на этом поприще оставила его «стремительная и разрушительная», по выражению А.Ф. Кони, ревизия Лифляндской и Курляндской губерний.

Прибалтийский край в те времена обыкновенно выставлялся как «образец благоустройства» в сравнении с «отсталостью» Центральной России. Однако после того как министр внутренних дел Н.П. Игнатьев и министр юстиции Д.Н. Набоков представили императору Александру III Всеподданнейший доклад о тяжелом положении русского населения в этом крае, засилье местных баронов и помещиков, было решено провести там глубокую ревизию «во всех отношениях государственного управления». Выполнение этой трудной задачи государь возложил на сенатора Н.А. Манассеина, наделив его широкими полномочиями.

Работа предстояла исключительно сложная. Манассеин хорошо представлял себе все ее трудности. Для такой миссии надо было иметь душевное спокойствие, а его-то как раз у Николая Авксентьевича в этот период не было. Дело в том, что его личные дела оказались не в самом лучшем состоянии. Он имел на своем попечении болезненную жену, Екатерину Петровну, несколько детей, также «не богатых здоровьем» (двое из них умерли в юном возрасте), к тому же испытывал серьезные материальные затруднения, вследствие недобросовестности управляющего имением. Ему даже пришлось заложить его.

Собрав представительную комиссию, Н.А. Манассеин прибыл в Прибалтийский край. Здесь перед его взором предстала удручающая картина: все, кто не принадлежал к местным правящим классам, находились в бесправном положении, подавлялись и угнетались. Всюду царил произвол. Правительственные

органы были полностью подняты под себя местными властями; что бы они ни пытались предпринять — их усилия сразу же парализовывались. Крестьяне несли неимоверные тяготы. Угнеталось все русское; принижалась православная церковь. Эстонотальщское и русское население чуть ли не насильно «онемечивалось» в школах.

Н.А. Манассеин начал ревизию с присущими ему энергией, последовательностью и «неослабевающей силой». Он глубоко вникал во все сферы деятельности: административную, судебную, финансовую и пр.; придирчиво следил за работой членов комиссии, умело направляя ее в нужное русло. Местные власти пристально наблюдали за ревизией, контролировали каждый шаг членов комиссии. Видя, что ревизия принимает нежелательный для них оборот, они стали всячески противодействовать сенатору. В ход были пущены все средства. При этом не останавливались ни перед клеветой, ни перед ложью. Не проходило ни одного дня, чтобы в той или иной газете не появилась статья «об ужасах сенаторской ревизии» и о «безобразиях, чинимых чиновниками ревизующего сенатора». Членов комиссии грубо оскорбляли, называли «подонками общества и человечества». Они выставались анархистами и социалистами, натравливающими население против помещиков и дворян.

О самом Манассеине писали, что он «груб, жесток и необузданного нрава». В Петербург полетели многочисленные доносы и призывы отозвать сенатора из «взволнованных им губерний». Во всех бедах, случившихся в это время в губерниях, стали винить только сенатора и его команду.

Н.А. Манассеин и члены комиссии оказались как бы во «враждебном лагере». В таких условиях они проявили исключительную выдержку и спокойствие, не паниковали, не поддавались на провокации. Если происходило какое-либо недоразумение, Николай Авксентьевич разбирался с ним лично, хотя это и отрывало его от основной цели ревизии.

Проверка продолжалась 15 месяцев. За это время Манассеин несколько раз отлучался в Петербург, чтобы доложить правительству предварительные итоги. В августе 1883 года ревизия была завершена.

Огромнейшее напряжение всех духовных и физических сил во время ревизии серьезно подорвало здоровье Н.А. Манассеина. Вскоре после ее окончания он тяжело заболел. В письме от 14 января 1884 года он писал своему другу: «Мое молчание объясняется долгою и серьезною болезнью; теперь хотя и поправляюсь, но медленно. Я едва не отправился на тот свет (было такое опасение 3—4 дня); началось с конца ноября с брюшного

тифа, но я, не зная, что со мною делается, думал, что меня так себе ломает, и лечил себя сам большими приемами хины, за то, потом, свалился как пласт... Спасибо докторам (мой брат с Генрихсен), занялись мною преусердно, и вот теперь, спустя месяц, поставили меня на путь, по-видимому, благополучного выздоровления, за исключением только головы, которая пока никуда не годится, и потому никакая умственная работа для меня невозможна; при этом доктор строжайше требует, чтобы я по крайней мере месяц еще ничего не делал. Чувствую, что он прав, а между тем именно теперь-то мне до зарезу нужно приниматься за серьезную работу, потому что болезнь задержала мой Всеподданнейший рапорт и все другие исполнительные труды для разных министерств (по ревизии)».

В этот период и материальное положение было настолько тяжелым, что ему пришлось, по собственному выражению, «по-больше поприжаться».

По свидетельству биографа и друга Манассеина, оставившего о нем интересные воспоминания (он скрыл свое имя под инициалами «В.С.»), Николай Авксентьевич был «очень деликатен в денежных делах, он стеснялся прибегать к ходатайствам о пособиях, и лишь одна крайность (когда доходы от имения приблизились к нулю) заставила его принять Всемилостивейше дарованную ему из Государственного казначейства помощь на печение».

В конце января 1884 года Манассеин писал: «Если сознать, что требуется послужить родине, так и «попрешь» (повещь) всюю, не помышляя ни о своем здоровье, ни о том, как отзовется усердие на отношениях к разным влиятельным особым, от которых зависят представления к пособиям для поправления здоровья».

Временами из-за переутомления он впадал, как писал сам, в «тяжелое моральное уныние», подумывал о том, чтобы «сбежать» из Петербурга, «удалиться от всех зол его» куда-нибудь старшим председателем палаты.

В 1884 году Н.А. Манассеин представил императору Александру III Всеподданнейший доклад о результатах ревизии в Прибалтийском крае, который был полностью одобрен, а также массу записок, предназначенных для различных ведомств. Этот труд послужил основанием для осуществления в Прибалтике целого ряда реформ.

В ноябре 1885 года Н.А. Манассеин был назначен министром юстиции и генерал-прокурором. Этот пост он занимал более восьми лет, многое сделав для укрепления судебных и прокурорских органов. Его деятельность как министра пришлась на трудные годы (конец 80-х и начало 90-х), когда после убий-

ства Александра II и усиления революционной борьбы Судебные уставы стали явно мешать правительству. А.Ф. Кони писал, что судебному ведомству приходилось «переживать на себе взгляды, исполненные недоверия и отчуждения». Поэтому не случайно деятельность Манассеина на посту министра вызывала много нареканий, причем с совершенно противоположных сторон. Одни считали его слишком либеральным, другие же, наоборот, — чересчур консервативным.

Однако сам Н.А. Манассеин работал в присущей ему манере: страстно, энергично и в то же время кропотливо, въедливо и дотошно. Первостепенной задачей его в первые годы руководства Министерством юстиции стало распространение Судебных уставов на Прибалтийские губернии. В течение двух лет на основании материалов ревизии разрабатывалась специальная программа преобразования этого края. В декабре 1887 года соответствующий проект был одобрен Государственным советом, а затем утвержден императором.

В своем докладе, обосновывая необходимость судебных преобразований в Прибалтике, министр писал, что предлагаемое изменение явится «не только благотворным для Остзейского края усовершенствованием по всем отраслям правосудия, но и послужит к достижению политических целей первостепенного государственного значения — к прекращению обособленности этого края путем возможного слияния его с внутренними губерниями империи».

В то время Прибалтика не имела цельной системы судостроительства. В каждой из губерний были свои, особые судебные органы. Общими у них оказались только недостатки — неопределенность многочисленных процессуальных правил, сложность и медлительность судебной процедуры, замещение судебных должностей только «по выбору от дворянства». Н.А. Манассеин считал, что необходимо кардинально переустроить всю судебную часть этого края. Однако Судебные уставы для Прибалтики были несколько изменены. Например, для ограждения мировой юстиции от местных влияний решено было не выбирать мировых судей, а назначать их от правительства. Не вводился и институт присяжных заседателей. Формально это обосновывалось тем, что местное население говорит на различных языках. Были и другие особенности. В целом же предложения министра юстиции были приняты.

После проведения Судебной реформы в Прибалтике Министерство юстиции приступило к разработке соответствующих преобразований для Олонечской, Оренбургской, Уфимской и Астраханской губерний. Однако осуществить реформу на практике пришлось уже другому министру — Н.В. Муравьеву.

При Манассеине частичные судебные преобразования коснулись также Туркестанского края, Степных областей России и Архангельской губернии. Здесь был введен институт мировых судей с несколько расширением их компетенции при рассмотрении уголовных и гражданских дел и возложением на них функций судебных следователей.

Продолжался пересмотр и самих Судебных уставов. Значительно сузилась категория дел, подлежащих рассмотрению судом присяжных. Манассеин считал, что присяжные, принадлежащие большей частью к мещанской и крестьянской среде, лучше всего справляются с простейшими делами. Что же касалось сложных дел, требовавших углубленного анализа доказательств, проведения многочисленных экспертиз, то в них они испытывали серьезные затруднения. Поэтому он предложил устранить присяжных заседателей от рассмотрения всех дел о сопротивлении властям, о насильственных посягательствах на представителей власти, о преступлениях по службе и т. п. В 1889 году проект Манассеина удостоился Высочайшего утверждения с поправкой на то, что изъятые из ведения присяжных заседателей дела подлежат рассмотрению не особыми присутствиями окружных судов, а судебными палатами с участием словных представителей.

Н.А. Манассеин предложил также ограничить число дел, подлежащих публичному рассмотрению. По Судебным уставам при закрытых дверях слушались только уголовные дела о богохулении, оскорблении святыни и порицании веры, о преступлениях против семейных прав, чести и целомудрия женщин, о развратном поведении и сводничестве. Министр же внес законопроект, предлагавший ограничить гласность судебных процессов, когда создается опасность «нарушения требований нравственности», оскорбления религиозного чувства или «вредного влияния на ход правосудия», когда дело «угрожает возбуждением умов» и гласность не может быть допускаема «в интересах ограждения общественного порядка или достоинства государственной власти».

Нетрудно заметить, что расплывчатость формулировок позволяла суду практически любое дело слушать при закрытых дверях. Более того, Манассеин предложил предоставить право министру юстиции «предлагать суду о закрытии дверей заседания для публики».

В проекте было записано, что запрещается допускать в судебные заседания несовершеннолетних, учеников, воспитанников, студентов, а также женщин, когда это «требуется свойствами рассматриваемого дела».

Современники отмечали, что Н.А. Манассеин постом ми-

нистра юстиции дорожил, но не как атрибутом власти, а как знаком высочайшего к нему доверия монарха. Поэтому в делах управления вверенного ему министерства, «имея в помышлении интересы одного лишь государя», был довольно решителен. Свое высокое положение министра он понимал как положение «старшего между равными». Однако к вопросам соблюдения служебной дисциплины относился строго и требовательно.

Будучи человеком прямым, Манассеин любил, чтобы и ему говорили все начистоту; он легко распознавал малейшее лукавство. К мнению других лиц, юристов-профессионалов, как правило, прислушивался, хотя, с другой стороны, не лишен был и самолюбия и не терпел, когда ему подсказывали то, что он сам лучше других знал.

Н.А. Манассеин и в звании министра оставался непримиримым врагом подхалимажа и «прихвостничества», холоден был к заискиванию и проявлениям раболепства. Он не любил, чтобы чиновники судебного ведомства встречали его на станциях во время поездок по России. В сотрудниках он ценил прежде всего ум, энергию, способность к самопожертвованию. С приезжающими в Петербург по делам судьями и прокурорами встречался всегда приветливо, часами беседовал с ними. Доступ просителей к нему был свободен. Они собирались обычно в большой приемной. Министр обходил всех, выяснял суть просьбы, если было необходимо — принимал прошение. По некоторым ходатайствам сразу же принимал решение, давая соответствующие поручения своим подчиненным. Однако по служебным делам он не любил ходатайств «сторонних лиц», в особенности посредничества «дам высшего общества».

Н.А. Манассеину приходилось, конечно, и увольнять некоторых лиц из системы министерства. Такой участи чаще всего подвергались прокуроры и судьи, избалованные в ростовщичестве, «кредитовании» с помощью своих подчиненных, необдуманно залезавшие в долги и т. п.

Манассеин по-отечески относился к молодежи. Поручая кому-нибудь из молодых серьезную проверку, он обычно говорил: «Извольте просмотреть такое-то дело и, распознав, в чем сами грешили, мне доложите».

Н.А. Манассеин работал много и напряженно, несмотря на то, что все чаще и чаще прихварывал. В письме от 26 февраля 1886 года он писал: «Я по-прежнему завален работою, хотя еще креплюсь; но возлагаю упование на июль и август, чтобы подвинтить себя на следующие осень и зиму...»

При Н.А. Манассеине было проведено не столь много политических процессов, всего 37. Причем только четыре из них

слушались Особым Присутствием Правительствующего сената, 12 — военными судами, а остальные — судебными палатами и окружными судами.

Наиболее важный процесс, получивший название «Второе 1-е марта», происходил 15—19 апреля 1887 года.

1 марта 1887 года на Невском проспекте полицией были схвачены пятеро студентов, заподозренные в приготовлении к покушению на жизнь императора Александра III. У троих из них, В.С. Осипанова, П.И. Андреюшкина и В.Д. Генералова, при обыске были обнаружены «метательные снаряды». Начатое жандармское дознание быстро выявило террористическую организацию, ведущая роль в которой принадлежала Александру Ильичу Ульянову и Петру Яковлевичу Шевыреву. В первые дни по делу было арестовано 25 человек, а впоследствии еще 49. Однако суду Особого Присутствия было предано 15 наиболее активных участников заговора. Во время дознания жандармы, а также наблюдавший за делом прокурор Котляревский не гнушались никакими средствами, чтобы получить нужные показания; угрозы, шантаж — все это пускалось в ход.

Дело слушалось при закрытых дверях. В зал допускались только члены Государственного совета, министры, их товарищи, сенаторы и другая избранная публика.

Министр юстиции Н.А. Манассеин внимательно следил за рассмотрением дела и систематически представлял императору доклады, хотя здоровье его в этот период ухудшилось. Накануне открытия процесса он писал о том, что врач лечил его энергично и такими средствами, что он «остался на ногах», хотя еле на них держался и имел лишь «для отвода глаз» более бодрый вид.

Н.А. Неклюдов произнес на суде «бесцветную» обвинительную речь, в которой «чувствовалась неискренность». Все 15 подсудимых были приговорены к смертной казни; в отношении восьмерых человек о смягчении наказания ходатайствовало даже Особое Присутствие. Александр III утвердил смертную казнь для пятерых подсудимых: А.И. Ульянова, П.И. Андреюшкина, В.Д. Генералова, В.С. Осипанова и П.Я. Шевырева. Они были казнены 8 мая 1887 года в Шлиссельбургской крепости.

И.Д. Лукашевич и М.В. Новорусский были пожизненно заключены в крепость. Их освободила только революция 1905 года.

Компромисс с собственной совестью дорого обошелся Н.А. Неклюдову. А.Ф. Кони вспоминал: «Гордый и самолюбивый, он, конечно, не показывал, ценою какой внутренней ломки и насилия над собой досталось ему выступление в роли обвинителя: мне пришлось совершенно случайно и невидимо для него наблюдать его вскоре после этого на перроне Николаев-

ского вокзала, где он кого-то поджидал, и мне невозможно ни быть ужасного выражения его лица, с остановившимся взгледом и трагическою складкою губ и его дрожащих рук, которыми он машинально «обирает на себе пальто».

Процесс 1887 года, как писал А.Ф. Кони, смутил его чрезвычайно. Он понимал, что в случае возникновения подобного дела жребий обвинителя может пасть и на него. Поэтому Кони решил сразу же откровенно поговорить с Н.А. Манасеиным. Тот успокоил его, сказав, что по желанию государя такие дела впредь будут передаваться на рассмотрение военного суда, а если бы и пришлось заняться им Особому Присутствию, то он «выпишет для этого из Москвы Муравьева». На замечание Кони, что это будет неудобно, так как при Сенате имеются два судебных оратора, министр юстиции сказал: «Найдутся охотники и в Петербурге, а уж вас так и оставим взятым «под сумление», а то ведь вы, пожалуй, и в самом деле предложите смягчить наказание, а это не в моде. Я вот все добивался и ждал от членов этой шайки просьб о помиловании, а Константин Петрович Победоносцев еще и до этого давал совет даровать им жизнь, но нашлись советники, настаивавшие у государя на противном, и он с ними согласился».

Н.А. Манасеин сдержал свое слово. После этого разговора обвинителем по политическим делам он назначал В.А. Желховского, а затем они стали слушаться, как правило, в военно-окружных судах.

Через полтора года после завершения процесса террористов произошло еще одно чрезвычайное событие, которым пришлось заниматься министру юстиции Н.А. Манасеину. И оно также было связано с царской фамилией.

17 октября 1888 года, в начале второго часа дня, недалеко от станции Борки Курско-Харьковско-Азовской железной дороги произошла трагедия, приковавшая к себе на некоторое время внимание всей России. Следовавший из Крыма в Петербург царский поезд потерпел крушение, что привело к человеческим жертвам — погибло 19 человек, ранено — 14. Царская семья, по счастливой случайности, не пострадала. В изорванной одежде, перепачканные, Романовы благополучно выбрались из искорженных вагонов. Александр III, проявляя самообладание и выдержку, сразу же отдал необходимые распоряжения об оказании помощи пострадавшим.

По стране поползли слухи о новом террористическом акте.

Официальная телеграмма о крушении пришла в Министерство юстиции от товарища прокурора Харьковской судебной палаты П.М. Стремоухова, который временно замещал отсутствовавшего прокурора И.П. Закревского.

Для руководства следствием по столь важному происшествию необходимо было подобрать талантливую прокурора. Н.А. Манасеин остановил свой выбор на А.Ф. Кони.

«Экстренным поездом Кони выехал в Харьков в сопровождении вице-директора департамента полиции Зволянского, помощника начальника Петербургского жандармского управления Владимирского и представителя Министерства путей сообщения Верховского. Все трудности и тяготы по «громадному и сложному следствию» А.Ф. Кони разделил с судебным следователем по особо важным делам Харьковского окружного суда Николаем Ивановичем Марки, человеком с «благородным, исполненным чувства долга сердцем», и прокурором этого же суда Николаем Андреевичем Дублянским, «спокойным, знающим и щодне порядочным» человеком.

Следствие продолжалось три месяца, его материалы составили четыре больших печатных тома, не считая многочисленных приложений. Министр юстиции Манасеин постоянно держал ход следствия под своим личным контролем. О результатах — допросах, экспертизах и других следственных действиях А.Ф. Кони регулярно докладывал министру в шифрованных телеграммах. Все же свои предположения, сомнения, наблюдения он излагал в частных письмах к Манасеину. Докладывая императору о деле, министр однажды сослался на одно из таких писем, а впоследствии, по просьбе Александра III, давал их ему на прочтение, не решившись сообщить об этом Кони.

Спустя месяц после начала следствия Н.А. Манасеин вывел А.Ф. Кони в Петербург для «представления государю личных объяснений по делу». К этому времени была завершена экспертиза, проводившаяся в Технологическом институте, допрошены основные свидетели и достаточно ясно были выяснены обстоятельства как самого крушения, так и его причины.

А.Ф. Кони начал свой доклад с сообщения о том, что в результате предварительного расследования не установлено следов какого-либо террористического акта. Затем он изложил свои выводы о виновности должностных лиц, причастных к трагедии. По его словам, они проявили «преступную небрежность к поезду чрезвычайной важности», которая выразилась в неправильном составлении поезда, чрезмерной скорости на отдельных участках пути, некачественной постройке дороги, слабости полотна и т. п.

Александр III согласился с мнением обер-прокурора о виновности управляющего дорогой В.А. Кованько, правительственного инспектора Н.А. Кронеберга и некоторых других

лиц. Когда же встал вопрос о привлечении к ответственности министра путей сообщения К.И. Посьета, главного инспектора железных дорог барона К.Г. Шернвалья и начальника личной императорской охраны П.А. Черевина, требовавшего ускорения хода поезда, несмотря на предупреждения об опасности, А.Ф. Кони сказал, что вопрос о них может быть решен только на основании постановления Государственного совета.

Александр III поблагодарил Анатолия Федоровича Кони за проведенную работу и интересный доклад и пожелал успехов в завершении дела. Н.А. Манассеин был очень доволен тем, как прошел доклад. Он сказал Кони: «Я наблюдал, как он вас слушал; можно ручаться, что он не позабудет ни одного слова, и я думаю, что вас лично можно поздравить с забвением всего того, что вас так долго и несправедливо удручало». Своему же заместителю А.Т. Аракину министр сказал: «Это черт знает что такое, Кони говорил с государем так спокойно и непринужденно, как будто тот просто его знакомый и они встретились случайно в гостинной».

Вернувшись в Харьков, А.Ф. Кони с участием следователя Марки и прокурора Дублянского предъявил обвинение некоторым должностным лицам дороги, а затем, в начале января 1889 года, выехал в Петербург.

Вопрос о привлечении к уголовной ответственности Посьета, Шернвалья и Черевина должен был решаться в Особом совещании Государственного совета.

Такое совещание состоялось в Мариинском дворце в присутствии великих князей Михаила Николаевича и Владимира, председателей департаментов Государственного совета и министров: внутренних дел, юстиции, Императорского двора, морского, вновь назначенного путей сообщения Г.Е. Паукера и государственного секретаря А.А. Половцева. Докладывал дело А.Ф. Кони. За привлечение к ответственности министров высказались семь человек, в том числе и Н.А. Манассеин, против — четверо. После этого вопрос был перенесен на рассмотрение департамента гражданских и духовных дел.

Результат рассмотрения, по выражению Кони, был «поистине возмутителен». Все министры отделались выговором даже без «внесения его в формуляр». А.Ф. Кони писал, что он был «возмущен до боли», а Манассеин был «подавлен и сконфужен».

Когда министр юстиции доложил императору о результатах обсуждения дела в департаменте Государственного совета, тот проговорил: «Как? Выговор и только? И это все? Удивляюсь!..

Но пусть будет так. Ну а что же с остальными?» Н.А. Манассеин пояснил, что они будут преданы суду Харьковской судебной палаты. «И будут осуждены?» — спросил император. «Не сомненно», — ответил министр юстиции. Александр III нашел это «неудобным и несправедливым» и сказал, что хочет помиловать всех. Дело было прекращено.

В начале 1890-х годов «служебная прочность» Манассеина несколько поколебалась. Все чаще и откровеннее государь выражал ему свое недоверие. В такой обстановке он, по выражению Кони, «упал духом» и «утратил прежнюю энергию». В разговоре с наиболее приближенными к нему сослуживцами Н.А. Манассеин поговаривал о том, чтобы оставить пост министра и уйти в члены Государственного совета.

В июне 1890 года вконец измученный Манассеин перед отъездом с Высочайшего разрешения за границу для лечения писал своему другу: «20 июня сдал управление министерством, да и то пока кое-что доделываю, а перед тем совсем из сил выбился, был в крайнем нервном изнурении и заканчивал каждые сутки в полнейшей апатии. Просто себя не узнаю».

Вернувшись из отпуска, Н.А. Манассеин, чувствуя свое непрочное положение, предложил А.Ф. Кони перейти на одну из открывшихся вакансий в составе Правительствующего сената. При этом он подумывал, чтобы оставить его одновременно и обер-прокурором. Однако император на это не согласился. 5 июня 1891 года Кони стал сенатором, а на его место был назначен Н.В. Муравьев, прослуживший здесь, правда, всего один год. После этого он перешел в Государственные секретари, а А.Ф. Кони все-таки стал совмещать две должности: сенатора и обер-прокурора.

28 ноября 1893 года Манассеин писал своему другу: «Изнемог я донельзя и телом и еще более духом; — мои несчастные, давно расшатанные нервы стали совсем никуда негодными. Еще в сентябре я доложил Государю, что по совершенному расстройству моего здоровья у меня нет более сил нести лежащих на мне обязанностей, но тогда никакого ответа не получил, а потому теперь решился, какие бы тяжелые последствия не произошли для меня от этой решимости, — отнюдь не оставлять в министерстве долее наступающего нового года...» И далее: «Я право боюсь, что меня от непрерывного ежечасного исполнения, того и гляди, хватит нервный удар... Жизнь наша, конечно, в руке Божьей, но когда на руках больная, без движения, жена, да сынишка, которого еще надо поставить на ноги, то непозволительно самому укорачивать свою жизнь и себя убивать...»

1 января 1894 года Н.А. Манассеин получил долгожданную отставку и покинул пост министра юстиции и генерал-прокурора. Тогда же он был назначен членом Государственного совета. Однако из-за болезни он не смог долго выполнять свои новые функции.

В последнем письме к другу он сообщал: «Все то мои косточки болят, я так исхудал, что мне даже смешно на себя посмотреть; если же решиться на операцию, — то чувствую, что я бы умер под ножом».

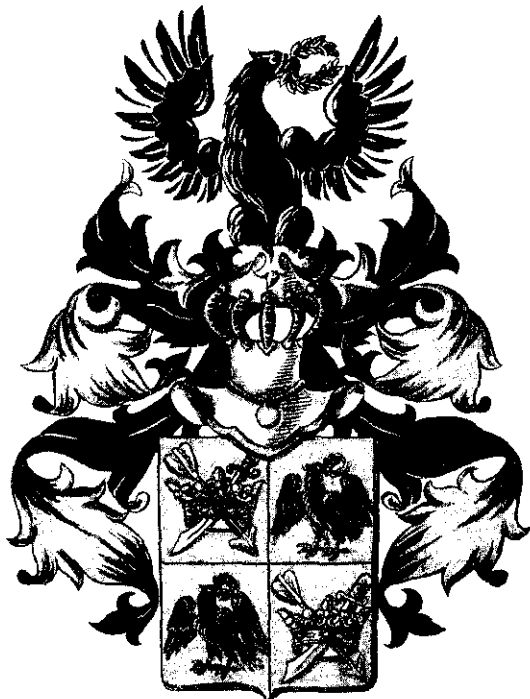
Незадолго до смерти Николай Авксентьевич тайне от своей жены и младшего сына поручил старшему сыну, Петру Николаевичу, приобрести для него место на царскосельском кладбище и приготовить могилу.

Накануне кончины он приобщился Святых Таинств, затем распорядился о своем погребении, которое должно было состояться с «полнейшей простотою».

16 сентября 1895 года Н.А. Манассеин скончался. На его похоронах присутствовали молодой император Николай II и члены царской фамилии.

Николай Валерианович
МУРАВЬЕВ
1850—1908

«ТАЛАНТЛИВЕЙШИЙ ИЗ ПРОКУРОРОВ»

Высочайшим указом, данным Правительствующему сенату 1 января 1894 года, министром юстиции и одновременно генерал-прокурором был назначен Николай Валерианович Муравьев. Впервые этот высокий пост занял человек, последовательно прошедший все ступени прокурорской иерархии — от кандидата на судебные должности до обер-прокурора уголовного кассационного департамента Правительствующего сената, человек сколь талантливый, столь и противоречивый. Н.В. Муравьев был выдающимся юристом и блестящим судебным оратором.

Он родился 27 сентября 1850 года в Новгородской губернии и принадлежал к родовитой дворянской семье. Детские годы сто прошли в Костроме, Петрозаводске и Пскове, где отец служил губернатором. Мальчиком он был записан в пажецкий корпус. Когда Николаю исполнилось 14 лет, родители определили его в 3-ю Московскую гимназию, которую он окончил спустя четыре года с золотой медалью. В 1868 году Муравьев поступил на юридический факультет Московского университета, но уже на следующий год оставил учебу и отправился за границу, где намеревался самостоятельно подготовиться к сдаче экзаменов на степень кандидата прав. Эти испытания он блестяще выдержал в мае 1870 года на юридическом факультете Петербургского университета. Познания двадцатилетнего юноши были так основательны и глубоки, что ему предложили остаться при университете для подготовки к профессорскому званию. Это предложение было очень заманчиво, поскольку научная и творческая деятельность привлекали молодого юриста. Однако он его все же отклонил. Муравьев, как и многие честолюбивые юристы того времени, очарованные и завороженные открывшимися после проведения Судебной реформы грандиозными перспективами, всей душой рвался к практической деятельности. Его очень заинтересовала возможность стать одним из представителей «ока Его Императорского Величества». Поэтому он не соблазнился возможностью занять теплое место где-нибудь в канцелярии Правительствующего сената, а поступил 25 августа

1870 года на службу кандидатом на судебные должности при прокуроре Московской судебной палаты, каковым был в то время Н.А. Манассеин.

Николая Валериановича всегда отличали исключительная трудоспособность, пытливость, настойчивость в достижении цели. К тому же он был честолюбивый, даже тщеславный юноша. Эти качества помогли ему быстро продвигаться по службе. Через несколько месяцев он был командирован в распоряжение прокурора Владимирского окружного суда, где временно исполнял обязанности товарища прокурора. В сентябре 1871 года он становится коллежским секретарем, а спустя два месяца после этого получает направление в Рязанский окружной суд. Там он оставался менее двух лет, выслужил чин титулярного советника и приглянулся прокурору Московской судебной палаты, который и перевел его в старую столицу.

В 1873 году Муравьев уже в Москве в должности товарища прокурора окружного суда. В этом звании он служил почти пять лет, быстро выдвинувшись в число лучших обвинителей Московского суда.

В одной из своих статей А.Ф. Кони назвал прокурора «говорящим публично судьей». Это определение как нельзя более подходило к молодому Муравьеву. Он любил выступать в судебных процессах и умел хорошо их организовывать. Его речи всегда были безукоризненными: юридически обоснованные, грамотно построенные, страстные, красиво звучащие, — они прочно захватывали внимание слушателей и держали его до конца.

В те годы в Москве рассматривалось несколько «сенсационных» дел, в которых участвовал товарищ окружного прокурора. Одно из них — дело помощника присяжного поверенного Элькина. Свообразие делу придавало то обстоятельство, что Элькин стал первым адвокатом, угодившим на скамью подсудимых. При этом обвинялся он в довольно «гнусном» преступлении. Вдова крупного заводчика Попова обратилась к нему с предложением «ввести ее во владение имуществом». Адвокат взялся за это дело, причем больше стал заниматься не столько им, сколько самой вдовой. Обещая жениться, Элькин сумел соблазнить вдову и выманить у нее 15 тысяч рублей и безденежную купчую крепость на дом. После этого не только отвернулся от обманутой женщины, но также отрекся от долга. Попова обратилась к прокурору, и против Элькина было начато следствие. И хотя защищал Элькина известный присяжный поверенный А.В. Лохвицкий, молодой товарищ прокурора сумел блестяще провести процесс. По свидетельству Е.И. Козлиной, «с необычным пафосом громил он не столько самого Элькина, сколько все об-

щество, откинувшее старые идеалы, а взамен их ничего не сумевшего создать, кроме неутомимой жажды наживы, продуктом какового положения и явился Элькин, не знающий другого бога, кроме золотого тельца».

Во время перерыва публика устроила Муравьеву настоящую овацию. Муравьев был счастлив. После этого процесса многие люди стали приходить в суд только затем, чтобы послушать таинственного обвинителя. И он всегда оправдывал их доверие. П.В. Муравьев стал, как писали тогда, «цветом и надеждой прокуратуры».

Вскоре после этого слушалось еще одно громкое дело, которое, хотя и окончилось трагически, создало Муравьеву такой триумф, что после этого почти все его речи стали публиковаться в печати. Это было дело о расхищении наследства некоего миллионера Занфтлебена. На скамье подсудимых оказались племянница умершего Ольга Занфтлебен, ее сожитель Мышаков, бывший сенатский секретарь Алферов, а также душеприказчики богача генерал-майор Гартунг и граф Ланской. Обстоятельства дела заключались в следующем. После смерти Занфтлебена основная часть его имущества переходила к детям от первого брака. Вторая жена, Ольга, получавшая по завещанию лишь 10 тысяч рублей, вздумала завладеть всем имуществом. Вместе со своим любовником Мышаковым, бывшим лакеем у ее мужа, и душеприказчиком Гартунгом, задолжавшим умершему крупную сумму, она выкрала после смерти мужа некоторые документы, в частности долговые обязательства, которые сумела реализовать в свою пользу.

Муравьев в этом деле превзошел сам себя. Он обрушил на подсудимых все свое красноречие. Особенно доставалось от него генерал-майору Гартунгу и сенатскому секретарю Алферову. По делу было установлено, что Гартунг без зазрения совести кутил в «Эрмитаже» на ворованные деньги в компании Мышакова, который за месяц до этого подавал ему калоши в передней своего господина и подсаживал за двугривенный в стакан.

Е.И. Козлинина, присутствовавшая на суде, вспоминала, что «сильное обличительное слово, беспощадно брошенное Гартунгу в лицо в присутствии всей лучшей части московского общества, видимо всколыхнуло совесть несчастного генерала, пробудив в нем сознание того позора, который пережить невозможно».

Выслушав в тот же день обвинительный приговор, Гартунг испределся прямо в зале суда. Трагедия вызвала страшный переполох. Старшина присяжных упал в обморок, истерично рыдал защитник подсудимого, публика и судьи были в оцепене-

нии. «Понуро расходилась из суда публика, — писала Е.И. Козлинина, — видимо, сожалея о тех овациях, которые за три часа перед тем она так шумно и восторженно расточала перед жестоким талантом молодого обвинителя».

Находясь в Москве, Н.В. Муравьев в 1874 году выдержал в университете экзамен на степень магистра и стал читать публичные лекции по курсу уголовного судопроизводства. Студенты очень ценили его выступления, так как товарищ прокурора обладал не только глубокими познаниями в теории права, но и получил хорошую практическую подготовку. К тому же он говорил доходчиво, образно и красиво. Преподавательская деятельность, совмещаемая с исполнением прямых служебных обязанностей, продолжалась четыре года. На основе своих лекций Муравьев опубликовал целый ряд больших статей по наиболее актуальным вопросам права.

В декабре 1875 года Муравьев получил очередной чин коллежского асессора.

Одним из самых громких процессов этого периода деятельности Н.В. Муравьева был процесс по так называемому делу «Клуба червонных валетов», проводившийся в Москве в феврале-марте 1877 года.

Судебное заседание Московского окружного суда по этому делу открылось 8 февраля 1877 года. Председательствовал на процессе товарищ председателя Московской судебной палаты С.Я. Орловский, членами суда были А.М. Ринг и И.А. Рогозинский. Обвинял подсудимых товарищ прокурора Н.В. Муравьев. Учитывая объем дела (несколько десятков томов), ему помогал один из кандидатов на судебные должности. Суду были преданы 47 лиц, из которых только 11 человек оставались на свободе. Среди защитников было несколько выдающихся юристов: Ф.Н. Плевако, В.М. Пржевальский, А.В. Лохвицкий. Присяжными заседателями в основном были купцы, чиновники, мещане и крестьяне.

Накануне открытия судебного заседания к Муравьеву явился полицейский и предупредил, что по их сведениям невеста одного из подсудимых, некая Жардецкая, намерена явиться на процесс с револьвером и выстрелить в прокурора. На это Муравьев ответил: «Благодарю вас, можете быть уверены, что я теперь более, чем когда-либо спокоен за свое существование; уж если об этом намерении дошли слухи до сведения нашей московской полиции, то я уверен в том, что мадемуазель Жардецкая этого ни за что не хотела сделать». Перед открытием заседания стало известно, что один из основных подсудимых, «червонный король» Шпейер, сбежал и скрывается где-то в Москве. Как-то раз Муравьев шел на ве-

чернее заседание и недалеко от здания суда столкнулся с человеком, очень похожим на скрывшегося Шпейера. Муравьев хотел его задержать, но тот стал быстро удаляться. Товарищ прокурора послал вдогонку за ним городского. Через некоторое время тот вернулся и доложил, что неизвестный добежал до Царь-пушки, возле которой его ждала дама в санях, и «лихач» тут же умчал их.

Чтение обвинительного акта (112 печатных страниц) длилось несколько часов. Подсудимым вменялось около 60 различных преступлений, ущерб от которых превышал 300 тысяч рублей. Многие подсудимые вели себя в зале заседания довольно развязно: паясничали, кривлялись, хвалились своими «подвигами», пытались сместить публику, что создавало неприятное впечатление.

Судебное следствие продолжалось три недели. Затем начались судебные прения. Слово было предоставлено товарищу прокурора Московского окружного суда Н.В. Муравьеву. Вот как описывает свое впечатление от этой речи Е.И. Козлинина: «Удачно скомбинировав все данные, в связи с личностью каждого из обвиняемых, ярко определившейся в течение трех недель, Н.В. Муравьев и начал свое обвинительное слово. Почти два дня длилась эта замечательная речь. Сильная и эффектная, она до такой степени захватывала внимание слушателя, что когда он яркими красками набрасывал какую-нибудь картину, так и казалось, что воочию видишь ее. Несомненно, что ни раньше, ни потом публике не удалось слышать ничего подобного. Миссу прекрасных речей этого талантливого оратора слышали его современники, но по силе впечатления с речью по делу «вагтон» не могла сравниться ни одна».

5 марта 1877 года Московский окружной суд вынес приговор по этому делу. Главные организаторы преступлений: Давыдовский, Массари, Верещагин, Мейерович и ряд других были лишены всех прав состояния и сосланы в Сибирь; другие приговаривались к менее тяжким наказаниям. 19 человек были оправданы.

Это дело явилось как бы первым опытом борьбы правительства с более или менее организованной преступностью. Н.В. Муравьев теперь приобрел прочную репутацию лучшего обвинителя Москвы.

Вскоре после процесса некоторые его участники были повышены в должности. С.Я. Орловский стал председателем департамента судебной палаты, а Муравьев — прокурором Ярославского окружного суда.

В Ярославле талантливый прокурор задержался чуть более года. В январе 1879 года он назначается товарищем прокурора

С.-Петербургской судебной палаты. В июле того же года ему поручается временное управление уголовным отделением департамента Министерства юстиции, а через месяц после этого он командировается для обозрения делопроизводства и прокурорского надзора в Волынскую губернию.

В Петербурге Муравьев сумел быстро завоевать признательность и уважение. Он был смел, инициативен и в те годы еще довольно либерален. Николай Валерианович с юных лет слыл страстным книголюбом. Когда он переехал в Петербург, то, несмотря на занятость и множество дел, навалившихся на него, всегда находил время для посещения книжного магазина известного издателя М.О. Вольфа, расположенного в Гостинном дворе. Здесь часто собирались писатели, журналисты, артисты; сюда любили заглядывать также министры и другие важные персоны. Магазин получил название «Литературный почти-клуб», или «Маврикиева каморка», по имени издателя. И вот однажды, по свидетельству книжника и журналиста С.Ф. Либровича, Муравьеву пришлось заняться делом, возбужденным жандармами в отношении одного из сотрудников типографии Вольфа. Дело это получало политическую окраску. В то время по России гуляли антиправительственные листки «Земля и воля», «Народная воля» и другие, доставлявшие много беспокойства властям. В июне 1879 года, ночью, жандармы неожиданно нагрянули в типографию Вольфа, учинили там обыск, а затем арестовали управляющего «словолитнею» В.А. Александрова. Его обвинили в том, что будто бы в типографии печатались подпольные издания. Над издателем Вольфом нависла серьезная угроза. И тут дело попадает в руки Муравьева. Он ознакомился с ним и пришел к выводу, что Александров никакого отношения к печатанию антиправительственных листов не имеет. По указанию прокурора Александрова привезли под стражей в контору Вольфа, где он стал давать объяснения в присутствии Муравьева и приглашенных им экспертов. Находившийся здесь же издатель Вольф предложил провести «следственный эксперимент», то есть напечатать один лист прокламации шрифтом его типографии и здесь же сличить его с «заподозренным» листком. Муравьев одобрил это предложение. Набрали одну страницу «Земли и воли» и сделали оттиск. Шрифты оказались совершенно различными. Тогда Муравьев своим обычным и не допускающим возражения голосом приказал жандармам «облегчить» содержание арестованного Александрова. Спустя три дня он вообще освободил его «за отсутствием улик». Зайдя как-то раз после этого за очередными покупками в магазин, он сказал Вольфу: «Вы и не подозреваете, Маврикий Осипо-

нич, какая вам грозила опасность... Ведь в сущности донос и обвинение направлены были против вас... Я рад за вас, что это дело попало мне в руки...»

Жандармы пытались оспорить решение Муравьева, даже распространяли слухи, что он подкуплен, но дело это так и заглохло.

В октябре 1880 года Н.В. Муравьев временно исполнял должность прокурора С.-Петербургской судебной палаты. В январе следующего года он получил очередной чин коллежского советника.

Годы, что провел Муравьев в столице, характеризовались нарастанием второй, более жесткой волны революционных выступлений. Одно за другим следуют несколько покушений на императора Александра II. Правительство в борьбе с «крамолой» все чаще и чаще прибегает к военным судам и внесудебным способам расправы. Кровавое противостояние революционеров и правительства все усиливается. Только в течение 1879—1882 годов в России было проведено 99 политических процессов, из них одно слушалось в Верховном уголовном суде и два — дело «1-го марта» и «20-ти» — Особым Присутствием Правительствующего сената. В этих двух последних, исключительно важных, обвинителем выступал Н.В. Муравьев.

1881 год, обгаренный царской кровью, стал судьбоносным в служебной карьере Н.В. Муравьева. Именно ему — талантливому, задиристому, блистательному тридцатилетнему судебному деятелю — было доверено исполнять прокурорские обязанности в Особом Присутствии Правительствующего сената по так называемому «Делу о злодеянии 1 марта 1881 года, жертвою коего пал в Бозе почивший император Александр Николаевич».

Это был последний крупный политический процесс в России в XIX веке, на котором присутствовали корреспонденты, в том числе и некоторых иностранных газет. В зале судебного заседания были и художники, в частности К.Е. Маковицкий и А.А. Несветевич, которые сделали зарисовки участников процесса.

Заседание Особого Присутствия Сената по делу «1-го марта» открылось 26 марта 1881 года в 11 часов дня. Председательствующим был назначен сенатор Е.Я. Фукс. Членами Присутствия являлись сенаторы Н.Н. Биппен, Н.С. Писарев, И.Н. Орлов, А.И. Синицын и А.В. Белостоцкий. В число сословных представителей входили предводители дворянства граф Бобринский и барон Корф, Московский городской голова Третьяков и волостной старшина Гелькер. Обязанности обер-секретаря выполнял В.В. Попов.

Суду были преданы шесть человек, пятеро из них имели адвокатов. Софью Перовскую защищал Кедрин, Николая Кибальчича — Герард, Тимофея Михайлова — Хартулари, Николая Рысакова — Унковский и Геси Гельфман — Герке. Андрей Желябов от адвоката отказался.

Н.В. Муравьев произнес длинную, «лившуюся» почти пять часов, довольно страстную обвинительную речь. С точки зрения революционных демократов, его речь была «напыщенной» и «вычуренной», наполненной «небылицами». Такие отзывы сделали как сами подсудимые, так и демократические издания. Но иным в то время и не могло быть выступление прокурора по делу об убийстве императора, считавшегося, и не без оснований, реформатором. И обвинитель, и председатель суда к тому же находились под жестким прессом властей.

В своей речи прокурор был очень жесток и суров по отношению к подсудимым. Он видел в них не «борцов за свободу», а «врагов отечества», с которыми надо вести беспощадную борьбу. Как юрист и исследователь, он глубоко изучил историю российского революционного движения и даже подготовил в 1880 году большую работу по этой теме — «Очерк исторического развития и деятельности русской социально-революционной партии», охватившую период с 1863 по 1880 год. Прокурор был еще находчив и остроумен. Когда в одном месте он патетически воскликнул: «Из кровавого тумана, застилающего святыню Екатерининского канала, выступают перед нами мрачные облики цареубийц...», Желябов неожиданно громко рассмеялся. Судьи и публика оцепенели. Однако Муравьев не растерялся. Он спокойно, но громко и отчетливо проговорил: «Когда люди плачут — желябовы смеются».

Н.В. Муравьев не щадил в своем выступлении даже женщин. Софью Перовскую он выставил как олицетворение безнравственности и жестокости, свойственной всем революционерам. Он говорил, что она с «циничным хладнокровием» распорядилась «злодеянием». И никакие воспоминания детства здесь уже не имели для него значения. А ведь обвинителю было что вспомнить. Еще мальчиком в 1856—1859 годах, когда его отец был губернатором в Пскове, а отец Перовской — вице-губернатором, он играл вместе с Софьей в детские игры, а однажды она вместе со своими братом и сестрой даже вытащила будущего прокурора из глубокого пруда, в котором он чуть было не утонул.

В заключение своей большой речи Муравьев сказал: «С корнем вырвет русский народ адские плевелы из русской земли и, тесней, дружней сомкнувшись несчетным рядом благомысля-

них граждан, бодро последует за своею несокрушимою, единою священной родиной, за своим ныне вступившим на царство августейшим вождем».

Прокурор внес предложение приговорить всех подсудимых к смертной казни.

Известно, что эта речь, так понравившаяся правительству, вызвала критические стрелы демократов. М.Е. Салтыков-Щедрин едко высмеял Муравьева, выведя его в образе «надворного советника Сенички», мастера «щипать людскую корпию», хватить и судить, в своем десятом «Письме к тетеньке».

Особое Присутствие Правительствующего сената приговорило всех подсудимых к повешению. Только Рысаков и Михайлов подали прошения о помиловании, которые были отклонены. Пятеро подсудимых были казнены. В отношении Гельфман, оказавшейся беременной, смертная казнь была заменена каторгой. Однако вскоре после родов она умерла в крепости.

После завершения судебного процесса Муравьев некоторое время оставался товарищем прокурора палаты, затем исполнял должность прокурора, а 16 января 1882 года был утвержден прокурором С.-Петербургской судебной палаты. В мае 1881 года, по распоряжению министра юстиции Набокова, он посетил Париж, где вел переговоры с французским правительством о выезде российским властям Л.Н. Гартмана, одного из организаторов взрыва недалеко от Москвы полотна Московско-Курской железной дороги 19 ноября 1879 года во время прохождения царского поезда.

В июне 1881 года Муравьев становится надворным советником, а спустя четыре месяца «за особые отличия по службе» назначается чином статского советника.

В сентябре 1881 года, исполняя должность прокурора палаты, он провел большое совещание прокурорских работников, на котором обсуждались самые насущные проблемы надзора. После совещания, обобщив поступившие от прокурорских работников предложения, он разработал обстоятельную Инструкцию чинам прокурорского надзора округа С.-Петербургской судебной палаты. В ней впервые были четко сформулированы основные полномочия и обязанности прокуроров и их товарищей. Инструкция была опубликована и выдержала несколько изданий.

В конце 1881 года он выступил обвинителем в С.-Петербургской судебной палате по делу о типографии «Черного передела». В своей речи на процессе Муравьев признавал, что эта газета была умереннее, чем «Народная воля». «Листки газеты не

пропитаны кровью, от них не пахнет динамитом», — сказал он на суде.

Однако вскоре ему снова пришлось выступить в крупном политическом процессе, где опять «пахло динамитом». Уже в ранге прокурора судебной палаты он выполнял прокурорские обязанности на процессе двадцати народовольцев, который проводился в феврале 1882 года в Особом Присутствии Правительствующего сената. Подсудимым вменялось в вину несколько политических преступлений, в том числе восемь террористических актов, направленных против Александра II, убийство шефа жандармов Мезенцева и другие. Председательствовал на процессе сенатор Дейер.

И на этом процессе Муравьев выступает непримиримым противником революционного движения. В своей речи он выводит подсудимых, как «шайку убийц». Но все же и он вынужден был признать достойное поведение подсудимых во время суда. Муравьев, в частности, сказал: «Им надо отдать дань уважения, — они в последнюю минуту расчета с правосудием думают не о своей личности, а об интересах сообщества, к которому принадлежат».

По этому делу были приговорены к смертной казни десять человек, что вызвало резкий протест не только в России, но и в Европе.

В 1884 году Н.В. Муравьев назначается прокурором Московской судебной палаты. Он всегда любил комфорт и лоск во всем: в жизни и в работе. Он сразу же занял роскошную, состоящую из 20 комнат, служебную квартиру в здании судебных установлений в Кремле. С таким же размахом устроил и других служащих прокуратуры. От своих подчиненных Муравьев требовал не только соблюдения строгой дисциплины и ответственного отношения к делу, но и внешней опрятности, достойного поведения. Современники вспоминали, что он в буквальном смысле муштровал прокуроров, особенно придирчиво относясь к наиболее способным из них. Не случайно лица, прошедшие его суровую школу, быстро продвигались по службе, становились председателями судов, прокурорами палат и окружных судов.

Состав тогдашней московской прокуратуры, хотя и включал много хороших, талантливых сотрудников, не в полной мере удовлетворял требовательного к себе и к сослуживцам прокурора палаты. Твердый, энергичный и решительный, обладавший бойцовскими качествами, Муравьев иногда говорил, что его помощники «не в меру корректны», «недостаточно задиристы», а то и просто «мягки». Поэтому он стремился привлекать в про-

кратуру таких обвинителей, как М.Ф. Громницкий, который был настоящей грозой подсудимых.

С переходом Муравьева в Москву жители столицы снова услышали в суде его страстные речи. Первым выступлением его в качестве прокурора Московской судебной палаты было выступление по делу о злоупотреблениях в Скопинском городском общественном банке. Оно слушалось с 22 ноября по 7 декабря 1884 года. Суду были преданы директор банка Рыков и другие должностные лица, всего 26 человек. Следствие установило массу подлогов и злоупотреблений, причинивших значительный материальный ущерб.

Муравьев и на этот раз произнес замечательную речь, длившуюся несколько часов. Он всегда относился к выступлениям в суде ответственно. Свои речи часто писал крупным, разборчивым почерком, а затем очень искусно и почти незаметно читал наиболее важные места из них. Иногда после выступления защитника, перед тем как высказать свои возражения, он брал у председателя суда перерыв на час или два, чтобы основательно подготовиться. Е.И. Козлинина вспоминала: «Его речи, полные самого глубокого содержания, до такой степени кроме того были красочны, что когда он рисовал какую-нибудь картину, слушателю казалось, что он реальнейшим образом эту картину видит собственными глазами. Властно звучало его могучее слово, и перед загипнотизированным слушателем веренище мелькали воспроизводимые им образы, и до такой степени эти образы были жизненны, что вот-вот, казалось, они воплотятся в реальную форму».

Приговором суда 21 подсудимый был осужден к различным мерам наказания.

В 1886 году Н.В. Муравьев созвал съезд прокуроров округа Московской судебной палаты. На съезде были подняты самые актуальные в то время вопросы, в частности, об отношении прокуроров к институту присяжных заседателей, о мерах по улучшению руководства следствием, о деятельности полиции и надзоре за ней и другие.

Талантливые и способные сотрудники всегда получали поддержку у Муравьева. В этом отношении характерна история с судебным следователем по важнейшим делам Московского окружного суда Н.В. Сахаровым. В 80-е годы XIX века это был один из лучших криминалистов Москвы. Он относился к первой плеяде судебных следователей, начавших службу еще до Судебной реформы.

Николай Васильевич Сахаров родился в 1829 году в городе Котельске Калужской губернии, в семье протоиерея. После

окончания местной семинарии начал службу в Козельском уездном суде, затем был правителем канцелярии губернатора и секретарем губернского правления. В июне 1861 года его назначили судебным следователем Козельского уезда, и с тех пор более тридцати лет он занимался расследованием преступлений. С 1876 года он служил в Москве, где вскоре выдвинулся в число лучших следователей. Он расследовал наиболее тяжкие дела, в частности разоблачил казначея Московского воспитательного дома Мельницкого, похитившего более 300 тысяч рублей, разобрался в причинах катастрофы на станции Голицыно Московско-Брестской железной дороги, в результате которой погибли 12 и получили увечья свыше 30 человек, и многие другие. В 1886 году он отдал под суд нотариуса Назарова, изнасиловавшего молодую девушку, которая не вынесла этого унижения и застрелилась на набережной Москвы-реки. Дело дважды прекращалось другими следователями, но Сахаров, проведя самое тщательное расследование, сумел добыть неопровержимые доказательства виновности Назарова. Кассационное заключение по делу в Правительствующем сенате давал А.Ф. Кони, высоко оценивший качество следствия. Правда, увлекшись, Сахаров занес в протокол несколько нелестных выражений, высказанных свидетелями в адрес нотариуса. За это Сенат поставил ему на вид.

И вот над этим следователем вновь нависли тучи. Сахаров расследовал дело некоего присяжного поверенного Глаголева, который мошенническим путем получил от коллежского асессора Кошелева деньги и векселя на 200 тысяч рублей. Дело было исключительно сложное и кляузное. И обвиняемый, и потерпевший были достойны друг друга: корыстолюбие, алчность, стремление к материальной выгоде и наживе — все это было присуще обоим в полной мере. Разобраться в потоке взаимных разоблачений и лжи было непросто. Сахаров в течение года продирался сквозь эти склоки. И с двух сторон на него сыпались жалобы — он едва успевал отписываться. В одном из своих писем в окружной суд Сахаров дословно привел некоторые выражения свидетелей, высказанные в отношении Кошелева: «украл», «повыцарапал», «прикарманил», «сорвал» и т.п. Этого оказалось достаточно, чтобы судебная палата возбудила против него уголовное преследование.

Заседание уголовного департамента Московской судебной палаты открылось под председательством члена палаты А.Н. Терновского 28 марта 1889 года. Сахаров на суд не пошел, представив объяснение о том, что он «всецело вверяет судьбу 28-летней непорочной следственной деятельности беспристрастную судебной палаты».

Обвинять Сахарова вызвался сам прокурор Московской судебной палаты Н.В. Муравьев, очень ценивший и уважавший его как лучшего следователя Москвы. На суде Муравьев произнес такую «обвинительную» речь, которая составила бы честь любому защитнику. Прокурор сказал, что действительно в донесении окружному суду Сахаров поместил выражения «противные пристойности», хотя сделал это без «намерения обидеть тех, до кого эти выражения относились», но что «авторские права» на эти выражения принадлежат не ему, что он только «воспроизвел их в следственных протоколах». Инкриминируемый Сахарову документ, отмечал Муравьев, есть не более как «откровенное объяснение подчиненного», не подлежащее никакому оглашению, а потому и не могло оскорбить кого-либо. Муравьев говорил о том, что есть различные типы следователей. Одни почти механически «исполняют формальности и безучастно холодно участвуют в исследовании человеческого горя». У таких все «чинно и гладко». Другие «любят свое дело, болеют и живут его интересами», не потеряли способности «сочувствовать, негодовать и возмущаться» и под «наплывом образов и мыслей» могут «не сладить с объективной сдержанностью их выражений». На такого следователя, «энергичного и даровитого», часто градом сыплются «невзгоды и нарекания». «А подобный следователь, в особенности по важнейшим делам, такой, как Н.В. Сахаров, — продолжал Муравьев, — всегда находится в трудном положении главного ответчика по всевозможным крупным и сложным следствиям и за принятые принудительные меры, и за их непринятие, т.е. пред обвиняемым и пред потерпевшим; производить по горячим следам следствие первостепенной важности, видеть воочию и чутко понимать все хитросплетения, которыми хотят затуманить истину, скрыть преступление, и в то же время быть вынужденным отписываться от жалоб и наветов недовольных — долго ли тут вырваться резкому слову, и можно ли жестоко карать за это честного и бескорыстного, ретивого труженика?!»

Муравьев напомнил членам суда формулярный список Сахарова, который представлял «длинную цепь отличий». Он подчеркнул, что по закону кара, которая угрожала следователю, не могла быть смягчена или понижена. «По делу о незначительном нарушении официальных приличий, — подчеркнул он, — выдающийся следователь по важнейшим делам лишен того права на списхождение к нему суда, которым широко пользуется каждый из разоблаченных им тяжких преступников».

В заключение Муравьев сказал: «Не ошибается только тот, кто ничего не делает; не стыдно тому, кто, положив всю душу

в дело свое, работая изо дня в день, с утра до ночи над тайной летописью преступлений, случайно перейдет границу сдержанности и спокойствия и резко, неуместно, но по крайнему своему разумению назовет вещи их собственными именами. Он виноват, суд старших может и осудить его, но рядом с ошибкой следует будет поставить также и добросовестные труды на общественную пользу и многолетние заслуги пред правительством на судебном поприще».

После такой «обвинительной» речи суд, недолго посоветовавшись, оправдал следователя Сахарова. После этого он еще несколько лет работал судебным следователем, раскрыл ряд тяжких преступлений. В частности, вместе с полицией разоблачил и предал суду убийц В.М. Карепиной (родной сестры Ф.М. Достоевского), раскрыл кражу из ризницы Чудова монастыря вещей и ценностей на сумму около 1,3 млн рублей. Оставив следствие, Сахаров некоторое время был членом Московской судебной палаты, затем вышел в отставку и уехал в родной Козельск. Один за другим в журнале «Судебные драмы» и других изданиях выходят его очерки и рассказы: «Из тьмы деревенской», «Исповедь женщины», «Пашковец» и другие. Он много и плодотворно занимался благотворительной деятельностью. Умер Н.В. Сахаров в 1902 году.

Занимая пост прокурора Московской судебной палаты и являясь одновременно инспектором здания Московских судебных установлений, Муравьев многое сделал для улучшения условий труда судебных и прокурорских работников. Смотрителем здания им. был назначен А.Ф. Добржинский, с которым работал еще в Петербурге. Во время в здании судебных установлений не было ни канализации, ни водопровода. Служащие ходили с ведрами за водой к бассейну, находившемуся напротив Александровского сада. Муравьев с помощью Московского городского головы Н.А. Алексеева сумел провести водопровод в здание суда. После этого он добился заключения выгодного контракта на проведение электричества в здания, которые ранее освещались газом.

В период работы прокурором палаты Н.В. Муравьев не оставял и творческой деятельности. Он издал капитальный труд по истории прокурорских органов в России — «Прокурорский надзор в его устройстве и деятельности». Затем опубликовал обширный материал о деятельности современной ему прокуратуры — «Общие основания устройства и уголовной деятельности прокурорского надзора».

Вот что писал Муравьев о подготовке к прокурорской деятельности: «Первому встречному, случайному выходцу из толпы

нельзя быть блюстителем законов и оружием карательных прав государства над личностью обвиняемого в преступлении гражданина. Развитой ум, просвещенный взгляд на вещи, общие и специальные познания о своем деле — все это коренные условия, которые общество вправе требовать от прокурора, как залога правильного пользования вручаемыми ему обширными полномочиями».

В Москве Н.В. Муравьев пользовался полной поддержкой великого князя Сергея Александровича, бывшего в то время генерал-губернатором. Он получил ряд наград, в том числе орден Св. Станислава 1-й степени.

5 июня 1891 года А.Ф. Кони, занимавший должность обер-прокурора, был назначен сенатором уголовного кассационного департамента. На освободившееся место министр юстиции Н.А. Манассеин, по рекомендации Кони, поставил Н.В. Муравьева, хотя и не вполне доверял последнему. Для Муравьева открывались этим назначением новые перспективы, которыми он не преминул воспользоваться, благодаря поддержке влиятельных лиц при Дворе. Впоследствии А.Ф. Кони вспоминал: «Я должен признать, что в новом звании Муравьев был весьма на месте и не уронил его с той высоты, на которую мне удалось его поставить. Его практическая подготовка, умение разбираться в научных материалах и несомненный дар слова нашли себе применение в его заключениях». Наиболее образцовыми заключениями обер-прокурора Кони считал его выступление по так называемому делу о маргарине (дело Андерсена) и об оскорблении в публичной речи на суде (дело присяжного поверенного Дорна).

Несмотря на несомненные успехи, Муравьев все же «тяготился этой деятельностью и скромным материальным положением». Работа не давала удовлетворения его «ненасытному честолюбию и жадному властолюбию». Кони подмечал, что Муравьев «грыз удила, как скаковой жеребец, поставленный в оглобли закона».

Не прошло и года, как «изнывающий в обер-прокуратуре» Муравьев был назначен Государственным секретарем, а обер-прокурором снова стал А.Ф. Кони, соединивший с этой должностью и звание сенатора.

На новом месте Муравьев приехал как нельзя более кстати. Даже по свидетельству недоброжелательно относившихся к нему лиц, это был «блестящий государственный секретарь». За непродолжительный период, во время которого он занимал этот пост, Муравьев успел провести ряд существенных изменений в устройстве и положении Государственной канцелярии,

утвердил новый штат, повысил материальное содержание служащим, присоединил к канцелярии кодификационную часть, ранее обособленную, и образовал в ней отдел Свода законов. Муравьев стал регулярно представлять в Государственный совет различные заключения, в том числе и по вопросам кодификации.

Обладавший незаурядными способностями, трудолюбивый, а также имевший такую солидную протекцию, которую ему оказывал великий князь Сергей Александрович, Н.В. Муравьев 1 января 1894 года был поставлен управляющим Министерством юстиции, а 17 апреля того же года утвержден в должности министра юстиции и генерал-прокурора. В то время это был действительно достойнейший кандидат на столь высокий пост.

Незадолго до назначения Муравьева А.Ф. Кони писал председателю Комитета министров Н.Х. Бунге: «Я вполне разделяю Ваш взгляд на Муравьева. Это вполне достойный представитель и птенец судебного сословия. Голова его устроена превосходно, и ее продовольственные запасы наполнены доверху, а язык гибок, силен и умеет влиять. Это вполне удачный выбор. Некоторые сомневаются относительно его сердца, но мне думается, что они ошибаются, принимая сдержанную форму за существо. Во всяком случае это человек выдающийся».

Следует признать, что не прошло и двух лет, как А.Ф. Кони резко изменил свое мнение о Муравьеве. Особенно нелицеприятные эпитеты отпускает он в отношении него в своих письмах, называя «презренным слугой правительства», «мазуриком», «негодяем», «мерзавцем» и т.п. Здесь есть ряд причин. Кони не согласен был с энергично осуществлявшимся Муравьевым изменением Судебных уставов, в том числе с посягательством на суд присяжных; он считал, что «общее развращающее влияние Муравьева отражается на холопских приговорах суда и нередко и на бездушных разъяснениях Сената».

Вот что пишет о взаимоотношениях А.Ф. Кони и Н.В. Муравьева известный юрист и общественный деятель И.В. Гессен в своих воспоминаниях: «Они были непримиримыми соперниками, никак не могли поделить между собою славы. Муравьеву несомненно принадлежала пальма первенства в ораторском искусстве, он был оратором в истинном значении слова, действовал на слушателей, как певец, самым произнесением речи, независимо от ее содержания. У Кони центр тяжести лежал именно в содержании, заботливо построенном и ароматно насыщенном умело подобранными яркими цитатами из разных авторов. Помню шаблонную речь Муравьева по какому-то торжествен-

ному случаю перед чинами министерства, у которых волнующие трепетные модуляции голоса невольны вызывали слезы, и точно так же помню «открытое письмо» Кони к Дерюжинскому на приглашение сотрудничества в официальном журнале «Детская помощь»... 15 страниц ответа на это приглашение представляли прелестный букет цветов человеческого глубокомыслия и остроумия, и изумительное их сочетание выдавало художественное чутье садовника... У обоих соперников был один и тот же недостаток, который каждый видел только в другом, — у Муравьева некоторая напыщенность тона, у Кони заметная пычурность построения».

Министром юстиции и генерал-прокурором Н.В. Муравьев оставался 11 лет. На этом посту наиболее полно раскрылись его выдающиеся способности, но и наиболее резко проявились его негативные качества: властолюбие, нетерпимость к чужому мнению, резкость и даже грубость, склонность к внешним эффектам, угодничество перед властью имущими, недостаточно высокие нравственные качества.

Желая придать единообразие и стройность системе прокурорского надзора, Н.В. Муравьев издал в 1896 году Наказ чинам прокурорского надзора судебных палат и окружных судов. В нем впервые подробно и основательно были изложены все основные принципы действий прокуроров при исполнении ими обязанностей, возложенных на них законом.

Первое время Н.В. Муравьев использовал свои широкие полномочия министра юстиции и генерал-прокурора очень осторожно. Его любимым выражением этого периода было: «на два фронта». Он не хотел ссориться ни с властями, ни с лицами, стоявшими у истоков Судебной реформы. Но в дальнейшем, по выражению А.Ф. Кони, он «снял маску» и «стал подкапываться под главные устои нового суда, под суд присяжных, несменяемость судей, единство кассации, предварительное следствие». Все чаще и чаще у него возникали конфликты и трения с независимо держащимися судебными деятелями. В угоду приближенным к императору вельможам он требовал от своих подчиненных того или иного решения судебных дел. В таких случаях голосом, не терпящим возражений, он говорил: «На это дело обращено особое внимание».

Н.В. Муравьев окружил себя хотя и талантливыми юристами, но в то же время способными попадать под влияние людей. Его товарищем (непосредственным заместителем) стал тайный советник Петр Михайлович Бутовский, ранее служивший прокурором Харьковской судебной палаты. А.Ф. Кони вначале называл его «пресимпатичнейшей личностью», но в дальней-

шем отзывался о нем, как о «ренегате», поскольку он поддерживал в «ломке» Судебных уставов Муравьева. Впоследствии Бутовский был сенатором и членом Государственного совета. Бутовский оставался товарищем министра юстиции до января 1901 года, когда его сменил С.С. Манухин, бывший директором Первого департамента министерства.

Занимая высокий пост министра юстиции и генерал-прокурора, Н.В. Муравьев не оставлял и творческой деятельности. Он подготовил к изданию два тома своих избранных произведений, которые и вышли в свет в 1900 году. В первый том вошли его основные статьи по судебным вопросам, во второй — судебные речи и различные сообщения.

В самом начале руководства Муравьевым Министерством юстиции произошло событие, вошедшее в историю Российской империи под названием «Ходынской катастрофы». В расследовании этого трагического происшествия Муравьев принимал самое непосредственное участие.

К коронационным торжествам власти готовились загодя. Их наметили провести в Москве. Население старой столицы к тому времени перевалило за миллион. В пригородах разрастались так называемые «фабричные районы», которые притягивали к себе людей из ближних губерний. Поэтому на торжествах ожидался колоссальный наплыв народа. Гуляния решено было провести на Ходынском поле. С этой целью уже в октябре 1895 года там приступили к постройке различных павильонов и буфетов «для раздачи угощений». Строительством занимался архитектор В.В. Николая, а всеми работами распоряжался начальник Особого установления по устройству коронационных народных зрелищ и празднеств Н.Н. Берг, подчинявшийся министру Императорского двора и уделов графу И.И. Воронцову-Дашкову. На это министерство, а также на Московского генерал-губернатора возлагалось и обеспечение порядка во время проведения торжеств. Однако контактировали эти два ведомства между собой очень плохо, больше противодействовали друг другу, что привело к неорганизованности и, в конце концов, явилось причиной трагедии, разыгравшейся на Ходынском поле. Достаточно отметить, что там местами оставались незасыпанные колодцы, овраги; проходы между «буфетами» были узкие.

К утру 18 мая 1896 года на Ходынском поле собралась почти полумиллионная толпа народа. Организация «раздачи угощений» оказалась отвратительной. В начавшейся страшной давке пострадало несколько тысяч человек, из них почти полторы тысячи были задавлены насмерть.

Н.В. Муравьев и прокурор судебной палаты Н.П. Посников лично посетили место катастрофы. Посников руководил первыми следственными действиями.

По официальной версии во время давки на Ходынском поле погибли 1360 человек.

Следователь Кейзер тщательно допрашивал организаторов празднеств, чинов полиции, отвечавших за порядок, лиц, пострадавших от давки, собирал необходимые документы, распоряжения властей, составлял схемы и т.п. Вскоре министр юстиции Муравьев взял дело расследования в свои руки и представил императору обширную «Записку». В ней подробно и основательно изложены все события того страшного дня. Вот только некоторые сведения, приведенные Муравьевым: «Празднично одетый народ стал собираться на Ходынском поле с полудня 17 мая. К 9 час. вечера там собралась уже весьма значительная толпа, которая к 1 часу ночи 18 мая достигла 400—500 тысяч человек. К 5 часам утра над народной массой стоял густым туманом пар, мешавший различать на близком расстоянии отдельные лица. Находившиеся даже в первых рядах обливались потом и имели измученный вид... Из толпы постоянно раздавались ужасные, как бы предсмертные крики и вопли, а атмосфера была настолько насыщена испарениями, что люди задыхались от недостатка воздуха и от зловония. Давка увеличивалась. Люди стали терять сознание. Толпа «выдавливала» таких людей, они падали около буфетов, после чего солдаты поднимали их и приводили в чувство...» Давка усилилась, когда начали раздавать угощения. «Проникавшие на площадь, — отмечалось в «Записке», — выскакивали из проходов оборванные, мокрые, с дикими глазами. Многие из них со стоном падали, другие ложились на землю, клали под голову полученные узелки и умирали».

Министр обвинил в бездействии начальника Особого учреждения Бера, Московского обер-полицмейстера Власовского, его помощника Руднова и полицмейстера Будберга.

Однако трагедия вызвала при Дворе противоборство двух влиятельных партий: великий князь Сергей Александрович защищал московские власти, императрица Александра Федоровна — министра Двора. Не случайно через несколько дней после катастрофы министр Двора Воронцов-Дашков получил орден Св. Андрея Первозванного.

«Записка» Н.В. Муравьева не устроила почему-то императора. Он поручил бывшему министру юстиции графу К.И. Палену провести «новое расследование». По сведению С.Ю. Вите, граф возложил основную ответственность на московские власти. Сама же «Записка» Палена не найдена.

Кончилось все тем, что обер-полицмейстер Власовский был освобожден от своей должности, а министр Двора Воронцов-Дашков вскоре был назначен членом Государственного совета.

Народ дал свою оценку происшедшего. За великим князем Сергеем Александровичем прочно закрепилось прозвище «Князь Ходынский».

Подавляющее большинство жертв этой трагедии было похоронено на Ваганьковском кладбище, где им установлен памятник.

Когда Н. В. Муравьев занял пост министра юстиции, прошло почти тридцать лет с памятного дня утверждения Судебных уставов. Однако «благами» реформы пользовались в России далеко не все. Двадцать три губернии и области, в том числе обширные территории Сибири, Степного и Туркестанского краев продолжали жить по дореформенным судебным порядкам. Устранить этот дисбаланс предстояло новому министру юстиции. Наиболее подготовлены к открытию новых судов были Олонечская, Оренбургская и Уфимская губернии. Этим Муравьев и занялся. В мае и июне 1894 года он лично открыл суды в этих губерниях, а заодно ближе познакомился и с судебными деятелями, которым предстояло проводить в жизнь реформу. В своих речах он убедительно обрисовал преимущества новых судебных установлений и те «основные начала судебной этики», которые должны служить ориентирами для судей и прокуроров в их практической деятельности. В указанных губерниях Судебные уставы вводились в полном объеме, за исключением только учреждения суда присяжных, который появился здесь лишь в 1898 году.

30 сентября 1894 года Муравьев, продолжая свои поездки по России, прибыл в Варшаву. Он посетил городской съезд мировых судей, где присутствовал при рассмотрении двух уголовных дел, затем побывал в Варшавском окружном суде и внимательно ознакомился с работой двух уголовных и гражданских отделений. В Варшавской судебной палате Муравьев встретился с судебными и прокурорскими деятелями, в том числе прибывшими и из провинции. После этого он принимал посетителей, а также чиновников по личным вопросам.

На следующий год Н. В. Муравьев предпринял две большие поездки — на Кавказ и в Прибалтийские губернии, но уже в целях личной ревизии местных судебных установлений.

Во время встречи с судебными деятелями в Риге Муравьев тепло отозвался о деятельности недавно скончавшегося бывшего министра юстиции Н. А. Манассеина. Он сказал, что император по его докладу и по ходатайству судей и прокуроров Риж-

ского окружного суда согласился на установку в здании Рижского суда портрета Н.А. Манассеина.

В Ревеле в честь министра юстиции был устроен обед в офицерском собрании Беломорского полка, на котором присутствовали судебные и прокурорские работники Эстляндской губернии, представители учреждений и всех сословий. На обеде Муравьев выступил с большой патриотической речью. Он сказал, в частности: «Россия — везде Россия, и все дела, все нужды подданных ее Державы могут быть только русскими. А между тем, как часто, к сожалению, приходится напоминать и подтверждать в действительности ту неперемнную истину, что на всем пространстве необъятного нашего Отечества, как бы ни назывались и ни молились, откуда бы ни пришли ее сыны — все государственное, нравственное, властное может и должно быть только одно: царское, русское, единым веянием повинующееся, одним духом проникнутое, к одинаковым целям стремящееся. В этой истине — наша крепость, в ее колебании — наша слабость, в ее утверждении — наше славное прошлое и наше светлое будущее. И нужно ли говорить, что эта истина отнюдь не знаменует собою ни угнетения, ни нетерпимости? Нацкотив, в широких рамках отечественного блага она открывает простор и личной совести, и бытовым особенностям, и законным местным надобностям. Еще никто не делал русскому народу основательного упрека в недостатке великодушия и шири... Всем хватает воздуха и света в обширном русском царстве, все верноподданные его найдут защиту под мощной сенью русского орла...»

Меры по улучшению правосудия в обширном Сибирском крае принимались еще с 1885 года. Однако ожидаемых успехов достигнуто не было. Отчеты и сведения со всей убедительностью свидетельствовали о том, что юстиция пребывает здесь в самом плачевном состоянии.

Решение Государственного совета о введении Судебных уставов в Сибири 13 мая 1896 года было Высочайше утверждено. Устанавливался срок введения — вторая половина 1897 года.

Н.В. Муравьев немедленно приступил к трудоемким подготовительным работам, которые были завершены только в начале 1897 года. 13 июня того же года министр юстиции в сопровождении директоров департаментов министерства Шмемана и Манухина и некоторых других лиц выехал из Петербурга в Сибирь, чтобы лично открыть Иркутскую судебную палату. Добившись выделения на открытие суда значительных средств, Муравьев осуществил поездку с необычайной торжественностью и помпезностью.

Открытие Иркутской судебной палаты состоялось 2 июля 1897 года.

К концу XIX века были открыты также новые судебные установления в Туркестанском крае, Степных и Закаспийских областях Российской империи, затем в северо-восточных уездах Вологодской губернии. 1 июля 1899 года на имя Муравьева был дан Высочайший рескрипт, в котором отмечалось: «В вас, как в министре юстиции, Я нашел отменно деятельного, даровитого и всесторонне подготовленного исполнителя Моих предначертаний. Сегодня, когда за введением Судебных уставов в северо-восточных уездах Вологодской губернии, на пространстве России нет уже более местности, которая бы не пользовалась благами присущих сим Уставам вечных начал правды, милости и равенства всех перед законом. Я с чувством живейшего удовольствия выражаю вам душевную Мою признательность за оказанное вами многополезное сотрудничество... Повторяя вам сердечное спасибо за вашу плодотворную и преданную службу, Я вместе с тем поручаю вам передать Мою искреннюю благодарность всему судебному ведомству, которое ревностно и честно, нередко при тяжелых условиях, выполняет свое высокое призвание стоять на страже закона».

Вступив в должность министра юстиции, Н.В. Муравьев начал грандиозную работу по пересмотру законодательства по судебной части. Многие положения Судебных уставов 20 ноября 1864 года, в период нарастания революционного движения, не устраивали правительство. За тридцать лет со дня их принятия было одновременно принято уже около 700 различных законов, в той или иной степени изменяющих, дополняющих, а то и вовсе ликвидирующих некоторые статьи Уставов. Все это мешало практическим работникам, вносило путаницу, и даже опытные юристы иногда с трудом продирались сквозь законодательные дебри.

Н.В. Муравьев отлично видел все эти несуразности. К тому же с некоторыми положениями Судебных уставов он был принципиально не согласен. Поэтому наряду с распространением их на всю Россию он подготовил Всеподданнейший доклад императору Александру III, в котором подробно обосновал свои соображения о необходимости пересмотра законов о судостроительстве и судопроизводстве.

Н.В. Муравьев считал, что Судебная реформа 1864 года принесла, безусловно, положительные результаты. Однако Уставы не были вполне приспособлены к условиям России с ее историческим складом, огромными пространствами, национальным составом населения, стоящем к тому же иногда на разных сту-

пения развития. По его мнению, составители Судебных уставов увлеклись западноевропейскими образцами и нередко безоглядно привносили в русское законодательство процессуальные приемы, не отвечающие российским нуждам и потребностям. Поэтому правительству волей-неволей приходилось вносить в Уставы различные «изъятия и приспособления».

Программа преобразований была обширная, поэтому Муравьев предложил создать специальную комиссию под председательством министра юстиции.

Доклад Н.В. Муравьева был Высочайше утвержден 7 апреля 1894 года. Под его председательством была создана комиссия для «пересмотра законоположений по судебной части», в которую вошли известные юристы и государственные деятели. Четыре отдела комиссии: местных судебных установлений, судопроизводства, уголовного и гражданского судопроизводства возглавили И.Л. Горемыкин, Н.Н. Шрейбер, Н.С. Таганцев и С.И. Лукьянов, а пятый отдел (общих вопросов) — сам Н.В. Муравьев. Делопроизводство комиссии было возложено на занимавшего в то время должность старшего юрисконсульта министерства С.С. Манухина.

Комиссия под председательством Н.В. Муравьева работала пять лет. Она провела 503 заседания, причем треть из них — с личным участием министра юстиции. Результаты работы комиссии выразились в подготовке новой редакции Учреждения судебных установлений, проектов Уставов гражданского и уголовного судопроизводства, включающих в себя около 4,5 тысяч статей, а также волостного Судебного устава для Прибалтийских губерний. Эти проекты были разосланы для ознакомления заинтересованным ведомствам и опубликованы в журнале Министерства юстиции. 19 мая 1899 года комиссия была официально закрыта. Все ее документы поступили на рассмотрение Государственного совета. Однако в связи с надвигавшейся войной с Японией, а затем и обострением революционной ситуации они так и не были приняты.

Начало XX века Н.В. Муравьев встретил в расцвете своей славы, к этому времени он имел чин действительного тайного советника, был награжден высшими орденами Российской империи. В 1902 году в России торжественно отмечалось столетие образования Комитета министров и ряда министерств.

28 декабря в четыре часа в церкви генерал-прокурорского дома было совершено благодарственное молебствие в честь столетнего юбилея Министерства юстиции. На богослужении присутствовали Н.В. Муравьев, все чиновники министерства и приглашенные гости. Министр, поздравив с юбилеем, вручил

почетным гостям и высшим чинам министерства серебряные, а всем остальным — бронзовые медали, изготовленные к этому событию. На одной стороне медали были помещены портреты императоров Александра I и Николая II, а на другой — даты «1802—1902», эмблема судебного ведомства и лавровая ветвь. Присутствовавшие смогли получить также книгу «Министерство юстиции за сто лет. Исторический обзор». Материалы для исторического очерка были собраны П.Н. Милютиным, А.А. Живковичем, М.Я. Скропышевым, А.Н. Гейне и Н.А. Мурзановым. Обработывал же их в основном старший юрисконсульт министерства (затем сенатор) П.Н. Гусаковский, при участии управляющего межевой частью С.Д. Рудина.

В начале 1904 года исполнилось десять лет, как Н.В. Муравьев возглавил Министерство юстиции. В связи с этим событием в его адрес поступили многочисленные приветствия от судебных палат, окружных судов, съездов мировых судей, совета присяжных поверенных и от отдельных прокурорских и судебных работников.

1 января 1904 года Н.В. Муравьев получил на свое имя Высочайший рескрипт. Государь император Николай II писал ему: «Николай Валерианович. Десять лет тому назад Незабвенный Мой Родитель, желая воспользоваться вашими отличными дарованиями и обширным опытом в судебном деле, назначил вас на ответственный пост министра юстиции. Следуя этому Монаршему призыву, вы с примерным рвением посвятили свои силы предстоявшей вам многосложной деятельности. Плодами ее явились первостепенной важности законодательные труды, наполненные, согласно с Моими предначертаниями, в видах пересмотра Судебных уставов Императора Александра II и распространения действия их на обширные окраины Империи, которых до тех пор не касалось судебное преобразование, а равно для усовершенствования различных законоположений, относящихся к предметам вверенного вам ведомства.

Цена достигнутые под просвещенным руководством вашим успехи в области судебного управления, Я признаю справедливым изъяснить вам за оказанные заслуги искреннюю Мою признательность».

В том же году, подводя итоги десятилетней деятельности, Н.В. Муравьев представил императору обширный доклад, в котором подробно излагались все вопросы, решенные за этот период Министерством юстиции. Особенно подчеркивалось то, что завершено судебное преобразование в России, вновь учреждены три судебных палаты: Иркутская, Омская и Ташкент-

ская, и 19 окружных судов. Подготовлены проекты новых Судебных уставов в количестве 4,5 тысяч статей, расположенных в 25 томах, с объяснительной запиской в 17 томах. Дополнительно учреждены 576 судебских, 204 следственных, 135 прокурорских и 413 канцелярских должностей. Увеличено содержание некоторым чином судебного ведомства, учреждено Благотворительное общество (центральный комитет и 25 местных правлений при 5700 членах), установлена новая форма одежды чиновникам министерства, усилены штаты центрального аппарата. В докладе отмечалось также, какие инструкции были подготовлены министерством за это время, приводилась большая законотворческая деятельность, результаты обревизования судебных мест, в том числе и с участием высших чинов министерства. Подчеркнуто, что проведен ряд совещаний судебных и прокурорских работников, а также Первый съезд тюремных деятелей (1902 г.).

В начале XX века в России резко обострилась обстановка. Назревала первая русская революция. Усиливалась репрессивная направленность деятельности правительства. В такой ситуации Н.В. Муравьев не посчитал возможным оставаться далее на посту министра юстиции. Он запросился в отставку. Он и раньше подумывал оставить должность министра юстиции. Со слов С.Ю. Витте известно, что в конце 1899 года Муравьев подумывал о poste министра внутренних дел, однако должной решимости здесь не проявлял. Человек умный и дальновидный, он хорошо предвидел дальнейшее ухудшение ситуации в России. Военный министр А.Н. Куропаткин вспоминал, что Муравьев как-то раз говорил ему, что правительству «придется пустить в ход оружие для подавления внутренних восстаний. Крови прольется много».

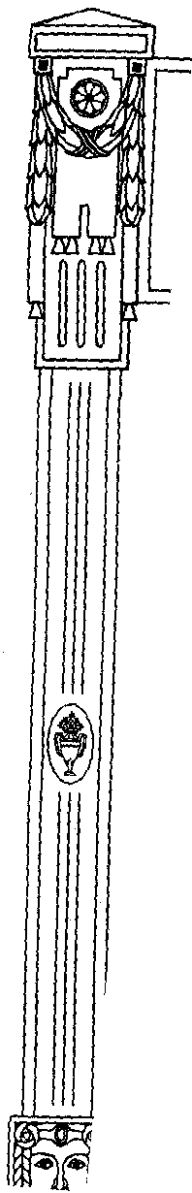
В конце 1904 года Муравьев стал усиленно добиваться места посла в Париже, но такой возможности ему не представилось. Однако вскоре посол в Риме князь Урусов был переведен в Вену, а на открывшуюся вакансию назначен Н.В. Муравьев. Это назначение не было случайным. Муравьев пользовался определенным уважением в международных кругах, он не раз бывал за границей, участвовал в международных конференциях и съездах. В частности, в мае 1902 года произнес речь на французском языке на VII Международной конференции Красного Креста, а в сентябре того же года выступил на открытии IX Конгресса международного союза уголовного права. В 1903 году он председательствовал в Международном Гретеиском Трибунале при разбирательстве претензий держав к Венесуэле.

Муравьев выехал для работы в Рим. Он занимался историческими делами с такой же энергией, как и в мини-

В дипломатических кругах он пользовался авторитетом Муравьева, ранее отлично владевший французским языком, выучил его в совершенстве; начал говорить и читать по-русски. Судя по всему, он был очень доволен, что оставил Петербург.

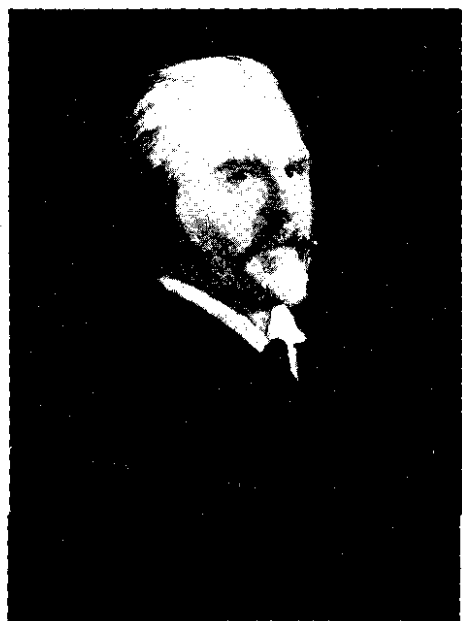
В августе 1905 года, когда стало ясно, что войну с Японией надо скорее прекращать, Россия воспользовалась посредничеством Соединенных Штатов и решила на переговоры. Председателем российской делегации министр иностранных дел Н. Ламздорф предложил С.Ю. Витте. Однако император сделал свой выбор на Н.В. Муравьева. Последний был срочно вызван в Россию, где имел встречу с Николаем II. В конце концов переговоры возглавил все же С.Ю. Витте. По его сведениям, Муравьев отказался от поездки в последний момент, сославшись на то, что «совсем болен». По мнению же В.П. Обухова, политического деятеля и публициста начала XX века, Н.В. Муравьев «уступил графу Витте свое право на поездку в Берлин для заключения мира с Японией» за 50 тысяч рублей. Правда, версия более точная, сказать трудно. Известно, что Муравьев вернулся в Рим и оставался послом до конца своей жизни.

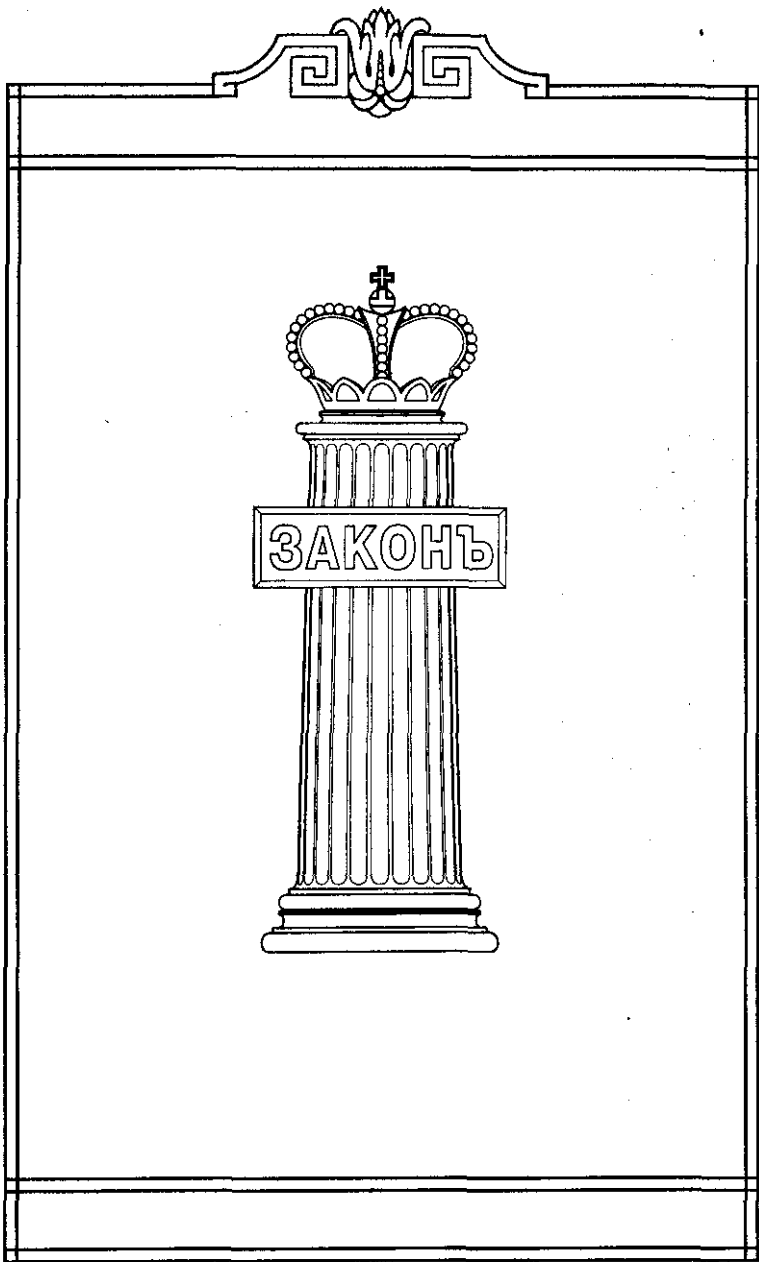
Скончался Н.В. Муравьев 1 декабря 1908 года в Риме.

Сергей Сергеевич
МАНУХИН
1856—1921

ЗАКОНЪ

«ПРЕКРАСНЫЙ ЮРИСТ И БЕЗУСЛОВНО ПОРЯДОЧНЫЙ ЧЕЛОВЕК»

Сергей Сергеевич Манухин родился в 1856 году в потомственной дворянской семье. После окончания гимназии он поступил на юридический факультет Петербургского университета. Службу свою начал в двадцатилетнем возрасте кандидатом на судебные должности при прокуратуре Петербургского окружного суда. Спустя непродолжительное время его направили в Орловскую губернию, где при местном прокуроре он выполнял обязанности секретаря. Через несколько лет, благодаря связям, он сумел попасть на службу в Министерство юстиции. Там Манухин первое время занимался вопросами систематизации законодательства и руководил библиотекой. Только в 1884 году он получает более или менее солидную должность — чиновника по особым поручениям при директоре департамента Л.В. Безродном. Здесь он сумел обратить на себя внимание начальства, поэтому дальнейшее продвижение его по службе было быстрое и удачное. Вскоре Манухин уже исполняет обязанности помощника начальника законодательного отделения и состоит одновременно за обер-прокурорским столом в одном из департаментов Правительствующего сената.

При министре юстиции Н.А. Манассеине началась серьезная реорганизация центрального аппарата министерства. В частности, была учреждена юрисконсультская часть. С.С. Манухин был назначен на должность юрисконсультанта. Он же управлял и законодательным отделением департамента. В его обязанности входили: предварительная проработка законопроектов, которые министр намеревался внести в Государственный совет или Комитет министров; дача заключений и отзывов по проектам законов, представленных другими министерствами и ведомствами; подготовка к докладу дел, подлежащих рассмотрению в Консультации при Министерстве юстиции и т.д.

В 1890 году он был назначен товарищем обер-прокурора уголовного кассационного департамента Правительствующего сената. Работать здесь оказалось для него намного сложнее —

сказывалось отсутствие опыта практической деятельности. Ведь прослужив в системе министерства свыше десяти лет, он не был не только прокурором или председателем окружного суда, но даже и их товарищем. Поэтому уже через несколько месяцев Манухин счел за благо возвратиться в центральное управление Министерства юстиции, где занял должность старшего юрис-консульта. Здесь он чувствовал себя более уверенно.

С приходом в Министерство юстиции Н.В. Муравьева С.С. Манухин стал одним из ближайших и самых деятельных сотрудников нового министра. Он получает вначале должность вице-директора, а затем и директора Первого департамента. Манухин стал руководить делопроизводством Особой комиссии по пересмотру законоположений по судебной части, работе которой Муравьев придавал исключительно важное значение. Он неоднократно сопровождал министра в его поездках по империи и, в частности, был на открытии новых судов в Иркутской губернии, активно занимался руководством подведомственных отделений, кадровыми вопросами и пр.

Атмосферу министерских коридоров, в то время когда там служил Манухин, хорошо передал в своих воспоминаниях И.В. Гессен, бывший в конце 1890-х годов юрисконсульт. Он писал: «...Здесь было настоящее бумажное царство, и культ стилистики в значительной мере поглощал интерес к содержанию бумаги. Помню — я докладывал Манухину проект отзыва нашего министерства на выработанный Министерством финансов законопроект об артелях. Манухин был доволен работой, все похваливал, но считал нужным внести некоторые стилистические поправки. Заменяя одно выражение другим, он приостановился: «А позволите, не издержали ли мы уже этого слова?» Нельзя было дважды на одной странице то же слово употребить и, чтобы такого несчастья не случилось, самая пустячная бумага проходила через несколько рук... От делопроизводителя бумага переходила к начальнику отделения, который тоже вносил поправки, иногда восстанавливая прежний текст, и возвращалась для переписки начисто и составления препроводительной бумаги для доклада министру или товарищу. В переписанном виде ответ вновь поступал ко мне для проверки и затем проделывал прежний путь, а начальник отделения представлял директору или вице-директору, который уже докладывал министру... Изготовление докладов царю составляло интенсивную, углубленную напряженнейшим вниманием часть работы. Это было настоящее священнодействие. В десять рук рассмотренный и исправленный, доклад — нерешительно, не просмотреть ли еще раз, сдавался наконец в переписку особым каллиграфам. Пишущая машинка тогда еще входила в употребление, но пользова-

ние ею для всеподданнейших докладов считалось недопустимым. Два чиновника вслух сверяли изображенную на толстой всленевой бумаге рукопись. Тем же порядком сверял ее начальник отделения с помощником, затем, при особой препроводительной бумаге, доклад представлялся директору и товарищу министра, которые, тоже с изощренным вниманием, его читали и отмечали свое участие на препроводительной бумаге. Наконец министр, одобрив доклад, отчетливо выводил под ним свою подпись, чтобы назавтра отвезти в Царское Село или Петергоф... На первой стороне доклада царь писал, обычно цветным карандашом, свою резолюцию, или, большей частью, ограничивался небольшой кривой чертой между двумя точками (парафа), означавшей, что он ознакомился с докладом. По возвращении с аудиенции министр под упомянутой чертой писал: «Собственной Его Императорского Величества рукой начертана парафа (или такая-то резолюция) в Царском Селе такого-то числа», а самая парафа или резолюция покрывались лаком и доклад передавался в архив для хранения на правах реликвии».

С.С. Манухин великолепно ориентировался в «бумажном царстве», был активен и энергичен, успевая выполнять множество различных дел. Его инициативу по достоинству оценил министр Н.В. Муравьев, который 1 января 1901 года назначил Манухина своим заместителем. На этом посту Манухин заменил П.М. Бутовского, ставшего членом Государственного совета. На освободившееся место директора Первого департамента министр переместил А.А. Хвостова (впоследствии он стал министром юстиции). В это же время С.С. Манухин стал и сенатором.

Во время отсутствия Н.В. Муравьева Сергей Сергеевич часто управлял Министерством юстиции, неоднократно представлял интересы России на различных международных конгрессах, в частности по криминалистической антропологии в Брюсселе, по вопросам частного международного права в Гааге и на других.

14 января 1905 года Н.В. Муравьев был назначен послом при короле Италии. Спустя несколько дней, 21 января, последовал именной Высочайший указ Правительствующему сенату: «Товарищу министра юстиции, сенатору, Тайному советнику Манухину — Всемилостивейше повелеваем быть Управляющим Министерством юстиции, с оставлением в звании сенатора». Впоследствии он был утвержден министром юстиции и генерал-прокурором.

Министром юстиции С.С. Манухин оставался менее года. Конечно, за столь короткий срок он не сумел провести сколько-нибудь значительных преобразований в судебном ведомстве.

К этому не располагали также ни внешняя, ни внутренняя обстановка в империи. Он вступил в должность министра в тревожное время, когда, по выражению Е.И. Козлининой, «все кругом бурлило, и волны общественной жизни рвались вон из берегов».

Многих приближенных к императору лиц С.С. Манухин на посту министра юстиции явно не устраивал. Активное противостояние революционеров и правительства усиливалось с каждым днем, и поэтому консервативно настроенные сановники, не считавшиеся с обстоятельствами и ни при каких условиях не желавшие ни реформ, ни ослабления самодержавной власти, хотели бы видеть во главе Министерства юстиции не столь либерального деятеля.

Стремясь приглушить революционное брожение, царское правительство лихорадочно принимало законы, которые часто противоречили один другому. 12 декабря 1904 года был объявлен Высочайший указ Правительствующему сенату «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка», который даже некоторые царские вельможи считали «малополезным».

Однако первое практическое применение указа от 12 декабря о водворении законности было исключительно кровавым. Наступление нового, 1905 года, по словам общественного деятеля России Петрункевича, «не обещало спокойного течения жизни». Вначале, 6 января, в Петербурге произошло «таинственное событие». Во время обычного водосвятия на Неве, против Зимнего дворца, на котором присутствовал император со всей своей свитой и министрами и была масса народу, с батареи, расположенной напротив, у Биржи на Васильевском острове, одно из орудий салютовало не холостым зарядом, а картечью. Весь заряд чуть было не угодил в толпу молящихся. Петрункевич, сообщивший этот факт, писал, что «допустить случайность в таком происшествии совершенно невозможно, иначе надо признать, что в армии царица такая халатность, которая свидетельствовала бы о полном упадке в командном составе служебного долга».

Этот выстрел был как бы предвестником кровавых событий, последовавших 9 января 1905 года, когда многотысячная толпа мирных манифестантов, шедших к Зимнему дворцу с иконами, хоругвями и портретами царя, была встречена войсками. Солдаты «не жалели патронов», расстреливая безоружных людей. По неполным данным было убито свыше 1000 и ранено около 5000 человек.

Известие об этой кровавой расправе потрясло всю Россию.

Начавшееся после январских событий мощное наступление

продвигавшихся привело правительство в полное замешательство. В феврале 1905 года императору пришлось заговорить о создании представительного органа с законосовещательными функциями. При обсуждении этого вопроса в Совете министров С.С. Манушин был одним из самых активных сторонников привлечения населения к выработке законов. На заседании Николай II поручил министру внутренних дел А.Г. Булыгину составить проект рескрипта по вопросу «привлечения выборных к законодательству».

В августе 1905 года был опубликован Манифест об избрании Государственной Думы с совещательными функциями. Это был так называемый Булыгинский проект. Однако остановить нарастание революции царизм уже не мог. 7 октября забастовали железнодорожники Москвы, а вслед за ними рабочие большинства железных дорог империи. 12 октября стачку подхватил Петербург, а вскоре уже бастовали рабочие Центральной России, Украины, Польши, Прибалтики, Закавказья, Поволжья, Урала, Сибири, Средней Азии. Общее число бастующих перевалило за 2 млн человек. В ряде мест стачки перерастали в вооруженные столкновения рабочих с полицией и войсками.

Не имея возможности подавить революционные выступления силой (основная часть войск находилась еще на Дальнем Востоке), царское правительство пошло на некоторые уступки. Этим, в основном, и было вызвано появление Манифеста от 17 октября 1905 года «Об усовершенствовании государственного порядка».

В нем император возложил на правительство обязанность выполнить его волю о том, чтобы «даровать населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов». Согласно Манифесту, Государственная Дума должна была стать законодательным органом. Несколько расширились избирательные права народа.

На следующий день после опубликования Манифеста, выступая в Совете министров, император Николай II сказал, что новый закон должен вызвать «значительное уменьшение области применения административных взысканий и соответственно расширяет деятельность судебных установлений». В связи с этим он предложил министру юстиции «исходатайствовать» ассигнования на увеличение личного состава судебных мест, внести законодательные предложения по сокращению сроков производства дел и в первую очередь дел о наиболее важных государственных преступлениях, аграрных посягательствах и проступках печати, а также «призвать прокурорский надзор к неослабной деятельности, разъяснив чинам оного всю государственную важность выпадающей ныне на суд патриотической задачи».

Исходя из этих требований, 25 ноября 1905 года С.С. Манухин направил прокурорам циркулярное распоряжение за № 54451. В нем он писал: «Во исполнение Высочайшего повеления, я признаю нужным указать чинам прокурорского надзора, что, в целях осуществления возведенной в Высочайшем Манифесте 17 октября сего года Монаршей воли о даровании населению незыблемых основ гражданской свободы, правительством поставлена первейшею своею задачею изготовление законов временного характера, которые укрепляли бы признанную за населением свободу личной неприкосновенности, совести, слова, собраний и союзов, наряду с законными ограничениями, необходимыми для ограждения прав отдельных лиц, общего спокойствия и интересов государственных...»

Манухин как генерал-прокурор выразил уверенность, что прокуроры «окажутся на высоте упдающей ныне важной задачи отстоять в дни смуты и общественного потрясения высокие интересы права и законности».

27 ноября 1905 года С.С. Манухин направил аналогичное циркулярное распоряжение старшим председателям судебных палат и председателям окружных судов.

Через два дня после опубликования Манифеста 17 октября Николай II повелел С.Ю. Витте «принять меры к объединению деятельности министров, впредь до утверждения законоположений о Совете министров».

Следует пояснить, что Совет министров в Российской империи был создан еще в ноябре 1861 года для обсуждения наиболее важных вопросов государственной жизни. Члены его назначались императором, он же их собирал и председательствовал на заседаниях. До апреля 1906 года Совет министров существовал наряду с Комитетом министров, в ведении которого находились вопросы текущей деятельности министров. Если Комитет министров собирался периодически, то Совет министров — очень редко, а при Александре III фактически вообще не созывался. Законом от 19 октября 1905 года Совет министров был преобразован в постоянно действующий орган с передачей ему большей части функций Комитета министров.

С.Ю. Витте стал спешно создавать свой кабинет. Что касается участия в нем С.С. Манухина, то у премьера на этот счет не было никаких сомнений. Министр удовлетворял его во всех отношениях. В своих «Воспоминаниях» С.Ю. Витте писал: «Министром юстиции был Манухин, человек весьма дельный и умный, прекрасный юрист и безусловно порядочный и честный человек. Я не только против него ничего не имел, но очень дорожил, чтобы он был в моем министерстве».

Одним из первых в преобразованном Совете министров об-

суждался вопрос о так называемой политической амнистии. Дело в том, что Манифест 17 октября никакой амнистии не провозглашал, но сама амнистия, по словам Витте, «была на устах у всех». Поэтому премьер-министр предложил С.С. Манухину «сообразить этот вопрос». В министерстве закипела работа по подготовке соответствующего законопроекта и вскоре состоялось его обсуждение на заседании Совета министров. Идею амнистии фактически поддерживали все присутствовавшие на заседании сановники, даже такой сторонник жестких мер, как генерал Трепов.

С.С. Манухин присутствовал на заседании вместе с директором Первого департамента И.Г. Щегловитовым, который и докладывал этот вопрос. Манухин в своем выступлении высказался за применение широкой амнистии, за исключением «убийц-революционеров», относительно которых предложил лишь допустить уменьшение наказания «в определенной градации». Это предложение и было принято большинством.

21 октября 1905 года был издан указ «Об облегчении участи лиц, впавших до воследования Высочайшего Манифеста 17 октября 1905 года в преступные деяния государственные». В соответствии с указом амнистия предоставлялась всем лицам, совершившим до 17 октября политические преступления (по определенным в указе статьям), а также тем, кто принимал участие в стачках. Освобождались от наказания также лица, совершившие преступления свыше десяти лет назад (за исключением осужденных за особо тяжкие деяния). Тем же, кто не подлежал освобождению, наказание сокращалось наполовину, а осужденным к бессрочной каторге — устанавливался пятнадцатилетний срок. Смертная казнь заменялась каторжными работами или 15 лет.

Несколько ранее, 25 июня 1905 года, был опубликован также указ «Об облегчении участи лиц, осужденных за религиозные преступления», в подготовке которого Министерство юстиции принимало непосредственное участие.

Манифест 17 октября не удовлетворил основные массы населения. Рабочие, например, почти полностью стали подчиняться решениям возникших Советов рабочих депутатов. В этих условиях правительство Витте пошло на самые жесткие меры, вплоть до ареста членов Петербургского Совета. По мнению премьера, органы прокуратуры действовали в то время недостаточно активно.

С.Ю. Витте возглавлял Совет министров полгода; министр юстиции С.С. Манухин сумел продержаться в его кабинете лишь два месяца. Для многих это был очень неудобный министр, поэтому вопрос о его отставке витал в воздухе. Даже

Витте не смог отстоять своего министра. Главными недоброжелателями Манухина были Д.Ф. Трепов, вначале Петербургский генерал-губернатор и товарищ министра внутренних дел, затем дворцовый комендант, и П.Н. Дурново, министр внутренних дел. С ними он довольно часто расходился во взглядах на происходящие события и не раз отказывал в удовлетворении их незаконных требований по различным вопросам. Так, например, Трепов заручился согласием на назначение директора департамента полиции Горина сенатором. Манухин категорически возражал против этого, прямо заявив государю, что имеется значительное число деятелей «более заслуженных и более серьезных», чем Горин. Однако император не поддержал министра юстиции в этом вопросе.

Трепов открыто обвинял Манухина в бездействии, при котором «невозможно подавить революцию». Со своей стороны министр говорил, что вся беда заключается в Трепове и ему подобных, что он своей «полнейшей политической невоспитанностью и невежеством» спровоцировал события 1904 и 1905 годов, расшатавшие власть. «Пока он будет, — говорил Манухин, — будут вечные неожиданности».

У Манухина были и другие недоброжелатели, приближенные к императору Николаю II и царской фамилии.

Говоря о предпосылках отставки министра юстиции, С.Ю. Витте отмечал: «Манухин представляет собою в высшей степени порядочного человека, принципиального государственного деятеля, прекрасного юриста, отлично знающего судебную часть и несколько доктринерски славянофильского направления. Он был прекрасным министром юстиции, хотя, может быть, тогда смотрящим на практические вопросы теоретически, не считался со временем, которое, конечно, было в высшей степени безалаберно-революционное».

Взгляды С.С. Манухина, его либеральные пристрастия, конечно, не могли не сказаться на отношении императора и к нему лично, и к судебному ведомству. Известно, например, что он «достаточно убедительно» просил Николая II даровать жизнь И.П. Каляеву, убитому в феврале 1905 года Московского генерал-губернатора, великого князя Сергея Александровича.

С другой стороны, министр с трудом убедил государя не принимать решения о помиловании до суда полицейского офицера Ермолова, убитого в Москве выстрелом в спину приват-доцента университета Воробьева, помогавшего раненым на улице. Манухин сказал, что освободить Ермолова от ответственности до суда — значит «подорвать всякую юстицию в корне». Суд все же состоялся и приговорил офицера к трем годам арестантских рот. Император заменил наказание не-

сколькими днями ареста и перевел Ермолова на более высокую должность.

7 ноября 1905 года С.Ю. Витте получил записку от Николая II, в которой сообщалось, что он назначает заседание Совета министров под своим личным председательством на 9 ноября. По предложению государя заседание должно было начаться с «личного доклада министра юстиции в присутствии Совета».

Заседание открыл сам император. Он сказал, что существуют нарекания на действия юстиции и что ввиду этого он «счел нужным выслушать по этому предмету в присутствии приглашенных министра юстиции».

С.С. Манухин, по словам Витте, с «большим достоинством защищал подчиненное ему ведомство, указывая на то, что чины этого ведомства держатся тех оснований, на которых зиждутся новые суды; что за некоторыми исключениями действия судебных чинов совершенно правильны, а в тех случаях, когда действия неправильны, то принимаются меры, законом установленные». Министр напомнил, что новые суды основаны на таких принципах, как гласность, независимость судей, и что «лучше простить несколько виновных, нежели осудить одного невиновного».

Министр внутренних дел Дурново нападал на Манухина, обвиняя судебное ведомство чуть ли не в саботаже. С позицией Манухина не согласились граф К.И. Пален и некоторые другие спивники. С.Ю. Витте высказался осторожно, в том плане, что в деятельности министерства имеются отдельные негативные явления, но что на этом основании было бы ошибочно «подрыть одно из наиболее культурных ведомств в империи».

При первом же личном докладе Николаю II после заседания Совета министров С.С. Манухин сказал, что после происшедшего он не считает возможным оставаться министром юстиции, так как не может изменить своих взглядов, которые, видимо, не одобряются государем.

Император воспринял это предложение сухо и предложил Манухину сообщить о своей отставке С.Ю. Витте.

16 декабря 1905 года указ об отставке С.С. Манухина был подписан. Он был оставлен в звании сенатора и назначен «необходимо охотно» членом Государственного совета.

В апреле 1906 года произошла серьезная реорганизация многих центральных государственных органов. Был преобразован и Государственный совет. С.С. Манухин стал членом Первого департамента Совета. В 1910 году его избрали председателем Комиссии законодательных предположений Совета. Он неоднократно делал обстоятельные доклады по различным законодательным вопросам, всегда глубоко вникая в их сущность.

Манухин принимал самое деятельное участие в работе девяти особых комиссий Государственного совета и 22 так называемых согласительных, создаваемых для обсуждения «разномыслий», возникавших между Государственным советом и Государственной Думой. Работа его в этом направлении была почти всегда плодотворной.

Сергею Сергеевичу Манухину пришлось заниматься расследованием обстоятельств одного из наиболее кровавых событий — Ленского расстрела рабочих в 1912 году.

При обсуждении Ленских событий в Совете министров по докладу Манухина отмечалось, что «самою темною стороною дела на Ленских промыслах был господствовавший на них дух притеснений и холодного безразличия, которым прониклись распорядители и служащие товарищества, начиная от стоявшего более 10 лет во главе управления промыслами Белозерова. Этим объясняется включение в договоры товарищества с рабочими исключительно тяжелых для последних условий, широкое, где только возможно, применение к рабочим дисциплинарных взысканий и беспощадное изгнание с промыслов всякого, кто осмеливался обратиться с жалобой на приисковое начальство». И далее: «Все нарушения закона и злоупотребления облегчались слабым правительственным надзором за деятельностью Ленского золотопромышленного товарищества».

Такое положение, констатировал Манухин, объяснялось тем, что материальное благосостояние многих чиновников напрямую зависело от товарищества, которое вознаграждало даже чинов полиции и войска. Например, основной виновник расстрела рабочих ротмистр Трещенков, исполнявший на приисках обязанности начальника полиции, сразу же попал под влияние «заправил Ленского предприятия».

Было совершенно очевидно, что даже незначительная и случайная искра может разжечь огромный пожар народного возмущения. И такая искра нашлась. 29 февраля 1912 года на Андреевском прииске жене одного из рабочих в лавке отпустили недоброкачественное мясо. Возникший конфликт на этот раз заглушить не смогли. Этот мелкий, казалось бы, случай переполнил чашу терпения — на Андреевском прииске началась забастовка. Вскоре ее подхватили все прииски Ленского золотопромышленного товарищества. Никакие уговоры не помогали, и стачка принимала все более угрожающий характер. Чтобы прекратить беспорядки, власти пошли на крайние меры. В ночь на 4 апреля был арестован весь стачечный комитет (11 человек). Руководили арестами мировой судья Хитун, товарищ прокурора Преображенский и ротмистр Трещенков. Это еще более накалило обстановку. Рабочие выдвинули требование об освобождении

лении своих товарищей. Они подготовили прошение на имя прокурора, с которым и направились к властям. Но их встретили выстрелами. В результате расстрела, по официальным данным, погибло и умерло от ран 170 человек, ранено — 202 человека (списки погибших были неполными; по уточненным данным, погибло не менее 270 и ранено 250 человек). Осмотром раненых, произведенным в больнице, установлено, что 117 человек получили ранение в лежачем положении, а 69 — в спину. Мировой судья Рейн, который первоначально проводил следствие, вынес постановление об осмотре трупов, но этому воспротивились товарищ прокурора Преображенский и виновник расстрела Трещенков. Их поддержал и прокурор Иркутской судебной палаты Нимандер.

В ответ на Ленские события в Петербурге началась стачка протеста, в которой на первом этапе приняло участие около 60 тысяч человек. В апреле в стране бастовало уже почти 300 тысяч человек, а к началу мая их число увеличилось до 400 тысяч. Началось массовое наступление пролетариата на монархию.

Власти переполошились. Левые партии в Государственной Думе внесли запрос правительству, требуя разъяснения положения.

Для того чтобы «успокоить общественное мнение», правительство решило командировать на место особую комиссию для производства следствия. Против такого решения возражали лишь министр внутренних дел А.А. Макаров и министр юстиции И.Г. Щегловитов, считавшие, что этим «умаляется значение местных властей».

Для производства следствия Коковцову предлагали назначить кого-либо из приближенных к императору людей. Однако он остановил свой выбор на С.С. Манухине. Позднее Коковцов писал об этом следующее: «Хотя сам я мало знал Манухина, но я был уверен, что выбор его встретит общее сочувствие; мне было ясно также, что никакие местные, а тем более партийные влияния не уклонят его в сторону от беспристрастного расследования дела. В чем я не был, однако, уверен — это в согласии государя на выбор Манухина, которого государь, конечно, знал, относился к нему внешне всегда милостиво, но не мог особенно жаловать его за его либеральный образ мыслей, достаточно памятный ему еще по событиям 1905—1906 гг.»

Однако при докладе председателем Совета министров Коковцовым этого вопроса 22 апреля 1912 года император неожиданно охотно согласился с кандидатурой Манухина. При этом он выразился так: «Я знаю хорошо Манухина; он большой либерал, но безукоризненно честный человек и душой кривить не станет. Если послать какого-либо генерал-адъютанта, то его за-

ключению мало поверят и скажут, что он прикрывает местную власть. Вы придумали очень удачно. Нужно только, чтобы Манухин выезжал как можно скорее».

По особому Высочайшему повелению от 27 апреля 1912 года на С.С. Манухина было возложено производство расследования всех обстоятельств забастовки на Ленских приисках, а также причин, вызвавших забастовку.

За время своей работы Комиссия Манухина собрала огромный следственный материал в несколько десятков томов. Здесь были документы по истории Ленского золотопромышленного товарищества, о его финансово-экономической и производственной деятельности, сведения о начале и ходе забастовки, об условиях найма рабочих, расценках, заработной плате, бытовом, медицинском, продовольственном обеспечении населения края и другие. Комиссия изучила также все материалы о привлечении рабочих к судебной и административной ответственности, о штрафах и взысканиях (производства мировых судей, прокурорского надзора и т.п.). Были собраны многочисленные заявления и жалобы рабочих на обчеты при выдаче заработной платы, на плохие условия труда, антисанитарное состояние жилищ, снабжение недоброкачественными товарами. Комиссия допросила сотни лиц, так или иначе причастных к забастовке и расстрелу рабочих: членов правления «Лензото», рабочих, служащих, членов их семей, офицеров и солдат воинской команды.

Председатель Комиссии С.С. Манухин работал очень интенсивно, лично беседовал с рабочими, изучал материалы, вел большую переписку с председателем Совета министров, Министерством юстиции и другими ведомствами по всем возникавшим вопросам. Однако должной решительности по привлечению к уголовной ответственности виновников расстрела рабочих он не принял, что значительно снизило эффективность проведенных мероприятий и вызвало справедливое недоверие к нему со стороны рабочих.

В конце ноября 1912 года С.С. Манухин представил императору Всеподданнейший доклад и подробный отчет о результатах расследования. В нем довольно объективно излагались как обстоятельства забастовки и ее причины, так и последующие события. В докладе подчеркивался «мирный характер общего настроения толпы», шедшей с петицией к прокурору. Вот как описывает Манухин начало расстрела рабочих: «Тульчинский (окружной горный инженер. — *Авт.*) обратился к собравшимся около него рабочим, настойчиво упрашивая их вернуться в свои казармы или идти другой дорогою. Один из рабочих в это время подал ему прошение от имени рабочих Александровского

прииска с ходатайством о прекращении арестов. Бегло просмотрев прошение, Тульчинский снова обратился к толпе, взволнованным голосом умоляя ее вернуться. Находившиеся около него рабочие, часть которых стояла спиной к воинской команде, стали уже выражать готовность исполнить его просьбу, но разбежались залп, и вся головная часть толпы, окружавшая Тульчинского, а равно и находившаяся на дороге, легла».

Далее в докладе отмечается, что в момент залпа толпа приосновилась в своем движении, что «явствует с несомненностью» из целого ряда показаний как рабочих, так и лиц, наблюдавших со стороны (среди них были, в частности, товарищ прокурора Преображенский и мировой судья Хитун). Все свидетели категорически утверждали, что при первых выстрелах многие рабочие сидели на изгороди и на штабелях, некоторые закуривали.

«После залпа, — писал Манухин, — стрельба прекратилась, и лежащие, удостоверившись, что солдаты более не стреляют, вскочили и бросились в разные стороны, но в этот момент стрельба возобновилась, причем воинская команда стреляла умышленным огнем, пачками».

Непосредственно командовали солдатами штабс-офицеры Цетин и Санжаренко. Однако сигнал к стрельбе Лепин подал после того, как начальник местной полиции ротмистр Трещенков передал ему полномочия на «рассеяние толпы оружием». Сам Трещенков объяснял это «действиями толпы». На самом деле, как установил Манухин, рабочие никакой агрессивности не проявляли. Более того, в отчете отмечалось, что раненые и умирающие в ночь на 5 апреля рабочие все до одного заявили, что они шли к Надеждинскому прииску с одной лишь целью — передать прошение товарищу прокурора, и недоумевали, за что же в них стали стрелять. Они утверждали, что ничего, кроме спичек и папирос, с собой не имели. В отчете отражена и такая характерная деталь — на всю трехтысячную толпу на месте происшествия был найден лишь один кривой кинжал.

Хотя преступный характер действий властей был вне всякого сомнения, виновные фактически не понесли никакого наказания, в том числе и сам организатор бойни ротмистр Трещенков. Дело в отношении него всячески затягивалось. Только 6 марта 1914 года следователь направил дело прокурору Иркутской судебной палаты. Здесь оно пролежало еще шесть месяцев, после чего было переслано министру внутренних дел Н.А. Маклакову. Последний не усмотрел в действиях Трещенкова никакого преступления и сумел добиться Высочайшего повеления на прекращение дела. Сам Трещенков поступил в действующую армию и в мае 1915 года был убит в бою с австрийцами. По другой версии его расстреляли в Иркутске в 1920 году.

На докладе С.С. Манухина государь начертал: «Рассмотреть в Совете министров». Такое обсуждение состоялось 17, 24 и 31 января 1913 года и, по выражению председателя Совета министров В.Н. Коковцова, доставило ему «немало хлопот и неприятностей».

Совет министров констатировал, что дело о стачке рабочих направлено «прокурорским надзором на прекращение» и что сенатор Манухин возбудил уголовное преследование в отношении ротмистра Трещенкова.

15 мая 1913 года Николай II, ознакомившись с журналом Совета министров, написал: «Согласен с заключением Совета министров». По его указанию вдовам и сиротам погибших рабочих были выделены денежные средства в сумме, не превышающей 50 тысяч рублей.

Правительственное сообщение по итогам расследования Ленских событий и рассмотрения дела в Совете министров было опубликовано 7 июня 1913 года. В нем довольно подробно излагались все обстоятельства так, как они были установлены Манухиным.

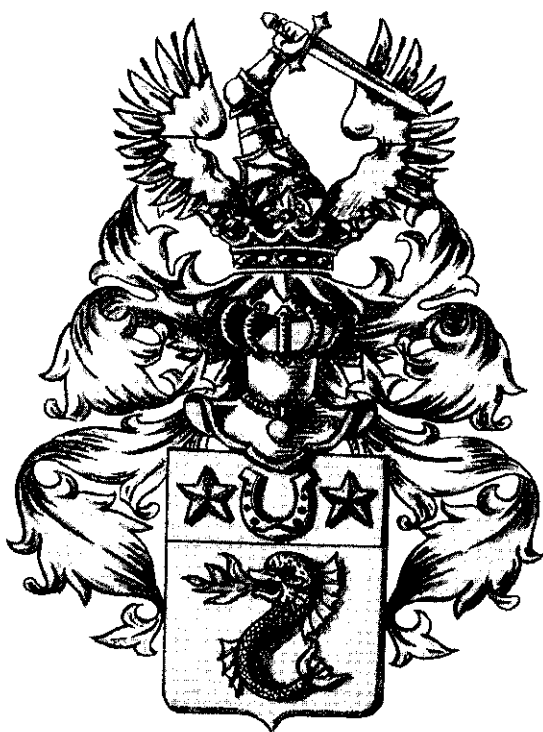
4 июля в «Правительственной вестнике» (№ 144) появилось следующее сообщение: «В дополнение к опубликованному 7-го июня сего года правительственному сообщению по делу о забастовке весной 1912 года на приисках Ленского золотого промышленного товарищества, осведомительное бюро уполномочено сообщить, что дела о стачечном комитете на Ленских золотых приисках и о скопище рабочих, учинивших 4-го апреля 1912 года нападение на войска, были направлены прокурорским надзором Иркутской судебной палаты в Иркутский окружной суд на прекращение, и определением названного окружного суда от 11-го марта текущего года дальнейшим производством прекращены».

Все члены комиссии сенатора С.С. Манухина, принимавшие участие в расследовании Ленских событий, были поощрены.

После расследования Ленских событий С.С. Манухин вплоть до Октябрьской революции продолжал занимать ответственные посты в Государственном совете. Умер он в 1921 году.

Михаил Григорьевич
АКИМОВ
1847—1914

«ПОПУЛЯРНОСТИ НИКОГДА НЕ ИСКАЛ»

Михаил Григорьевич Акимов родился 8 ноября 1847 года в селе Косеине Петровского уезда Саратовской губернии, в состоятельной дворянской семье. Его отец, титулярный советник Григорий Алексеевич Акимов, и мать, Надежда Николаевна, урожденная Топорина, имели более 5 тысяч десятин земли в Саратовской и Пензенской губерниях. Свое образование он получил первоначально в Пензенской гимназии, которую окончил с серебряной медалью. В августе 1864 года семнадцатилетний юноша поступил на юридический факультет Московского университета, где обучался за свой счет. В июне 1869 года он получил степень кандидата прав.

Когда настало время подумать о службе, М.Г. Акимов остановил свой выбор на прокурорской деятельности. 21 января 1870 года он подал прошение прокурору Московской судебной палаты Г.Н. Мотовилову о зачислении его кандидатом на судебные должности.

На прошении Мотовилов написал: «Представить к назначению». В то время Акимову было чуть более 22 лет.

Кандидаты на судебные должности в течение определенного времени обычно исправляли обязанности товарищей прокуроров окружных судов в том округе, который обслуживался судебной палатой. М.Г. Акимов был направлен в Московский окружной суд, где он оставался чуть более года. В марте 1872 года, выслужив чин титулярного советника, он получил новое назначение — товарища прокурора Владимирского окружного суда. В этой должности он пробыл почти три года, после чего в чине коллежского асессора был переведен на аналогичную должность в Московский окружной суд. В декабре 1876 года он получил свою первую награду — орден Св. Станислава 3-й степени.

В Москве Акимов служил три года, проявив за это время незаурядные способности, исключительное трудолюбие и усидчивость. В начале 1879 года открылась вакансия прокурора Ярославского окружного суда. Тридцатидвухлетний М.Г. Акимов оказался самым достойным кандидатом на эту должность. В

своем представлении от 3 февраля 1879 года на имя министра юстиции Д.Н. Набокова прокурор Московской судебной палаты Капнист писал: «Коллежский ассессор Акимов, с деятельностью которого я за последнее время познакомился особенно близко, принадлежит, по моему мнению, к числу лучших товарищей прокурора округа Московской судебной палаты. Он состоит на службе около 9 лет, по должности товарища прокурора округа 7 лет, обладает прекрасным образованием и прекрасными способностями». По словам прокурора, Акимов вполне удовлетворял требованиям, предъявляемым к прокурорам окружных судов.

Министр юстиции Набоков считал все же необходимым испытать молодого прокурора на самостоятельной работе в старых судебных установлениях, то есть в тех губерниях, где еще не действовали Судебные уставы. Так М.Г. Акимов оказался на должности Киевского губернского прокурора. Там он прослужил чуть более года, получил чин надворного советника и орден Св. Владимира 4-й степени. Летом 1880 года министр перевел его на работу уже в новый суд — прокурором Владимирского окружного суда.

К этому времени Михаил Григорьевич уже был женат на дочери тайного советника Деянова, фрейлине Двора Ее Императорского Величества Марии Николаевне. В феврале 1879 года у них родилась дочь, Надежда.

В 80-е годы Акимов уверенно поднимался по ступеням служебной иерархии. В 1881 году он назначается товарищем прокурора только что образованной Киевской судебной палаты. Через два года переводится в Одессу, где меняет камеру прокурора на судейское кресло, став председателем окружного суда. В 1887 году Акимов уже занимает аналогичную должность в Пензенской губернии, а затем он вновь появляется в Одессе, но уже в качестве прокурора судебной палаты.

В 1891 году министр юстиции Н.А. Манассеин переводит его в Москву на должность прокурора судебной палаты вместо Н.В. Муравьева, ставшего обер-прокурором Правительствующего сената. В этой должности Акимов прослужил три года.

М.Г. Акимов всегда лично глубоко вникал во все возникавшие дела, особенно те, которые довольно сильно будоражили общественное мнение.

9 марта 1893 года в Москве произошло трагическое событие, всколыхнувшее всю старую столицу, — в здании городской думы был смертельно ранен Московский городской голова Н.А. Алексеев. Через день он скончался.

Николай Александрович Алексеев пользовался в Москве большим уважением. Он родился в 1852 году, получил блестя-

щее образование. В тридцатилетнем возрасте он стал гласным городской думы, а через несколько лет был избран городским головой и председателем думы. Он обладал исключительной энергией и напористостью и, по отзывам современников, сумел «возвысить значение и достоинство городского головы до степени настоящего представителя Москвы». С его именем были связаны многие преобразования в старой столице: появились около 30 новых училищ, проведены значительные благоустроительные работы, возведены водопровод и канализация, много уникальных зданий, в том числе здание городской думы на Воскресенской площади (до недавнего времени — Центральный музей В.И. Ленина. — *Авт.*).

В тот день Алексеев с утра принимал посетителей. Вначале в приемную вошла какая-то женщина, а вслед за ней — среднего роста, плотного сложения мужчина, лет 30—35, с коротко остриженной рыжеватой бородкой и холодным выражением лица. Н.А. Алексеев вначале принял прошение у женщины, а затем, обратившись к незнакомцу, спросил: «Вам что угодно?..» Не успел он закончить фразу, как мужчина, выхватив револьвер, прокричал: «А вот что!» И с этими словами в упор выстрелил в Алексеева. Пуля попала в нижнюю часть живота.

...Сразу же после получения известия о происшествии в Московскую городскую думу приехали прокурор судебной палаты М.Г. Акимов, прокурор окружного суда М.Н. Домерщиков, обер-полицейстер столицы А.А. Власовский, начальник сыскной полиции М.А. Эффенбах. Появились также управляющий московской митрополией, преосвященный Александр, московский губернатор Д.С. Сипягин и другие высокопоставленные лица.

М.Г. Акимов взял с собой лучшего криминалиста столицы — следователя по особо важным делам Тимофея Тимофеевича Глушановского. За последние 15 лет он расследовал почти все наиболее важные преступления. Его отличали неутомимость и рвение в исполнении служебного долга. Дела он «формировал» исключительно быстро, расследуя их всесторонне и полно, всегда добиваясь блестящих результатов в раскрытии самых запутанных преступлений.

Первым вопросы задержанному задал Акимов. «Ты кто такой?» — спросил он у террориста. «Я новохоперский мещанин Василий Андрианов», — ответил тот. «Что побудило тебя на такое ужасное преступление?» — снова задал вопрос Акимов. «Это мое дело», — уклончиво ответил Андрианов.

Задержанного допрашивали в течение нескольких часов. Его ответы на поставленные вопросы, манера держаться сразу

же насторожили опытного следователя и прокуроров. Они поняли, что имеют дело с психически неполноценным человеком. Так, в разговоре он постоянно ссыался на теории магнетизма и электричества, с которыми и связывал свое преступление.

Предположение оказалось верным. Вскоре было выяснено, что Андрианов в течение девяти месяцев находился на излечении в психиатрической клинике в Петербурге и незадолго до покушения был выписан и отправлен на родину. Однако он туда не поехал, а появился в Москве. Несколько раз приходил в думу, подал чиновникам какую-то записку о борьбе с холерой, написанную сумбурно и не представлявшую интереса.

Глушановский занимался следствием три месяца. За это время дело выросло до четырех томов. Судебно-психиатрическую экспертизу Андрианову производили наиболее известные ученые, профессора Московского университета Кожевников и Корсаков, а также приват-доцент Сербский. После тщательного наблюдения обвиняемого они пришли к твердому заключению, что Андрианов «как во время произведенного им выстрела в городского голову 9 марта, так и в мае месяце, во время освидетельствования, находился в состоянии умственного расстройства».

М.Г. Акимов постоянно интересовался ходом следствия, заслушивал отчеты Глушановского и периодически представлял доклады министру юстиции Н.А. Манассеину, а также отвечал на запросы городской думы.

12 июня 1893 года следствие было закончено. Глушановский вынес постановление о направлении дела прокурору Московской судебной палаты для прекращения. М.Г. Акимов, а затем и окружной суд с этим предложением согласились. Андрианов по распоряжению начальника Главного тюремного управления был направлен в психиатрическую больницу в Петербурге.

...В 1894 году с приходом в Министерство юстиции Н.В. Муравьева М.Г. Акимов был переведен на службу старшим председателем Одесской судебной палаты, а на его место назначен Н.П. Посников. В Одессе он был до 1899 года, после чего занял пост сенатора уголовного кассационного департамента Правительствующего сената.

М.Г. Акимов сделал целый ряд блестящих докладов по исключительно сложным уголовным делам. Один из них — по делу братьев Степана и Петра Скитских, обвинявшихся в убийстве секретаря Полтавской консистории А.Я. Комарова. Это дело в течение нескольких лет приковывало к себе внимание. В нем участвовали такие корифеи адвокатуры, как Плевако и Караб-

чевский. Первоначально оно рассматривалось в Полтаве выездной сессией Харьковской судебной палаты. Подсудимые были оправданы. Этот приговор опротестовал прокурор, и Сенат отменил его, направив дело на новое рассмотрение. Вторично дело Скитских слушалось особым присутствием Харьковской судебной палаты с участием сословных представителей. Подсудимые были признаны виновными в убийстве и приговорены к 12 годам каторжных работ каждый. Защитники братьев Скитских, Карабчевский, Куликов и Зеленский, направили в Сенат кассационные жалобы. Дело к заслушиванию было поручено подготовить М.Г. Акимову, который и докладывал его в сентябре 1899 года в уголовном департаменте при большом стечении публики. Председательствовал на заседании Таганцев, а прокурорские обязанности выполнял товарищ обер-прокурора Случевский.

М.Г. Акимов мастерски доложил дело. В одном из отзывов было отмечено: «Доклад носит характер внешне объективный и из него трудно усмотреть, в какую сторону склоняются симпатии докладчика, в сторону ли кассации или оставления жалобы без последствий. Он продолжался около часу и слушался с большим вниманием, так как вводит в суть дела и дает материал для того, чтобы ориентироваться в дальнейшей, самой интересной части заседания — заключениях».

В своем заключении Случевский нашел, что «постановляя приговор», Харьковская судебная палата нарушила ряд статей Устава уголовного судопроизводства. По этим основаниям он предложил отменить приговор и направить дело на новое рассмотрение.

Уголовный кассационный департамент согласился с мнением прокурора. Дело было направлено в Киевскую судебную палату, которая вынесла братьям Скитским оправдательный приговор.

16 декабря 1905 года Именным Высочайшим указом, данным Государственному совету, тайный советник М.Г. Акимов был утвержден в должности министра юстиции и генерал-прокурора с оставлением его в звании сенатора, хотя фактически вступил он в управление Министерством юстиции несколько ранее. На этом посту ему пришлось пробыть всего четыре месяца — до ухода в отставку С.Ю. Витте.

Назначение М.Г. Акимова на столь высокий пост в определенной степени было случайным. В другой обстановке ему, вероятно всего, вряд ли бы удалось взлететь так стремительно. Конечно, он считался хорошим сенатором, слыл опытным, профессиональным юристом, имел большой практический навык. Но этого могло оказаться недостаточно для занятия поста

министра — надо было иметь еще высоких покровителей. Однако революционная ситуация диктовала свои условия, поэтому правительству приходилось делать тот или иной выбор спешно и часто наобум.

О том, как происходило назначение Акимова, подробно сообщает в своих «Воспоминаниях» С.Ю. Витте. Когда возник вопрос о министре юстиции, председатель Совета министров Витте спросил императора, кого он хочет назначить вместо С.С. Манухина. Николай II сказал, что ему рекомендуют С.А. Лопухина, бывшего тогда прокурором Киевской судебной палаты. Поскольку Витте лично его не знал, то он попросил разрешения у государя навести о нем справки. После этого Витте имел беседу с профессором уголовного права Н.В. Самофаловым, человеком консервативных взглядов, сторонником жестких мер, но в то же время долго служившим в судебном ведомстве и хорошо знавшим его деятелей, в том числе и Лопухина. Он сказал, что Лопухин «весьма почтенный человек, уважаемый в судебном ведомстве и симпатичный барин». Однако затем профессор, не одобрявший либерализма Манухина, добавил, что в должности министра юстиции Лопухин был бы «Манухиным, но только без его авторитетности, серьезных юридических знаний, опытности и громадной трудоспособности».

Далее С.Ю. Витте пишет: «После этого я вместе с ним (то есть Самофаловым. — *Авт.*) обратился к официальной справочной книге, и мы начали искать, кто из сенаторов пользуется неотъемлемою репутацией правых, которые не могли бы встретить возражений в смысле недостаточной их консервативности, носили бы русские фамилии и прошли бы все должности в судебной карьере, т.е. были бы профессионалы. Самофалов указал мне по списку сенаторов на трех, удовлетворявших этим условиям: Акимова, Иванова и Щербачева».

На следующий день С.Ю. Витте имел беседу с императором о кандидатуре министра юстиции, отрицательно отозвавшись при этом о Лопухине. Тогда Николай II спросил, кого же он сам предлагает. Витте назвал Акимова, Иванова и Щербачева. На вопрос государя: «А вы их знаете?», премьер-министр ответил, что с Ивановым и Щербачевым совершенно не знаком, а с Акимовым встречался в Киеве, когда последний служил там товарищем прокурора судебной палаты. Император предложил Витте пригласить к нему Акимова, но не говорить последнему о возможном назначении.

Вот как описывает С.Ю. Витте дальнейшие события: «Возвратясь домой, я просил Акимова по телефону приехать ко мне. Когда он приехал, то я его в первый раз увидел после Ки-

ева, т.е. после промежутка времени более 20 лет, и передал ему, что государь приказал ему явиться к его величеству тогда-то. Он меня спрашивал, не знаю ли я, для чего государь его вызывает, причем передал, что собирался выйти в отставку и не мог только с министром юстиции уговориться о размере пенсии.

В тот самый день, когда Акимов представился государю, я получил от его величества записку, в которой он писал, что Акимов ему очень понравился и чтобы я представил указ о назначении его министром юстиции».

Приход М.Г. Акимова в Министерство юстиции совпал с активным наступлением царизма на революционное движение. Обстановка в столицах была тяжелая и взрывоопасная.

М.Г. Акимов в одном из выступлений в Государственном совете весной 1906 года говорил: «Правительство после тех беспорядков, которые произошли 18 октября 1905 года, сложило руки и находится в ожидании и в том умилении, которое проявилось во всех общественных сферах и в народе. Всем нам известно, в чем выражалось это умиление. При полном бездействии правительства стали собираться митинги. Все учебные заведения, под покровительством так называемой интеллигенции, наполнили подростками и рабочими. А о чем они там говорили? Они там оскорбляли царя, того царя, из глубины благороднейшего сердца которого они получили Манифест. Они там говорили о вооружении и, действительно, стали вооружаться... Народ, под предводительством учителей и низшей интеллигенции, действительно шел на погромы, сжигал и грабил чуть ли не целые губернии... Россия была вся истерзана, а революционная печать перечисляла ужасы и с радостью указывала, что правительство бессильно бороться против революционной воли народа, что правительство не может напрячь свои силы и очнуться от спячки».

М.Г. Акимов провел некоторые перестановки в кадровом составе Министерства юстиции. Он знал, что председателя Совета министров С.Ю. Витте не устраивает работа судебных органов Петербурга и в особенности прокуратуры. Премьер-министр говорил об этом еще С.С. Манухину. По его мнению, прокуратура в то время «почти забастовала», то есть «боялась энергичных действий» по пресечению разраставшегося революционного движения. К тому же там давно уже не было руководителя, так как прокурор Петербургской судебной палаты Ф.И. Вуич еще в октябре 1905 года был перемещен на должность директора департамента полиции. Когда Витте говорил Манухину об укреплении прокуратуры, тот отвечал, что встречаются большие трудности, так как хотя среди товарищей про-

курора имеются энергичные люди, но они «крайне правого направления». Витте говорил, что ему безразлично, какого направления будет прокурор, лишь бы он действовал решительно, восстанавливая законность. С.С. Манухин поставил исполнять обязанности прокурора П.К. Камышанского, сравнительно молодого человека, очень напористого и твердого, однако не топорился утверждать его в этой должности.

М.Г. Акимов, зная желания и настроения С.Ю. Витте, сразу же назначил П.К. Камышанского прокурором С.-Петербургской судебной палаты. Эту должность он занимал в течение четырех лет, проявив себя непримиримым борцом с революционным движением. В качестве обвинителя он участвовал во многих политических процессах.

Своим товарищем, то есть заместителем, он назначил И.Г. Щегловитова, тогдашнего директора Первого департамента, человека, который, по выражению Витте, всегда высказывал столь «трафаретные красные идеи», что премьер просил бывшего министра юстиции Манухина не брать его с собой на заседания Совета министров. Это назначение удивило Витте, знавшего консервативные приверженности нового министра, поэтому он спросил Акимова, знает ли он Щегловитова. Тот ответил, что знает его хорошо.

Одной из первых «решительных мер», которых требовал от органов прокуратуры С.Ю. Витте, был арест членов С.-Петербургского Совета рабочих депутатов и следствие в отношении него.

Положение Совета было таково, что рабочие без получения его решения фактически ничего не предпринимали. Это раздражало власти. Витте как премьер-министр, конечно, понимал, что с этим надо покончить, так как революционная агитация и пропаганда велись фактически открыто. Однако Манухин на арест не шел. Не склонны были идти на крайние меры также новый директор департамента полиции Э.И. Вуич и заведующий политической частью полиции П.И. Рачковский, поскольку они опасались, что арест может вызвать такой революционный взрыв, на подавление которого у правительства не будет сил.

Сторонником Витте в этом вопросе был начальник С.-Петербургского охранного отделения А.В. Герасимов. Он сумел добиться созыва специального совещания для обсуждения этого вопроса. Председателем его стал Щегловитов. Однако на совещании Герасимов поддержал лишь один только Камышанский, тогда временно исполнявший должность прокурора палаты. Герасимов обратился по вопросу ареста к министру внутренних дел П.Н. Дурново. Тот, ознакомившись с протоколом

совещания, сказал, что присоединяется к мнению большинства. Присутствовавший при докладе М.Г. Акимов неожиданно поддержал Герасимова, сказав: «Положение действительно таково, что медлить нельзя: или мы их, или они нас». Поскольку Дурново все еще колебался, то Акимов сказал, что он как генерал-прокурор берет на себя ответственность за последствия. И тут же, на своем блокноте, дал разрешение Герасимову произвести обыски и аресты. «Так, — писал впоследствии Герасимов, — была решена судьба Петербургского Совета рабочих депутатов».

М.Г. Акимов внес в стены Министерства юстиции «живую струю», он упростил делопроизводство, потребовал составлять бумаги кратко и ясно, без «бюрократических украшений». Главным для него была быстрота исполнения, а не «высокий стиль».

Он стал резко ломать, по словам Щегловитова, «внедрившуюся в судебную практику привычку возбуждать преследование не столько против революционеров, сколько против чинов полиции, допускавших будто бы превышение власти при прекращении беспорядков». «Слабодушие некоторых судей, занимавшихся вместо отправления правосудия политической пропагандой, — писал Щегловитов, — потребовало от Михаила Григорьевича самых решительных средств, а именно испрошения Высочайших повелений об увольнении их от службы».

Так был уволен, в частности, председатель одного окружного суда, который, руководя каким-то совещанием, собственноручно вписал в протокол требование скорейшего созыва учредительного собрания.

Другой член окружного суда в собрании местной конституционной партии выступил с речью, в которой доказывал пользу политических забастовок, а затем подписал телеграмму, осуждающую избиение забастовщиков.

Акимов в угоду правительству беспощадно преследовал «политические шатания» в судебном ведомстве. Однако он все же считал нужным и заступаться за своих подчиненных в тех случаях, когда они, по его мнению, подвергались несправедливым обвинениям со стороны полиции. В одной из своих резолюций он писал: «Огульное и голословное указание на неблагонадежность прокурорского надзора и неудовлетворительность действий судебной власти не может вызвать никаких распоряжений». В другой раз Акимов написал министру внутренних дел о том, что «случаи доставления неверных сведений о чинах Министерства юстиции уже неоднократно повторялись», и поэтому он просил дать распоряжение «о более осмотрительном отношении чинов Министерства внутренних дел к получаемым ими сведениям о деятельности и направлении лиц судебного ведомства».

Председателя Совета министров С.Ю. Витте новый министр юстиции вполне устраивал. Он писал о нем: «Должен сказать, что во все время, пока Акимов был министром юстиции в моем министерстве, он держал себя весьма прилично; проводя в Совете консервативные идеи, он в этом направлении был гораздо сдержаннее и, если так можно выразиться, — законнее, нежели Дурново. Я бы не мог указать ни одного действия Акимова, как министра юстиции, которое шло бы вразрез с тем направлением, которое естественно и логично вытекало из принципов, провозглашенных 17 октября, конечно, толкуемых в консервативном направлении, но без натяжек, «совестливо».

Например, по делам о государственных преступлениях и погромах М.Г. Акимов настоял на издании закона, значительно упрощавшего сложную судебную процедуру, чем облегчил судебным местам, заваленным такими делами, задачу справиться с ними. Он же провел закон о наказуемости приготовления и хранения взрывчатых веществ, принял меры к «охранению культурных сельских хозяйств» от погромов, охрану которых стали возлагать на войска.

Министр юстиции большую роль сыграл в составлении новых Основных государственных законов, утвержденных императором 23 апреля 1906 года. Он был активным сторонником тех, кто доказывал необходимость принятия этих законов до начала работы Государственной Думы, так как в противном случае, по его мнению, она могла превратиться в учредительное собрание.

Когда при рассмотрении в Совете министров Основных законов обсуждался вопрос о несменяемости судей, Акимов был среди тех, кто высказался за сменяемость судей и следователей. Большинство же членов Совета допускали сменяемость в виде исключения, по усмотрению императора. Николай II согласился с мнением меньшинства.

М.Г. Акимов был «убежденным монархистом» и в то же время патриотом, радеющим за Отечество. При обсуждении в Совете министров вопроса о комплектовании и пополнении войск новобранцами, выступая против предложенного проекта, он сказал, что в случае его принятия «Россия может очутиться без армии».

Известно, что он очень резко выступил против законопроекта о расширении функций военно-полевых судов, приговоры которых, как правило, заканчивались смертной казнью.

В то же время он не терпел анархии и расхлябанности. Однажды, когда его в шутку спросили, что бы он сделал, будучи председателем Государственной Думы, М.Г. Акимов, смеясь,

ответил: «Я бы быстро водворил в ней порядок, но взял бы себе на подмогу нескольких казаков».

По отзывам современников, М.Г. Акимов хотя и был «с виду несколько суровый», обладал «удивительным сердцем». Объяснения своих подчиненных он выслушивал всегда с особым вниманием и отводил им большое место в своей работе. Будучи сам человеком «правдивого слова», он не переносил изворотливости и лжи. Но зато «правдиво и искренне сказанное находило горячий отклик в его душе».

Он был исключительно трудоспособным, смелым и даже резким. Не боялся бросить в лицо любому вельможе, нарушавшему закон, фразу: «Под суд попадете и поделом будете осуждены».

В апреле 1906 года последовала отставка председателя Совета министров С.Ю. Витте. Вслед за ним были освобождены почти все министры, исключая лишь военного и морского. В числе освобожденных оказался и М.Г. Акимов. Он воспринял свою отставку спокойно. И.Г. Щегловитов писал, что когда он по просьбе И.Л. Горемыкина, назначенного на место Витте, сказал Акимову, что должен занять его место, то министр «просиял в лице и трижды перекрестился, сказав: «Слава Богу, с плеч моих снимается тяжелое бремя». После этого добавил: «Мужайтесь, Иван Григорьевич, вы молоды и снесете свою ношу».

Когда С.Ю. Витте уходил в отставку с поста председателя Совета министров, то он, по его словам, предложил императору Николаю II двух кандидатов на свое место: М.Г. Акимова и Д.А. Filosofova, бывшего тогда Государственным секретарем. Известно, что Николай II предлагал Акимову возглавить Совет министров, но последний от этого назначения «уклонился». Более того, со слов Щегловитова известно, что он даже сказал: «Если такое назначение состоится, мне остается один выход — пустить себе пулю в лоб». М.Г. Акимов, как отмечал Щегловитов, «не обольщался властью».

23 апреля 1906 года он был назначен членом Государственного совета, а на следующий год — стал его председателем, занимая эту должность семь лет, до своей смерти.

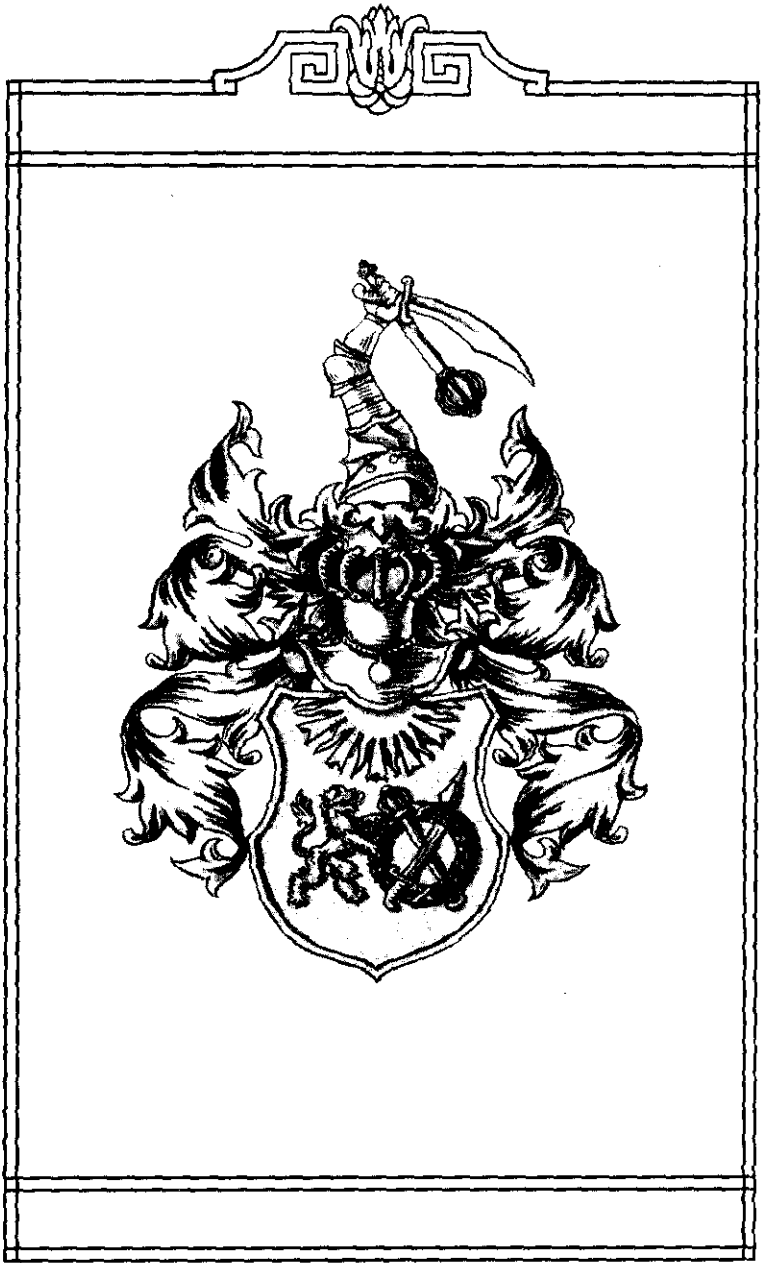
М.Г. Акимов скончался 9 августа 1914 года.

В одной из газет в некрологе отмечалось, что он был «всяма типичной бюрократической фигурой», «чиновником с ног до головы». Возражая на это, новый министр юстиции И.Г. Щегловитов в статье, посвященной памяти М.Г. Акимова, опубликованной в журнале Министерства юстиции, писал: «Смерть его, горячо оплакиваемая не только его родными, но и всеми близко его знавшими, может пройти для нашего общества не-

замеченною, а его заслуги перед родиной могут остаться неопцененными. Мы все так быстро забываем в житейском водовороте людей и их деяния, что этой же участи может подвергнуться и память о Михаиле Григорьевиче. Ожидать этого приходится тем более, что о сохранении ее наверно не позаботится наша интеллигенция, признающая и прославляющая только тех людей, которые живут ее канонами и мыслями, часто не соответствующими русскому быту. Горе тем, кто расходится с ними! Имена их подвергаются самой жестокой тирании, при жизни нещадно шельмующей их, а после смерти неумолимо вычеркивающей их из списка «достойных сынов» России... В нем всякий видел человека твердой воли, умевшего настоять на своем мнении, бесстрашного и совершенно не смущавшегося тем, что «передовые» люди его осудят. Популярности он никогда не искал, а с общественностью считался постольку, поскольку она соответствовала его вполне определенным взглядам и убеждениям».

**Иван Григорьевич
ЩЕГЛОВИТОВ
1861—1918**

«ЧЕЛОВЕК ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРАСТИ И БОРЬБЫ»

Иван Григорьевич Щегловитов происходил из семьи потомственных дворян Черниговской губернии, где у его отца было имение и полторы тысячи десятин земли. Он родился 13 февраля 1861 года. В 20 лет, окончив с золотой медалью Императорское училище правоведения и получив свой первый чин титулярного советника, он 26 мая 1881 года был определен на службу кандидатом на судебные должности при прокуроре Петербургского окружного суда. Через несколько месяцев молодого чиновника направляют в распоряжение судебного следователя 9-го участка города Санкт-Петербурга. На новом месте Иван Щегловитов освоился быстро, и вскоре ему доверили самостоятельно производить следственные действия. Правда, занимался он этим довольно хлопотным делом недолго. В конце года его перевели кандидатом на судебные должности, но теперь уже в более высокую инстанцию при прокуроре судебной палаты. Прослужив полгода, как теперь сказали бы «на побегушках», он занял весьма приличное место секретаря при прокуроре судебной палаты. Его годовое содержание, включающее жалованье, столовые и квартирные, составляло вполне приличную сумму в полторы тысячи рублей.

Трудоспособный, усидчивый, умный, хорошо знающий законодательство, особенно уголовное, Иван Григорьевич обратил на себя внимание начальства. Бывший тогда прокурором С.-Петербургской судебной палаты Н.В. Муравьев, строгий и требовательный к подчиненным, быстро оценил блестящие способности своего сотрудника и старался держать его при себе. Когда Министерству юстиции потребовались толковые исполнители для проверки работы прокуроров и судебных следователей Витебской губернии, Н.В. Муравьев в числе других чиновников направил и И.Г. Щегловитова. Справился он со своими обязанностями превосходно.

Спустя два года после начала службы определением департамента герольдии Правительствующего сената от 19 октября 1883 года Иван Григорьевич был произведен в коллежские асес-

соры. Вскоре после этого он назначается исправляющим должность смотрителя здания Петербургских судебных установлений, а в начале февраля 1884 года возвращается к исполнению своих основных обязанностей секретаря при прокуроре судебной палаты. Тогда же Н.В. Муравьев представил молодого юриста к награждению орденом Св. Станислава 3-й степени, который И.Г. Щегловитов получил 6 июня 1884 года, что в его возрасте, двадцати трех лет, случалось не часто.

Когда Н.В. Муравьев перешел на должность прокурора палаты в Москву, И.Г. Щегловитову была предоставлена первая самостоятельная должность товарища прокурора Нижегородского окружного суда. В городе на Волге он провел два года, а весной 1887 года возвратился в столицу, где занял место товарища прокурора Петербургского окружного суда.

В этой должности И.Г. Щегловитов пребывал три года. Ему пришлось выполнять разнообразные поручения — одни сложные, требующие кропотливости и смекалки, другие попроще. Но на всю жизнь ему врезалось в память одно из первых. Как самому молодому товарищу прокурора ему поручили присутствовать на казни «Первомартовцев»: А.И. Ульянова и его товарищей, покушавшихся 1 марта 1887 года на жизнь императора Александра III и приговоренных к повешению. Позднее И.Г. Щегловитов рассказывал сослуживцам, что воспринял это поручение, как «чрезвычайно тяжелое». Ночевать ему пришлось в Шлиссельбургской крепости, и молодой прокурор всю ночь не мог сомкнуть глаз. Он говорил, что утром, надеясь получить телеграмму о Высочайшем помиловании, принимал все меры к тому, чтобы оттянуть казнь. И только после настойчивых требований коменданта крепости и жандармского офицера казнь состоялась.

Постепенно И.Г. Щегловитов приобретает опыт работы и повышается в чинах. 4 ноября 1887 года он стал надворным советником. В это время он не только добросовестно выполняет многообразные прокурорские обязанности, но и активно сотрудничает в журналах. Только в «Юридическом вестнике» за пять лет он публикует 15 статей по правовым вопросам.

В начале 1890-х годов начинается постепенное возвышение И.Г. Щегловитова по ступеням прокурорской иерархии. Он последовательно, но довольно быстро меняет одну должность за другой, каждый раз занимая все более и более ответственные посты в Правительствующем сенате и центральном аппарате Министерства юстиции.

В 1890 году Щегловитов состоит за обер-прокурорским столом в 1-м департаменте Правительствующего сената. В следующем году Н.А. Манассеин переводит его в аппарат министерст-

А. Т. Савельев,
секретарь Московского
мирового съезда,
прослуживший 50 лет.

П. А. Александров, следователь по особо важным делам,
занимавшийся делом В. И. Ленина.

224. Александров Павел Александрович

ва заведующим уголовным отделом законодательного отделения департамента. Благодаря своим личным качествам, исключительной работоспособности, старательности, даже основательности во всем, за что бы он ни брался, а также блестящим способностям и великолепной теоретической подготовке, И.Г. Щегловитов сумел в 1893 году занять место юрисконсультанта в Министерстве юстиции. Оно считалось престижным и к тому же хорошо оплачивалось. По свидетельству известного публициста И.В. Гессена, юрисконсультская часть относилась к «привилегированной, аристократической» службе в министерстве. «Это был настоящий питомник министров и их товарищей», — сообщал он.

Иван Григорьевич продолжал активно сотрудничать в юридических периодических изданиях и стал, в частности, одним из лучших авторов в возобновленном Н.В. Муравьевым журнале Министерства юстиции, а позднее и в газете «Право».

В 1894 году И.Г. Щегловитов был назначен прокурором Петербургского окружного суда, а в следующем году товарищем прокурора столичной судебной палаты. Здесь он получил чин статского советника и сумел проявить себя не только хорошим организатором работы, но и блестящим судебным оратором. Запоминающуюся обвинительную речь он произнес по крупному уголовному процессу о подлоге духовного завещания миллионера Грибанова.

В 1897 году он исполняет обязанности товарища обер-прокурора уголовного кассационного департамента Правительствующего сената, а в следующем году его утвердили в этой должности.

С 1900 по 1903 год И.Г. Щегловитов последовательно занимал должности вице-директора 1-го департамента Министерства юстиции и члена консультации при министерстве и выслужил чин действительного статского советника. Его познания в области уголовного права и судопроизводства были настолько обширны и основательны, что он по праву считался лучшим криминалистом России. Он деятельно участвует в образованной под председательством министра юстиции Н.В. Муравьева Комиссии по пересмотру Судебных уставов, в многочисленных совещаниях по правовым вопросам, разрабатывает законопроекты по переустройству карательных учреждений Сахалина, об отмене ссылки и т. п. Большую организаторскую работу проделывает он и по подготовке Конгресса криминалистов в Петербурге в 1902 году. С этой целью он побывал даже в Париже, где внимательно ознакомился с деятельностью Центрального союза криминалистов.

Современники отмечали, что в те годы И.Г. Щегловитов

«читил Судебные уставы и возражал против нажима на суд». Именно по его инициативе министр юстиции издал даже циркуляр о праве присяжных ходатайствовать об облегчении участи осужденных.

В молодости И.Г. Щегловитов «не чужд был и свободолобивых речей». В записках И.В. Гессена отмечается такой примечательный факт. 15 апреля 1902 года, в день убийства министра внутренних дел Д.С. Сипягина, он был в театре и в одном из антрактов встретил бывшего тогда вице-директором департамента Министерства юстиции Щегловитова. «Поздоровавшись и не выпуская моей руки, — писал Гессен, — он увлек меня в сторону и спросил: «Ну, что скажете?» Я ответил: «Конечно, это ужасно». Не давая мне окончить фразы, он торопливо перебил: «Ужасно, ужасно! Но поделом вору и мука».

6 апреля 1903 года Иван Григорьевич занял высокий пост обер-прокурора уголовного кассационного департамента Правительствующего сената. Ему приходилось давать заключения по самым разнообразным делам, причем их содержательная сторона всегда отличалась высоким профессионализмом, основательностью и глубиной, что отмечал даже такой требовательный юрист, каковым был А.Ф. Кони. Последнему, например, очень понравилось заключение И.Г. Щегловитова по делу Семенова, в котором обер-прокурор убедительно разъяснил, что в уголовном процессе слова «виновен» и «совершил» — не синонимы.

Обремененный многочисленными служебными делами, зачастую довольно сложными, требующими напряжения всех сил, И.Г. Щегловитов продолжал разрабатывать теоретические вопросы уголовного права, судопроизводства и судоустройства. Одна за другой в печати появляются его статьи, заметки и сообщения, многие из которых он выпускает затем отдельными изданиями. Он глубоко исследует состояние предания суду по важнейшим уголовным процессам, анализирует основные особенности болгарского устава уголовного судопроизводства, прослеживает изменения русского уголовного процесса в связи с принятием Уголовного уложения и т. д.

И.Г. Щегловитов одним из первых в России понял всю ценность судебной фотографии для расследования преступлений. Он дал не только научное обоснование судебной фотографии, но и многое сделал для ее практического применения, образовав судебно-фотографическую лабораторию при прокуратуре С.-Петербургской судебной палаты.

С 1903 года Иван Григорьевич в качестве профессора стал читать лекции в Императорском училище правоведения сначала по теории и практике уголовного судопроизводства, а позд-

нее и об основных началах судоустройства. На их основе он впоследствии издал двухтомный «Курс русского судоустройства». Активно участвовал он и в работе Петербургского юридического общества, занимая одно время место председателя уголовного отделения.

Будучи обер-прокурором Правительствующего сената, И.Г. Щегловитов выполнил ряд поручений первостепенной важности, чем обратил на себя внимание Высочайшего двора. Ему было доверено выполнять прокурорские обязанности в Особом Присутствии Правительствующего сената по так называемому «Делу о злодеянии, жертвой коего пал великий князь Сергей Александрович».

В обвинительном акте, составленном прокурором Особого Присутствия Правительствующего сената для суждения дел о государственных преступлениях И.Г. Щегловитовым, это событие было изложено так: «4 февраля 1905 года в Москве, в то время когда его императорское высочество великий князь Сергей Александрович проезжал в карете из Николаевского дворца на Тверскую, на Сенатской площади, на расстоянии 55 шагов от Никольских ворот, неизвестный злоумышленник бросил в карету бомбу. Взрывом Сергей Александрович был убит, а сидевшему на козлах кучеру Андрею Рудинкину, который скончился через несколько дней, были причинены многочисленные тяжкие повреждения».

Расследованием дела занимался судебный следователь по особо важным делам Московского окружного суда Головня. Наблюдать за производством следствия было поручено обер-прокурору И.Г. Щегловитову. Принялся он за это дело ревностно, понимая, что от результатов расследования во многом будет зависеть его дальнейшая карьера. За ходом следствия по делу об убийстве сына царя-освободителя пристально следил не только непосредственный начальник Щегловитова генерал-прокурор С.С. Манухин, но и члены императорской фамилии. Процесс должен был пройти без каких-либо эксцессов.

Обвинительный акт был составлен И.Г. Щегловитовым 23 марта 1905 года. В нем было отмечено, что Каляев обвиняется в преступных деяниях, предусмотренных ст. 102 (ч. 1 и 2) и 105 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных, то есть в том, что принимал участие в преступном сообществе, присвоившем себе наименование «боевой организации партии социалистов-революционеров», и в том, что 4 февраля 1905 года в Москве умышленно лишил жизни великого князя Сергея Александровича и причинил смертельные повреждения кучеру Рудинкину.

Дело слушалось в Особом Присутствии Правительствующего сената 5 апреля 1905 года. Председательствовал на процессе Дейер. Членами были сенаторы Бобринский, Куровский, Звьянцкий, Штетинский-Шихматов, Варварин. В число сословных представителей входили Петербургский губернский предводитель дворянства Гудович, Московский городской голова Голицын и Ямбургский волостной старшина. Обвинение поддерживал И.Г. Щегловитов.

Защищали И.П. Каляева присяжные поверенные М.Л. Мандельштам и В.А. Жданов. Заседание суда проходило при закрытых дверях. В зал не была допущена даже сестра подсудимого. Из публики присутствовали лишь его мать, человек десять офицеров и еще несколько высших чиновников Министерства юстиции.

В своей обвинительной речи И.Г. Щегловитов говорил в основном о том, что принадлежность Каляева к партии социалистов-революционеров определяет, к чему стремится, чему верит Каляев. «Партия эта характеризуется страшной верой в правоту своих убеждений, верой, не испытанной в горниле науки и разума. Вот почему они отличаются самонадеянностью и самомнением, жертвуя лично жизнями других. Они насильственным путем стремятся к ниспровержению государственных основ, покушаются на самое бытие его. Кровью они стремятся уничтожить высшее благо общественности, и все государства поняли весь ужас их деятельности и борются против нее. На Женевском конгрессе постановлена международная выдача таких преступников».

Присяжный поверенный В.А. Жданов произнес в защиту И.П. Каляева одну из лучших своих речей.

В три часа пополудни был вынесен приговор. Каляев осуждался к смертной казни через повешение. Выслушав приговор, он заявил: «Я счастлив вашим приговором и надеюсь, что вы исполните его надо мною так же открыто и всенародно, как я исполнил приговор партии. Учитесь мужественно смотреть в глаза надвигающейся революции».

Казнь состоялась в ночь на 10 мая 1905 года в Шлиссельбургской крепости.

Вскоре после окончания дела Каляева И.Г. Щегловитов вернулся на службу в Министерство юстиции. Высочайшим указом от 22 апреля 1905 года он переводится на должность директора 1-го департамента. Он по-прежнему много работал в различных комиссиях, даже в таких, которые были далеки от юриспруденции, например по вопросу упорядочения быта и положения рабочих промышленных предприятий.

И.Г. Щегловитов с восторгом воспринял известие о подпи-

сании государем Манифеста от 17 октября 1905 года и искренне приветствовал начавшееся в империи преобразование государственного аппарата, созыв первой Думы. Он даже участвовал в выработке некоторых последовавших вслед за Манифестом законодательных актов, в частности указа от 21 октября, «даровавшего» облегчение всем государственным преступникам, или, как их стали тогда называть, «пострадавшим за деятельность в предшествующий период».

Однако его отношения с высшими царскими сановниками складывались непросто. Появились явные недоброжелатели. Из них самый опасный и влиятельный — председатель Совета министров С.Ю. Витте. Последний настолько невзлюбил И.Г. Щегловитова, что однажды даже просил министра юстиции С.С. Манухина не брать его с собой на заседания Совета министров. По мнению Витте, новый директор департамента высказывал слишком «трафаретные красные идеи». Поэтому, когда 1 февраля 1906 года новый министр юстиции М.Г. Акимов назначил Ивана Григорьевича своим заместителем, Витте очень удивился и поинтересовался у министра, хорошо ли он знает его. Акимов ответил, что не только хорошо знает Щегловитова, но и ценит его как отличного работника.

В апреле 1906 года председатель Совета министров С.Ю. Витте был отправлен в отставку и кабинет его пал. Вслед за ним оставили свои посты почти все министры, в том числе и М.Г. Акимов.

Место премьер-министра занял И.Л. Горемыкин. 24 апреля 1906 года новым министром юстиции и генерал-прокурором в его кабинете стал И.Г. Щегловитов.

Назначение И.Г. Щегловитова министром юстиции вызвало неоднозначную реакцию. У одних сдержанную, у других откровенно враждебную. Вот что писал впоследствии С.Ю. Витте: «Это самое ужасное назначение из всех назначений министров после моего ухода, в течение этих последних лет и до настоящего времени. Щегловитов, можно сказать, уничтожил суд».

И.В. Гессен, хорошо знавший Щегловитова, также был невысокого мнения о нем, как о министре. Он считал его лишь «добросовестнейшим коллекционером чужих мыслей». По его словам, Щегловитов «не годился для руководящей роли и сам едва ли мечтал подняться до поста министра».

Новый министр юстиции и руководитель органов прокуратуры энергично принялся за вверенное ему дело. Обстановка в то время в России была крайне тяжелая. Подавление революции 1905 года оставило широкий кровавый след. Правительство принимало все более жесткие меры против любых револю-

ционных выступлений, а социалисты-революционеры со своей стороны усилили террор против представителей власти.

И.Г. Щегловитов сразу же оказался в довольно трудном положении. Заняв пост министра юстиции и генерал-прокурора, он встал как бы между двух огней. С одной стороны, представители высшей власти требовали усиления репрессий, с другой — Государственная Дума и общественное мнение настаивали на более широкой демократизации жизни. Особенно остро это противоречие проявилось при обсуждении в Государственной Думе вопроса об отмене смертной казни. Министр юстиции пытался объяснить, почему он считает преждевременным поднимать этот вопрос. Он сказал: «У нас развились социалистические учения, а развитие социализма привело к анархии и замене положительного идеала одним общим разрушительным идеалом. Анархизм угрожает всему человечеству и наиболее четкие законодательства считают необходимым с ним бороться. Надо считаться с переживаемыми нами условиями, уносящими в могилу добросовестных исполнителей служебного долга. Отменить теперь смертную казнь это все равно, что не защищать власть...»

Щегловитову не дали договорить. Его речь заглушили крики: «Довольно! Вон его! Вон, чтобы мы больше его не видели! Вон!»

Министр переждал крики и, волнуясь, продолжал: «Отмена смертной казни является несвоевременной, главным образом за политические преступления, а за уголовные применяться не должна, с этим можно еще согласиться...»

Теперь уже в Думе разразилась такая буря негодования, что Щегловитову не удалось добавить ни слова.

Попытавшегося было выйти на трибуну Думы военного прокурора Павлова встретили таким шквалом криков и оскорблений, что он сразу же покинул зал заседания.

Кабинет И.Л. Горемыкина, как и 1-я Государственная Дума, просуществовал лишь до июля 1906 года. Дума была попросту разогнана, а место председателя Совета министров занял бывший саратовский губернатор, министр внутренних дел П.А. Столыпин. Он приступил к формированию своего кабинета. Сразу же встал вопрос о новом министре юстиции.

На должность министра юстиции и генерал-прокурора Столыпин решил выдвинуть А.Ф. Кони, выдающегося юриста и общественного деятеля, человека безупречной репутации, бывшего тогда сенатором, но тот отказался.

Таким образом И.Г. Щегловитов сохранил за собой пост министра юстиции и генерал-прокурора в кабинете П.А. Столыпина и занимал его девять лет. Императора Николая II он яв-

но устраивал. А.Ф. Кони вспоминал, как П.А. Столыпин в разговоре с ним упомянул, что государь «чрезвычайно хвалил Щегловитова, бывшего у него в тот день с докладом, и ссылаясь на то, что Щегловитов ему нравится легкостью, вразумительностью и точностью своего доклада, так что ему очень не хотелось бы расставаться с этим министром».

Первое время И.Г. Щегловитов еще продолжал высказываться за проведение демократических преобразований. Современники вспоминали, как он, встретив в Таврическом дворце во время заседания 1-й Государственной Думы знакомого профессора Чубинского, сказал ему, что «теперь воздух не тот и легче дышится».

Однако вскоре, по собственному его признанию, он испытывал «некоторое разочарование», поскольку те ожидания, которые были у него, «оказались не вполне оправдавшимися, а работа законодательная не налаживалась». Крайне сдержанно относился министр и к вопросу амнистии, возбужденному на первом же заседании Государственной Думы. Он объяснял это тем, что амнистия «не внесет заметного успокоения в обществе».

В середине 1906 года, сохранив за собой портфель министра в кабинете П.А. Столыпина, он уже «круто повернул вправо». Именно тогда появились военно-полевые суды. Конечно, идея их создания не принадлежала Щегловитову. Более того, он даже предпринимал попытки противиться их введению в том виде, как они были разработаны.

Военно-полевые суды хотел учредить царь еще в декабре 1905 года, однако премьер-министр Витте тогда отклонил его предложение. Столыпин, став премьером, провел решение о введении судов через кабинет министров.

Закон о военно-полевых судах прекратил свое действие 30 апреля 1907 года. После этого все дела стали передаваться в военно-окружные суды. Однако число смертных приговоров оставалось все же значительным. По официальным сведениям, только в 1907—1909 годах было вынесено 5 тысяч смертных приговоров. «К этой цифре, — писал Гернет, — печать добавляет еще 2,5 тысячи». За это же время 5946 должностных лиц погибли от рук революционеров.

Российские террористы вскоре дали свой ответ на решение о введении военно-полевых судов. В 1906—1908 годах они организовали настоящую охоту на высших должностных лиц империи и, в частности, на тех, кто служил в военном ведомстве или в системе Министерства юстиции. Особенно ощутимый урон понесло главное тюремное управление, входившее в состав министерства с 1895 года. Наиболее непримиримым про-

тивником правительства был так называемый Летучий боевой отряд партии социалистов-революционеров, начавший жестокий террор. Полиции долго не удавалось выйти на его «штаб-квартиру», выяснить состав членов, задачи отряда и способы их осуществления. Не дремали представители и других отрядов партии социалистов-революционеров. Готовилось покушение и на Щегловитова.

6 февраля 1908 года члены Летучего боевого отряда явились к зданию Министерства юстиции и ходили по Итальянской и прилегающим к ней улицам, ожидая выезда Щегловитова в Государственную Думу. *Заблаговременно предупрежденный полицией*, министр к поданной ему карете не вышел, и в нее сели две женщины.

На следующий день террористы снова поджидали выезда Щегловитова. Полиция, со своей стороны наблюдавшая за террористами, сумела арестовать почти всех активных членов Летучего боевого отряда. Некоторые из них оказали вооруженное сопротивление. Отряд был ликвидирован.

По приговору военно-окружного суда семь членов Летучего отряда, среди них руководитель Трауберг, Лидия Стуре, были приговорены к смертной казни и повешены, остальные осуждены на каторгу. Это дело послужило толчком к написанию Л. Андреевым повести «Рассказ о семи повешенных».

Кадровая политика И.Г. Щегловитова была довольно своеобразной. С одной стороны, продолжала нести службу «старая гвардия» честных и неподкупных чиновников, которых по праву можно было бы назвать наследниками славных деятелей Судебной реформы 1864 года. Они все еще «поддерживали марку» ведомства.

С другой стороны, при Щегловитове успешную карьеру делали преимущественно лица, беспредельно преданные власти, исполнительные, жесткие и даже жестокие, ненавидящие все «левое». Хотя их было не так уж и много, но они «давали определенную окраску» судебному ведомству и прокурорскому надзору. Некоторые прокуроры и судьи с легкостью отступали от требований закона, допускали произвол, злоупотребляли своим положением. Зачастую они не только игнорировали адвокатуру, но и вели себя по отношению к присяжным поверенным грубо и бесцеремонно. Многие из них с полным правом могли бы вслед за императором Александром III сказать: «Терпеть не могу этого сословия».

Некоторые из современников подмечали, что при щегловитовском режиме сколько-нибудь талантливая молодежь на службу в суд или прокуратуру почти не шла. Бывший прокурор Петроградской судебной палаты С.В. Завадский отмечал, что

при Щегловитове чиновники Министерства юстиции разделялись на «опричников» («щегловитовцев»), которые находились в привилегированном положении, и на «земщину», практически не имевшую возможности изменить свое служебное положение. Но были и другие мнения.

Старых судебных деятелей И.Г. Щегловитов ценил и удерживал при себе. Совсем по-иному он относился к более молодым чиновникам. По словам самого Щегловитова, «в подборе личного состава критерий был один — подбирать людей более твердых, более монархически настроенных», которые являлись бы «хранителями существующего строя».

На словах И.Г. Щегловитов всегда выступал за несменяемость судей. Так, когда в декабре 1908 года в Государственной Думе правые фракции, указывая на наличие в судебном ведомстве значительного числа лиц, «созвучных политическим партиям, преследующих противозаконные цели», потребовали от министра юстиции освободиться от этих «вредных элементов», он выступил с горячим протестом, напомнив, что судьи по закону несменяемы, и заявив, что в «суде нет фракций и нет политических партий».

В то же время И.Г. Щегловитов считал, что необходимо удалить тех прокуроров и судей, которые, по его мнению, не оказались на высоте положения в судебных учреждениях, «по самой природе своей призванных стоять выше политической борьбы». На одном из заседаний Государственной Думы И.Г. Щегловитов сказал: «Тяжелые годы смуты и политического шатания возлагали на Министерство юстиции сугубые обязанности ограждения русского суда от засорения его всем тем, что отражает в себе колеблющееся, меняющееся общественное движение и настроение и партийные вожелания. Между тем общее политическое шатание не может не коснуться суда, как ни прискорбно это явление. Волны бушующих политических страстей докатились и до святой храмины правосудия... Будучи призван... стать во главе Министерства юстиции, я приложил все усилия к тому, чтобы русский суд устоял перед соблазном политической борьбы и чтобы в нем, в особенности в лице его главных руководителей, были не люди, слабые волей и равнодушные к ограждению государственного порядка и общественного спокойствия, но люди, сильные волей и твердые в подлинном исполнении и применении закона. Само собой разумеется, что особое внимание пришлось обратить на обновление в некоторых судебных местах личного персонала...» Затем он продолжил: «Нападки... на меня не смущают, они бледнеют и гаснут перед величием лежащей на мне обязанности охранить тот храм, который именуется храмом правосудия, во всей чистоте».

Местные кадры министр изучал тщательно. В его ведомстве велись так называемые «конduitные списки», куда заносились отзывы о своих сотрудниках, поступавшие от старших чинов суда и прокуратуры. Любые «политические шатания» чиновников, проявления ими слабости, нерешительности, особенно в борьбе с политическими преступлениями, безоговорочно пресекались и наказывались министром. В таких случаях И.Г. Щегловитов не считался с заслугами того или иного «провинившегося», с его точки зрения, работника.

Деятельность И.Г. Щегловитова не могла не подвергаться суровой критике со стороны народных представителей прогрессивной направленности. Например, депутат Государственной Думы Маклаков в одной из своих речей ярко обрисовал всю картину ущербности щегловитовской кадровой политики, пагубно отражающейся на состоянии прокурорского надзора. «Разве обходным путем не сделано того теперь, что наши прокуроры, оставаясь в ведомстве, подчинены не министру юстиции, даже не министру внутренних дел, а просто местному его представителю, губернатору, — говорил он. — Разве мы не знаем фактов, когда прокурор окружного суда в избирательном собрании не голосовал вместе с губернатором, которому хотелось отменить неприятные ему выборы, разве этот прокурор не был разжалован в товарищи прокурора только за то, что с губернатором не согласился. Нужно было дать урок наглядного обучения прокурорам, которые всерьез понимают свое положение, которые осмеливаются вести себя на месте с достоинством, которого не желает наверху иметь генерал-прокурор...»

И это было вполне справедливое обвинение, о чем свидетельствуют многочисленные примеры.

Губернаторы зачастую бесцеремонно вмешивались в профессиональную деятельность прокуроров и следователей, навязывали им свою, большей частью непрофессиональную, точку зрения по тому или иному делу, даже не имевшему политической окраски.

Некоторых прокуроров И.Г. Щегловитов попросту изгонял со службы за любые даже самые незначительные подозрения в недостаточной твердости. Однажды во владимирской тюрьме, где содержались политические заключенные, возникли серьезные беспорядки, сопровождавшиеся массовой голодовкой. Прокурор окружного суда В.М. Шаланин, получив сообщение об этом событии, сразу же прибыл в тюрьму. Там он внимательно выслушал каждого заключенного, вник в существо выдвинутых ими требований и пообещал быстро во всем разобраться. При этом он вел себя демократично, позволял арестантам при

себе курить, подавал им руку и т. п. Вскоре беспорядки и голодовка в тюрьме прекратились.

Однако «либеральное» отношение к политическим не понравилось владимирскому губернатору Сазонову. В своем донесении И.Г. Щегловитову он указал на «противоправительственный образ мыслей» прокурора. В.М. Шаланину было предложено подать в отставку. Он отказался. Тогда, несмотря даже на заступничество прокурора Московской судебной палаты К.К. Александрова-Дольника, считавшего увольнение прокурора несправедливым, В.М. Шаланин был освобожден от своей должности.

И.Г. Щегловитов допускал произвол и в отношении судебных деятелей, считавшихся по закону несменяемыми. В своих воспоминаниях С.Ю. Витте писал: «Несмотря на несменяемость (судей. — *Авт.*), господин Щегловитов сменяет, как вздумает, и судебное ведомство впало в маразм угодничества министру юстиции, от которого зависит благосостояние судебного персонала».

Чтобы добиться своей цели (увольнения неугодного ему судьи), И.Г. Щегловитов, утверждали современники, мог пообещать «провинившемуся» работнику добиться для него «усиленной пенсии» в случае немедленного выхода в отставку, угрожая в противном случае оставить его на «нищенской пенсии». Когда и это не помогало — он переносил свое «неудовольствие» на лиц, подчиненных тому или иному руководителю суда.

С таким же упорством, с каким И.Г. Щегловитов избавлялся от неугодных ему прокуроров и судей, он удерживал в своем ведомстве и лиц, не только полностью скомпрометировавших себя, но и фактически ставших одиозными фигурами. Их он отстранял с завидным упрямством, так что в таких случаях не могло даже давление губернаторов.

Щегловитовская юстиция самым печальным образом отразилась на деятельности суда. Никогда еще со времени введения Судебных уставов 1864 года судебные установления не падали так низко в общественном мнении. Сколько-нибудь демократически настроенные современники были единодушны в своих оценках — суд фактически уничтожен.

И.В. Гессен, например, отмечал, что при Щегловитове «вширь до Сената судебные учреждения насквозь пропитались угодливостью, разлагающей все устои правосудия». И еще одно его высказывание: «Суд превращен в капище беззакония».

Так же резко отзывался о суде и судебной политике Щегловитова бывший премьер-министр С.Ю. Витте. Он писал: «Хорош наш Ванька Каин! (так Витте часто называл Щегловитова. — *Авт.*) Я читал последний всеподданнейший доклад, в ко-

тором он хвастает, что без отмены судебной несменяемости сумел заставить суд, как он говорит, служить требованиям и интересам государственности».

Почти полное уничтожение судебной независимости, несменяемости судей, массовые нарушения законности и произвол были поставлены в вину И.Г. Щегловитову сразу же после Февральской революции 1917 года. Впоследствии на допросах он вынужден был признать, что с его стороны были случаи давления «при изменении служебного положения» тех или иных судей и что он «старался воздействовать на судей, чтобы они наблюдали согласно своему положению».

Ратовавший в молодости за независимость судебного следствия от прокурорского надзора, И.Г. Щегловитов, став генерал-прокурором, напрочь забыл об этом. Он превратил следственный аппарат в свое послушное орудие, действующее только в интересах и в угоду властям. Преследования за инакомыслие, причем не только революционеров, проповедующих терроризм, но и лиц, придерживавшихся либерально-демократических взглядов, злоупотребления при расследовании преступлений, подтасовка фактов и фабрикация улик, издевательства над подсудимыми и в то же время прекращение дел по ходатайствам власть предержащих или по «политическим соображениям» — все эти «извращения правосудия» стали при нем делом обычным.

После Февральской революции на вопрос председателя следственной комиссии: «Какова была позиция министерства по отношению к создававшимся после роспуска I-й Думы процессам, а в дальнейшем и к введению военных судов?» И.Г. Щегловитов прямо ответил: «Я принимал участие во всех этих действиях правительства».

«И относились положительно как к постановке процесса членов I-й Думы, так и к введению полевого суда?» — снова был задан ему вопрос. «Это — да», — ответил бывший генерал-прокурор.

I-я Дума была торжественно открыта 27 апреля 1906 года. Император Николай II в своей речи назвал депутатов «лучшими людьми» империи. Но не прошло и трех месяцев, как эти «лучшие люди» стали неуютны правительству. Таврический дворец, где заседали депутаты, был занят войсками, а Дума была распущена, вследствие острой полемики с правительством, особенно по аграрному вопросу.

10 июля 1906 года на территории Финляндии, в Выборге, около 180 депутатов разогнанной Думы подписали воззвание к населению. В нем они призывали население России, в знак протеста против разгона народных представителей, оказать пас-

сивное сопротивление правительству: не платить налоги, не давать солдат в армию, не признавать правительственных займов. Прокуратура не дремала.

Уже спустя несколько дней после этого было возбуждено дело, получившее наименование «О выборгском воззвании». На скамью подсудимых было посажено 169 депутатов (некоторым удалось скрыться). Председательствовал на суде Крашенинников; обвинение поддерживал прокурор Зиберт. 18 декабря 1907 года все депутаты (за исключением двоих) были признаны виновными в том, что они, вступив между собой в соглашение «возбудить народ», составили и распространили антиправительственное воззвание, и приговорены к трем месяцам тюремного заключения.

Такая же участь постигла и 2-ю Государственную Думу. Открытая 20 февраля 1907 года, она продержалась несколько дольше первой — более трех месяцев. Когда полиции стало известно, что военная организация при Петербургском комитете социал-демократической партии (а ее фракция имела в Думе 65 человек) обсуждает вопрос о составлении и подаче депутатами-социалистами наказа от солдат столичного гарнизона, она решила использовать это обстоятельство. Хотя все было сработано полицией очень грубо, встал вопрос о привлечении 55 депутатов к уголовной ответственности за государственное преступление. На закрытом заседании Думы И.Г. Щегловитов заявил, что предполагалось захватить депутатов на их совместном заседании с представителями военной организации, но полиция опоздала на полчаса. Дума не дала согласия на привлечение депутатов к уголовной ответственности. Более того, специально созданная комиссия Думы пришла к выводу, что не члены Думы организовали заговор с целью учредить в России путем вооруженного восстания республику, а охранное отделение учинило заговор против 2-й Думы. Однако результаты комиссии так и не были оглашены. В ночь со 2-го на 3 июня 37 депутатов Думы были арестованы (остальным удалось скрыться). В тот же день Дума была распущена.

Своего отношения к политическим оппонентам И.Г. Щегловитов не скрывал. Он прямо заявлял с думской трибуны, что «судебные учреждения могут гордиться недовольствами к ним наших левых организаций и их представителей».

При И.Г. Щегловитове массовый характер приняли так называемые «помилования» лиц, виновных в тяжких уголовных преступлениях.

В подведомственных министру юстиции тюрьмах царил полный произвол. Выступая с думской трибуны по поводу истязаний заключенных в тюрьмах Прибалтийского края, он, как бы

оправдывая администрацию, сказал, что истязания были обусловлены «кровавым возмутительным бредом», раздирающим империю.

Не случайно поэтому министр юстиции, по словам бывшего сотрудника его аппарата Н.П. Чаплина, щедро представлял императору доклады о помиловании чинов тюремного ведомства, осужденных за избиения и издевательство над заключенными. Как правило, отказов в помиловании не было.

Генерал-прокурор И.Г. Щегловитов пользовался абсолютным доверием императора и это помогало ему удерживать свое кресло более девяти лет. Государь не забывал осыпать его и своими милостями. 1 января 1907 года он назначил Щегловитова членом Государственного совета и присутствующим в Сенате с оставлением в должности министра. Он получил чин тайного советника в марте 1911 года, в день празднования 200-летия Правительствующего сената, И.Г. Щегловитов был «пожалован» высоким званием статс-секретаря, а через год получил орден Белого орла. Он стал почетным гражданином города Стародуба, а также почетным членом нескольких обществ: Киевского земледельческих колоний и ремесленных приютов, Одесского патроната над малолетними, Тульской губернской архивной комиссии, Петроградского воспитательно-исправительных приютов и др.

Иван Григорьевич по-прежнему читал лекции в Императорском училище правоведения, а 5 декабря 1912 года на торжественном заседании, проведенном в память 100-летия со дня рождения основателя училища принца Петра Георгиевича Ольденбургского, произнес большую и эмоциональную речь.

С началом первой мировой войны забот у министра юстиции прибавилось — надо было ориентировать своих подчиненных на работу в новых условиях. В связи с этим он разослал прокурорам и председателям судебных палат и окружных судов несколько циркулярных указаний, в частности, о допросе лиц, призванных в действующую армию, о порядке обращения следственных работников с запросами в Главное управление Генерального штаба за справками о местонахождении воинских чинов, о том, что «подданные воюющих с Россией держав права на судебную защиту не имеют» и т.п.

И.Г. Щегловитов не только негативно относился к вступлению России в войну (он отлично понимал, к каким катастрофическим последствиям это может привести), но даже вместе с министром внутренних дел Н.А. Маклаковым направил императору доклад, в котором указывал на необходимость скорейшего окончания войны и примирения с Германией, родственной России по политическому строю.

Беспредельно преданный монархической идее, он теперь уже не воспринимал никаких попыток к демократизации общества, считая, что все пути в этом направлении ведут лишь к еще большей анархии и расхлябанности. По словам генерала Спиридовича, Щегловитов иногда острил: «Паралитики власти либо, нерешительно, как-то нехотя борются с эпилептиками революции».

По своим убеждениям И.Г. Щегловитов примыкал к крайним правым партиям. Сам он считал себя «представителем консервативного движения», хотя нередко и в среде правых его действия вызывали нарекания. Особенно это относилось к первым годам управления Министерством юстиции. Затем у него установились «более миролюбивые отношения» с правыми, хотя он и признавался, что ни одна из существующих партий не соответствует его взглядам. Щегловитов придерживался мнения при дворе о том, что правые организации могут служить опорой отечеству, поэтому он и считал себя обязанным по ходатайству их лидеров представлять на высочайшее усмотрение доклады о помиловании тех или иных представителей правого течения, обвинявшихся нередко в тяжких преступлениях. Однажды он даже председательствовал на заседании правых, хотя потом и отказался возглавить созданный им совет.

На допросе в Чрезвычайной следственной комиссии бывший директор департамента полиции и товарищ министра внутренних дел С.П. Белецкий сказал о И.Г. Щегловитове следующее: «Иван Григорьевич был партийный человек постольку, поскольку это отвечало его желаниям. Когда нам нужно было, он становился председателем монархического съезда. Это был человек другого склада. В эту минуту он был человек политической тактики, а не идейной... Иван Григорьевич был человеком политической страсти и борьбы. Вот почему сошелся Протопопов с Щегловитовым. Оба они в политическом отношении беспринципны. Он правых учитывал постольку, поскольку они нужны. Одновременно с этим он подавал записку государю, чтобы привлечь на свою сторону еврейские круги, дать евреям не равенство в полном смысле слова, то право свободного отъезда... Бывало, например, он чуть не целуется с Маклаковым, и в то же время ведет кампанию против Маклакова наверху. Он в одно время идет с правыми и стремится дать самостоятельность евреям... И в то же время он готов на другие реационные шаги».

20 ноября 1914 года И.Г. Щегловитов стал действительным членом совета, а в апреле 1915 года он получил светловскую медаль за труды по отличному выполнению все-

общей мобилизации, для ношения на груди на ленте Белого Орла.

К 1915 году И.Г. Щегловитов стал заметно тяготиться своими обязанностями по руководству Министерством юстиции. К тому же на него и ряд других министров с ярко выраженным правым уклоном продолжались резкие нападки со сторонников думских фракций. Чтобы как-то успокоить общественное мнение, император Николай II в 1915 году отправил в отставку военного министра Сухомлинова, министра внутренних дел Маклакова, обер-прокурора Святейшего синода Саблера и Щегловитова.

Все они в общественном сознании «слыли безнадежными реакционерами».

И.Г. Щегловитов был освобожден от должности генерал-прокурора и министра юстиции согласно прошению, в июле 1915 года, с оставлением его статс-секретарем, членом Государственного совета и сенатором.

По поводу отставки И.Г. Щегловитов писал Н.А. Маклакову: «Наконец решен вопрос о моем уходе... Распад глубок и носит явные следы растерянности, которая нигде и никогда к добру не приводит. Объединение правительственных и общественных сил есть великая ложь, которую никаким обманом не замазать. Растерялись у нас теперь, когда штурм власти еще не последовал, а что сделают, когда штурм действительно произойдет? Таков роковой вопрос, который напрашивается сам собой».

Вскоре после своей отставки И.Г. Щегловитов Высочайшим приказом по гражданскому ведомству был назначен почетным мировым судьей Петраковского округа. В Государственном совете его избрали заместителем председателя правой фракции. Привыкший к диктаторским замашкам, которые он приобрел за время пребывания в министерском кресле, он, конечно, не был удовлетворен доставшейся ему второстепенной ролью в Совете. Поэтому Щегловитов не оставлял тщеславных намерений снова взойти на политический Олимп. В это время он особенно внимательно следил за ситуацией, складывавшейся при дворе.

По словам С.П. Белецкого, близкого к окружению Г.Е. Распутина, бывший генерал-прокурор почти ежедневно звонил ему, чтобы получить политическую информацию, и особенно интересовался отношением к нему «высоких особ». К Щегловитову проявлял интерес и Распутин. Он даже попросил М.С. Комиссарова, ростовского градоначальника, устроить ему секретную встречу с бывшим генерал-прокурором. Белецкий отмечал, что такое свидание, строго конспиративное, вскоре

состоялось. Встречей, по мнению Белецкого, оба они остались довольны.

На допросе в Чрезвычайной следственной комиссии сам И.Г. Щегловитов несколько иначе излагает обстоятельства его встречи с Распутиным. Он говорил: «И вот, в один из последующих дней после этого он явился... Это был субъект с чрезвычайно несвязной речью, так что не сразу можно было понять, о чем он толковал... Но суть его разговора сводилась к тому, что я должен, по его мнению, вернуться в прежнее положение... Это, вероятно, было 6 июля 1916 года. И вот он говорил, чтобы я вернулся... Я ему на это сказал, что вообще странно слышать разговор об этом, с его стороны... И прибавил, что ведь недаром же в городе так усиленно все говорят, что то он одного провел, а такого-то потопил, и что какое ему дело вмешиваться во все эти назначения, и т.д.?.. На что он стал своей скороговоркой говорить: «Но ведь все просят, все просят...» Но я решительно сказал: «Я не только прошу, но я умоляю моего имени не употреблять и меня никуда не проводить, потому что я считаю, что то, что я за 9 лет испытал, этого для меня совершенно достаточно...»

Трудно сказать, вследствие ли влияния Распутина или по каким-либо еще основаниям, но в конце 1916 года в Государственном совете стали усиленно распространяться слухи о том, что И.Г. Щегловитов станет председателем Совета. Они оказались верными. 24 декабря И.Г. Щегловитов был неожиданно приглашен к императору. После обычного приветствия Николай II сразу же заявил: «Я вас вызвал для того, чтобы вам предложить должность председателя Государственного совета». Бывший генерал-прокурор, по его словам, поблагодарил императора и сказал, что он польщен «милостивым вниманием» государя, но чувствует, что ему трудно занять этот пост, так как он принадлежит к правой группе, которая не пользуется симпатиями в Государственном совете. На это император ответил, что его выбор является окончательным. Более того, он подчеркнул, чтобы правая группа в Совете была по возможности усилена. Затем император добавил, что и председатель Совета министров А.Ф. Трепов назвал Щегловитова в числе возможных пяти кандидатов на пост председателя. Государь перечислил их. Кроме Щегловитова претендентами на этот высокий пост были адмиралы Алексеев, Булыгин, Макаров и Танеев.

В конце беседы Николай II сказал: «Вы хорошо знаете деятельность Акимова, он вас очень ценил, и мое желание в том, чтобы вы следовали тому направлению, которого тот держался».

В воскресном номере «Правительственного вестника» за 1 января 1917 года был опубликован Высочайший указ о назна-

чении И.Г. Щегловитова. В нем отмечалось: «На основании статьи 3 учреждения Государственного совета председатель Совета назначается ежегодно Высочайшей властью из числа членов Совета по Высочайшему назначению. Сообразно с этим, признали Мы за благо назначить, на 1917 год, статс-секретаря, действительного тайного советника Щегловитова председателем Государственного совета».

Вице-председателем стал действительный тайный советник В.Ф. Дейтрих.

В тот же день Высочайшей грамотой оба они были удостоены орденов Св. Александра Невского.

По словам А.Ф. Кони, при Щегловитове Государственный совет «упорно наполнялся крайними правыми». Известно, что председателю был передан список лиц, которые подлежали удалению из Государственного совета. В то же время правые предложили ему и кандидатуры тех лиц, которых они желали бы видеть в своей среде как членов Совета.

Председателем Государственного совета И.Г. Щегловитов пробыл около двух месяцев. Февральская революция освободила его от этой должности.

Сведений о личной жизни И.Г. Щегловитова сохранилось мало. Однако отдельные крупницы, разбросанные по различным воспоминаниям, позволяют нарисовать более или менее цельный портрет российского министра юстиции и генерал-прокурора.

Иван Григорьевич был женат трижды. Первая его жена, княжна Оболенская, умерла рано. От этого брака у него был сын, Константин, родившийся в 1884 году. Вторично он женился на дочери действительного статского советника Детерихса, Елене Константиновне. В 1895 году у них родилась дочь Анна. По отзывам современников, вторая жена Щегловитова «бежала, не будучи в состоянии выносить его характера, главным образом скупости».

Третьей супругой И.Г. Щегловитова стала вдова статс-секретаря С.А. Тецнера, Мария Федоровна, женщина «большого ума, к тому же еще не старая и привыкшая иметь успех у мужчин».

Познакомился он с ней случайно, во время личного приема. Когда И.Г. Щегловитов только что был назначен генерал-прокурором, Мария Федоровна хлопотала как раз за своего брата-революционера, арестованного по какому-то делу в Харькове. По этому вопросу ей порекомендовали обратиться к министру. Она сумела произвести на И.Г. Щегловитова такое впечатление, что уже через несколько месяцев стала его супругой.

Современники писали, что до женитьбы И.Г. Щегловитов был «в домашнем обиходе под башмаком своей матери, свое-

вольной и скупой старухи» и что он, даже будучи генерал-прокурором, не смел по утрам пить кофе, пока из своих апартаментов она не выйдет к столу. Не терпела она и свободы мысли и особенно строго отчитывала сына, когда он позволял себе какие-нибудь шутки над религией. Мария Федоровна, появившись в генерал-прокурорском доме, вполне заменила ее «в роли домашнего цербера». Женщина умная и тщеславная, она имела огромное влияние на Ивана Григорьевича. Ходили слухи, что она рассматривала даже бумаги, поступающие в Министерство юстиции, и делала на них пометки, ставя крестики, когда дело, по ее мнению, подлежало решить в положительном смысле, и нолики, если ответ казался ей отрицательным.

Супруги Щегловитовы, хотя и любили давать балы, устраивать званые ужины и вечера, отличались «феноменальной» скупостью, принимавшей иногда анекдотичные формы. Так, Крыжицкий пишет: «Когда Мария Федоровна летом уезжала к себе, в Туапсе, Иван Григорьевич из экономии или обедал у родных, или же «сидел на молочке», ел манную кашу и уверял, что это ему очень полезно. Большинство туалетов Мария Федоровна покупала держанными у своей сестры... За вешалку в театре и за извозчика платили по очереди, то он, то она... Не раз полиция была перепугана, зная, что министр должен быть в театре и не находя его в первых рядах. Оказывалось, что из экономии Мария Федоровна и Иван Григорьевич велели ставить себе приставные стулья где-нибудь в проходе, подальше, чтобы и капитал приобрести, и не осрамиться».

И.Г. Щегловитов, при всех своих недостатках и всем своим тщеславии, был все же человек доступный и общительный. Он не кичился своими званиями и чинами и мог, например, в самый разгар бала запросто увлечься чуть ли не на час оживленной беседой о литературе и искусстве с малознакомым ему пятнадцатилетним пареньком, пришедшим с родителями.

Все сослуживцы знали, что И.Г. Щегловитов не любит никаких ходатайств, особенно по политическим делам, неохотно их выслушивает и почти никогда не исполняет.

«Холодный и жестокий, этот вечно улыбающийся и готовый улыбаться высокий старик, с розовыми щечками, неизменно отвергал все «протекции» о помиловании или снисхождении», — писал о нем мемуарист Крыжицкий.

Однако и у И.Г. Щегловитова были уязвимые места. Как «большой ухажер и галантный кавалер», он не мог устоять перед просьбой какой-нибудь «эффектной» женщины. К тому же он был страстный театрал, что тоже иногда использовали знавшие его лица.

Тот же мемуарист Крыжицкий приводит в связи с этим и такой факт. Известный драматург, театровед и врач Евгений Михайлович Беспятов в бытность свою студентом участвовал в политических выступлениях, за что прослыл неблагонадежным и угодил под следствие. Дело почему-то застопорилось на долгие годы, так что он успел окончить не только физико-математический факультет С.-Петербургского университета, но и Военно-медицинскую академию, поступить на службу в Главное военно-медицинское управление и даже получить орден. И вдруг дело вновь возобновили, и Е.М. Беспятову стало угрожать семь лет крепости. Удрученный такой перспективой, он бросился по своим знакомым, пытаясь найти выход на генерал-прокурора. Мать мемуариста, которую Беспятов хорошо знал, была подругой жены И.Г. Щегловитова, Марии Федоровны. Беспятов попросил похлопотать за него. Зная, что шансов на успех мало, решили пойти на уловку. Дело в том, что Евгений Михайлович был неплохой драматург. В театре шли его пьесы «Лебединая песнь», «Доктор», «Осветленные», «Вольные каменщики» (о русских масонах) и другие. Было известно, что пьеса Беспятова о масонах особенно понравилась Щегловитову. На этом и решили сыграть. В письме на его имя мать мемуариста просила принять молодого автора и переговорить с ним лично о его деле. Щегловитов согласился. Тогда, чтобы получить еще больше шансов на успех, на прием пошел не сам Беспятов, а его молодая и очень красивая жена. «Успех превзошел все ожидания, — писал впоследствии Крыжицкий. — Щегловитов не только любезно принял интересную просительницу, но даже наговорил ей массу комплиментов о талантах ее мужа, пообещав уладить дело, а через несколько дней на поданной на высочайшее имя просьбе о помиловании рукою государя было написано: «Дело прекратить».

Февральская революция застала председателя Государственного совета И.Г. Щегловитова врасплох. Конечно, разруха государственного и экономического организма, продовольственный кризис в столице, разложение в войсках, брожение в народе и все это на фоне крупных неудач на фронте и слабости правительства даже у такого яркого представителя монархии, каким он был, не могло не вызывать сомнения в прочности и незыблемости власти. Необходимость перемен была настолько очевидной, что, можно сказать, витала в воздухе. Как писал Н.Н. Суханов, «революция мчалась к нам на всех парах». А при дворе все пытались держаться за старое.

После 23 февраля 1917 года стихийные уличные беспорядки в Петрограде переросли в прямое столкновение с полицией и войсками. На Выборгской стороне появились первые баррика-

ды. 26 февраля на сторону народа перешли некоторые части Павловского полка, а вслед за ними Волынского, Литовского и Измайловского полков. 27 февраля на стороне восставших было уже почти 25 тысяч солдат Петроградского гарнизона. На свободу выпускались узники крепостей. И там, где всего несколько дней назад содержались политические, оказались многие высшие государственные сановники, не успев даже осознать, что же произошло.

Одним из первых был арестован председатель Государственного совета И.Г. Щегловитов. Он не пытался ни скрыться, ни сопротивляться, а сразу же беспрекословно подчинился решению. В первый день революции днем на квартиру Щегловитова заявился никому не известный студент, типичный представитель выплеснутой на улицу революционной массы, который привел с собой нескольких вооруженных людей. От имени революционного народа он объявил Щегловитова арестованным. Его вывели на улицу в чем захватили — в одном сюртуке, не дав даже накинуть пальто или шубу, хотя мороз на улице был изрядный. Так и провезли Щегловитова раздетым до здания Государственной Думы по хорошо известному ему маршруту.

Его ввели в Екатерининский зал. Там, сконфуженный и растерянный, красный от холода, а возможно и от волнения, высокий ростом, он был похож на затравленного зверя. Щегловитову предложили стул, и он сел. Кто-то дал папиросу, которую он закурил. Находившиеся в зале люди с любопытством разглядывали некогда грозного министра юстиции и руководителя царской прокуратуры. Теперь он никому не был страшен.

В это время появился председатель Государственной Думы Родзянко, только что возглавивший так называемый Временный комитет Думы. Не обращая внимания на собравшихся, он приветливо обратился к Щегловитову, назвав его «Иван Григорьевич». Однако руки ему не подал, а, лишь обняв за талию, сказал: «Пройдемте ко мне в кабинет». Но арестовавшие Щегловитова люди запротестовали, а когда Родзянко вздумал настаивать, то они недвусмысленно показали ему на свои ружья и сказали, что не имеют права его отпускать без приказа Керенского. Председатель Думы отступился, видя, что он ничего не может сделать, да и выпустить в такой обстановке Щегловитова на свободу значило бы подвергнуть его самосуду толпы.

В это время в Таврическом дворце появился А.Ф. Керенский. Вот как описывает эту встречу А.А. Демьянов (ставший вскоре товарищем министра юстиции Временного правительства): «Удивительный контраст представляли собой встретившие-

ся Щегловитов и Керенский. Первый высокий, плотный, седой и красный, а второй видом совершенно юноша, тоненький, безусый и бледный. Керенский подошел и сказал Щегловитову, что он арестован революционной властью. Впервые было тогда сказано это слово, сказано, что существует революционная власть и что приходится с этой властью считаться и даже ей подчиняться».

Вскоре после этого Щегловитова увели в министерский павильон Таврического дворца, куда в скором времени стали помещать и других арестованных царских сановников.

Для проведения следствия над бывшими высшими должностными лицами царской империи была образована Чрезвычайная следственная комиссия. Подготовка к допросу И.Г. Щегловитова была возложена в комиссии на товарища председателя С.В. Завадского, бывшего одно время прокурором судебной палаты, а затем сенатором гражданского кассационного департамента Правительствующего сената. Члены комиссии допрашивали И.Г. Щегловитова неоднократно; особенно подробно — 24 и 26 апреля 1917 года. По словам Завадского, во время допроса бывший министр юстиции смотрел на него с «кротким упреком».

Помимо членов комиссии И.Г. Щегловитова неоднократно допрашивали и следователи. В отношении бывшего министра было возбуждено несколько дел, которыми занимались следователи В.В. Соколов, Ф.И. Вереницын, А.А. Бурцаль и другие. Для того чтобы собрать как можно более обширный материал «о злоупотреблениях, допущенных И.Г. Щегловитовым», в частности, о воздействии его на судей, судебных следователей и чинов прокуратуры (с целью добиться от них определенного направления или исхода дела), о незаконных их перемещениях и увольнениях, о необоснованном испрашивании у Государя разрешения на прекращение некоторых дел, комиссия сочла нужным специально обратиться через печать ко всем гражданам России, как должностным, так и частным лицам, с просьбой прислать краткие сообщения.

Писем на это обращение поступило немало; некоторые сообщения послужили основанием для официального предъявления обвинения бывшему министру.

Первое обвинение И.Г. Щегловитову было предъявлено следователем В.В. Соколовым 3 июня 1917 года по статье 362 Уложения о наказаниях (преступление по должности). Затем ему предъявляли обвинение 27 и 28 июня, 3 августа, 12 и 13 сентября 1917 года. Он обвинялся, например, в том, что допустил фальсификацию по делу Бейлиса, что во всеподданнейших докладах императору по некоторым делам умышленно искажал

факты, что незаконно увольнял и перемещал лиц судебного ведомства, и в других преступлениях по должности.

И.Г. Щегловитов активно защищался. Не отрицая некоторых фактических обстоятельств, он тем не менее не признавал себя виновным. 25 августа 1917 года он подал обстоятельное заявление в Чрезвычайную следственную комиссию, в котором обжаловал действия следователей и оспаривал правильность юридической квалификации вменяемых ему деяний. Кроме того, он жаловался на то, что ему, в нарушение закона, с момента ареста не выдают жалованье. «Справедливое возмездие, если я его заслужил, пусть постигнет меня, но я просил бы вас обратить внимание на те страдания, которые из-за меня пали на мою несчастную ни в чем неповинную жену, — писал он. — Содержание, которое мне причиталось, ей выдано не было и не выдается, несмотря на то, что о моем увольнении меня со службы мне до сих пор ничего не объявлено. Если мне, как находящемуся под следствием, причитается половинное содержание, то мне половина должна быть выдаваема с 3 июня, т.е. со дня привлечения к следствию, а до 3 июня содержание причитается полностью. Но жена моя, уполномоченная мною соответствующе доверенностью, ничего получить не может... Настоятельно прошу об ускорении окончания моего дела и об оказании мне справедливой помощи».

Чрезвычайная следственная комиссия оставила «без последствий» заявление И.Г. Щегловитова в части обжалования им действий следователей, а в части, касающейся выдачи ему жалованья, направила на рассмотрение Временного правительства.

И.Г. Щегловитов после ареста содержался в Трубечком бастине Петропавловской крепости, в камере № 45. Со времени ареста и до 23 марта он, как писал старший врач крепости Серебрянников, не проявил «в своей обычной мыслительной жизни каких-либо уклонений или изменений». Он всегда с нетерпением ожидал свиданий с женой, Марией Федоровной, и дочерью, Анной Ханенко, которые ему регулярно предоставлялись. Однако 21 марта их в крепость почему-то не пропустили. На И.Г. Щегловитова это произвело крайне тяжелое впечатление. Он истолковал отказ в свидании в том смысле, что с женой и дочерью случилось несчастье, что они, возможно, даже убиты. Это так подействовало на Щегловитова, что у него начались слуховые галлюцинации. После того как 28 марта свидание с родными ему разрешили, он немного успокоился. 4 апреля он вновь встречался с женой и дочерью, а на следующий день галлюцинации повторились. Врач Серебрянников, наблюдавший Щегловитова, отметил, что он «страдает психостенией

с навязчивыми идеями, сопровождающимися галлюцинациями слуха такого же содержания». Правда, врач не исключал и симуляции со стороны И.Г. Щегловитова, что он и отметил в своем заключении. Так, например, было известно, что в бытность свою министром юстиции И.Г. Щегловитов через представителя судебной палаты дал совет судебному следователю Лыжину, уличенному в подлогах, симулировать душевную болезнь, что и позволило ему избежать в свое время ответственности.

Комиссия, получив заключение врача Серебрянникова, сочла необходимым провести И.Г. Щегловитову более детальное медицинское обследование. 31 мая 1917 года в присутствии коменданта крепости его освидетельствовали доктора А.А. Карпинский и И.И. Манухин. В своем заключении они отметили, что у И.Г. Щегловитова «со стороны нервно-психической отклонений от нормы не обнаружено».

Жена И.Г. Щегловитова, Мария Федоровна, неустанно хлопотала об освобождении мужа. Она обращалась ко многим лицам, знакомым ей по прежним связям и возвысившимся при Временном правительстве, и в частности к С.В. Завадскому. Хотя он и относился к супругам Щегловитовым «определенно отрицательно», все же счел возможным принять и выслушать Марию Федоровну. Во время приема он откровенно сказал ей, что не в силах что-либо изменить в судьбе ее мужа.

Чрезвычайная следственная комиссия неоднократно рассматривала ходатайства М.Ф. Щегловитовой об «облегчении» ее мужу меры пресечения и всякий раз их отклоняла. После свершения Октябрьской революции Мария Федоровна все еще пыталась вырвать мужа из крепости. 17 ноября 1917 года она писала в комиссию: «Будучи осведомлена, что из числа лиц, задержанных одновременно с мужем, почти все в настоящее время уже находятся на свободе, тешу себя надеждой, что настоящее мое ходатайство найдет себе справедливое удовлетворение и будет уважено без замедлений». Она просила освободить мужа под ее поручительство и залог в сумме 180 тысяч рублей.

В тот же день состоялось решение комиссии об освобождении И.Г. Щегловитова из-под стражи под поручительство его жены и залог в сумме 300 тысяч рублей. 18 ноября Мария Федоровна согласилась выплатить эту сумму. Однако новая власть это решение комиссии так и не выполнила.

После Октябрьской революции Чрезвычайная следственная комиссия, так и не завершив своей работы, была закрыта. Большинство высших царских сановников, в их числе и И.Г. Щегловитов, остались в заключении в Петропавловской крепости.

В конце марта 1918 года его перевезли в Москву и поместили в Бутырской тюрьме. Там же находились и некоторые другие «слуги императорского величества», в частности, бывший министр внутренних дел А.Н. Хвостов и бывший директор департамента полиции С.П. Белецкий.

В июне 1918 года дело И.Г. Щегловитова приняли к своему производству члены следственной комиссии Революционного трибунала при ВЦИК Розмирович и Цейкель. 12 июля они предъявили ему обвинение в контрреволюционной деятельности. Своим защитником И.Г. Щегловитов избрал Василия Васильевича Беллавина, о чем подал официальное прошение в следственную комиссию, прося допустить своего адвоката к «защите и обзору» дела. Ознакомившись с делом, В.В. Беллавин передал в следственную комиссию ходатайство. В нем он указал на трудности для него и его подзащитного дать по всем пунктам обвинения исчерпывающие ответы, так как в постановлении не было конкретных указаний на материалы, легшие в основу обвинения, ссылок на тома и листы дела. Защитник писал, что материалы, на которых основано обвинение, являлись неполными по двум причинам: во-первых, работа бывшей Чрезвычайной следственной комиссии была еще не закончена, и, во-вторых, следственные материалы И.Г. Щегловитову не предъявлялись. Беллавин настаивал на проведении дополнительного расследования и переработке обвинительных пунктов с обязательной ссылкой на материалы дела. Кроме того, он просил освидетельствовать состояние здоровья своего подзащитного.

Ходатайство защитника было отклонено. Однако 25 июля 1918 года И.Г. Щегловитову все-таки было предъявлено обвинение в новой редакции.

В постановлении отмечалось, что И.Г. Щегловитов «изобличается в том, что, состоя с 24 апреля 1906 года по 6 июля 1915 года в должности министра юстиции Российской империи и в качестве такового, будучи хорошо осведомлен о нарастающем революционном движении народных масс против царского режима, о деятельности революционных социалистических партий, он в течение означенного времени, работая в этом отношении в тесном контакте с бывшим Министерством внутренних дел и департаментом полиции, принимал, не разбираясь в средствах, на основании и в пределах предоставленной ему власти, а также выходя за таковые пределы, все зависящие от него меры на пространстве всего Русского государства для подавления названного революционного движения, разгрома и парализования деятельности революционных партий, путем судебного преследования деятелей этих партий по обвинению их

в организации и участии в этих партиях, в результате чего последствиями таких привлечений были тяжкие обвинительные приговоры над революционными деятелями, длительные тюремные заключения, ссылки в Сибирь и каторжные работы, расстройство революционных организаций и прямой ущерб для революции».

Мария Федоровна Щегловитова после перевода мужа в Москву, переодевшись «простой бабой», с трудом добралась до столицы. Здесь ее приютила подруга, бывшая до революции начальницей гимназии. Она продолжала неустанно хлопотать за мужа, добываясь его освобождения. Прочтя в газетах сообщение о том, что Революционный трибунал прервал свою деятельность на «неопределенное время», она написала письмо в ВЦИК, в котором выразила обеспокоенность оттягиванием суда над И.Г. Щегловитовым. Она писала, что за 16 месяцев заключения (из них один год в крепости) ее муж дважды заболел «психическим расстройством» и теперь опять «близок к нервному срыву». «Обяжите его и меня какой угодно подпиской и поручительством (комиссия Муравьева на это согласилась и освободила мужа под мое поручительство, но большевистская власть его не выпустила из крепости) и вы можете быть уверены, что мы их выполним, — писала М.Ф. Щегловитова. — Политикой мой муж никогда не занимался, ни в каких собраниях или заседаниях не участвовал и, конечно, впредь заниматься ею не будет, потому и в никакой «контрреволюции» неповинен... С его принципами скрываться он не будет и по первому же требованию явится в суд».

В августе 1918 года, незадолго до суда, И.Г. Щегловитова и некоторых других сидевших в Бутырках бывших царских сановников перевели в Кремль, где обычно заседал Революционный трибунал. Там их содержали в подвальном этаже здания бывших Московских судебных установлений, в помещении для курьеров.

Кобяков, посещавший в те дни Верховный революционный трибунал в качестве защитника поляков братьев Лютославских, обвинявшихся в контрреволюционной деятельности, вспоминал, что во время посещений своих подзащитных он познакомился с Щегловитовым, Белецким и Хвостовым, сидевшими в одном помещении. Правда, последний в разговор с ним не вступал и каждый раз при появлении Кобякова в общей комнате уходил в какую-то «клетушку», служившую узникам спальней, и заваливался спать. «Щегловитов являл весьма жалкий вид, — писал Кобяков. — От бывшего диктатора ничего не осталось. Заискивающим тоном он просил меня разрешить ему и Белецкому остаться в общей комнате во время моих перегово-

ров с Лютославскими. Я, конечно, согласился. После деловых разговоров начиналась общая беседа. Дело Щегловитова должно было слушаться в Верховном трибунале первым. Вторым предполагалось назначить дело Хвостова, третьим дело Лютославских. И Щегловитов, и Белецкий не скрывали от себя ожидавшего их печального исхода процесса. Но Белецкий все дни твердил: «А большевики меня все-таки не расстреляют. У меня есть цианистый калий, и я приму его после вынесения мне смертного приговора». Эта мысль, по-видимому, сильно подерживала его дух».

Верховный революционный трибунал приговорил бывшего министра юстиции и генерал-прокурора Российской империи И.Г. Щегловитова к смертной казни.

5 сентября 1918 года к помещению, в котором содержались царские сановники, подъехал автомобиль с чекистами. Заключенным было объявлено, что Чрезвычайная комиссия вызывает их «для передопроса» на Лубянку. Щегловитова, Хвостова, Белецкого и братьев Лютославских посадили в автомобиль и привезли на Лубянку. Ничего не заподозривший Белецкий оставил в камере ампулу с цианистым калием. Вскоре на Лубянку из других тюрем доставили еще человек семьдесят арестованных, и среди них бывших министров внутренних дел Н.А. Маклакова, А.Д. Протопопова, протоиерея Восторгова и епископа Ефрема. Затем всем им объявили, что сегодня они будут расстреляны. По свидетельству очевидцев, это известие произвело потрясающее впечатление: «раздались слезы, послышались истерические крики».

Казнь была произведена в тот же день в Петровском парке.

Бывший товарищ обер-прокурора Святейшего синода Н.Д. Жевахов в своих воспоминаниях приводит отрывок из статьи Дивеева «Жертвы долга», в которой, со слов очевидцев, подробно описаны обстоятельства этой казни.

Вот как, по свидетельству Дивеева, все происходило: «Прибывших разместили вдоль могилы и лицом к ней... По просьбе о. Иоанна Восторгова палачи разрешили всем осужденным помолиться и попрощаться друг с другом. Все стали на колени и полилась горячая молитва несчастных «смертников», после чего все подходили под благословение Пресвященного Ефрема и о. Иоанна, а затем все простились друг с другом. Первым подошел к могиле о. протоиерей Восторгов, сказавший перед тем несколько слов остальным, приглашая всех, с верою в милосердие Божие и скорое возрождение Родины, принести последнюю искупительную жертву. «Я готов», — заключил он, обращаясь к конвою. Все стали на указанные им места. Палач подошел к нему со спины вплотную, взял его левую руку, вы-

вернул ее за поясицу и, приставив к затылку револьвер, выстрелил, одновременно толкнув о. Иоанна в могилу. Другие палачи приступили к остальным своим жертвам. Белецкий рванулся и быстро отбежал в сторону шагов на 20—30, но, наступивший двумя пулями, упал, и «его приволокли» к могиле, пристрелили и сбросили».

«Из слов конвоя, переданных нам рассказчиком, — пишет далее в своей статье Дивеев, — выяснилось, что палачи, перекидываясь замечаниями, пока они «присыпали» землей несчастные свои жертвы, высказывали глубокое удивление о. Иоанну Восторгову и Николаю Алексеевичу Маклакову, видимо, поразивших их своим хладнокровием перед страшной ожидавшей их участью. Иван Григорьевич Щегловитов, по словам рассказчика, с трудом передвигался, но ни в чем не проявил никакого страха...»

Как отмечал в своих воспоминаниях С.В. Завадский, И.Г. Щегловитов, конечно, совершил преступление и должен был за него отвечать. Но большевики, расстреляв его просто за то, что он был министром, «сделали его из преступника страстотерпцем».

Жена И.Г. Щегловитова, Мария Федоровна, ненадолго пережила своего супруга. После казни мужа она вернулась в Петроград, где проживала в маленькой квартирке со своей теткой Прибыльской, а после ее смерти вообще осталась одна. Все ее богатство пошло прахом. Последние годы жизни некогда всеильной «министерши» прошли в постоянных унижениях. «Ей тяжело пришлось искупать свои вины», — писал В. Крыжицкий.

Умерла она в одиночестве и нужде.

«ДЛЯ СЕБЯ НИЧЕГО НЕ ИСКАЛ»

Александр Алексеевич Хвостов родился 8 января 1857 года в семье потомственного дворянина Орловской губернии. Он получил образование в престижном учебном заведении — Императорском Александровском (бывшем Царскосельском) лицее. По окончании лицея в 1878 году получил свое первое назначение в Государственную канцелярию, а на следующий год стал кандидатом на должности по судебному ведомству при прокуроре Саратовского окружного суда. Первое время он был секретарем при прокуроре, затем в бригаде сенатора Шамшина участвовал в «обозрении» Самарской и Саратовской губерний, за что удостоился монаршего «благоволения». Спустя три года А.А. Хвостов уже исправлял должность товарища прокурора суда, а в 1884 году был утвержден на этом посту. Вскоре его причислили к Министерству государственных имуществ, где он, правда, недолго был чиновником особых поручений при Прибалтийском управлении. В 1885 году министр юстиции Д.Н. Набоков перевел способного юриста в центральный аппарат своего ведомства на должность редактора департамента. Здесь А.А. Хвостов пробыл довольно долго, почти четыре года, и получил свою первую награду — орден Св. Владимира 4-й степени, а затем министр Н.А. Манасеин назначил его управляющим законодательным отделением. Приобретая большой практический опыт аппаратной службы, хорошо изучив действующее законодательство, Александр Хвостов сумел занять престижное место юрисконсульта. Когда появился новый министр Н.В. Муравьев, Александр Алексеевич перешел на службу в Министерство внутренних дел, где занял должность правителя канцелярии министра, каковым был тогда И.Л. Горемыкин, с которым у А.А. Хвостова были давние дружеские отношения. При его преемнике Д.С. Сипягине он занял вначале пост чиновника особых поручений, а затем директора хозяйственного департамента.

К этому времени к его наградам прибавились новые: ордена Св. Станислава 2-й и 1-й степеней, Св. Владимира 3-й степени и иностранные: Командорский крест Почетного Легиона и Ав-

стрийский орден Франца-Иосифа Командорского креста 2-й степени. Он много и плодотворно работал в различных комиссиях.

Через несколько лет А.А. Хвостов вернулся в Министерство юстиции. Н.В. Муравьев предложил ему в 1901 году должность директора 1-го департамента. Он сменил С.С. Манухина, переведенного товарищем министра юстиции. Александр Алексеевич уже имел чин действительного статского советника, а вскоре он стал и тайным советником.

В начале 1905 года произошла смена министров юстиции. Муравьев получил давно возжеленное место Чрезвычайного и полномочного посла при Его Величестве короле Италии, а в его кресло 21 января сел Сергей Сергеевич Манухин. В тот же день последовал именной Высочайший указ Правительствующему сенату: «Директору Первого департамента, тайному советнику Хвостову Всемилостивейше повелеваем быть товарищем министра юстиции».

В конце 1905 года Александр Алексеевич, оставаясь в должности товарища министра, был «пожалован» в сенаторы. В следующем году он получил свою очередную награду — орден Св. Владимира 2-й степени. Вскоре ему была объявлена Высочайшая благодарность за труды, осуществленные в качестве члена Особого совещания по пересмотру установленных для охраны государственного порядка исключительных законоположений.

Товарищем министра юстиции он оставался и при А.Г. Акимове. В правительственных кругах А.А. Хвостов слыл человеком независимым, «определенно правых воззрений» и «убежденным законником». Не вполне сходясь во взглядах со своими шефами (С.С. Манухиным и А.Г. Акимовым), он, как писали тогда газеты, «являл собою золотую середину, не вдаваясь резко ни вправо, ни влево, считая, что закон должен быть твердым и равным для всех, пока этот закон не изменен и действителен».

С назначением министром юстиции И.Г. Щегловитова Александр Алексеевич оставил свою должность и стал лишь присутствовать в Правительствующем сенате. Сенатором он оставался почти шесть лет. В 1910 году он получил орден Белого Орла. 1 января 1912 года А.А. Хвостов был назначен членом Государственного совета. В Совете он примкнул к группе правых.

В область большой политики А.А. Хвостов вступил во время первой мировой войны, в период так называемого «министерского государства».

Александр Алексеевич Хвостов был назначен министром юстиции и генерал-прокурором 6 июля 1915 года. Сам он рассказывал об этом следующее: «Я жил в деревне, когда получил из Вильно от возвращавшегося из Ставки И.Л. Горемыкина

телеграмму с просьбой приехать в Петербург. Из телеграммы я понял, что меня желают экстренно привлечь в ряды, так сказать, действующей армии, и, думая, что Горемыкин хочет это сделать исключительно по своей инициативе, поехал в Петербург с определенной целью отказаться. По приезде я видел Горемыкина, предложившего мне, как единственному, по его словам, кандидату государя, пост министра юстиции. Считая себя обязанным исполнить Высочайшую волю, я хотя и доложил государю, что болен, но сказал, что опасности в том, что через две недели принужден буду выбыть из строя — нет, и государю угодно было меня назначить министром юстиции. Чем была вызвана отставка моего предместника, я не знаю. Почему государь остановился на мне — думаю, что по представлению И.Л. Горемыкина, с которым я знаком еще со времен ревизии сенатором Шамшиным Самарской и Саратовской губерний».

Во время войны, как отмечали современники, все правительственные перемещения все более и более приобретали «характер какой-то безумной министерской чехарды». Люди приличные, дельные и честные удерживались на высоких постах недолго, а их места, как правило, занимали лица бездарные, беспринципные, а то и вовсе зловещие. В.Д. Набоков писал по этому поводу: «Чувствовалось дыхание безумия и смерти... Царь с самого начала войны и до катастрофы, постигшей его в первые дни марта 1917 года, абсолютно не отдавал себе отчета в роковом значении развертывающихся событий. Те, кто пережил в Петербурге зимы 1915—1916 годов, хорошо помнят, как с каждым днем нарастало сознание какой-то неизбежной катастрофы».

В такой обстановке назначение А.А. Хвостова министром юстиции с полным основанием можно отнести к наиболее удачным. После И.Г. Щегловитова, основательно дискредитировавшего органы юстиции, во главе судебных и прокурорских учреждений встал человек, хотя и примыкавший к правому крылу и убежденный монархист, но в то же время уважительно относящийся к закону, честный, в меру скромный и принципиальный. В отличие от своего предшественника он внимательно «присматривался и прислушивался» к подчиненным, чтит судебную независимость, не препятствовал проведению выборов членов суда, не делал незаконных перемещений судебных и прокурорских чинов.

А. Демьянов писал о нем: «А.А. Хвостов типичный бюрократ, но тоже из честных. Школу бюрократическую он прошел блестящую. Как умный и честный человек, он хорошо понимал, что юстиция на щегловитовском лакейском режиме дер-

жаться не может; то есть авторитет ее должен падать, не говоря уже о том, что и само дело юстиции не могло идти нормальным путем».

А.А. Хвостов сразу же предпринял попытки «почистить ведомство». Он начал приглашать в министерство порядочных людей, на преданность которых вполне мог бы рассчитывать.

А.А. Хвостов пробыв на посту министра юстиции и генерал-прокурора всего один год. Безусловно, он не сделал многого из того, на что был способен. И все же успел разрешить целый ряд проблем и устранить некоторые серьезные перегибы и разрушения, произведенные его предшественником. Одно из таких дел — рассмотрение вопроса о допущении в адвокатуру так называемых «инородцев».

В сентябре 1915 года Петроградский совет присяжных поверенных направил ему списки в отношении более чем 70 адвокатов-евреев, которых совет представил к утверждению еще при И.Г. Щегловитове. Новый министр сразу же дал ход этому делу. Он запросил у прокуроров палат сведения о всех лицах, включенных в списки, и, получив благожелательные отзывы, незамедлительно утвердил всех кандидатов.

После этого, в целях «всестороннего изучения вопроса об «инородцах» в адвокатуру и о допущении в адвокатуру этих «инородцев», то есть мусульман, караимов и, главным образом, евреев», А.А. Хвостов, с согласия императора, образовал при Министерстве юстиции особое межведомственное совещание. Председательствование в нем он возложил на своего заместителя А.Н. Веревкина.

В октябре 1915 года такое совещание состоялось. Оно получило официальное название: «Совещание для обсуждения вопроса об изменении существующей практики приема лиц нехристианского вероисповедания в число присяжных поверенных». В нем приняли участие председатели судебных палат: Петроградской — Крашенинников, Московской — Линк, Киевской — Болдырев, Виленской — Карпович; прокуроры палат: Петроградской — Заминский, Московской — Степанов (уже в ранге обер-прокурора палаты), а также председатели, члены и прокуроры некоторых окружных судов. От присяжных поверенных были Карабчевский, Чистяков, Маклаков и другие. Совещание выработало некоторые правила приема в адвокатуру «инородцев».

29 декабря Совет министров, заслушав заключение особого межведомственного совещания, постановил: «1) Принимать беспрепятственно в число присяжных поверенных и их помощников магометан и караимов, при отсутствии опорочивающих сведений; 2) Для приема в число присяжных поверенных евреев уста-

новить следующие нормы: 15 процентов для округов Варшавской, Виленской и Одесской судебных палат, 10 процентов для округов Петроградской и Киевской судебных палат и 5 процентов для прочих судебных округов».

Министр юстиции А.А. Хвостов внес в Совет министров ряд важных законопроектов. Например, об учреждении консультации при Петроградском совете присяжных поверенных, для оказания юридической помощи населению, об открытии советов присяжных поверенных при Киевской и Ташкентской судебных палатах и другие. Большую работу по подготовке законов проводил товарищ министра И.Е. Ильешенко. Он, как правило, возглавлял межведомственные совещания по выработке законов, затрагивавших интересы многих организаций.

Деятельность А.А. Хвостова приходилась на военное время, отсюда многие циркуляры и распоряжения министра, его законопроекты касались именно этих обстоятельств.

Война не обошла стороной и судебных работников. Многие из тех, кто покинул местности, занятые неприятелем, остались не у дел. Чтобы хоть как-то облегчить их положение, Хвостов внес в Совет министров проект закона «о командировании эвакуированных должностных лиц судебного ведомства для усиления канцелярий Правительствующего сената и Министерства юстиции и в установления военного и морского ведомств, в качестве юрисконсультов при заключении договоров по подрядам и поставкам для нужд обороны».

11 июля 1915 года министр обратил внимание председателей окружных судов на то, что судебные следователи в нарушение установленного порядка продолжают направлять значительную часть отдельных требований о вызове лиц, проходящих по делам в качестве обвиняемых или свидетелей, непосредственно в штабы армий.

Еще в августе 1914 года Министерством юстиции и Правительствующим сенатом был образован Попечительский комитет для «помощи участникам и жертвам войны». Он работал под почетным председательством жены министра юстиции М.Ф. Щегловитовой (в августе 1915 года ее сменила А.В. Хвостова). Председательствовал в комитете сенатор А.Ф. Кони, а управление возглавлял товарищ министра юстиции Веревкин. В сентябре 1915 года Попечительский комитет отчитывался о своей деятельности за год. Было отмечено, что комитет начал работу с открытия в генерал-прокурорском доме мастерской по пошиву белья для раненых воинов. Здесь работали безвозмездно жены и дочери судебных деятелей, а также от 40 до 80 жен «нижних чинов» (последним выплачивалось по 15 рублей в ме-

сяц и выдавалось продовольствие). За год было изготовлено почти 330 тысяч различных вещей. Кроме того, члены комитета организовали сбор и отправку на фронт теплой одежды, сформировали дезинфекционный отряд, открыли лазарет на 30 кроватей, а также санаторий для лиц, пострадавших от войны. Генерал-прокурор А.А. Хвостов постоянно интересовался деятельностью Попечительского комитета.

При обсуждении в Совете министров наиболее важных государственных вопросов А.А. Хвостов часто занимал принципиальную и твердую позицию. При этом он не отличался многословием и обычно не вступал в длительные дискуссии, а высказывал свое мнение ясно и достаточно кратко. В трудных случаях, когда нужно было встать на ту или иную точку зрения, откровенно признавался в своих сомнениях. Характерны в этом отношении его небольшие выступления на закрытых заседаниях Совета министров, на которых обсуждались наиболее серьезные вопросы, связанные с обстоятельствами военного времени.

Заседания Совета министров в то время распались на две части — открытую (официальную) и секретную, на которой присутствовали только члены Совета, управляющий делами И.Н. Лодыженский и его помощник А.Н. Яхонтов. Последний для исполнения принятых решений вел краткие записи заседаний, а в некоторых случаях, «сознавая несомненный исторический интерес того, чему приходилось быть свидетелем», он записывал выступления министров «с почти дословной подробностью». Наиболее полно у него зафиксированы заседания, происходившие летом 1915 года, когда русская армия, отступая, несла большие потери, а внутренняя обстановка резко обострилась. Председателем Совета министров в этот период был И.Л. Горемыкин.

Сохраненные и опубликованные А.Н. Яхонтовым записи секретных заседаний, озаглавленные им «Тяжелые дни», позволяют проследить позицию, которую занимал министр юстиции А.А. Хвостов в это трудное для империи время.

Заседание 16 июля 1915 года, с которого открываются записи, началось с резкого заявления военного министра Алексея Андреевича Поливанова, человека прямого и честного. Он сказал: «Считаю своим гражданским и служебным долгом заявить Совету министров, что отечество в опасности». Затем он кратко обрисовал удручающую картину положения на фронтах. Пользуясь огромным преимуществом в артиллерии и неисчерпаемыми запасами снарядов, немцы заставляли русские войска отступать одним только артиллерийским огнем. Тогда как они стреляли из орудий чуть ли не по одиночным целям, наши ба-

тарей вынуждены были молчать из-за отсутствия снарядов. Обладая возможностью не пускать в дело пехоту, неприятель почти не нес потерь, тогда как русские солдаты гибли тысячами. По словам министра, в Ставке Верховного главнокомандующего наблюдается растущая растерянность. Отмечается «угрожающее нарастание раздражения в стране и признаки революционных волнений не только в тылу, но и на фронте». «Печальнее всего, что правда не доходит до Его Величества, — сказал Поливанов. — Государь оценивает положение на фронте и дальнейшие перспективы только на основании сообщений, обработанных Ставкой».

При обсуждении этого вопроса некоторые министры договорились до того, что склонны были объяснять отход войск «заманиванием неприятеля внутрь страны», а когда «немцы достаточно зарвутся и отойдут от своей основной базы, им будет нанесен сокрушительный удар». По поводу этих рассуждений военный министр в сердцах воскликнул: «Переход в наступление через Вислу — вредная иллюзия, расслабляющая общественное сознание. Для этого нет ни технических возможностей, ни достаточно войск. Надо думать не о победах, а о том, как бы спасти жизненные центры России от захвата врагом. Надо не убаюкиваться несбыточными надеждами, а сосредоточить все силы на сопротивлении. Повторяю, господа, отечество в опасности».

Судя по записям, А.А. Хвостов не считал нужным излишне разглагольствовать, вставляя лишь иногда отдельные реплики.

В связи с создавшимся положением на фронте обсуждался и такой болезненный вопрос, как взаимоотношение военных и гражданских властей. Дело заключалось в том, что на основании Высочайше утвержденного Положения о полевом управлении войск в военное время территории, предназначенные для развертывания и действия вооруженных сил, а также для их тыловых учреждений, составляли так называемый «театр военных действий». Здесь вся власть принадлежала Верховному главнокомандующему, который облакался чрезвычайными полномочиями. Все его повеления должны были беспрекословно исполняться правительственными местами, общественными управлениями, должностными лицами и населением, как Высочайшие повеления. За свои распоряжения он нес ответственность только перед императором.

В состав территории «театра военных действий» был включен и Петроград, подчиненный главнокомандующему 6-й армии. Таким образом он мог влиять на все проявления жизни столицы, руководствуясь исключительно указаниями из Ставки. Ни Совет министров, ни руководители ведомств не могли

воздействовать на его решения. В результате, как пишет Яхонтов, «создавалась неразбериха и расстройство работы отдельных органов управления. Сплошь и рядом штаб 6-й армии принимал в Петрограде по рабочему, продовольственному и другим вопросам такие своеобразные меры, которые шли в полном противоречии с правительственной политикой и осложняли и без того весьма сложную внутреннюю обстановку».

Ненормальность такого положения, о котором председатель Совета министров и министры неоднократно докладывали государю, вызвала, в конце концов, Высочайшее повеление о создании при главнокомандующем 6-й армии особого органа с участием военных и гражданских представителей для обсуждения мероприятий общего значения по Петроградскому округу.

Этот вопрос и вызвал оживленную дискуссию министров на секретном заседании. Министр внутренних дел князь Н.Б. Щербатов сказал, например, что губернаторы завалили его запросами и телеграммами о невыносимом положении, порождаемом действиями военных властей. «При малейшем возражении, — продолжал министр, — окрик и угрозы, чуть ли не до ареста включительно. Невозможно разобраться, чьи приказы и требования следует исполнять... Распоряжаются все, начиная от любого предприимчивого прапорщика. В возникающих спорах и столкновениях высшее военное начальство становится на сторону своих, но за беспорядок отвечать должны чины Министерства внутренних дел. Среди последних все сильнее проявляется стремление или перевестись во внутренние губернии, или же просто уйти в отставку. Получается в итоге полное расстройство местной службы».

Высказался по этому вопросу и генерал-прокурор А.А. Хвостов, сказавший: «А что творится с эвакуацией очищаемых нами местностей? Ни плана, ни согласованности действий. Все делается случайно, наспех, бессистемно. Сплошь и рядом учреждения получают приказ об отъезде чуть ли не за несколько часов до очищения города войсками. Были случаи выезда суда с арьергардом. Архивы, имущество бросаются на произвол судьбы. Места водворения эвакуируемых учреждений преуказываются военной властью без сношений с заинтересованными ведомствами даже в отношении губерний, вне «театра войны» находящихся и, следовательно, Ставке неподчиненных. Губернаторы узнают об избрании их районов для данного учреждения лишь в момент прибытия поездов с чиновниками и грузами. Ни помещений, ни продовольствия не заготовлено. Прибывшие испытывают всевозможные лишения».

А.А. Хвостов затронул и другую важную проблему — о формировании военными властями польских легионов, латышских

батальонов и армянских дружин. Как дальновидный политик, он предвидел все негативные последствия таких непродуманных решений. «Подобные формирования выходят за пределы узковоенных интересов, в корне затрагивают вопросы общегосударственной политики, — сказал Хвостов. — Ведь этот шаг есть в существе не что иное, как установление принципа образования национальных войск. Разве допустимо, чтобы такая мера принималась без согласия Совета министров?»

Министр путей сообщения С.В. Рухлов заметил, что «не может быть двух мнений о необходимости заставить военную власть считаться с интересами гражданского управления».

Критика Ставки и военных властей со стороны министров была столь острой, что И.Л. Горемыкин предложил отложить разрешение вопроса о взаимоотношениях военных и гражданских органов и «хорошенько его еще раз обдумать».

На заседании 16 августа 1915 года в числе других обсуждался и вопрос о разрабатываемом в Государственной Думе проекте закона о создании постоянного органа из членов этого законодательного учреждения. Проект вызвал общую отрицательную реакцию министров. Первым выступил главноуправляющий землеустройством и земледелием А.В. Кривошеин. Он сказал: «Высказываюсь самым решительным образом против. Какой-то не то конвент, не то комитет общественного спасения. Под покровом патриотической тревоги хотят провести какое-то второе правительство. Этот проект не что иное, как наглый выпад против власти, желание создать лишний повод для его дискредитирования, вопить о стеснении самоотверженного общественного почина...»

Кривошеина решительно поддержал и генерал-прокурор А.А. Хвостов, сказавший: «Действительно, проект подобной новеллы мог зародиться только в горячечно воспаленных мозгах, если он не является грубым тактическим приемом для вынуждения правительства на заведомый отказ и для криков о его обскурантизме... Нельзя допускать образование в законодательном порядке безответственной организации из безответственных и прикрывающихся парламентскою неприкосновенностью людей».

Проект был единогласно отклонен.

На этом же секретном заседании был поднят и вопрос о печати. Министры почти единодушно возмущались ее разнузданностью и беспределом. А.В. Кривошеин, например, говорил: «...Сплошная брань, голословное осуждение, возбуждение общественного мнения против власти, распускание сенсационных известий — все это день за днем действует на психику 180-и миллионного населения».

А.А. Хвостов был полностью с ним солидарен. «Особенно надо обратить внимание на статьи, которыми в обществе возбуждаются неосновательные надежды и ожидания, — сказал он. — Здесь вранье с расчетом оповестить, а потом свалить на правительство или, еще хуже, на влияния... Нельзя допускать в газетах печатания слухов в заведомо агитационных целях».

А.А. Хвостов просил министра финансов П.Л. Барка «повнушительнее воздействовать на банки, от которых зависит огромное большинство русских независимых газет».

Все сошлись на том, что необходимо как можно быстрее «ввести печать в границы».

На одном из секретных заседаний Совета министров был затронут вопрос о распространившейся в Петрограде панике в связи с событиями на фронте. Министр внутренних дел высказался за то, чтобы «избавить Петроград... от слабонервных болтунов, шатающихся по ресторанам и смущающих общественное сознание».

Министр юстиции А.А. Хвостов поддержал его: «Вот это было бы недурно. Мочи нет от сеятелей паники и распространителей «достоверных» известий».

А.А. Кривошеин в связи с этим подчеркнул: «У нас кричат — все для войны, но от удовольствий и пьяного времяпрепровождения отказаться не желают добровольно. Значит, надо вмешаться власти и прекратить безобразие. Сотни тысяч умирают на позициях и в беженских эшелонах, а аквариумы гремят музыкой и сияют огнями».

После этого А.А. Хвостов внес предложение установить срок для закрытия «увеселительных мест» и сократить часы работы ресторанов. «Совершенно излишне, чтобы люди сидели там до утра и получали запрещенные напитки. Два часа на обед, два на ужин и два на завтрак вполне достаточно», — сказал он.

Премьер-министр И.Л. Горемыкин с этим согласился: «Чем меньше увеселений, тем меньше безобразий. Но мысль А.А. Хвостова правильна, надо сделать все постепенно».

Крайне нервозная обстановка сложилась на заседании Совета министров 19 августа 1915 года. Министр внутренних дел князь Н.Б. Щербатов доложил о разрастающемся в Москве общественном возбуждении, в связи с так называемым коноваловским съездом, на котором некоторые политические деятели предложили использовать сложившуюся в империи обстановку для предъявления требований об образовании правительства, пользующегося доверием народа. Как следствие этого съезда, Московская городская дума приняла резолюцию об обличенном доверием страны правительстве, о приветствии Великому князю — Верховному главнокомандующему и о Высочайшей

аудиенции представителям московского городского самоуправления.

Это было воспринято членами Совета министров как выпад городской думы против правительства. «Прения носили исключительно горячий, даже резкий характер», — записал А.Н. Яхонтов.

Генерал-прокурор А.А. Хвостов предложил даже отменить постановление Московской городской думы, но его не поддержали, считая, что это «крайнее средство».

На заседании встал вопрос о сущности и объеме монархической власти. Дело в том, что накануне император объявил членам Совета министров о своем намерении принять на себя функции Верховного главнокомандующего. Большинство министров не одобряло этого решения. На секретном заседании Совета мнения опять разделились.

Премьер-министр Горемыкин сказал, что выражение городской думой доверия Великому князю необходимо расценивать как выпад против императора. Однако многие министры считали, что государю незачем вставать во главе армии, так как это еще более усугубит обстановку в стране.

Князь Н.Б. Щербатов заявил, например, что он никак не может понять такого положения в государстве, чтобы монарх и его правительство находились в радикальном разногласии «со всею благоразумною общественностью».

Еще более резко говорил обер-прокурор Святейшего синода А.Д. Самарин: «Я тоже люблю своего царя, глубоко предан монархии и доказал это всей своею деятельностью. Но если царь идет во вред России, то я не могу за ним покорно следовать».

Министр иностранных дел С.Д. Сазонов подчеркнул, что при современных настроениях трудно «доказать совпадение воли России и царя... Свой долг я вижу не в преклонении, а в том, чтобы предостеречь царя и удержать его на гибельном для моей родины пути». Затем продолжил: «Нам остается только одно, твердо и определенно заявить Его Императорскому Величеству: вы себя и Россию ведете на гибель; нам наша совесть, наш патриотический долг не позволяют вам помочь; подыщите себе других сотрудников, которые могут быть вам более полезны в новой обстановке».

Затем он предложил от имени Совета министров еще раз просить императора отменить свое решение возглавить армию.

Долго молчавший и не принимавший участия в общем разговоре генерал-прокурор А.А. Хвостов наконец взял слово: «Я все время беседы воздерживался от участия в споре о существовании и объеме власти монарха. Для меня этот вопрос разрешен с момента присяги. Предъявление царю требований об отставке я

считаю для себя абсолютно недопустимым. Поэтому ни журнала, ни доклада, ни иной декларации я не подпишу».

Затем он сказал, что сомневается в правильном анализе обстановки, которая обрисовывалась на заседании Совета. «В эпоху общественного подъема к патриотическому движению примазываются всякие темные личности и пользуются моментом, чтобы ловить рыбку в взбалмученной воде, — продолжал он. — Политика уступок вообще неправильна, а в военное время недопустима. Предъявляются требования об изменении государственного строя не потому, что это изменение необходимо для организации победы, а потому, что военные неудачи ослабили положение власти и на нее можно действовать натиском, с ножом к горлу. Сегодня будут удовлетворены одни требования, завтра заявят новые, еще дальше идущие. Политика уступок нигде в мире не приводила к хорошему, а всегда влекла страну по наклонной плоскости...»

Когда же А.Д. Самарин заметил А.А. Хвостову, что они слышат только о его сомнениях, но прямо своего мнения он не высказывает, генерал-прокурор ответил: «Я ищу выхода и сомневаюсь искренне, а потому и не могу присоединиться к категоричным утверждениям прочих членов Совета министров. Призывы, исходящие от Гучкова, левых партий Государственной Думы, от коноваловского съезда и от руководимых участниками этого съезда общественных организаций, явно рассчитаны на государственный переворот. В условиях войны такой переворот неизбежно повлечет за собою полное расстройство государственного управления и гибель отечества. Поэтому я буду бороться против них до последнего издыхания. Пусть меня судит царь, но моя совесть говорит мне так».

Заседание закончилось составлением Всеподданнейшего письма, в котором министры еще раз просили императора не принимать на себя функции Верховного главнокомандующего, считая, что это грозит «России, царю и династии тяжелыми последствиями».

Генерал-прокурор А.А. Хвостов это письмо не подписал.

23 августа 1915 года император Николай II принял на себя бремя Верховного главнокомандующего.

1916 год по праву можно назвать юбилейным. В этот год отмечалось пятидесятилетие Петроградского и Московского судебных установлений, мировых судов и присяжной адвокатуры.

Торжества начались 17 апреля в Петрограде. Здание суда в день пятидесятилетия введения Судебных Уставов в столице приняло торжественный вид. Всюду были разостланы ковры и ковровые дорожки, отремонтированы некоторые помещения,

приведена в порядок и реставрирована мебель. В два часа дня в суд прибыли А.А. Хвостов, член Государственного совета Н.Н. Шрейбер, сенатор А.Ф. Кони и другие высшие чины государственных и судебных органов.

После молебствия в большом зале судебных установлений началось торжественное публичное соединенное заседание Петроградской судебной палаты и окружного суда. Его открыл исполняющий должность старшего председателя палаты Литовченко. Первым небольшую, но исключительно сильную и эмоциональную речь произнес прокурор палаты С.В. Завадский. Он сказал, в частности, что «Судебные Уставы представляли собой не русло, а широкое море. Поэтому было особенно важно выбрать правильный путь судейской деятельности. И нужно благодарить первых деятелей суда за избранный ими путь».

Очень красиво и образно говорил член Государственного совета, первый прокурор Петроградского окружного суда Н.Н. Шрейбер.

Как всегда, прекрасно, просто и убедительно произнес речь сенатор А.Ф. Кони.

После него выступил председатель окружного суда В.Е. Рейнбот.

В тот же день в восемь часов вечера состоялось торжественное собрание столичных адвокатов и их помощников, посвященное пятидесятилетию образования первого Петербургского совета присяжных поверенных. Председательствовал на нем выдающийся судебный оратор Н.П. Карабчевский. Почетным председателем единодушно был избран Д.В. Стасов, которому досталось особенно много теплых слов. Первый председатель Петербургского совета присяжных поверенных, «рыцарь права и правды», как называли его друзья, их, безусловно, заслужил. В этот день он отмечал полувековой юбилей своей адвокатской деятельности. В адрес Совета присяжных поверенных и юбиляра поступили многочисленные приветственные телеграммы, в том числе и от А.А. Хвостова.

Через неделю, 23 апреля, пятидесятилетний юбилей отмечали и Московские судебные установления. После молебствия, в Кремле, в Екатерининском зале, в присутствии А.А. Хвостова и многочисленных высоких гостей состоялось торжественное заседание. В нем приняли участие прокуроры, судьи, ученые-юристы, сенаторы, представители общественности и духовенства. Присутствовали, в частности, сенатор Карпович, товарищи министра юстиции Степанов и Чаплин, прокурор Московской судебной палаты Чебышев, старший председатель этой палаты Линк, директор межевого института Герман, директор Москов-

ского архива профессор Цветаев, епископ Можайский Дмитрий и многие другие.

Было произнесено немало горячих речей (прокуроры и судьи говорить умели). Прокурор Московской судебной палаты Н.Н. Чебышев упомянул всех деятелей Московских судебных установлений, возглавлявших судебную палату и окружной суд за 50 лет. Он отметил, что юбилей суда совпал с войной, в которую Россия была втянута почти два года назад, назвав ее «великой тяжбой за торжество права и справедливости».

Участники торжества направили приветственную телеграмму императору Николаю II. В своем ответе на имя генерал-прокурора государь писал: «Поручаю вам передать чинам Московских судебных установлений мою благодарность за молитвы и одушевляющие их чувства. Уверен, что как и в минувшие полвека Московские судебные установления будут верно служить заветам незабвенного преобразователя русского суда».

17 мая 1916 года свой полувековой юбилей отмечали Московские и Петроградские мировые судебные учреждения. В Москве, в Чудовом монастыре, была отслужена панихида по творцу Судебных Уставов императору Александру II. После молебствия в Московской городской думе состоялось торжественное заседание. Его открыл председатель съезда московских мировых судей В.Н. Кадышев. Выступивший на заседании Московский городской голова М.В. Челноков с особой теплотой отозвался о ветеранах судебного ведомства, старейшим из которых был секретарь мирового съезда А.Т. Савельев, прослуживший в этой должности 50 лет.

После заседания состоялось чествование ветерана. А.Т. Савельеву был поднесен его портрет, написанный маслом, который, с разрешения съезда мировых судей, поместили в зале заседаний уголовного отделения.

В Петрограде на торжества, посвященные юбилею мирового суда, прибыл генерал-прокурор А.А. Хвостов со своими заместителями и другими высшими чинами Министерства юстиции, а также сенатор А.Ф. Кони, помощник городского головы Д.И. Демкин, председатель Петроградского совета присяжных поверенных Н.П. Карабчевский, представители прокуратуры, магистратуры и адвокатуры столицы. Открыл заседание председатель съезда московских мировых судей В.В. Меншуткин. С приветствием к участникам заседания обратились товарищ министра юстиции А.Н. Веревкин и некоторые другие гости. В заключение Меншуткин сказал, что в 1866 году в число первых судей были выбраны 28 человек. Из них в живых остался один, П.М. Майков, который присутствует в зале. Собравшиеся устроили бурную овацию ветерану.

А.А. Хвостов на посту министра юстиции и генерал-прокурора был для правительства очень неудобной и несговорчивой фигурой, что в конце концов стоило ему места. Он не шел на поводу всесильных фаворитов и временщиков, особенно если это касалось привлечения кого-либо к уголовной ответственности, укомплектования кадров судебных и прокурорских органов и т.п. Он умел смело отстаивать свою точку зрения даже перед Николаем II, причем делал это всегда тактично, не уязвляя самодлюбие государя.

В этом отношении характерно дело генерала Драчевского, который привлекался за злоупотребления. Ему покровительствовала императрица Мария Федоровна (мать Николая II), и на А.А. Хвостова усиленно давили, добиваясь прекращения дела. Генерал-прокурору пришлось однажды держать ответ по этому делу и перед самим императором. Николай II настаивал на том, чтобы уголовное преследование было прекращено, так как дальнейшее следствие «произведет неблагоприятное впечатление». А.А. Хвостов, подробно изложив государю все улики, собранные по делу в отношении Драчевского, выразил свое полное несогласие с прекращением дела, считая, что необходимо продолжать вести его обычным судебным порядком. Он аргументировал это еще и тем, что именно прекращение дела и произведет то самое «неблагоприятное впечатление», которого так опасался государь. Император, хотя и соглашался с его доводами, все же продолжал давить на А.А. Хвостова. Тогда он, чтобы найти достойный выход из создавшегося нелегкого положения, сказал, что можно было бы приостановить дело до окончания войны. «Я высказал государю, — вспоминал позднее А.А. Хвостов, — что если ему угодно, то я бы просил сделать именно это, потому что если генерал Драчевский окажется более храбрым, чем он оказался честным, то, быть может, во время войны он совершит геройский подвиг, и, наконец, если будет убит, то дело само собою прекратится. Когда после доклада я спросил государя, какова будет его воля, государь сказал: «Пусть дело идет по закону».

Немало неприятностей пришлось пережить А.А. Хвостову и в связи с делом председателя Кутаисского окружного суда Федорова, который, по оценке министра, «растлил суд». Он слишком вольно обращался с государственными средствами: мог, например, выписать себе «прогонные» на командировку, в которую не выезжал, за счет суда оплачивал свои телеграммы частного характера и т.п. А.А. Хвостов говорил, что Федоров производил на него «впечатление Хлестакова, любившего помпу, любившего окружать себя каким-то восточным престижем».

А.А. Хвостов назначил секретное дознание, которое поручил следователю Рудневу. Перед ним генерал-прокурор поставил задачу представить ему подробный отчет о всех «похождениях» председателя суда. Однако, как только следователь приступил к своей работе, Хвостов получил от императора, без какой-либо резолюции, но только с подчеркнутыми местами, «записку» Федорова. Хвостов понял, что император обратил внимание на дело. Это было, конечно, не случайно, так как председатель суда приходился родным братом лейб-хирургу С.П. Федорову. Во время очередного доклада дел Хвостов захватил с собой и полученную им от государя записку. К этому времени Руднев в телеграмме кратко сумел доложить генерал-прокурору предварительные результаты дознания. Когда он показал «записку» императору, тот сказал, что забыл поставить на ней свою резолюцию. На это А.А. Хвостов ответил: «Ваше Величество, если ваша резолюция должна быть согласная с ходатайством записки, то я счастлив, что вы изволили забыть». Затем генерал-прокурор доложил Николаю II, что именно обнаружено дознанием. Выслушав его, император посетовал: «Как будет огорчен Сергей Петрович» (лейб-хирург. — *Авт.*).

Вскоре А.А. Хвостов получил обстоятельный доклад Руднева. Все факты злоупотреблений полностью подтвердились. При очередном докладе Хвостова государь вновь поднял вопрос о прекращении дела Федорова, так как он якобы хочет заниматься благотворительной деятельностью. Генерал-прокурор стал возражать, говоря, что от этого пострадают интересы правосудия и что надо «очистить» суд. Так как император не склонен был на этот раз соглашаться с ним, А.А. Хвостов предложил: «Если бы вы разрешили мне переговорить с Сергеем Петровичем, я думаю, что и он признал бы, что убрать его брата из Кутаисского суда необходимо». Император вынужден был согласиться на это предложение. Когда генерал-прокурор вызвал С.П. Федорова и предъявил ему все собранные материалы, то лейб-хирург согласился с тем, что его брат остаться на своем месте не может. Вскоре после этого председатель Кутаисского окружного суда Федоров подал прошение об отставке, с которой император незамедлительно согласился.

После Февральской революции, на допросе в Чрезвычайной следственной комиссии на вопрос председателя Н.К. Муравьева, почему председатель суда, которому грозило арестантское отделение, был всего лишь «отставлен от должности», А.А. Хвостов ответил: «Для меня было самым важным возможно скорее убрать его, тем более что говорили, что он брат лейб-хирурга, что это дело совершенно пропавшее, и я рад был, когда смог

добиться хоть такого результата. Если бы я был прокурором, для меня, быть может, была бы важнее другая сторона, в качестве же министра юстиции для меня важнее правильное положение суда».

Н.К. Муравьев напомнил: «Но вы были также и генерал-прокурором — это с одной стороны, а с другой стороны, правильное течение суда и правосудия несомненно требует равенства и для писца полицейского участка и для председателя суда».

«Это несомненно так, — согласился А.А. Хвостов. — Если вы поставите вопрос о моей виновности, я скажу, что виновен, но так мне было легче достигнуть цели, к которой я стремился».

Известно, что Г. Распутин довольно бесцеремонно обращался со многими министрами. Конечно, пользуясь безграничным доверием императорской четы, этот «старец» мог помыкать кем угодно, но только не Хвостовым. Последний признавался, что отношение его к Распутину было «заведомо отрицательное». А.А. Хвостов считал распутинский вопрос «пресквернейшим», подрывающим авторитет верховной власти, с которой он, как истинный монархист, связывал благополучие России. Поэтому всеми своими действиями он хотел показать, что влияние Распутина не так сильно, как об этом тогда говорили. Конечно, это была игра с огнем. Хвостов не был столь наивен, чтобы не считать Распутина «важным фактором текущей жизни». И тем не менее он смог дать достойный отпор Распутину, попытавшемуся влезть не в свое дело.

Некая ялуторовская жительница Копошинская, женщина очень красивая, решила перевести своего мужа, нотариуса, в Москву. Она стала обивать пороги судебных ведомств. Но председатель Московской судебной палаты Линк и председатель окружного суда Иванов, от которых зависело назначение, ей в этом переводе отказали. Тогда она нашла путь к сердцу своего земляка, Распутина. Тот написал, как это обычно делал, «цедульку» Хвостову, в которой излагал свою просьбу перевести нотариуса, так как «такой женщине надобно жить не в Ялуторовске, а в Москве». Письмо не возымело на Хвостова никакого действия.

Тогда Распутин позвонил в министерство и через курьера спросил, когда Хвостов может его принять. Генерал-прокурор приказал ответить, что приемный день у него четверг. Когда же Распутин (снова через курьера) поинтересовался, может ли он дать ему особый прием вечером, А.А. Хвостов сказал, что лиц, ему незнакомых, он вечером у себя не принимает. В четверг же Распутин может явиться на прием, как и всякий другой человек.

В приемный день «старец» явился. С.В. Завадский, рассказавший эту историю, продолжает далее: «Егермейстер Малама, заведывавший приемом в министерстве, немедленно бросился в кабинет министра и сообщил о приезде временщика. Ответ был: приму в порядке очереди. Распутин заявил, что ждать ему некогда, и уехал. Прием уже кончался, когда он счел за благо вновь прибыть. Министр принял его стоя, не предложил сесть и не подал руки. На просьбу Распутина последовало разъяснение, что назначение нотариусов не касается министра. Распутин прибег к запугиванию, почтительно смиренным тоном он сказал, что в жене нотариуса принимает живое участие императрица. Получив опять отказ, он поклонился в пояс с вопросом: так и передать государыне? Хвостов заявил, что между ним и царицей посредники не нужны. Распутин ушел со словами: «Спаси вас Господь». Было видно, что такого отпора он не ждал и растерялся от своей неудачи».

А.А. Хвостов был исключительно честным, правдивым и прямым человеком. Когда дело касалось службы или государственных интересов, он не считался даже с родственными чувствами. В этом отношении характерен такой случай. В сентябре 1915 года министр внутренних дел князь Н.Б. Щербатов был отправлен в отставку. Встал вопрос о его преемнике. Выбор государя пал на Алексея Николаевича Хвостова, бывшего ранее Вологодским и Нижегородским губернатором и избранного в Государственную Думу. Он приходился племянником генерал-прокурору А.А. Хвостову. Председатель Совета министров И.Л. Горемыкин сказал императору, что неплохо было бы спросить мнение на этот счет у А.А. Хвостова. Государь согласился. Горемыкин счел нужным сообщить об этом разговоре министру юстиции, чтобы вызов последнего в Царское Село не был для него неожиданным.

Вскоре после этого разговора действительно последовало приглашение Хвостова на Высочайшую аудиенцию.

Вот что рассказывал об этом сам А.А. Хвостов: «Я немедленно отправился в Царское. Государь меня принял и сказал: «Вам говорил что-нибудь И.Л. Горемыкин о моем предположении назначить А.Н. Хвостова министром внутренних дел? Я хотел бы знать ваше мнение об этом». Я высказал свое совершенно отрицательное мнение. Сказал, что этот человек безусловно несведущий в этом деле, человек и по характеру совершенно неподходящий, что никакой пользы я от этого не ожидаю, а в иных отношениях ожидаю даже вред. Что человек этот весьма неглупый, но не умеющий критиковать свои собственные побуждения и мысли, а такого человека я не считаю достаточно ра-

зумы, чтобы занять столь важный пост. Потом говорил, что человек этот не чужд интриг и что я полагаю, что он не ограничится этим, столь для него желанным возвышением, а по всей вероятности будет стремиться к дальнейшему возвышению, будет стремиться стать председателем Совета министров и, во всяком случае, вся служебная деятельность его на посту министра будет посвящена не делу, а чуждым делу соображениям. Государь очень благодарил меня за откровенное мнение. Причем я просил государя помнить, что я нахожусь с А.Н. Хвостовым в родстве, и если будет ему известно от государя такое мнение, то едва ли ему будет приятно».

Несмотря на столь нелестную оценку министром юстиции деловых качеств своего родственника А.Н. Хвостова, последний все же был назначен министром внутренних дел. Однако он смог продержаться на этом посту полгода. Сменил его Б.В. Штюрмер. Одна из причин отставки — неудачная попытка ослабить влияние Распутина при дворе, за которым министр внутренних дел установил слежку. Попутно он активно занимался перлюстрацией переписки высших сановников, не исключая и своих родственников, слишком вольно обращался с государственными средствами, запустил дела в министерстве. Другими словами, в полной мере проявил те отрицательные качества, на которые обращал внимание государя А.А. Хвостов.

Несомненной заслугой А.А. Хвостова является возбуждение уголовного преследования и арест за измену отечеству бывшего военного министра В.А. Сухомлинова. Со времени учреждения министерств в России, то есть с 1802 года, это был первый случай ареста лица, занимавшего министерский пост, да и вообще первый случай судебной ответственности русского министра.

Еще предшественник Хвостова, генерал-прокурор И.Г. Щегловитов, командировал товарища прокурора Петроградской судебной палаты Жижина в распоряжение Ставки Верховного главнокомандующего Великого князя Николая Николаевича для проведения следствия в отношении полковника Мясоедова, заподозренного в шпионаже в пользу Германии. Вскоре по делу были обнаружены факты, бросающие тень и на военного министра Сухомлинова. Например, стало известно, что министр принял Мясоедова на службу в армию, несмотря на «заявленные ему предосторожности» относительно этого лица, сообщал ему секретные сведения и поддерживал с ним дружеские отношения даже тогда, когда полковник уже находился под подозрением.

Хотя Жижин и проводил расследование под наблюдением Ставки, он систематически направлял секретные донесения своему непосредственному начальнику, генерал-прокурору Щегловитову, а после его отставки А.А. Хвостову. По указанию императора министр юстиции доставлял эти рапорты на Высочайшее усмотрение. Отвезя очередной рапорт, А.А. Хвостов обратил внимание государя на особую важность приведенных в нем фактов, несомненно указывающих на связь бывшего военного министра с врагом. Однако Николай II вернул оставленные у него материалы без всякой резолюции. Вскоре игнорировать факты «изменнических действий» Сухомлинова стало уже невозможно. Тогда была образована Верховная следственная комиссия, состоящая из членов Государственной Думы и Государственного совета под председательством генерала Петрова. А.А. Хвостов препроводил в эту комиссию все секретные рапорты прокурора Жижина и другие имеющиеся у него материалы.

Комиссия работала ни шатко, ни валко. Создавалось впечатление, что правительство всячески пытается тормозить дело. Однако добытые улики были настолько вескими, а преступление Сухомлинова настолько тяжким, что А.А. Хвостов, «в видах соблюдения достоинства судебной власти», добился назначения официального следствия, которое, по его выбору, производил сенатор И.А. Кузьмин, чьи «чистота и самостоятельность» всегда считались бесспорными. Он уже успел отличиться при расследовании некоторых «выдающихся дел».

К началу 1916 года А.А. Хвостову стало ясно, что необходимо арестовать Сухомлинова. Прежде чем решиться на такой важный шаг, он доложил дело Б.В. Штюмеру, сменившему на посту председателя Совета министров И.Л. Горемыкина. Тот вначале засомневался в целесообразности принятия такой жесткой меры, но когда Хвостов припугнул его возможностью побега Сухомлинова, согласился. После этого генерал-прокурор доложил государю о том, что он намерен арестовать Сухомлинова. Николай II ответил весьма неопределенно: «Да, да, я понимаю, что вы не испрашиваете указаний, я сам и не дал указаний».

Постановление об аресте В.А. Сухомлинова подписал сенатор И.А. Кузьмин.

20 апреля 1916 года, в 4 часа дня, бывший военный министр, отставной генерал от кавалерии В.А. Сухомлинов был арестован и заключен в Трубецкой бастион Петропавловской крепости. Перед этим помогавший в проведении расследования сенатор С.А. Богородицкий в присутствии обер-прокурора уголовного

кассационного департамента Правительствующего сената В.П. Носовича допросил генерала в его квартире. Ему было официально предъявлено обвинение по статье 108 Уголовного уложения, то есть в способствовании и благоприятствовании неприятелю в его военных и иных враждебных против России действиях и шпионаже. По этой статье виновный мог быть подвергнут смертной казни.

По окончании допроса сенатор С.А. Богородицкий сообщил бывшему военному министру, что поскольку он обвиняется в исключительно тяжком преступлении, то вынесено постановление о его аресте. Сухомлинов заволновался. Некоторое время он сидел молча, как бы в оцепенении, а затем, поклонившись, хрипло проговорил: «Я к вашим услугам и считаю своей первой обязанностью подчиниться суровому велению закона. Я в вашем распоряжении».

Сухомлинову были предоставлены в крепости льготные условия содержания: в камере поставили складной столик и кресло; на кровати появились настоящий матрац и постельное белье; ему разрешалось гулять два часа в день (в два приема). Командант крепости, старый знакомый Сухомлинова, бывший командующий войсками Одесского военного округа генерал Никитин, часто посещал арестованного в его камере, а затем перевел в более лучшую.

После ареста Сухомлинова начались неустанные заботы о нем высших сановников и даже самой императорской четы. Уже на следующий день к А.А. Хвостову явились ходатаи, говорившие, что «несчастный старик» арестован необоснованно и что государь, конечно же, будет «огорчен такой мерой». Генерал-прокурор разъяснил им, что императору уже все известно, а арест Сухомлинова произведен правильно.

А.А. Хвостов замечал, что на императора постоянно оказывали давление. При Всеподданнейших докладах Николай II всегда интересовался ходом расследования и всякий раз спрашивал, нужна ли такая крайняя мера к старику, который «никуда не убежит».

Воздействие на А.А. Хвостова шло и со стороны императрицы Александры Федоровны. Однажды премьер-министр Штюрмер сказал ему, что императрица крайне встревожена тем, что Сухомлинов содержится в крепости. Будь он в тюрьме, она бы скорее примирилась. А.А. Хвостов сказал на это: «Почему же вы не могли доложить императрице, что заключение Сухомлинова в крепость вызвано именно соображением по возможности облегчить ему содержание под стражей, потому что судебной власти нужно только, чтобы он содер-

жался в одиночном заключении. Между тем, если бы он был заключен в тюремное здание, он подвергся бы общему тюремному режиму».

Штюрмер предложил Хвостову самому доложить об этом императрице. На следующий день Александра Федоровна приняла генерал-прокурора. Ему она стала говорить то же самое, что и Штюрмеру: «Ну, если бы в тюрьму, а то в крепость, где постоянно заключаются враги царя». Хвостов сумел убедить ее в том, что «в крепости для него гораздо лучше». Тогда она стала указывать на невозможность совершения военным министром такого тяжкого преступления. Императрица говорила, что верит Хвостову, но тут же добавляла: «Может быть, вас обманывают». Министр ответил, что он хорошо знает людей, которые ведут следствие, и что собраны неопровержимые улики виновности Сухомлинова.

Давление на А.А. Хвостова в связи с делом Сухомлинова продолжалось все время, пока он оставался в должности.

С.В. Завадский в своих воспоминаниях, ссылаясь на источник, «стоящий вне малейших сомнений» (не названный им), писал: «На одном Всеподданнейшем докладе А.А. Хвостова, происходившем в Ставке, государь, отойдя к окну и глядя в него, неожиданно произнес: «Повелеваю вам прекратить дело Сухомлинова». Министр ничего не ответил. Государь повторил свое распоряжение и спросил министра, почему он молчит. А.А. Хвостов на это сказал приблизительно следующее: «Думаю, как бы лучше исполнить волю Вашего Величества. Прекращение дела о Сухомлинове безусловно вредно для государства и для династии. Но если Ваше Величество настаивает на том, то я бы сделал так: я бы прекратил дело по собственному почину. Не сомневаюсь, что скоро вред такой меры станет очевидным. Тогда Ваше Величество можете уволить меня, как негодного министра юстиции, а имя Ваше не будет к этому прикосновенно». После такого ответа государь отказался от выраженного им намерения прекратить уголовное преследование Сухомлинова». «Я смею думать, — писал далее С.В. Завадский, — что А.А. Хвостов избрал единственный путь, на котором была вероятность успеха, и при этом выказал незаурядную преданность государю; такое щепетильное желание оградить царское имя от нареканий даже за действительно отданное царем распоряжение тем более исключительно, что обычно сановники наши предпочитали свои ошибки прикрывать именем монарха».

При очередном докладе, состоявшемся 30 июня 1916 года, А.А. Хвостов представил императору фотоснимки с различных

следственных документов, с писем Сухомлинова, с его дневника. Этот доклад «с иллюстрацией» произвел на Николая II сильное впечатление. Вдруг император неожиданно предложил Хвостову взять отпуск. Министр сказал, что он не может покинуть министерство более чем на две недели. На это государь ответил: «Когда вернетесь, приезжайте ко мне с докладом, потом опять уезжайте в отпуск, потому что нужно беречь ваши силы, иначе ненадолго хватит».

А.А. Хвостову пришлось подчиниться, и он взял отпуск. Однако уже через неделю он был освобожден от должности министра юстиции и генерал-прокурора.

Назначенный на его место А.А. Макаров оказался таким же неговорчивым человеком и также отказался прекратить дело Сухомлинова. Однако удержать бывшего военного министра в крепости он не смог. Император продолжал давить и на Макарова, и на министра внутренних дел А.Д. Протопопова. Последнему он говорил о Сухомлинове: «Неужели я поверю, что он изменник; просто легкомысленный человек. Мне его жалко, старика. Что вы думаете, если ему поменять меру пресечения, выпустить на квартиру? Домашний арест». Протопопов ответил, что это может вызвать «большой шум». И все же 11 октября 1916 года Сухомлинов был переведен из крепости под домашний арест.

Освобождение Сухомлинова не удовлетворило ни его сторонников, ни императора. Николай II направил генерал-прокурору А.А. Макарову телеграмму с повелением прекратить дело. И только в результате категорического возражения и самого Макарова, и вновь назначенного председателя Совета министров А.Ф. Трепова монарх согласился не приводить в исполнение свое повеление.

Если бы не Февральская революция, дело Сухомлинова, по всей видимости, было бы все-таки прекращено. Но времена изменились. Преступление, совершенное человеком, облеченным особыми министерскими полномочиями, настолько взбудоражило общество, что Временное правительство вынуждено было передать дело на рассмотрение Сената. Предварительно обер-прокурор Носович, который должен был выступать обвинителем на процессе, в течение нескольких дней докладывал материалы дела на Чрезвычайной следственной комиссии. Он прочитал членам комиссии составленный им обвинительный акт, а также подробно привел все улики, собранные следствием.

Под суд была отдана как соучастница и жена военного министра, Е.В. Сухомлинова.

Дело Сухомлинова рассматривалось Сенатом с 10 августа по 12 сентября 1917 года. Председательствовал на процессе сенатор Н.Н. Таганцев, обвинение поддерживал обер-прокурор В.П. Носович, а защищал бывшего министра адвокат М.Г. Казаринов. Большого интереса процесс уже не вызывал. Противостояние Временного правительства и большевиков, обстоятельства на фронте — все это затмило процесс бывшего царского министра. Кроме того, в народе сомневались, что лишь немного перекрасившийся царский Сенат осудит изменника. Во время процесса произошел один случай. К зданию суда неожиданно подошли солдаты, которые потребовали выдать им Сухомлинова для суда над ним в казармах. После этого в целях безопасности Сухомлинов из-под домашнего ареста был снова переведен в Петропавловскую крепость.

Суд признал Сухомлинова виновным в государственной измене, в бездействии и превышении власти, а также в подлогах. В окончательном виде приговор был объявлен 20 сентября. Сухомлинов был приговорен к лишению всех прав состояния и ссылке в каторжные работы. Жену его суд оправдал.

По ходатайству осужденного генерал-прокурор и министр юстиции Временного правительства П.Н. Малянтович разрешил ему отбывать наказание в крепости. После Октябрьской революции Сухомлинов был переведен в петроградскую тюрьму «Кресты», откуда 1 мая 1918 года был освобожден по амнистии. Затем он тайно сумел перебраться за границу. Жил он в Германии, где писал свои мемуары. Умер В.А. Сухомлинов в Берлине в 1926 году.

Карьера А.А. Хвостова как министра юстиции и генерал-прокурора закончилась 7 июля 1916 года, когда он неожиданно был назначен министром внутренних дел вместо Б.В. Штюрмера, получившего пост министра иностранных дел (с оставлением в должности премьер-министра).

Незадолго до отставки, а именно 30 июня, Хвостов докладывал императору текущие дела (в их числе и Сухомлинова). Он уже чувствовал, что вокруг него усиленно плетутся интриги с целью, как он сам выразился, «выкинуть из Министерства юстиции вследствие упорства по некоторым делам», поэтому прежде чем дать на подпись государю документы о замещении ряда важных должностей в министерстве и Сенате, он спросил Николая II, может ли считать себя «вполне прочным». На это император сказал: «Почему вам это пришло в голову? Конечно, прочно, дайте я подпишу».

После этого Хвостов, как мы уже отмечали, отбыл в кратковременный отпуск. Спустя неделю председатель Совета мини-

стров Штюрмер неожиданно вызвал Хвостова из отпуска. Он сказал министру юстиции, что уходит из Министерства внутренних дел, а его порекомендовал на свое место. По словам А.А. Хвостова, он до того рассердился, что воскликнул: «Как же вы посмели поднести мне такую пакость, не сказав ни одного слова?!» Хвостов сказал Штюрмеру, что это сделано только с одной целью — выжить его из состава кабинета, чего он и достиг, так как принимать этот пост не намерен. Премьер-министр в ответ только и мог проговорить, что государь, дескать, будет огорчен отказом.

«В тот же вечер, — рассказывал позднее А.А. Хвостов, — я написал Его Величеству, что, зная бесконечную милость государя даже по отношению к лицам, впадшим в преступления, я умоляю Его Величество сжалиться надо мной, оказать мне этот знак милосердия и не налагать бремени выше моих сил и способностей. При этом я докладывал государю, что не имею никакой уверенности в том, что смогу оправдать его доверие на этом посту. В ответ я получил милостивое письмо государя, где было указано, что государь понимает это в смысле особой скромности...»

10 июля 1916 года А.А. Хвостов вступил в управление Министерством внутренних дел и перебрался с Итальянской улицы, где располагалось Министерство юстиции, к Цепному мосту.

С первых же дней работы в министерстве Хвостов начал расчищать «авгиевы конюшни». Его предшественник, Б.В. Штюрмер, больше был занят делами Совета министров, нежели министерства, а А.Н. Хвостов, бывший до него, сумел за полгода расшатать и кадры, и финансы министерства.

А.А. Хвостов занялся прежде всего основным вопросом — кадровым. Еще в бытность министром внутренних дел Штюрмер, чтобы убрать ставшего негодным ему директора департамента полиции Климовича, усиленно добивался перевода его в сенаторы. А.А. Хвостов тогда возражал. Хотя он и считал Климовича самым знающим и порядочным человеком в полиции, все же полагал, что переход из полиции в сенаторы будет неправильно понят.

Когда уже был решен вопрос о переводе Хвостова в Министерство внутренних дел, Штюрмер снова напомнил ему: «Когда же вы представите о назначении Климовича в Сенат? Нужно воспользоваться последними днями вашего пребывания министром юстиции». Хвостов спросил: «Разве ваше предположение о моем назначении министром внутренних дел отпало?» «Нет, не отпало», — ответил Штюрмер. «Почему же вы думаете, — продолжал Хвостов, — что, только что вступив в министерство, я буду лишаться такого директора, которого я считаю

порядочным и знающим человеком, в особенности в департаменте полиции. Я ни за что на это не соглашусь».

Впоследствии Штюрмер еще несколько раз требовал от Хвостова увольнения Климовича. К этому он привязывал и свои личные неприязненные отношения к директору департамента полиции и говорил, что Климович якобы публично оскорбил его и даже угрожал.

На все эти разглагольствования А.А. Хвостов сказал: «У вас есть вернейший способ убрать Климовича, если вам так хочется, перемените министра внутренних дел. Раз вы перемените министра, перемените и Климовича, а пока я министр внутренних дел, до тех пор Климович останется директором департамента».

Штюрмер пробовал жаловаться на Хвостова императору. Однако и Николаю II министр сказал: «Когда он (Штюрмер. — *Авт.*) был министром внутренних дел, он мог менять, а пока я министр внутренних дел, я прошу, Ваше Величество, Климовича не менять».

Климович был уволен, как только решился вопрос об отставке министра внутренних дел.

А.А. Хвостов всегда ценил и поддерживал надежных и честных помощников. Он был очень доволен тем, что еще в феврале 1916 года отпустил в Министерство внутренних дел на должность товарища министра бывшего прокурора Московской судебной палаты и обер-прокурора Сената А.В. Степанова.

От некоторых же своих подчиненных А.А. Хвостову пришлось, наоборот, избавляться. Так, до него дошли сведения о том, что градоначальник Ростова-на-Дону Комиссаров «неисповестует в своей вотчине», пьет без просыпа, «совершенно начал развратничать», злоупотребляет своим положением. Привыкший доверять не столько слухам, сколько фактам, А.А. Хвостов попросил своего заместителя А.В. Степанова подобрать толкового жандармского генерала, который добросовестно произвел бы дознание. Выбор пал на генерала Попова. Вскоре тот представил министру письменный доклад, не только подтвердивший все ранее известные факты, но и добавивший некоторые новые подробности самых циничных действий градоначальника. По докладу министра государь освободил Комиссарова от занимаемой должности без прошения.

Александр Алексеевич за непродолжительное время сумел вскрыть и неприглядную роль своего племянника, А.Н. Хвостова, в бытность его министром внутренних дел. В частности, он произвольно израсходовал 1,3 млн рублей из сумм министерства на подкуп депутатов Государственной Думы. Передавая не-

которые документы новому министру Протопопову, А.А. Хвостов сказал ему: «Вот что натворил мой племянник; я его вызвал, спросил, он только глазами хлопает; я назначил негласное расследование, но делайте, как хотите».

Протопопов это дело прекратил.

После отставки А.А. Хвостов продолжал исполнять обязанности сенатора и члена Государственного совета. Высочайшей грамотой от 1 января 1917 года он был произведен в действительные тайные советники. Это была последняя награда императора, которую Хвостов получил за свою сорокалетнюю деятельность. Менее чем через два месяца Февральская революция разом лишила его, как и других царских сановников, всех чинов и званий.

После революции А.А. Хвостов проживал в своем имении в Воронцовской волости Елецкого уезда. 23 мая он был допрошен судебным следователем Елецкого окружного суда по вопросу злоупотреблений, допущенных Н.А. Добровольским в бытность свою обер-прокурором Правительствующего сената.

А.А. Хвостов наряду с другими министрами и высшими должностными лицами царского правительства подвергался усиленным допросам в Чрезвычайной следственной комиссии. Члены комиссии обстоятельно допросили его 12 июля 1917 года. Они интересовались основаниями назначения его на посты министров юстиции и внутренних дел, причинами освобождения от них, взаимоотношениями с председателями Совета министров, с общественными организациями и партиями, расследованием некоторых «громких» дел и другими вопросами. А.А. Хвостов отвечал на них основательно и с чувством собственного достоинства. Он не пытался что-либо утаить от членов комиссии, приукрасить свою деятельность, переложить ответственность за принятые им решения на других лиц, признавал свои ошибки и заблуждения.

Следователь И.К. Иодловский вынес постановление о привлечении его в качестве обвиняемого по статье 341 Уголовного уложения (ему вменялось в вину то, что в бытность свою министром внутренних дел он, используя агентов, занимался политическим розыском). Его дело в числе иных (Маклакова, А.Н. Хвостова, Макарова, Щербатова, Джунковского и др.) 19 августа докладывал на Чрезвычайной следственной комиссии А.С. Тагер. Комиссия решила постановление следователя в части привлечения в качестве обвиняемых А.А. Хвостова, Щербатова и Джунковского «оставить без удовлетворения, по преждевременности, ввиду кратковременности пребывания на посту министров внутренних дел первых

двух и необходимости более тщательного расследования о деятельности Джунковского».

После Октябрьской революции А.А. Хвостов счастливо избежал участи многих высших сановников империи, казненных по приговорам революционных трибуналов. Он был выслан в провинциальный городок Елец Орловской губернии, который являлся своеобразной вотчиной дворянского рода Хвостовых, где и провел последние годы своей жизни. В Елецком уезде семья Хвостовых издавна считалась как исконно русская и до революции пользовалась популярностью среди всех слоев местного населения.

Многие современники вполне обоснованно относились к нему с явной симпатией. Французский посол в России М. Палеолог, например, называл его «честным и нейтральным чиновником».

О личной жизни А.А. Хвостова известно немного. Он был женат на Анастасии Владимировне, урожденной Ковалевской. От брака имел четверых детей. Его дочь, Татьяна Александровна, в замужестве Арцыбушева, вспоминала: «Детство мое было счастливое, спокойное, в любящей семье. Родители мои были очень религиозны и нас так старались воспитывать. Им хотелось, чтобы мы выросли верующими, честными людьми, но вместе с тем воспитание давали нам светское. Книг о духовной жизни мне не пришлось читать ни в детстве, ни в юности. В церковь же нас водили часто, посты в семье исполнялись, и мы постились, хотя и не очень строго. Мама же моя постилась очень строго и даже по обещанию понедельникчала, то есть постилась и по понедельникам».

Всей семьей Хвостовы иногда отправлялись в Задонск Воронежской губернии, к мощам св. Тихона, или в Зосимову пустыню, к старцу о. Алексею. Эти поездки всегда производили на детей неизгладимое впечатление.

В 1916 году со старшим сыном Хвостова, Алексеем, чиновником Министерства финансов, произошла история, которая доставила немало неприятных минут его отцу, хотя тот не считал нужным во что-либо вмешиваться. Увлекаясь ездой на автомобиле, Алексей, как отмечено в официальных документах, «причинил вред здоровью директора фабрики Вилькенштейна и присяжному поверенному Быховскому». Оба они получили тяжелые ушибы и долго лечились. Сын министра был обвинен в быстрой езде и приговорен мировым судьей к штрафу в 25 рублей. Мировой съезд этот приговор утвердил. Когда дело поступило в Правительствующий сенат, то сенаторы по собственной инициативе вошли в рассмотрение существа дела и на-

шли, что мировой судья и съезд не учли свидетельского показания городского, считавшего, что Алексей Хвостов ехал не очень быстро. По этим основаниям приговор был отменен. Дело вторично слушалось в столичном мировом съезде, который вновь утвердил приговор мирового судьи. Однако и на этот раз Сенат отменил приговор. В третий раз дело слушалось в уездном съезде мировых судей. Оно привлекло к себе внимание многочисленной публики и журналистов. Съезд после полуторачасового совещания утвердил обвинительный приговор мирового судьи. Таким образом, мировая юстиция продемонстрировала действительную свою независимость и, несмотря на то, что обвинялся сын генерал-прокурора, не пошла на поводу у столь влиятельного органа, каковым был Правительствующий сенат.

Другой сын А.А. Хвостова, Владимир, родившийся в 1906 году, был исключительно талантливым мальчиком. С детства он приобщился к духовному чтению, увлеклся трудами епископов Феофана и Игнатия Брянчанинова. Умер он в восемнадцатилетнем возрасте.

Дочь А.А. Хвостова, Татьяна Александровна, 1896 года рождения, в 1916 году вышла замуж за П.П. Арцыбушева. Рано потеряв мужа, она осталась с двумя детьми. В годы «послереволюционной церковной смуты» она приобщилась к так называемой «тихоновской» потаенной церкви, отвергавшей путь, по которому повел русскую православную церковь митрополит Сергей. В 1925 году в Даниловском монастыре она приняла тайный постриг под именем монахини Таисии. Умерла она в 1942 году. Т.А. Арцыбушева оставила после себя интересные записки.

Александр Алексеевич Хвостов после революции жил в городе Ельце. Там, по свидетельству дочери, он писал записки о своей жизни. В августе 1922 года он тяжело заболел. Вот как описывает последние дни своего отца его дочь, Татьяна Александровна: «Умирал он как истинный христианин. Обновленческое движение было им ясно понято и перед смертью он просил нас не уклоняться от православия. Причащался он уже ежедневно, всегда с обильными слезами, и, несмотря на тяжелую болезнь, прочитывал все правильно полностью. Всю жизнь с самого раннего детства он не пропустил ни одного дня, чтобы не прочитать Св. Евангелия. Перед кончиной, за два дня, в самый момент удара колокола ко всенощной под Введение во Храм Царицы Небесной, лицо его просияло и он не отрываясь смотрел перед собой. «Папочка, ты что-нибудь видишь?» — спросила его моя сестра. Он кивнул головой и через несколько

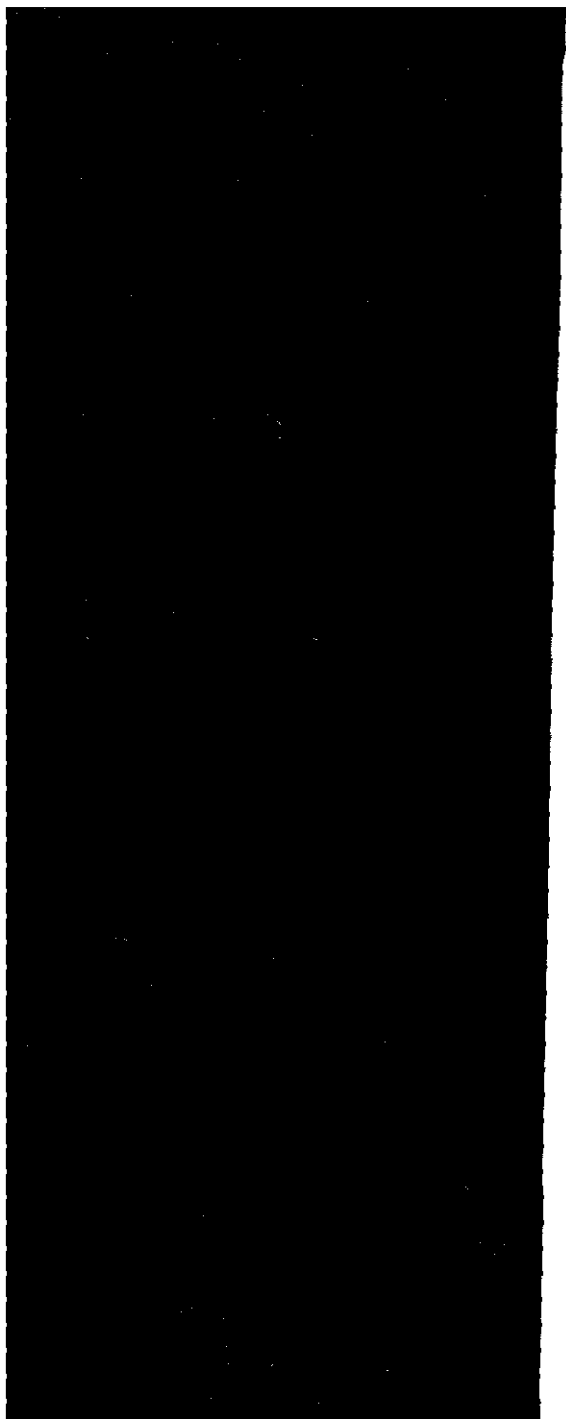
минут произнес: «Честнейшая Херувим с славнейшая без сравнения Серафим». «Божью Матерь?» — опять спросила сестра. «Да, может быть, Она», — ответил он и с этой минуты до самой кончины не произнес ни одного слова. Он скончался 23 ноября в день своего Ангела Александра Невского».

Его жена, Анастасия Владимировна, пережила мужа на десять лет. В 1925 году она тяжело заболела, и ее разбил паралич. В том же году она приняла постриг с именем Митрофании. Умерла она в 1932 году. Ее дочь писала: «Жизнь ее последние два или три года была праведная, и скончалась она необыкновенно светло. Таково было мнение всех живущих с нею и за нею ухаживающих».

У А.А. Хвостова было три брата, и все они занимали высокие посты в царском государственном аппарате. Николай Алексеевич был членом Государственного совета (его сын Алексей Николаевич Хвостов одно время занимал пост министра внутренних дел). Второй брат, Сергей Алексеевич, был Саратовским губернатором и погиб 12 августа 1906 года при взрыве на даче П.А. Столыпина на Аптекарском острове. Третий брат, Алексей Алексеевич, служил Черниговским губернатором. В конце декабря 1905 года на него было совершено покушение членами Летучего боевого отряда партии социалистов-революционеров. Губернатор получил тяжелые раны (он лишился слуха и частично зрения). В 1906 году он стал сенатором департамента герольдии Правительствующего сената.

Александр Александрович
МАКАРОВ
1857—1919

«ЧЕЛОВЕК ТВЕРДЫХ УБЕЖДЕНИЙ»

Александр Александрович Макаров родился 7 июля 1857 года в купеческой семье. После окончания гимназии он поступил на юридический факультет С.-Петербургского университета, где увлеченно постигал все премудрости юриспруденции. Он внимательно слушал лекции маститых профессоров, усердно штудировал отечественную и зарубежную юридическую литературу. В его личном архиве сохранились тетради с подробными рецензиями на книги немецкого юриста, профессора В.-Э. Вильда, криминалиста, профессора К. Гейба и многих других авторов. Из отечественных юристов Александр Макаров подробно конспектировал книги А.Ф. Кони, Н. Буцковского, статьи в журналах гражданского и уголовного права, в Юридическом вестнике, в частности, такие, как «Задачи современной юриспруденции», «Новые работы в области уголовной статистики», «Общество и организация» и другие, а также судебную практику Правительствующего сената.

А.А. Макаров был глубоко эрудированным и начитанным юношей. Его университетская работа «О международном частном праве» удостоилась золотой медали.

Окончив университет, Александр Макаров в ноябре 1878 года начал службу в качестве кандидата на должность по судебному ведомству при председателе С.-Петербургского окружного суда А.А. Кузьминском. Первое время он подвизался в канцелярии 2-го уголовного отделения, а затем его перебросили в 3-е отделение «для защиты подсудимых». Через год он уже помогал судебному следователю 2-го участка Царско-сельского уезда. Тогда же в соответствии с указом Правительствующего сената по департаменту герольдии он получил свой первый гражданский чин коллежского секретаря. В январе 1880 года молодому юристу доверили самостоятельно производить следственные действия, чем он и стал заниматься уже в 7-м следственном участке С.-Петербурга, где, впрочем, задержался ненадолго. В течение последующих четырех лет Александр Макаров исправлял секретарские обязанности

в канцелярии председателя окружного суда и в 1-м уголовном отделении.

Однажды ему даже посчастливилось пройти неплохую стажировку у восходящей «юридической звезды» А.Ф. Кони (бывшего, правда, в то время в немилости из-за оправдания Веры Засулич). В конце октября 1882 года А.А. Макарова направили в распоряжение председателя департамента С.-Петербургской судебной палаты А.Ф. Кони на время обревизования последним делопроизводства в Новгородском окружном суде. За две недели работы с выдающимся юристом А.А. Макаров успел многому у него научиться.

В 1884 году двадцатисемилетний А.А. Макаров получает свою первую самостоятельную должность — городская дума избирает его «добавочным» мировым судьей по городу С.-Петербургу. В следующем году он назначается членом окружного суда. В 1887 году указом Правительствующего сената он утверждается в должности С.-Петербургского столичного почетного мирового судьи. В этом звании он прослужил два года. В январе следующего года А.А. Макаров награждается орденом Св. Станислава 2-й степени.

После всеобъемлющей и глубокой ревизии Прибалтийского края только что назначенный министром юстиции и генерал-прокурором Н.А. Манассеин, с одобрения императора Александра III, начал проведение там судебной реформы. Для этого потребовались квалифицированные кадры прокурорских и судебных работников. Среди кандидатов на руководящие должности в Прибалтике был и А.А. Макаров. Тридцатидвухлетний юрист в октябре 1889 года стал первым прокурором Ревельского окружного суда. В этой должности он прослужил почти пять лет, зарекомендовав себя хорошим профессионалом, строгим, но внимательным руководителем. Здесь он достиг чина коллежского советника и получил очередной орден Св. Анны 2-й степени. При непосредственном участии А.А. Макарова был подготовлен и издан в 1893 году Особый наказ Ревельского окружного суда, подробно регламентировавший деятельность членов суда, судебных следователей и приставов, нотариусов и канцелярии.

В апреле 1894 года он возглавил прокуратуру Нижегородского окружного суда. В губернии он пробыл все время, пока функционировала Нижегородская выставка, выслужив чин статского советника.

В начале 1897 года генерал-прокурор Н.В. Муравьев в связи с предстоящим открытием новых судебных установлений в Сибири начал усиленно перемещать прокурорских и судебных работников, так как требовалось заместить много вакансий. В первую очередь выдвигались чиновники, сумевшие хорошо за-

рекомендовать себя на прежнем месте. Так, прокурор Московского окружного суда Э.И. Вуич был назначен председателем Тульского окружного суда, а на его место министр поставил А.А. Макарова.

Дел у московского прокурора было много: контроль за товарищами прокуроров и судебными следователями, участие во всевозможных комиссиях и заседаниях, прием посетителей и масса других. Прокуратура тогда вела наступательную борьбу с преступностью, много внимания уделяла разоблачению расхитителей и растратчиков.

В конце 1890-х годов в Московском окружном суде слушалось несколько громких дел. В одном из них, по которому обвинялся бухгалтер Северного страхового общества Арбатский, прокурор окружного суда принимал участие лично.

Арбатский служил в обществе более 12 лет. Он понемногу тянул из казны денежные средства, а когда растрата достигла значительных размеров, уничтожил некоторые документы, а сам подал прошение об отставке. Факты хищения все-таки всплыли наружу, однако правление Северного страхового общества, не желая поднимать шум, не стало обращаться в следственные органы. И, наверное, все бы обошлось благополучно, если бы Арбатский не дерзнул потребовать от правления «свидетельства о службе». Зная о проделках бухгалтера с казной, правление сочло разумным отказать в его просьбе. Тогда вконец обнаглевший Арбатский обратился с иском в суд. Это переполнило чашу терпения правления, и оно передало материалы о растрате денег Арбатским в прокуратуру. Там возбудили против бывшего бухгалтера уголовное дело. Расследованием было установлено, что погрели руки за счет казны не только Арбатский, но и некоторые другие лица.

Московская публика, благодаря стараниям газет, была так возбуждена этим делом, что слушать его решил сам председатель окружного суда Давыдов, а обвинение взялся поддерживать прокурор Макаров. Однако, несмотря на очевидность факта совершения преступления и на все старания обвинителя, присяжные заседатели неожиданно оправдали расхитителей. Присутствовавшая на процессе журналистка Е.И. Козлинина позднее писала по этому поводу: «На уважении к чужой собственности ставился крест, и неудивительно, что десять лет спустя это легкомысленное отношение к чужому добру породило убежденных экспроприаторов».

В Москве А.А. Макаров оставался около двух лет. 24 мая 1899 года в чине действительного статского советника он был переведен в Киев на должность председателя окружного суда. Прокурором этого суда тогда же был поставлен талантливый

юрист С.Н. Цемш. На место Макарова в Москве заступил А.В. Степанов.

В должности председателя окружного суда А.А. Макаров служил до 14 марта 1901 года, удостоившись за свою деятельность ордена Св. Владимира 3-й степени, а затем снова перешел в прокуратуру. Он стал прокурором Саратовской судебной палаты. Здесь ему пришлось работать вместе с губернатором Петром Аркадьевичем Столыпиным.

7 апреля 1906 года А.А. Макаров в качестве старшего председателя возглавил Харьковскую судебную палату, однако он пробыл на этой ответственной должности только полтора месяца. Назначенный в правительстве И.Л. Горемыкина министром внутренних дел П.А. Столыпин, успевший за время совместной работы в Саратове по достоинству оценить деловые качества Макарова, в мае 1906 года пригласил Александра Александровича к себе заместителем. В восхождении А.А. Макарова по ступеням служебной иерархии начался новый, более ответственный период.

Назначение А.А. Макарова товарищем министра внутренних дел совпало, с одной стороны, с усилением террористической деятельности социалистов-революционеров, а с другой — с введением военно-полевых судов и наступлением царизма на революционное движение.

Ему достался самый боевой участок. Как заместитель министра он курировал департаменты полиции и духовных дел иностранных исповеданий, а также состоящий при министерстве технико-строительный комитет. В эти же годы он возглавлял многочисленные Высочайше утвержденные комиссии, в частности, по реформе полиции и разработке полицейского устава, о выработке законоположений о неприкосновенности личности, об учреждении Бакинского градоначальства, о разработке мер, направленных против контрабанды и незаконного ввоза оружия, и некоторые другие. Один только перечень возглавляемых им комиссий показывает, насколько интенсивно приходилось работать А.А. Макарову в те годы.

С.Ю. Витте считал серьезной ошибкой назначение в такое трудное время министром внутренних дел П.А. Столыпина, а его заместителем А.А. Макарова, к тому же отвечающего за полицию. Он писал, что со времени вступления на пост министра Столыпина «последовала полная дезорганизация полиции». В это время в особую силу вошли такие провокаторы, как Е.Ф. Азеф и А.М. Гартинг-Ландезен (настоящая фамилия Гекельман). Конечно, они сотрудничали с полицией и в премьерство С.Ю. Витте, но такого безграничного доверия к ним властей тогда не было.

Столыпин, не обладавший достаточной компетентностью в деятельности полицейской части, не только сам «со свойственной ему отвагой ничтоже сумняшеся» начал заниматься делами тайной полиции, но и взял себе заместителем прокурора А.А. Макарова. «Таким образом, — писал С.Ю. Витте, — вся полиция в такое трудное время очутилась в руках лиц, совершенно незнакомых с тем делом, которым они должны были заниматься».

А.А. Макарову, как бывшему прокурору, было довольно сложно срабатываться со своими подчиненными. На многие вопросы он смотрел с точки зрения законности, а это не всем нравилось. В октябре 1906 года генеральша А.В. Богданович записала в своем «Дневнике» высказывание секретаря Петербургского градоначальника В.Н. Евреинова: «Макаров настоящий прокурор: был либералом в Саратове... консерватором во времена Плеве, а теперь снова у него совсем красная окраска, но он ее скрывает».

Некоторые губернаторы, в частности Нижегородский М.Н. Шрамченко и Вятский С.В. Горчаков, говорили, что они часто не понимают нового товарища министра — какого он направления и чего от них требует, и что поэтому его циркуляры невозможно исполнять.

Обладая неплохими ораторскими способностями, Макаров часто поднимался на думскую трибуну, чтобы отстоять тот или иной законопроект, разработанный Министерством внутренних дел, ответить на запросы депутатов, дать справку по расследуемым уголовным делам или разъяснения по сложным вопросам внутренней жизни империи. По словам В.Н. Коковцева, его выступления в Государственной Думе в бытность товарищем министра внутренних дел, и притом по делам «крайне шекотливого свойства, отличались всегда большим тактом, эрудицией и определенностью и снискали ему то уважение, без которого участие в работе законодательных учреждений для представителя правительственной власти просто невозможно».

Товарищем министра внутренних дел А.А. Макаров служил до января 1909 года, получив чин тайного советника и одновременно став сенатором. Возможно, он продолжал бы работать (этот пост его устраивал), но некоторые влиятельные при дворе лица стали усиленно проталкивать в заместители Столыпину П.Г. Курлова, бывшего Минского, а затем Киевского губернатора, с октября 1907 года занимавшего должность начальника главного тюремного управления. Для того чтобы освободить место для Курлова, надо было куда-то передвинуть А.А. Макарова. Император Николай II пошел на следующую комбинацию. 1 января 1909 года Государственного секретаря, барона

Ю.А. Иксуль фон Гильденбандта он назначил членом Государственного совета, а Макарова поставил на его место. Освободившаяся должность товарища министра внутренних дел досталась Курлову.

Это назначение было для А.А. Макарова «весьма неприятно». Когда Николай II объявил ему, что назначает на пост Государственного секретаря и чтобы тот рассматривал это как повышение по службе, то Макаров, поблагодарив государя, сказал, что «предпочел бы остаться на прежнем посту». Император вторично твердо высказал свое предложение, и Макаров больше «никаких возражений против этого не делал».

17 января 1909 года А.А. Макаров без освобождения от своих основных обязанностей был утвержден членом Алексеевского главного комитета по признанию детей лиц, погибших в войне с Японией. За служебное рвение он был удостоен новых наград: ордена Св. Владимира 2-й степени, золотого нагрудного знака в память столетнего юбилея Государственной канцелярии и, как жест особой милости, ему был «пожалован» фотографический снимок Их Императорских Величеств вместе с наследником.

С.Ю. Витте негативно отозвался о замене Макарова Курловым. Он писал, что хотя Макаров и «ничем особым не отличался, но тем не менее уже привык более или менее к делам департамента полиции и представляет собой человека небольшого, в смысле способностей, таланта и знаний, но корректного, твердого и уравновешенного».

В сентябре 1911 года от руки террориста погиб председатель Совета министров и министр внутренних дел П.А. Столыпин. Император Николай II перед своим отъездом из Киева предложил пост председателя Совета министров Владимиру Николаевичу Коковцеву, с оставлением его министром финансов. Последний поинтересовался у государя, кого он хочет поставить министром внутренних дел. Император ответил, что остановил свой выбор на Нижегородском губернаторе А.Н. Хвостове. По словам В.Н. Коковцева, это известие «ошеломило» его. Он стал возражать, говоря, что Хвостова «никто в России не уважает» и что это назначение «особенно вредно» для самого государя. Николай II предложил Коковцеву изложить свои соображения письменно.

Премьер-министр назвал своих кандидатов на пост министра внутренних дел. И первым Александра Александровича Макарова. Ему он дал краткую, но довольно емкую и объективную характеристику. В.Н. Коковцев писал: «Назначение государственного секретаря Макарова отвечало бы многим из задач настоящей минуты. У него достаточный государственный опыт.

Ему близко знакомо полицейское дело, и он издавна изучал борьбу с политическими преступлениями. Почти трехлетнее его сотрудничество Петру Аркадьевичу, особенно по полицейской части, дало ему возможность близко изучить все частности этого дела и приступить к заведыванию им не теряя времени на его изучение... Макаров человек безусловно твердых убеждений, научившийся, однако, за свою продолжительную службу подчинить свои взгляды уважению и закону».

14 сентября 1911 года Коковцев получил от императора шифрованную телеграмму из Ливадии: «Обсудив содержание Вашего письма, нахожу назначение Государственного секретаря Макарова на должность министра внутренних дел вполне подходящим. Желая его видеть до назначения, вызываю его сейчас по телеграфу в Ялту, прошу ему не сообщать о предположенном».

На следующий день А.А. Макаров приехал к В.Н. Коковцеву и, показав телеграмму от государя, спросил, не знает ли он причины вызова. Связанный полученным указанием, премьер-министр ответил, что ничего не знает, и просил по прибытии в Ливадию сообщить ему о результатах беседы с императором. Вечером Макаров выехал в Крым. Вернулся он через шесть дней «сияющий и довольный своим назначением министром внутренних дел».

В.Н. Коковцев писал в своих воспоминаниях, что государь остался очень доволен беседой с Макаровым и нашел в нем человека «совершенно подготовленного, очень здраво смотрящего на вещи и высказавшего ему все те взгляды на задачи Министерства внутренних дел, которые казались безусловно правильными и самому государю». Николай II написал премьер-министру о своей уверенности в том, что при Макарове министерство войдет в «свои рамки» и будет заниматься разрешением таких вопросов, которые давно запущены, и внесет больше «делового спокойствия» туда, где слишком «развилась политика и разгулялись страсти различных партий, борющихся если не за захват власти, то, во всяком случае, за влияние на министра внутренних дел».

На первых порах отношения В.Н. Коковцева с новым министром внутренних дел были «совершенно простые и добрые». Однако впоследствии разногласия между ними обострились.

А.А. Макаров произвел некоторые кадровые перестановки. Он не возражал против того, чтобы его заместитель С.Е. Крыжановский, с которым у него были «натянутые отношения» (он болезненно воспринял назначение Макарова министром), перешел в Государственные секретари. С.Ю. Витте дал ему такую характеристику: «Крыжановский человек менее солидный, не-

жели Макаров, и менее надежен, нежели Макаров. Я думаю, что он обладает значительно меньшим нравственным цензом, нежели Макаров, а с другой стороны, он несомненно человек выше Макарова по знанию, таланту и уму».

А.А. Макаров работал много и напряженно. С января 1912 года он одновременно стал и членом Государственного совета. В середине марта 1912 года, воспользовавшись перерывом на время Пасхи в заседаниях Государственной Думы и Государственного совета, он, страдавший от сердечных приступов, испросил разрешение у государя на непродолжительный отпуск и уехал в Крым. Временное исполнение обязанностей министра он возложил на своего заместителя И.М. Золотарева, бывшего ранее прокурором Новочеркасской судебной палаты.

В первых числах апреля произошло трагическое событие на приисках Ленского золотопромышленного товарищества.

6 апреля А.А. Макаров получил срочную телеграмму И.М. Золотарева о расстреле рабочих на Ленских приисках. Министр немедленно выехал в Петербург. Он прибыл в столицу 9 апреля, когда страсти кипели вовсю. Левые партии в Государственной Думе внесли запрос правительству, требуя разъяснения создавшегося положения. А.А. Макаров, только что прибывший из Крыма и не успевший полностью войти в курс дела, при обсуждении этого запроса на заседании Совета министров высказался за то, чтобы не отвечать на него до истечения установленного законом месячного срока, а за это время основательно разобраться в причинах трагедии. Однако председатель Совета министров В.Н. Коковцев не согласился с ним и настоял на том, чтобы ответ был дан незамедлительно. Условились, что выступать будут министр внутренних дел А.А. Макаров и министр торговли и промышленности С.И. Тимашев. Последний должен был разъяснить экономическую подоплеку забастовки.

О событиях, происшедших на Ленских приисках, А.А. Макаров располагал лишь информацией департамента полиции, которую ему представил Белецкий. Она была крайне тенденциозная и односторонняя. Поэтому уже на следующий день после своего возвращения в столицу Макаров направил Иркутскому губернатору телеграмму, в которой писал, чтобы его распоряжения по вопросу забастовки «отличались надлежащей твердостью и совершенной определенностью, не допускающей никаких колебаний».

Краткий срок, отведенный для подготовки к выступлению в Государственной Думе, не позволил Макарову собрать более обстоятельные сведения. Выступал он на вечернем заседании Думы 11 апреля 1912 года. Начал он свою речь так:

«В общественной жизни мы встречаемся нередко с явлениями, которые всецело поглощают наше внимание и властно овладевают нашими чувствами. При наступлении таких событий является естественно стремление во что бы то ни стало узнать настоящую правду, насколько бы она горька ни была, и тот, кто должен осветить эти явления, не имеет права молчать. Вот почему, несмотря на то, что запрос принят лишь вчера, правительством считается своим долгом сегодня же выступить с разъяснениями по поводу прискорбных событий, совершившихся на Ленских приисках...»

Затем А.А. Макаров кратко рассказал о причинах и ходе забастовки рабочих.

О самом расстреле он сказал следующее: «По полученным сведениям от ротмистра Трещенкова можно думать, что поведение рабочих было вызвано вовсе не арестами, а полным сознанием их безнаказанности. Если бы ротмистр Трещенков не передал полицейской власти воинскому начальству в присутствии товарища прокурора и судьи, то войска были бы смяты и обезоружены. Толпа после трех сигналов на рожке не остановилась, легла после первого залпа, а когда огонь был прекращен, то с криками «ура» вновь бросилась на войска, вследствие чего были сделаны еще три залпа. Положение было столь опасное, что если бы огонь не был открыт своевременно, то войска были бы смяты, а между тем как солдаты, а их было всего 110 человек, волновались, требуя приказа стрелять...»

Свою речь министр внутренних дел А.А. Макаров закончил полным оправданием действий властей. Он сказал: «Бесспорно, формальные условия, необходимые для открытия огня, были соблюдены, и если бы, обратно, обращения к оружию не имело бы места, и толпа в несколько тысяч человек, окружив сотню солдат, обезоружила бы ее, то тогда несомненно было бы преступное бездействие власти. Не далее как вчера я получил телеграмму, что предварительным следствием установлено теперь, что цель скопища 4 апреля заключалась в том, чтобы захватить оружие, смять войска и разгромить промыслы. Согласитесь, что такие действия недопустимы. Воин и оружие неразлучимы; потеря оружия позор для воина, с войсками не шутят. Войска руководятся в своих действиях исключительно принятой присягой, требованием своего устава и железной дисциплиной, сковывающей войска. Когда потерявшая рассудок, под влиянием злостных агитаторов, толпа набрасывается на войска, тогда войску не остается ничего делать, как стрелять. Так было и так будет впредь. Глубоко прискорбное событие 4 апреля должно лечь, по моему крайнему убеждению, не на тех, кто распорядился воинской командой, а на агита-

торов, часть которых сидит в тюрьме, часть бежала, и на всех тех, кто с ними».

Концовка речи А.А. Макарова и особенно его слова: «Так было и так будет впредь», произнесенные твердо и уверенно, произвели на депутатов и на всю общественность России «ошеломляющее впечатление».

Специальная комиссия под руководством сенатора С.С. Манухина, расследовавшая события, происшедшие на Ленских приисках, пришла к другим выводам. В своем докладе сенатор подчеркивал «мирный характер настроения толпы», шедшей с петицией к прокурору. Никакого намерения «смять войска» и разоружить их не было. По его словам, в момент залпа толпа приостановилась в своем движении. Все свидетели категорически утверждали, что при первых выстрелах многие рабочие сидели на изгороди и на штабелях, и некоторые закуривали. «После залпа, — писал Манухин, — стрельба прекратилась, и лежавшие, удостоверившись, что солдаты более не стреляют, вскочили и бросились в разные стороны, но в этот момент стрельба возобновилась, причем воинская команда стреляла учащенным огнем, пачками».

Впоследствии на допросе в Чрезвычайной следственной комиссии А.А. Макаров сказал, что теперь он не «защищает своей речи», произнесенной в Государственной Думе, так как он «был односторонен, был самонадеян, был вследствие этого ложен в своей речи».

Объясняя причину появления знаменитой фразы, произведшей такой резонанс, А.А. Макаров сказал: «Я никогда своих речей не писал, а намечал себе что-нибудь в уме. Так что это вышло у меня совершенно случайно. С другой стороны, это было сказано не в том смысле, отнюдь не в общем. Впоследствии придали этой несчастной фразе слишком, по-моему, распространительное толкование. А касалась она того, что если на маленькую воинскую часть, которой поставлена задача охранять порядок, наступает громадная толпа в несколько тысяч человек, то она находится в таком положении, что может быть этой толпой смята, и ей приходится стрелять. Вот смысл».

В то время когда А.А. Макаров руководил Министерством внутренних дел, резко обострился так называемый «распутинский вопрос». Пресловутый «старец», появившийся при русском дворе и магическим образом влиявший не только на императрицу, Александру Федоровну, но и на самого государя, вызывал у многих, даже у самых приближенных к трону сановников, если не отвращение, то явное неприятие. Вот только одна запись из «Дневника» генеральши А.В. Богданович от 18 февраля 1912 года: «Более позорного времени не приходи-

ность переживать. Управляет теперь Россией не царь, а проходит Распутин, который громкогласно заявляет, что не царица в нем нуждается, а больше он, Николай. Это ли не ужас! И тут же показывает письмо к нему, Распутину, царицы, в котором она пишет, что только тогда успокаивается, когда приклонится к его плечу. Это ли не позор!»

В российской печати Распутин становился притчей во языцех. В газетах все чаще и чаще писали о нем, о его похождениях, о близости ко двору, о влиянии на те или иные назначения высших сановников. Делались намеки и на размолвку в царской семье из-за Распутина. Эти сведения постепенно перешли в Государственную Думу, сначала «в кулуары», а затем и на московскую трибуну.

Еще при жизни П.А. Столыпина император Николай II «в самых решительных выражениях» потребовал от него как министра внутренних дел прекратить «газетную травлю» Распутина. Столыпину с помощью начальника Главного управления по делам печати А.В. Бельгарда удалось «путем личного авторитета» походить на редакторов некоторых серьезных газет. Какое-то время газеты Распутина не трогали. Однако после убийства Столыпина газеты стали снова много внимания уделять распутинской теме.

Когда Николай II вернулся из Ливадии, он сказал председателю Совета министров В.Н. Коковцеву, что хочет поговорить с министром внутренних дел по вопросу печати, так как ему кажется, что следовало бы подумать об издании такого закона, который давал бы правительству известное влияние на печать, которого у него совсем нет. В.Н. Коковцев ответил, что Государственная Дума «никогда не решится облечь правительство реальными правами относительно печати, не пойдет ни на какие действительные ограничения свободы печатного слова».

Вскоре после этого разговора А.А. Макаров получил от императора записку очень резкого содержания: «Я уже раз приказал, — писал Николай II, — чтобы была наконец раз навсегда прекращена травля Распутина, и я требую, чтобы мое приказание было исполнено».

Министр обратился с этим вопросом к начальнику Главного управления по делам печати А.В. Бельгарду, которого хорошо знал. Они почти одновременно начинали службу в Петербурге кандидатами на судебные должности, только Макаров при председателе окружного суда, а Бельгард при прокуроре судебной палаты. Впоследствии они встречались по службе в Москве, Киеве и снова в Петербурге. А.В. Бельгард ценил А.А. Макарова и находил у него много достоинств. В то же время он подметил и его недостатки. По его словам, Макаров

«плохо разбирался в людях, не любил и боялся брать что-либо на свою личную ответственность и совершенно не умел выходить из сколько-нибудь необычного положения». «Самое же главное, — отмечал Бельгард, — он положительно не был в состоянии надлежащим образом, с достоинством, говорить с государем».

Эти недостатки в распутинском деле сыграли свою отрицательную роль, что в конце концов и привело к быстрой отставке Макарова с поста министра внутренних дел.

Показав записку императора Бельгарду, министр сухо сказал: «Я передаю вам это приказание государя для исполнения».

А.В. Бельгард ответил, что он может исполнить это повеление только в тех пределах, как это было сделано при Столыпине, то есть путем личных переговоров с редакторами газет, добавив при этом, что и министр внутренних дел «не должен считать себя свободным от обязанности личного воздействия на печать».

Выслушав его, А.А. Макаров в совершенно несвойственном ему резком тоне сказал: «Я ничего об этом не знаю и знать не хочу. Вы начальник Главного управления по делам печати, и я передаю вам это высочайшее повеление для исполнения. Во всяком случае, это высочайшее повеление должно быть исполнено. Кстати, прошу вас составить, для доклада государю, подробную записку о том, какие у правительства имеются средства для воздействия на печать».

Независимо от мер, предпринятых Бельгардом, министр направил телеграмму Московскому генерал-губернатору с предписанием «принять решительные меры к недопущению печатания в газетах каких-либо статей или заметок о Распутине».

Это прямолинейное указание, буквально воспринятое губернатором, вызвало прямо противоположное действие. Губернатор передал телеграмму для исполнения градоначальнику, тот приставам, последние спустили указание околоточным надзирателям, а те пошли по редакциям газет брать подписки. И как следствие, уже на другой день все газеты закричали «о возмутительном» превышении министром внутренних дел пределов предоставленной ему власти. Конечно же при этом всячески склонялось имя Распутина. В Государственной Думе даже заговорили о внесении запроса правительству.

Вся эта история была воспринята императором очень болезненно. А.А. Макаров получил нагоняй, а начальник Главного управления по делам печати А.В. Бельгард был срочно «перемещен» в сенаторы. На его место назначили графа С.С. Татищева. Однако это ни к чему не привело. Утихомирить газеты было не так-то просто. На все уговоры и угрозы не касаться темы

Распутина редакторы отвечали: «Удалите этого человека в Тюмень, и мы перестанем писать о нем».

Со слов В.Н. Коковцева, императрица Александра Федоровна была глубоко лично оскорблена тем шумом, который газеты и Дума подняли вокруг Распутина. Она чуть ли не открыто гонюрила, что А.А. Макаров «слаб и, как человек, способный мыслить только с точки зрения буквы писаного закона, должен быть просто удален».

Явное недовольство императорской четы (особенно Александры Федоровны) А.А. Макаров вызвал и еще одним обстоятельством. Летом 1912 года по Петербургу стали распространяться отпечатанные на гектографе письма к Распутину от великих княжон и от императрицы Александры Федоровны. А.А. Макарову удалось напасть на след подлинников этих писем, неосторожно переданных кому-то Распутиным. Путем переговоров министр смог заполучить их у частного лица. После этого он решил посоветоваться с В.Н. Коковцевым, как ему с ними поступить. Премьер-министр сказал, что лучше всего попросить у императрицы Александры Федоровны личную аудиенцию и собственноручно передать ей письма.

Однако Макаров не прислушался к этому совету. Во время очередного всеподданнейшего доклада, когда ему показалось, что император в хорошем настроении, Макаров рассказал Николаю II о письмах и тут же передал их. По собственному его признанию, государь побледнел, нервно вынул письмо из конверта и, взглянув на почерк императрицы, сказал: «Да, это не поддельное письмо», а затем открыл ящик своего стола и резким, совершенно непривычным ему жестом швырнул туда конверт.

Со своей стороны, императрица Александра Федоровна до того разгневалась на Макарова, что даже спустя несколько лет, когда он был приглашен Б.В. Штюмером на пост генерал-прокурора, не пожелала принять его. Она также немало сделала для того, чтобы Макаров недолго задерживался в министерском кресле.

Когда А.А. Макаров обо всем рассказал В.Н. Коковцеву, тот заметил: «Зачем же вы спрашивали моего совета, чтобы поступить как раз наоборот, теперь ваша отставка обеспечена».

И действительно, вскоре после этого император сказал председателю Совета министров В.Н. Коковцеву: «Я решил расстаться с Макаровым. Это бесспорно человек честный, но он совершенно не справляется с делом, все жалуются на него, он окончательно распустил печать, и сколько я ни твержу ему о необходимости обуздать ее и составить такой закон, который дал бы правительству в руки действительное оружие против ее

эксцессов, он все тянет и отделяется разными предложениями, ссылаясь то на Думу, то на невозможность ввести цензуру, то на общественное мнение... Мне такое отношение Макарова к моим желаниям надоело, и я решил сместить его и назначить другое, более энергичное лицо».

В.Н. Коковцев сумел только убедить императора отложить отставку А.А. Макарова до конца октября, когда будут завершены выборы в Государственную Думу.

А.А. Макаров был освобожден от должности министра внутренних дел 16 декабря 1912 года с изъявлением ему Высочайшей благодарности. На его место был поставлен Н.А. Маклаков.

В течение нескольких лет А.А. Макаров оставался лишь членом Государственного совета, примкнув там к правой группе, а также присутствующим в Правительствующем сенате. Будучи грамотным юристом и убежденным законником, он много внимания уделял работе в различных комиссиях и комитетах, часто председательствуя в них, разрабатывал законопроекты, которые затем нередко сам и поддерживал в Государственном совете.

В январе 1914 года он стал товарищем председателя Романовского комитета для воспособствования делу призрения сирот сельского населения без различия сословий и вероисповедания. В мае 1916 года А.А. Макаров возглавил Особое присутствие при Государственном совете для предварительного рассмотрения всеподданнейших жалоб на определения департаментов Правительствующего сената. За свою деятельность в Государственном совете он получил орден Белого орла.

Новый и последний взлет карьеры А.А. Макарова пришелся на лето 1916 года. 7 июля император подписал указ, который гласил: «Члену Государственного совета, сенатору, тайному советнику Макарову Всемилостивейше повелеваем быть министром юстиции, с оставлением членом Государственного совета и сенатором».

На столь высокую должность А.А. Макаров был назначен в то время, когда самодержавный трон раскачивался с удвоенной силой и вот-вот готов был рухнуть, погребя под своими обломками почти всех, кто находился рядом с ним. До крушения царизма оставалось немногим более семи месяцев. А.А. Макаров сумел продержаться в генерал-прокурорском доме только пять месяцев.

Император Николай II, освобождая от должности А.А. Хвостова, возлагал определенные надежды на нового генерал-прокурора, полагая, что он будет «понятливее» и «более податлив» и что Высочайшие повеления будет ставить выше закона. Но го-

судья и на этот раз ошибся. «Честный нотариус», как по свидетельству С.Ю. Витте за глаза называли при дворе А.А. Макарова, оказался слишком упрямым, когда дело касалось исполнения самим же императором утвержденных законов.

По мнению С.В. Завадского, А.А. Макаров в должности генерал-прокурора совершал «строго законные и достойные величайшей похвалы поступки». В связи с этим он приводит в своих записках принципиальную позицию министра по целому ряду очень важных уголовных дел.

В 1916 году военные власти возбудили дело и провели следствие в отношении банкира Д.Л. Рубинштейна. Он обвинялся в связях с немецким и австрийским командованием и измене. Преступление было очень серьезное, если учитывать военное время. Дознание производилось особой комиссией под председательством генерала Н.С. Батюшина. Рубинштейн был арестован и более полугодом сидел в псковской тюрьме. Работая председателем комиссии Батюшин приходил к прокурору Петроградской судебной палаты С.В. Завадскому проконсультироваться насчет того, имеется ли в действиях банкира состав преступления. Поскольку никаких материалов генерал собой не приносил, то Завадский отвечал уклончиво. Через некоторое время Батюшин изъявил желание передать материалы дознания в Петроградскую судебную палату для производства предварительного следствия. С.В. Завадский, не возражая против этого с формальной точки зрения, сказал, что хотел бы предварительно ознакомиться со всеми материалами. Генерал оставил прокурору дело на несколько дней. Ознакомившись с ним, Завадский пришел в ужас. Все дело представляло собой, по его словам, «детский лепет», основанный на слуховых сплетнях и каких-то обрывках неясных фактов. Об этом откровенно сказал Батюшину. Последний «вознегодовал» на прокурора и ушел от него, заявив, что «военное командование этого не потерпит».

Вскоре А.А. Макаров, которому Батюшин пожаловался на прокурора, предложил Завадскому высказать свое мнение о передаче дела гражданским властям для производства предварительного следствия. Прокурор рассказал о том, что он сообщил на этот счет генералу Батюшину. Генерал-прокурор полностью согласился с его доводами. Спустя несколько дней Макаров сказал Завадскому, что генерал Батюшин, не доверяя прокурору Петроградской судебной палаты, добивается при дворе согласия на передачу материалов дознания в отношении Рубинштейна прокурору Варшавской судебной палаты, которая, по обстоятельствам военного времени, располагалась тогда в Москве. С.В. Завадский, по его выражению, «эгоистически обра-

довался» такому исходу, чем очень удивил «методического до мелочей и законного до формализма» А.А. Макарова. Министр сказал прокурору: «Если вы и не видите для себя в этом обиды, то ваше право наблюдать за предварительным следствием по делу Рубинштейна несомненно, так как почти все предполагаемые его преступления могли быть совершены только или в Петроградском судебном округе, или за границую; а право нужно отстаивать до последней возможности».

С.В. Завадский ответил, что от своих обязанностей он никогда не уклонялся и стойко выдержит все нарекания, если в деле, переданном на его попечение, ничего не останется, но «рваться за лишней обузой» не будет. А.А. Макаров на это сказал, что «не поколеблен в своем мнении» и постарается настоять на передаче дела в руки прокурора Петроградской судебной палаты. Но вскоре позвонил Завадскому и сообщил, что состоялось Высочайшее повеление о передаче батюшинского дознания для производства следствия в округ Варшавской судебной палаты. «Я очень рад», — невольно вырвалось у Завадского. А.А. Макаров, несмотря на такую реакцию прокурора, счел все же нужным добавить, что он примет все меры для того, чтобы переубедить государя, и снимет с Завадского «назаслуженное пятно» (имея в виду выраженное ему недоверие).

Однако А.А. Макаров не успел выполнить своего намерения, так как спустя неделю после этого разговора был освобожден от своей должности.

Вскоре в Петроград приехали судебный следователь Варшавского окружного суда по особо важным делам Матвеев и товарищ прокурора судебной палаты В.Д. Жижин для производства следственных действий по делу Рубинштейна. Но здесь нагрянула Февральская революция. Дело банкира Рубинштейна было прекращено, и он вышел на свободу. Что же касается генерала Батюшина, то его обвинили в том, что он включил ложные сведения о ходе дознания по делу Рубинштейна «в письменные доклады начальству», и арестовали.

Принципиальную позицию занимал А.А. Макаров и по делу бывшего военного министра Сухомлинова. Он отказался прекратить это дело, несмотря на Высочайшее повеление. После Февральской революции на допросе в Чрезвычайной следственной комиссии он дал такие показания:

«Председатель. — Пожалуйста, расскажите сжато, при каких обстоятельствах вы получили распоряжение о прекращении дела Сухомлинова.

Макаров. — Я получил высочайшую телеграмму.

Председатель. — Когда?

Макаров. — Она пришла на другой день после назначения Трепова председателем Совета министров. Числа не помню, кажется, в начале ноября. Это я помню потому, что я получил в этот день телеграмму от Трепова и догадался, что он назначен председателем Совета министров. Он хотел меня видеть, просил меня к нему заехать; я заехал, поднес ему телеграмму и говорю: «Вот для вашего первого дебюта какого рода высочайшее повеление я получил». Мы по этому поводу беседовали, и решено было, что этого исполнить нельзя и что нужно принять меры к тому, чтобы дело Сухомлинова не было прекращено. Мы согласились на том, что так как он и я предполагали скоро ехать в Ставку со всеподданнейшим докладом, то он пошлет телеграмму государю о том, чтобы разрешено было не исполнять этого высочайшего повеления впредь до нашего совместного доклада. Такая телеграмма была написана и послана. За сим мы поехали туда 14 декабря, и там Трепов подготовил письменный доклад, который находится в Министерстве юстиции. По этому докладу высочайшее повеление было оставлено без исполнения. Докладывал об этом Трепов, докладывал об этом и я».

Переполнила же чашу терпения императора Николая II «неостоворчивость» генерал-прокурора по делу И.Ф. Манасевича-Мануйлова. Оно возникло в августе 1916 года и было довольно шурящее — шантаж банка. Однако, учитывая личность обвиняемого и потерпевших, прокурор Петроградской судебной палаты С.В. Завадский поручил расследование этого преступления судебному следователю по важнейшим делам В.Н. Серее.

Чем же была примечательна личность И.Ф. Манасевича-Мануйлова и почему его поддерживали самые влиятельные лица в государстве, не исключая и государя? Он родился в 1869 году в еврейской семье. Его отец за какое-то злоупотребление был сослан в Сибирь. Там мальчика усыновил богатый купец Мануйлов, оставивший ему по завещанию 100 тысяч рублей, которые он мог получить только по достижении тридцатипятилетнего возраста. Прибыв в Петербург, молодой Манасевич-Мануйлов начал вести шикарный образ жизни, занимая крупные суммы денег у ростовщиков под будущее наследство. Помимо этого он занимался журналистикой, сотрудничал в журналах, а затем стал штатным агентом полиции. Ему поручали следить за русскими революционерами за границей. На эти цели он получал огромные суммы денег, которые в основном прилипали к его рукам. Манасевич-Мануйлов не брезговал ничем. Мошенническим путем получал крупные кредиты. Впоследствии

вии он сблизился с Распутиным и Штюмером, на которого имел большое влияние.

Дело было возбуждено после того, как он путем шантажа «Соединенного банка» пытался получить 26 тысяч рублей. Один из руководителей банка И.С. Хвостов (племянник бывшего генерал-прокурора А.А. Хвостова) обратился с жалобой в департамент полиции. Начальник департамента Климович порекомендовал передать требуемую сумму, предварительно переписав номера кредитных билетов. И.С. Хвостов так и поступил. После передачи денег Манасевич-Мануйлов был арестован. Он настолько уверовал в свою безнаказанность, что был просто потрясен, когда следователь объявил ему постановление о заключении под стражу. Манасевич-Мануйлов не хотел этому верить, и, находясь в доме предварительного заключения, на каждом допросе у следователя то просил об освобождении, то начинал угрожать, причем не только Серее, но и прокурору палаты и даже генерал-прокурору. Так, он открыто говорил, что если его дело не будет прекращено, то Макарова отправят в отставку, а на его место сядет сенатор Н.А. Добровольский (что впоследствии полностью подтвердилось).

Давление в связи с делом Манасевича-Мануйлова шло и на министра внутренних дел А.А. Хвостова, а затем А.Д. Протопопова, и на генерал-прокурора А.А. Макарова. Причем оно было настолько сильным, что последний вынужден был даже заявить, что он примет меры к тому, чтобы «не относящиеся к существу обвинения Манасевича-Мануйлова факты были отброшены» и чтобы «предметом судебного разбирательства» было только его дело. Однако это не устраивало тех, кто стоял за спиной мошенника.

Освободить Манасевича-Мануйлова из-под стражи все же пришлось. Его «хватил удар». Вначале думали, что он притворяется, но затем врачи подтвердили диагноз — паралич. Мету пресечения изменили на залог. Когда к нему вернулся дар речи и он стал понемногу ходить, то тут же заявил следователю, что Распутин поможет ему и устроит прекращение дела.

Между тем дело было закончено и направлено в окружной суд. Манасевичу-Мануйлову вменялись в вину шантаж «Соединенного банка» и вымогательство у его руководителей 26 тысяч рублей, шантаж и запугивание немца Утемана, директора и совладельца фабрики «Треугольник», незаконное получение крупных сумм денег от Русско-французского банка и многие другие преступления.

Дело было назначено к слушанию на 15 декабря. Однако накануне, под вечер, Манасевич-Мануйлов явился к следователю

и заявил, что уже состоялось Высочайшее повеление о прекращении дела, о чем ему Распутин сообщил телеграммой из Ставки. Об этом разговоре следователь сразу же поставил в известность прокурора судебной палаты Завадского. На следующий день прокурор узнал, что действительно генерал-прокурор А.А. Макаров получил телеграмму от императора. В ней было написано: «Повелеваю прекратить дело Манасевича-Мануйлова, не доводя до суда».

А.А. Макаров не стал беспрекословно выполнять это повеление. Он тут же написал Всеподданнейший доклад о том, что не считает возможным прекратить дело без суда и просит не приводить в исполнение повеление императора до его личного доклада. Ответа на свою записку Макаров так и не получил.

Нам остается только добавить, что дело Манасевича-Мануйлова слушалось в суде 13—18 февраля 1917 года. Он был лишен всех прав состояния и приговорен к 1,5 годам исправительных арестантских рот. Февральская революция освободила его из тюрьмы, а после Октябрьской революции Манасевич-Мануйлов пытался бежать за границу, но был опознан и расстрелян.

Что же касается А.А. Макарова, то на допросе в Чрезвычайной следственной комиссии он признавался, что, не исполнив двух Высочайших повелений о прекращении дела Сухомлинова и дела Манасевича-Мануйлова, он хорошо понимал, что удержаться на посту генерал-прокурора уже не сможет.

17 декабря 1916 года произошло трагическое событие, которое лишь ускорило отставку А.А. Макарова, — был убит Распутин. Утром прокурор Петроградского окружного суда Ф.Ф. фон Нандельштедт сообщил по телефону С.В. Завадскому, что «по всей видимости» во дворце князя Юсупова убит Распутин. Прокурор палаты немедленно дал указание Нандельштедту вместе с судебным следователем В.Н. Середой и начальником сыскной полиции выехать на место предполагаемого убийства, зафиксировать возможно оставленные преступниками или жертвой следы и, если обнаружится кровь, то взять ее для исследования. Отдав это распоряжение, С.В. Завадский позвонил А.А. Макарову. Узнав от прокурора, в чем дело, тот решительно заявил, что он не одобряет его распоряжения. «Вы подумайте, — сказал генерал-прокурор, — в каком смешном положении окажемся мы, если выяснится, что Распутин жив и где-нибудь у цыганок». Макаров предложил отменить распоряжение о производстве предварительного следствия и ограничиться лишь ознакомлением.

Передавая поручение Макарова прокурору окружного суда и следователю и узнав, что снег во дворе юсуповского дворца местами обильно залит кровью, С.В. Завадский одобрил намерение следователя все-таки провести экспертизу на предмет принадлежности крови человеку (так как было заявлено, что во дворце Юсупова убита лишь собака). Уже к ночи был получен результат — кровь принадлежала человеку. Завадский сообщил об этом Макарову. Тот спросил: «Как же можно узнать, что кровь именно человека, а не вообще какого-либо млекопитающего?» Прокурор объяснил, что способ определения принадлежности крови открыл Уленгут, а усовершенствовал его Туфанов в Киеве. Тогда Макаров воскликнул: «Вот неприятно, что такой способ открыт!» «Я тут невольно понял, — вспоминал С.В. Завадский, — что и министр, несмотря на строгий свой формализм, также доволен убийством Распутина, не менее, если не более, чем я».

Труп Распутина был обнаружен на следующий день подо льдом Невы у берегов Петровского острова. Генерал-прокурор А.А. Макаров вместе с прокурором судебной палаты С.В. Завадским и другими чинами Министерства юстиции выехал на место происшествия. По дороге С.В. Завадский сказал, что он и сам не подозревал, насколько сильна его неприязнь к «старцу». А.А. Макаров на это ответил: «Вы не были министром, а потому не можете испытывать к нему такой ненависти, как я и все те министры, которые не хотели ему кланяться».

А.А. Макарову недолго пришлось контролировать расследование дела об убийстве Распутина, так как 20 декабря 1916 года последовал Высочайший указ об освобождении его от должности «согласно прошению» (которого он добровольно не подавал) с оставлением членом Государственного совета и сенатором. 1 января 1917 года он получил чин действительного тайного советника, а 4 января вновь возглавил Особое Присутствие для предварительного рассмотрения всеподданнейших жалоб на определения департаментов Правительствующего сената. Управляющим Министерством юстиции был поставлен сенатор Н.А. Добровольский.

Вскоре решила и судьба убийц Распутина. Князь Ф.Ф. Юсупов был выслан из Петербурга в свое имение Ракитное в Курской губернии, великий князь Дмитрий Павлович отправился в Персию, в распоряжение генерала Баратова, а В.М. Пуришкевич сразу же после убийства уехал с санитарным поездом на фронт и не являлся на допросы.

После Февральской революции А.А. Макаров, как и многие другие бывшие министры царского правительства, был аресто-

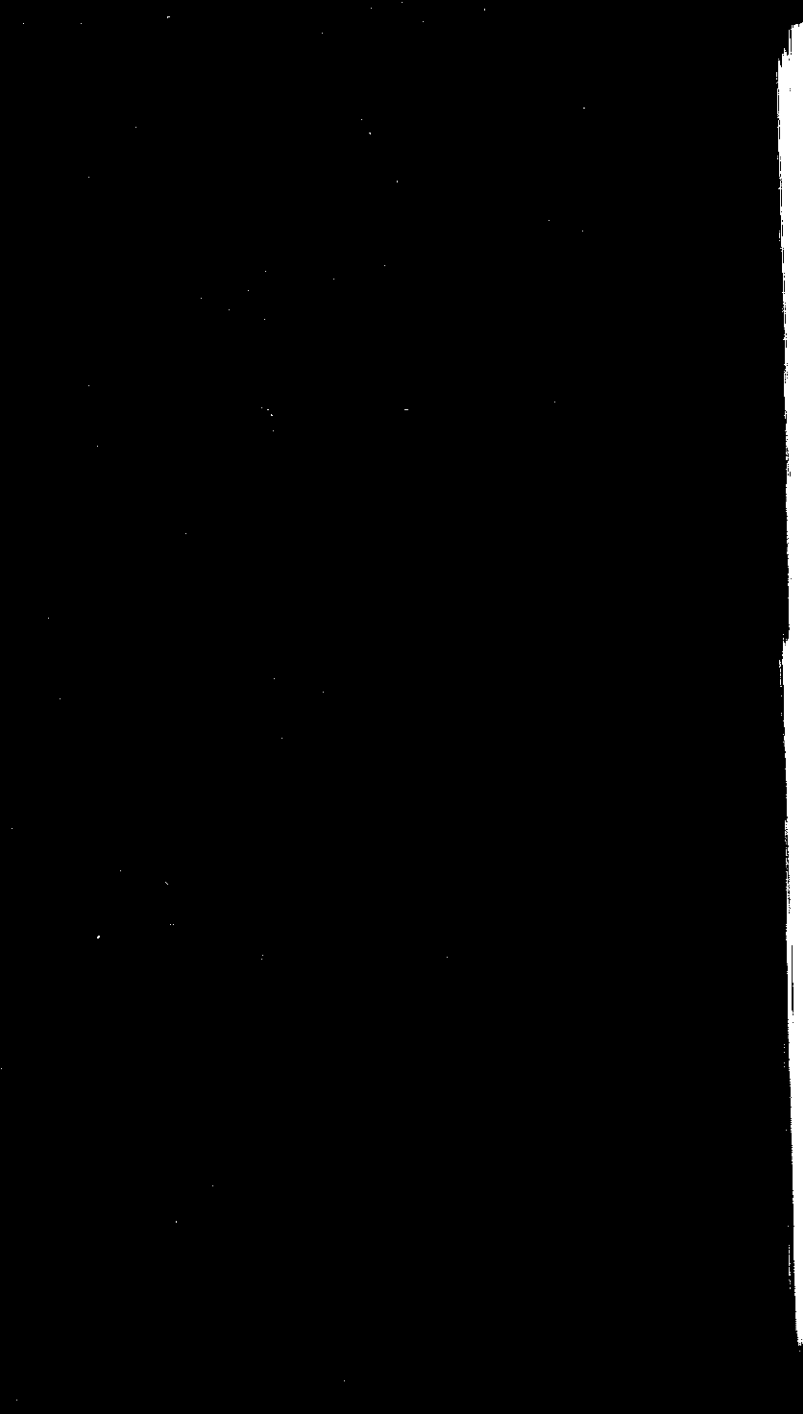
ван. Он неоднократно допрашивался в Чрезвычайной следственной комиссии. Товарищ председателя этой комиссии С.В. Завадский признавался, что из узников Керенского были два министра, при допросе которых он отказался присутствовать: Макаров и Маклаков, и что его угнетали разговоры в президиуме комиссии о предании суду А.А. Макарова. Он объяснял это тем, что за пять месяцев работы с ним он «увидел в нем, правда, человека, несомненно склонного к формальности, но умеющего много работать, спокойно и внимательно прислушивающегося к чужим мнениям и чужим возражениям, уважающего суд и не останавливающегося перед опасностью потери министерского поста, из-за отстаивания того, что ему представляется законным и должным».

На замечание С.В. Завадского, что он «не может придумать», по какой бы статье закона можно привлечь к ответственности А.А. Макарова, председатель комиссии Н.К. Муравьев цинично заметил: «Ужели вы думаете, что найдутся такие присяжные заседатели, которые не осудили бы Макарова при каких угодно уликах?»

А.А. Макаров содержался в Петропавловской крепости. Ходатайство его об освобождении по состоянию здоровья, а также прошение жены, Елены Павловны, о переводе мужа в «Кресты» оставались без удовлетворения. В обоснование этого в постановлении от 28 июня 1917 года следователь Н.А. Колоколов писал, что А.А. Макаров обвиняется по части 2 статьи 341 Уложения о наказаниях (ему вменялась перлюстрация писем), в содеянном изобличается собранными по делу доказательствами, и что угрожающее ему наказание может быть сопряжено с лишением всех особенных личных и по состоянию приобретенных прав и преимуществ. Однако в связи с заключением врача И.И. Манухина прокурору Петроградской судебной палаты было сообщено, что комиссия «не встречает препятствий к переводу А.А. Макарова на больничное содержание».

19 августа 1917 года уже другой следователь И.К. Иодловский испросил разрешение Чрезвычайной следственной комиссии на привлечение А.А. Макарова в качестве обвиняемого. Мера пресечения осталась прежней — содержание под стражей.

А.А. Макаров и его жена, Елена Павловна, продолжали добиваться справедливого решения. Наконец их усилия увенчались успехом. 27 сентября 1917 года следователь П.Г. Соколов, допросив в очередной раз А.А. Макарова в качестве обвиняемого, вынес постановление об изменении ему меры пресечения на «подписку о неотлучке из места постоянного жительства в Пе-

троgrade». Однако только 3 ноября, после того как Е.П. Макарова внесла за своего мужа залог в сумме 50 тысяч рублей, Чрезвычайная следственная комиссия освободила А.А. Макарова «ввиду тяжелой болезни», о чем на следующий день выдала официальное удостоверение.

Когда свершилась Октябрьская революция и большевики стали проводить процессы над некоторыми деятелями царской России даже с допущением защиты (например, процессы Пуришкевича и графини Паниной), С.В. Завадский обратился к жене Макарова, Елене Павловне, с письмом, предлагая свои услуги в качестве защитника ее мужа, если его будут судить. Ответа он не получил.

В своих воспоминаниях С.В. Завадский писал о том, что он слышал, что А.А. Макаров был вновь арестован большевиками и расстрелян. Осенью 1918 года к нему доставили письмо А.А. Макарова, «очень дружеское и ласковое», но так как доставивший подтвердил факт смерти Макарова, последовавшей еще летом, то С.В. Завадский не ответил на него. Уже будучи в эмиграции, он узнал, что А.А. Макарова расстреляли только в 1919 году. Ему стало горько, что он «не попытался тогда ему ответить словом уважения и привета».

«ЧЕЛОВЕК НЕБРЕГУЩИЙ СЛУЖБОЮ»

Николай Александрович Добровольский родился 10 марта 1854 года в семье потомственного дворянина Новгородской губернии. Мальчик рано остался без отца. Воспитывался он отчимом, который являлся преподавателем будущего императора Александра II. Он обучал также великих князей Алексея, Сергея и Павла. Отношения с членами императорской фамилии у него были настолько близкими, что даже императрица Мария Федоровна называла его уменьшительным именем Рудинька. Благожелательно к отчиму Добровольского относился и последний император Николай II. Свою благосклонность к Рудиньке родственники царя невольно переносили и на его пасынков, в частности на Николая Александровича. Последний с юношеских лет был связан «особенно теплыми, близкими отношениями» с великим князем Михаилом Александровичем. Однако, по признанию самого Н.А. Добровольского, ни он, ни оба его брата никогда не прибегали к протекции великого князя или какого-либо иного лица из царской фамилии для продвижения по службе. Все же близость к Высочайшему двору независимо от желания Добровольского давала ему безусловное преимущество перед другими чиновниками.

В двадцатидвухлетнем возрасте Н.А. Добровольский окончил юридический факультет С.-Петербургского университета со степенью кандидата прав, после чего поступил на военную службу. 29 октября 1876 года приказом по 1-й гвардейской кавалерийской дивизии он был зачислен в Кавалергардский полк рядовым на правах вольноопределяющегося 1-го разряда. Н.А. Добровольский недолго тянул армейскую лямку. В марте следующего года его произвели в унтер-офицеры, а уже в апреле он выхлопотал себе отпуск по болезни на один год. За это время он решил заняться устройством своей будущей гражданской службы, так как подумывал о карьере прокурора.

Не увольняясь из армии, юноша подал прошение о зачислении его кандидатом на судебные должности при прокуратуре Петербургского окружного суда. Такое назначение состоялось

20 мая 1877 года. Спустя год медицинская комиссия, учрежденная при С.-Петербургском губернском по воинской повинности присутствии, освидетельствовала состояние здоровья Н.А. Добровольского и признала его годным для продолжения службы. Он должен был отправиться в свой Кавалергардский полк. Однако служить в армии ему больше не пришлось, так как к этому времени он, по постановлению общего собрания отделений окружного суда, был уже командирован в помощь судебному следователю 7-го участка Петербурга с правом самостоятельно производства следственных действий.

27 июня 1878 года Н.А. Добровольский добился окончательного увольнения в запас и теперь мог спокойно заниматься юриспруденцией. Вскоре он получил свой первый гражданский чин коллежского секретаря. Расследованием преступлений Н.А. Добровольский занимался с небольшим перерывом, до апреля 1879 года, после чего был отправлен на выучку в провинцию и назначен товарищем Волынского губернского прокурора. В то время существовала практика «обкатки» молодых, неопытных «юридических птенцов» в старых судебных установлениях. Видимо, Добровольский сумел хорошо зарекомендовать себя в этом качестве, поскольку на следующий год его перевели на службу в новый суд товарищем прокурора Житомирского окружного суда. Здесь он пребывал два года, иногда исполняя обязанности прокурора, выслужив свою первую награду — орден Св. Станислава 3-й степени и очередной чин титулярно-советника.

С 23 мая 1882 года Н.А. Добровольский более четырех лет прослужил товарищем прокурора Киевского окружного суда, а затем в чине коллежского асессора был переведен на аналогичную должность в Петербург. Вскоре он стал надворным советником, а в 1891 году получил орден Св. Анны 3-й степени. В сентябре того же года он переводится на службу в Прибалтику, где занимает первое время должность прокурора Митавского, а впоследствии Рижского окружных судов.

В Прибалтике Н.А. Добровольский оставался почти шесть лет, прибавив к своим наградам орден Св. Анны 2-й степени и серебряную медаль в память царствования императора Александра III, а также получив чин статского советника.

После этого Н.А. Добровольский довольно круто меняет свою служебную карьеру. Неожиданно он оставляет ведомство Министерства юстиции и переходит в систему Министерства внутренних дел. Высочайшим приказом от 8 февраля 1897 года он назначается Гродненским вице-губернатором. В этом новом для себя качестве он прослужил три года, часто заменяя отсутствовавшего губернатора, а в последний год полностью приняв

на себя управление губернией. В апреле 1899 года Н.А. Добровольский без освобождения от своих основных обязанностей был назначен на три года почетным мировым судьей Гродненского округа и впоследствии еще дважды занимал это престижное место.

В феврале 1900 года ему было Высочайше повелено занять должность Гродненского губернатора. Правда, уже через восемь месяцев он оставил это место, так как был утвержден в должности обер-прокурора 1-го департамента Правительствующего сената. Начальствование в губернии принесло ему новые чины и награды. Он стал действительным статским советником, ему был «пожалован» придворный чин камергера Двора Его Величества, и, кроме того, он удостоился двух иностранных орденов — Персидского Льва и Солнца 1-й степени и Черногорского Князя Даниила Первого 1-й степени.

Вернувшись в лоно Министерства юстиции, Н.А. Добровольский оставался здесь уже до Февральской революции. С 18 октября 1906 года он стал одновременно и сенатором, а в декабре того же года получил придворный чин егермейстера. По мнению современников, Н.А. Добровольский «заявил себя знатоком административного права». В связи с этим, а также благодаря своей близости к Высочайшему двору, особенно к тому кругу лиц, которые группировались вокруг Распутина, его настойчиво стали продвигать на пост министра внутренних дел. Однако эта кандидатура по каким-то причинам все же не устраивала императора.

1 января 1914 года Н.А. Добровольский был награжден орденом Белого орла. В сентябре 1916 года он оставил пост обер-прокурора и стал заниматься исключительно своими сенаторскими делами. Одновременно с этим он стал заместителем председателя Георгиевского комитета. По делам этого комитета ему неоднократно приходилось встречаться с государем как в Ставке, так и в Царском Селе. К этому времени он имел уже чин тайного советника.

К концу 1916 года в связи с неуступчивостью министра юстиции А.А. Макарова и его явным нежеланием прекращать дела Сухомлинова и Манасевича-Мануйлова Распутин стал особенно настойчиво добиваться назначения генерал-прокурором Н.А. Добровольского. С.П. Белецкий, встречавшийся с Распутиным за два дня до его гибели, вспоминал, что он видел в нем «жизнерадостное настроение и полное удовлетворение по случаю полученного им обещания о назначении на пост министра юстиции Н.А. Добровольского, при посредстве которого он рассчитывал добиться окончательного погашения дела Сухомлинова».

С самим Распутиным Н.А. Добровольский познакомился в 1914 году. С его слов это происходило так. Он сидел дома и занимался своими служебными делами, когда раздался телефонный звонок. Просили о личном приеме. Добровольский сказал, чтобы приходили на следующий день в Сенат. Однако вскоре появился курьер, который заявил, что господин настойчиво просит его принять, так как вечером он уезжает. Добровольский вынужден был согласиться. Через час в его кабинете появился Распутин. Вошедший сказал ему: «Вы, наверное, обо мне очень много дурного слышали?.. Но я дурного ничего не делал. Я занимаюсь исключительно добрыми делами. Я слышал, что вы делаете много добра, и решил обратиться к вам». Распутин ходатайствовал по делу какого-то студента, у которого на руках остался парализованный отец. Впоследствии Добровольский говорил, что Распутин произвел на него «очень оригинальное впечатление». По его выражению, Распутин был «ненормальным человеком». «Он все время оборачивался, не смотрел в глаза, говорил, переходя с предмета на предмет, — рассказывал Н.А. Добровольский. — Если бы меня спросили, о чем шла речь, я бы не смог повторить». Прощаясь, Распутин просил Добровольского «непременно быть у него».

Вращаясь постоянно в кругу царской семьи, Н.А. Добровольский отчетливо понимал, насколько вредно влияние Распутина. На эту тему он не раз говорил с великим князем Михаилом Александровичем, однако последний не имел сколько-нибудь сильного влияния на императора. Как истинный монархист, глубоко преданный императорской чете, он не хотел верить тем слухам о взаимоотношениях императрицы и Распутина, которыми тогда была заполнена вся пресса. Но даже и он, говоря о Высочайшем дворе, вынужден был признать, что «антураж там был ужасный».

20 декабря 1916 года последовал следующий Высочайший указ: «Сенатору, Двора Нашего егермейстеру, тайному советнику Добровольскому Всемилостивейше повелеваем быть управляющим Министерством юстиции, с оставлением сенатором и егермейстером». Современники связывали это назначение с именем Распутина.

Последний руководитель Министерства юстиции в царском правительстве и одновременно генерал-прокурор Н.А. Добровольский пробыл в своей должности немногим более двух месяцев, до Февральской революции 1917 года. Он так и не был облечен званием министра. Вследствие различных придворных интриг, в переломное и судьбоносное для Российской империи время во главе судебных и прокурорских органов встал человек, хотя и имеющий солидный практический опыт, способный и

квалифицированный юрист, но все же не обладавший надлежащей твердостью, присущей некоторым его предшественникам, недостаточно принципиальный, не способный надежно отстаивать интересы законности, и к тому же основательно запутавшийся в долгах.

При Н.А. Добровольском был окончательно разрешен один очень принципиальный вопрос, который лишь затрагивали его предшественники, — о допущении женщин к «занятию и временному исправлению некоторых должностей по ведомству Министерства юстиции». Министр внес проект соответствующего законодательного акта в Совет министров, который 8 февраля 1917 года его утвердил.

Закон устанавливал: «Лица женского пола, имеющие свидетельства об окончании курса не ниже женских гимназий, институтов, епархиальных училищ и других соответствующих учебных заведений или получившие звание домашней учительницы, могут быть определены на канцелярские должности как по вольному найму, так и с правом государственной службы в центральные и местные учреждения ведомства Министерства юстиции, а равно в канцелярии Правительствующего сената и в управления к Сенату принадлежащие».

Женщины могли быть назначены на должности до 8-го класса включительно, то есть до чина коллежского асессора.

Министерству юстиции предоставлялось право в исключительных случаях снижать для женщин образовательный ценз.

19 января 1917 года император Николай II по докладу Н.А. Добровольского распорядился образовать при Министерстве юстиции Особую комиссию по пересмотру Уголовного уложения, утвержденного в 1903 году, и выработке необходимых предложений о введении его в полном объеме. Министру юстиции было предоставлено право назначать членов этой комиссии. Председателем ее стал сенатор, ординарный профессор императорской Александровской военно-инженерной академии, тайный советник С.Н. Трегубов.

24 февраля 1917 года Совет министров одобрил один из последних, внесенных министром юстиции, законодательных актов. За несколько дней до революции в нем объявлялась отмена особых правил подсудности военному суду в Кавказском, Туркестанском, Иркутском, Омском и Приамурском военных округах лиц гражданского ведомства за похищение казенного оружия, патронов и пороха.

Когда Н.А. Добровольский вступил в управление Министерством юстиции, главный инициатор его назначения, Распутин, был уже убит. Поэтому надежды распутинского окружения на прекращение новым министром дел Сухомлинова и Манасеви-

ча-Мануйлова не оправдались. Н.А. Добровольский сумел каким-то образом убедить императора в нецелесообразности освобождения от судебной ответственности бывшего военного министра Сухомлинова и известного мошенника Манасевича-Мануйлова. Но если дело в отношении первого попросту «зависло» без всякого движения, то второй все-таки угодил под суд.

Вскоре проявились и истинные интересы секретаря Распутина, Симановича, в назначении Добровольского министром. Чуть ли не на следующий день после того, как Добровольский перебрался в генерал-прокурорский дом, Симанович заявился к нему с просьбой по делу Рубинштейна (об этом деле мы уже писали). Он довольно настойчиво стал убеждать министра юстиции, что этим делом «заинтересованы очень высокопоставленные лица» и что Рубинштейн обещал чуть ли не полмиллиона за свое освобождение. Когда министр стал упорствовать, не соглашаясь на прекращение дела, то Симанович прямо заявил ему, что делом интересуется императрица. Добровольский высказал сомнение на этот счет. Тогда Симанович сказал: «Вы рискуете тем, что императрица будет вами недовольна». Добровольский, по его словам, на это проговорил: «Если вы позволите еще где-нибудь сказать что-нибудь подобное на императрицу, то я буду просить министра внутренних дел о высылке вас из Петрограда». Своему секретарю Н.А. Добровольский приказал впредь никогда больше не пускать Симановича на прием.

Русский поэт А.А. Блок в своей книге «Последние дни императорской власти», написанной им на основании документов Чрезвычайной следственной комиссии, литературным редактором стенографического отчета которой он был, характеризуя обстановку в империи накануне Февральской революции, писал: «На исходе 1916 года все члены государственного тела России были поражены болезнью, которая уже не могла ни пройти сама, ни быть излеченной обыкновенными средствами, но требовала сложной и опасной операции. Так понимали в то время положение все люди, обладавшие государственным смыслом; ни у кого не могло быть сомнения в необходимости операции; спорили только о том, какую степень потрясения, по необходимости сопряженного с нею, может вынести расслабленное тело».

По выражению А.А. Блока, император Николай II, «упрямый, но безвольный, нервный, но притупившийся ко всему, изверившийся в людях, задерганный и осторожный на словах, был уже «сам себе не хозяин». Он перестал понимать положение и не делал отчетливо ни одного шага, совершенно отдавшись в руки тех, кого сам поставил у власти».

Императрица Александра Федоровна, окружив себя «мистическим кругом», через посредство распутинского «фонографа слов и внушений» Вырубову продолжала активно влиять на «большую политику». В кругу «придворной рвани» во всю кипела борьба мелких самолюбий и интриг.

Министр внутренних дел А.Д. Протопопов признавался, что «Совет министров остался позади жизни и стал как бы тормозом народному импульсу».

В конце декабря 1916 года председатель Совета министров А.Ф. Трепов уступил свое место последнему премьеру царского правительства Н.Д. Голицыну, безразлично называвшему народ «чернью».

Роль пассивного наблюдателя разворачивавшихся событий занимал, в частности, и Н.А. Добровольский.

Несмотря на то, что в его руках находился довольно мощный репрессивный аппарат, он ничего не мог сделать для обуздания революционной стихии, как, впрочем, и многие другие, несравненно более сильные личности из окружения императора.

И тем не менее на последних заседаниях Совета министров П.А. Добровольский занимал несравненно более правые позиции, чем многие другие министры. Например, он вместе с министром народного просвещения Н.К. Кульчицким и обер-прокурором Святейшего синода Н.П. Раевым при обсуждении в Совете министров 3 января 1917 года вопроса о времени предстоящего возобновления «занятий законодательных учреждений» полагал, что открытие Думы может вызвать «нежелательные и недопустимые выступления», и поэтому настаивал на переносе срока созыва на 14 февраля.

В накаленной до предела обстановке, когда Россия неудержимо неслась к революции, 26 февраля, в 12 часов ночи, на квартире Н.Д. Голицына началось экстренное заседание Совета министров. Речь шла о том, что в Государственной Думе предполагается ряд выступлений, которые могут заставить правительство закрыть Думу. Разгорелся горячий спор по вопросу об отношении правительства к Думе. Министр земледелия и сенатор А.А. Риттих говорил о том, что Кабинет «не может поладить с Думой, потому что Дума не хочет ладить с ним». Министр иностранных дел Н.Н. Покровский, со своей стороны, полагал, что с Думой работать нужно и что ее требования должны быть приняты. Оба они, а также министр путей сообщения Э.Б. Войновский-Кригер считали, что Кабинету все же придется уйти. При этом подавляющее большинство министров было против роспуска Думы. Только трое, А.Д. Протопопов, Н.П. Раев и Н.А. Добровольский, настаивали на роспуске Думы как единственном средстве спасти положение. При этом Протопо-

пов требовал подавления уличных беспорядков в Петрограде вооруженной силой. Н.А. Добровольский также считал, что «беспорядкам должна быть противопоставлена сила». На этом заседании некоторые министры, в том числе и Н.А. Добровольский, поднимали и вопрос о введении в Петрограде осадного положения.

27 февраля, днем, все министры снова собрались у Н.Д. Голицына. Докладывал обстановку командующий войсками Петроградского военного округа С.С. Хабалов. Военный министр М.А. Беляев впоследствии вспоминал, что докладчик произвел на всех тяжелое впечатление: «Руки трясутся, равновесие, необходимое для управления в такую серьезную минуту, он утратил». Все министры были пассивны и подавлены. «В сущности, — писал А.А. Блок, — министры только познакомились с событиями, взглядов же никаких не высказывали».

Выслушав доклад, решили в 4—5 часов снова собраться в Мариинском дворце. На этом заседании, как писал Петроградский градоначальник Балк, наблюдались «полное отсутствие идеи и недостаточность инициативы в распоряжении». Все члены Совета министров «ходили расстроенные, ожидая ареста».

Вскоре до министров стали доходить сведения о первых арестах. Арестованных доставляли в министерский кабинет в Таврическом дворце, который пополнялся довольно быстро.

28 февраля Н.А. Добровольский укрылся в итальянском посольстве, но находился там недолго, всего два часа. Затем он позвонил в Государственную Думу и попросил прислать автомобиль, чтобы поехать в Таврический дворец, где он намеревался сдать добровольно. Из дворца он был доставлен в Петропавловскую крепость.

Подготовка к допросам Н.А. Добровольского в Чрезвычайной следственной комиссии была поручена сенатору Б.Н. Смиттену. Ему были заданы вопросы об обстоятельствах назначения министром юстиции, о взаимоотношениях с императором Николаем II и его семьей, знакомстве с Распутиным, об основаниях прекращения целого ряда дел, о его материальных средствах и другие.

Официально Н.А. Добровольскому вменялось совершение трех должностных преступлений. Их расследованием занимался «командированный в Чрезвычайную следственную комиссию» судебный следователь К.И. Бувайлов. Ему было поручено провести следствие в «кратчайшие сроки». К концу августа 1917 года дела были им завершены. Наблюдал за следствием сенатор Б.Н. Смиттен.

Н.А. Добровольскому, в частности, было предъявлено обвинение в том, что он, исполняя обязанности обер-прокурора

I-го департамента Правительствующего сената и получив из кассы бывшего министерства Императорского двора 20 тысяч рублей, пожалованных государем на устройство кассы для выдачи пособий особенно нуждающимся чиновникам канцелярии Сената, эти деньги по назначению не передал, а «самовольно обратил на свои надобности». Он купил на них процентные бумаги, которые внес в Петербургское общество взаимного кредита на свой текущий счет. Этим кредитом он пользовался несколько лет и лишь в июне 1915 года возвратил деньги для использования их по назначению.

Допрошенный по этому факту Н.А. Добровольский виновным себя не признал и пояснил, что хотя он и пользовался некоторое время кредитом, но никакого ущерба кассе не причинил.

Н.А. Добровольский обвинялся также в необоснованном прекращении дела некоей Феодосии Шмулевич.

Наиболее серьезным было обвинение Н.А. Добровольского в получении взятки от грозненского купца Я.Б. Нахимова за содействие его помилованию.

Н.А. Добровольский и в этом случае не признавал себя виновным. Он сказал, что действительно был знаком с Нахимовым и, еще будучи сенатором, интересовался его делом, не преследуя какой-либо корыстной заинтересованности. Доклад о помиловании подготовил, так как «жалел» Нахимова и не находил в его действиях состава преступления.

С.В. Завадский писал, что обвинение Н.А. Добровольского во взяточничестве не вызвало у него удивления. «Еще раньше, когда он был обер-прокурором первого департамента, — вспоминал С.В. Завадский, — о задолженности его говорили очень многие и очень много; эта задолженность, по-видимому, и была причиной, заставившей его сблизиться с подчиненным своим, состоявшим за обер-прокурорским столом в первом департаменте Дандре, о котором ходили самые черные слухи и по Сенату, и по городскому управлению; у этого дельца, а не деятеля, были векселя Добровольского, и тот оказывал своему заимодавцу покровительство, пока, наконец, Дандре не попался и не вынужден был прекратить свое государственное и общественное служение. И помимо всего, Добровольский был известен как человек небрегающий службою, любящий хорошо поесть и поразвлечься, причем неразборчивость бывшего губернатора доходила до высокой степени. Расскажу здесь один факт, который в свое время чрезвычайно поразил меня. Добровольский по должности обер-прокурора первого департамента был инспектором здания и оно при нем увеличилось почти вдвое путем присоединения соседнего дома, принадлежавшего Полякову,

куда и перешли после соответствующих приспособлений кассационные департаменты. Как я ни близорук, но и меня поразило, что великолепные двери наших зал снабжены простыми медными ручками. Но мне тогда поясжили, что ручки были бронзовые и отличной работы, да только Добровольский на свой счет приобрел медные, которыми и заменил бронзовые, а те увез себе в деревню. Даже сторожа, и те покачивали головами, передавая такую удивительную историю».

На допросах Н.А. Добровольский признавался, что до последнего времени его материальные средства были «в довольно плохом положении». Свои денежные долги он объяснял тем, что в свое время помог товарищу, бывшему прокурору Юрьевского окружного суда А.Н. Познанскому. Последний, получив огромное наследство, приобрел большую усадьбу в Уфимской губернии, а затем построил завод, обошедшийся ему в два миллиона рублей.

Вскоре он разорился, почти все потерял и уехал за границу. Н.А. Добровольский, чтобы выручить друга, открыл в трех банках значительный кредит на свое имя. Деньги отдал Познанскому, а затем в течение длительного времени выплачивал долг. Он также помогал материально сыну и дочери Познанского, которые проживали в Петрограде.

Ко всему этому добавились и личные неурядицы — тяжело заболела его жена, Ольга Дмитриевна, урожденная княжна Друцкая-Соколинская, которая, по словам Н.А. Добровольского, полтора года находилась почти без сознания. Затем расшитавшееся здоровье заставило его и самого поехать за границу для лечения.

Основным источником дохода у Н.А. Добровольского было жалованье. Кое-что давало и имение его жены в Смоленской губернии, где у них были усадьба, дом и 400 десятин земли. Расходы же были большие, поэтому он часто прибегал к помощи всевозможных денежных операций в различных банках. Только перед самой революцией Н.А. Добровольскому досталось после смерти тетки, Адауровой, около 40 тысяч рублей, из которых он успел получить до ареста 10 тысяч. На остальную сумму, уже находясь в крепости, он выдал доверенность своей жене.

К концу июля 1917 года следователь К.И. Бувайлов завершил производство по делам и представил все материалы на заключение Чрезвычайной следственной комиссии. До ее решения Н.А. Добровольскому удалось вырваться из Петропавловской крепости. Его жена, Ольга Дмитриевна, усиленно хлопотала перед министром юстиции Временного правительства и Чрезвычайной следственной комиссией об освобождении мужа из крепости. В обоснование своих просьб она ссылалась на со-

стояние здоровья Николая Александровича, серьезно расшатанного за последнее время. Освидетельствовавший его доктор Манухин также находил, что ему необходимо «больничное, а еще лучше домашнее лечение». Однако на все эти просьбы она неизменно получала отказы.

Закончив дело, К.И. Бувайлов 31 июля вынес постановление, в котором отметил, что поскольку доказательства виновности Н.А. Добровольского «существенно поколеблены ко времени окончания предварительного следствия», а также учитывая болезненное состояние бывшего министра юстиции, его возраст и семейное положение (у Н.А. Добровольского было пять детей. — *Авт.*), мера пресечения ему изменяется на подписку «о неотлучке» из Петрограда. Это постановление рассматривалось на комиссии, и следователю было рекомендовано до получения врачебного заключения о состоянии здоровья Добровольского оставить его под стражей. 4 августа 1917 года, когда вся необходимая медицинская документация была собрана, Н.А. Добровольский обрел долгожданную свободу.

Уже на следующий день он обратился в комиссию с просьбой разрешить ему выехать для лечения на Кавказ. С большим трудом он достал железнодорожные билеты на 8 августа, но разрешение на поездку ему так и не было выдано. 20 августа Добровольский обратился в комиссию с очередным прошением. Он писал в нем: «Дайте же мне возможность сохранить себя хотя на несколько лет для многочисленной семьи моей, не обрекайте меня на дальнейшую медленную казнь и дайте мне возможность не подвергать голодовке нашу семью, в которой три младших не старше 22 лет и не могут существовать без молока, мяса, масла, яиц и и.п. продовольствия первой необходимости для питания».

22 августа 1917 года Чрезвычайная следственная комиссия под председательством Н.К. Муравьева рассмотрела прошение Н.А. Добровольского и большинством в пять голосов против двух разрешила ему выезд на Кавказ. Через день он получил официальное удостоверение об этом за подписью председателя комиссии.

Чрезвычайная следственная комиссия подготовила заключение по делу Н.А. Добровольского, в котором отмечено, что он подлежит суду уголовного кассационного департамента Правительствующего сената с участием присяжных заседателей. В октябре 1917 года (день не проставлен) это заключение подписал председатель комиссии Н.К. Муравьев.

Оно подлежало рассмотрению Временным правительством. Октябрьская революция внесла свои коррективы в это дело, ликвидировав все высшие учреждения России и арестовав Временное правительство.

После Октябрьской революции Н.А. Добровольский проживал на Северном Кавказе. В сентябре-октябре 1918 года в ответ на покушение на В.И. Ленина и убийство М.С. Урицкого по стране прокатилась волна «красного террора». Не миновала она и Кавказ. «Во исполнение приказа Народного Комиссара внутренних дел тов. Петровского» (как гласило официальное сообщение) в концентрационный лагерь в Пятигорске было брошено 160 человек. Среди заложников оказался и Н.А. Добровольский.

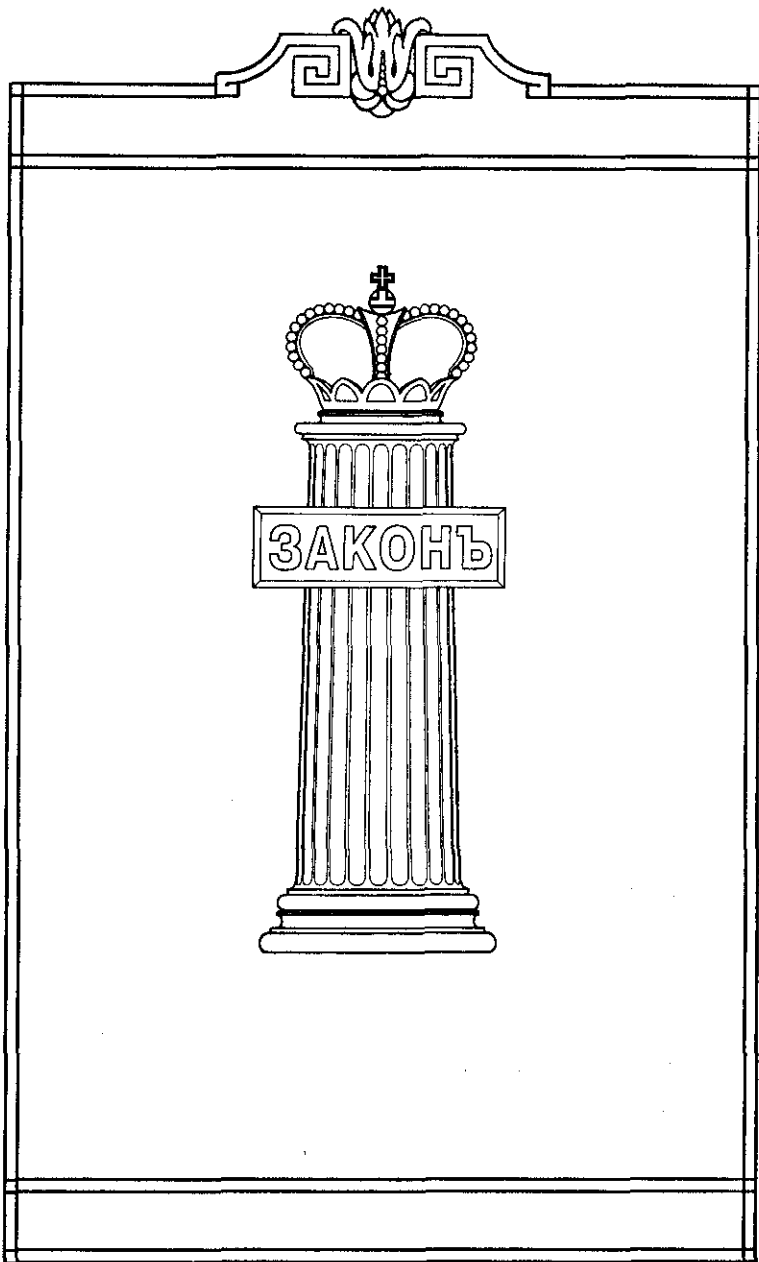
2 ноября 1918 года в № 157 «Известий» ЦИК Северного Кавказа был опубликован приказ начальника ЧК Атарбекова: «Вследствие покушения на жизнь вождей пролетариата в гор. Пятигорске 21-го окт. 1918 г. и в силу приказа № 3-й 8-го октября сего года в ответ на дьявольское убийство лучших товарищей, членов ЦИК и других по постановлению Чрезвычайной Комиссии расстреляны нижеследующие заложники и лица, принадлежавшие к контрреволюционным организациям».

В приложенном к приказу списке из 59 человек значился и бывший российский генерал-прокурор Н.А. Добровольский.

По сведениям С.П. Мельгунова, заложники были зарублены шашками. Вещи убитых были объявлены «народным достоянием».

Александр Федорович
КЕРЕНСКИЙ
1881—1970

«НЕ ОТСТУПЛЮ ОТ СВОИХ ПРИНЦИПОВ»

Александр Федорович Керенский родился 22 апреля 1881 года в Симбирске. Он был четвертым ребенком в семье директора мужской гимназии Федора Михайловича Керенского и его жены, Надежды Александровны.

Наиболее сильным впечатлением детства, по словам А.Ф. Керенского, было воздействие на него религии, которая способствовала выработке идеи самопожертвования «во имя народа»; самым же сильным увлечением — книги.

Определенный след в душе мальчика оставила и казнь «Первомайцев» Александра Ульянова и его товарищей. Ведь юный революционер проживал в Симбирске, блестяще окончил гимназию, директором которой был отец А.Ф. Керенского. Здесь же учился и брат казненного, Владимир Ульянов.

По признанию самого Александра Керенского, симбирский период его жизни оказал решающее воздействие на выбор им своего духовного пути.

В 1889 году, когда Саше исполнилось всего восемь лет, Федор Михайлович получил назначение в Туркестанский край, где ему предстояло занять должность главного инспектора учебных заведений. Семья переехала в Ташкент. Здесь и прошли гимназические годы будущего вождя революции. Учился он хорошо, особенно увлекался историей, литературой и искусством и даже мечтал стать «Артистом Императорских Театров» (так иногда шуточно он подписывал некоторые свои письма к родителям).

В 1899 году, в восемнадцатилетнем возрасте, Александр Керенский вместе с матерью приехал в Петербург. Здесь он поступил на историко-филологический факультет университета и «первые в жизни испытал пьянящее чувство свободы». Петербург очаровал и увлек его «полнотой своей внутренней жизни, полнотой умственной и эстетической». Юноша посещал театры, музеи, библиотеки, восторгался игрой блестящих артистов: Давыдова, Сазонова, Комиссаржевской, Савиной, Орленева, Пенского и других.

Александр Керенский поселился в студенческом общежитии, расположенном в здании Двенадцати коллегий на Васильевском острове. Он делил комнату с первокурсником Вознесенским, что создавало ему «страшные неудобства». Юноша постепенно втягивается в студенческую жизнь, бурную и богатую событиями. В солнечном провинциальном Ташкенте он был далек от политических страстей, а здесь, в Петербургском университете, они сразу же захлестнули его. Как раз в год поступления А.Ф. Керенского в университет там возникли серьезные беспорядки, вылившиеся в столкновения с полицией. Вскоре они переросли во всероссийскую студенческую забастовку. Некоторые ее участники, а также ряд либеральных профессоров вынуждены были покинуть университет.

Керенский участвовал в студенческих сходках, на которых вырабатывались формы протеста против университетского начальства и министра народного просвещения Н.П. Боголепова (вскоре убитого террористом П. Карповичем), вносил деньги «за право слушания лекций беднейших коллег» и в «память выбывших профессоров», посещал «народнические» вечеринки, предпочитая их «марксистским». В одном из своих писем домой, сообщая о студенческих волнениях, он писал: «Протест был необходим, это понимали все и я, приехав, подробно все объясню».

В сентябре 1900 года А.Ф. Керенский, преодолев некоторые трудности, перевелся на юридический факультет. В университете продолжались волнения и беспорядки. Юноша относился к ним настороженно, так как не видел в этих выступлениях особого смысла, считая, что все равно «ничего серьезного не выйдет».

Хотя он и не примкнул ни к каким политическим течениям, все же в стороне от общего движения не стоял, за что и был однажды приглашен «пред лицо» ректора, инспекторов и деканов давать объяснения. На этот раз все обошлось. Ему лишь дали понять, что «иногда полезно на лекции не ходить». На втором курсе он становится довольно популярным оратором на студенческих сходках, за что поплатился временным «отлучением» от университета — его отправили в «отпуск» домой, в Ташкент.

В эти годы в жизнь Александра Керенского прочно вошла его первая любовь, Ольга Львовна Барановская, внучка известного китаевода академика В.П. Васильева. Они стали неразлучны, о чем свидетельствует их переписка. В 1904 году Александр Керенский и Ольга Барановская обвенчались. К этому времени университет был закончен.

А.Ф. Керенский недолго колебался в выборе своего дальнейшего пути. Еще в университете он твердо решил, что карьера

кабинетного ученого не для него. И он подал прошение о зачислении в сословие присяжных поверенных. Но здесь произошла небольшая заминка. Молодой юрист несколько перестарался и представил поручительства столь высокопоставленных сановников (среди них был и сенатор А.Ф. Кони), что Совет присяжных поверенных отклонил его кандидатуру на том основании, что поручители занимали «слишком высокое положение». Пришлось выбрать менее именитых поручителей, и дело уладилось.

А.Ф. Керенский стал помощником у присяжного поверенного Н.А. Оппеля. Первое время он оказывал юридическую помощь беднякам в Народном доме, основанном графиней С.В. Паниной, вел другие мелкие дела.

Неизгладимое впечатление на А.Ф. Керенского произвело «Кровавое воскресенье» 9 января 1905 года, очевидцем которого он был. В тот день, часа в два дня, он находился у дворца, «в толпе», затем обошел весь район. Он отмечал, что «никогда не видел такой дисциплинированной, тихой, серьезной, даже религиозно настроенной толпы». Десятки тысяч людей стояли сплошной массой — ни одного пьяного, ни одного ругательства не было слышно. Керенский ушел с площади за несколько минут до первого залпа, направленного прямо в людей.

10 января А.Ф. Керенский носился по всему Петербургу, собирая адвокатов на экстренное собрание. Совет присяжных поверенных постановил ежемесячно отчислять средства в пользу пострадавших, образовал комиссию по сбору материалов «для правильного освещения событий», а также выразил официальный протест против расстрела безоружных людей.

Дел у помощника присяжного поверенного А.Ф. Керенского было тогда очень мало. Первый раз ему довелось выступать публично в суде в середине февраля 1905 года. Его патрон, адвокат Оппель, был полностью поглощен общественной деятельностью и поэтому передал своему помощнику одно экстренное дело. Керенскому пришлось произнести речь почти без подготовки. Хотя ему противостоял опытный присяжный поверенный, молодому юристу удалось добиться отложения дела.

В том же году имя Керенского впервые появилось в «досье» департамента полиции. Это произошло после того, как он в числе 217 других общественных деятелей Петербурга подписал заявление — протест министру внутренних дел по поводу ареста депутации во главе с М. Горьким, бывшей у министра на квартиру «Кровавого воскресенья».

После январских событий А.Ф. Керенский стремился установить более тесные контакты с социал-революционерами. Он познакомился с известным террористом Борисом Савинковым

и даже выразил желание вступить в его организацию. Однако кандидатура молодого юриста почему-то не понравилась Азефу. Позднее Керенский признавался, что он был «абсолютно готов, в случае необходимости, взять на свою душу смертный грех и пойти на убийство того, кто, узурпировав верховную власть, вел страну к гибели». Учитывая, что к этому времени А.Ф. Керенский был уже женат и имел малолетнего сына, его решение связать себя с террористами было, конечно, глубоко продуманным.

В декабре 1905 года Александра Федоровича впервые арестовали. Его обвинили ни много ни мало в «причастности к подготовке вооруженного восстания». Поводом для столь серьезного обвинения послужили обнаруженные у него при обыске листовки «Буревестника», в котором он сотрудничал.

В заключении Керенский провел почти четыре месяца, а после освобождения был отправлен в Ташкент под надзор полиции. По возвращении в Петербург он неожиданно получил предложение от присяжного поверенного Н.Д. Соколова выступить защитником по политическому делу в Ревеле. Керенский с радостью согласился. По делу проходила группа крестьян, обвинявшихся в разгроме имения местного барона и сопротивлении властям.

Двадцатипятилетний помощник присяжного поверенного сумел проявить себя в этом процессе во всем блеске; он был напорист, активен, дерзок и убедительно доказал, что противоправные действия крестьян не идут ни в какое сравнение с жестокой расправой, учиненной войсками с «зачинщиками» беспорядков, многих из которых расстреляли без суда и следствия.

Успех в этом процессе принес молодому юристу некоторую известность. Теперь предложения принять на себя защиту по политическим делам «посыпались к нему со всех сторон».

В июне 1906 года А.Ф. Керенский снова подвергается обыску вследствие павшего на него подозрения в связях с одним из лидеров партии социал-революционеров. Однако на этот раз из-за недостаточности улик дело было прекращено. После этого он, не оставляя политической борьбы, сосредоточил основное внимание на своей профессиональной деятельности — участии в защите по делам. В течение пяти лет он состоял помощником присяжного поверенного, а в начале 1910 года стал полноправным адвокатом. А.Ф. Керенский очень ревностно исполнял свои обязанности, без конца выступал в процессах, активно участвовал в общих собраниях помощников и Совете присяжных поверенных, тщательно собирал материалы по истории адвокатуры, выступал со статьями и заметками в печати. В частности, в газете «Новое Время» он опубликовал под псевдонимом «Стажер» небольшой фельетон «Жизнь адвокатская».

По своим адвокатским делам А.Ф. Керенский исколесил почти всю Россию. Он выступал защитником по политическим и уголовным делам, представителем истцов и ответчиков по гражданским делам в судебных установлениях Москвы и Петербурга, Иркутска и Казани, Варшавы и Тифлиса, Саратова и Риги и многих других городов. Его речь звучала в судебных палатах и военно-окружных судах, в мировых судах и Правительствующем сенате. Он защищал железнодорожников Полесья, служащих Двинской почтово-телеграфной конторы, рабочих Шлиссельбургского порохового завода, студентов Петербурга, редакторов газет, представителей различных партий и организаций, обвинявшихся в организации незаконных забастовок, противоправительственной агитации, вооруженном сопротивлении властям, хранении запрещенной литературы и взрывчатых веществ, организации незаконных сообществ и других политических преступлений. Он защищал также лиц, совершивших убийства, разбой и грабежи и другие общеуголовные преступления.

В мае 1912 года в связи с расстрелом рабочих на Ленских золотых приисках А.Ф. Керенский в числе других присяжных поверенных выехал с комиссией сенатора С.С. Манухина для расследования обстоятельств этой трагедии. Он проявил много энергии и настойчивости не только по выяснению причин выступления рабочих и последовавших за этим событий, но и по прекращению забастовки.

Вернувшись в Петербург, А.Ф. Керенский совместно с другими адвокатами по доверенности рабочих возбудил против администрации «Лензото» около 4 тысяч исков на сумму, превышающую 400 тысяч рублей. И хотя власти противодействовали, как только могли, в марте 1914 года иски все-таки поступили на рассмотрение Петербургского мирового суда.

В 1912 году А.Ф. Керенский выставил свою кандидатуру от трудовой группы на выборах в 4-ю Государственную Думу по г. Вольску Саратовской губернии. Он был избран фактически без соперников на общем губернском собрании от курии городских жителей. В Думе он стал лидером трудовой партии и в течение пяти лет стремился объединить в целях борьбы с самодержавием все патриотические течения, от правых до левых. Почти сразу же он занял ключевое положение и в так называемом Верховном Совете масонской ложи «Великий Восток народов России» и даже одно время был ее секретарем.

В.Д. Набоков считал, что «в большой публике» Керенского стали замечать только со времени его выступлений в Государственной Думе, хотя и после этого он продолжал пользоваться репутацией «человека даровитого, но не крупного калибра». В

силу своей партийной принадлежности Керенский, без сомнения, выделялся и всегда оказывался «в первых рядах», так как он был «головой выше той серой компании, которая его в Думе окружала». Будучи неплохим, а главное, эмоциональным оратором, он, благодаря нескольким ярким выступлениям, стал «замечен и узнаваем».

Сам А.Ф. Керенский считал себя убежденным социалистом и демократом. Он искренне верил в правоту избранного им пути революционера и государственного деятеля. Он продолжал участвовать в партийных эсеровских делах, порой даже ставя на карту свое положение адвоката и депутата, так как некоторые его действия вполне могли закончиться для него Сибирью. В числе 25 видных юристов он выступил с резким протестом против «фальсификации» дела Бейлиса, за что угодил за решетку на восемь месяцев. Живя под самым «тщательным, неослабным и всесторонним» наблюдении полиции, он, по свидетельству хорошо знавшего его революционера Н.Н. Суханова, не считался ни с какими правилами конспирации и не раз был на грани провала. В охранке А.Ф. Керенский фигурировал под кличкой «Скорый». И он действительно стремительно носился по улицам Петербурга, прыгая в трамвай и выпрыгивая на ходу. За ним постоянно наблюдали два пеших филера и один на извозчике.

К концу 1916 года революционное движение в стране усилилось. Несмотря на это, многие думские лидеры все еще считали, что в России «революция невозможна и недопустима». Прогрессивный блок вынашивал идею некоего дворцового переворота, результатом которого должно было бы стать смещение императора Николая II и возведение на трон наследника Алексея с назначением при нем регентом великого князя Михаила Александровича. А.Ф. Керенский был в курсе всех событий и даже участвовал в секретной встрече лидеров Прогрессивного блока, на котором обсуждался этот вопрос. С думской трибуны он еще более беспощадно громил правительство.

После рождественских каникул Государственная Дума долго не открывала своего заседания. Правительство вынашивало планы ее роспуска. Наконец, 14 февраля 1917 года заседания возобновились. Уже на следующий день Керенский сказал с ее трибуны: «Хаос налицо перед вами, и я спрашиваю вас, есть ли у вас сознание и чувство политической ответственности в этот исторический момент подчинить свои личные и классовые интересы единству, единым интересам государства? Я вам скажу, что этого сознания у вас нет».

27 февраля 1917 года несколько подрастерявшие от неожиданно грянувшей революции депутаты Государственной Ду-

мы собрались в Таврическом дворце. Совет старейшин предложил избрать особый комитет Думы для «водворения порядка в Петрограде и для сношения с учреждениями и лицами», который вскоре получил название Временного комитета Государственной Думы. В него вошел и А.Ф. Керенский. Почти одновременно с этим образовался и Временный исполнительный комитет Совета рабочих депутатов. Керенский и здесь заочно был избран товарищем председателя Петроградского совета.

Временный комитет Государственной Думы приступил также к формированию нового правительства. 2 марта его состав был уже одобрен. Председателем правительства и министром внутренних дел стал князь Г.Е. Львов. Первым министром юстиции и генерал-прокурором — А.Ф. Керенский.

Александр Федорович оказался на гребне своей славы. Каких только восторженных эпитетов не расторгала тогда ему печать! Его называли «министром правды», «народным трибуном», писали, что без него «русская революция немыслима» и т.п.

По свидетельству современников, А.Ф. Керенский в составе правительства с самого начала играл «первенствующую роль». Он был популярен и среди простого народа, и среди интеллигенции.

2 марта 1917 года император Николай II отрекся от престола в пользу своего брата великого князя Михаила Александровича. Последний отказался принять власть до созыва Учредительного собрания и призвал всех граждан подчиняться Временному правительству.

Подлинники актов об отречении Николая II и об отказе великого князя Михаила Александровича от «восприятия» верховной власти министр юстиции А.Ф. Керенский доставил в Правительствующий сенат и, передав их исполняющему обязанности обер-прокурора Первого департамента А.И. Руадзе, предложил обсудить вопрос об их опубликовании. После этого он вышел из зала. Совещание сенаторов продолжалось недолго — они единогласно решили печатать акты отречения. Когда Керенский снова вошел в зал, председательствующий сенатор С.Б. Враский сказал, что Сенат выражает Временному правительству «глубочайшую признательность за быстрое восстановление в Отечестве законности и порядка». В ответном слове А.Ф. Керенский подчеркнул, что он счастлив выпавшей на его долю честью «передать в учреждение, созданное гением Великого Петра для охраны права и законности, акты первостепенной государственной важности, обнародование которых завершает собою упразднение старого строя».

3 марта 1917 года А.Ф. Керенский официально принял от временных комиссаров дела Министерства юстиции. Он при-

был в здание министерства в три часа дня. Здесь собрались все высшие чины во главе с бывшими товарищами министра Чебышевым, Ильяшенко и Чаплиным. Керенский прошел в кабинет министра и пригласил к себе для беседы руководителей министерства. Басаков кратко сообщил о положении дел в министерстве и тюремном ведомстве (насколько он сумел с ними ознакомиться), после чего сложил с себя полномочия комиссара. Затем бывшие заместители министра высказали свои суждения о деятельности министерства.

В тот же день А.Ф. Керенский подписал свой первый приказ. В нем он писал: «Поручаю академику Академии Наук, Нестору Александровичу Котляревскому вывезти из департамента полиции все бумаги и документы, какие он найдет нужным, доставить и поместить их в Академии Наук».

Первым же своим циркуляром прокурорам судебных палат и окружных судов министр юстиции А.Ф. Керенский предложил освободить всех политических заключенных. Он писал: «Предписываю немедленно под вашей личной ответственностью освободить всех осужденных и подследственных, заключенных по политическим преступлениям всех категорий и преступлениям религиозным. Предлагаю произвести личное освобождение, передав каждому освобожденному приветствие от моего имени. Предпишите начальникам охранных отделений немедленно освободить всех задержанных в порядке охраны по тем же преступлениям».

Председателям судебных палат, окружных судов и съездам мировых судей было предложено все приговоры, решения и определения судебных мест объявлять от имени Временного правительства в следующей форме: «По Указу Временного правительства...».

А.Ф. Керенскому пришлось одновременно решать множество сложнейших вопросов: здесь и наведение порядка в столице, и замена старого чиновничьего аппарата, и образование новых судебных учреждений, и отмена устаревших, противоречащих «революционному правосознанию» законов, и расследование деятельности высших царских сановников и т.п.

Вознесенный на Олимп славы, присяжный поверенный А.Ф. Керенский конечно же не мог обойти особым вниманием свою корпорацию. В первый день управления Министерством юстиции он обратился к советам присяжных поверенных с телеграммой, в которой просил их «принять посильное участие в установлении истинного правосудия в нашей Родине и поднятии его на высоту, соответствующую величию народа и важности исторического момента».

Он лично явился на заседание Петроградского Совета присяжных поверенных (оно проводилось на квартире председате-

ля Н.П. Карабчевского, так как здание суда было уничтожено пожаром). Там Керенский, обращаясь к собравшимся с краткой речью, просил Совет «способствовать, по мере сил, к водворению порядка и законности». Затем он отдельно встретился с Н.П. Карабчевским, попросив его «оказать содействие в деле реформирования ведомства и создании правильного правосудия».

Для осуществления целей, поставленных министром юстиции, Совет присяжных поверенных организовал особую комиссию, в которую вошли многие известные юристы.

Со своей стороны петроградские адвокаты посетили Временное правительство для принесения ему приветствия от присяжной адвокатуры. Председатель Совета Н.П. Карабчевский в своей речи сказал: «В вашей среде видное место занимает любимый и дорогой нашему сословию товарищ. Он вырос и воспитался для своей политической борьбы в нашей общественной среде, в условиях не только узкопартийного, но и могучего общечеловеческого правосознания. Я говорю о присяжном поверенном Александре Федоровиче Керенском. Я не могу вам выразить того глубокого и радостного волнения, которое мы испытали, когда, еще физически измученный всеми волнениями предыдущих дней и бессонных ночей, едва держась на ногах, только что объявленный министром юстиции, всесильный революционный генерал-прокурор кинулся прежде всего к нам, представителям сословия, товарищам по служению правосудию и в наших горячих дружеских объятиях его первые слова были: «О, как бы я хотел поднять русское правосудие на недостижимую высоту! Помогите мне в этом!»

В те дни А.Ф. Керенский работал день и ночь. Его жена, Ольга Львовна, нередко дежурила в министерстве в целях «давления» на своего мужа, чтобы он хоть что-нибудь проглатывал на ходу и хотя бы поспал несколько часов. Н.Н. Суханов вспоминал: «Сама совершенно изнемогающая от бессонницы, она рассказывала мне, что Керенский за дни революции еще не ложился в постель ни разу...»

С первых же дней революции А.Ф. Керенский с головой окунулся «в народную массу». Он как никто другой сумел извлечь пользу из многочисленных поездок, встреч, выступлений перед самой разнообразной аудиторией. Популярность Керенского была огромна и все росла. Он умел «зажигать сердца людей» и был «всеобщим оракулом, вождем и любимцем».

7 марта 1917 года, утром, министр юстиции А.Ф. Керенский прибыл в Москву. На вокзале его встречали представители общест-венности столицы. Для встречи был отряжен почетный караул Александровского военного училища. От имени общест-

венных организаций министра приветствовал князь Д.И. Шаховской, затем выступили председатель судебной палаты Линк и прокурор Чебышев. С вокзала Керенский проследовал в городское управление, а затем в исполком Совета рабочих депутатов.

В три часа дня министр прибыл в Московскую судебную палату. В Овальном зале собрались представители московской адвокатуры, магистратуры, прокурорского надзора, служащие канцелярии. От лица собравшихся Александра Федоровича приветствовал присяжный поверенный Н.К. Муравьев. А.Ф. Керенский произнес небольшую, но пылкую речь.

После этого А.Ф. Керенский прошел в комнату Совета присяжных поверенных, где его тепло приветствовал председатель Д.Н. Доброхотов. Министр выступил и здесь.

Адвокаты задали министру немало вопросов. Их интересовала, в частности, судьба императора. Керенский заявил, что «низложенный царь находится в руках генерал-прокурора».

Из здания Московских судебных установлений А.Ф. Керенский отправился в съезд мировых судей. Там его тепло приветствовали мировые судьи во главе с В.Н. Челищевым. Министр ответил на приветствие низким поклоном мировым судьям, заявив, что они «всегда действовали по совести и совершенно независимо». «Нужно надеяться, что и коронные судьи последуют вашему примеру», — заключил он.

Ближе к вечеру А.Ф. Керенский отправился в кинотеатр «Арс», где в это время проходило заседание Совета солдатских депутатов. При его появлении в переполненном зале все присутствующие поднялись с мест и стоя горячо приветствовали министра юстиции. Керенский, измотанный до предела, решил выступить и здесь. В своей пылкой речи он коснулся и вопроса о судьбе российской династии. «Вскоре Временное правительство сделает специальное заявление о династии. Во всяком случае заверяю вас, что аппарат династии обезврежен. Династия будет поставлена в такие условия, что раз и навсегда исчезнет из России. Создавайте новый народ и новую армию, а все, что осталось позади, отдавайте мне, министру юстиции, и Временному правительству...»

Керенский не договорил, с ним случился обморок. Через минуту он пришел в себя. Кто-то из сопровождавших его лиц объяснил собравшимся, что министр уже неделю не спал и совсем выбился из сил. Несколько оправившись, Керенский продолжал свою речь.

Уезжал А.Ф. Керенский из Москвы в полночь. К поезду был прицеплен специальный вагон министра юстиции.

Вернувшись в Петроград, А.Ф. Керенский встретился со всеми «низшими служащими» Министерства юстиции. Он

предложил им «соорганизоваться в союз». Затем он посетил Правительствующий сенат, отдельно побеседовал сначала с сенаторами гражданского и уголовного кассационных департаментов, а потом — с чинами обер-прокурорского надзора.

7 марта 1917 года Временное правительство постановило: «признать отреченного императора Николая II и его супругу лишенными свободы и доставить отрешенному императору в Царское Село». 21 марта министр юстиции А.Ф. Керенский посетил Царское Село для того, чтобы лично ознакомиться «с внутренней и внешней охраной и порядком содержания под стражей» Николая II.

В своей кадровой политике А.Ф. Керенский вначале довольно строго придерживался основного принципа назначать на все высшие должности лиц с более или менее популярными именами и только при условии, если их указывали различные общественные или политические организации. Эта практика, безусловно выигрышная с точки зрения приобретения популярности, вскоре принесла довольно отрицательные результаты.

Первым своим товарищем (то есть заместителем) А.Ф. Керенский назначил присяжного поверенного А.С. Зарудного (сына известного деятеля Судебной реформы С.И. Зарудного), которого очень любил и даже называл «маленьким Львом Толстым» (в том смысле, что он имел свои твердые убеждения).

Второго товарища министр просил указать Петроградский Совет присяжных поверенных. Однако петроградские адвокаты так и не смогли назвать своего кандидата. В результате голосования прошла кандидатура московского присяжного поверенного Н.В. Тесленко (вторым был назван А.А. Демьянов). Однако Тесленко отказался принять должность, и товарищем министра юстиции стал присяжный поверенный Г.Д. Скарятин, который слыл «человеком самой высокой моральной марки».

А.Ф. Керенский работал всегда исключительно много. Часто он и его товарищи ночевали в служебных кабинетах. Днем его трудно было застать на месте; у него никогда не было ни одной свободной минуты. Руководители департаментов старались приходиться к нему по делам утром, когда он только что вставал и пил кофе. Он «схватывал предмет беседы на лету», поэтому говорить с ним было довольно легко. Однако давало о себе знать отсутствие у него практического опыта. Он разбрасывался, хватался за многое разом и не умел «отгораживаться» от мелочей.

В начале марта были произведены первые назначения в Правительствующем сенате, аппарате Министерства юстиции, а также в судебных палатах и окружных судах. Старшие председатели Петроградской и Московской судебных палат Затвор-

ницкий и Линк были уволены (первый из них вскоре стал товарищем обер-прокурора гражданского кассационного департамента Сената, а второй сенатором), а на их места назначены товарищ председателя Петроградского окружного суда Н.Н. Таганцев и председатель Московского мирового съезда В.Н. Челищев.

Замена высших прокурорских чинов происходила довольно гладко, так как они подчинялись непосредственно министру юстиции, как генерал-прокурору. Труднее было «расчищать» Правительствующий сенат и судебное ведомство. Ведь по закону и сенаторы и судьи были несменяемы. Этот принцип подтвердило и Временное правительство.

В марте-апреле 1917 года были освобождены от своих должностей почти все старые сенаторы: Корсак, Драверт, Кривцов, Зуев, Силин, Золотарев, Андреевский, Позен, Лошепрев, Лагода и другие. Обоснование, как правило, было одно: «Согласно прошению, по болезни». Их места занимали новые люди и среди них немало адвокатов. Стали сенаторами, в частности, присяжные поверенные О.О. Грузенберг, Л. Андроников, А.А. Леонтьев, П.С. Ширский, А.С. Чумаевский, И.Б. Гуревич, Н. Шнитников, С.А. Левицкий и другие. Некоторые адвокаты, раньше пренебрежительно отзывавшиеся о сенаторах, так вошли во вкус, что везде и всюду стали открыто подчеркивать свое сенаторское звание. Например, присяжный поверенный О.О. Грузенберг учинил настоящий разнос судебному следователю Г.П. Гирчичу, осмелившемуся не назвать его сенатором.

С первых же дней вступления в должность А.Ф. Керенскому в качестве генерал-прокурора пришлось не только направлять всю деятельность лиц прокурорского надзора в принципиально новых условиях, но и организовывать расследование дел первостепенной важности. Революционно настроенные солдаты и рабочие, как уже отмечалось, самочинно задерживали высших должностных лиц царского правительства, чинов полиции, жандармерии и охранки. Чтобы избежать ненужных жертв, необходимо было сразу же направить эту стихию в нужное русло, если уж не закона (царские законы здесь явно не годились, а новых еще не было), то, по крайней мере, «революционной целесообразности». В то же время требовалось срочно разобраться и с тысячами лиц, арестованных царскими властями за различные преступления. Что касается политических, здесь все было предельно ясно. Распоряжение об их освобождении было дано Керенским незамедлительно. Но многие сидели в тюрьмах и за совершение общеуголовных преступлений. Для этих целей были образованы 20 следственных комиссий, которым предписывалось обойти все места заключения и выяснить, за кем из

арестованных не числится никаких дел и кто из них может быть освобожден.

Министерство юстиции выработало также правила о порядке освобождения добровольно сдавшихся полицейских и жандармских чинов.

В соответствии с указом Временного правительства всем лицам, осужденным за общеуголовные преступления и находящимся в бегах, в случае их добровольной явки мера наказания сокращалась наполовину. Применение этой льготы возлагалось на местную прокуратуру.

4 марта 1917 года Временное правительство учредило Верховную следственную комиссию для расследования противозаконных по должности действий бывших министров, главноуправляющих и других высших должностных лиц. Председателем ее стал московский присяжный поверенный Н.К. Муравьев, а товарищами (заместителями) председателя сенаторы — С.В. Иванов и С.В. Завадский.

11 марта было утверждено специальное Положение о комиссии, которая с этих пор стала официально называться (по предложению А.Ф. Керенского) Чрезвычайной следственной комиссией для расследования противозаконных по должности действий бывших министров, главноуправляющих и прочих должностных лиц как гражданского, так военного и морского ведомств. В соответствии с Положением комиссия состояла при министре юстиции в качестве генерал-прокурора и включала в себя председателя (пользующегося правами товарища министра юстиции), двух товарищей председателя и четырех членов, назначаемых приказами Временного правительства (впоследствии число членов было увеличено). При комиссии состояли также лица, командированные министром юстиции для производства следственных действий. Председатель комиссии имел право привлекать для ведения делопроизводства как должностных лиц всех ведомств, так и частных.

Положение предусматривало, что возбуждение предварительного следствия, привлечение в качестве обвиняемого, а также производство осмотров и выемок почтовой и телеграфной корреспонденции должны производиться только с ведома комиссии. За всеми следственными действиями наблюдали члены комиссии. Акты окончательного расследования комиссия обязана была представить генерал-прокурору для доклада Временному правительству.

Для выполнения следственных действий к комиссии были прикомандированы товарищи прокуроров некоторых окружных судов: Петроградского — Колоколов и Стельбицкий, Виленского — Романовский, Витебского — Южик-Компанейц, председа-

тель Полтавского окружного суда Руднев, петроградские следователи Александров, Санчаков, Можайский и другие.

Общий состав комиссии (включая канцелярских служащих) вскоре достиг 150 человек.

Чрезвычайная следственная комиссия первоначально помещалась в здании Сената, а затем переместилась в Зимний дворец, где и оставалась вплоть до Октябрьской революции. Она официально делилась на президиум и следственную часть. Комиссия работала ежедневно с 10 часов утра до 7 часов вечера. Четыре раза в неделю проходили пленарные заседания, на которых члены комиссии допрашивали свидетелей и обвиняемых. При допросе арестованных вся комиссия выезжала в Петропавловскую крепость.

Члены комиссии хотя и работали слаженно, полного взаимопонимания достичь не сумели. Иногда судьба обвиняемых (оставаться им под арестом или нет) решалась с перевесом в один-два голоса.

Чрезвычайная следственная комиссия занималась делами практически всех высших царских сановников. Наиболее серьезные обвинения были предъявлены бывшим министрам юстиции И.Г. Шегловитову и Н.А. Добровольскому, министрам внутренних дел Б.В. Штюмеру, А.Н. Хвостову, А.Д. Протопопову, А.А. Макарову и другим.

Члены комиссии и прикомандированные к ней следователи допросили тысячи лиц, провели сотни других следственных действий. Материал, собранный комиссией, огромен. В Государственном архиве Российской Федерации в фонде Чрезвычайной следственной комиссии находятся сотни томов дел. Достаточно отметить, что только дело И.Г. Шегловитова составляет 38 томов, Н.А. Добровольского — 10.

Чрезвычайная следственная комиссия готовила материалы к Учредительному собранию, но так и не завершила свою работу. После Октябрьской революции комиссия прекратила свое существование. В 1926—1927 годах бывший член комиссии П.Е. Щеголев издал семь томов стенографического отчета заседаний Чрезвычайной следственной комиссии, но еще более огромный пласт материалов до сего дня не издан.

Министр юстиции А.Ф. Керенский остро реагировал на все известные ему случаи противодействия местной прокурорской и судебной власти. Этим он хотел сразу же дать понять всем, что крепко держит в своих руках бразды «революционной законности». Так, когда в апреле 1917 года прокурор Московской судебной палаты донес ему о том, что члены Рязанского губернского исполкома самочинно изъяли из канцелярии прокуратуры окружного суда различные дела и документы, министр

предписал рязанским властям немедленно их вернуть. В распоряжении, которое было опубликовано в печати, А.Ф. Керенский довел до всеобщего сведения то, что лица прокурорского надзора непосредственно подчинены ему, как генерал-прокурору, и являются «слугами общего народного дела». В случае же недовольства ими жалобы на их действия должны быть принесены министру юстиции, и он, со своей стороны, отнесется к ним с полным вниманием и в случае обнаружения каких-либо неправильностей примет «подобающие строгие меры». Но самовольные и насильственные действия по отношению к лицам судебного ведомства недопустимы.

В должности министра юстиции и генерал-прокурора А.Ф. Керенский оставался недолго, всего два месяца. За это время, несмотря на его многочисленные поездки, постоянные встречи с депутациями и делегациями, общественными организациями, бесконечные выступления, и днем и ночью, в самых разнообразных аудиториях, он провел титаническую работу по созданию новых органов власти и управления, преобразованию старых судебных установлений, обновлению административного, уголовного и гражданского процессуального и материально-го законодательства.

К А.Ф. Керенскому поступало немало предложений о том, чтобы «вернуть судам возвещенную великими Судебными уставами независимость». Постановлением Временного правительства при Министерстве юстиции была образована Комиссия по восстановлению основных положений Судебных уставов 20 ноября 1864 года и согласованию их с происшедшей переменой в государственном устройстве. В нее вошли 60 человек (все наиболее известные юристы и общественные деятели, в том числе А.Ф. Кони, К.К. Арсеньев и др.). Председателем ее стал А.Ф. Керенский.

13 апреля 1917 года, в 2 часа дня, в большом зале министерства состоялось торжественное открытие Комиссии. Вел заседание министр юстиции. Он кратко наметил задачи, стоящие перед Комиссией, и назначил своим заместителем товарища министра А.С. Зарудного. После него выступил А.Ф. Кони, который воспроизвел «полную картину падения идеи Уставов». Затем высказались Н.К. Муравьев, Н.П. Карабчевский, О.О. Грузенберг и другие. Подвел итоги работы А.С. Зарудный.

На заседании Комиссии были решены организационные вопросы, в частности, созданы три подкомиссии: по судоустройству (под председательством товарища министра Г.Д. Скарятина), по уголовному судопроизводству (под председательством А.Ф. Кони) и по гражданскому судопроизводству (под председательством Я.Ф. Гансау).

В числе основных законодательных актов первых месяцев революции был подготовлен (под руководством Г.Д. Скарятина) проект закона о местной юстиции. Закон «О временном устройстве местного суда» был подписан 4 мая 1917 года.

Острый политический кризис, разразившийся в России в конце апреля 1917 года, привел к созданию 5 мая первого коалиционного правительства во главе с князем Г.Е. Львовым. А.Ф. Керенский получил в новом правительстве портфель военного и морского министра (вместо подавшего в отставку А.И. Гучкова). Министром юстиции и генерал-прокурором стал бывший присяжный поверенный, прокурор Петроградской судебной палаты П.Н. Переверзев. Одновременно были образованы новые министерства: труда, продовольствия, почт и телеграфов и государственного призрения.

Получив новый ответственный пост, А.Ф. Керенский начал «агитационный объезд фронта». Встречали его первое время восторженно.

А.Ф. Керенский на посту военного министра осуществил немало поездок и произнес много «зажигательных» речей. Однако они мало влияли на положение дел на фронте. Начавшееся было в июне 1917 года наступление русских войск на Юго-Западном фронте вскоре замедлилось, а потом и вовсе было остановлено. Провал наступления на фронте еще более усугубил внутреннюю обстановку в стране. 3 июля 1917 года сотни тысяч рабочих и солдат вышли на улицы Петрограда, требуя от Советов взять власть в свои руки. Выступление было подавлено Временным правительством. Начались преследования и аресты большевистских лидеров как зачинщиков июльского выступления. После ухода 8 июля в отставку министра-председателя Г.Е. Львова и некоторых министров из числа кадетов, в том числе и министра юстиции П.Н. Переверзева, А.Ф. Керенский стал фактически руководителем правительства. В течение двух недель шли переговоры о создании второго коалиционного правительства. 10 июля 1917 года пост министра юстиции временно занял член Государственной Думы И.Н. Ефремов.

24 июля 1917 года правительство было сформировано. Министром-председателем стал А.Ф. Керенский, сохранивший за собой и портфель военного и морского министра. Министром юстиции и генерал-прокурором был назначен А.С. Зарудный. Своей резиденцией А.Ф. Керенский избрал Зимний дворец.

А.Ф. Керенский сосредоточил в своих руках огромную власть, однако распорядиться ею должным образом не сумел. Как писал Н.Н. Суханов, «тяжкое бремя история возложила на слабые плечи». По его мнению, Керенский «по мере сил удушал революцию».

В июле 1917 года А.Ф. Керенский поставил Верховным главнокомандующим русской армией генерала Корнилова. Однако именно на него и сделали основную ставку лица, которые считали, что революция «сошла с рельсов». Корниловский мятеж в августе 1917 года, подавленный только благодаря энергичным действиям революционных рабочих и солдат столичного гарнизона, возглавляемых большевиками, лишь недавно сурово преследуемыми Временным правительством за июльское выступление, показал всю шаткость и непрочность позиций Керенского. Не спасли положение ни провозглашение России республикой (1 сентября 1917 года), ни создание Директории из пяти членов правительства во главе с А.Ф. Керенским, ни назначение его Верховным главнокомандующим, ни даже 3-е коалиционное правительство, сформированное 25 сентября (пост министра юстиции и генерал-прокурора занял в нем П.Н. Малянтович).

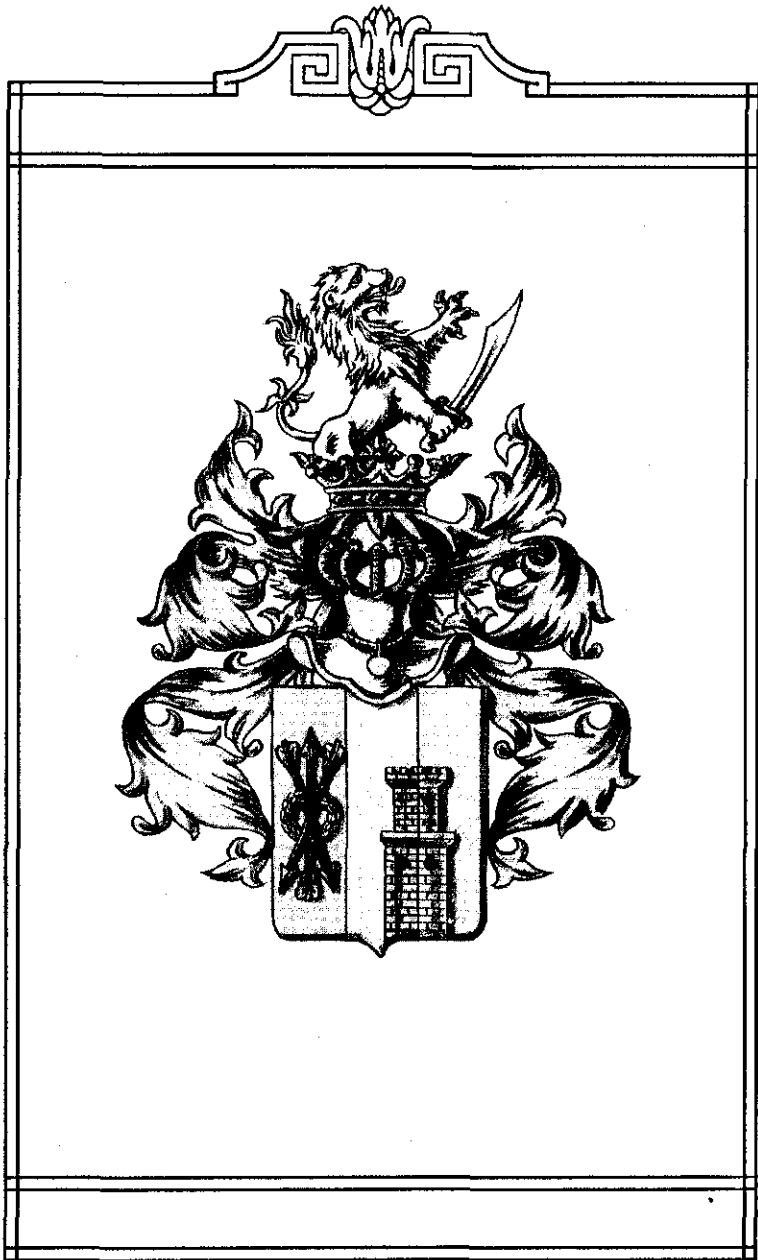
Престиж А.Ф. Керенского резко упал, и, несмотря на то, что он соединил в своих руках практически неограниченную власть, он уже не владел ситуацией. 25 октября (7 ноября) 1917 года Временное правительство было низложено, а все министры арестованы. А.Ф. Керенский сумел накануне переворота выбраться из Зимнего дворца, направившись на машине на встречу вызванным с Северного фронта войскам. До 1 ноября 1917 года он еще пытался осуществить контрреволюцию. Поскольку командующий Северным фронтом В.А. Черемисов под давлением армейского комитета отменил свой приказ о движении войск на Петроград, А.Ф. Керенский, опираясь на казаков П.Н. Краснова, сумел войти в Гатчину. После разгрома под Пулковым правительственных войск все надежды на восстановление власти Временного правительства рухнули. Сам Керенский только чудом избежал ареста — его, переодетого в матросскую форму, тайно вывели из Гатчинского дворца. Впоследствии он вспоминал: «Я ушел из дворца за 10 минут до того, как предатели ворвались в мои комнаты. Я ушел, не зная еще за минуту, что пойду. Прошел нелепо переодетый под носом и у врагов, и у предателей».

С этого времени А.Ф. Керенский находился в России на нелегальном положении. Вначале он скрывался в Новгородской губернии, а в январе 1918 года тайно перебрался в Петроград, где намеревался выступить на Учредительном собрании. Однако этому помешали эсеры, посчитав затею Керенского опасной. После разгона большевиками Учредительного собрания А.Ф. Керенский перебрался в Финляндию. Через некоторое время он возвратился в Петроград, а затем появился и в Москве. Здесь он установил контакты с «Союзом возрождения Рос-

сии», по предложению которого в июне 1918 года с паспортом сербского гражданина перебрался в Англию и навсегда покинул Россию.

В эмиграции А.Ф. Керенский прожил более 50 лет. Первое время он не оставлял надежды с помощью Антанты организовать антибольшевистскую революцию, но все его попытки в этом направлении ни к чему не привели. В 20-е годы А.Ф. Керенский активно выступал в эмигрантской печати, осмысливая произошедшие события и критически оценивая возможности Временного правительства по проведению реформы в стране. Из Лондона он переехал жить в Берлин, а затем в Париж, где оставался до 1940 года. Он почти полностью отдался литературной деятельности, редактировал газету «Дни», готовил к изданию свои воспоминания. Во время Второй мировой войны, когда немецкие войска готовы были вступить в Париж, А.Ф. Керенский покинул Францию и перебрался в Соединенные Штаты Америки. Там он продолжал работать над своими мемуарами, а также выпустил (в соавторстве с Р. Браудером) трехтомный труд «Русское Временное правительство».

Александр Федорович Керенский скончался в 1970 году.

«ПРИЗВАН НА ОТВЕТСТВЕННЫЙ ПОСТ»

Павел Николаевич Переверзев родился в 1871 году. После окончания юридического факультета С.-Петербургского университета некоторое время служил в судебном ведомстве. В 1901 году он вступил в сословие присяжных поверенных и вскоре завоевал признание как один из лучших столичных адвокатов. Так же как и А.Ф. Керенский, он примыкал к трудовикам и был активным участником масонской ложи.

П.Н. Переверзев, за редким исключением, не вел ни гражданских дел, ни уголовных. Весь свой профессиональный опыт, все свое огромное ораторское искусство он сосредоточил на защите лиц, обвинявшихся властями в политических преступлениях. Современники вспоминали, что здесь он был «принципиальным, смелым и мужественным». Политические пристрастия присяжного поверенного не раз оборачивались для него серьезными неприятностями — он подвергался преследованиям и репрессиям со стороны правительства, а после подписания совместно с А.Ф. Керенским, Н.Д. Соколовым и другими адвокатами письма-протеста по делу Бейлиса угодил в тюрьму на восемь месяцев.

Известный юрист Б.С. Утевский вспоминал, что речи П.Н. Переверзева производили настолько сильное впечатление на слушателей, что он выигрывал почти безнадежные дела. Так было, например, когда Переверзев произнес блестящую речь в защиту административно-ссыльного М. Манского, который обвинялся в том, что убил конвойного начальника Сикорского, пытавшегося изнасиловать арестантку. Суд оправдал подсудимого.

С восхищением писал об ораторском искусстве Переверзева его коллега по адвокатской корпорации А.А. Демьянов: «Сам по себе милый человек, «душа человек», веселый и экспансивный, Переверзев производил на всех очень хорошее впечатление. Он пользовался хорошей репутацией как оратор. И действительно, он владеет свободно речью, имеет хороший голос. Насколько я могу судить, речи его, однако, никогда не были программны,

мысли, им высказываемые, были метки и речь его с внешней стороны была не без блеска».

Переверзев принимал участие во многих политических процессах.

В январе 1909 года Павел Николаевич участвовал (совместно с С.А. Андреевским) в защите редактора журнала «Былое» П.Е. Щеголева, которому было предъявлено обвинение по статье 129 Уголовного уложения. Ему вменялось то, что в журнале опубликовались статьи и материалы, призывающие к «ниспровержению существующего в государстве общественного строя, повиновению и противодействию закону и учинению других тяжких преступлений». Редактору грозило наказание в виде заключения в исправительном доме до трех лет.

П.Н. Переверзев был давним приятелем П.Е. Щеголева и одним из авторов журнала «Былое». В частности, в апрельской книжке за 1907 год появилась большая статья Павла Николаевича о карательной экспедиции генерал-лейтенанта П.К. Ренненкампа в Забайкальской области в 1906 году (окончание ее появилось в журнале только спустя десять лет).

В связи с этим делом П.Н. Переверзев писал П.Е. Щеголеву: «Что касается прекращения дела по обвинению Вас по 129 статье, то здесь сделать пока ничего не мог, дела еще нет в прокуратуре, да ничего, вероятно, и не придется делать. Каков бы был материал предварительного следствия, обвинительный акт будет составлен, но я все-таки в свое время приму меры, что-нибудь и выйдет: ведь Вы человек со счастьем».

Дело слушалось 13 января 1909 года Особым присутствием С.-Петербургской судебной палаты. Процесс в отношении редактора журнала «Былое» вел председатель палаты Н.С. Крашенинников, уже не раз преследовавший в судебном порядке авторов «вредоносных публикаций». На сей раз красноречие двух выдающихся юристов оказалось бесплодным. П.Е. Щеголеву из зала суда был отправлен в тюрьму. Журнал «Былое» закрыли. Не помогла и апелляция, которую поддержали в четвертом отделении уголовного кассационного департамента Сената присяжные поверенные С.А. Андреевский и В.А. Маклаков. Сенатор А.М. Кузьминский ее отклонил.

П.Н. Переверзев редко брался за обычные уголовные дела, тем не менее в некоторых крупных процессах он участвовал. Расскажем об одном из них. Это так называемое «Дело о миллионах князя Огинского». Оно слушалось С.-Петербургским окружным судом в мае 1911 года. Дело приобрело сенсационную известность благодаря тому, что на скамье подсудимых оказались представители высшего света — шталмейстер Двора Его Величества, отставной гвардии полковник Владимир Ми-

хайлович Вонлярлярский, обладавший некогда миллионным состоянием, но к началу суда порядком разорившийся, и его сын, Дмитрий Владимирович, блестящий офицер, окончивший Академию Генерального штаба, зять бывшего министра юстиции и генерал-прокурора Д.Н. Набокова (он был женат на дочери министра, Надежде Дмитриевне).

Они обвинялись в том, что совместно с комиссионером Длуголенцким путем подкупа склонили ряд лиц к составлению подложного духовного завещания от имени князя Богдана Огинского. В завещании отмечалось, что Огинский назначает главным наследником своего «друга и отдаленного родственника» генерала Н.М. Вонлярлярского с тем, чтобы он «принял герб, титул и фамилию князя Огинского», исходатайствовав на это Высочайшее соизволение, и чтобы, если он не переживет завещателя, все права по завещанию перешли к его «родному племяннику», старшему сыну его брата, В.М. Вонлярлярского, Дмитрию Владимировичу.

Это завещание было предъявлено поверенным Дмитрия Вонлярлярского в С.-Петербургский окружной суд, где оно и было утверждено в августе 1909 года. Более того, Вонлярлярские добились Высочайшего повеления Правительствующему сенату рассмотреть прошение Д.В. Вонлярлярского о разрешении ему принять и носить герб, титул и фамилию князя Огинского, «не стесняясь тем обстоятельством, что желание князя Богдана Огинского о передаче титула, герба и фамилии изложено в его духовном завещании, а не во всеподданнейшей просьбе».

Однако Сенат не успел рассмотреть прошение, так как завещание было оспорено опекуном над имуществом Огинского графом М. Потулицким и вдовой князя М.К. Огинской. После этого следственные органы быстро установили подложность завещания.

На скамье подсудимых оказались одиннадцать человек. Обвинительный акт составил огромную книгу в шесть тысяч строк. Председательствовал на суде Кудрин, а обвинение подерживал прокурор Ненарокомов.

Защита была представлена цветом адвокатуры. Дмитрия Вонлярлярского защищали присяжные поверенные С.А. Андреевский и М.Л. Гольдштейн. Его отца — Казаринов и Базунов. Среди защитников были известные адвокаты А.В. и В.М. Бобрисшевы-Пушкины, И.И. Бибииков и другие. П.Н. Переверзев защищал в этом деле заведующего делами местного комитета пенсионной кассы Балтийской железной дороги Ольшевского, который был втянут Вонлярлярскими в это преступление и совместно с Ярошевским, Монкевичем и другими лицами составил

подложное завещание, а затем дал в суде под присягой ложные показания.

Пикантность делу придавало и то обстоятельство, что князь Огинский, оставивший колоссальное миллионное состояние, принадлежавший к высшему польскому обществу и являвшийся последним представителем знатного литовско-русского рода, был воспитанником (а по некоторым данным — побочным сыном) императора Николая I. Вонлярлярские также претендовали на это и доказывали, что дед Дмитрия Вонлярлярского тоже был побочным сыном императора Николая I.

Подавляющее большинство подсудимых, в том числе оба Вонлярлярских, виновными себя не признавали. Дмитрий Владимирович говорил, что его «запутал отец», а Владимир Михайлович все взваливал на сына. Ольшевский был одним из немногих, кто полностью признавал себя виновным. Таким образом П.Н. Переверзев оказался в этом деле в менее выигрышном положении, нежели другие адвокаты, которые великолепно использовали, каждый в своих интересах, существенные противоречия между отцом и сыном.

Защитник Дмитрия Владимировича С.А. Андреевский утверждал, что его подзащитный был «обманут теми, кому интересно было, в целях личной наживы, использовать нелады, возникшие в опеке над личностью и имуществом Огинского». Второй его защитник, присяжный поверенный М.Л. Гольдштейн, красноречиво доказывал, что Дмитрий, человек, «страдающий крайним самомнением», был вовлечен в дело «красивым обманом, на который он был так падок».

Первый защитник В.М. Вонлярлярского Казаринов утверждал, что «установить, будто отец знал о подлоге, невозможно», а другой защитник Базунов говорил о том, что нет ничего хуже, чем оговор сыном отца.

В этом сложном деле, где подсудимые с помощью адвокатов выпутывались, как могли, П.Н. Переверзев проявил высочайший профессионализм и сумел найти простые и довольно убедительные слова в защиту Ольшевского. Он сказал, что, несмотря на «наличность подлога со стороны Ольшевского, дело о нём все-таки решается не так-то легко и было бы жестоко и несправедливо, не задумываясь, осудить Ольшевского, который с такой беспощадной правдивостью осудил себя сам». «В нелегкой, тягостной житейской борьбе Ольшевский, как показывают свидетели, — продолжал Переверзев, — сумел сохранить в себе жалость к человеку. И это одно уже доказывает, что преступником он не был, ибо для этого нужно быть, прежде всего, страстным эгоистом и покорным рабом своих вожделений. Конечно, подписывая духовное завещание, Ольшевский знал, что на-

рушает формальную правду, но в том-то и дело, что по всему складу характера своего Ольшевский такой человек, что отвле-ченные формулы ему чужды и благо живого человека для него дороже формальной правды. А затем у нас общая черта — отсутствие особого уважения к закону, черта, наблюдаемая буквально везде...»

Не предрешая приговора, П.Н. Переверзев в заключение своей речи только заметил, что присяжные заседатели в отношении Ольшевского должны решить сложную задачу: или ввергнуть его окончательно в ту пропасть, на краю которой он очутился, или вернуть его тем, кто его так любит и уважает.

Вердиктом присяжных заседателей Ольшевский был оправдан. П.Н. Переверзев и на этот раз блестяще выиграл дело. Оправдан был и В.М. Вошнярлярский. Его сын, Дмитрий Владимирович, был осужден к двум годам тюремного заключения. Правда, присяжные постановили представить через министра юстиции на Высочайшее усмотрение ходатайство о смягчении ему назначенного наказания. Были осуждены и некоторые другие подсудимые.

...Во время первой мировой войны петроградские адвокаты на свои средства сформировали передовой санитарно-перевязочный отряд (санитарный поезд). Руководителем его стал П.Н. Переверзев. Здесь он приобрел славу «искусного администратора». В редкие приезды в Петроград он направлялся обычно в Министерство юстиции верхом и в форме, сшитой на военный образец. 15 сентября 1915 года он выступил с докладом о деятельности руководимого им отряда на общем собрании присяжных поверенных и их помощников округа Петроградской судебной палаты. Переверзев обратился с призывом к своим коллегам «сплотиться около войны для дальнейшей борьбы и окончательной победы над неприятелем», чем вызвал бурные и продолжительные овации всего зала. 21 сентября 1915 года он снова выехал на фронт.

П.Н. Переверзев одним из первых петроградских адвокатов получил от Временного правительства ответственный пост — 11 марта 1917 года он стал прокурором Петроградской судебной палаты. На его плечи свалилась, пожалуй, наиболее тяжелая ноша. Работу приходилось начинать в принципиально новых условиях, когда старые методы прокурорского надзора уже не годились, а новых еще не было. К тому же прокурорская деятельность требовала несколько иных качеств, нежели адвокатская, и в первую очередь нужны были «административная жилка», умение организовывать работу большого коллектива. Некоторый опыт администрирования Переверзев приобрел, руководя

санитарным отрядом. Это ему несколько помогло. П.Н. Переверзеву сразу же пришлось решать множество неотложных и трудных вопросов. Немудрено, что на первых порах он допустил ряд серьезных ошибок. Пока еще он на все смотрел глазами присяжного поверенного.

Возглавив столичную прокуратуру, Переверзев начал с того, что выпустил на свободу, не посоветовавшись ни с кем, некоторых арестованных сановников, чем вызвал гнев министра юстиции А.Ф. Керенского. Последний (по рассказу самого Переверзева) даже накричал на него. Пришлось водворить всех обратно в тюрьму.

И тем не менее П.Н. Переверзев пользовался хорошей репутацией в общественных кругах — сказывались, конечно, его активная адвокатская деятельность, пребывание на фронте, смелость и решительность. Познакомившийся с ним в этот период С.В. Завадский писал: «Среднего возраста и среднего роста, крепкого сложения, спокойно-уравновешенный, скорый на слова, с неизменной трубкою-носогрейкою, он производил впечатление надежного человека. Подчиненные по прокурорскому надзору относились к нему, в общем, с симпатией».

П.Н. Переверзев в качестве прокурора судебной палаты стал немедленно собирать материалы о деятельности полиции и охранного отделения. Для этого он обратился через газету ко всем гражданам, имеющим какие-либо сведения о чинах наружной полиции, свидетельствующие «о предосудительности их деятельности и несовместимости ее с установившимся государственным строем», направлять их в канцелярию прокуратуры по адресу: Преображенская улица, угол Озерного переулка. Заявления должны быть «за подписью и с указанием адреса».

В другом объявлении, помещенном в газете, прокурор просил всех лиц, у которых имеются дела и документы бывшего охранного отделения, немедленно доставить их в прокуратуру.

Учитывая личные качества Переверзева, генерал-прокурор А.Ф. Керенский именно ему поручил посетить Кронштадт, где революционные матросы самочинно арестовали своих офицеров и отказывались подчиняться Временному правительству. Здесь Павлу Николаевичу пришлось пережить немало неприятных минут. Достаточно сказать, что во время его речи матросы демонстративно щелкали затворами. Пытаясь «успокоить злобствующих», П.Н. Переверзев, по отзывам современников, «выказал незаурядную смелость и большое присутствие духа». Хо-

тя прокурор вел себя храбро, его миссия окончилась неудачно — никакие уговоры на матросов не возымели действие. К тому же в пылком выступлении он пообещал матросам то, что никак не мог бы выполнить. Это оказалось явно не в его пользу и не способствовало переговорам.

28 марта 1917 года А.Ф. Керенский после личного посещения Кронштадта и присутствия на заседании Совета рабочих и солдатских депутатов доложил Временному правительству об «успокоении матросов».

В должности прокурора судебной палаты П.Н. Переверзев столкнулся с одной очень серьезной проблемой — арестами. Мы уже отмечали, что задержание и аресты представителей старой власти стали фактически повальными. Число арестованных уже в первые дни революции перевалило за несколько тысяч. Причины как задержания, так и освобождения тех или иных лиц были не только разнообразны, но и противоречивы. Министерство юстиции, общественное градоначальство, думские комиссии, временные суды — все эти органы придерживались различных (иногда прямо противоположных) взглядов по этим вопросам.

Изучив проблему арестов, П.Н. Переверзев совместно с председателем комиссии, избранной Петроградским Советом присяжных поверенных для «обследования причин задержания арестованных», адвокатом М.Л. Гольдштейном представили докладную записку А.Ф. Керенскому. В ней они предлагали немедленно образовать при прокуратуре палаты «комиссию об арестованных» в составе председателя и семи членов (по одному от мирового суда, прокуратуры, Совета рабочих депутатов, общественного градоначальства, Государственной Думы, главного тюремного управления и адвокатуры).

Комиссия, по мнению авторов записки, должна была в кратчайший срок зарегистрировать всех арестованных; разделить их на группы частных и должностных лиц и подгруппы: городовые, околоточные, жандармы, чины сыскной полиции и т.д.; выработать инструкцию, которой должны руководствоваться временные суды; организовать работу этих судов в две смены; установить четкие условия, при которых могут производиться аресты, — письменный приказ прокурора судебной палаты (при его отсутствии арестованные в течение 24 часов должны быть освобождены).

Этот доклад был утвержден А.Ф. Керенским. Председателем комиссии назначили присяжного поверенного М.Л. Гольдштейна.

17 марта 1917 года товарищ министра юстиции Г.Д. Ска-

рятин утвердил «Временные правила об условиях освобождения арестованных и производстве новых арестов в городе Петрограде». В них, в частности, отмечалось, что «при отсутствии письменного приказа, постановления или других достаточных оснований к задержанию лиц временные суды постановляют о немедленном их освобождении». И далее: «Аресты, вызванные соображениями политического свойства, производятся чинами милиции по письменному приказу прокурора Петроградской судебной палаты или лица прокурорского надзора, им на то уполномоченного». В случае «неотложного» задержания об этом немедленно должно быть сообщено прокурору палаты. Если в течение 24 часов письменного приказа от прокурора не последует, то арестованный подлежит освобождению.

Министерство юстиции предложило организовать комиссии по надзору за арестами и освобождением арестованных и в других местностях России.

5 мая 1917 года после острого внутривластного апрельского кризиса было сформировано новое правительство, которое возглавил Г.Е. Львов. А.Ф. Керенский получил в нем портфель военного и морского министра. Павел Николаевич Переверзев стал министром юстиции и генерал-прокурором. В еженедельнике «Искра» за 1917 год (№ 18) Переверзев был назван «одним из выдающихся присяжных поверенных округа Петроградской судебной палаты». «Когда произошел настоящий переворот, — отмечалось в газете, — П.Н. Переверзев был призван министром юстиции А.Ф. Керенским на ответственный пост прокурора Петроградской судебной палаты. Через его руки за последнее время прошел целый ряд особо важных дел по расследованию преступлений старой власти».

Став министром и генерал-прокурором, П.Н. Переверзев посчитал своей обязанностью нанести визит Петроградскому Совету присяжных поверенных, из среды которого он вышел. Встреча, дружественная и теплая, состоялась на квартире Н.П. Карабчевского. Здесь новый министр, несколько увлекшись, произнес такую речь, которая в другое время несомненно шокировала бы адвокатов. Он откровенно говорил о том, что правительству часто приходится прибегать к явно незаконным действиям. Это он испытал на себе в бытность прокурора судебной палаты. Так же, по всей вероятности, ему придется поступать и в качестве министра. Переверзев выразил даже сомнение, что после отставки присяжные поверенные примут его обратно в свое сословие. И далее в таком же духе. Однако адвокаты были настолько радостно возбуждены от встречи с вы-

соко взлетевшим коллегой, что пропустили его слова «о беззакониях» мимо ушей.

Вступив в должность, П.Н. Переверзев назначил дополнительно еще одного заместителя — своего близкого друга А.А. Демьянова, директора 2-го департамента министерства. Спустя месяц после ухода «по болезни» товарища министра А.С. Зарудного он назначил на его место популярного харьковского присяжного поверенного Б.Я. Вальца, которого также хорошо знал.

Необходимо заметить, что П.Н. Переверзев порой довольно оригинально решал кадровые вопросы. В связи с этим его заместитель А.А. Демьянов имел с ним не одну острую стычку. Переверзев часто давал обещания, которые был не в состоянии выполнить. Так случилось, например, при решении судьбы прокурора Тифлисской судебной палаты Кисилевского. Поскольку после революции в судебном мире первую скрипку играли адвокаты, то к их мнению особенно прислушивались в министерстве. Тифлиские адвокаты дали отрицательный отзыв о Кисилевском как о прокуроре. И хотя вскоре они изменили о нем свое мнение, прокурору это не понравилось и он поставил вопрос перед министерством о переводе его в другую местность. Однако подходящей вакансии тогда не оказалось.

Несмотря на это, П.Н. Переверзев в разговоре с Кисилевским, «под давлением минуты», твердо пообещал назначить его старшим председателем Петроградской судебной палаты. Когда об этом стало известно А.А. Демьянову, отвечавшему за кадры, то он явился к Переверзеву и прямо сказал, что Кисилевского еще рано назначать на такую должность и что его решением будут «недовольны в судебном мире». Переверзев выслушал возражение молча, ничего не сказал, однако назначения не последовало. Только в сентябре 1917 года Кисилевский был пристроен на должность товарища обер-прокурора общего собрания кассационных департаментов Сената.

В другой раз министр захотел устроить одного своего друга, присяжного поверенного, председателем окружного суда в Одессе. По отзывам, этот адвокат оказался в «достаточной мере ленивым» и явно не соответствовал бы своей новой должности. Однако Переверзев настаивал на этом назначении и переубедить его было невозможно. Тогда Демьянов в личной беседе с претендентом сумел так «запугать» его предстоящей высокой ответственностью, что тот сам отказался от должности.

С.В. Завадский отмечал в своих воспоминаниях, что, став министром, П.Н. Переверзев «не обнаружил... ни настойчиво-

сти, ни последовательности. Его, как и Керенского, как и все Временное правительство; как, может быть, и большинство членов исполнительного комитета Советов рабочих депутатов, несло, куда хотело, крайнее левое течение, становившееся сильнее и сильнее, но пока оставшееся по-прежнему подводным, хотя кое-где уже и поднимавшееся на поверхность».

Некоторые современники, примыкавшие к большевистскому крылу социал-демократической партии, вообще полагали, что Переверзев слишком круто изменил свою политическую ориентацию. Защитник большевиков на судебных процессах, устраиваемых царским правительством, превратился в их ярых гонителей, особенно после июльских событий.

В бытность свою прокурором палаты, а также став генерал-прокурором, П.Н. Переверзев нередко занимался вопросами, больше подходящими для амплуа общественного деятеля, нежели руководителя высокого государственного органа. Например, в Петроградской прокуратуре он держал на должности товарища прокурора специального человека, занимавшегося «подысканием» квартир для каких-то политических организаций. С подобными же просьбами к нему часто обращались и в Министерстве юстиции. На замечания своих заместителей, что подыскивать квартиры не дело властей, П.Н. Переверзев обычно отвечал, что «нельзя и опасно со всеми ссориться».

Вообще он часто брался (иногда и с подачи А.Ф. Керенского) не за свои дела. Так, однажды Керенский поручил ему, тогда еще прокурору палаты, заняться вопросами организации контрразведки. П.Н. Переверзев не только согласился на это нелепое предложение, но и так втянулся в дело, что, когда стал генерал-прокурором, оставил этот вопрос за собой и даже получил под него (без какого-либо постановления правительства) крупную сумму денег. Он ежедневно (в ущерб другим делам) подолгу выслушивал доклады заведующего контрразведкой эсера Миронова. Многим сотрудникам это, конечно, не нравилось, но они помалкивали, тогда как товарищ министра А.С. Зарудный, человек горячий и резкий, был настолько возмущен, что порывался даже уйти из-за этого в отставку.

К серьезным недостаткам П.Н. Переверзева как министра можно было отнести его непоследовательность. Особенно явственно это проявилось при обсуждении вопроса об отмене (на короткий срок) принципа несменяемости судей. Вопрос был поднят по инициативе товарища министра А.А. Демьянова, который хотел как можно быстрее избавиться от «худых судей». Он говорил, что «нельзя представить себе ничего худшего, как

несправедливого судью, которого никто не может сместить». Некоторые юристы были с ним согласны. Поддерживал своего заместителя и П.Н. Переверзев.

Вопрос этот рассматривался на особом и весьма представительном совещании при министре юстиции. На нем присутствовали старшие председатели и прокуроры судебных палат, обер-прокуроры Сената, председатели Советов присяжных поверенных и Советов рабочих и солдатских депутатов, сенаторы и некоторые другие лица.

Многие участники совещания категорически возражали даже против самых малейших посягательств на судебскую независимость. Защитники ее главным образом ссылались на «священность института несменяемости». Прения оказались продолжительными и бурными. Особенно резко критиковали позицию Министерства юстиции первоприсутствующий гражданского кассационного департамента Сената Ганскау и обер-прокурор уголовного кассационного департамента Носович. Тогда Переверзев, чувствуя, что вопрос близок к провалу, встал на сторону защитников несменяемости судей, правда, несколько завуалировав свою позицию. Он внес предложение об образовании специального дисциплинарного суда с участием присяжных заседателей, который, по его мнению, и должен будет рассматривать в каждом конкретном случае вопрос о том, может ли тот или иной судья старого режима оставаться на своем посту. Одновременно с этим он считал необходимым образовать на местах специальные комитеты с участием представителей магистратуры и адвокатуры, которые должны будут предварительно обсуждать вопросы о необходимости «устранения» того или иного судьи. Заключение этих комитетов, по мысли Переверзева, следует представлять министру юстиции для окончательного разрешения вопроса — дать этому заключению дальнейшее движение с передачей его на рассмотрение дисциплинарного суда или же оставить его без последствий.

Современники вспоминали, что П.Н. Переверзев любил вести личные приемы населения. Он говорил, что на них «лучше узнаешь истинные нужды народа». Однако приемные часы министра доставляли массу неприятностей сотрудникам, так как Переверзев часто принимал решения даже не изучая дело. Например, он с ходу и совершенно неоправданно мог отменить решения временных судов.

П.Н. Переверзев контролировал работу Чрезвычайной следственной комиссии. Спустя несколько лет после своей отставки на допросе у следователя по особо важным делам Н.А. Соколова, расследовавшего по поручению Колчака обстоятельства

убийства царской семьи в Екатеринбурге, П.Н. Переверзев говорил: «Как министр юстиции, я был в курсе работ Чрезвычайной комиссии, которая под председательством Муравьева обследовала деятельность министров и других высших лиц старого режима до февральского переворота. Мне было известно, что эта же Комиссия выясняла и роль государя и государыни и лиц, близких к ним. Я удостоверяю, что Муравьев несколько раз имел у меня доклады по вопросу о «вине» царя. Муравьев находил его виновным единственно в том, что он по докладам Шегловитова иногда прекращал разные дела, на что он не имел права даже по той конституции, которая существовала в России до революции, так как это право не принадлежит монарху даже самодержавному, имеющему право лишь помилования, но не прекращения дел. Большой его вины не было обнаружено, и о его «виновности» в измене России, в смысле готовности заключить сепаратный мир с Германией, ни разу не было речи. Я сам в этом убежден совершенно и по сущей совести удостоверяю это обстоятельство».

По свидетельству Н.Н. Суханова, летом 1917 года «в стране продолжались эксцессы, беспорядки, анархия, захваты, насилие, самочинство, «республики», неповиновение и расформирование полков...» В таких условиях сделать что-либо кардинальное П.Н. Переверзев не мог; авторитет его стал заметно падать. В правительстве чувствовалась растерянность.

В начале июля 1917 года натиск «низов» на правительство достиг своего апогея. Коалиционное правительство по существу уже не владело обстановкой. 3 июля в Петрограде начались беспорядки, которые продолжались и на следующий день. Активную роль здесь играли большевики и их орган газета «Правда». Вечером 4 июля П.Н. Переверзев дал приказ о немедленном освобождении здания типографии. Посланный туда воинский отряд арестовал всех работников типографии, изъял рукописи и документы. Все это было доставлено Переверзеву, который находился в штабе Петроградского военного округа.

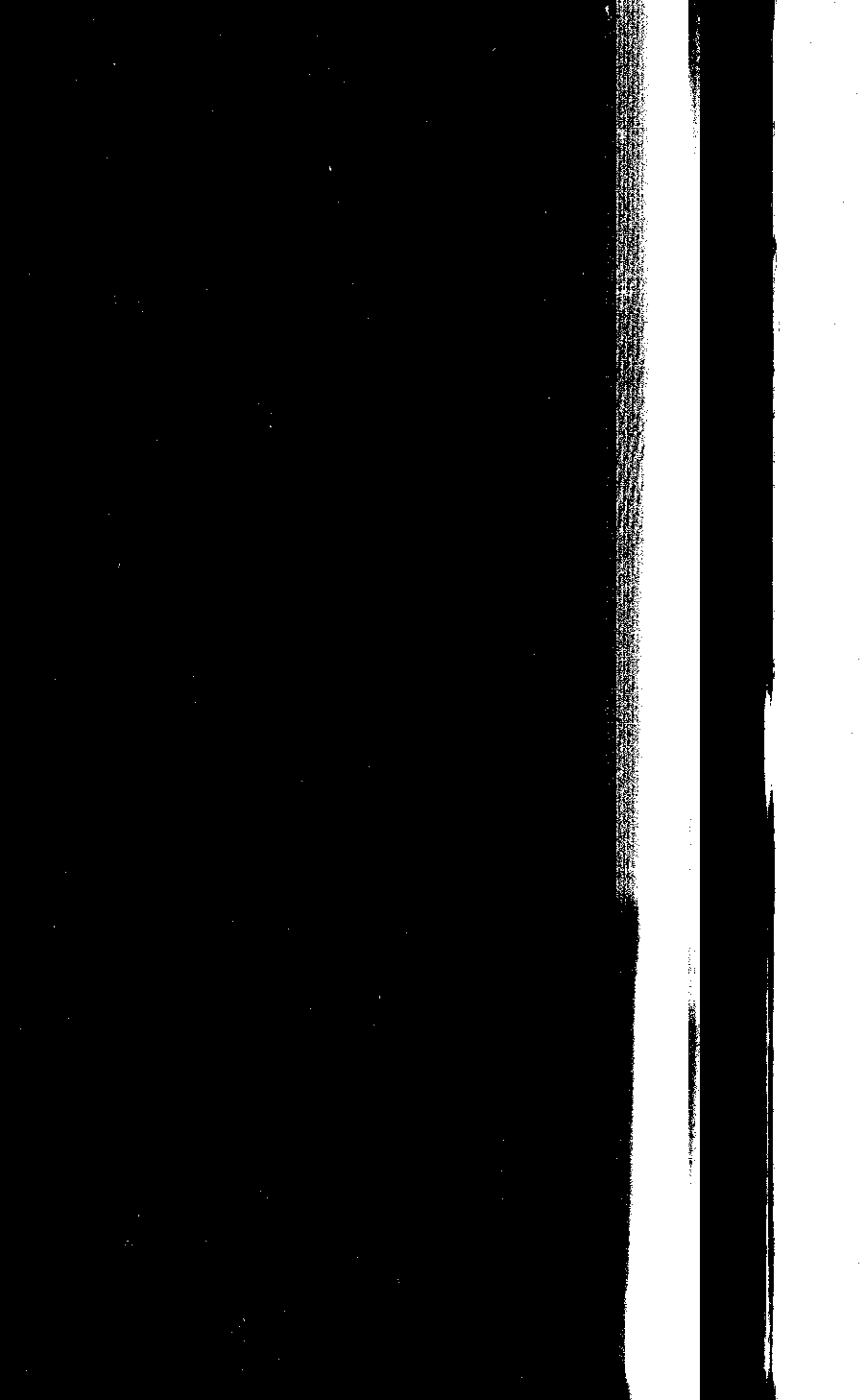
В июльские дни основные события разворачивались у Таврического дворца, куда подошло несколько десятков тысяч рабочих и солдат, требовавших передачи всей власти Советам. На сторону выступивших перешел и гарнизон Петропавловской крепости. Спустя несколько дней после этих событий П.Н. Переверзев, обвиненный в бездействии, в письме в редакцию «Нового времени» отмечал: «Не арестовал же я 4 июля до опубликования документов главарей восстания только потому, что они в этот момент фактически уже арестовали часть Временного

правительства в Таврическом дворце, а князя Львова, меня и заместителя Керенского могли арестовать без всякого риска, если бы их решимость хотя бы в десятой доле равнялась их преступной энергии».

Ситуация действительно была критической. В этих условиях для того чтобы вызвать антибольшевистскую реакцию в войсках, П.Н. Переверзев решил опубликовать имеющийся в его руках материал, полученный из контрразведки, о якобы имевшихся связях В.И. Ленина с Германией и о финансовых отношениях большевиков с немцами, осуществляемых через Стокгольм. После небольшого совещания с генералом П.А. Половцевым и полковником Б.В. Никитенко он пригласил к себе представителей воинских частей Петрограда и журналистов. Здесь Переверзев представил им часть имеющихся у него документов и свидетельств. Основными свидетелями против большевиков выступали некий прапорщик Ермоленко, рассказавший, что, находясь в плену, он слышал разговор о том, что «Ленин работает на Германию», а также Г.А. Алексинский, скомпрометировавший себя депутат от большевиков в Государственной Думе. Хотя объяснения их были довольно невнятными, они представляли большую опасность для большевиков — солдаты могли от них отвернуться. Усугубляло положение то, что В.И. Ленин беспрепятственно проезжал во время войны через Германию.

Прокурор Н.С. Каринский, сочувственно относившийся к большевикам, передал им о планах Переверзева. После этого И.В. Сталин позвонил в исполком Петроградского Совета и потребовал «остановить распространение клеветнической информации о Ленине». Чхеидзе и Церетели стали обзванивать редакции петроградских газет, настаивая на отказе от публикации правительственного сообщения. Считали преждевременным «разоблачение» большевиков даже такие министры Временного правительства, как Терещенко и Некрасов. Однако в газете «Живое слово» 5 июля 1917 года под заголовком «Ленин, Ганецкий и К^о — шпионы» материалы Переверзева все-таки появились. По городу были расклеены также плакаты с аналогичным текстом.

Опубликованные материалы вызвали взрыв негодования. Буржуазная пресса писала о «продажности большевиков» и В.И. Ленина. Сторонники большевиков резко осуждали публикацию и даже образовали комиссию для расследования этого факта. Вследствие разразившегося скандала П.Н. Переверзев вынужден был 6 июля 1917 года подать в отставку с поста министра юстиции и генерал-прокурора.

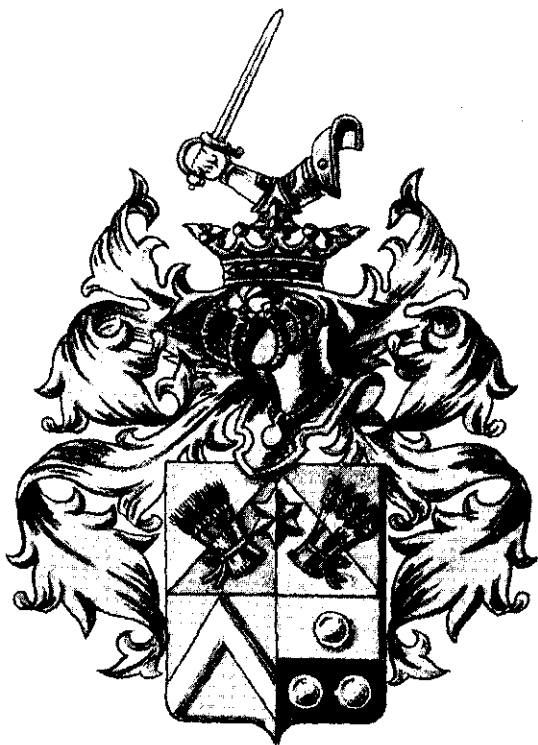

Несколько дней обязанности министра исполнял Г.Д. Скарятин, а 10 июля членом Временного правительства и министром юстиции стал И.Н. Ефремов.

После выхода в отставку П.Н. Переверзев возвратился к своей прежней деятельности по заведыванию санитарным отрядом петроградской адвокатуры на фронте.

А.А. Демьянов считал, что П.Н. Переверзев был, при всех своих ошибках, «чистым и честным человеком», но «большим фантазером, безпрограммным и неумелым администратором». «Большевики должны ненавидеть Переверзева, — писал он. — Я знаю, что, когда пришло их время, они готовили крупный процесс с именем Переверзева. Предупрежденный Переверзев скрылся из Петербурга. Большевики преследовали его семью. Если бы Переверзева судили, то вряд ли бы он избежал смертной казни. Но большевики не постеснялись бы казнить его и без суда».

П.Н. Переверзев эмигрировал. В 20-е годы он проживал в Париже. Умер П.Н. Переверзев в 1944 году.

«УКРЕПИТЬ В НАРОДЕ ЧУВСТВО ЗАКОННОСТИ И ПРАВА»

Отец Ивана Николаевича Ефремова (1866—1933гг.) был крупным помещиком Области войска Донского.

Иван Ефремов блестяще окончил Новочеркасскую гимназию, получив вместе с аттестатом зрелости золотую медаль. После этого он поступил на физико-математический факультет Московского университета, где в течение четырех лет слушал лекции и сдал все зачеты. Однако государственный экзамен держать не стал и вышел из университета. Некоторое время он занимался исключительно сельским хозяйством, а в январе 1892 года областным дворянским собранием был избран почетным попечителем Донской Новочеркасской классической гимназии сроком на три года. В августе он был утвержден в этой должности.

В том же году, 6 октября, И.Н. Ефремов был избран (на три года) почетным мировым судьей Донецкого округа, а 1 февраля 1893 года Правительствующий сенат утвердил это решение. Тогда же приказом по ведомству Министерства юстиции от 16 февраля 1893 года он был «приглашен» к участию в Донецком окружном по крестьянским делам присутствии на период с 1893 по 1895 год.

В последующем И.Н. Ефремов вплоть до Февральской революции каждые три года переизбирался в почетные мировые судьи Донецкого округа, причем дважды, в 1895—1898 и 1901—1904 годах, был председателем съезда мировых судей. До 1904 года он совмещал эту должность с выполнением функций почетного попечителя Новочеркасской гимназии и работой в окружном по крестьянским делам присутствии. Он состоял также членом ряда сельскохозяйственных обществ, участвовал в работе международного третейского суда.

И.Н. Ефремов с восторгом принял октябрьский манифест 1905 года, впервые предоставивший гражданам России хотя и урезанные, но все же более или менее демократические пра-

ва и свободы. Он с головой окунулся в политику и, благодаря своей широкой известности на Дону, на съезде землевладельцев абсолютным большинством голосов был избран депутатом 1-й Государственной Думы от Области войска Донского. Ефремов участвовал в создании партии «Мирного обновления», близко примыкавшей по своим позициям к октябристам. С думской трибуны он тщетно призывал депутатов осудить всякое насилие, в том числе и распространившиеся в стране аграрные беспорядки. Перед роспуском 1-й Думы И.Н. Ефремов предлагал закончить обращение к народу следующими словами: «Государственная Дума, действительно пекущаяся об установлении законности и благополучия всего народа, высказывается против погромов, пожаров, грабежей и считает своей задачей осудить всякое насилие и всякий произвол, откуда бы он ни шел». Однако к его голосу тогда еще не прислушивались — молодой политик не имел большого общественного веса.

Во 2-й Государственной Думе, просуществовавшей всего несколько месяцев, И.Н. Ефремов не участвовал. Тем не менее перед ее созывом он опубликовал в «Московском еженедельнике» большую статью о задачах Государственной Думы. В ней были сформулированы идеи, которые стали основополагающими во всей деятельности И.Н. Ефремова в 3-й, а затем и 4-й Государственных Думах. «Пора отказаться от правительственного насилия и беззакония и очистить место праву и свободе. Пора возратить закону его великое значение, чтобы он один, действительно, определял взаимоотношения государства и его органов с гражданами и этих последних между собою, и чтобы все, от мала до велика, ему неизменно подчинялись, — писал И.Н. Ефремов. — Бесправие граждан и произвол властей развратили все классы. Не видя уважения своих прав, не находя непоколебимой опоры в самом законе и суде, мы привыкли в России не уважать права соседа и преклоняемся лишь перед силой... Чтобы укрепить в народе, во всех слоях его чувство законности и права, сознание обязанности самому заботиться о своем благополучии и бороться за него, необходимо твердо и последовательно провести во всем государственном строе начала законности и самоуправления...»

В этой статье И.Н. Ефремов осуждал любые террористические акты революционеров: экспроприацию, убийства, вооруженное восстание «групп рабочих и пылкой молодежи», стихийные крестьянские движения, считая, что они «бессильны в борьбе с организованной правительственной властью».

Продолжая служить почетным мировым судьей (жалованья он не получал), И.Н. Ефремов достиг в 1908 году чина надворного советника. К этому времени он уже имел ордена Св. Станислава 3-й степени и Св. Анны 2-й и 3-й степени.

И.Н. Ефремов был женат на дочери тайного советника, шталмейстера С.П. Иловайского, Зинаиде Степановне. Детей у него не было.

Выбранный в 3-ю, а затем и 4-ю Государственные Думы, И.Н. Ефремов развил активную деятельность и быстро выдвинулся в число видных общественных лидеров. Для претворения в жизнь своих идей обновления российской жизни он обратился через печать с открытым письмом ко всем беспартийным прогрессивным членам Государственной Думы. Он призывал их объединиться. Как опорный пункт «для осведомления, взаимного ознакомления и сближения» И.Н. Ефремов предложил свою квартиру. Он указывал, что, оставаясь «диким», то есть не входя в какую-либо групповую организацию, беспартийный член Думы чрезвычайно затрудняет свою деятельность: он лишает себя той осведомленности, которую дают групповые или фракционные собрания, не может попасть в комиссию, не может рассчитывать на поддержку товарищей, на «ободряющее общение с людьми, довольно близкими по политическим взглядам».

И.Н. Ефремов подчеркивал, что «соединяющим элементом является конституционность и прогрессивность взглядов, а приблизительными границами — октябристы справа и кадеты слева». Он считал, что основными началами объединения прогрессивных деятелей в Думе должны стать «законность и уважение чужого мнения», осуждение незаконных действий, кем бы они ни были совершены.

И.Н. Ефремов добивался справедливого представительства группы прогрессистов в самой Думе. Так, когда, вопреки установившемуся обычаю избирать комиссии пропорционально численности думских партий и групп, в земельную комиссию никто из прогрессистов избран не был, он тотчас же поднял этот вопрос. Однако его предложение было отклонено.

Деятельность И.Н. Ефремова в Государственной Думе была обширной и разносторонней. Зачастую, не выступая лично по тому или иному вопросу, он «подготавливал и направлял» деятельность всей группы прогрессистов.

Весьма резкую оценку давали прогрессисты и деятельности Министерства внутренних дел. При обсуждении сметы министерства на 1911 год И.Н. Ефремов дал этому ведомству

такую оценку: «Группа прогрессистов признает, что современная деятельность Министерства внутренних дел создает в России невыносимое положение бесправия и произвола, подрывает чувство законности, тормозит всякое обновление страны и парализует развитие ее духовных и производительных сил».

Принципиальной была позиция прогрессистов, руководимых Ефремовым, и при обсуждении в Государственной Думе запросов по делу провокатора Азефа (докладывал премьер-министр П.А. Столыпин). Они предложили жесткую формулировку постановления, осуждающую любую провокаторскую деятельность. В нем отмечалось: «Выслушав объяснения Правительства и находя: 1) что система провокаций не должна служить средством борьбы с террором; 2) что Правительство не представило доказательств того, что оно принимает достаточные меры к искоренению провокаторских действий своих агентов; 3) настаивая на том, что Правительство обязано прекратить ныне широко практикуемую систему провокаций со стороны агентов власти, — Государственная Дума принимает оба запроса и переходит к очередным делам».

Однако эта формулировка устраивала далеко не всех. Умеренно-правые, октябристы и националисты сумели провести довольно мягкую резолюцию: «Признавая объяснение Правительства удовлетворительным и исчерпывающим и выражая уверенность, что в борьбе с террором Правительство будет пользоваться всеми законными средствами, Государственная Дума отвергает запросы и переходит к очередным делам».

И.Н. Ефремов был одним из организаторов Межпарламентского Союза и избирался в его центральное бюро. Он участвовал в международных конгрессах. По международным проблемам он издал несколько книг, в частности «Международный третейский суд» (1909 год) и «Русское народное представительство в Англии и Франции в 1909 году» (1911 год).

В Государственной Думе Ефремов стал членом Совета старейшин, а также входил в члены Бюро Прогрессивного блока. Он сотрудничал с рядом журналов и газет: «Московский еженедельник», «Русская молва», «Слово» и другими.

В октябре 1916 года в знак протеста на отказ кадетов включить в основную тактику Прогрессивного блока лозунга об «ответственном министерстве» он вышел из блока с рядом своих сторонников.

В конце 1916 и начале 1917 года, когда самодержавная власть трещала под напором революционной стихии, И.Н. Еф-

ремов вместе с некоторыми другими депутатами: А.Ф. Керенским, Н.В. Некрасовым, М.И. Терещенко, А.И. Коноваловым выступал за более решительную и активную борьбу с правительством, причем призывал к этому не только с думской трибуны, но и путем мобилизации народа и общественных организаций.

27 февраля 1917 года, когда началась революция, И.Н. Ефремов был избран членом Временного комитета Государственной Думы и являлся активным участником всех последующих за этим событий. Совместно с Д.П. Капнистом, А.М. Масленниковым и М.И. Арефьевым он стал комиссаром Временного правительства в Министерстве внутренних дел и исполнял эту должность до принятия министерства князем Львовым (бывшим одновременно и министром-председателем).

В первые дни революции И.Н. Ефремов, как, впрочем, и другие революционные лидеры, работал исключительно много и плодотворно. Он поспеивал повсюду. 7 марта 1917 года И.Н. Ефремов совместно с членами Государственной Думы А.М. Масленниковым, П.М. Кокочинским, В.И. Дзюбинским, Н.О. Янушкевичем и священником Д. Филоненко выехал на фронт для изучения боеспособности войск, где пробыл несколько дней.

Вернувшись с фронта, И.Н. Ефремов вновь активно включился в работу. Вскоре он был назначен членом Особого совещания по подготовке Положения о выборах в Учредительное собрание. В этот период детище И.Н. Ефремова Прогрессивная партия переживала не лучшие свои времена. Чтобы избежать распада, он продумывает вопрос о слиянии ее с какой-либо иной «нарастающей» партией. Его внимание привлекла Радикально-демократическая партия, которая к тому времени развила бурную деятельность: печатала брошюры, готовила к изданию свою газету, открыла ряд филиалов в провинции и т.п. И.Н. Ефремов провел переговоры с учредителями этой партии и убедился в идейной и тактической близости прогрессистов и радикал-демократов. После этого, 25 апреля 1917 года, он вынес вопрос о слиянии прогрессистов с Радикально-демократической партией на обсуждение своей фракции. Было решено войти в партию на автономных началах, сохранив таким образом в целостности фракцию в Государственной Думе. Такое объединение состоялось в конце мая 1917 года на съезде партии, и Ефремов стал председателем новой Радикально-демократической партии. Он занимал этот пост до сентября 1917 года.

Когда разразился очередной правительственный кризис,

И.Н. Ефремов 2 июля 1917 года на заседании Временного комитета Государственной Думы от имени Радикально-демократической партии, которую он возглавлял, выступил с резолюцией в поддержку сохранения коалиции и призывал всеми средствами предотвратить гражданскую войну. Он говорил, что «буржуазные партии не имеют права в такое тяжкое время умыть руки и устраняться от власти, как бы она тяжела ни была».

Хотя Радикально-демократическая партия и не имела большого общественного веса и влияния в стране (Н.Н. Суханов называл ее «фиктивной величиной»), А.Ф. Керенский все же повел с ней переговоры о формировании нового правительства. По словам Суханова, Керенский пригласил своего «близкого друга» Ефремова и предложил ему занять любой пост в его кабинете. Последний выбрал себе портфель министра юстиции, а заодно и «выторговал» пост министра государственного призрения для члена своей партии московского торгово-промышленного магната Барышникова.

10 июля 1917 года И.Н. Ефремов был назначен членом Временного правительства и министром юстиции. Не имевший даже юридического образования, он хорошо сознавал свое положение, а поэтому, будучи человеком умным и добросовестным, за свое недолгое пребывание в кресле министра юстиции и генерал-прокурора не брался самостоятельно за разрешение сложных правовых вопросов. Он с давних пор хорошо знал своих заместителей А.А. Демьянова и Г.Д. Скарятина, которым полностью доверял. Так что, хотя Ефремов и встал во главе министерства, фактически управляли им его товарищи.

А.А. Демьянов в своих воспоминаниях называл И.Н. Ефремова «почтенным, честнейшим и прекраснейшим человеком». И все же он считал, что назначение его министром юстиции было той ошибкой, какую «неоднократно совершала новая власть, когда имела в виду кого-либо назначить на ответственный пост, полагая, что популярность делает больше, чем знание и умение». «Без ошибки можно сказать, — продолжал он, — что разрешение самых простых юридических вопросов должно было ставить его в тупик. Я не могу понять, как сам Ефремов мог согласиться пойти в министры юстиции; объясняю это тем, что он, как и другие, признавал необходимым, чтобы во главе отдела власти было лицо, так или иначе стоявшее во главе революционного движения».

В министерстве Ефремов стремился проводить линию на невмешательство политики в деятельность судебных учреждений.

При нем были выработаны и приняты некоторые законодательные акты. В частности, 12 июля 1917 года восстановлена смертная казнь для военнослужащих за некоторые тяжчайшие преступления, а также учреждены военно-революционные суды. Другим постановлением правительства, под которым стоит подпись И.Н. Ефремова, «воспрещалось» помещать во всякого рода повременных изданиях, без предварительного просмотра военной цензуры, сведения, относящиеся к военным действиям. За «ослушание» полагалось наказание до одного года тюремного заключения.

Таким образом, политическая обстановка в России диктовала свои условия, и И.Н. Ефремову пришлось в законодательном порядке восстанавливать то, против чего совсем недавно он сам яростно выступал.

21 июля 1917 года разразился очередной правительственный кризис. А.Ф. Керенский, стремясь получить согласие ВЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов на включение кадетов в состав правительства, демонстративно подал в отставку. Его поддержали и некоторые другие министры: И.Н. Ефремов, Н.В. Некрасов, М.И. Терещенко и обер-прокурор Святейшего синода В.Н. Львов. Все они вышли в отставку. Через несколько дней, 25 июля 1917 года, было сформировано новое правительство во главе с А.Ф. Керенским. И.Н. Ефремов занял в нем пост министра государственного призрения. Одновременно он возглавил Малый Совет министров (Совет товарищей министров). Министром юстиции и генерал-прокурором стал А.С. Зарудный.

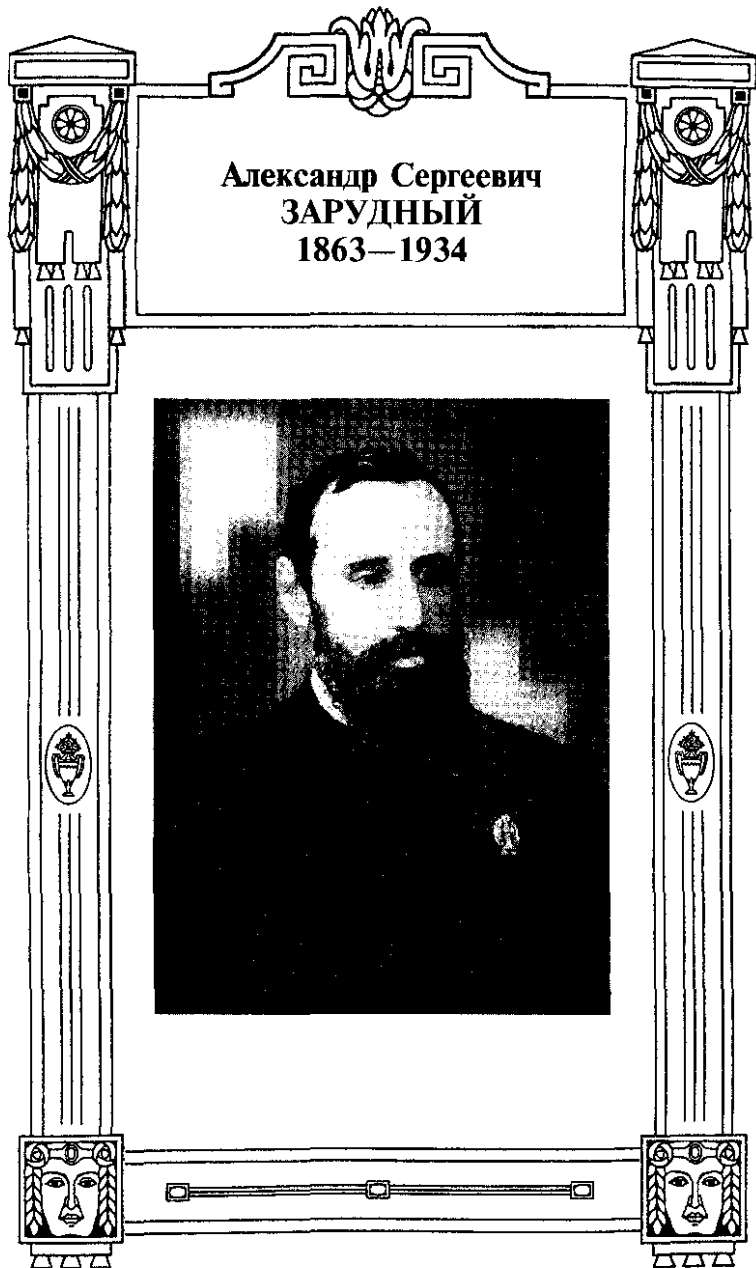
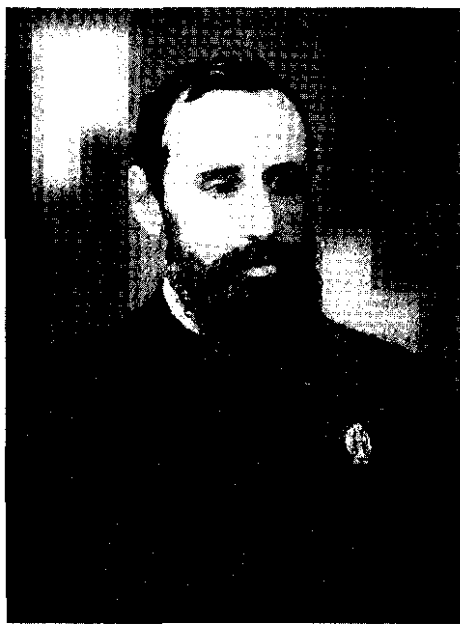
Должность министра государственного призрения И.Н. Ефремов занимал до 25 сентября 1917 года, когда был назначен Чрезвычайным посланником и полномочным представителем Временного правительства в Швейцарии. Там до него и дошла весть об Октябрьском перевороте. И.Н. Ефремов не признал советскую власть и отказался подчиниться распоряжениям Народного комиссариата иностранных дел. Более того, он предпринял немало усилий для того, чтобы швейцарские власти выслали из страны полномочного представителя Советской России Я.А. Берзина, и способствовал установлению дипломатической блокады Страны Советов. В дальнейшем он стал экспертом правительства Швейцарии по делам России. В эмиграции И.Н. Ефремов активно занимался политической деятельностью, входя в правое крыло группы П.Н. Милокова. Он был одним из учредителей и товарищем председателя бюро Русской (эмигрантской) ассоциации Лиги Наций.

До 1920 года И.Н. Ефремов проживал в Париже, затем следующие пять лет — в Швейцарии, после чего опять вернулся в Париж. Он читал лекции по вопросам международных отношений в учебных заведениях Сорбонны, Гааги, Парижа. В 1927 году стал одним из учредителей Международной дипломатической академии в Париже.

И.Н. Ефремов оказывал солидную материальную помощь русским ученым и писателям — эмигрантам, выступал в периодической печати. Осенью 1932 года издал капитальный, трехтомный труд по проблемам международного примирительного производства.

И.Н. Ефремов скончался в 1933 году.

Александр Сергеевич
ЗАРУДНЫЙ
1863—1934

«В СЛУЖЕБНЫХ ОТНОШЕНИЯХ ВСЕГДА ДЕРЖАЛСЯ ОФИЦИАЛЬНОГО ТОНА...»

Александр Сергеевич Зарудный родился в 1863 году в семье видного деятеля Судебной реформы С.И. Зарудного. Его отец, Сергей Иванович, происходивший из небогатой украинской семьи, по словам А.Ф. Кони, был «человек труда и выдающихся дарований». Математик по образованию (он окончил физико-математический факультет Харьковского университета), начавший свою службу в Министерстве юстиции со скромной должности помощника столоначальника, С.И. Зарудный к концу своей жизни стал выдающимся ученым-юристом, непревзойденным специалистом по гражданскому праву, сенатором. Он обладал, как выразился А.Ф. Кони, «глубокими и животворными юридическими познаниями. Он оставил свой яркий след в двух величайших событиях царствования императора Александра II — освобождении крестьян от крепостной зависимости (1861 года) и Судебной реформе (1864 года).

Супруги Сергей Иванович и Зоя Александровна Зарудные имели восемь детей. С.И. Зарудный умер в 1887 году.

Избрав, как и отец, юридическую стезю, Александр Зарудный все же не пошел по его стопам. Его больше привлекала не спокойная и размеренная жизнь кабинетного ученого, а судебная трибуна. Поэтому после окончания в 1885 году престижного Императорского училища правоведения юноша поступил на службу в Министерство юстиции, где начинал, как и прочие выпускники, с кандидата на должности по судебному ведомству. Первоначально он занимал скромную должность помощника секретаря Петербургского окружного суда и имел чин коллежского секретаря. Казалось бы, у него имеются все возможности для быстрого продвижения по службе. Но наступил 1887 год, и карьера Зарудного оказалась под серьезной угрозой.

1 марта 1887 года на Невском проспекте были задержаны с метательными снарядами студенты Петербургского университета Пахомий Андреюшкин, Василий Генералов и Василий

Осипанов. На предварительном допросе Генералов заявил, что он намеревался бросить метательный снаряд под карету государя императора. Вскоре были арестованы и другие участники террористической фракции партии «Народная воля»: Александр Ульянов, Петр Шевырев, Иосиф Лукашевич, Михаил Новорусский и еще ряд лиц. Полиция брала всех, кто так или иначе был связан с революционной организацией. Основная группа обвиняемых (15 человек) была предана суду Особого Присутствия Правительствующего сената и осуждена 15 апреля 1887 года.

Большая группа, состоящая из 16 человек, обвинялась «в преступных сношениях с участниками злоумышления на жизнь государя императора 1 марта 1887 года». В их числе оказались и братья Александр и Сергей Зарудные. Основанием для привлечения их к ответственности послужило нахождение их адресов и планов местожительства в записной книжке одного из главных обвиняемых Александра Ульянова. Александр Зарудный проживал в то время в Петербурге, около Литейного моста, а его брат Сергей, студент 1-го курса Петровской земледельческой и лесной академии, — в Москве, на Выселках, в доме Федоровой.

Братья были арестованы и содержались в доме предварительного заключения: Александр — с 10 по 17 апреля, а Сергей — с 11 апреля по 7 мая 1887 года.

Допрошенный в качестве обвиняемого Александр Зарудный заявил, что ни Шевырева, ни Ульянова он не знает и каким образом у последних оказался его адрес и план местожительства ему неизвестно. В то же время он сказал, что хорошо знаком с Сосновским, который некоторое время был репетитором его младшего брата Ивана. О происхождении у него запрещенной литературы он пояснил, что газета «Колокол» принадлежала его отцу, сенатору С.И. Зарудному, а остальные издания получил для личного прочтения от лица, назвать которого он не желает. Распространять их у него намерения не было.

Сергей Зарудный на допросе показал, что по предложению Сосновского он имел однажды свидание с неким Кузьминским (которого узнал в предъявленной ему карточке Шевырева). Во время этого свидания Шевырев спрашивал его о настроениях учащейся молодежи. Зарудный ответил, что вера в возможность скорого осуществления своих общественных идеалов значительно ослабла в молодежи и последняя для достижения своей цели видит главное средство в умственном и нравственном развитии общества. Услышав, что Шевырев собирается на юг России и будет проездом в Москве, он, Зарудный, пригласил его

заехать к нему и весьма подробно объяснил свой адрес. Однако не помнит — чертил ли он план своего местожительства. После этого он с Шевыревым больше не встречался и о его революционной деятельности ничего не знает.

Сергей Зарудный, кроме этого дела, был привлечен к дознанию и Московским жандармским управлением. Ему вменялось в вину то, что он перед отъездом в Петербург собрал все революционные книги кружка, членом которого он состоял, и передал в залертом чемодане Леониду Сытину. Последний, узнав из газет о его аресте, заявил властям о чемодане, оставленном у него Зарудным. Это дело соединили с петербургским.

По указанию императора Александра III дело было разрешено в административном порядке (без суда). Александру Зарудному было вменено в наказание время, проведенное им в предварительном заключении, а его брат, Сергей, подлежал высылке в Западную Сибирь сроком на три года. К ссылке в Восточную и Западную Сибирь и различным мерам тюремного заключения были приговорены и другие лица, связанные с террористами.

Мать братьев Зарудных, Зоя Александровна, 8 мая 1888 года обратилась с прошением к министру юстиции, в котором ходатайствовала о помиловании или снижении наказания ее сыну, Сергею, приговоренному к отправке в Сибирь, но так ничего и не добилась.

Александр Зарудный вскоре после освобождения из дома предварительного заключения взял длительный отпуск и выехал за границу, где находился до марта 1888 года. После возвращения он продолжил службу в Министерстве юстиции. Обладая незаурядными способностями, он к тридцати годам сумел занять довольно высокую должность товарища Петербургского окружного суда.

Современники вспоминали, что А.С. Зарудный был «прекрасным судебным оратором». Как прокурор он был очень неудобен защитникам, так как «никогда не стремился к обвинению во что бы то ни стало или к наибольшему наказанию обвиняемого». Однако эта его манера больше всего и не устраивала его противников по судебной трибуне — адвокатов, поскольку, «заручившись доверием» к себе присяжных заседателей, все же добивался вынесения обвинительного приговора, и даже более строгого, чем следовало по справедливости.

Служивший тогда же на аналогичной должности С.В. Завадский писал, что А.С. Зарудный был «человек чистейшей души, но весь порыв и нередко — слепое увлечение». И далее: «Бес-

корыстнейший идеалист, добрый и отзывчивый человек, хороший, но несколько медлительный работник, он обладал головою, способной вскипать не хуже самовара. Увлекаясь, он искренне ставил русскую прокуратуру, вообще, и петербургскую, в частности, значительно выше, чем требовала строгая справедливость».

Из органов прокуратуры А.С. Зарудный ушел, по словам А.А. Демьянова, «вследствие какой-то истории на политической подкладке». После этого до 1901 года он служил в юрисконсультской части Министерства юстиции, а затем, приобретя солидный практический опыт, в тридцатисемилетнем возрасте вступил в сословие присяжных поверенных округа С.-Петербургской судебной палаты, где сразу же занял почетное положение.

Присяжным поверенным А.С. Зарудный был вплоть до Февральской революции. За это время он участвовал в сотнях политических и уголовных процессах, многие из которых он блестяще выиграл. Его имя стало широко известно и пользовалось большой популярностью. А.С. Зарудный участвовал в таких громких процессах, как дела «Романовцев», Первого Совета рабочих депутатов, ЦК Крестьянского союза, лейтенанта Шмидта, о покушении на императора Николая II, Бейлиса и других.

С.В. Завадский вспоминал, что Зарудный с «немалой искренностью и немалым увлечением успел покатиться по левому склону нашей общественности» и тогда же изменил свое мнение и о русском суде, и о русской прокуратуре, ценя их уже «гораздо ниже действительной стоимости».

Для этого у него, конечно, были веские основания. Суд и прокуратура после революции 1905 года были уже далеко не те, которыми так гордился молодой юрист в восьмидесятые годы, когда он только что вступил под своды залов, где еще витал дух корифеев обвинения и защиты, создававших в России и новый суд, и новую прокуратуру.

Современники высоко отзывались и об ораторском искусстве, и о манере выступления в суде талантливого адвоката. В связи с этим мы приведем высказывания о нем двух его современников, стоявших на диаметрально противоположных позициях: Б.С. Утевского, известного русского (советского) ученого-юриста, и А.А. Демьянова, бывшего товарища министра юстиции в правительстве Керенского, а затем эмигранта.

Вот что писал Б.С. Утевский о дореволюционной деятельности А.С. Зарудного в своей книге «Воспоминания юриста»: «Он был скромным в жизни, лишенным честолюбия челове-

ком. Он не гнался за гонорарами, не думал о заработке и весь отдавался защите на политических процессах. Мне вспоминаются судебные заседания по политическим делам, в которых лидером защиты был Зарудный и в которых мне приходилось участвовать на скромных ролях. К словам Зарудного мы все прислушивались. Уважением он пользовался и у старых адвокатов. Он производил сильное впечатление на присяжных заседателей».

А теперь приведем небольшой отрывок из воспоминаний А.А. Демьянова «Моя служба при Временном правительстве»: «Зарудный, как адвокат, всегда знал дело, которое ему поручали, до тонкости. В этом отношении он был добросовестнейшим поверенным. В интересах своего подзащитного он доходил до тонкости; все принимал в расчет, изучал состав присяжных заседателей и принимал в расчет характер судей, всегда знал, как повернуть защиту и что будет говорить. Я всегда считал Зарудного одним из лучших наших уголовных защитников. Зарудный никогда не стремился к рекламе. Мало того — он даже не интересовался, чтобы о речах его давали отчет в газетах, или чтобы речь его была напечатана даже тогда, когда она имела общественное значение. Я — не любитель слушать чужие речи и только изредка, да и то скорей случайно, являлся на чужую защиту. Помню, как-то у меня была защита в судебной палате, и до моего дела в той же палате выступал Зарудный. Он вел дело (даром) какого-то редактора, привлеченного к ответственности за статью в газете, направленную против присяги. Зарудный принес с собою в суд целые фолианты книг — учение и разбор учений отцов церкви. В защите своей он не только ссылался на Евангелие, но и на учения отцов церкви и доказал самым неопровержимым образом, что даже с их точки зрения присяга есть зло, только поневоле терпимое. Палата оправдала редактора. Замечательная речь Зарудного канула в Лету. А можно верно сказать, что любой прогрессивный журнал поместил бы ее у себя с величайшей охотой».

А.С. Зарудный часто выступал в так называемых «литературных» делах, защищая писателей, издателей, журналистов, привлеченных к уголовной ответственности за опубликование произведений, резко критиковавших существовавшие порядки. Так, в августе 1906 года он защищал редактора газеты «Наша жизнь» В.В. Водовозова, обвиненного сразу в девяти преступлениях.

Человек независимый и совестливый, постоянно бившийся за справедливость, А.С. Зарудный нередко подвергался гонениям со стороны властей и даже отсидел несколько месяцев в пе-

тербургской тюрьме «Кресты», куда он был заключен в 1906 году после неудачного протеста адвокатов, выразившегося в блокировании окружного суда.

Во время войны А.С. Зарудный много времени и сил отдавал общественной деятельности. Так, 20 сентября 1915 года Петроградский Совет присяжных поверенных на общем собрании обсудил ряд инициатив, с которыми выступил Зарудный, в частности, о привлечении адвокатов к выполнению «государственно-полезной работы», об оказании помощи беженцам-адвокатам, об увековечивании памяти павших товарищей и некоторые другие.

Февральскую революцию А.С. Зарудный встретил восторженно. У него не возникло никаких сомнений — принимать ее или нет, служить или не служить новой власти. Ответ был однозначен — служить!

А.С. Зарудного связывала с А.Ф. Керенским большая личная дружба, поэтому он не колеблясь принял его предложение занять пост товарища министра юстиции. В первом номере «Вестника Временного правительства» за 5 марта 1917 года был напечатан указ о назначении Александра Сергеевича временно исполняющим должность товарища министра, а через несколько дней, 10 марта, он был утвержден в этой должности. Этот пост А.С. Зарудный занимал почти три месяца, вплоть до того дня, когда он 6 июня 1917 года, по словам знавших его людей, «без всякого сожаления» вышел в отставку «по болезни». Эта формулировка, разумеется, была лишь формальным основанием, так как причины его выхода в отставку были гораздо глубже. Службой своей он изрядно тяготился, хотя исполнял ее добросовестно.

Во время постоянных отлучек министра юстиции и генерал-прокурора А.Ф. Керенского А.С. Зарудный обычно выполнял его обязанности и часто подписывал важные документы. Так, 10 марта 1917 года за министра юстиции он утвердил состав комиссии по размещению и содержанию задержанных в Петрограде лиц; 22 марта — утвердил Положение для временных судов и т.д.

Когда при Министерстве юстиции была создана Комиссия по пересмотру Судебных уставов 1864 года, А.С. Зарудный формально стал заместителем ее председателя, хотя фактически он руководил всей работой комиссии. Это и не могло быть иначе, ведь именно Зарудный являлся главным инициатором ее создания. Работой в комиссии А.С. Зарудный очень дорожил и гордился, так как одним из творцов Судебных уставов был его отец, сенатор С.И. Зарудный. И теперь, спустя пятьде-

сят лет, сын стремился воссоздать Уставы в том виде, как они виделись его отцу и другим юристам, авторам этого великолепного правового памятника России. Ведь в свое время от некоторых позиций им пришлось отказаться под влиянием обстоятельств.

Работа продвигалась с большим трудом, хотя все члены комиссии трудились исключительно напряженно. По мнению А.А. Демьянова, обширно задуманная работа по пересмотру Судебных уставов была бы хороша для мирного времени, а не для столь горячего, как революция. Кроме того, А.С. Зарудный, по его словам, слишком преклонялся перед Уставами и не хотел вносить в них никаких новшеств, даже диктуемых временем. Так, например, Судебные уставы содержали деление преступников по рангам и поэтому одно и то же преступление в зависимости от того, кем оно совершено, могло рассматриваться либо окружным судом, либо судебной палатой, либо даже Сенатом. Для революционного времени такое разграничение выглядело нелепо, однако Зарудный не хотел менять Уставы в этом направлении. Так что принцип равного суда для всех Временное правительство провести в жизнь так и не успело.

После отставки с поста товарища министра юстиции А.С. Зарудный оставался не у дел чуть больше месяца. 19 июля 1917 года при министре И.Н. Ефремове он занял должность старшего председателя Петроградской судебной палаты, на которой пробыл всего несколько дней, так и не успев фактически приступить к своим обязанностям.

25 июля 1917 года Александр Сергеевич вошел в состав нового коалиционного правительства, возглавляемого А.Ф. Керенским в качестве министра юстиции и генерал-прокурора.

Отдавая должное А.С. Зарудному как блестящему адвокату, некоторые современники, в частности его заместитель по Министерству юстиции А.А. Демьянов, были все же невысокого мнения о нем как о политическом деятеле. Он имел, по выражению Демьянова, «массу крупнейших недостатков». Кресло министра юстиции и генерал-прокурора было явно не для него, что хорошо понимал и сам Зарудный, оставивший этот пост «без всякого сожаления» уже спустя немногим более месяца. В чем же заключались эти недостатки? Во-первых, он не имел твердой политической основы. В период своей активной адвокатской деятельности он всегда с большим подъемом защищал лиц, выступавших против существующего строя. Во многих судебных процессах звучала его страстная речь. Однако сам он не примыкал ни к какой партии и, во всяком слу-

чае, не участвовал как активный ее деятель. «Он верит только себе», — как верно подметил А.А. Демьянов. В то же время Зарудный понимал, что, оставаясь вне партии, он остается и вне активной политической жизни страны. Поэтому перед революцией А.С. Зарудный примыкает к трудовой народно-социалистической партии, которую основал историк и публицист В.А. Мякотин.

Во-вторых, как отмечали современники, А.С. Зарудный был уверен в себе «сверх меры». Отсюда он часто бывал неправ, иногда несправедлив, быстро увлекался до того, что даже глаза выдавали его волнение.

А.А. Демьянов писал: «А.С. Зарудный был тяжел в сношениях с другими. Вместе с тем это был до крайности добрый человек. Нужно было видеть его кроткую улыбку, когда он шутил, или был весел, чтобы полюбить его. Зная его самостоятельность мнений и нетерпимость, я был уверен, что министром он долго не пробудет. Так оно и вышло».

Став министром юстиции и генерал-прокурором, А.С. Зарудный попытался провести в жизнь свои воззрения на государственную службу, но пользы это не принесло, скорее навредило не только ему самому, но и сослуживцам, которые явно недолюбливали своего нового начальника. Он заставлял их работать больше, чем следовало по обстоятельствам. «Иной раз излишняя работа, как мне казалось, являлась результатом того, что он не знал всех обычаев чиновничьей службы, — вспоминал А.А. Демьянов. — Так, например, когда Зарудный интересовался каким-либо вопросом или нуждался в справке, он писал на бумаге: «Сделать доклад». А делать министру «доклад» по установившемуся в министерстве обычаю значило сделать его в письменной форме. Когда я нуждался в справке, я поступал иначе: я вызывал к себе того чиновника, в столе которого производилось дело, и устно выяснял с ним вопрос. Такое непосредственное общение с чиновниками приносило и больше пользы и было более по вкусу чиновникам».

А.С. Зарудный потребовал, чтобы вся почта, поступающая в министерство, передавалась непосредственно ему. Конечно же он не успевал ее просматривать и поэтому перепоручал своим заместителям, чаще всего Демьянову, который и вынужден был заниматься этой подчас бесплодной работой.

А.С. Зарудный вследствие горячности своей натуры неоднократно имел серьезные столкновения с сослуживцами. Он рассорился, например, с прокурором Петроградской судебной палаты Н.С. Каринским. Оба они невзлюбили друг друга

А.А. Демьянов писал, что «Зарудный в служебных отношениях всегда держался официального тона, то есть как начальство. Он считал это принципиально необходимым. А прежних товарищей его по сословию это раздражало: они не признавали за Зарудным права распоряжаться ими по своему усмотрению».

Н.С. Каринский перешел с должности прокурора палаты в старшие председатели. Поскольку Зарудному явно претило назначать в прокуратуру бывших своих товарищей по сословию присяжных поверенных, то он поставил прокурором Петроградской судебной палаты бывшего Саратовского прокурора С. Карчевского и был им очень доволен.

При А.С. Зарудном впервые «классную» должность (помощника секретаря прокурора Петроградской судебной палаты) заняла женщина-юрист. Им стала Ю.М. Гудацкая-Финикова, окончившая с дипломом первой степени Московский университет.

В связи с событиями 3—5 июля 1917 года Временное правительство 9 июля приняло постановление, в котором предписывается «арестовать и привлечь к судебной ответственности как виновных в измене Родине и предательстве революции всех лиц, участвовавших в организации и руководстве вооруженным выступлением против государственной власти». Для расследования была организована Особая следственная комиссия.

За министра юстиции это постановление подписал Г.Д. Скарятин.

На следующий день министр-председатель А.Ф. Керенский лично прибыл в Министерство юстиции для того, чтобы дать правильное направление расследованию июльских событий. Он прошел в кабинет Г.Д. Скарятина и имел с ним продолжительную беседу, во время которой указал на необходимость твердости в ведении следствия.

После посещения Керенским министерства Г.Д. Скарятин срочно собрал прокуроров и следователей, на которых можно было возложить следствие, и провел с ними совещание. Он рассказал о предстоящем расследовании и о тех задачах, которые правительство поставило перед судебными деятелями. Основной упор делался при этом на обвинении большевиков во главе с В.И. Лениным в государственной измене, организации восстания и шпионаже в пользу Германии. Некоторые участники совещания высказались за то, чтобы комиссией руководил министр юстиции как генерал-прокурор, но затем все сошлись на том, что возглавить комиссию должен прокурор Петроградской судебной палаты Н.С. Каринский.

Вначале предполагалось, что комиссия будет заниматься расследованием июльских событий в полном объеме. Однако опытные прокуроры и следователи, включенные в комиссию, запротестовали. В конце концов было решено выделить материалы об участии в восстании военных чинов и передать их в другую комиссию.

Особую следственную комиссию возглавил прокурор Н.С. Каринский (после его перехода на должность старшего председателя судебной палаты во главе ее встал прокурор Карчевский). За следствием наблюдали товарищи прокурора судебной палаты Репнинский, Пенский, Поволоцкий, Моложавый и Попов. Представительной была и следственная часть. В нее вошли судебные следователи по особо важным делам Петроградского окружного суда П.А. Александров и Бокитько, по важнейшим делам — Сергеевский и Сцепура и участковые судебные следователи Можанский и Фридриберг.

Общее руководство и направление следствию давал генерал-прокурор. Следствие началось еще при И.Н. Ефремове (он практически не вникал в это дело, и все указания поступали от его заместителя Г.Д. Скарятин), продолжалось при А.С. Зарудном, а затем при П.Н. Малянтовиче.

Наиболее интенсивный период следствия приходился на то время, когда органы прокуратуры возглавлял А.С. Зарудный.

Вскоре ведущее положение в комиссии занял судебный следователь по особо важным делам П.А. Александров, которому было поручено предъявить обвинение В.И. Ленину.

Уже при Советской власти, давая показания по этому поводу, он рассказал о причинах, побудивших его взяться за это расследование: «Я не имел и мысли отказаться от выполнения поручения, как равно не было отказа со стороны прочих лиц, назначенных в состав комиссии. Для того чтобы такой отказ мог иметь место, было необходимо твердое убеждение, что деятельность Временного правительства вредна для России, что партия большевиков способна вывести нас из того тупика, в который мы попали, что мы вообще находимся в тупике, что внутренние волнения не повредят нашему внешнему положению и т.д.»

Павел Александрович Александров был одним из опытейших криминалистов России. Он родился в 1866 году в Петербурге. После окончания юридического факультета С.-Петербургского университета в течение двенадцати лет работал участковым следователем. В 1895 году он непродолжительное время исполнял обязанности товарища прокурора Митавского окружного суда, но затем вернулся на следственную работу, которую любил и в которой достиг большого мастерства. В 1909 году его

назначили следователем по важнейшим делам Петербургского окружного суда, а с 1916 года он стал следователем по особо важным делам.

П.А. Александров расследовал многие сенсационные уголовные преступления. Так, он занимался делами об отравлении доктором Панченко Бутурлина, об убийстве артистки Тимме, а также делами Орлова-Давыдова и артистки Пуаре, Ольги Штейн, педагога-развратника Дю-лу (воспитателя детей великих князей) и другими. Сообщения об этих громких делах публиковались тогда многими газетами, и имя П.А. Александрова приобрело широкую известность.

Политических дел ему почти не давали, так как он был достаточно независим и мог принять любое решение, которое считал законным и справедливым, хотя бы оно и не устраивало Министерство юстиции. А поскольку он, как назначенный судебный следователь, был несменяем, то отправить в отставку его было трудно. Когда в 1907 году охранкой было возбуждено дело о хранении запрещенной литературы на книжном складе и в связи с этим арестованы Бонч-Бруевич и Ногин, Александров, которому передали дело, вскоре заявил прокурору, что нет никаких доказательств о принадлежности склада большевикам, и возбудил вопрос о прекращении дела.

П.А. Александров занимался делом о покушении на жизнь С.Ю. Витте путем опущенной в трубу «адской машины» и доказал причастность к этому преступлению охранки, чем остались недовольны власти.

За свою долгую службу П.А. Александров получил немало наград: ордена Св. Станислава 2-й и 3-й степени, Бухарский орден Золотой Звезды 2-й степени и другие.

Февральскую революцию Павел Александрович встретил в должности судебного следователя по особо важным делам Петроградского окружного суда.

После Февральской революции П.А. Александров был откомандирован в Чрезвычайную следственную комиссию, которую возглавлял Н.К. Муравьев. Там он производил расследование деятельности Союза русского народа, занимался делами Манасевича-Мануйлова, Белецкого, Протопопова и других. Так продолжалось до июля 1917 года, когда он был прикреплен к комиссии Каринского.

К тому времени, когда комиссия приступила к своей работе, органы военной контрразведки уже собрали обширный материал, компрометирующий большевиков. После опубликования с подачи П.Н. Переверзева 5 июля 1917 года некоторых материалов в печати были выданы ордера на аресты В.И. Ленина и

Г.З. Зиновьева (они успели скрыться), а также арестованы Л.Д. Троцкий, А.В. Луначарский, А.М. Коллонтай, Ф.Ф. Раскольников и некоторые другие лидеры большевиков. По закону в течение 24 часов арестованным надо было предъявить обвинение. Поэтому постановления о привлечении в качестве обвиняемых готовились исключительно по материалам дознания. Постановление в отношении В.И. Ленина составил следователь П.А. Александров, а подписали его все члены комиссии. Когда постановление было готово, прокурор судебной палаты Каринский под давлением Министерства юстиции дал указание опубликовать его в печати. Против этого энергично протестовали некоторые члены комиссии, в том числе и следователь П.А. Александров, считавший, что следственный материал не должен оглашаться до суда и что при производстве следствия обвинение, построенное на материалах дознания, может и не подтвердиться. Однако Каринский все же настоял на своем и передал постановление в отношении В.И. Ленина в печать, предварительно отредактировав его совместно со своим заместителем Пенским.

После Октябрьской революции П.А. Александров на допросе сказал, что «материалы дознания давали следователю данные о виновности руководителей партии большевиков в государственной измене и шпионаже, получении от Германии будто бы крупных денежных сумм, между прочим и на издание газеты «Правда». Следователь не может пройти мимо таких показаний, не зафиксировав их, не может и не имеет права обсуждать вопрос о их правдоподобности или неправдоподобности в момент дачи свидетелем показания».

Главным свидетелем обвинения считался некий прапорщик 16-го сибирского стрелкового полка Д.С. Ермоленко, находившийся в плену и переброшенный немцами 25 апреля 1917 года в тыл 4-й армии, где он и был задержан. По его словам, он был завербован немцами и переброшен в Россию для проведения агитации с целью добиться: 1) смены Временного правительства и в особенности ухода министров Милюкова и Гучкова; 2) отделения от России Украины; 3) наискорейшего заключения мира России с Германией.

Вот этот-то Ермоленко и дал основные показания о передаче немцами денег большевикам и лично В.И. Ленину. Ермоленко допрашивался под присягой неоднократно и всегда в присутствии прокурора.

Обвинительный материал в отношении большевиков пополнялся также за счет показаний Алексинского, Мартова, начальника контрразведки штаба Медведева, бывших директора де-

партамента полиции Белецкого и главнокомандующего русской армией Алексеева и некоторых других лиц, враждебно настроенных к большевикам. Однако вскоре выяснилось, что их показания не подтверждаются другими объективными доказательствами. «Взвешивая и анализируя добытые мною и моими товарищами данные, — говорил позднее П.А. Александров, — я начал приходить все больше к выводу, что вообще следствие не подтверждает указаний актов дознания, что, следовательно, указания эти ложны и что поэтому виновность лиц, привлеченных по делу, не установлена. Особенно некоторые части обвинения, выдвинутые дознанием, нам удалось определенно и категорично опровергнуть следствием».

В частности, было доказано (проводилась бухгалтерская экспертиза), что иностранный капитал не участвовал в издании газеты «Правда».

Однако из Министерства юстиции (там уже занимал пост генерал-прокурора А.С. Зарудный) продолжали усиленно «давить» на следователей, требуя скорейшего ареста В.И. Ленина, который, конечно, был «центральной и крупной фигурой следствия». П.А. Александров, по его словам, считал, что результаты следствия не дают оснований для признания ареста вождя большевиков необходимым, и поэтому он отказался сделать такое распоряжение. Тогда А.Ф. Керенский лично дал указание о допросе В.И. Ленина. После этого Александров вынужден был выдать полиции предписание о приводе В.И. Ленина для допроса, твердо решив не арестовывать его, о чем поставил в известность и прокурора судебной палаты. Однако постановление следователя выполнено не было.

А.С. Зарудный в качестве генерал-прокурора постоянно интересовался ходом расследования. Подробный и обстоятельный доклад был сделан ему Александровым сразу же после его назначения. Зарудный оставил у себя материалы на 5—6 дней, после чего вернул их, так и не дав указаний, в каком же направлении вести дальнейшую работу.

П.А. Александров вспоминал, что у него произошло лишь одно серьезное столкновение по этому делу с А.С. Зарудным. Вопрос касался Л.Б. Каменева. Во время следствия из контрразведки поступил дополнительный материал о виновности Каменева в государственной измене (он был к этому времени уже арестован). А.С. Зарудный дал указание привлечь его в качестве обвиняемого. Однако Александров придерживался иного мнения. Он полагал, что бессмысленно привлекать человека в качестве обвиняемого по делу, которое должно быть прекращено (в этом он был уже твердо убежден). Об этом он пря-

мо сказал Зарудному. Тот заявил, что «надо быть последовательным, и если привлечены Троцкий и другие, то должен быть привлечен и Каменев». Следователь возразил, сказав, что «лучше быть непоследовательным в правде, чем последовательным в неправде». А.С. Зарудный не стал настаивать, а просто передал решение этого вопроса следователю Сергеевскому. Однако и тот не предъявил ему обвинения. 4 августа Л.Б. Каменев был освобожден.

В августе 1917 года для многих членов комиссии стало ясно, что дело не имеет никакой судебной перспективы, но А.С. Зарудный все еще не соглашался на его прекращение. Тогда П.А. Александров начал изменять меру пресечения обвиняемым (к тому же на комиссию оказывалось давление и со стороны Советов). Так, 5 августа 1917 года он вынес постановление об освобождении А.В. Луначарского под залог в 5 тысяч рублей, а через день, идя навстречу залогодателю Ф.И. Дракбиной, снизил сумму залога до 3 тысяч рублей. При освобождении Коллонтай следователь Александров также проявил гуманность и посоветовал хлопотавшей за нее Шадурской (у нее не хватало денег) купить ренту, курс которой был тогда на 30 процентов ниже номинала, и принял эту ренту по номиналу, снизив этим сумму залога.

В последующем были освобождены Троцкий, Раскольников и некоторые другие большевики. Генерал-прокурор не протестовал против такого решения.

Вскоре после этого П.А. Александров вынужден был оставить работу в комиссии — его направили в Пятигорск, поручив заняться делом о попытке освобождения царя. Это произошло незадолго до Октябрьской революции. 17 октября 1917 года Александров допросил своего последнего свидетеля — Алексеева.

Дело в отношении большевиков (оно составляет 20 томов) так и осталось незавершенным.

Некоторые современники (например, С.В. Завадский) считали, что при А.С. Зарудном «слишком вяло» расследовали дело о восстании и что министра «уносило на льдине сильным течением к морю большевительства».

Участие в расследовании дела сыграло трагическую роль в судьбе талантливого следователя. Хотя после Октябрьской революции П.А. Александров не эмигрировал, как многие из его сослуживцев, и принял Советскую власть, так как считал, что «интеллигенция не должна отрываться от своей земли, не должна становиться во враждебном отношении к новой власти», участия в преследовании большевиков ему не забыли. 21 октяб-

ря 1918 года П.А. Александров был арестован органами ЧК при Петроградском Совете, несмотря на то, что к этому времени он работал (был управляющим контрольным отделом Комитета по топливу) и лояльность его к Советской власти не вызывала сомнений. Бывшего следователя направили в Москву, в распоряжение ВЧК, и 15 апреля 1919 года он был этапирован в концлагерь до окончания гражданской войны. В заключении П.А. Александров пробыл почти два года, добросовестным трудом добившись досрочного освобождения. Его перевели работать в Главное управление принудительных работ, где он оставался еще два года. После этого он работал в различных советских организациях Уфы и Москвы.

П.А. Александров был арестован вторично 18 января 1939 года даже без возбуждения в отношении него уголовного дела, а также в нарушение постановления Президиума ЦИК СССР от 2 ноября 1927 года «Об амнистии в ознаменование 10-летия Октябрьской революции». Ходатайство органов госбезопасности о том, чтобы не применять в отношении Александрова амнистию, было утверждено Прокуратурой Союза ССР только 22 мая 1939 года, а решение об этом Президиума Верховного Совета СССР последовало лишь 11 ноября 1939 года. П.А. Александрову было перед арестом уже 72 года, но он все еще работал юрисконсультом в конторе снабжения «Главсахар». По иронии судьбы он проживал в это время напротив здания Прокуратуры Союза ССР на Б. Дмитровке, в доме № 20. Следствие продолжалось довольно долго и предвзято. Дело П.А. Александрова было заслушано 16 июля 1940 года на закрытом заседании Военной коллегии Верховного суда СССР. Он был признан виновным в том, что «искусственно создал провокационное дело по обвинению В.И. Ленина и других руководителей партии большевиков о так называемом шпионаже в пользу Германии и государственной измене в связи с июльскими событиями 1917 года в гор. Петрограде», и осужден по ст. 58-13 УК РСФСР к высшей мере наказания — расстрелу (данных о дате исполнения приговора в деле нет).

В ноябре 1993 года Павел Александрович Александров, по заявлению члена Союза писателей Ю.В. Юдашкина, был полностью реабилитирован.

В середине августа 1917 года Временное правительство вновь оказалось в глубочайшем кризисе. Бывший обер-прокурор Святейшего синода В.Н. Львов, вышедший из правительства еще 21 июля, заявил, что он «видит спасение в сильной власти с Керенским во главе, с условием, что он привлечет в правительство лиц по своему выбору, хотя бы вопреки жела-

нию партий и организаций». А.Ф. Керенскому эта идея явно понравилась, но он хотел бы узнать, какие политические силы готовы его поддержать. Важно было выяснить и мнение главнокомандующего русскими армиями генерала Л.Г. Корнилова, который, как было известно, вынашивал планы установления в России новой формы правления. В.Н. Львов вызвался стать посредником между Керенским и Корниловым. С этой целью он посетил Ставку. Однако его миссия не удалась. Корнилов предложил преобразовать правительство следующим образом: председатель он сам, министр юстиции — А.Ф. Керенский, военный министр — Б.В. Савинков. Все министры должны выйти в отставку. При этом Корнилов предупредил, что, по его сведениям, вот-вот начнется восстание, организованное большевиками, и что Керенский может найти спасение только в Ставке.

Вечером 26 августа 1917 года на заседании Временного правительства А.Ф. Керенский квалифицировал действия Л.Г. Корнилова как мятеж и потребовал предоставления ему чрезвычайных полномочий. Министры подали в отставку. Разразился правительственный кризис.

Вот как рассказывал об этом событии сам А.С. Зарудный: «А.Ф. Керенский заявил, что он считает возможным бороться с поднятым Корниловым мятежом лишь при условии предоставления Временным правительством ему единолично всей полноты власти, необходимой для борьбы с контрреволюцией, и что с целью передачи ему всей необходимой власти Временное правительство должно быть несколько преобразовано. Выслушав это заявление А.Ф. Керенского, все присутствовавшие в заседании министры, кроме меня, объявили, что, признавая необходимым передать председателю всю полноту власти и соответственно с этим преобразовать правительство, они слагают с себя обязанности министров и подают в отставку. Прощения об отставке были тут же написаны министрами и переданы министру-председателю. Со своей стороны, я первоначально заявил, что, признавая необходимым предоставления А.Ф. Керенскому чрезвычайных полномочий для борьбы с контрреволюцией, я в то же время не вижу никакой надобности подавать в отставку, которая совершенно не вытекает из факта поднятия Корниловым мятежа, но в конце заседания, при самом его закрытии, заявил, что ввиду подачи в отставку всеми министрами я, хотя остаюсь при прежнем мнении, но, подчиняясь решению всех товарищей, присоединяюсь к означенному их решению и сам подаю в отставку. А.Ф. Керенский, сколько помню, не объявил министрам, что он принимает их отставки, но так как подан-

ные ему письменные о том заявления были им приняты и по окончании заседания унесены с собой, то я при этом вывел, что отставки наши приняты».

В тот же день, 26 августа, В.Н. Львов был арестован как пособник мятежника. 27 августа А.Ф. Керенский направил в Ставку телеграмму об отстранении Л.Г. Корнилова от должности главнокомандующего. В ответ на это Корнилов двинул свои войска на Петроград. В этой критической ситуации А.С. Зарудный предлагал Керенскому войти в переговоры с Корниловым, называя возможным посредником В.А. Маклакова, однако министр-председатель на это не пошел. Над Петроградом нависла серьезная угроза. 30 августа 1917 года корниловские войска, во многом благодаря активным действиям вооруженных рабочих и солдат, руководимых большевиками, были остановлены, а сам Л.Г. Корнилов арестован. Для расследования корниловского мятежа была организована Чрезвычайная комиссия.

После подавления корниловского мятежа 1 сентября 1917 года А.С. Зарудный в качестве министра юстиции поставил свою подпись под очень важным документом — вместе с А.Ф. Керенским он подписал манифест Временного правительства о провозглашении России республикой и о создании Директории (из пяти лиц из состава правительства во главе с министром-председателем), которой и была передана вся полнота власти «для восстановления потрясенного государственного порядка».

Временное управление Министерством юстиции было возложено на А.А. Демьянова. Эти обязанности он выполнял вплоть до 25 сентября 1917 года, когда было сформировано последнее правительство Керенского.

А.С. Зарудный после отставки продолжал активную политическую деятельность вплоть до Октябрьской революции. Так, 14 сентября 1917 года он в числе некоторых других бывших министров-социалистов выступил на Демократическом совещании, где подробно поведал о бездеятельности Временного правительства в критических ситуациях и призвал социалистов к коалиции с буржуазией. Он говорил о том, что необходим немедленный созыв Учредительного собрания, что диктатура пролетариата будет губительна для России. Зарудный сказал, что Временное правительство ни на что не опирается и не на что ему опереться. Оно бесконтрольно толчется в Зимнем и ничего не делает для страны. Отсутствие контроля и ответственности особенно видно на внешней политике.

А.С. Зарудный напомнил об опасности «личной диктатуры». Он сказал: «Но, конечно, для того, чтобы коалиционное прави-

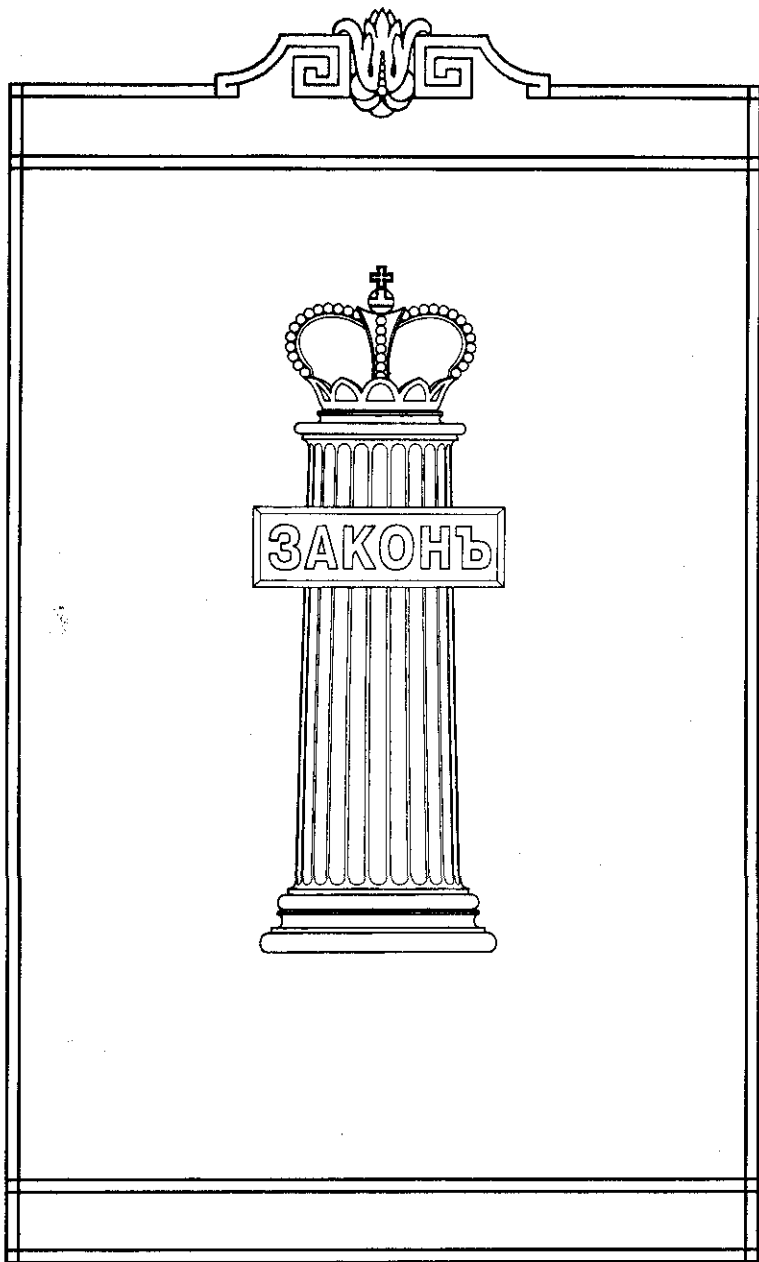
тельство могло действовать с полным авторитетом, оно должно опираться на известный орган народного представительства. Такой орган, несомненно, должен быть. Ибо с каким уважением ни относиться к отдельным лицам, — я лично являюсь величайшим поклонником нынешнего главы нашего правительства, — но тем не менее, будучи величайшим его почитателем, я в то же время скажу, что не хотел бы одному ему доверить управление *Россией*». И далее: «В результате кризиса правительства настал такой момент, когда вся власть оказалась в руках одного человека. Кем она была ему поручена? — Несколькими министрами-социалистами! Когда разыгралась корниловская история и когда нам министр-председатель во Временном правительстве об этом сообщил, он сделал вывод о том, что он должен быть уполномочен на все чрезвычайные меры для подавления ожидаемых беспорядков, с другой стороны, намекнул на то, что данное правительство подлежит до известной степени реорганизации. И стоило ему на это только намекнуть, как все министры взяли листы бумаги и написали свои прошения об отставке...»

При Советской власти А.С. Зарудный отошел от партии социалистов. Он преподавал в высших учебных заведениях, а также продолжал выступать в судах по уголовным делам. Б.С. Утевский писал о нем: «После Октябрьской революции он был одним из тех немногих адвокатов его поколения, которые выступили против саботажа Советской власти и продолжали работу в судах в качестве защитников». В 1933 году по ходатайству Общества политкаторжан А.С. Зарудному была назначена персональная пенсия.

Умер А.С. Зарудный в 1934 году.

Павел Николаевич
МАЛЯНТОВИЧ
1869—1940

ЗАКОНЪ

«ОТЧЕТЛИВО СОЗНАВАЛ БЕЗНАДЕЖНОСТЬ БОРЬБЫ»

Павел Николаевич Малянтович родился в 1869 году в городе Витебске, в семье «личного дворянина», чиновника невысокого ранга. Его отец служил в частных и государственных организациях и одно время был ревизором городских сборов при Петербургском городском управлении. Юноша рано начал помогать семье — в 14 лет он уже давал уроки. В восемнадцатилетнем возрасте Павел Малянтович поступил на юридический факультет Московского университета. Однако юношу увлекала не только учеба. Он проникся идеями народничества и сблизился с лицами, вступившими в борьбу с правительством путем распространения нелегальной литературы.

В конце 1889 года он попал под подозрение и ему даже предъявлялось обвинение по делу «О преступном сообществе, имевшем целью революционную пропаганду и злоумышление против государя», возбужденному Смоленским губернским жандармским управлением. Это дознание закончилось тем, что по высочайшему повелению от 5 июня 1890 года Павел Малянтович был подвергнут трехмесячному тюремному заключению.

Спустя год Московский генерал-губернатор представил в университет «неблагоприятные в политическом отношении сведения» о Малянтовиче, вследствие чего он был исключен из этого учебного заведения. Одновременно полиция запретила ему проживание в столице. Дослушивать курс Малянтовичу пришлось в Юрьевском (Дерптском) университете. В 1893 году он все же получил диплом о высшем юридическом образовании.

13 ноября того же года П.Н. Малянтович вступил в сословие присяжных поверенных округа Московской судебной палаты. Первые пять лет он был помощником адвоката, а затем, с 1898 года, стал полноправным присяжным поверенным. Активной профессиональной деятельностью он занимался до сентября 1917 года, когда ему суждено было стать последним министром юстиции и генерал-прокурором России.

С юности связанный с революционным движением, П.Н. Малянтович и в дальнейшем оказывал значительные услуги партии социал-демократов (преимущественно большевикам, хотя посещал и собрания меньшевиков), а также партиям социал-революционеров и кадетов. Однако сам он ни в какую партию не вступал.

В 1904—1905 годах П.Н. Малянтович работал в лекторской и литературной группе партии социал-демократов и был в тесных сношениях с Н.А. Рожковым, И.И. Скворцовым-Степановым, Д.И. Курским, М.Н. Покровским и другими лидерами партии.

В марте 1905 года Малянтович принял участие во Всероссийском съезде присяжных поверенных, проходившем в Петербурге вопреки запрещению правительства. На съезде было принято решение организовать «Союз русской адвокатуры» с целью пропаганды (путем издания брошюр, чтения лекций и т.п.) идей политической свободы.

Павел Николаевич Малянтович довольно быстро выдвинулся в число лучших присяжных поверенных Москвы. Он выступал в качестве защитника преимущественно по политическим делам. За свою долгую адвокатскую деятельность он участвовал в сотнях процессах: политических, уголовных, гражданских. Во многих из них он добивался оправдания подсудимых либо смягчения им наказания. П.Н. Малянтович защищал крестьян в Харьковской и Полтавской губерниях, обвиненных в организации беспорядков, рабочих Гусь-Хрустального Владимирской губернии, фабрики Морозова, Сормовского, Брянского, Коломенского заводов, а также рабочих Костромской губернии и Области войска Донского. Его страстные речи звучали на процессах революционеров: в деле Первого Совета рабочих депутатов в Петербурге, делах Носаря-Хрусталева, Троцкого и других. Он защищал большевиков по делам о восстании на крейсере «Азов», в «Неплюевском деле» в Севастополе, в деле о вооруженном восстании в Москве; армян, обвиняемых в восстании (процессы в Эривани, Карсе и др.); различных политических деятелей в процессах о печати (в частности, выступал по делу газеты партии социал-демократов «Борьба», по делу о распространении социал-демократических изданий в Калуге и т.д.).

Вот что рассказывала о Павле Николаевиче Е.П. Пешкова: «Я познакомилась с П.Н. Малянтовичем осенью 1902 года, когда мы жили в Нижнем и Алексей Максимович Горький организовывал защиту сормовичей, арестованных весной 1902 года, в числе которых был П.А. Заломов, будущий прототип Павла Власова в повести М.Горького «Мать».

В то время П.Н. Малянтович был членом группы политических защитников, и к нему и к Н.К. Муравьеву, как двум виднейшим адвокатам этой группы, Алексей Максимович обратился с просьбой об организации защиты сормовичей, которая была ими блестяще проведена, и осужденные получили ссылку вместо каторги, которой мы опасались».

Современники высоко ценили профессиональную деятельность Павла Николаевича. Московский адвокат С.И. Барский вспоминал: «П.Н. Малянтович был широко известен как один из крупнейших политических защитников дореволюционной России. Демократическое направление всех мыслей, действий и стремлений Павла Николаевича никаких сомнений не вызывало и выражалось, в частности, в его смелых защитах политических обвиняемых перед царским судом.

В доме П.Н. Малянтовича я часто бывал, встречал там много его близких друзей (главным образом, по общественной деятельности в 1905 году), в том числе Скворцова-Степанова И.И. (бывшего после Октябрьской революции редактором «Известий»), знал о его дружеских отношениях с А.М. Горьким и Л.Б. Красиным, бывшими у него даже и до и после Октябрьской революции».

П.Н. Малянтович блестяще выступал и по обычным уголовным делам, неизменно добиваясь хороших результатов для своих подзащитных. Он был большой специалист и по гражданским делам. Так, в 1906 году он отсудил в пользу партии большевиков 100 тысяч рублей из наследства миллионера С.Т. Морозова.

П.Н. Малянтович постоянно публиковал статьи и заметки по вопросам права в газетах «Московский вестник», «Курьер», «Русские ведомости», «Право», «Новая жизнь», «Борьба», «Правда» и других.

П.Н. Малянтович занимался активной общественной деятельностью. Он состоял членом Московского Совета присяжных поверенных, а также различных московских обществ: юридического, технического, вспомоществования несовершеннолетним, освобожденным из мест заключения, и Петербургского военно-экономического общества.

В конце 1914 года Малянтович проживал на Пречистенке, в доме № 13. С начала самостоятельной адвокатской деятельности у него постоянно стажировались помощники. Всего их было около десяти. Один из последних — Андрей Януарьевич Вышинский.

Присяжным поверенным был и младший брат П.Н. Малянтовича, Владимир Николаевич, вступивший в это сословие незадолго до первой мировой войны. После Февральской револю-

ции он служил товарищем прокурора Московского окружного суда, а затем — товарищем министра почт и телеграфов.

После отставки А.С. Зарудного министр-председатель Временного правительства А.Ф. Керенский усиленно подыскивал подходящего кандидата на пост министра юстиции и генерал-прокурора. При этом он не хотел отходить от своего основного принципа — назначать на ответственные должности только лиц, громко заявивших о себе на общественном поприще и принадлежавших к какой-либо ведущей политической партии.

В кулуарах Министерства юстиции все чаще и чаще называлось имя московского адвоката П.Н. Малянтовича, который подходил для должности министра по всем параметрам: он был достаточно умен, деятелен и очень популярен в общественных кругах. Правда, не принадлежал ни к какой партии.

И все же некоторые ведущие сотрудники Министерства юстиции довольно скептически относились к идее Керенского назначить Малянтовича министром. Более того, временно исполнявший обязанности управляющего министерством А.А. Демьянов пытался даже осторожно, через своего приятеля А.Я. Гальперина, бывшего тогда управляющим делами Совета министров, повлиять на министра-председателя и уговорить его воздержаться от назначения Малянтовича.

Однако А.Ф. Керенский своего намерения не изменил и вскоре через Терещенко сделал официальное предложение П.Н. Малянтовичу. Сам Малянтович так рассказывал об этом: «В сентябре 1917 года я был приглашен войти в состав Временного правительства. Я был вызван в Петроград министром финансов Временного правительства Терещенко. Он передал мне это приглашение и сказал, что делает его по прямому указанию Керенского. Последнего я знал до революции 1917 года как присяжного поверенного, с которым часто встречался на политических процессах царского времени как защитник. Передав мне приглашение вступить в состав Временного правительства и занять должность министра юстиции, Терещенко спросил меня, к какой партии я принадлежу. Я ответил, что не состою ни в какой партии, но по взглядам своим меньшевик. Тогда мне Терещенко предложил оформить мое вступление в меньшевистскую организацию, что мной и было сделано при содействии министра внутренних дел Временного правительства Никитина».

П.Н. Малянтович был назначен членом Временного правительства, министром юстиции и генерал-прокурором 25 сентября 1917 года и пробыл на этом посту ровно месяц, до Октябрьского переворота.

А.Ф. Керенский поставил ему лишь одно условие — оставить на местах всех своих товарищей (то есть заместителей). При этом он упрочил положение товарища министра А.А. Демьянова, назначив его одновременно и председателем Малого Совета министров.

П.Н. Малянтович знал о негативном отношении к нему некоторых товарищей министра, в частности А.А. Демьянова. Поэтому на первом же совещании он заверил своих заместителей, что ничего не будет предпринимать по министерству, не посоветовавшись с ними. Однако разногласия, и довольно серьезные, начались с первого же дня, когда обсуждалась дальнейшая перспектива дела о вооруженном восстании. Малянтович сказал, что так как «большевизм есть политическое учение, то как таковое не подлежит, как и всякое другое учение, какому бы то ни было преследованию со стороны власти». Поэтому он предложил прекратить дело.

Его заместители Демьянов и Вальц стали категорически протестовать против такой постановки вопроса, заявив, что большевиков преследуют не за идеи и учения, а за «результат их действий, направленных к свержению существующего политического строя в России», а поэтому расследование дела должно идти своим чередом.

После совещания П.Н. Малянтович дал указание прокуратуре выпустить некоторых большевиков на свободу (были освобождены Ф.Ф. Раскольников и С.Г. Рошаль). Узнав об этом, все заместители министра заявили, что они подают в отставку.

Разногласия между министром и его заместителями проникли в печать. О них стало известно и в правительстве, причем Малянтовичу недвусмысленно намекнули, что в деле большевиков они считают правыми его товарищей.

Работа в министерстве давалась П.Н. Малянтовичу с трудом. Он, по выражению Демьянова, «сразу пришелся не ко двору», а поэтому и не пользовался популярностью в Совете министров. У него не было опыта аппаратной работы, что подмечали многие.

В октябре 1917 года Временное правительство усиленно готовилось к созыву учредительного собрания. К этому времени было уже известно, что большевики готовят вооруженное восстание для захвата власти в свои руки. «По этому поводу Керенский сделал доклад во Временном правительстве и внес предложение предотвратить вооруженное восстание путем ареста Ленина, а также и других видных руководителей партии большевиков, — рассказывал позднее П.Н. Малянтович. — По словам Керенского, к такому решению пришли меньшевики, эсеры и трудовики на своих совещаниях. Из участников совеща-

ния меньшевиков он назвал Никитина, Либера, Дана, Церетели, Чхеидзе, из эсеров Гаца, Чернова и Авксентьева...

Для выполнения этого решения Керенский предложил мне подготовить приказ об аресте Ленина».

Выполняя это указание, П.Н. Малянтович разослал органам власти и прокурорам на местах телеграмму следующего содержания: «Постановлением Петроградской следственной власти Ульянов-Ленин В.И. подлежит аресту в качестве обвиняемого по делу о вооруженном выступлении третьего, пятого июля в Петрограде, ввиду сего поручаю Вам распорядиться о немедленном исполнении этого постановления, в случае появления названного лица в пределах вверенного Вам округа. О последующем донести. Министр юстиции П.Н. Малянтович».

Как известно, В.И. Ленин был надежно укрыт на конспиративной квартире в Петрограде и накануне переворота загримированный и переодетый свободно прошел в штаб вооруженно-восстания — Смольный институт.

25 октября (7 ноября по новому стилю) министр юстиции и генерал-прокурор П.Н. Малянтович вместе с другими членами правительства находился в Зимнем дворце.

П.Н. Малянтович оставил подробные воспоминания об Октябрьском перевороте, которые были опубликованы в журнале «Былое» (№ 12 за 1918 год).

Вот как описывает П.Н. Малянтович последние часы перед захватом Зимнего дворца: «... В огромной мышеловке бродили, изредка сходясь все вместе или отдельными группами на короткие беседы, обреченные люди, одинокие, всеми оставленные... Вокруг нас была пустота, внутри нас пустота, и в ней вырастала бездумная решимость равнодушного безразличия...»

Комиссар Временного правительства, публицист В.Б. Станкевич, вспоминая последние часы перед переворотом, писал: «Вообще в правительстве было желание проявить упорство и мужество. Кишкин и Коновалов памятны своим подъемом и непрерывным благородным жестом. Но более характерен для обстановки и исторического момента был Малянтович. Он ничего не говорил, а только слушал. Его глаза скорбно сияли. И было чрезвычайно ясно, что он прекрасно понимает все причины событий, ясно видит последствия, но отчетливо сознает безнадежность борьбы и страдает от неспособности не только сделать, но и вообще делать что-нибудь для предотвращения опасности...»

Все находившиеся в Зимнем дворце члены Временного правительства были арестованы.

27 октября 1917 года на основании предписания исполнительного комитета Петроградского Совета рабочих и солдатских

депутатов комиссар Петропавловской крепости подпоручик Тарасов-Родонов дал приказ начальнику Трубецкого бастиона об освобождении из-под стражи нескольких министров-социалистов, в том числе и П.Н. Малянтовича. Имеются сведения, что это было сделано по указанию (или во всяком случае, с ведома) В.И. Ленина.

Встретившийся с П.Н. Малянтовичем вскоре после его выхода из крепости А.А. Демьянов заметил в нем разительную перемену. Он писал, что Малянтович тогда «производил впечатление развалины, но не с точки зрения физической, а в моральном отношении. Казалось, Малянтович уже ни во что не верил, на все глядел с мрачностью и недоверием, хуже всего было то, что свое пессимистическое настроение он применял там, где говорилось о необходимости действовать. Он как бы гасил тот огонь, который горел еще в умах и сердцах желавших бороться. Этим он в тот момент принес много вреда».

Вскоре после освобождения из Петропавловской крепости П.Н. Малянтович вышел из партии меньшевиков и вернулся в Москву, где почти 25 лет назад начинал свою блестящую адвокатскую деятельность. И теперь, когда ему уже почти пятьдесят лет, приходилось все начинать сначала. Было отчего прийти в отчаяние. В Москве он встретился со своими бывшими товарищами, в частности адвокатом Н.К. Муравьевым. Вместе обсуждали, как жить дальше, поругивали большевиков. К этому времени у П.Н. Малянтовича было уже четверо детей, правда, старший сын, Николай, уже определился с выбором своего пути — вскоре он эмигрирует. Владимир и Георгий оставались с отцом. Самой младшей в семье была дочь, Галли, ей едва исполнилось девять лет.

В начале августа 1918 года П.Н. Малянтович выехал в Пятигорск, где проходила курс лечения его жена, Анжелика Павловна. Здесь его застал переворот, произведенный Добровольческой армией. В октябре того же года он перебрался с семьей в Екатеринодар (Краснодар), где проживал до сентября 1921 года. При белогвардейцах Малянтович занимался исключительно юридической (консультационной) практикой — был товарищем юрисконсульта Общегородской больничной кассы. После освобождения Екатеринодара (март 1920 года) он поступил на службу в Кубанско-Черноморский областной отдел народного образования и выполнял обязанности секретаря комиссии по разбору дел несовершеннолетних. В качестве инструктора секции правовой защиты детей он принимал участие в организации аналогичных комиссий по делам несовершеннолетних на местах. Затем постоянно инструктировал их, организовал так называемый институт «обследователей», составлял нужные инструк-

ции, проекты решений комиссии, вел протоколы заседаний и т.п. Некоторое время по совместительству он был консультантом в областном отделе юстиции.

Работавший в те годы в Краснодаре в отделе народного образования и в Государственном театре для детей известный поэт С.Я. Маршак вспоминал, что Малянтович был «очень увлечен своим делом, работал горячо и много, и люди, окружавшие его, отзывались о нем и о его работе в высшей степени положительно». По его мнению, Малянтович «производил впечатление человека серьезного, мыслящего, стоявшего на платформе Советской власти совершенно искренно, с подлинным желанием работать и быть полезным народу».

21 сентября 1921 года нарком просвещения А.В. Луначарский и нарком юстиции Д.И. Курский, хорошо знавшие П.Н. Малянтовича, вызвали его на работу в Москву.

В 1921—1922 годах П.Н. Малянтович работал юристом в Главлескоме Высшего Совета народного хозяйства и в юридическом отделе Президиума ВСНХ. С октября 1923 по февраль 1924 года он был главным юрисконсультom Акционерного общества «Транспорт». В этот период были предприняты попытки привлечь его к ответственности за телеграмму об аресте В.И. Ленина. Малянтовича даже задержали, но вскоре освободили.

Он принимал самое деятельное участие в организации советской адвокатуры, а затем сам многие годы занимался адвокатской практикой. Причем он всегда пользовался полным доверием. Об этом свидетельствует тот факт, что он имел допуск к так называемым «спецделам».

Новая волна гонений на старую, дореволюционную интеллигенцию началась летом 1930 года. Посыпались доносы и на «старорежимных» адвокатов. Президиум Московской коллегии защитников рассматривал заявления в отношении целой группы адвокатов, в том числе и на П.Н. Малянтовича. Он входил тогда в состав адвокатского коллектива Сокольнического района. Его очень ценили. Об этом свидетельствует довольно высокая зарплата — вначале 350, а затем 450 рублей в месяц. Никаких претензий к Павлу Николаевичу не было. Однако провокации продолжались. Так, 6 сентября, когда Малянтович вел прием Марии Ивановны Рудаковой (жены своего коллеги М.И. Рудакова, обвинявшегося по статьям 17 и 109 УК РСФСР), некий член бригады по «чистке» соваппарата Сокольнического района попытался обвинить его в получении «нелегальных» денег. Только после решительного отпора, данного этому «деятелю» Малянтовичем, а также при поддержке некоторых сотрудников консультации, оказавшихся рядом, тот по-

спешно ретировался. П.Н. Малянтович вынужден был официально сообщить об этом факте в комиссию по «чистке».

В конце сентября 1930 года П.Н. Малянтович все же предстал перед Сокольнической районной комиссией по «чистке» соваппарата, где большая часть времени была уделена не профессиональным качествам адвоката, а его прошлому и, в частности, общеизвестному факту о санкционировании ареста В.И. Ленина. С подачи комиссии Президиум районного Совета включил Малянтовича в список «классово чуждых элементов, не могущих проводить правильной классовой линии». Было принято решение направить его на «публичную чистку». Он с достоинством выдержал и это испытание.

Н.Я. Воробьев, долгое время друживший с сыном П.Н. Малянтовича, Георгием, вспоминал рассказ самого Павла Николаевича о «чистке» в коллегии защитников. Он говорил, что придирались ко всему, даже к тому, что в 1921 году вернулся в Москву. Объясняя комиссии причины своего возвращения, Малянтович сказал: «У меня было тогда три пути — я мог уехать за границу, я мог примкнуть к контрреволюционному движению на юге и, наконец, я мог остаться в Советском Союзе. Я не колеблясь выбрал последний путь. Мною руководило ясное сознание справедливости социалистической революции и желание отдать свой труд Родине».

Но и после этого П.Н. Малянтовича не оставили в покое. 13 декабря 1930 года он все же был арестован органами ОГПУ, а 10 мая 1931 года после почти пятимесячного заключения постановлением ОГПУ приговорен к десяти годам лишения свободы. Ему вменялась в вину принадлежность к центральному бюро меньшевистской организации (было установлено, что он два раза встречался с Н.Н. Сухановым). В связи с арестом он был исключен из коллегии адвокатов.

Только благодаря стараниям друзей, которые сразу же бросились ходатайствовать за опального адвоката, подключив к этому делу А.И. Рыкова, А.М. Лежаву, Н.И. Муралова, П.Г. Смидович, А.А. Сольца и других деятелей большевистской партии, высоко ценивших П.Н. Малянтовича, 28 мая 1931 года он был освобожден из тюрьмы. Правда, ему вначале было запрещено проживать в Москве, Ленинграде, в Северо-Кавказском крае, на Украине и во многих других местах страны в течение трех лет. И лишь 4 октября 1931 года дело было окончательно прекращено. 14 октября П.Н. Малянтович обратился с заявлением в Президиум Московской городской коллегии защитников о восстановлении в ее членах. Постановлением от 18 ноября 1931 года П.Н. Малянтович вновь был допущен к адвокатской деятельности.

В течение нескольких лет после освобождения из тюрьмы П.Н. Малянтович имел возможность более или менее спокойно заниматься любимым делом. Он часто выступал в судах, вел общественную работу. Его жена, Анжелика Павловна, была уже тяжело больна (она почти ослепла). Старший сын, Николай, проживал в Берлине; Владимир и Георгий проживали в Москве и так же, как и отец, были членами коллегии защитников. Дочь, Галли Павловна, работала юрисконсультom в Главспирте.

Наступил 1937 год. В сентябре, защищая в так называемом «спецделе» очередного «контрреволюционера», П.Н. Малянтович, как отмечено в документах, допустил в своей речи «выпад» (надо полагать, против власти), за что и был исключен из коллегии адвокатов. Теперь ему опять стали припоминать «старые грешки» (приказ об аресте В.И. Ленина, проживание в период гражданской войны на территории, занятой белогвардейцами, и т.п.).

11 октября 1937 года помощник начальника 13-го отделения 4-го отдела ГУГБ представил руководству справку о «контрреволюционной» деятельности П.Н. Малянтовича. В ней он отмечал, что Малянтович в кругу своих знакомых «высказывал свою враждебность к Советской власти и руководителям ВКП(б) и правительства». В разговоре о политических процессах в СССР он якобы заявил, что «уклонился от участия в них потому, что ему пришлось бы защищать не только своих подзащитных, но и свою идеологию, а в этом случае он не смог бы удержаться в рамках дозволенного». В справке П.Н. Малянтович был представлен как активный меньшевик, «вдохновитель» контрреволюционной деятельности своего сына Владимира. Высказывалось мнение о необходимости ареста П.Н. Малянтовича.

На этой справке имеется резолюция от 31 октября 1937 года: «Арестовать». 1 ноября 1937 года заместитель комиссара внутренних дел СССР подписал ордер за № А 720 об аресте П.Н. Малянтовича. В тот же день он был доставлен во Внутреннюю тюрьму. Начался последний, самый трагический период его жизни.

26 ноября 1937 года П.Н. Малянтовичу было предъявлено обвинение в том, что он, «будучи членом партии меньшевиков и непримиримым врагом пролетарской революции, в 1917 году вошел в состав Временного правительства, заняв пост министра юстиции и главного прокурора.

В качестве главного прокурора и министра юстиции подвергал преследованиям и репрессиям большевиков, издал приказ об аресте В.И. Ленина. Будучи освобожден советской вла-

стью вместе с другими министрами Временного правительства из тюрьмы, продолжал активную борьбу против Советской власти. После революции вместе с другими бывшими министрами Временного правительства составил контрреволюционное воззвание против взятия власти пролетариатом. Перейдя на нелегальное положение, бежал на территорию белых, где принимал активное участие в работе белогвардейских учреждений. Писал контрреволюционные мемуары против диктатуры пролетариата, которые после неудачи напечатания в 1918 году давал для прочтения в рукописных списках ряду лиц. Хранил эти мемуары до дня ареста. Вел активную борьбу против Советской власти до дня ареста, как член партии меньшевиков».

П.Н. Малянтович был привлечен к уголовной ответственности по статьям 58 пункту 11 и 19-58 пункту 8 УК РСФСР.

На одном из первых допросов (10 ноября 1937 года) П.Н. Малянтович признавался в том, что он являлся участником контрреволюционной организации. Однако впоследствии он стал твердо отвергать все возводимые на него обвинения. Он признавал только общеизвестный факт — направление телеграммы о розыске и аресте В.И. Ленина.

Судя по постановлению о продлении срока расследования, составленному 14 декабря 1938 года оперуполномоченным 2-го отделения 2-го отдела ГУГБ, П.Н. Малянтович в течение немногим более года после ареста допрашивался 35 (!) раз (а ведь после этого следствие продолжалось еще более года).

Можно только поражаться мужеству, с каким шестидесятивосьмилетний адвокат держался на следствии. Ведь уличающие его показания давали не только лица, с которыми он дружил и которых уважал, но его сын и брат.

Следователи так и не смогли добиться от П.Н. Малянтовича признательных показаний. Только этим можно объяснить то, что следствие продолжалось более двух лет (обвинительное заключение было составлено 9 января и утверждено прокурором 19 января 1940 года).

К этому времени были уже осуждены и расстреляны его сыновья — Владимир и Георгий, осужден брат — Владимир Николаевич, расстреляны его друзья А.М. Долматовский, А.С. Тагер, В.П. Денике, Н.Г. Вавин, А.М. Никитин и некоторые другие участники так называемого «контрреволюционного заговора», «идейным вдохновителем» которого считался П.Н. Малянтович.

Дело по обвинению П.Н. Малянтовича в преступлениях, предусмотренных статьями 19-58-8 и 58-11 УК РСФСР, слушалось Военной коллегией Верховного суда СССР в закрытом су-

дебном заседании 21 января 1940 года. Военная коллегия признала Малянтовича виновным в указанных преступлениях и приговорила его к высшей мере наказания — расстрелу с конфискацией всего принадлежащего ему имущества.

В деле имеется справка о том, что приговор о расстреле П.Н. Малянтовича приведен в исполнение в г. Москве 22 января 1940 года.

Обеспокоенная длительным расследованием дела и отсутствием каких-либо достоверных сведений о судьбе мужа, жена П.Н. Малянтовича, Анжелика Павловна, обратилась 29 января 1940 года в приемную НКВД СССР. Там ей сообщили, что дело передано в Военную коллегия Верховного суда СССР и в тот же день рассмотрено. В Военной коллегии подтвердили факт поступления дела, но о приговоре ничего не сообщили. 5 февраля А.П. Малянтович обратилась с заявлением в Военную коллегия, в котором просила разрешить ей свидание с мужем и допустить к рассмотрению его дела защитника. Ей предложили прийти за ответом 13 марта. Когда же она высказала тревогу по поводу столь длительного срока для ответа, ей сказали, что «дело за этот период времени не может быть рассмотрено». Неудовлетворенная таким ответом, Анжелика Павловна попросила своего адвоката выяснить судьбу дела. Тот смог добиться приема у председателя Военной коллегии Ульриха, который заверил, что он лично ознакомится с делом Малянтовича. 16 февраля он сказал адвокату, что не может допустить защитника к этому делу. И опять о приговоре не сказано ни слова.

Тогда 7 марта 1940 года она вновь пришла в Военную коллегия и, просидев там с 7 часов утра до 6 часов вечера, добилась все-таки приема. Ей объявили, что П.Н. Малянтович осужден 21 января на 10 лет без права переписки в дальневосточные лагеря. Правда о расстреле скрывалась еще долго.

После этого старая, большая женщина в отчаянии обращается 15 марта 1940 года к Председателю Верховного суда СССР. В жалобе она перечисляет заслуги Павла Николаевича перед большевиками и перед Советской властью, пишет о надуманности и голословности предъявленного ему обвинения. Она пишет: «Приостановите выполнение судебной ошибки (наговора, клеветы, может, невыдержанных человеческих мучений)!

Спасите жизнь честного, талантливого, преданного человека, отдавшего всю свою жизнь на борьбу с судебными ошибками и несправедливостью!

Спасите старого политического защитника 71-го года, большого, безукоризненного патриота и гражданина своей родины».

Анжелика Павловна умерла в декабре 1953 года, так и не дождавшись реабилитации своего мужа.

Вскоре после смерти И.В. Сталина, когда стали вскрываться многочисленные факты произвола и беззакония, дочь П.Н. Малянтовича, Галли Павловна Шелковникова, обратилась в Главную военную прокуратуру с просьбой о пересмотре дела ее отца. 29 сентября 1955 года этим делом было предложено заняться военному прокурору 6-го отдела. Тот оперативно истребовал и изучил дело и уже 30 января 1956 года подготовил постановление, которое и было утверждено старшим помощником Главного военного прокурора.

В постановлении отмечалось, что «вмененные Малянтовичу обвинения в том, что он состоял в контрреволюционной организации, был одним из ее руководителей, занимался антисоветской деятельностью, в процессе проверки не нашло своего подтверждения и должно быть исключено из его обвинения. Но учитывая, что обвинение Малянтовича в издании распоряжения об аресте В.И. Ленина полностью доказано, вносить протест на предмет исключений этих пунктов обвинения из приговора нецелесообразно».

Делался следующий вывод: «Жалобу гражданки Малянтович Анжелики Павловны о реабилитации ее мужа Малянтовича Павла Николаевича оставить без удовлетворения».

Вскоре постепенно полностью реабилитируются все лица, избличавшие П.Н. Малянтовича в контрреволюционной деятельности: В.П. Денике, Н.Г.Вавин, его сыновья Георгий Павлович и Владимир Павлович и другие.

Галли Павловна продолжает настойчиво добиваться справедливого рассмотрения дела ее отца. Наконец дело П.Н. Малянтовича попадает в руки старшего помощника Главного военного прокурора полковника юстиции Отришко. 10 июля 1959 года он составляет по делу заключение в порядке статьи 378 УПК РСФСР для Военной коллегии Верховного суда СССР. 1 августа 1959 года заключение визирует Главный военный прокурор А. Горный, а 4 августа — утверждает Генеральный прокурор СССР Р.А. Руденко.

В заключении отмечено: «Дело по обвинению Малянтовича Павла Николаевича и материалы дополнительного расследования в порядке статьи 378 УПК РСФСР представить в Военную коллегия Верховного суда СССР с предложением прекратить дело производством: а) в части обвинения в принадлежности к антисоветской террористической организации — за отсутствием состава преступления;

б) в части обвинения в активной деятельности в составе Временного правительства — в силу акта амнистии».

Военная коллегия Верховного суда СССР в своем определении, вынесенном 29 августа 1959 года под председательством генерал-майора юстиции Борисоглебского, с этим предложением полностью согласилась.

Последняя точка в этом деле была поставлена лишь 13 мая 1992 года. Генеральная прокуратура Российской Федерации пересмотрела по заявлению внука бывшего российского генерал-прокурора П.Н. Малянтовича, Кирилла Георгиевича Малянтовича, дело его деда и признала, что на П.Н. Малянтовича полностью распространяется действие Закона РСФСР от 18 октября 1991 года «О реабилитации жертв политических репрессий».

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

ОСНОВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ), фонд Р-543, оп. 1, дело № 10. Следственное дело по обвинению бывшего министра юстиции И.Г. Щегловитова в контрреволюционной деятельности.

ГА РФ, фонд 1186, оп. 1. Делопроизводство сенатора Манухина С.С. по расследованию причин и обстоятельств забастовки на Ленских приисках.

ГА РФ, фонд 1467, оп. 1, дело № 68. Переписка об освобождении из-под стражи бывшего министра внутренних дел А.А. Макарова, привлеченного к дознанию в качестве обвиняемого по делу о политическом розыске.

ГА РФ, фонд 1467, оп. 1, дело № 438. Постановление следователя Чрезвычайной следственной комиссии В.В. Соколова о результатах расследования деятельности бывшего министра юстиции И.Г. Щегловитова.

ГА РФ, фонд 1467, оп. 1, дела № 503 и 504. Об управляющем Министерством юстиции Н.А. Добровольском, обвиняемом во взяточничестве.

Российский государственный архив древних актов (РГАДА), фонд 248, оп. 80 и 81. Дела канцелярии генерал-прокурора.

РГАДА, фонд 310, оп. 1. Следственная комиссия и комитет о хищении денег в артиллерийской конторе и главном критскомисариате.

РГАДА, фонд 316, оп. 1. Следственная комиссия об иркутском следователе Крылове.

Центральный исторический архив г. Москвы (ЦИА г. Москвы), фонд 131, оп. 7, дело № 17. Переписка о службе Акимова М.Г.: дело № 954. О службе Муравьева Н.В.: дело № 1724. О службе Щегловитова И.Г.

Наказ министра юстиции, генерал-прокурора чинам прокурорского надзора судебных палат и окружных судов. СПб., 1896.

Опись документов и дел, хранящихся в сенатском архиве. Дела канцелярии генерал-прокурора и министра юстиции. СПб., 1910, т. 1, 2; Пг., 1915, т. 3.

Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830, т. 27, 30; 2-е отделение, СПб., 1830—1862, т. 3, 14, 35.

Свод законов Российской империи. СПб., 1857, т. 1, 2, 15.

Судебные Уставы 20 ноября 1864 г. СПб., 1866.

Российское законодательство X—XX веков. М., 1986—1994, т. 4—9.

ЛИТЕРАТУРА

Архив Русской революции. М., 1991—1993, т. 1, 4, 6, 7, 8, 11, 12, 17, 18, 22.

Афанасьев Н.И. Современники. Альбом биографий. СПб., 1907—1909, т. 1, 2.

Бантыш-Каменский Д.Н. Словарь достопамятных людей русской земли. М., 1836.